РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ
EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 7—9.

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10301

О СТРАТЕГИИ И ТАКТИКЕ

В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Всякий разумный человек имеет стратегию. Спортсмен — одну, чиновник — другую, буддистский монах — третью. Это может быть общее видение, может быть детальный план, может быть — элемент внешнего имиджа. Стратегия может быть устремлена вперед на 5, 10, 20 лет, а может иметь и более краткосрочный фокус. И любое объединение людей, будь то фирма, территория или государство, наследует это свойство образующих его элементов — осознавать и декларировать некоторый образ своего будущего. Порою такая стратегия разделяется всеми или подавляющим большинством участников объединения, и тогда оно движется в желаемом направлении, устойчиво и неотвратимо, несмотря на внешние обстоятельства и ресурсные ограничения. Если это фирма — становится лидером рынка, если спортивная команда — чемпионом, если страна — лучшим местом для жизни… Но чаще суровая реальность предстает в виде набора, «пучка» разнонаправленных видений будущего отдельными участниками, и все это выливается в стратегическую дисфункцию. Стратегия вроде есть, но исключительно как декларация, неспособная ни объединить, ни мотивировать двигаться в одном направлении. И тогда мы можем наблюдать привычную картину, когда тактика (сегодняшние действия и устремления) не просто идет перпендикулярно стратегии, а прямо ей противоречит.

Стратегически мы (граждане России, включая ее государственный аппарат) — за социальное государство и рост благосостояния, но тактически МРОТ чуть больше 12 тыс. руб., а средняя пенсия — также немногим больше. Стратегически мы — за «регуляторную гильотину», а тактически — лицензирование, аккредитация, сертификация различных видов деятельности и учреждений отнимает время и силы значительного числа высококвалифицированных работников. Яркий пример бесполезной активности — аккредитация высших учебных заведений, когда в угоду устаревшему ритуалу приносится практически год работы целого вуза, и это вредит и качеству образования, и стратегическому развитию. И вместо обучения и воспитания преподаватели пишут и переписывают документацию, дабы соответствовать калейдоскопически меняющимся требованиям и нормативным актам разного уровня. Стратегически мы — за «Университет 2035» (один из флагманских проектов Национальной технологической инициативы), а тактически запрещаем использовать в учебном процессе смартфоны[1]. Стратегически мы — за активную промышленную политику, да и вообще кейнсианцы, а тактически над любыми целевыми бюджетными тратами висит дамоклов меч Счетной палаты, прокуратуры и других контролирующих и проверяющих органов, делающих государственные деньги токсичными. Стратегически мы — за развитие стройиндустрии (как-никак отрасль, обеспечивающая мультипликационный эффект, да и занятых много, и среди благополучателей — простые жители), а тактически — за отмену льготной ипотеки, потому что «цены выросли» (Мутко). Так они и должны расти, раз рынок развивается! Это не хлеб и не макароны с маслом, не жизненно важный продукт, и, если квартиры покупают на растущем рынке, значит, экономика работает, есть рабочие места, зарплата, работа для смежников. Все это азбука экономики, но почему-то для многих чиновников и министерств — квантовая физика. И таких примеров бесконечно много. В каждом случае для тактического решения есть благовидный предлог, и оно направлено исключительно во благо России, ее жителей, но одновременно оно и отдаляет нас от достижения стратегических целей, заставляя двигаться по кругу.

[1] https://ria.ru/20210210/smartfony-1596800097.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

Или вот еще живой пример: стратегически мы все за экологию, против смога, выбросов и т. п. Но тактически — попробуйте только поднять цену на бензин — это же предреволюционная ситуация, которая обсуждается и решается на уровне премьер-министра. Хотя логика простая: в крупных городах выбор в пользу личного транспорта перед общественным делается, поскольку ценность комфорта поездки в личном авто выше и ценности поездки в общественном транспорте, и ценности такси (поделенной на цену этих благ, добавили бы маржиналисты). Так почему бы не изменить это соотношение в пользу общественного транспорта? И сразу на дорогах стало бы намного свободнее, и общественный транспорт получил бы финансовую, рыночную основу своего существования, и смог бы ушел. Да и альтернативные виды транспорта смогли бы развиваться более активно. В моду вошли бы малолитражки, гибриды, электрокары… Из издержек — незначительный рост цены товаров. Если предположить транспортные издержки в 10 % от цены (а в них стоимость топлива — тоже 30—40 %, да и не всегда поставки осуществляются автомобильным транспортом, да и можно было повысить акцизы на бензин гораздо более существенно, чем на дизель; эксперты могут все пересчитать и уточнить), то даже двукратный рост цены на топливо повысил стоимость товаров на 3—4 %. Вкупе с ограничениями цен социально значимых товаров эта мера не оказала бы критически важного в экономическом плане влияния на потребителей и их расходы. Кроме того, за повышенную мобильность пришлось бы больше платить, но и необязательных поездок стало бы меньше. Как встарь — собираясь из деревни в город, планировали все заранее, куда и когда заехать, и успевали переделать множество дел. А сейчас, помимо интернет-торговли и других сервисов, упрощающих жизнь и позволяющих обходиться без множества поездок, есть возможность планировать маршруты, записываться онлайн на приемы и т. п. Пройдет несколько лет, и навигатор не только сможет подсказать, сколько времени займет поездка из точки А в точку Б и нарисовать оптимальную траекторию, но и составлять гораздо более сложные маршруты, с учетом посещения магазинов, салонов, присутственных мест и т. п. Однако тактика, ориентированная на то, чтобы не давать повода волнениям «народных масс», не позволяет кардинально изменить ситуацию и на дорогах, и в экологической сфере, задействуя именно рыночные, а не запретительные механизмы, которые работают, как показывает история, и медленно, и плохо.

В завершение приведем еще один пример в надежде, что в этой сфере ситуация изменится к лучшему. Стратегически России нужен эффективно работающий малый бизнес: это и рабочие места, и восприимчивые к инновациям фирмы, и «амортизатор» экономических циклов (именно такой бизнес быстро закрывается и отрывается в кризис и сразу после, обеспечивая своеобразный контур саморегулирования занятости). И в направлении его поддержки был сделан решительный шаг — объявлена «регуляторная гильотина», тотальная дерегуляция экономической деятельности, что правильно и полезно. Однако почти одновременно с отменой старых норм стали появляться новые (в частности, об ограничении видов деятельности в жилых домах), и этот процесс — постоянный. У системы госрегулирования, как у древнегреческой Гидры — на одну срезанную «гильотиной» «голову» вырастают две новые. И в результате желающих заниматься малым бизнесом не становится больше, и наиболее талантливые уходят в другие сферы. Происходит так называемый «неблагоприятный отбор» среди управленцев и работников в этой сфере. К этому можно добавить объективные трудности конкуренции малого бизнеса с крупным, который получает выгоды экономии от масштаба. И в результате таких тактических действий малый бизнес теряет даже теоретические шансы стать эффективным, а вся российская экономика — так нужный ей амортизатор.

Темой этого номера стала стратегия, как национальная, так и отраслевая, и стратегия предприятия. Помимо тех пяти статей, где стратегия является лейтмотивом, предметом анализа и конструирования, эта тема пронизывает и многие другие исследования, представленные в номере. Несмотря на различие методологических подходов и изучаемых предметов, эти статьи объединяет понимание важности стратегического видения, понимание стратегии как залога развития любой социально-экономической системы. Насколько убедительны наши авторы — судить читателю. Насколько действенны предлагаемые подходы — рассудит время. Остается пожелать авторам плодотворных дискуссий по итогам опубликованных работ и дальнейшего развития научного понимания в разработке и реализации эффективно работающих во благо России стратегий.

Сведения об авторах

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ecoba@csu.ru

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 7—9.

ON STRATEGY AND TACTICS

V. I. Barkhatov, D. A. Pletnev
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

ТЕМА НОМЕРА: СТРАТЕГИЯ
ISSUE TOPIC: STRATEGY

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 10—23.

УДК 338.45
ББК 65.305.47

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10302

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ «СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА»

В. В. Шпак

Институт микроприборов и систем управления им. Л. Н. Преснухина НИУ «МИЭТ», Москва, Россия

Объективное поступательное развитие экономики нашей страны было прервано. Осмысление сложившейся ситуации преломилось в задачу, поставленную президентом РФ перед всем нашим обществом и электроникой как базисом применения цифровых технологий во благо страны и каждого гражданина. Прорыв в следующий технологический уклад должна обеспечить отечественная электроника, как самодостаточная и конкурентоспособная отрасль, объединяющая в своей структуре все стадии человеческих знаний, начиная с фундаментальных исследований закономерностей природы и заканчивая созданием «цифрового раба», главным предназначением которого должно стать освобождение человека от рутины для всестороннего развития талантов каждого. Развитие производственно-технологического комплекса электронной и радиоэлектронной отрасли в большой степени связано с адекватностью «Организационной структуры» и «Генеральной схемы» отраслевого управления как целостной взаимосопряженной и взаимообусловленной сложной целенаправленной системы. Без формирования новой организационно-управленческой модели невозможно реализовать стратегию развития отрасли.

Ключевые слова: *организационная структура, электронная отрасль, генеральная схема управления, информационно-технологическая база, электронная компонентная база, опережающее развитие, самодостаточность экономики, стратегия.*

Становление электронной промышленности как отрасли

Организационное решение, формально давшее старт оформлению предприятий электроники, радиопромышленности и средств связи в отрасль, было принято в 1961 г., когда в СССР был образован Государственный комитет по электронной технике во главе с А. И. Шокиным[1]. В состав новой отрасли вошло несколько НИИ, КБ и опытных заводов, производящих радиоэлектронные приборы и электронные компоненты. В 1962 г. был создан комплексный кластер — Научный центр микроэлектроники в Зеленограде. В этом же году началось производство первых советских микросхем. При строительстве центра микроэлектроники в Зеленограде было предусмотрено создание в одном месте ряда НИИ с опытными производствами, работающими в кооперации и создающими последовательную цепочку для получения интегральных микросхем и аппаратуры на их основе. Также в центре была создана социальная инфраструктура для жизни сотрудников этих предприятий и инфраструктура, необходимая для подготовки кадров.

Кроме Зеленограда, программа создания новой отрасли промышленности — микроэлектроники была реализована и в других регионах огромной страны. В Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Воронеже, Риге, Вильнюсе, Новосибирске, Баку шло перепрофилирование предприятий и строительство новых НИИ с опытными заводами, серийных заводов с КБ для разработки и массового производства интегральных схем, специальных материалов, технологического и контрольно-измерительного оборудования.

В 1965 г. Государственный комитет по электронной технике был преобразован в Министерство электронной промышленности СССР. Список оте-

[1] Следует также не забывать других основоположников отечественной микроэлектроники: К. Валиева, Г. Стороса, А. Лукина и др.

чественных изделий микроэлектроники первых лет был весьма внушителен и состоял в основном из оригинальных разработок, не имеющих прямых зарубежных аналогов. В годы своего становления микроэлектроника СССР соответствовала мировому уровню, что напрямую было связано с эффективностью отраслевой управленческой модели тех лет. В условиях централизованной системы управления народным хозяйством страны орган управления отраслью решал следующие задачи: [1]

Обеспечение:

2.1 Всемерного развития электронной промышленности как составной части народного хозяйства страны.

2.2 Высоких темпов:

2.2.1 развития производства и

2.2.2 роста производительности труда на основе научно-технического прогресса в целях:

2.2.2.1 наиболее полного удовлетворения потребностей народного хозяйства, населения и обороны страны во всех видах продукции отрасли

2.3 **Выполнение** заданий государственного плана и обеспечение строгого соблюдения государственной дисциплины

2.4 Обеспечение при минимальных затратах общественного труда **производства высококачественной продукции**, в том числе:

2.4.1 повышение эффективности производства;

2.4.2 улучшение использования основных фондов, трудовых, материальных и финансовых ресурсов

2.5 Проведение единой технической политики в отрасли, внедрение новейших достижений науки и техники и передового опыта и обеспечение высоких технико-экономических показателей производства

2.6 Изучение развивающихся потребностей народного хозяйства в новых видах продукции отрасли и создание прогрессивных изделий электронной техники

2.7 **Обеспечение** дальнейшего развития **специализации и кооперирования** производства на основе осуществления широкой унификации, стандартизации и нормализации деталей, узлов и агрегатов

2.8 **Внедрение** прогрессивных **технологических процессов** и применение современного высокопроизводительного оборудования

2.9 Рациональное использование капитальных вложений и повышение их эффективности, снижение стоимости и сокращение сроков строительства, своевременный ввод в действие производственных мощностей и основных фондов, а также освоение в короткие сроки производственных мощностей

2.10 Внедрение научной организации труда и управления:

2.10.1 обеспечение предприятий, организаций и учреждений системы министерства квалифицированными кадрами;

2.10.2 создание условий для наилучшего использования знаний и опыта работников, выдвижение на руководящую работу молодых, хорошо зарекомендовавших себя специалистов

2.11 улучшение жилищных и культурно-бытовых условий рабочих и служащих предприятий, организаций и учреждений системы министерства

2.12 создание безопасных условий труда на производстве

Министерство во времена СССР имело конкретные показатели эффективности, цели и, самое главное, достаточные средства для их достижения. Эта структура не «готовила предложения», а принимала решения, осуществляла реальную координацию соисполнителей и добивалась результатов, имея самостоятельный экономико-правовой статус в составе правительства.

У советской электроники был объективно более поздний старт из-за последствий войны. Не было возможности финансирования в объемах, сопоставимых с американскими и всех западных стран, работавших в кооперации под надзором США. При этом вызовы, включая санкционный КОКОМ (COCOM), не оставались без достойного ответа.

Условия «холодной войны» и ресурсные ограничения в СССР были во многом компенсированы благодаря планированию и стратегической координации усилий ученых, специалистов, производственников в гражданской и оборонной сферах. Паритет поддерживался за счет эффективной организационно-управленческой модели, предполагающей отраслевую и территориальную логистическую координацию проектов, начиная с самых ранних стадий разработки и заканчивая серийным выпуском конечных изделий, дистрибуцией и сбытом.

Только в СССР была единственная в мире самодостаточная отрасль электроники, в рамках которой выпускалась вся номенклатура электронных изделий — от радиоламп до СБИС. Она также обладала собственным материаловедением и машиностроением. Благодаря фактору воспроизводственной адекватности самого технико-технологического цикла и структуры управления сопряженных отраслей промышленности до определенного времени держался паритет в технологической микроэлектронной гонке между СССР и США. Ж. И. Алферов ставил уровень развития советской электроники на 3-е место в мире после США и Японии. С точки зрения полного воспроизводственного цикла в отрасли и его интегральной эффективности нобелевский лауреат дал следующую оценку: «Третье место СССР в радиоэлектронной научно-технологической

[1] Совет Министров СССР. Постановление от 4 июня 1969 г. № 414 «Об утверждении положения о Министерстве электронной промышленности».

гонке синергетически обеспечило экономике в целом устойчивое второе место практически по всем компонентам производительных сил. В сфере обороны СССР удалось не только обеспечить полный паритет с капиталистическим Западом, но и стать безусловным лидером в некоторых видах и типах техники»[1].Стоит заметить, что организационная структура управления экономикой и отраслями в те годы опиралась на единственную общенародную форму собственности. Это упрощало задачи органов управления вплоть до периода болезненного перехода страны к рыночным формам взаимодействия.

Анализ показал, что организационно-управленческая отраслевая модель в электронике стала ключевым фактором, который обеспечил в течение 20 лет устойчивое развитие отрасли и паритет по целому ряду факторов конкурентоспособности с США и Японией.

Однако в конце 1970-х гг. советская электроника начала входить в кризис. Бурно развивающаяся отрасль требовала практически полного обновления технологического оборудования в 3—5-летний период. Уровень капиталовложений при этом возрос кратно в сравнении с 1960-ми гг. Ввиду невозможности наладить выпуск серийной продукции на оборудовании собственного производства в СССР продолжали искать пути закупки зарубежного оборудования в обход санкций. Для развития электроники в темпах наравне с США и Японией у СССР не хватило ресурсов, к тому же руководство страной с конца 1970-х гг. не ставило эту отрасль в приоритет, что немедленно дало негативный результат.

Ускоряющееся обновление электронной компонентной базы (ЭКБ) в структуре производительных сил обусловливало в 1970—80-х гг. вынужденное техническое переоснащение действующих производств до момента физического износа их оборудования. Технологии стремительно развивались, а продукция, выпускаемая на радиоэлектронных производствах, быстро морально устаревала и требовала замены. Строительство новых заводов было сопряжено с ростом удельных затрат на единицу производимой продукции, в первую очередь за счет научно-технологической компоненты. Ускоренные темпы устаревания продукции тянули за собой укороченный жизненный цикл специализированного оборудования (до 3—5 лет), за который не обеспечивалась его физическая окупаемость.

Требовались новые материалы, коренная смена оборудования и инфраструктуры. Зеленоградский Научный центр в 1978 г. подготовил программу перевооружения и дальнейшего развития микроэлектроники и проект соответствующего постановления ЦК КПСС. Однако поток государственных инвестиций был направлен мимо электроники в сторону мелиорации земель и строительства объектов Олмпиады-80.

Тем не менее к середине 1980-х гг. микроэлектроника как отрасль сложилась и обеспечивала современной ЭКБ и аппаратурой на ее основе возрастающие потребности народного хозяйства страны. Функционировала непрерывная замкнутая система создания и производства продукции преимущественно оборонного назначения на уровне мировых стандартов.

В конце 1980-х гг. объем капитальных вложений в электронную промышленность США превосходил советские показатели примерно в 4 раза, японские же инвестиции были выше в 6 раз, а по микроэлектронике — почти в 8 раз. Наукоемкость (отношение затрат на НИОКР к стоимости товарной продукции) в СССР была в 2 раза ниже, чем в США[2].

В советской электронной промышленности вошли в противоречие две парадигмы развития: полное воспроизводство иностранных образцов в виде мелкосерийного производства микросхем без учета экономической эффективности для нужд оборонных отраслей промышленности и крупносерийное производство рентабельной продукции, пользующейся спросом на гражданском рынке. Таким образом, продукция двойного назначения становилась неподъемно дорогой из-за фактически штучного или мелкосерийного производства, а гражданская постепенно теряла конкурентоспособность и спрос. Результатом недостаточного инвестирования отрасли стало отсутствие конкурентоспособного оборудования, материалов, технологий. В итоге потребительская электроника стала неконкурентоспособной, а для развития технологий двойного назначения стали все больше ориентироваться на воспроизводство зарубежных аналогов.

В 1960-х гг. в СССР было разработано 30 типов ЭВМ. Возникла необходимость унификации.

[1] Правда и мифы про советскую электронику (https://back-in-ussr.com/2017/08/pravda-i-mify-pro-sovetskuyu-elektroniku.html).

[2] Симонов Н. С. Создание в СССР военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса: дис. … канд. ист. наук (1999).

Решение этой задачи обусловило грандиозную ошибку руководства СССР в сфере электроники. На совещании Минрадиопрома СССР в декабре 1967 г. было принято решение взять за основу устаревшие американские образцы IBM System/360 и System/370, выпускавшиеся в США с 1964 г., но имевшие большое количество готового программного обеспечения. По настоянию специалистов из ГДР за основу дальнейшего развития компьютерной техники в странах СЭВ были взяты эти американские артефакты, имевшие показатели хуже, чем у советской БЭСМ 6[1]. СЭВовское семейство ЭВМ, построенное на этой устаревшей основе, получило название «Ряд», в дальнейшем стало именоваться «Единой системой».

В истории отечественной электроники это решение о копировании, а не развитии своей техники и технологий можно считать отправной точкой научно-технологического отставания. Активный участник борьбы советской просвещенной интеллигенции с неадекватностью тогдашних партийных руководителей профессор В. М. Симчера заявлял: «Мы были первыми, кто в начале 80-х годов прошлого века создал систему Общегосударственного автоматизированного управления народным хозяйством и вычислительные центры коллективного пользования — прообраз нынешнего Интернета. Черт же нас дернул идти не своим путем, а начать копировать машины IBM. Именно попытка догнать поезд, который давно уже в пути, привела к отставанию»[2].

В СССР была прогрессивная система государственного планирования и информационного обеспечения развития экономики страны, которая во многом компенсировала нарастающее технологическое отставание в сегменте электроники и вычислительной техники. В конечном итоге именно недостаточное развитие электроники стало сдерживающим фактором для Госплана СССР в процессах информатизации экономики страны. После развала СССР, уничтожения отраслевой модели управления электронной промышленностью и безропотной отдачи рынков сбыта к 2000-м гг. мы подошли с серьезной деградацией и в информатизации экономики страны, и в электронной промышленности.

С каждым годом актуальность информатизации экономики нарастала, и в реалиях XXI в. Россия вновь столкнулась с необходимостью решения задачи цифровизации экономики. Ее решение также не обошлось без ошибок и проблем. Основные — разрушение модели управления отраслью, недостаточное (неконкурентное по объемам и качеству) ресурсное обеспечение ее развития. За последние 15 лет электронной промышленностью России разработано всего около 200 твердотельных типов ЭКБ. Наиболее критичные компоненты могут производиться на зарубежных фабриках, так как адекватных собственных производств в стране пока нет[3]. Доля отечественного экспорта — менее 1%.

Новая отраслевая стратегия

В новых реалиях смешанной экономики по состоянию на 2020 г. в отрасли насчитывается 422 организации с государственным участием, 370 из которых включены в сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса. Эти организации обеспечивают около 55% отраслевой выручки и включены в состав ряда интегрированных структур. 1200 частных компаний в отрасли (в основном малых и средних) ориентированы в основном на коммерческие рынки и обеспечивают ~23% отраслевой выручки. Тридцать организаций в отрасли имеют иностранных собственников (до 22% отраслевой выручки).

17 января 2020 г. Правительством РФ была утверждена «Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» (далее — Стратегия 2030). Стратегия 2030 направлена на создание нового конкурентоспособного облика электронной промышленности на основе развития научно-технического и кадрового потенциала, оптимизации производственных мощностей, их модернизации и технического перевооружения, создания новых технологий, освоения прорывных промышленных электронных технологий, а также совершенствования нормативно-правовой базы, что должно способствовать удовлетворению потребностей государства и иных заказчиков.

Целью развития электронной промышленности является обеспечение роста объема выручки организаций отрасли с 1868 млрд до 5220 млрд руб. при доле гражданской продукции в общем объеме промышленного производства по выручке не менее 87,9%. Среди целей Стратегии 2030 значится создание высокотехнологичной продукции на базе российских технических решений, обеспечивающих

[1] Ее разработали в Институте точной механики и вычислительной техники АН СССР (ИТМиВТ). Генеральным конструктором был С. А. Лебедев.

[2] Аргументы недели № 21 (715). 2020. 3 июня. С. 8.

[3] Щепанов А. Развитие российской электронной компонентной базы. Взгляд эксперта. Электроника: Наука, технология, бизнес. 2019. № 7. С. 74.

реализацию национальных проектов, а также экономическое доминирование на внутреннем рынке электронной продукции, критически значимой для обеспечения национальной безопасности, технологического и экономического развития. Стратегия 2030 предполагает создание большого количества производственных мощностей современного технологического уровня, в том числе кремниевой фабрики с топологией 28 нм, с дальнейшей модернизацией до 7—5 нм, а также обеспечивающих ее функционирование смежных производств, включая инфраструктуру дизайн-центров. Столь амбициозные планы заложены в Стратегию 2030, несмотря на отсутствие адекватных собственных производств в стране[1].

Согласно Стратегии 2030, «электронная промышленность — это отрасль экономики, связанная с разработкой и производством электронного оборудования, модулей, компонентов и встраиваемого программного обеспечения». Межотраслевой характер стратегии подразумевает включение в контур ее планирования разработчиков и производителей материалов, технологического оборудования и инструментального программного обеспечения для разработки и производства электроники. Таким образом, в стратегию заложен комплексный логистический подход сродни реализованному в период зарождения отрасли в СССР в 1960-х гг.

Проблемные зоны и риски реализации стратегии

Большая часть задач, указанных в стратегии, так или иначе связана с вопросами импортозамещения и обеспечения импортонезависимости в высокотехнологичном сегменте российской промышленности. В течение 2015—2019 гг. на решение этих задач было направлено более 2 трлн руб. С 2015 г. в среднем по машиностроению наблюдался прирост доли российской продукции с 38 до 60 %. В обрабатывающей промышленности планку 50 % преодолели 13 отраслей, 5 из них превысили рубеж 75 %. Не столь радужных показателей достигла электронная и радиоэлектронная промышленность.

Сравнение планов импортозамещения на 2015—2020 и на 2019—2024 гг. показывает, что за годы их реализации зависимость экономики от импорта не ослабла, а по некоторым видам высокотехнологичной продукции увеличилась. Среди причин следует отметить устаревшую систему управления отраслями и, как следствие, — отсутствие регулирования логистических и технологических цепочек на разных стадиях производства товаров.

В электронной и радиоэлектронной отрасли также реализовывалась программа по импортозамещению, в рамках которой был проведен комплекс НИОКР, направленных на разработку широкого спектра изделий микроэлектроники и технологий их изготовления. Недостижение ожидаемых результатов обусловлено следующими причинами:

— устаревание к моменту окончания НИОКР разработанных образцов электронных компонентов в сравнении с иностранными аналогами;

— ограничения в применении новых образцов техники из-за несовместимости компонентов иностранного и российского производства;

— малый спрос на новую российскую электронно-компонентную базу;

— неконкурентоспособность российских производителей по издержкам в сравнении с мировыми лидерами.

Кроме заложенных еще в 1970-х гг. противоречий в отраслевом развитии (военная электроника и гражданская электроника развивались по разным моделям), во многом эти причины связаны с тем, что после развала СССР выстроенная кооперационная иерархия Госплана разрушилась, а иностранные производители начали доминировать на российском рынке, наращивая показатели доходности за счет российского бюджета и бюджета компаний с государственным участием.

Аргумент, что закупка иностранной продукции по более низким ценам экономит бюджетные средства при комплексном подходе рассыпается на глазах. При такой закупке налоги в российском бюджете не превышают 1—2 % от суммы контракта. При закупке российского товара более высокая цена нивелируется тем, что в стране создаются рабочие места, формируется налогооблагаемая база для отчисления в социальные фонды, налога на прибыль, имущество, землю, а также амортизации. Чем больше локализация производства внутри страны, тем больше этот мультипликативный эффект. При сопоставимой рентабельности российский производитель товара оплачивает в бюджет страны в 6—7 раз больше налогов, чем иностранный[2].

Реалии смешанной экономики требуют новых моделей управления отраслевым развитием электроники как отрасли. В ситуации, когда в эконо-

[1] Щепанов А. Развитие российской электронной компонентной базы... С. 74.

[2] Брыкин А. В. Могут ли национальные проекты стать катализатором развития российской высокотехнологичной промышленности? (идеология и государственные закупки) // Экономист. 2020. № 3.

мике страны общенародную форму собственности сменили различные виды частной и смешанной собственности, необходимы новые методы и инструменты координации и организации единой отраслевой целенаправленности действий игроков рынка, имеющих свои сугубо коммерческие цели.

31 июля 2020 г. президент России Владимир Путин подписал два закона об определении минимальной доли закупок госзаказчиками и госкомпаниями российской продукции. Один из них наделяет Правительство правом определять минимальную долю закупок государственными (за исключением СВР, ФСБ, органов госохраны) и муниципальными заказчиками российских товаров, работ и услуг, в составе которых они используются. Другой предоставляет аналогичное право в отношении закупок госкорпораций и госкомпаний[1].

Понимая, что конкуренция в микроэлектронике — это фактически борьба за мировое технологическое и экономическое превосходство, Правительство Российской Федерации в 2020—2021 гг. активно занялось разработкой и реализацией мер по формированию спроса на конечную российскую электронную продукцию с учетом установления запрета использования иностранной продукции позднее декабря 2024 г.

Тренд развития экономики в сторону цифровых технологий и указанные нормативно-правовые и управленческие инициативы должны открыть для российских предприятий электронной и радиоэлектронной промышленности большой рынок сбыта. Исключительное значение в эффективности использования такого «окна возможностей» имеет организационная структура отрасли и системы ее управления. В условиях смешанной экономики эти сущности нуждаются в глубокой трансформации, иначе вряд ли удастся в столь короткие сроки в условиях усиливающегося санкционного давления восстановить ключевые цепочки технологически связанных предприятий от производства материалов до производства конечных изделий электроники и их дистрибуции.

Адекватность системы управления отраслью классу решаемых задач

Опыт всех стран-лидеров свидетельствует о том, что «Организационная структура государственного управления» должна не «бронзоветь», а постоянно совершенствоваться при появлении новых задач. Это можно наблюдать на примере регулярного переформатирования системы управления американского агентства NASA, других систем госуправления под новые задачи в соответствии с классическими рекомендациями специалистов.

Динамика развития цифровых технологий и их ядра — электроники требует гибкого подхода к пониманию границ отрасли. Электронная отрасль включает в себя все предприятия и организации, разрабатывающие и производящие электронную продукцию, включая научно-технологическую, ЭКБ, электронные и радиоэлектронные приборы, телекоммуникационное оборудование, вычислительную технику, сложную медицинскую технику и т. д. На данный момент в отрасль входят предприятия, корпоративно объединенные в структуры Госкорпорации «Ростех», промышленные конгломераты, холдинги и разрозненные предприятия различных видов собственности. Границы отрасли постоянно расширяются по сценариям «Индустрии 4.0» в сторону экономики цифровых технологий. Всепроникающая и вездесущая специфика электроники требует, чтобы в сферу ее интересов были включены научно-технологические и производственно-технические мощности предприятий других отраслей, которые кроме основной продукции, не относящейся к электронике, производят электронные приборы, устройства и компоненты для собственных нужд.

Межотраслевая координация, которую не в полной мере удалось организовать за последние 30 лет, теперь вновь актуальна при реализации Стратегии 2030, нацпроектов и государственных программ. При этом сегодня отдельного органа государственной власти, реализующего функции управления развитием электронной и радиоэлектронной промышленности, в России не существует. Отраслевое регулирование осуществляет Департамент радиоэлектронной промышленности как структурное подразделение Минпромторга России.

В 1970—80-х гг. влияние санкций на развитие высокотехнологичных отраслей удавалось преодолеть во многом благодаря наделению Минэлектронпрома СССР полномочиями по «проведению единой технической политики в отрасли, внедрению новейших достижений науки, техники и передового опыта, обеспечению высоких технико-экономических показателей производства». Департамент радиоэлектронной промышленности в Минпромторге России таким правом не наделен и функцию такую реализовать объективно не может. Он не субъект управления развитием радиоэлектронной и электронной

[1] Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ (послед. ред.).

промышленности, а составная часть регулятора, уполномоченного готовить предложения, касающиеся отраслевого развития, которым якобы должна управлять «невидимая рука рынка».

Для решения указанных задач отраслевого и общеэкономического развития от иерархической организационной модели регулирования отраслью (министерство, департамент, холдинг, предприятие) необходимо переходить к сетевому принципу управления, в котором ключевым звеном должен стать вновь созданный субъект управления, имеющий достаточные права и ресурсы для реализации Стратегии 2030.

Научные основы отраслевого управления в смешанной экономике

Динамика процессов научно-технологического развития в настоящее время вошла в непреодолимое противоречие с частнокапиталистической моделью максимизации прибыли. В ведущих странах самые успешные на рынке электроники компании получали, получают и будут получать огромные средства из бюджетных источников на все воспроизводственные этапы — от фундаментальных исследований до опытно-конструкторских и опытно-технологических работ. Средства частных инвесторов в основном вкладываются на финальном этапе коммерциализации уже готовых к массовому производству научных и технических разработок. Это мировая практика и неоспоримый факт.

Западные страны не чураются и жестких нерыночных методов уничтожения конкурентов. Современные санкционные ограничения на международное сотрудничество российской промышленности в целом и электроники в частности (по типу известного КОКОМа) должны с лихвой компенсироваться мерами государственной защиты национальных интересов, которые показали свою эффективность, например, в сельскохозяйственном воспроизводстве и в целом в аграрно-промышленном комплексе. В качестве второго примера следует воспринять комплексный координационно-логистический подход к развитию отрасли, реализованный в первые два десятилетия ее становления.

Как показывает опыт западных конкурентов, «невидимая рука рынка» неспособна выполнять функции координации и логистического сопряжения всех участников воспроизводственного процесса без кризисов и катаклизмов. Поэтому для решения задач Стратегии 2030 целесообразно существенно усилить меры государственного регулирования всех звеньев воспроизводства. И первый шаг должен заключаться в разработке и утверждении новой «Организационной структуры электронной отрасли» (далее — Оргструктура), адекватной поставленным руководством страны задачам.

Современное представление о структуре электронной промышленности можно сформулировать следующим образом: это целостная и взаимосвязанная сложная система, включающая:

— орган управления, принимающий окончательные решения, наделенный необходимым объемом всех видов производственно-технологических и научно-технических ресурсов и несущий перед руководством страны ответственность за исполнение всех параметров Стратегии 2030;

— предприятия и организации всех разрешенных законодательством организационно-правовых форм и видов собственности;

— инфраструктурные институты, позволяющие в ходе реализации Стратегии 2030 реализовывать макроэкономические интересы, включая задачи расширенного воспроизводства науки, технологий, материально-вещественной и фондовой компонент, а также кадров.

Процесс формирования Оргструктуры должен опираться на несколько методологических принципов:

1. Включенные в Оргструктуру предприятия, организации, учреждения всех видов собственности и организационно-правовых форм, а также органы управления должны покрывать все без исключения функции, необходимые для реализации Стратегии 2030. В первую очередь Оргструктура должна обеспечивать органам управления отрасли выполнение распорядительных, контрольных, арбитражных и финансовых функций.
2. Оргструктура должна наделяться процедурами быстрого включения в свой состав дополнительных акторов в связи с открытием новых научно-технологических направлений, а также перераспределения материальных, кадровых, финансовых и прочих ресурсов.
3. В управленческой части Оргструктуры должны быть полностью исключены дублирование функции принятия решений и белые пятна безответственности конкретных руководителей за эффективное использование выделенных ресурсов.
4. Все покрываемые Оргструктурой функции должны быть жестко и однозначно сопряжены с ответственностью конкретных должностных лиц, чьи права и обязанности должны быть про-

писаны в «Генеральной схеме развития отрасли» на среднесрочный период.

5. В научно-технологической части Оргструктуры необходимо допускать и поощрять дублирование (иногда кратное) работ в области приоритетных направлений развития электроники и ее базовых и критических технологий. Именно интеллектуальное и технологическое соревнование нескольких коллективов ученых и разработчиков обеспечат конкурентоспособность в электронной научно-технологической гонке.

Оргструктура, адекватная актуальным задачам развития отрасли, должна включать механизм своего непрерывного итерационного совершенствования. Итерации будут появляться вместе с наработкой опыта управления отраслью и по мере научно-технического прогресса.

Оргструктура отрасли изоморфна генеральному плану развития территорий, на которых располагаются предприятия. В ней, как в любой структуре, есть локомотивы, чемпионы, которые обеспечивают динамичность и устойчивость поступательного развития отрасли (50 крупнейших предприятий), есть свои середняки и проблемные предприятия.

Задачи отраслевого управления в условиях смешанной экономики

Координационно-логистический подход является единственным эффективным методом решения задач отраслевого развития в современных условиях России. Это обусловлено территориальным распределением предприятий по стране (расположены в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Северо-Кавказском, Уральском, Сибирском, Южном и Дальневосточном федеральных округах). Также это связано с многоаспектностью отрасли, которая должна синхронизированно осуществлять разработку и производство электронного оборудования, модулей, ЭКБ, встраиваемого ПО, а также разработку и производство специальных материалов, высокоточного технологического оборудования и инструментального программного обеспечения.

Орган государственного отраслевого управления должен быть наделен эффективными рычагами координации направлений, пропорций и темпов научно-технологического развития. Логистическую составляющую здесь следует воспринимать как участие органов госуправления в реализации комбинатного принципа сопряжения усилий территориально распределенных предприятий и организаций различных форм собственности на всем пути по цепочке от НИОКР, создания требуемых материалов, технологий до выпуска готовой, востребованной потребителями продукции и организации ее продажи.

Функционирование акторов, включаемых в Оргструктуру, будет эффективно только тогда, когда организации с государственным участием, компании с частным российским капиталом (около 1200 компаний) и фирмы с иностранным капиталом (около 30 фирм) будут находиться в равных конкурентных условиях по всем воспроизводственным параметрам и согласятся реализовывать единую отраслевую стратегию. Для этого придется создать механизмы (например, страховые), защищающие рискованные научно-технологические проекты организаций с госучастием от традиционно-консервативных методов работы Счетной палаты и прокуратуры. С другой стороны, понадобятся механизмы принуждения, обязывающие организации частной формы собственности реализовывать мероприятия Стратегии 2030 даже в ущерб спекулятивно-коммерческим интересам.

С 2021 г. часть необходимых механизмов уже реализуется, а именно: субсидирование затрат на создание опытных партий, проведение прикладных фундаментальных исследований совместно с Фондом прикладных исследований (ФПИ), расширение применения Постановления № 1990 о субсидировании разницы в цене[1]. На эти цели в 2021 г. предусмотрен объем финансирования 138 млрд руб., в 2022 — 116 млрд, в 2023 — 92 млрд. В целях бюджетной эффективности для высоких уровней передела предусмотрено софинансирование со стороны предприятий в размере не менее 50%, нижние переделы софинансируются на уровне 10% внебюджетных средств либо полностью за счет государства.

Если представить задачи отраслевого развития в виде «пазла», то предприятия и организации своими функциями должны этот «пазл» перекрывать. Первый этап формирования Организационной структуры отрасли можно считать завершенным, когда уложенные элементы «пазла» полностью покрывают все поле основы и в целом гармония основы и элементов поддерживается в динамическом режиме мерами государственного регулирования.

---

[1] Постановление Правительства от 02.12.2020 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям на компенсацию потерь в доходах, возникших в результате производства радиоэлектронной продукции на территории Российской Федерации».

После этого можно переходить к формированию «Генеральной схемы развития отрасли».

Генеральная схема развития отрасли

«Генеральная схема развития отрасли» (далее — Генеральная схема) включает:

— систему законодательных, нормативных, договорно-правовых и прочих документов, регулирующих все аспекты взаимодействия акторов Оргструктуры в ходе решения задач Стратегии 2030;

— вертикальную, горизонтальную, территориальную и комбинаторную сопряженность акторов Оргструктуры с целью итерационной оптимизации цепочек производства конечных изделий;

— реестр кадров руководящего состава, на кого возлагается ответственность за решение задач Стратегии 2030, ключевых научно-технических, технологических и производственных специалистов, включая кадровый резерв, и карьерограммы для лиц, включенных в номенклатуру исполнителей Стратегии 2030;

— механизм и персонифицированную структуру координационного Совета отрасли и научно-технического отраслевого совета для внесения оперативных изменений в Оргструктуру и Генеральную схему на основе мониторинга хода исполнения Стратегии 2030, а также подготовки стратегии на будущее. Функции отрасли должны преломляться через конкретных исполнителей — ученых, специалистов, управленцев, которых сейчас в контуре отрасли 290 тыс. чел. Для этого должны появиться инструменты прямой и обратной связи органа управления с конкретными исполнителями на местах.

Горизонтальную сопряженность акторов в Генеральной схеме развития отрасли могут взять на себя ассоциативные отраслевые структуры в виде консорциумов, объединяющих в своем составе предприятия, организации и учебные заведения, нацеленные на решение определенного сегмента отраслевых задач либо ориентированные на развитие определенного отраслевого сегмента, занимая большую часть его рыночной ниши.

Функции, распределенные между включенными в Оргструктуру акторами, должны быть наполнены:

1) профессиональными кадрами, способными выполнять задачи стратегии отраслевого развития. Для каждой позиции необходимо создать и мониторить кадровый резерв с формализованными карьерограммами минимум на пять лет. Кадровые лифты должны быть структурированы в разрезе функций Оргструктуры и непрерывно отслеживаться специализированной службой, включенной в Оргструктуру;

2) финансовыми средствами в срок и в полном объеме с введением жестких персональных санкций к должностным лицам, ответственным за финансирование мероприятий Стратегии 2030;

3) материально-вещественными ресурсами вне зависимости от государственной или частной собственности на них у участников Оргструктуры.

Научно-технологическая политика в Генеральной схеме должна проводиться в форматах открытого управления. Каждый инициатор в сфере научно-технологического развития при продвижении того или иного проекта, комплементарного целям Стратегии 2030, обязан декларировать свой уровень ответственности за конечный результат и представлять анализ возможных рисков. Ответственность должна содержать весомую материальную составляющую, особенно для малых и средних предприятий частного сектора, предлагающих разработки в рамках бюджетного финансирования. Политика конфиденциальности должна в максимальной степени отражать сложившийся в мире опыт стран и транснациональных корпораций по защите своих разработок как в научно-технологической, так и в организационно-экономической сфере.

Формирование Оргструктуры и Генеральной схемы развития отрасли должно быть не разовой акцией, а непрерывным итерационным процессом. Наиболее адекватной для поддержания такого динамического баланса является отечественная технология мультиагентного моделирования, позволяющая построить распределенные интеллектуальные системы для координации и планово-логистической поддержки принятия согласованных, оптимальных решений по управлению ресурсами отрасли на основе принципов самоорганизации и эволюции.

Формирование Оргструктуры и Генеральной схемы. Механизмы и инструменты

Департамент радиоэлектронной промышленности как структурное подразделение Министерства (далее — Структура) отвечает за результаты воспроизводства в передовых науко-, фондо- и трудоемких секторах промышленности, но объективно не имеет достаточных полномочий и ресурсов, чтобы обеспечить реализацию Стратегии 2030. Включение в его положение задач Стратегии 2030 и части задач Минэлектронпрома СССР возможно лишь с наделением его достаточными правами и ре-

сурсами, в том числе возможностью гибко и своевременно подключать ресурсы смежных отраслей промышленности при решении задач Стратегии 2030, ценностями которой являются:

— способность отрасли реализовывать задачи национального развития с учетом приоритета обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры и освоения гражданских рынков;

— прорыв в научно-технологическом и экономическом аспектах с учетом приоритета капитализации и инновационного развития отрасли;

— консолидация ресурсов для реализации комплексных проектов и выпуска конечной продукции с учетом приоритета обеспечения участия организаций с частным капиталом, малого и среднего бизнеса, а также высокой серийности электронной продукции.

От новой Оргструктуры отрасли, включающей предприятия всех видов собственности и организационно-правовых форм, в том числе их объединений — консорциумов, которые приняли на себя ответственность за реализацию одного или нескольких аспектов «Ключевых направлений» стратегии[1], следует планомерно перейти к адекватной Генеральной схеме управления развитием отрасли, учитывающей особенности смешанной экономики.

Для успешной реализации Стратегии 2030 в Генеральную схему должны быть включены механизмы, обеспечивающие Структуре необходимые полномочия, ресурсы, рычаги поощрения и наказания за исполнение/неисполнение комплементарных стратегии мероприятий.

Деятельность Структуры должна оцениваться индикаторами, отражающими объемы продаж отечественной электронной продукции, для чего она должна быть наделена решающими полномочиями по нормированию, планированию, координации, логистическому сопряжению смежников, оперативному и статистическому мониторингу. Структура должна быть инициатором корректировок как отдельных мероприятий, так и Стратегии в целом при отслеживании фактического исполнения программ, ее реализующих, мировых тенденций и изменений.

Проведя анализ организационно-управленческих механизмов и методов, наработанных при становлении отрасли в 1960-х гг., следует учитывать, что во времена СССР все предприятия были общенародными и подчинялись общенародным органам управления. То есть между стратегическими интересами руководства отраслью и интересами предприятий не было противоречий. В тактических вопросах было много споров и дискуссий, которые как раз и обеспечивали паритет отечественной и западной экономики в совершенно неравнозначных условиях развития. Результаты наши и зарубежные были сопоставимы, а затраты в СССР были в разы, если не на порядок ниже. Эту закономерность мы и сейчас можем наблюдать в сфере передовых оборонных технологий и военного бюджета России и США в целом. Именно централизованная координация действий всех акторов, включенных в Оргструктуру, наряду с логистической сопряженностью отрасли с поставляющими ей и потребляющими ее продукцию субъектами позволяет добиваться такого результата в условиях смешанной экономики.

Все предприятия с государственным и смешанным капиталом, где у государства контрольный пакет, должны включаться в Оргструктуру отрасли и неукоснительно исполнять согласованные решения Структуры. Это взаимодействие аналогично централизованному, директивному корпоративному управлению. Для этого сектора отрасли Структура должна фактически стать аналогом центрального офиса корпорации «Электроника России».

Для включения предприятий со смешанным капиталом в Оргструктуру отрасли разработан перспективный механизм государственно-частного партнерства. Все негосударственные предприятия, стремящиеся занять свое место в Оргструктуре для исполнения мероприятий Стратегии 2030, должны получить право подписать со Структурой обязывающие соглашения с детальной проработкой прав, обязанностей и ответственности таких предприятий за исполнение функций и решение задач, возлагаемых на них Структурой в рамках Стратегии 2030. В соглашениях должен прослеживаться единый отраслевой стратегический замысел — приоритет развития российских производителей, локализации производств и применения отечественных материалов и ЭКБ при изготовлении финальной продукции (российских цепочек создания добавленной стоимости).

Единый отраслевой подход уже заложен в условия получения отраслевых субсидий, так как проекты для субсидирования выбираются на конкурсной основе по критериям, связанным с реализацией Стратегии 2030. При получении субсидии каждая

[1]Ключевые направления Стратегии: «Научно-техническое развитие», «Средства производства», «Отраслевые стандарты», «Кадры», «Управление», «Кооперация», «Отраслевая информационная среда», «Рынки и продукты», «Экономическая эффективность».

из сторон берет на себя обязательства, в том числе финансовые.

Структуре предстоит найти и непрерывно поддерживать оптимальное соотношение господдержки «копирующих технологий» в сферах наибольшей зависимости от иностранных поставок ЭКБ в условиях санкций с параллельным щедрым финансированием собственных исследований и разработок. Стратегические ошибки прошлого повторять нельзя, поэтому сейчас инвестирование в новые разработки происходит в следующих пропорциях: 30% — инвестиции на воспроизводство зарубежных аналогов для удовлетворения текущего спроса, 40% — проекты, а также услуги и сервисы, обеспечивающие их успешность, с перспективой 5—7 лет, 40% — поисковые исследования, новые материалы и новые технологии. С помощью такой модели в течение трех лет российскими разработками должен быть перекрыт весь спектр технологий и ключевых решений, включая САПР, вся цепочка создания и жизненного цикла радиоэлектронного оборудования.

Со стороны частного игрока подписание соглашений и получение субсидий абсолютно добровольно. Такой договор должен поставить частные предприятия в один ряд с государственными в части целеполагания отраслевого развития и преференций, которые вытекают из исполнения мероприятий Стратегии 2030.

Для эффективности макроэкономического регулирования отрасли Структура должна наделяться следующими функциями:

— государственной поддержки конкурентоспособной рентабельности производств участников выполнения Стратегии 2030 на уровне выше чем рентабельность консервативных производств, включая и добычу углеводородов;

— государственных мер по защите отечественного рынка электроники от демпинга, в том числе введения утилизационного сбора;

— реализация квотирования закупок российских ЭКБ и электронных продуктов.

Все последние решения Правительства РФ в сфере электроники справедливо ставят государственную задачу движения электроники не «вдогонку», а «в обгон», как это успешно сделано в сфере передовых образцов вооружения. Нарастающая агрессивная риторика и откровенно вызывающие, недружественные поступки западных политиков требуют обеспечения необходимых тактико-технических характеристик всех видов вооружения, военной и специализированной техники в соответствии с Государственной программой вооружений. В условиях ужесточающихся санкций это достижимо исключительно с опорой на отечественные разработки и производства, которые должны финансироваться в приоритетном порядке при условии наличия у исполнителей программ диверсификации.

Реализация всех Ключевых направлений Стратегии 2030 обеспечит значительное увеличение высококвалифицированных рабочих мест как в электронике, так и в смежных отраслях. При этом доля отечественной ЭКБ в структуре цены всех видов продукции будет расти, что обеспечит не только рост ВВП, но и его прогрессивную органическую структуру.

Организационно-управленческая модель реализации Стратегии 2030

Учитывая сформулированные подходы и принципы формирования Оргструктуры и Генеральной схемы развития отрасли, каждая ассоциация или консорциум (в форме АНО) могут консолидировать мнение своих участников и разработать дорожные карты своей деятельности в контексте реализации отраслевой Стратегии 2030. В этих документах по единым требованиям Структуры им необходимо решить задачи по увеличению доли рынка отечественных предприятий, входящих в сегмент регулирования консорциума, за счет локализации производства в России и применения отечественной ЭКБ. Дорожные карты в перспективе могут стать важнейшей частью соглашений, которые ассоциация или консорциум могут подписать со Структурой, после чего они станут составной частью Оргструктуры.

Для координации дорожных карт друг с другом, проверки их на адекватность и реализуемость в рамках Стратегии 2030, а также для контроля этапов их реализации необходима независимая отраслевая экспертиза. Научно-техническая экспертиза может быть реализована на базе отраслевого Научно-технического совета (НТС).

Функции отраслевой и межотраслевой координации, инвестиционная и экономическая экспертизы, а также нормативно-правовые инициативы могут быть организованы на базе отраслевого координационного совета при Департаменте радиоэлектронной промышленности Минпромторга России, затем при Структуре. Функция научно-технической экспертизы и контроля за реализацией мероприятий дорожных карт лежит на отраслевом НТС и департаменте, которые должны

получать на регулярной основе (раз в квартал) статус реализации мероприятий. Структура может рекомендовать консорциуму внести изменения в реализуемую им дорожную карту. При необходимости данный вопрос может быть вынесен на отраслевой координационный совет, сформированный из представителей консорциумов, системообразующих отраслевых интегрированных структур и предприятий.

Представленный подход и методы построения Оргструктуры и Генеральной схемы развития отрасли восстановят ее целостность как взаимосопряженной и взаимообусловленной сложной целенаправленной системы. Анализ истории становления электроники как отрасли в СССР, современной ситуации и перспектив развития электроники в соответствии с принятой Стратегией 2030 показывает, что только благодаря совершенствованию Оргструктуры и Генеральной схемы развития отрасли можно сделать значительные шаги в сторону решения задач экономического и технологического развития страны.

Список литературы

1. Александр Иванович Шокин. Министр невероятной промышленности СССР. М.: Техносфера, 2007. 449 с.

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 января 2020 г. № 20-р «Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года».

3. Павлюк М. И. Нам дали шанс, который выпадает раз в жизни // Электроника НТБ. 2015. № 7.

4. Брыкин А. В. Модернизация управления развитием промышленности с учетом логистических подходов. М.: Наука, 2008. 256 с.

5. Брыкин А. В. Могут ли национальные проекты стать катализатором развития российской высокотехнологичной промышленности? // Экономист. 2020. № 3. С. 3—9.

6. Владимир Путин провел совещание с членами Правительства. 05 февраля 2020. URL: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!vladimir_putin_provel_soveshhanie_s_chlenami_pravitelstva1580930667 (дата обращения: 11.01.2021).

7. Денис Мантуров выступил в рамках правительственного часа в Совете Федерации. 08 июля 2020. URL: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!denis_manturov_vystupil_v_ramkah_pravitelstvennogo_chasa_v_sovete_federacii (дата обращения: 11.01.2021).

8. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изменениями и дополнениями).

9. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (последняя редакция).

10. Совет Министров СССР. Постановление от 4 июня 1969 г. № 414 «Об утверждении положения о Министерстве электронной промышленности.

11. Постановление Правительства от 02.12.2020 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям на компенсацию потерь в доходах, возникших в результате производства радиоэлектронной продукции на территории Российской Федерации».

12. НПП «Исток» 70 лет. От производственных побед — к мировым достижениям. М.: Оружие и технологии, 2013. 480 с.

13. Щепанов А. Развитие российской электронной компонентной базы. Взгляд эксперта // Электроника: наука, технология, бизнес. 2019. № 7.

14. Правда и мифы про советскую электронику. URL: https://back-in-ussr.com/2017/08/pravda-i-mify-pro-sovetskuyu-elektroniku.html (дата обращения: 11.01.2021).

15. Аргументы недели. 2020. № 21 (715). С. 8.

16. Симонов Н. С. Создание в СССР военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса: дис. … д-ра ист. наук. 1999.

17. Оптнер С. Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. М.: Совет. радио, 1969.

Сведения об авторе

Шпак Василий Викторович — кандидат экономических наук, доцент Института микроприборов и систем управления им. Л. Н. Преснухина НИУ «МИЭТ», Москва, Россия. morser@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 10—23.

FORMATION OF AN ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL MODEL FOR THE IMPLEMENTATION OF THE "STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF THE ELECTRONIC INDUSTRY OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE PERIOD UP TO 2030"

V. V. Shpak
Institute of Microdevices. L. N. Pesnukhina NRU MIET, Moscow, Russia. morser@yandex.ru

The objective progressive development of Russian economy was interrupted. Comprehension of the current situation was refracted into the task, set by the President of the Russian Federation, for our entire society and electronics, as the basis for the use of digital technologies for the benefit of the country and every citizen. A breakthrough in the next technological order should be provided by the Russian electronics, as a self-sufficient and competitive industry that unites in its structure all stages of human knowledge, starting with fundamental research of the laws of Nature, and ending with the creation of a "digital slave", the main purpose of which should be the liberation of a person from routine for the all-round development of everyone's talents. The development of the industrial and technological complex of the electronic industry is to a large extent related to the adequacy of the «Organizational structure» and "General scheme" of industry management as an integral interconnected and interdependent complex purposeful system. Without the formation of a new organizational and management model, it is impossible to implement the Presiden's development strategy.

Keywords: *organizational management structure, general management scheme, information technology base, electronic component base, rapid development, self-sufficiency of the economy, strategy.*

References

1. (2007) Alexander Ivanovich Shokin. Ministr neveroyatnoy promyshlennosti SSSR [Alexander Ivanovich Shokin. Minister of Incredible Industry of the USSR]. Moscow, Technosphere. 449 p. [in Russ.].

2. (2020) Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 17 yanvarya 2020 g. № 20-r "Strategiya razvitiya elektronnoy promyshlennosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda" [Order of the Government of the Russian Federation dated January 17, no. 20-r "Strategy for the development of the electronic industry of the Russian Federation for the period up to 2030"] [in Russ.].

3. Pavlyuk M. I. (2015) *Elektronika NTB*, no. 7 [in Russ.].

4. Brykin A. V. (2008) Modernizatsiya upravleniya promyshlennym razvitiyem s uchetom logisticheskikh podkhodov [Modernization of industrial development management, taking into account logistics approaches]. Moscow. 256 p. [in Russ.].

5. Brykin A. V. (2020) *Ekonomist*, no. 3, pp. 3—9 [in Russ.].

6. Putin V. V. (2020) Vstrecha s chlenami obnovlennogo Pravitel'stva 5 fevralya [Meeting with members of the updated Government on February 5]. Available at: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!vladimir_putin_provel_soveshhanie_s_chlenami_pravitelstva1580930667, accessed 11.01.2021 [in Russ.].

7. (2020) Otchet Ministra promyshlennosti i torgovli RF Denisa Manturova v Sovete Federatsii o merakh po podderzhke rossiyskoy promyshlennosti v izmenivshikhsya ekonomicheskikh usloviyakh [Report of the Minister of Industry and Trade of the Russian Federation Denis Manturov in the Federation Council on measures to support Russian industries in the changed economic conditions]. Available at: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!denis_manturov_vystupil_v_ramkah_pravitelstvennogo_chasa_v_sovete_federacii, accessed 11.01.2021 [in Russ.].

8. Federal'nyy zakon ot 5 aprelya 2013 g. № 44-FZ "O kontraktnoy sisteme pri zakupke tovarov, rabot, uslug dlya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd" [Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 "On the contract system in the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs"] [in Russ.].

9. Federal'nyy zakon "O zakupkakh tovarov, rabot, uslug otdel'nymi vidami yuridicheskikh lits" ot 18 iyulya 2011 g. N223-FZ (poslednyaya redaktsiya). [Federal Law "On the procurement of goods, works, services by certain types of legal entities" dated July 18, 2011 N223-FZ (last edition)] [in Russ.].

10. (1969) Sovet Ministrov SSSR. Postanovleniye ot 4 iyunya 1969 g. № 414 "Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve elektronnoy promyshlennosti" [Council of Ministers of the USSR. Resolution of June 4, no. 414 "On the approval of the regulation on the Ministry of the Electronic Industry"] [in Russ.].

11. Postanovleniye Pravitel'stva ot 02.12.2020 "Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya subsidiy iz federal'nogo byudzheta rossiyskim organizatsiyam dlya kompensatsii poter' dokhodov ot proizvodstva radioelektronnoy produktsii na territorii Rossiyskoy Federatsii" [Decree of the Government of 02.12.2020 "On approval of the Rules for the provision of subsidies from the federal budget to Russian organizations to compensate for losses in income arising from the production of radio electronic products in the territory of the Russian Federation"] [in Russ.].

12. NPP "Istok" 70 let. Ot proizvodstvennykh pobed do mirovykh dostizheniy. [NPP Istok is 70 years old. From production victories to global achievements]. Moscow, Arms and Technologies, 2013. 480 p. [in Russ.].

13. Shchepanov A. (2019) *Elektronika: nauka, tekhnologiia, biznes*, no. 7 [in Russ.].

14. Pravda i mify o sovetskoy elektronike [Truth and myths about Soviet electronics]. Available at: https://back-in-ussr.com/2017/08/pravda-i-mify-pro-sovetskuyu-elektroniku.html, accessed 11.01.2021 [in Russ.].

15. (2020) *Argumenty nedeli*, no. 21, (715) [in Russ.].

16. Simonov N. S. (1999) Sozdaniye voyennoy promyshlennosti v SSSR i formirovaniye sovetskogo voyenno-promyshlennogo kompleksa [Creation of the military industry in the USSR and the formation of the Soviet military-industrial complex. Thesis] [in Russ.].

17. Optner S. L. (1969) Sistemnyy analiz dlya resheniya delovykh i proizvodstvennykh zadach [System analysis for solving business and industrial problems]. Moscow [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 24—34.

УДК 332.145
ББК 65.054.12

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10303

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РЕГИОНА

О. И. Бабина, О. Н. Владимирова
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

В настоящее время для управления социально-экономическим развитием региона все чаще применяется стратегическое планирование с использованием имитационной модели. Имитационная модель в региональном стратегическом планировании позволяет органам государственного управления прогнозировать свою деятельность при наличии различных контролируемых и неконтролируемых факторов внешней и внутренней среды. Авторы проводят сравнительный анализ существующих и авторских принципов стратегического планирования. Представлена схема организации и проведения регионального стратегического планирования на основе имитационных моделей. Дополнительно разработана имитационная модель социально-экономического развития региона, которая анализирует альтернативные стратегии развития, рассматривая при этом больше альтернатив и сокращая длительность процесса планирования.

Ключевые слова: *имитационное моделирование, методический подход, стратегическое планирование, регион.*

Современное состояние рыночной экономики в России демонстрирует неэффективность регионального управления. Требуется принципиально новый подход к управлению, использующий совершенно другие инструменты. Стратегическое планирование выгодно отличается от иных функций управления. Оно позволяет принимать адекватные управленческие решения, ориентированные на анализ и прогнозирование комплексного социально-экономического развития региона.

В настоящее время во всем мире для поддержки процессов стратегического планирования региона широко применяется метод имитационного моделирования. Это легко можно объяснить сложностью и высокой степенью неопределенности внешних и внутренних процессов современного мира. Применение имитационного моделирования позволяет находить оптимальные стратегии социально-экономического развития, более рационально используя имеющиеся ресурсы региона. В свою очередь это повышает эффективность научно-технической политики региона, а также улучшает финансовое состояние региона в целом.

Анализ научных трудов отечественных и зарубежных ученых по проблемам регионального стратегического планирования показал, что достаточно глубоко и содержательно рассмотрены вопросы теоретического характера, однако ряд вопросов, касающихся инструментальных аспектов, остаются неосвещенным. Метод имитационного моделирования развивался в трудах как отечественных, так и зарубежных авторов. Применению метода имитационного моделирования для решения задач стратегического планирования региона посвящены работы Е. Д. Сушко [13], Н. Н. Лычкиной [9], Д. В. Батейкина [5], А. В. Горохова, В. А. Путилова и А. Г. Шестакова [7], Л. Бекларян [6] и др.

Проанализировав исследования вышеперечисленных ученых, заметим, что требуются дополнительные исследования, касающиеся разработки методического подхода для поддержки процессов регионального стратегического планирования с помощью технологии имитационного моделирования. Это определило необходимость проведения данного исследования, его актуальность, цель и задачи.

Цель исследования — разработка методического подхода к организации процессов регионального стратегического планирования с помощью метода имитационного моделирования.

Метод имитационного моделирования довольно перспективен, но не так широко применяется в практике регионального стратегического планирования в России. Причиной этому является отсутствие методики построения имитационных моделей для региона, позволяющей учитывать современные реалии развития и функционирование региональных систем, а также новые подходы и возможности пакетов имитационного моделирования. На рис. 1 представлена схема организации и проведения регионального стратегического планирования на основе имитационных моделей.

Рис. 1. Схема организации и проведения регионального стратегического планирования на основе имитационных моделей

Примечание: составлено авторами исследования.

Для разработки методического подхода необходимо сформулировать принципы, на которых этот подход будет опираться. Впервые общие принципы стратегического планирования были сформулированы И. Ансоффом [1]. В современной практике стратегического планирования, помимо классических, широко известны дополнительные принципы, сформулированные В. Е. Селиверстовым [11], О. О. Смирновой [12], С. Ю. Зеленцовой с соавт. [8], З. В. Разиловым [10].

В Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» указываются следующие принципы стратегического планирования: единства и целостности, сбалансированности системы, прозрачности (открытости), разграничения полномочий, ресурсной обеспеченности, ответственности участников планирования, реалистичности, результативности и эффективности, преемственности и непрерывности, изменяемости целей, соответствия показателей целям [15].

Проанализировав данные принципы, можно сделать вывод, что часть из них имеют определяющий характер (например, принципы системности и комплексности, целенаправленности, гибкости), часть — вторичный (например, принципы партнерства; научности, объективности и доказательности).

В качестве основополагающих дополнительных принципов целесообразно выделить следующие: *доступности исходных данных, стохастичности, сравнения альтернатив, разнообразия планов, соизмеримости затрат и результатов, гибкости корректировки, точности показателей*. Заметим, что сам список принципов представлен в работе [3], однако в ходе настоящего исследования они актуализированы и обоснованы. Данный перечень принципов максимально полно отвечает современным реалиям функционирования и развития региональных систем. Предложенные принципы определяют правила организации и разработки стратегического планирования на мезоуровне с использованием технологии имитационного моделирования.

В табл. 1 проведен сравнительный анализ существующих и авторских принципов стратегического планирования. Из таблицы видно, что авторские принципы ориентированы на организацию процессов стратегического планирования с использованием технологии имитационного моделирования, в то время как существующие принципы больше ориентированы на традиционные методы.

Система показателей социально-экономического развития региона — показатели, которые состоят

Таблица 1

Сравнение существующих и авторских принципов стратегического планирования

№	Существующие принципы	Отличие	Сходство	Авторские принципы
1	З. В. Разилов [10]. Принцип существенности	Существующий принцип ориентирован на выбор точных необходимых показателей для планирования, авторский принцип ориентирован на наличие исходных данных	Касаются данных, необходимых для осуществления стратегического планирования	Принцип доступности исходных данных
2	Нет	Нет	Нет	Принцип стохастичности
3	С. Ю. Зеленцова, В. Е. Кирьянчук, А. Э. Крупко [8]. Принцип многовариантности	Существующий принцип указывает на необходимость разработки нескольких сценариев развития, авторский принцип подразумевает сравнение этих сценариев развития посредством технологии имитационного моделирования	Предполагают рассмотрение различных альтернатив	Принцип сравнения альтернатив
4	Нет	Нет	Нет	Принцип разнообразия планов
5	Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [15]. Принцип изменяемости целей	Существующий принцип указывает на необходимость корректировки целей, авторский принцип подразумевает корректировку плановых показателей с использованием технологии имитационного моделирования	Предусматривают корректировку плановой деятельности	Принцип гибкости корректировки
	И. Ансофф [1]. Принцип адаптивности	Существующий принцип предполагает внесение изменений в план с учетом анализа внешней и внутренней среды, авторский принцип подразумевает корректировку плановых показателей с использованием технологии имитационного моделирования	Предусматривают корректировку плановой деятельности	
6	Нет	Нет	Нет	Принцип точности показателей
7	Нет	Нет	Нет	Принцип соизмеримости затрат и результатов

Примечание: составлено авторами исследования.

в отношениях друг с другом и образуют определенную целостность и единство. Кроме того, система показателей социально-экономического развития региона представляет собой комплексную модель, характеризующую социальное, экономическое и другие состояния региона и указывающую на уровень его развития.

Авторская система показателей социально-экономического развития региона состоит из трех основных групп — основные социально-экономические, экономические и социальные (рис. 2). Первая группа показателей дает общую характеристику региона, вторая характеризует финансовую сторону региона, его экономические условия (группа «Финансы, инвестиции», группа «Добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства», группа «Предприятия и организации»). Последняя группа, «Социальные показатели», дает обобщающую оценку социальных параметров региона, используя группы «Население», «Образование, здравоохране-

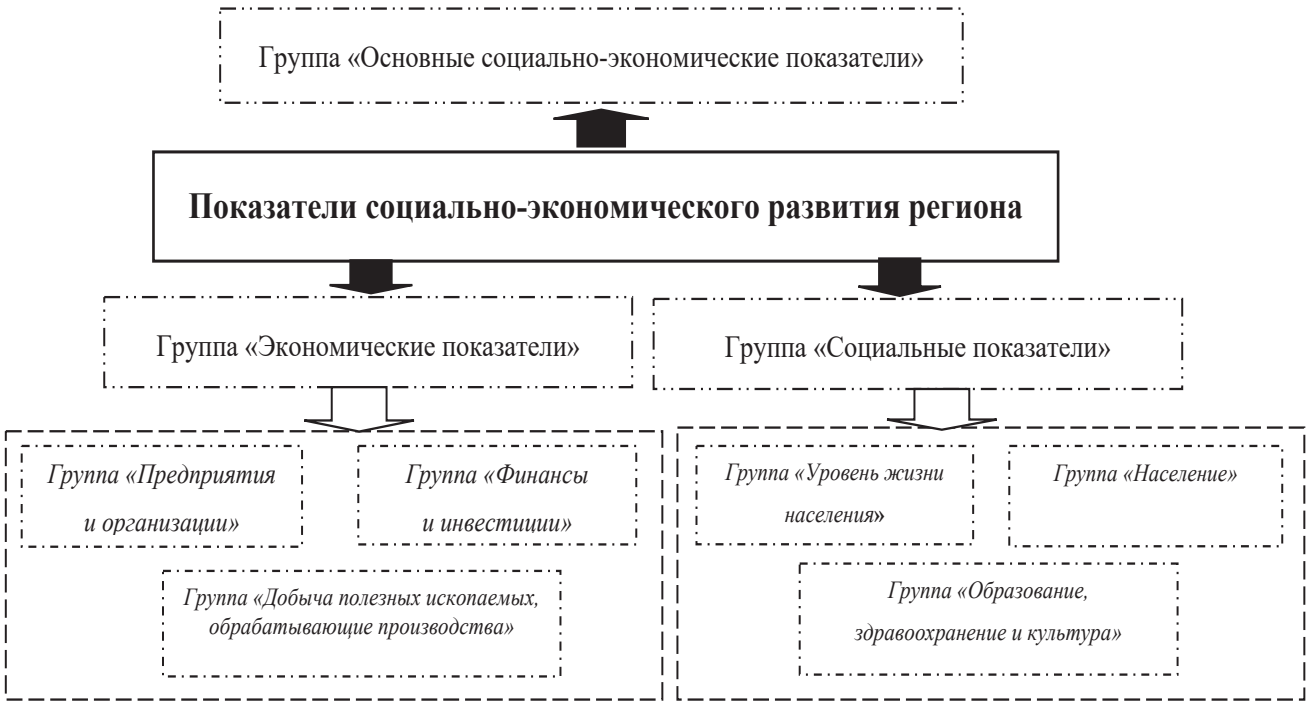

Рис. 2. Основные группы показателей социально-экономического развития региона

Примечание: составлено авторами исследования.

ние, культура», «Уровень жизни населения». Более подробно система показателей описана в работе [4].

Далее в рамках предлагаемой методики рассмотрим алгоритм организации и проведения имитационного моделирования для региональной системы из трех этапов (рис. 3—5). Заметим, что более детально алгоритм рассмотрен в работе [4], однако в ходе настоящего исследования проведена подробная детализация алгоритма на каждом этапе.

Этап 1. Предпроектное исследование объекта моделирования

На данном этапе вырабатываются требования к разрабатываемой модели, собираются данные о тенденциях развития региональной системы, анализируются возможности региона в разных сферах. Конечным продуктом данного этапа являются система целей и задач социально-экономического развития региона, детальный анализ внешней и внутренней сред, детализация структуры региона, включающая в себя основные процессы и ресурсы, параметры и показатели эффективности системы.

Этап 2. Разработка имитационной модели в программной среде

Второй этап характеризуется программированием модели с помощью выбранного программного продукта имитационного моделирования. В рамках данного этапа прорабатывается многовариантность разработки стратегии социально-экономического развития. Обычно разрабатывается три варианта развития ситуации (реальный, оптимистический и пессимистический). Формирование вариантов социально-экономического развития осуществляется исходя из первоначальных параметров целевого состояния региональной системы [14].

Этап 3. Анализ и интерпретация результатов моделирования»

На третьем этапе исследуются результаты имитационного моделирования, происходит их статистическая обработка, а также готовятся рекомендации о принятии того или иного управленческого решения по социально-экономическому развитию региона и документальное их отображение. В том случае, если решений найдено несколько, выбирается наиболее подходящее по указанному ранее критерию оптимальности.

Концептуальная модель социально-экономического развития региона представлена на рис. 6.

Из рис. 6 видно, что регион является сложной, многоуровневой социально-экономической системой. Эта система состоит из экономических агентов и рынков, управления, ресурсов и хозяйственных процессов, которые организуют процессы воспроизводства, встроенные в экономическое пространство региональной системы. Регион, с одной стороны, является самостоятельной системой, с другой — элементом более крупных систем,

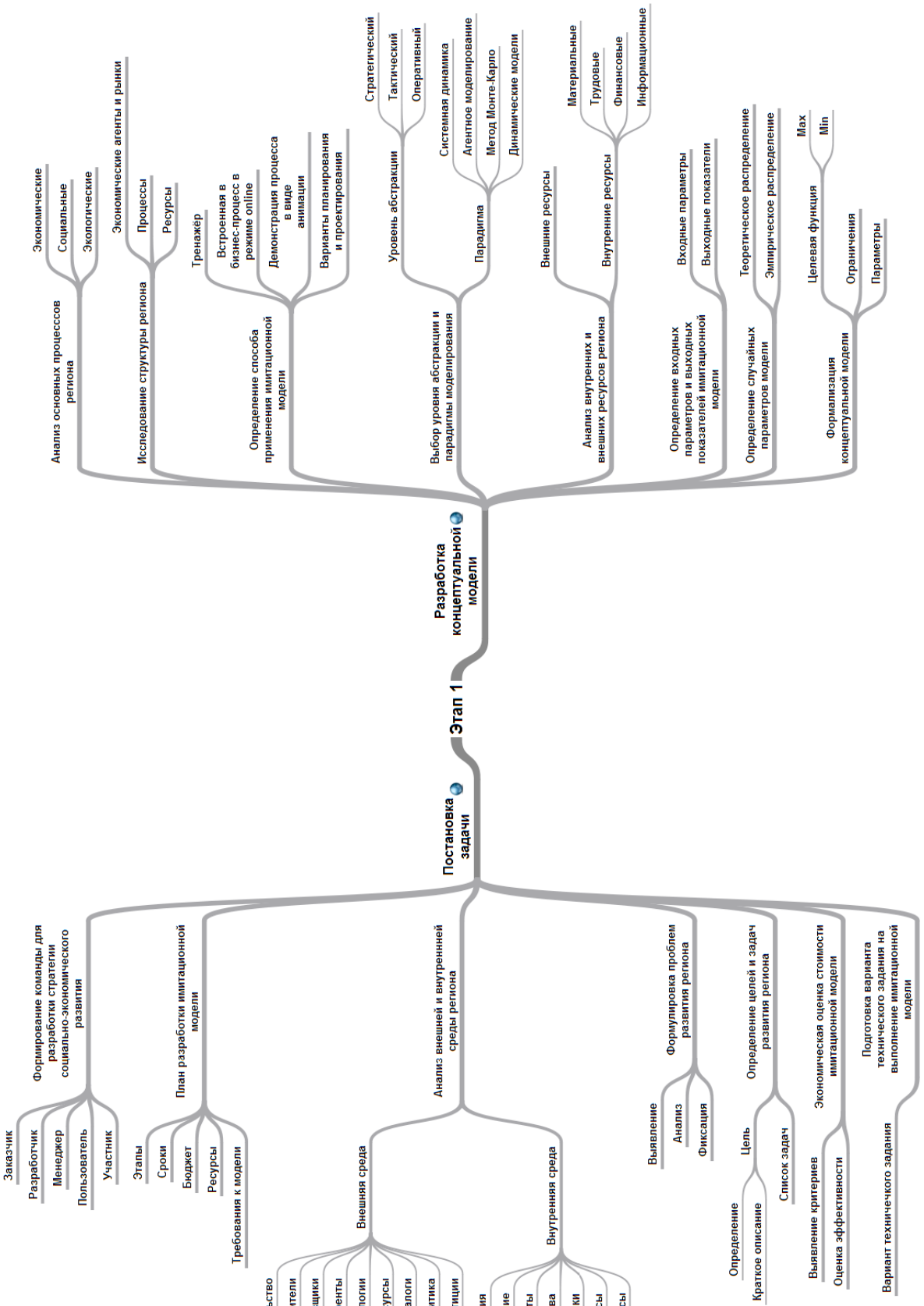

Рис. 3. Этап 1: предпроектное исследование объекта моделирования

Примечание: составлено авторами исследования.

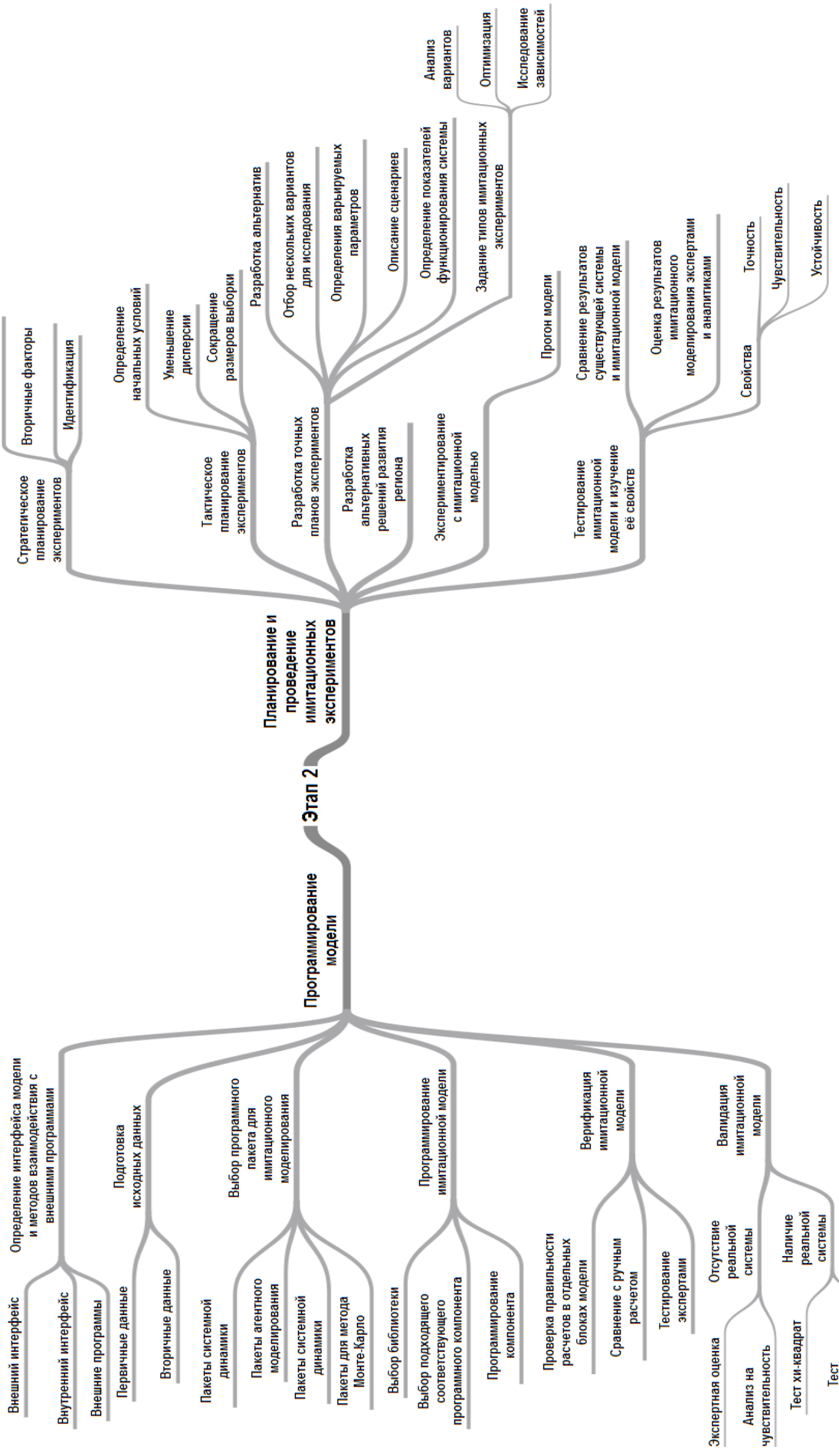

Рис. 4. Этап 2: разработка имитационной модели в программной среде

Примечание: составлено авторами исследования.

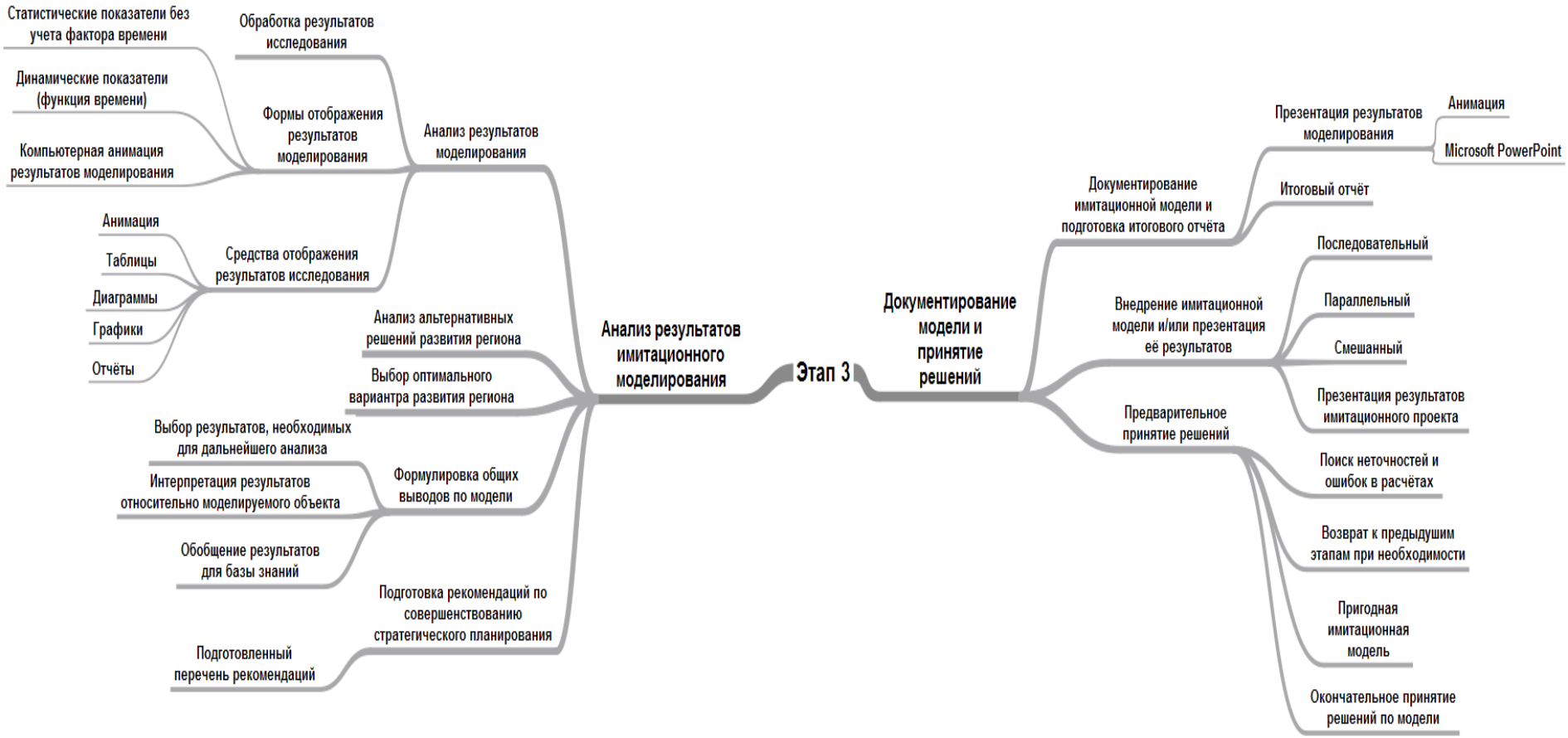

Рис. 5. Этап 3: анализ и интерпретация результатов моделирования

Примечание: составлено авторами исследования.

Рис. 6. Имитационная модель социально-экономического развития региона как «черный ящик»

Примечание: составлено авторами исследования.

таких как группа регионов, страна. Он подвергается воздействию внешних факторов (законодательство, денежно-кредитная политика, налоговая политика и т. д.). Таким образом, регион, с одной стороны, выступает в качестве объектной подсистемы для федеральной государственной региональной политики, с другой — в качестве субъекта самоуправления внутренними социальными, экономическими, экологическими и другими процессами. Выходом региональной системы являются налоговые отчисления, произведенная продукция и ресурсы.

Цель моделирования — разработать комплекс имитационных моделей, рассчитывающих показатели социально-экономического развития региона для различных сценариев, а также оценивающих мероприятия, направленные на повышение эффективности его функционирования.

Разработка и реализация имитационной модели социально-экономического развития региона осуществлена с помощью пакета имитационного моделирования Vensim 7.0 PLE. Детальное описание концептуальной модели региона дано в работе [2].

Исходя из положений «Стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 г.», рассмотрим три сценария социально-экономического развития этого региона:

1) «реалистичный» — фиксирует текущее положение социально-экономического развития и качество жизни населения;

2) «оптимистический» — соответствует росту на 2—3 % в год социально-экономического потенциала края и качества жизни населения;

3) «пессимистический» — соответствует ухудшению на 2—3 % в год социально-экономического положения и качества жизни населения края.

Оценки основных социально-экономических показателей развития экономики края, характеризующие рассматриваемые сценарии, приведены в табл. 2.

Таким образом, представленный в данной работе методический подход содержит теоретические выводы, общие закономерности современных требований рынка, а также характеризует состав применяемых принципов и методов обоснования плановых показателей, порядок их разработки на мезоуровне. Подход предназначен для расширения возможностей применения существующих методов стратегического планирования региона за счет повышения точности расчета стратегий. Это позволит обеспечить

Таблица 2

Показатели роста экономики Красноярского края при реализации реалистичного, оптимистичного и пессимистичного сценариев (2021—2027), %

Показатель	Сценарии		
	Реалистичный	Оптимистичный	Пессимистичный
Индекс физического объема инвестиций	100,3	102,7	99,5
Индекс ВРП	98,5	99,5	97,1
Уровень безработицы	4,3	6,2	3,5
Реальные денежные доходы населения	98,2	99,9	96,2
Реальные денежные расходы населения	96,7	97,2	95,3

Примечание: составлено авторами исследования.

подготовку эффективных региональных прогнозов развития, а также ускорить процесс разработки имитационных моделей, с помощью которых можно проигрывать различные стратегии социально-экономического развития региона на компьютере.

Список литературы

1. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. СПб.; М.; Харьков; Минск, 1999. 416 с.

2. Бабина О. И. Концептуальное моделирование социально-экономического развития региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3 (413). С. 70—77.

3. Бабина О. И. Стратегическое планирование на мезоуровне: генезис, принципы, проблемы и методы // Сибирский журнал науки и технологий. 2017. Т. 18, № 4. С. 958—967.

4. Бабина О. И., Владимирова О. Н. Методика разработки имитационных и оптимизационных моделей для процессов стратегического развития региона // Russian Journal of Management. 2017. Т. 5, № 4. С. 530—541.

5. Батейкин Д. В. Имитационная модель социально-экономического развития региона // Новое слово в науке: перспективы развития: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. № 1 (7). С. 207—213.

6. Бекларян Г. Л. Имитационная модель региона в применении к анализу экономики Красноярского края // Экономика и математические методы. 2019. Т. 55, № 3 С. 47—61. URL: https://emm.jes.su/s042473880005769-4-1/ (дата обращения 06.12.2020). DOI: 10.31857/S042473880005769-4.

7. Горохов А. В., Путилов В. А. Шестаков А. А. Системная динамика в управлении региональным развитием (на примере Мурманской области) // Проблемы управления и моделирования в сложных системах: тр. 6-й Междунар. конф. Самара: СНЦ РАН, 2004. С. 370—375.

8. Зеленцова С. Ю., Кирьянчук В. Е., Крупко А. Э. Многомерное адаптивно-имитационное моделирование в системе прогнозирования социально-экономического развития // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2006. № 1. С. 148—154.

9. Лычкина Н. Н. Компьютерное моделирование социально-экономического развития регионов в системах поддержки принятия решений // Материалы III Международной конференции «Идентификация систем и задачи управления» SICPRO’04. М., ИПУ РАН, 2004.

10. Разилов З. В. Стратегическое планирование социально-экономического развития территорий: дис. … канд. экон. наук. Краснодар, 2009. 166 с.

11. Селиверстов В. Е. Региональное стратегическое планирование: методология, практика, инструменты, институты: дис. … д-ра экон. наук. Новосибирск, 2011. 425 с.

12. Смирнова О. О. Концептуальные основы формирования системы стратегического планирования регионального развития Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра экон. наук. М., 2012. 50 с.

13. Сушко Е. Д. Мультагентная модель региона: концепция, конструкция и реализация. Препр. #WP/2012/292. М.: ЦЭМИ РАН. 2012. 54 с.

14. Ушаков А. К., Рязанова Л. А., Андрианов Д. Л. [и др.]. Разработка прогнозов социально-экономического развития регионов с использованием комплексной имитационной модели // Российский экономический журнал. 2000. № 2.

15. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: http://base.garant.ru/70684666/#ixzz4YicJ97yG (дата обращения 14.02.2017).

Сведения об авторах

Бабина Ольга Ивановна — эксперт Научно-исследовательской части Департамента науки и инновационной деятельности Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия. babina62@yandex.ru

Владимирова Ольга Николаевна — доктор экономических наук, профессор Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия. olgav@akadem.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 24—34.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF ORGANIZATION OF STRATEGIC PLANNING OF THE REGION

O. I. Babina
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia. babina62@yandex.ru

O. N. Vladimirova
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia. olgav@akadem.ru

Currently, strategic planning using the simulation model has become increasingly used to manage the social and economical development of the region. The simulation model in regional strategic planning allows public authorities to predict activities in the presence of various controlled and uncontrolled factors of the external and internal environment. In this paper, the authors conducted a comparative analysis of the existing and copyright principles of strategic planning. The scheme of organization and implementation of regional strategic planning based on simulation models is presented. A simulation model of the social and economical development of the region was further developed, which analyzes alternative development strategies, while considering more alternatives and reducing the duration of the planning process.

Keywords: *simulation modeling, methodological approach, strategic planning, region.*

References

1. Ansoff I. (1999) Novaja korporativnaja strategija [New Corporate Strategy]. Moscow, Kharkov, Minsk, 416 p. [in Russ.].

2. Babina O. I. (2018) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (413), pp. 70—77 [in Russ.].

3. Babina O. I. (2017) *Sibirskiy zhurnal nauki i tekhnologiy*, vol. 18, no. 4, pp. 958—967 [in Russ.].

4. Babina O. I., Vladimirova O. N. (2017) *Russian Journal of Management*, vol. 5, no. 4, pp. 530—541 [in Russ.].

5. Bateykin D. V. (2016) *New word in science: development prospects: materials of the VII International*, no. 1 (7), pp. 207—213 [in Russ.].

6. Beklaryan G. L. (2019) *Economics and mathematical methods*. T. 55. pp. 47—61. Available at: https://emm.jes.su/s042473880005769-4-1/, accessed 06.12.2020. DOI: 10.31857/S042473880005769-4 [in Russ.].

7. Gorokhov A. V., Putilov V. A. Shestakov A. A. (2004) *Pro-problems of management and modeling in complex system.* Pp. 370—375. [in Russ.].

8. Zelentsova S. Yu., Kiryanchuk V. E., Krupko A. E. (2006) *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika i upravlenie*, no. 1, pp. 148—154 [in Russ.].

9. Lychkina N. N. (2004) *Materials of the III International Conference «Identification of Systems and Management Tasks»* [in Russ.].

10. Razilov Z. V. (2009) Strategicheskoe planirovanie social'no-jekonomicheskogo razvitija territorij [Strategic planning of socio-economic development of territories. Thesis]. Krasnodar. 166 p. [in Russ.].

11. Seliverstov V. E. (2011) Regional'noe strategicheskoe planirovanie: metodologija, praktika, instrumenty, instituty [Regional strategic planning: methodology, practice, tools, institutions. Thesis]. Novosibirsk. 425 p. [in Russ.].

12. Smirnova O. O. (2012) Konceptual'nye osnovy formirovanija sistemy strategicheskogo planirovanija regional'nogo razvitija Rossijskoj Federacii [Conceptual basis of formation of the system of strategic planning of regional development of the Russian Federation . Abstract of thesis]. Moscow. 50 p. [in Russ.].

13. Sushko E. D. (2012) Mul'tagentnaja model' regiona: koncepcija, konstrukcija i realizacija [Multi-agent model region: concept, design and implementation] Moscow. 54 p. [in Russ.].

14. Ushakov A. K., Ryazanov L. A., Andrianov D. L. [et al.] (2000) *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*, no. 2 [in Russ.].

15. Federal'nyy zakon ot 28 iyunya 2014 g. № 172-FZ "O strategicheskom planirovanii v Rossiyskoy Federatsii". [Federal Law No. 172-ФЗ of 28 June 2014 "On Strategic Planning in the Russian Federation"]. *Guarant*. Available at: http://base.garant.ru/70684666/#ixzz4YicJ97yG, accessed 14.12.2020 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 35—46.

УДК 332.132
ББК 65.050.14

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10304

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ РЕФОРМА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРЕКОНФИГУРАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Р. М. Ямилов

Сарапульский политехнический институт (филиал) Ижевского государственного университета им. М. Т. Калашникова, Сарапул, Россия

Рассмотрены основания предстоящей административно-территориальной реформы. Систематизированы и критически рассмотрены принципы административно-территориального деления. Критически проанализирован национальный принцип административно-территориального деления. Предложен гидрологически-климатический принцип административно-территориального деления. Предложена периодизация административно-территориальных реформ с момента возникновения Российской Федерации. Показаны условия и основания административно-территориальной реформы на основе концепций: коммуникационной доступности, уровневого соответствия управленческих процессов, недостаточности (неполного суверенитета), антифрактальности административно-территориального образования и антифрактальности административно-территориального управления, единой цифровой управленческой платформы. Разработана концепция антифрактальности административно-территориального образования и административно-территориального управления. Рассмотрены два варианта административно-территориальной реформы. Показана необходимость ликвидации существующих субъектов РФ.

Ключевые слова: *административно-территориальное образование (АТО), административно-территориальная реформа (АТР), административно-территориальное управление (АТУ), коммуникационная доступность.*

Пандемия COVID-19, по Н. Талебу, — «белый лебедь» (вполне предсказуемое событие) [25], то есть последняя точка осознания кардинального изменения общественных отношений.

Точка бифуркации выбора варианта постиндустриального развития пройдена в 1938 г.[1] Этим вариантом стал информационализм[2] [24], в рамках которого параметризируются общественные отношения, в том числе административно-территориальное управление (АТУ).

Цель статьи — показать основания объективно необходимой административно-территориальной реформы (АТР), являющейся следствием формационного изменения общественных отношений. Необходимы глубокие научные исследования административно-территориального развития социума в контексте информационализма.

Адекватное АТУ критично для крупной страны, так как большой размер оказывает критическое значение на управление ею и саму возможность существования страны, то есть превышение размера управляемой территории над возможностями территориального управления ведет к уменьшению управляемой территории [19].

РФ необходимо тщательно подойти к АТР, в том числе к использованию европейского опыта АТР в российском контексте, так как европейский опыт АТР, за исключением колониального периода, с оговорками, неприменим в России по причинам:

— малых размеров европейских государств;

— их мононационального, за редким исключением, состава.

Слепое копирование европейского опыта АТР приведет к ошибке реформирования, как было с буквальным переносом европейского местного самоуправления в российскую практику [Там же].

Интерес представляет опыт индийских административных реформ [4—6; 18] по причине схожести территориального, национального и иных факторов и в некоторой степени исторической

[1] К. Цузе построил первую программируемую вычислительную машину [23; 26; 27].

[2] Если утверждение индустриальной эпохи происходило через неизбежную ломку общественных отношений в виде целого цикла взаимосвязанных революций и войн, которые поставили достаточно кровавую точку в существовании предыдущей, доиндустриальной эпохи, то окончательное утверждение информационализма произошло на наших глазах достаточно мягко через пандемию COVID-19, что свидетельствует о некоторой гуманизации общественных отношений.

предрасположенности российского общества к кастовости, имеющие значение для АТУ.

У России на всем протяжении развития не было совместного бытия и смысла существования Российского государства и народа как единой социальной системы.

На первый взгляд, Россия — уникальная «бессмысленная» и «бесцельная» страна, страна, существующая без смысла и цели существования, что противоречит принципу теории систем: необходимость цели существования системы для существования системы [1].

Покажем два варианта объяснения парадоксального противоречия «Россия существует, а цель и смысл существования России отсутствуют»:

Концепция «система "народ — государство"», где государство и народ — субсистемы, взаимодействующие через:

• режимы существования — включенность в общественные отношения, где активный/пассивный режим существования — государство и/или народ включены в общественные отношения / выключены;

• векторы взаимодействия государства и народа, являющиеся показателем наличия/отсутствия общего смысла субсистем системы «государство — народ»:

— векторы взаимодействия государства и народа выключены (отсутствуют). Наблюдается параллельное сосуществование государства и народа в различных пространствах общественных отношений на одной территории. Режимы существования государства и народа не оказывают никакого влияния на систему «государство — народ»;

— векторы взаимодействия государства и народа включены и имеют две направленности:

1) сонаправленные векторы взаимодействия государства и народа порождают положительную синергию, где происходит развитие системы «государство — народ»;

2) разнонаправленные векторы взаимодействия государства и народа порождают отрицательную синергию, где происходит разрушение системы «государство — народ».

Построим матрицу взаимодействия системы «государство — народ», где возможны восемь состояний системы «государство — народ». (табл. 1).

На протяжении всей истории Россия находится в состоянии 7, когда векторы взаимодействия отсутствуют, но при этом государство находится в активном состоянии, а народ в пассивном, «спящем».

Состояние 7 стабильно длительное время, так как внутри системы «государство — народ» отсутствуют конфликты субсистем «государство» и «народ» по причине отсутствия векторов взаимодействия и пассивного состояния народа.

Спорадически проявлялись и иные состояния, например, состояние 8 (Смутное время), при котором государство и народ пассивны при отсутствии векторов взаимодействия и которое было закончено через состояние 6 (завершение Смутного времени народом), когда государство пассивно, народ активен, векторы взаимодействия отсутствовали. Примеры состояния 1, когда государство и народ активны, векторы взаимодействия сонаправлены: утверждение династии Романовых, отечественные войны 1812 и 1941—1945 гг., как ответы на глобальные критические вызовы.

Так как смысл и цель существования продуцируются и/или легитимизируются народом, истинный смысл существования России сокрыт в толще народной[1].

[1] Если переиначить на понятийный аппарат современных политиков, в глубинах глубинного народа, и находится в неактивном режиме, так как государственный смысл не вызывает народного отклика.

Таблица 1

Матрица взаимодействия системы «государство — народ»

		Режим существования государства			
		активный	пассивный		
Вектор взаимодействий	сонаправленный	1	2	активный	Режим существования народа
	разнонаправленный	3	4	пассивный	
	отсутствует	5	6	активный	
		7	8	пассивный	

Примечание: разработано автором.

Для дальнейшего успешного существования России в рамках информационализма ей необходимо в кратчайший срок перейти из состояния 7 в состояние 1, то есть открыть смысл существования, иначе российская система «государство — народ» окончательно проиграет цивилизационную гонку.

Каждое состояние системы «государство — народ» имеет свою специфическую структурную и организационную формализацию в соответствующем АТУ, что необходимо учитывать при АТР;

Концепция «комплекс систем "государство" и "народ"» (рис. 1) — взаимодействие суверенного государства и суверенного народа (не признаваемого государством).

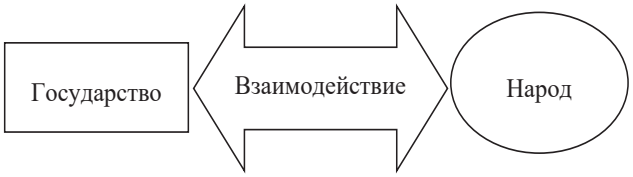

Рис. 1. Концепция «комплекс систем "государство" и "народ"»
Примечание: разработано автором.

Россия существует в двух непересекающихся социальных пространствах: государства и общества (народа).

Поэтому необходимо организовать эффективное межсистемное коммуникационное взаимодействие данных систем.

Государству необходимо признать суверенитет народа, который ранее существовал в виде прямой демократии, характерной для ранних стадий цивилизационного развития, и был упразднен по причине неэффективности в цивилизационной конкуренции, потребовавшей создания системы более высокого уровня — единой системы «государство — народ». По этому пути пошли все страны, за исключением России, оставшейся в рамках комплекса систем «государство» и «народ». Применение системы «государство — народ» в российских условиях привело бы к территориальному распаду России на маленькие страны, что произошло в Европе, так как для эффективного существования административно-территориального образования (АТО) управление территорией должно быть равно или больше управляемой территории [19], то есть система «государство — народ» в условиях коммуникационной доступности того времени должна занимать меньшую территорию, чем комплекс систем «государство» и «народ».

Возможно, в этом кроется необъяснимая в логике системы «государство — народ», загадочность и непонятность российского существования, выраженная в следующем диалоге между Э. Минихом[1] и Бюшингом, в котором Э. Миних сказал, *заметив аллегорически и с иронией*[2], что «русское государство имеет перед другими то преимущество, что оно управляется непосредственно самим Богом, ибо иначе нельзя объяснить себе, каким образом оно может уцелеть» [10. С. 265].

Так как система «государство — народ» имела большую внутрисистемную связность и большую скорость управленческих процессов, чем комплекс систем «государство» и «народ», Россия находилась в роли догоняющего.

Информационализм уравнял возможности системы «государство — народ» и комплекса систем «государство» и «народ», актуализировав прямую демократию на цифровых основаниях, то есть Россия получила шанс построить эффективное АТУ.

В дальнейшем комплекс систем «государство» и «народ» разовьется во комплекс систем «государство» и «индивидуум» (рис. 2), где каждый отдельный индивидуум приобретет суверенитет[3], то есть возникнет сетевая структура народа, а территориальная общность не будет играть решающего значения.

Так как Российское государство постоянно пытается провести АТР, — например, С. А. Тархов в 2001 г. выделил в российской истории 13 этапов

[1] Сын генерал-фельдмаршала Б. К. Миниха, которому приписали в дальнейшем сию сентенцию.

[2] Сей контекст диалога, скорее всего, реконструкция исследователя «Записок» Э. Миниха Арведа Юргенсона.

[3] Вопрос суверенитета социальных групп и отдельных индивидуумов требует специального изучения, так как на данный момент суверенитет считается признаком государства.

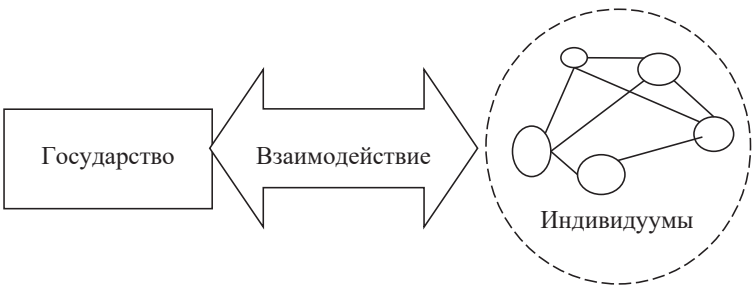

Рис. 2. Концепция «комплекс систем государство и индивидуум»
Примечание: разработано автором.

эволюции административно-территориального деления (АТД) [12], О. В. Шульгина — 6 этапов в XX веке [16], Р. Г. Данилко выделяет 4 этапа изменения АТД в XVIII — начале XXI в.[1] [2], то проблема АТР не нашла своего оптимального решения.

Значимое укрупнение начала XXI в. — это создание федеральных округов, которые де-юре не могут быть субъектами РФ, но де-факто являются надсубъектными АТО, поэтому ряд авторов говорят об административно-территориальных единицах нового типа [14; 15].

То есть в АТУ наряду с коллизией местного самоуправления, являющимся де-юре отделенным от государственного управления, но де-факто входящим в него[2] [19], существует коллизия федеральных округов, что создает определенные, пока «спящие», линии напряженности.

Возможно, федеральные округа — это зародыши укрупненной структуры АТД РФ, так как ряд исследователей видят вектор АТР, направленный на укрупнение АТО. Например, по О. В. Шульгиной, Россия находится в начале цикла укрупнения системы АТД [16. С. 46].

Ученые выделяют цикличность укрупнения/разукрупнения административно-территориального деления [12; 16; 17], при этом С. И. Евдокимов отмечает, что этапы укрупнения и разукрупнения разделяются длительными фазами устойчивого равновесия [3. С. 27].

Построим процессную модель АТУ РФ (рис. 3).

С возникновения РФ проведено четыре АТР:

• *Первая АТР* де-юре началась в 1993 г., после принятия Конституции РФ, согласно которой была создана двухуровневая система государственной власти и выделено местное самоуправление.[3] То есть была создана трехуровневая система АТУ.

[1] Полагаем, что Р. Г. Данилко рассматривал данный временной диапазон, а не указанный в статье промежуток XVIII — начало XX в., так как он включил в свою периодизацию реформы В. В. Путина 2003—2008 гг. по укрупнению субъектов РФ.

[2] Отметим, что в процессе написания статьи была принята новая редакция Конституции, где в ч. 3 ст. 132 появилась конструкция единой системы публичной власти, в которую входят органы государственной власти и местного самоуправления, тем самым сделан первый шаг к устранению указанной коллизии.

[3] Несмотря на прямое действие Конституции, местное самоуправление де-факто началась с 1995 г., с момента принятия федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», реально первые шаги местного самоуправления относятся к 1997 г. Предтечами юридического выделения местного самоуправления из системы государственной власти были Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства» (1990) и Закон РСФСР «О местном самоуправлении» (1991). Введение местного самоуправления, вызвавшее хаотизацию управленческих процессов, было политическим решением, подорвавшим основу левых политических сил, а не способом оптимизировать АТУ.

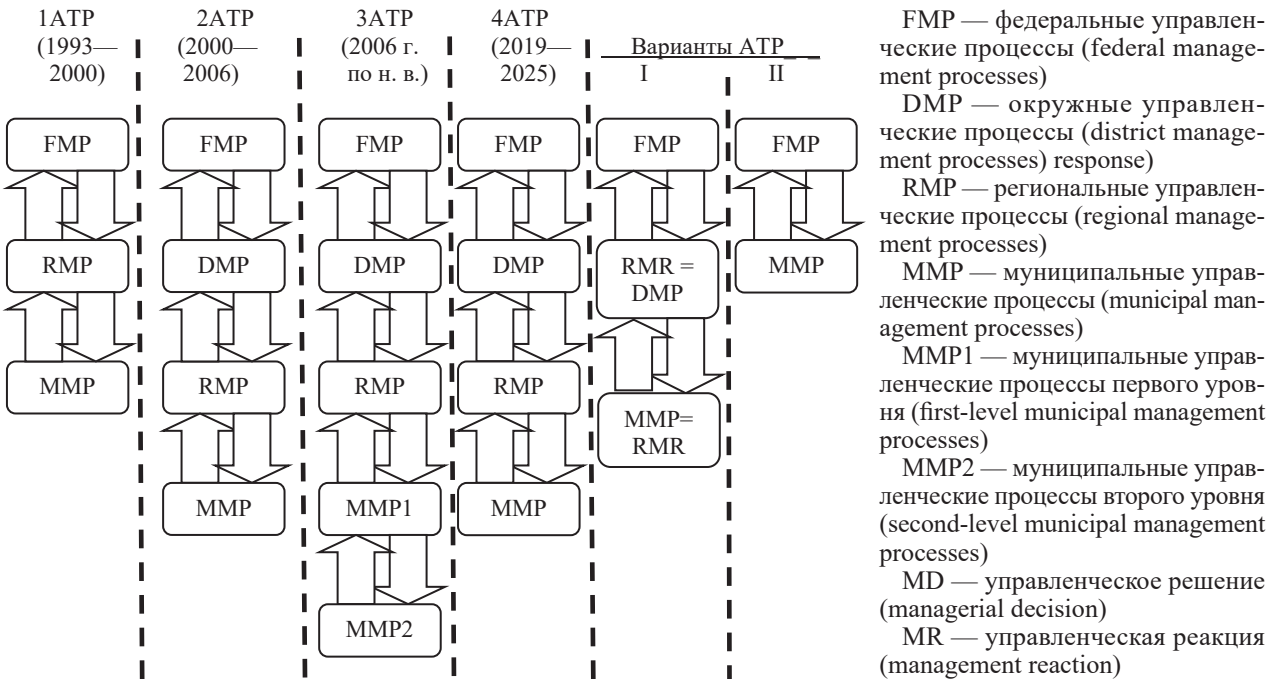

Рис. 3. Процессная модель административно-территориального управления РФ

Примечание: разработано автором.

Раздельные государственная власть и местное самоуправление пришли вместо единой системы советов народных депутатов, которая являлась государственной властью снизу до верху.

Де-юре предполагалась обособленность местного самоуправления от государственной власти, де-факто местное самоуправление стало частью государственной власти, но вместо эффективной системы народных депутатов появились неработоспособное местное самоуправление и проблемная связка между государственной властью и местным самоуправлением с регуляторными и управленческими разрывами, порождающие правовую эрозию.

Неэффективность местного самоуправления — это даже не неудачная трансдукция западного опыта муниципального управления, а отсутствие финансовой базы.

Местное самоуправление и субъекты РФ поставлены в финансовую зависимость от федерального центра.

Финансовая недостаточность субъектов РФ, созданная бюджетным процессом для удержания субъектов РФ под российским суверенитетом, является одним из малочисленных факторов единства РФ.

Финансовая недостаточность регионов, являющаяся, с позиции субъектов РФ, «несправедливой», вынуждает их поддерживать территориальную целостность Российского государства[1].

Но данный фактор может быть аннулирован смысловым фактором в случае появления у национального образования отдельной, собственной национальной идеи при соответствующей финансовой подпитке.

Если фактор финансовой недостаточности эффективен для Федерации в отношении субъектов РФ, то в отношении местного самоуправления он гибелен — и для Российского государства, и для местного самоуправления.

Выделим два варианта решения коллизии местного самоуправления:

— возврат к советской системе советов народных депутатов с учетом современных реалий и, если необходимо, — в новой терминологической упаковке, что позволит создать непротиворечивую систему АТУ РФ;

— создание финансовой основы муниципалитетов через перераспределение бюджетных отношений, особенно доходной части, что позволит создать дееспособное местное самоуправление. Осуществление данного варианта осложнено реформой бюджетного процесса, что может негативно сказаться на российской государственности.

• *Вторая АТР*, связанная с созданием федеральных округов, была мерой вынужденной и системно верным решением, так как создание надсубъектного уровня управления позволило соблюсти предел (норму) управляемости, иначе 89 субъектов РФ, являвшиеся объектами управления для федерального уровня власти, разорвали бы РФ по системным причинам, так как оптимальное количество объектов управления — в среднем семь. Например, Б. Б. Родоман, опираясь на сетку классических экономических районов, считает оптимально кратным числом субъектов РФ от 9 до 12 [9].

Создание федеральных округов ввело российское пространство в рамки управляемости по количеству объектов управления, что позволило прекратить парад суверенитетов.

Была сформирована четырехуровневая система управления.

С позиций системного подхода, максимально возможное количество уровней управления для оптимального функционирования системы — три. Увеличение уровней управления более трех приводит к неуправляемости всей системы, а не к неуправляемости системы в части превышения указанного количества уровней.

Решение проблемы управляемости по количеству объектов управления повлекло проблему неуправляемости по количеству уровней управления. То есть распад РФ по системным причинам отодвинут на время.

• *Третья АТР* ввела два уровня муниципального самоуправления, чем еще больше хаотизировала нижний уровень АТУ, так как:

— усугубила проблему превышения уровней управления;

— реформа, преследуя цель более широкого вовлечения общества в управление государством, оказалась неэффективной из-за отсутствия финансовой базы самоуправления.

Была создана пятиуровневая система управления.

• *Четвертая АТР* направлена на уменьшение количества уровней управления до четырех посредством объединения и/или поглощения муниципальным самоуправлением первого уровня муниципального самоуправления второго уровня, то есть на возврат из состояния 3-й АТР в состояние 2-й АТР.

Из анализа процессной модели АТУ РФ (см. рис. 3) можно выделить следующие проблемы, ведущие к разрушению РФ:

[1] Следует помнить генезис Российского государства, возникшего на основе умения московских князей управлять финансовыми потоками и перехватывать их.

— превышение уровней управления над максимально возможным;

— недееспособность местного самоуправления, как низового уровня территориального управления;

Отдельная проблема — определение принципа построения управляемой территории, в том числе отграничивание управляемых территорий.

Выделим способы формирования управляемой территории и АТД:

— *Исторический (естественно-исторический)* [8] — управляемые территории формировались в процессе исторического развития через объединение (войны, браки и т. д.) уже существующих управляемых территорий, то есть административные границы регионов повторяют государственные границы бывших суверенных образований, вошедших в данное государство. Данный способ самый распространенный, но неэффективный, так как создает барьеры в формировании оптимальной пространственной структуры общественных отношений.

— *Экономический* — через выделение управляемых территорий, внутренне связанных определенной территорией, специализацией, постоянными экономическими отношениями. Данный способ был предложен русскими учеными в XIX в. и осуществлен в советское время через создание десяти экономических районов (которые могли заменить существовавшие АТО), основанных на национальных принципах. В настоящее время экономические районы (макрорегионы), используются в статистических исследованиях, то есть стали способом статистической сортировки данных по территориальному признаку.

По Б. Б. Родоману, экономические районы — наилучшие единицы в качестве субъектов Федерации[1] [9].

— *Административно-картографический* — управляемые территории формируются на основе географических координат по кратчайшему расстоянию между крайними точками по широте и долготе, например штаты США.

— *Национальный*, когда управляемые территории формируются по национальному признаку. Данный способ был применен в СССР, что вместе с историческим способом привело к причудливым границам регионов и торможению развития СССР.

Считается, что этот способ АТД «взорвал» СССР, но он был одним из факторов, а не решающим. Подтверждение данного тезиса — несостоявшаяся суверенизация АТО в РФ конца XX в., когда наряду с национальными республиками полный суверенитет хотели обрести безнациональные (не декларирующие приоритет коренной национальности) области, например Уральская Республика.

Советская политика примата отдельных национальностей на некоторых территориях, по М. В. Тенсину [13], была основой неотрайбализма (неотрибализма), позволяющего получить весомые преимущества титульным национальностям, что является мягкой формой нацизма. Попытка заморозки ассимиляционных процессов этногенеза путем предоставления экономического основания для диссимиляционных процессов по национальному признаку противоречит общественному развитию[2].

Национальный сепаратизм становится весомым при наличии экономических возможностей, только самодостаточные регионы могут обрести полный суверенитет, то есть национализм — это интегральный фактор, синергетизирующий и динамизирующий иные факторы и придающий смысл центростремительным тенденциям.

Национальный принцип формирования управляемых территорий не является изобретением большевиков и применялся в Российской империи. Например, А. Ю. Саран выделяет семь управляемых территорий, основанных на национальном принципе [11]. Добавим к данному перечню черту оседлости.

— *Агломерационный* — управляемая территория формируется относительно экономически максимизированной пространственной точки или экономически максимизированного пространства. Данный способ рассматривается государственной властью РФ как наиболее перспективный. В настоящее время не имеет юридического оформления и теоретически находится в процессе разработки. Применение этого способа, особенно при неуправляемых агломерационных процессах, приведет к экономическому и социальному опустыниванию и катастрофическому обвалу общественных отношений более чем на 99 % территории РФ, за чем на этих территориях последует цивилизационное замещение иными государствами и этносами.

[1] Концепция экономических районов является конкурентом концепции федеральных округов.

[2] На наш взгляд, национальные вопросы должны быть переведены из политической плоскости в культурную, что вполне соответствует Конституции РФ. Должно быть культурное самоопределение национальностей, а не политическое.

Эти принципы не подразумевают особого значения экологических ограничений (в условиях критического антропогенного воздействия[1]), которые нужно учитывать в вопросах отграничивания управляемой территории.

— Способом, учитывающим экологические факторы, может быть *гидролого-климатический* принцип, являющийся комбинацией следующих принципов:

1) гидрологический принцип — управляемая территория, выделяется на основе бассейновых округов; например, Министерство природных ресурсов РФ в 2007 г. выделило 20 бассейнов [7], к которым следует прибавить бассейновый округ Крыма;

2) принцип климатического зонирования — управляемая территория определяется на основе климатических зон.

Рассмотрим предлагаемые варианты АТР.

На рис. 3 отображены два оптимальных на настоящий момент, с позиции автора, варианта АТР.

В анализе данных вариантов используем следующий концептуальный понятийный аппарат, формирующий условия АТР:

• Коммуникационная доступность, представляющая собой эффективное расстояние общественных процессов [19]. Автор разбил коммуникационную доступность на ряд видов [21], из которых будут использоваться два:

1) управленческая коммуникационная доступность — эффективное расстояние управленческих процессов. В контексте информационализма безгранична в рамках земного социума. Управленческая коммуникационная доступность является управленческим измерением АТР;

2) сельскохозяйственная коммуникационная доступность — эффективное расстояние сельскохозяйственной деятельности. В настоящее время с развитием производительных сил, транспортной инфраструктуры предел сельскохозяйственной коммуникационной доступности для европейской части РФ, по авторским исследованиям, равен 60 км. Сельскохозяйственная коммуникационная доступность является базовым элементом построения АТО и пространственным измерением АТР, с шагом построения управляемых территорий, кратным 1 : 6, то есть низовое управление территорий может охватывать территорию диаметром 360 км. Размер муниципального округа (района) может быть равен размеру субъекта РФ на европейской части страны.

Расширение коммуникационной доступности ведет к расширению АТО. Концепция коммуникационной доступности является основой пространственной переконфигурации АТР.

В цифровом мире возник разрыв между управленческой коммуникационной доступностью и сельскохозяйственной коммуникационной доступностью, что порождает ряд проблем.

• Уровневое соответствие управленческих процессов, когда уровню управления должны соответствовать определенные управленческие процессы. Автор выделил три уровня соответствия управленческих процессов [20. С. 9]:

1) федеральный уровень с федеральными управленческими процессами, относимыми и применимыми на всей территории страны. Например, вопросы образования и здравоохранения, отданные на откуп субъектам РФ и местной власти, являются федеральными управленческими процессами и должны осуществляться на федеральном уровне;

2) региональный уровень с региональными управленческими процессами, относимыми и применимыми только на территории субъекта РФ;

3) муниципальный уровень с муниципальными управленческими процессами, относимыми и применимыми только на территории муниципального образования.

Управленческие процессы, касающиеся национальных вопросов, должны быть перенесены с регионального уровня на муниципальный[2].

Критерий отнесения управленческого процесса к тому или иному уровню управления — пространственный охват управленческого процесса. Например, если управленческий процесс охватывает (может охватить) федеральный уровень, то это федеральный управленческий процесс и должен быть отнесен к компетенции федеральной власти без изъятий. На уровневом соответствии управленческих процессов основана функциональная переконфигурация АТУ.

[1] Правда, пандемия COVID-19 показала, что Природа в кратчайшие сроки восстанавливает экологический баланс при отсутствии или минимизации человеческого воздействия, следовательно, критичность антропогенного воздействия на биосферу переоценена.

[2] Большинство титульных народов национальных республик локализованы на территориях меньше, чем территория национальных республик. Тем самым создается незаконная и искусственная предпосылка территориального расширения титульных народов в ущерб другим этносам данных республик.

Концепция недостаточности (неполного суверенитета).

Основной посыл концепции: люди объединяются в социальные группы в случае, если выгода от данного объединения превышает выгоды от отдельного существования. Верно и обратное: если выгода от отдельного существования превышает выгоду от выгоды вхождения в группу, данная группа неизбежно распадается.

Основу любого объединения составляет недостаточность в каком-либо факторе общественных отношений, восполняемая за счет объединения.

Чтобы сохранить целостность РФ, у АТО должна быть недостаточность, покрываемая только в рамках РФ. АТО должно быть выгодно нахождение в рамках РФ, а не в рамках отдельного существования.

Экономическая и иная неполнота (слабость, недостаточность) АТО порождает силу и неразделимость всего государства через выгоду АТО от нахождения в данном государстве.

Тем самым полным суверенитетом, понимаемым как контроль над всеми общественными отношениями на всей территории, должна обладать РФ.

Регионы должны обладать неполным суверенитетом, то есть могут контролировать некоторые общественные отношения, присущие только данным регионам.

Концепция антифрактального построения АТО, когда нижестоящие уровни АТО нетождественны по контролируемым общественным отношениям вышестоящим АТО.

Концепция антифрактальности АТУ, когда у каждого управленческого процесса формируется своя управляемая территория, не совпадающая с управляемыми территориями других управленческих процессов.

Данные концепции порождают ситуацию, когда все зависят от всех[1].

Вся система СССР строилась на фрактальном основании, когда нижестоящие АТО, будучи изоморфными, являлись клонами вышестоящих и спящими «зернами» суверенитетов[2].

РФ повторяет фатальную ошибку СССР, переняв фрактальную административно-территориальную структуру при этом усугубив ее отказом от смысловой, идейной, связности[3].

Фрактальное построение АТО, а не национальный принцип формирования АТО — основной фактор разрушения СССР. Как только отдельные республики СССР, имея полный контроль над общественными отношениями на своей территории, обрели (или, как им казалось, обрели) самодостаточный базис общественных отношений, вопрос их отделения стал вопросом времени.

Фрактальность АТО повлекла за собой фрактальность АТУ, когда весь объем управленческих процессов, за некоторым изъятием, повторялся на нижестоящих уровнях.

Концепция единой цифровой управленческой платформы, являющейся краеугольным условием АТР. Эффективная цифровизация управленческих процессов, формализованная в единой цифровой управленческой платформе, может:

— снизить количество передаточных звеньев управления;

— уменьшить количество проявлений деформации менеджмента;

— ускорить управленческие процессы.

Единое цифровое пространство позволит построить эффективную и конкурентоспособную организационную структуру АТО.

Исходя из вышеизложенного, разделим проблему АТР на две взаимосвязанные подзадачи:

— определение управляемой территории;

— управление территорией.

В отношении определения управляемой территории преобладающей точкой зрения является увеличение ее размеров.

Такой же вывод вытекает и из-за расширения управленческой коммуникационной доступности.

[1] Фрактальный принцип построения социальных систем — основа гоббсовской концепции «войны всех против всех». Антифрактальный принцип построения социальных систем является основой концепции «все зависят от всех», которую еще необходимо разработать.

[2] Данный тезис подтверждается бескровным распадом СССР. Разрушение антифрактальной структуры (системы) приводит к гибели всей структуры (системы), так как субструктуры (субсистемы) антифрактальны и могут существовать только в рамках антифрактальной системы. Разрушение фрактальной системы приводит к тому. что фрактальные субсистемы становятся фрактальными системами. Социально-экономическая фрактальность распространялась на микроэкономические субъекты, поскольку советские предприятия напоминали «мини-государства», основанные на принципе самообеспечения, — имели в своем составе как непосредственно экономические структуры, так и социальные, вплоть, в случае производственных предприятий, до подсобных хозяйств. В настоящее время предприятия стали антифрактальными, соответственно, современная экономическая система прочнее, чем советская, так как все зависят от всех.

[3] Фрактальный принцип построения разноуровневых АТО в современном мире в той или иной мере является преобладающим.

Возможности управления территорией позволяют увеличить управляемую территорию, но это может быть эффективным для страны только при использовании указанных выше концепций.

В ином случае будут сформированы АТО, способные обрести полный суверенитет, так как при их укрупнении, например, до размеров федеральных округов будут созданы все условия такого шага. И даже финансовый поводок над ними не спасет РФ от разрушения, так как перехват финансовых потоков на большой контролируемой территории, особенно насыщенной центрами генерации доходов, вопрос технологии и времени, и в современных цифровых условиях может произойти мгновенно.

Нужно применить отличный от существующих, принцип отграничивания — например, гидрологоклиматический принцип формирования управляемых территорий.

В отношении управления территорией нужно применить:

— уровневое соответствие процессов управления, когда федеральные процессы осуществляются Федерацией, а не передаются нижестоящим АТО;

— антифрактальность АТУ.

Первый вариант АТР (см. рис. 3) предполагает создание (возврат) трехуровневой системы АТУ, чем восстанавливается системная стабильность по количеству уровней управления[1].

В данном случае оптимальны следующие варианты АТР:

— субъекты РФ становятся муниципальными округами, федеральные округа становятся субъектами РФ, существующее местное самоуправление территориально ликвидируется;

— субъекты РФ ликвидируются, федеральные округа становятся субъектами РФ, существующее местные самоуправления территориально увеличивают свои размеры до размеров существующих субъектов европейской части РФ.

По второму варианту АТР (см. рис. 3) создается система АТУ из двух уровней: федерального и местного самоуправления[2] [22] — при сохранении существующих размеров муниципальных субъектов.

Предел количества объектов управления для федерального уровня в отношении местного самоуправления может быть обойден через использование цифровых технологий. В данном варианте АТР отпадает возможный сепаратизм, так как муниципалитеты по их размерам объективно не могут иметь полный суверенитет в силу их локальности и недостаточности контроля над многими общественными отношениями.

При таком варианте АТР необходим пересмотр бюджетного процесса, так как муниципалитеты могут быть финансово самодостаточными без риска осуществимого сепаратизма, так как они нацелены на решение локальных задач и неспособны охватить региональный уровень.

Так сформируется дееспособное местное самоуправление, которое станет основой и опорой государства Российского.

Предложенные реформы эффективны при соблюдении условий концепций, изложенных выше.

Но без формирования цифровых компетенций индивидуумов, составляющих основу государства и народа, АТР бесполезна и, скорее всего, будет вредна, поскольку при наличии эффективного инструмента неумение пользоваться им можно приравнять в лучшем случае к отсутствию оного.

Необходима общенациональная программа ликцифбеза (ликвидации цифровой безграмотности), которая системно сформирует цифровую культуру взаимодействия, в том числе цифровую управленческую культуру. Сейчас цифровая культура, на первый взгляд, формируется стихийно, но в действительности под влиянием внешних акторов, у которых свои интересы.

[1] На наш взгляд, региональный уровень управления и даже муниципальный, являющиеся передаточными механизмами между государством и народом, в условиях информационализма излишен. Технологические возможности информационализма создали предпосылки для осуществления АТУ с одного уровня.

[2] В данном контексте введение в АТУ федеральных территорий является первым шагом к устранению регионального уровня АТУ.

Список литературы

1. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах / под ред. И. А. Ушакова. М.: Совет. радио, 1974. 272 с.

2. Данилко Р. Г. Анализ динамики концепций территориально-административного деления государства // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 45. С. 29—37.

3. Евдокимов С. И. Административно-территориальные преобразования в России: оценка исторического опыта // Псковский регионологический журнал. 2010. № 10. С. 23—28.

4. Емельянова Н. Н. Опыт индийского муниципализма и его значение для современной России // Власть. 2009. № 11. С. 130—133.

5. Крысенкова Н. Б. Организация системы децентрализованного управления в индии по территориальному принципу // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3 (70). С. 87—93.

6. Мочалов А. Н. Территориальное устройство Индии в условиях этнокультурного многообразия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5 (66). С. 62—68.

7. Приказ Министерства природных ресурсов Российской Федерации от 11 октября 2007 года № 265 «Об утверждении границ бассейновых округов». URL: http://docs.cntd.ru/document/902068761 (дата обращения 22.05.2020).

8. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3. Районный разрез плана. 3-е изд. М.: Плановое хоз-во, 1930. URL: http://istmat.info/node/44454 (дата обращения: 07.02.2019).

9. Родоман Б. Б. Сколько субъектов нужно федерации? // Отечественные записки. 2004. № 2 (17).

10. Россия и русский двор в первой половине XVIII века. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха. СПб.: Рус. старина, 1891.

11. Саран А. Ю. Исторический опыт административно-территориального деления и реформа 1923—1934 гг. в СССР // Вестник государственного и муниципального управления. 2018. № 1 (27). С. 34—45.

12. Тархов С. А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет // География. Первое сентября. 2001. № 15.

13. Тенсин М. В. Феномен «неотрибализма» в контексте современной этнополитической жизни (конец XX — начало XXI в.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2006.

14. Черкасов К. В. Федеральные округа: сущность и место в территориальном устройстве России // Государство и право. 2008. № 12.

15. Федорец М. Н. Федеральные округа: значимость и роль в государственно-территориальном устройстве Российской Федерации // Государство и право. 2018. № 10. С. 139.

16. Шульгина О. В. Особенности, этапы и факторы формирования административно-территориального деления России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2, № 5. С. 38—48.

17. Шульгина О. В. Российская Федерация: исторический опыт административно-территориального деления в XX веке // Россия и современный мир. 2008. № 1 (58). С. 145—155.

18. Штатина М. А. Административные реформы в Индии // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14, № 1. С. 166—190.

19. Ямилов Р. М. Административно-территориальная реформа: базовое соответствие территориального управления и управляемой территории // Известия высших учебных заведений. Сер.: Экономика, финансы и управление производством. 2019. № 3 (41). С. 45—51.

20. Ямилов Р. М. Пространственная деформация управленческого процесса (на примере Удмуртской Республики) // Региональная экономика и управление: электрон. науч. журн. 2016. № 4 (48).

21. Ямилов Р. М. Комплексный экономический субъект: генезис структурных преобразований // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2016. Т. 26, № 5. С. 73—82.

22. Ямилов Р. М. Менеджмент деформаций: макросистемный подход методологии изучения отклонений и искажений управленческого процесса // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 10.

23. Atherton W. A. Pioneers. Konrad Zuse: Inventor of the first successful computer // Electronics and Wireless World. N. Y.: Reed Business Publ., 1989. Vol. 95, no. 1641.

24. Castells M. The Rise of the Network Society // The Information Age: Economy, Society and Culture. 1996. Vol. I.

25. Nassim Taleb Says ‘White Swan’ Coronavirus Pandemic Was Preventable. URL: https://www.bloomberg.com/news/videos/2020-03-30/nassim-taleb-says-white-swan-coronavirus-pandemic-was-preventable-video?sref=kNX4EXaz (дата обращения 22.05.2020).

26. Rojas R., Bauer F. L., Rojas R. Die Rechenmaschinen von Konrad Zuse. Berlin: Springer, 1998. Bd. VII. 221 S.

27. Zuse K. Der Computer: Mein Lebenswerk. Berlin; Heidelberg: Springer, 1984. 231 S.

Сведения об авторе

Ямилов Рамиль Могатович — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и гуманитарные науки» Сарапульского политехнического института (филиал) Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Сарапул, Россия. jaramo@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 35—46.

ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL REFORM: CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR THE RECONFIGURATION OF THE RUSSIAN SPACE

R. M. Yamilov
Sarapul Polytechnic Institute (branch) of M. T. Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Sarapul, Russia.
jaramo@mail.ru

The reasons for the upcoming administrative-territorial reform are considered. The principles of administrative-territorial division are systematized and critically considered. The national principle of administrative-territorial division is critically analyzed. The hydrological and climatic principle of administrative-territorial division is proposed. The periodization of administrative-territorial reforms since the emergence of the Russian Federation is proposed. The conditions and basis of administrative-territorial reform on the basis of concepts: communication accessibility, level of compliance management processes, failure (incomplete sovereignty), antiflatulent of the administrative-territorial formations and antiplatelet administrative-territorial control, digital single management platform. The concept of antifractality of administrative-territorial education and administrative-territorial administration is developed. Two variants of administrative-territorial reform are considered. The necessity of liquidation of the existing subjects of the Russian Federation is shown.

Keywords: *administrative-territorial formation, administrative-territorial reform, administrative-territorial management, communication accessibility.*

References

1. Akoff R., Emeri F. (1974) O celeustremlennyh sistemah [On purposeful systems]. 272 p. [in Russ.].
2. Danilko R. G. (2013) *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, no. 45, pp. 29—37 [in Russ.].
3. Evdokimov S. I. (2010) *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, no. 10, pp. 23—28 [in Russ.].
4. Emel'yanova N.N. (2009) *Vlast'*, no. 11, pp. 130—133 [in Russ.].
5. Krysenkova N. B. (2018) *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, no. 3 (70), pp. 87—93 [in Russ.].
6. Mochalov A. N. (2017) *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, no. 5 (66), pp. 62—68 [in Russ.].
7. Prikaz Ministerstva prirodnyh resursov Rossijskoj Federacii ot 11 oktyabrya 2007 goda № 265 "Ob utverzhdenii granic bassejnovyh okrugov" [On the approval of the boundaries of basin districts]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/902068761, accessed 22.05.2020 [in Russ.].
8. Pyatiletnij plan narodno-hozyajstvennogo stroitel'stva SSSR. Rajonnyj razrez plana [Five-year plan for the national economic development of the USSR], vol. 3. Available at: http://istmat.info/node/44454, accessed 07.02.2019 [in Russ.].
9. Rodoman B. B. (2004) *Otechestvennye zapiski*, no. 2 (17) [in Russ.].
10. Rossiya i russkij dvor v pervoj polovine XVIII veka. Zapiski i zamechaniya gr. Ernsta Miniha [Russia and the Russian court in the first half of the 18th century. Notes and remarks gr. Ernst Minich]. St. Petersburg, Russkaya starina. 265 p. [in Russ.].
11. Saran A. Yu. (2018) *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*, no. 1 (27), pp. 34—45 [in Russ.].
12. Tarhov S. A. (2001) *Geografiya. Pervoe sentyabrya*, no. 15 [in Russ.].

13. Tensin M. V. (2006) Fenomen “neotribalizma” v kontekste sovremennoj etnopoliticheskoj zhizni (konec XX — nachalo XXI v.) [The phenomenon of “neotribalism” in the context of modern ethnopolitical life (late XX — early XXI cent.). Abstract of thesis]. Izhevsk [in Russ.].

14. Cherkasov K. V. (2008) *Gosudarstvo i pravo*, no. 12 [in Russ.].

15. Fedorec M. N. (2018) *Gosudarstvo i pravo*, no. 10 [in Russ.].

16. Shul’gina O.V. (2009) *Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, vol. 2, no. 5, pp. 38—48 [in Russ.].

17. Shul’gina O. V. (2008) *Rossiya i sovremennyj mir*, no. 1 (58), pp. 145—155 [in Russ.].

18. Shtatina M. A. (2019) *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*, vol. 14, no. 1, pp. 166—190 [in Russ.].

19. Yamilov R. M. (2019) *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Seriya: Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom*, no. 3 (41), pp. 45—51 [in Russ.].

20. Yamilov R. M. (2016) *Regional’naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal*, no. 4 (48) [in Russ.].

21. Yamilov R. M. (2016) *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i parvo*, vol. 26, no. 5, pp. 73—82 [in Russ.].

22. Yamilov R. M. (2016) *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, no. 10 [in Russ.].

23. Atherton W. A. (1989) *Electronics and Wireless World*. N.Y.: Reed Business Publ., vol. 95, no. 1641.

24. Castells M. (1996) *The Information Age: Economy, Society and Culture*, vol. I.

25. Nassim Taleb Says ‘White Swan’ Coronavirus Pandemic Was Preventable. Available at: https://www.bloomberg.com/news/videos/2020-03-30/nassim-taleb-says-white-swan-coronavirus-pandemic-was-preventable-video?sref=kNX4EXaz, accessed 22.05.2020.

26. Rojas R., Bauer F. L., Rojas R. (1998) Die Rechenmaschinen von Konrad Zuse. Berlin: Springer, Bd. VII. 221 S.

27. Zuse K. (1984) Der Computer: Mein Lebenswerk. Berlin Heidelberg, Springer. 231 S.

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 47—53.

УДК 334.02
ББК 65.291.213

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10305

ПРОСТРАНСТВО СТРАТЕГИЙ ПРЕДПРИЯТИЯ

Е. В. Николаева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 20-510-92006.

Поведение современных предприятий на товарных и финансовых рынках, в сфере управления персоналом, в области разработки и внедрения инноваций подчиняется определенным правилам. Особое внимание привлекает стратегическое поведение, ориентированное на достижение результата в средне- и долгосрочной перспективе. Для научного осмысления феномена стратегического поведения необходима обоснованная классификация стратегий. В статье предложена авторская типология стратегий предприятия, основанная на анализе существующих подходов и обозначенная как пространство стратегий. Предложенная типология имеет пять измерений, что позволяет учесть большинство нюансов, отличающих одну стратегию от другой. Также в статье представлен алгоритм анализа стратегий, разработанный на основе авторской типологии. Результаты исследования могут использоваться при изучении стратегий реальных предприятий и их трансформации.

Ключевые слова: *стратегия, стратегия предприятия, виды стратегий предприятия, стратегическое поведение.*

Термин и понятие «стратегия» пришло в экономические науки из военного дела. Начиная с древних времен вопросами достижения успеха в военных делах интересовались в Древнем Китае. Как показывает новейшая история, бизнес-среда и экономика в целом стали новой ареной для «войны» и победы, и по этой причине трансфер понятия «стратегия» в сферу описания экономических взаимодействий оправдан и полезен.

Целью настоящей статьи является анализ подходов к типологии стратегий предприятий в контексте тех условий, которым эти стратегии соответствуют наилучшим образом, и выделение на этой основе алгоритма анализа типов стратегий российских предприятий.

Для достижения цели последовательно решаются три задачи. Во-первых, анализируются подходы к самому понятию «стратегия». Во-вторых, проводится сравнительный анализ подходов к типологии стратегий в научной литературе и бизнес-литературе. В-третьих, предлагается алгоритм анализа типов стратегий для российских предприятий, основанный на концепте «пространства стратегий».

Ф. Николс резонно замечает, что стратегия является как бы мостом, соединяющим политику и тактику [1]. В этом стратегия компании наследует «военный», изначальный смысл. С одной стороны, стратегия предваряет тактику, обеспечивая распределение необходимых ресурсов наилучшим образом (применительно к военному делу — отвечает за размещение войск до начала боевых действий), а с другой — стратегия является средством реализации на практике выбранной политики компании (что также близко «военной» трактовке стратегии). Б. Х. Лиддел Харт в [2] привел определение военной стратегии, которое носит универсальный характер: «искусство распределения и применения средств для достижения целей политики».

Дж. Штайнер [3] в рамках разработки проблем стратегического планирования, использовал косвенные определения стратегии, получившие широкую известность:

1. Стратегия — это то, чем занимается высшее руководство и что важно для организации.
2. Стратегия отвечает на вопрос: к каким целям мы стремимся и как их достичь?
3. Стратегия отвечает на вопрос: что должна делать организация?

Однако все эти определения носят довольно размытый характер и не позволяют использовать их в прикладных исследованиях конкретных стратегий или разработке концептуальных подходов.

Подобного же подхода придерживался и Г. Минцберг, не определяя стратегию однозначно. Он использовал в своих работах такие определения, как:

I. Стратегия — это результат столкновения намерений с изменяющейся реальностью и стремления к ней приспособиться [4].

II. Стратегия — это модель поведения (pattern), проявляющаяся в потоке решений [См.: 19].

При этом он отмечал наличие различных школ в исследовании стратегий и предлагал их группировать по трем направлениям: планирования, адаптации и предпринимательства, — затрагивающих разные стороны стратегии. Главный вывод, который был озвучен по результатам эмпирического исследования стратегий: формирование стратегии — это процесс взаимодействия динамичной среды и внутрифирменной бюрократии при посредничестве лидерства, подчиняющийся некоторым правилам изменений, в том числе в зависимости от стадии жизненного цикла, и изучение соотношения между намеченной и реализованной стратегиями позволит понять суть этих процессов.

К. Эндрюс [5] дал строгое определение стратегии, отталкиваясь от точки зрения Г. Минцберга: «…Стратегия — это образ принятия решений в компании, который определяет и раскрывает ее цели, предназначение, задачи, вырабатывает руководящие политики и планы, направленные на их достижение, определяет масштаб и сферу деятельности компании, тип экономической и социальной организации, которой компания является или стремится стать, а также экономический и иной эффект, который организация стремится оказать на акционеров, сотрудников, клиентов и сообщества» [Ibid. P. 18—19].

М. Портер, изучая одну из разновидностей стратегии предприятия — конкурентную стратегию, определил последнюю как «способ стать другим», то есть быть отличным от других в глазах конкурентов [6]. Кроме того, он определяет стратегию как комбинацию целей, к которым фирма стремится, и средств достижения этих целей [7]. Это является слишком широким для использования определением.

Б. Трегу и Дж. Циммерман [8] определили стратегию как рамку (структуру), направляющую выбор, который определяет природу и направление развития организации. На практике это сводится к поиску продуктов или услуг и рынков для их продажи. При этом выделяются девять движущих сил стратегии, между которыми необходимо сделать стратегический выбор: предлагаемый продукт, потребности рынка, технология, производственные возможности, способ продаж, способ распространения продукта, природные ресурсы, размер (рост), отдача (прибыль).

М. Роберт [9], в целом соглашаясь с Б. Трегу и Дж. Циммерманом, предложил скорректировать список движущих сил: продукт, пользователь (потребитель), тип рынка, производственные мощности / способности, технология, способ продаж/продвижения, способ распространения, природные ресурсы, размер (рост), отдача (прибыль). Кроме того, он отметил прикладную и научную важность уточняющих терминов — стратегический менеджмент и стратегическое мышление.

М. Трейси и Ф. Вирсема [22; 23] развили этот подход, определяющий стратегию как способ концентрации компании на одном из направлений, в котором она способна преуспеть. Речь идет о трех возможных направлениях:

1. Операционное совершенство: стратегия компании ориентирована на лидерство по цене и удобству для потребителя.

2. Близость к клиенту: стратегия направлена на формирование долгосрочной лояльности клиента за счет адаптации продуктов и услуг под нужды клиентов.

3. Продуктовое лидерство: стратегия основана на постоянном внедрении новых продуктов и услуг, формировании и заполнении вновь создаваемых рыночных ниш.

Каждый из вариантов стратегии предполагает свой, отличающийся от других, способ достижения. Следует отметить, что компания может использовать «маскировку», то есть публично продвигать один тип стратегии, в то время как реальные усилия и действия ориентировать на другой, тем самым дезориентируя конкурентов.

М. Ривс, К. Лав и Ф. Тилманс [19] предлагают рассматривать стратегию как «средство достижения наилучших результатов компании», вне зависимости от того, о какой форме средств идет речь, хотя указывают на доминирующую роль планов в их числе.

Г. Б. Клейнер предлагает рассматривать стратегию как элемент «интенциального» (целевого) пространства предприятия, совокупности представлений о его желаемом состоянии [16. С. 275]. При этом он указывает два возможных места стратегии: между миссией и целью или между целями и задачами. Уточнение определения стратегии в контексте других элементов интенциального пространства предприятия позволяют ему сделать вывод, что стратегия меняет производственный потенциал предприятия и в этом отличается от тактики, которая направлена на использование этого потенциала. В результате стратегия выполняет следующие функции (роли), [16. С. 285—287]:

1) стратегия как достижимый идеал;
2) стратегия как интегратор;
3) стратегия как образец для имитации;
4) стратегия как основа для реагирования на внешние события и вызовы;

5) стратегия как власть над предприятием;

6) стратегия как конкурентная позиция предприятия;

7) стратегия как система мотивации и контроля персонала;

8) стратегия как средство обеспечения целостности предприятия.

Подводя итог рассмотренным подходам к определению стратегии, следует заметить, что если бы никакой стратегии не существовало, то ее следовало бы выдумать — так важна она для любой организации, и так сильно влияет на результаты, и так помогает объяснить суть многих происходящих в организации процессов.

И. Гурков предлагает [17] рассматривать стратегию как систему решений и действий, направленных на достижение долгосрочных целей человека или организации. При этом он отмечает четыре основных направления, в которых должны развиваться современные (корпоративные) стратегии: стратегические инновации, отбор новых рынков и отраслей, роль корпоративного центра как генератора стоимости, ответственность корпорации перед различными группами ее окружения (стейкхолдерами).

Обычно к формулировке типов стратегии различные авторы подходили индуктивно, то есть через перечисление и анализ конкретных проявлений.

Так, классик этого направления Г. Минцберг предложил два альтернативных варианта классификации. Первый [10] основан на «разночтениях» самого понятия стратегий, стратегия рассматривается как «5P»: plan, ploy, pattern, perspective, position. Самое распространенное понимание стратегии — как плана (plan) — предполагает, что компании формулируют основные направления своей деятельности, показатели для оценки ее успешности и выделяют для этого необходимые ресурсы. Обычно период стратегического планирования охватывает 3—7 лет, но бывают и более долгосрочные планы. Стратегия как уловка (ploy) используется компаниями как определенная маскировка, пускание пыли в глаза или обходной маневр, призванный запутать «неприятеля» (конкурента) и направить его по ложному следу. Для успешных компаний, действующих на высококонкурентном рынке, это необходимый элемент для последующей победы. И если первые две трактовки стратегии предполагают ее «навязывание» предприятию, то стратегия как модель поведения (pattern), напротив, демонстрирует возможность «выращивания» и оформления стратегии из успешного опыта текущей деятельности. Такое видение стратегии мотивирует руководителя к использованию успешного опыта самой компании в будущих стратегических решениях, пусть даже он не подтверждается «книжными» установками. Четвертое понимание стратегии — как позиции (position) — отсылает нас к модели конкурентных сил М. Портера. Стратегия может реализовывать текущую модель поведения в пространстве действующих конкурентных сил и трактоваться именно так (стратегия «бабочек», «хитрых лис» и т. п.). И, наконец, пятое прочтение стратегии — как перспективы (perspective) — отсылает нас к мотивирующей функции любого управленческого акта, к числу которых относится и стратегия. Это проявление стратегии можно найти в формулировке миссии компании. Следует отметить, что Г. Минцберг не проводил жестких разграничений между этими типами. Так, план, заявленный в открытую, вполне может стать уловкой для конкурентов, а транслируемая модель поведения или текущее положение компании может использоваться как основа для перспективы.

Вторая, более подробная и детализирующая разнообразие стратегий в измерении «преднамеренности — возникновения» (deliberate — emergent), представлена в работе [11] и подробно рассмотрена в [12]. Следует выделить восемь типов стратегии: плановая (основана на общих формальных планах), предпринимательская (основана на разделяемом всеми видении руководителя), идеологическая (основана на разделяемом всеми видении без конкретного авторства — «сделаем мир лучше»), зонтичная (основана на сборке действующих стратегий под рукой лидера), процессная (основана на планировании развития процессов, а не результатов), несвязная (представляет собой конгломерат стратегий отдельных подразделений, не связанных между собой), консенсусная (является результатом компромиссов между группами влияния в организации) и навязанная извне (фактически это движение по течению, что тоже может быть результатом стратегического выбора). Каждый из вариантов предлагает различную природу стратегии, степень преднамеренности и основу гибкости. Также Г. Минцберг и Э. Уотерс говорят о различии намеченной (intended) и реализованной (realized) стратегии: в реальности наши намерения и цели в форме продуманной (deliberate) стратегии подвержены влиянию новых факторов, порождающих возникающую (emergent) стратегию фирмы (см. подробнее в [18]). И их комбинация дает ту стратегию, которую фирмы реализуют, а мы — наблюдаем.

К. Эндрюс поддержал типологию Г. Минцберга, а также в ее развитие предложил иную,

«вертикальную» типологию: корпоративная стратегия — бизнес-стратегия — функциональная стратегия [5].

Р. Майлз и К. Сноу [13] предложили альтернативную типологию стратегий, в основе которой — четыре типа стратегического управления:

1. Старатель (prospector): стратегия старателя предполагает постоянный поиск новых рыночных возможностей, через инновации и разработку новых продуктов (услуг). Такая стратегия — самая гибкая и не предполагающая формальной структуры, и одной из задач такой стратегии является создание изменений и неопределенностей, на которые конкуренты обязаны как-то отвечать. Фактором успеха таких стратегий являются технологические (включая IT) способности. Ориентация подобной стратегии — внешняя.

2. Защитник (defender): диаметрально противоположная первой стратегия, ориентированная на сохранению существующих позиций на существующем рынке. В этих целях организация снижает издержки и повышает эффективность процессов. Для этого используется иерархическая система управления и контроля (в том числе финансового). Стратегия ориентирована вовнутрь компании.

3. Анализатор (analyzer): эта стратегия — попытка скомбинировать две названные выше, то есть использовать преимущества и низких издержек, и внедрения продуктовых инноваций. Как следствие, такие организации используют сочетание иерархических элементов в управлении и гибких, неформальных процедур [См.: 14].

4. Реагирующий (reactor): это поведение — практически отсутствие стратегии как таковой [15], означает реакцию на внешние воздействия и формирование линии поведения как ответа на них.

Таким образом, предлагается линейное восприятие возможных типов стратегии, в шкале «сохранение — инновации».

М. Ривс, К. Лав и Ф. Тилманс [19] предложили двухмерную типологию стратегий, отталкиваясь от двух характеристик среды и самой стратегии: непредсказуемости и пластичности. Они предложили рассматривать четыре типа стратегий: классическую (classical) (среда предполагается предсказуемой, и малопластичной), адаптивную (adaptive) (среда предполагается непредсказуемой, но малопластичной), визионерская (visionary) (среда предполагается предсказуемой, но пластичной) и стратегия формирования (shaping) (среда предполагается непредсказуемой и пластичной). Кроме того, они упоминают «стратегию обновления» (renewal), не вполне обоснованно давая ей такое название: в действительности речь идет о «панике на корабле», когда о стратегии речь практически не идет, и единственная стратегическая цель — выживание. В развитие этого подхода, М. Ривс, К. Ханес и Дж. Синья [20] предложили сопоставлять фактически используемые типы стратегий и характеристики среды (являющиеся производными от той отрасли, в которой предприятие работает). Они выдвинули гипотезу о том, что наилучшие результаты показывает то предприятие, стратегия которого по типу соответствует среде. Говоря коротко, для классической стратегии секрет успеха заключался в формуле «будь большим», для адаптивной — «будь быстрым», для визионерской — «будь первым», для стратегии формирования — «стань дирижером», а для стратегии обновления — «выживи».

Г. Б. Клейнер предлагает [16], основываясь на авторском исследовании подсистем предприятия, выделять тринадцать «разделов» стратегии, характеризующих различные подсистемы (условно можно назвать горизонтальной классификацией стратегий): товарно-рыночная стратегия, ресурсно-рыночная, технологическая, интеграционная, финансово-инвестиционная, кадровая, культурная, институциональная, когнитивная, имитационная, эвентуальная, стратегия управления и стратегия реструктуризации. Такая классификация не отвечает на вопрос о том, какой может быть стратегия, как во многих других случаях, зато дает представление о том, из каких элементов может состоять стратегия любого предприятия.

И. Гурков предложил интересный подход [17], который может быть использован для лучшего понимания «пространства», где могут определяться стратегии. Его пространство стратегий — трехмерное и основывается на том, как корпорация отвечает на три стратегических вопроса:

1) Как принимаются стратегические решения (рационально или интуитивно)?

2) Как выполняются стратегические решения (через планирование или поиск возможностей — «оппортунизм»)?

3) Кто принимает стратегические решения (лидер(ы) или широкий круг компетентных сотрудников)?

Таким образом, даже если в каждом измерении выделить по два варианта значений, мы получим восемь типов стратегии.

Возникает важный для исследования стратегий и их изменения вопрос: каким наилучшим образом идентифицировать стратегию предприятия,

имея в виду множественность подходов к их типологии. Исходя из рассмотренных выше подходов, целесообразно объединить несколько классификаций по типу Ривса [19; 20] и Гуркова [17], создав, таким образом, многомерное пространство стратегий. В качестве отправной точки для такой классификации будем использовать шкалу Г. Минцберга; кроме того, дополним эту классификацию подходами Ривса, Гуркова, Майлза и Сноу, а также К. Эндрюса (табл. 1).

Нетрудно заметить, что некоторые классификации близки друг другу, и с высокой степенью достоверности можно предположить, что они будут дублировать друг друга. Например, № 1, 3 и 5 могут быть объединены. Кроме того, классификации 8 и 9 — они про иные формы стратегий вообще, и по ним не будет полноценного измерения, а будет только дискретная констатация фактов, какие стратегии к какому типу относятся. Тогда, отсекая лишнее, получим 5-мерное пространство стратегий, в котором можно анализировать поведение реальных предприятий, в том числе проводить межстрановые и динамические сопоставления. Однако классификации 7 и 8 также могут использоваться в анализе стратегий, но на последующих этапах.

Алгоритм анализа стратегии предприятия будет выглядеть следующим образом:

1. Выявление устойчивых элементов (структуры) в потоке решений предприятия, включая анализ официальных стратегических документов, информации сайтов и социальных сетей, в том числе критической, а также интервью руководителей с целью первичной идентификации типа стратегии на основе пятимерной схемы (табл. 2).
2. Анализ отклонений в реализованной стратегии от заданной.
3. Проведение опроса и интервью работников и руководителей с целью более точной идентификации типов стратегий.
4. Выявление уровня исследуемой стратегии согласно классификации Э. Эндрюса.
5. Анализ соответствующей стратегии среды предприятия в контексте схемы БКГ (предсказуемости — пластичности).
6. Анализ изменений в стратегии за последние 5—10 лет.
7. Анализ результатов компаний в зависимости от выбранной ею типа стратегии. Для этого можно использовать подход, представленный в [21].

Таким образом, в статье представлен анализ наиболее популярных подходов к определению и типологии стратегии предприятия, изложенных в работах российских и зарубежных авторов. Предложено пятимерное пространство стратегий, при помощи которого можно описывать стратегии предприятия (изменения: жесткости, предсказуемости среды, принятия решений, иерархичности, консерватизма). Также предложен алгоритм анализа типов стратегий, основанный как на разработанной пятимерной типологии, так и на других сделанных автором обобщениях и выводах. Этот

Таблица 1

Обобщение и выравнивание подходов к идентификации типов стратегии

№ п/п	Автор	«Измерение»	1-й полюс	2-й полюс
1	Г. Минцберг-1	Степень предопределенности, заданности	Deliberate (преднамеренная)	Emergent (возникающая)
2	Ривс и коллеги-1	Степень предсказуемости	Основана на предпосылке предсказуемости будущего	Основана на предпосылке непредсказуемости будущего
3	Ривс и коллеги-2	Степень пластичности	Жесткая (не может свободно меняться)	Гибкая (может свободно меняться)
4	И. Гурков-1	Способ принятия стратегических решений	Рационально	Интуитивно
5	И. Гурков-2	Способ реализации стратегии	Через планирование	Через поиск возможностей
6	И. Гурков-3	Актор, принимающий решения (степень иерархичности)	Лидер(ы)	Широкий круг компетентных сотрудников
7	Майлз и Сноу	Ориентация стратегии на практике (степень консерватизма)	Защитник	Старатель
8	К Эндрюс	Уровень в иерархии	Функциональная	Корпоративная
9	Г. Минцберг-2	Реальность	Реализованная	Намеченная

Примечание: составлено автором.

Таблица 2

Пространство стратегий предприятия

Измерение	Описание	Нижний полюс	Верхний полюс
Предопределенности (Predeterminedness	Определяется степенью жесткости и заданности своих основных параметров, результатов и способов их достижения	Deliberate (преднамеренная)	Emergent (возникающая)
Предсказуемости (Predictability)	Определяется теми предпосылками, которые использует предприятие при разработке стратегии	Слабо предсказуемое будущее (poorly predictable future)	Хорошо предсказуемое будущее (well predictable future)
Принятия решений (Decision-making)	Определяется основой принятия решений: рациональным анализом или использованием интуитивного понимания реальности	Рациональное (Rational)	Интуитивное (Intuitive)
Иерархичности (Hierarchy)	Определяется тем, насколько широкий круг лиц вовлечен в процесс принятия стратегических решений	Единоличное (Sole)	Сетевое (Networking)
Консерватизма (Conservatism)	Определяется отношением к новому и готовностью привносить это в стратегию	Защитник (Defender)	Старатель (Prospector)

Примечание: составлено автором.

алгоритм позволит осуществить классификацию стратегий конкретных предприятий и благодаря этому оценивать как их сравнительную эффективность, так и изменения, происходящие со стратегиями в ходе трансформаций всей социально-экономической системы.

Список литературы

1. Nickols F. Strategy: Definitions and Meaning. URL: https://www.nickols.us/strategy_definition.htm (дата обращения 12.01.2021).
2. Liddell Hart B. H. Strategy. Basic Books, 1967.
3. Steiner G. Strategic Planning. Free Press, 1979.
4. Minzberg H. The Rise and Fall of Strategic Planning. Basic Books, 1994.
5. Andrews K. The Concept of Corporate Strategy, 2nd ed. Dow-Jones Irwin, 1980.
6. Porter M. What is Strategy? // Harward business review. 1996.
7. Porter M. Competitive Strategy. Harvard Business School Press, 1986.
8. Tregoe B., Zimmerman J. Z. Top Management Strategy. Simon and Schuster, 1980.
9. Robert M. Strategy Pure and Simple. McGraw-Hill, 1993
10. Mintzberg H. The Strategy Concept I: Five Ps for Strategy // California Management Review. 1987. № 30. P. 11—24.
11. Mintzberg H., Waters J. A. Of Strategies, Deliberate and Emergent // Strategic Management Journal. 1985. № 6 (3). P. 257—272. DOI: 10.1002/smj.4250060306.
12. Плетнев Д. А., Николаева Е. В., Козлова Е. В. Типология официальных стратегий крупных российских корпораций // Устойчивое развитие цифровой экономики и кластерных структур: теория и практика: монография. СПб.: С.-Петерб. политехн. ун-т Петра Великого, 2020. С. 300—321.
13. Miles R., Snow C. Organizational strategy, structure and process. New York: McGraw-Hill, 1978.
14. Yanes-Estevez V., Garcia-Perez A.M., Oreja-Rodriguez J. R. The Strategic Behaviour of SMEs // Administrative Sciences, MDPI: Open Access Journal. 2018. No. 8 (4). P. 1—21.
15. Anwar J., and Hasnu S. A. F. Business strategy and firm performance: A multi-industry analysis // Journal of Strategy and Management. 2016. № 9. P. 361—382. URL: http://dx.doi.org/10.1108/JSMA-09-2015-0071 (дата обращения 12.01.2021).
16. Клейнер Г. Б. Стратегия предприятия. М.: Дело, 2008.
17. Гурков И. Б. Стратегия корпорации. М.: Дело, 2006. 316 с.
18. Brown A. M. Emergent Strategy: Shaping Change, Changing Worlds. AK Press, 2017.
19. Reeves M., Love C., Tillmanns P. Your Strategy Needs a Strategy // Harvard Business Review. 2012.
20. Reeves M., Haanaes K., Sinha J. Navigating the Dozens of Different Strategy Options // Harvard Business Review. 2015.
21. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Три измерения успешности малого и среднего бизнеса в России // Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы 16-го Всерос. симпозиума / под ред. Г. Б. Клейнера. 2015. С. 25—27.

22. Treacy M., Wiersema F. The Discipline of Market Leaders. Addison-Wesley, 1994.
23. Treacy M., Wiersema F. Customer Intimacy and Other Value Disciplines // Harvard Business Review. 1993.

Сведения об авторе

Николаева Екатерина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. nikolaeva@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 47—53.

SPACE OF ENTERPRISE STRATEGIES

E. V. Nikolaeva
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nikolaeva@csu.ru

The behavior of modern enterprises in the commodity and financial markets, in personnel management, in the development and implementation of innovations is subject to specific rules. Strategic behavior focused on achieving results in the medium and long term attracts special attention. For a scientific understanding of the phenomenon of strategic behavior, a well-founded classification of strategies is required. The article proposes the author's typology of enterprise strategies, based on the analysis of existing approaches, designated as the space of strategies. The proposed typology has five dimensions, which allows us to consider most of the nuances that distinguish one strategy from another. The article also presents an algorithm for analyzing strategies developed based on the author's typology. The research results can be used to study the strategies of real enterprises and their transformation.

Keywords: *strategy, enterprise strategy, types of enterprise strategies, strategic behavior.*

References

1. Nickols F. Strategy: Definitions and Meaning. Available at: https://www.nickols.us/strategy_definition.htm, accessed 12.01.2021.
2. Liddell Hart B. H. (1967) Strategy. Basic Books.
3. Steiner G. (1979) Strategic Planning. Free Press.
4. Minzberg H. (1994) The Rise and Fall of Strategic Planning. Basic Books.
5. Andrews K. (1980) The Concept of Corporate Strategy, 2nd Edition. Dow-Jones Irwin.
6. Porter M. (1996) *Harward business review.*
7. Porter M. (1986) Competitive Strategy. Harvard Business School Press.
8. Tregoe B., Zimmerman J. Z. (1980) Top Management Strategy. Simon and Schuster.
9. Robert M. (1993) Strategy Pure and Simple. McGraw-Hill.
10. Mintzberg H. (1987) *California Management Review*, no. 30, pp. 11—24.
11. Mintzberg H., Waters J. A. (1985) *Strategic Management Journal*, no. 6 (3), pp. 257—272. DOI: 10.1002/smj.4250060306.
12. Pletnev D. A., Nikolayeva Ye. V., Kozlova Ye. V. (2020) Tipologiya ofitsial'nykh strategiy krupnykh rossiyskikh korporatsiy [Typology of official strategies of large russian corporations]. Ustoychivoe razvitie tcifrovoy ekonomiki i clasternykh struktur: teoriia i praktika [Sustainability of the digital economy and cluster structures: theory and practice]. St. Petersburg. Pp. 300—321 [in Russ.].
13. Miles R., Snow C. (1978) Organizational strategy, structure and process. New York, McGraw-Hill.
14. Yanes-Estevez V., Garcia-Perez A. M., Oreja-Rodriguez J. R. (2018) *Open Access Journal*, no. 8(4), pp 1—21.
15. Anwar J., Hasnu S. A. F. (2016) *Journal of Strategy and Management*, no. 9, pp. 361—82. Available at: http://dx.doi.org/10.1108/JSMA-09-2015-0071, accessed 12.01.2021.
16. Kleyner G.B. (2008) Strategiya predpriyatiya [Enterprise strategy]. Moscow, Delo [in Russ.].
17. Gurkov I. B. (2006) Strategiya korporatsii [Corporation strategy]. Moscow, Delo. 316 p. [in Russ.].
18. Brown A. M. (2017) Emergent Strategy: Shaping Change, Changing Worlds. AK Press.
19. Reeves M., Love C., Tillmanns P. (2012) *Harvard Business Review.*
20. Reeves M., Haanaes K., Sinha J. (2015) *Harvard Business Review.*
21. Barkhatov V. I., Pletnev D. A. (2015) Tri izmereniia uspeshnosti malogo i srednego biznesa v Rossii [Three dimensions of the success of small and medium-sized businesses in Russia]. Strategicheskoe planirovanie i razvitie predpriiatii'[Strategic planning and development of enterprises]. Pp. 25—27 [in Russ.].
22. Treacy M., Wiersema F. (1994) The Discipline of Market Leaders. Addison-Wesley.
23. Treacy M., Wiersema F. (1993) *Harvard Business Review.*

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 54—61.

УДК 336.01;336.02
ББК 65.261-18

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10306

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ В НОВОМ ВИТКЕ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

О. В. Брижак

Государственный университет управления, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Новая экономическая реальность означает качественное изменение финансовой власти над прежней экономикой, трансформирующей ее отношения посредством контроля над мировыми денежными потоками и движением стоимости. Сегодня становится все более очевидным, что встраивание финансового капитала в новую экономическую реальность связано с переформатированием неравномерности социально-экономического развития, а именно с несовпадением в уровнях развития отдельных национальных экономик и усилением неравномерности в отношении распределения доходов внутри этих экономик, приводящих к сокращению национального спроса на формируемые элементы фиктивного капитала и, соответственно, значительным сужением ресурсной базы инвестиционного процесса. Через призму категории финансового капитала автор исследует проблемы и противоречия современных социально-экономических преобразований, оценивает эффекты, возникающие на различных уровнях данных процессов. В своем исследовании автор опирается на теорию конформирования (встраивания), которая только начинает разрабатываться в экономической теории. В статье использованы возможности системного подхода, диалектического метода, теории социально-экономических трансформаций, эволюционной и институциональной теорий.

Ключевые слова: *финансовый капитал, переформатирование, новая экономическая реальность, экономика, конформирование, адаптация, трансформации, рынок, системное качество.*

Финансовый капитал как ключевая категория современной экономической теории отражает результат сращивания промышленного капитала, перешедшего порог меры в процессе своей концентрации, с адекватным ему в качественном отношении банковским капиталом. Такое сращивание еще в начале XX в. создало основу для развития одной из стадий капиталистического способа производства на протяжении столетия [1; 2]. Качественное изменение условий данного процесса, новые вызовы, обозначившиеся в последнее десятилетие, поставили перед финансовым капиталом задачу встраивания в новую экономическую реальность. Поскольку мы используем новую для экономической науки категорию встраивания (конформирования), необходимо уточнить, каково ее содержание, о каком процессе применительно к финансовому капиталу идет речь [3].

В контексте рассматриваемой проблемы встраивание (конформирование) представляет собой сложный, многосторонний процесс взаимного преобразования системной среды и входящего в нее системного же — объектного или субъектного — образования, стремящегося стать компонентом данной среды, при условии, что и среда, и входящее в нее образование динамично изменяются, эволюционируют. Данный процесс призван обеспечить продуктивные и устойчивые системные связи между принимающей средой и входящим в нее образованием (ее будущим компонентом), в том числе осуществление их согласованных между собой изменений, согласование проявляющихся здесь интересов, обеспечение потребностей развития системной среды, в которую встраивается данное образование, органичное включение совокупности его особых возможностей и характеристик в саморазвитие принимающей его системной целостности [4]. Учитывая, что речь идет о том, что финансовый капитал входит в процесс встраивания в условиях качественно преобразованной и продолжающей динамично изменяться системной среды, обладая своими собственными устоявшимися характеристиками и возможностями, играя ключевую роль в движении современного

капиталистического производства, а также стремясь к реализации своих интересов, встает вопрос об общественной оценке таких характеристик, возможностей и интересов в процессе его вхождения в новое состояние системной среды. Поскольку исследуемый процесс не выходит за пределы товарного хозяйства, интересующую нас оценку дает рынок, механизмы которого производят идентификацию, соизмерение и отбор тех характеристик и возможностей, которые стремятся внести в преобразованную системную среду входящие в нее системные образования [5].

Если иметь в виду противоположный процесс взаимного преобразования системной среды и покидающего ее системного компонента, стремящегося стать вполне самостоятельным системным образованием, то и здесь рыночные механизмы призваны сыграть ведущую роль в процессе идентификации, соизмерения и оценки характеристик, возможностей и эффектов выходящего компонента и аналогичных параметров освобождающейся от связей с ним системной среды. Характерным примером указанного процесса может служить попытка выхода из системной среды Евросоюза Великобритании. В данном процессе востребованы множественные оценки параметров выходящей национальной социально-экономической системы и освобождающейся от нее системной среды интеграционной структуры с участием ряда стран. Указанные оценки запрашиваются у рынка и далее взвешиваются в процессе торга между представителями системной среды и выходящего из нее системного компонента, причем речь идет об определенном соизмерении потенциально возможных позитивных и негативных эффектов, которые могут возникнуть при реализации тех или иных сценариев выхода Великобритании, с отбором некоторого компромиссного сценария, устраивающего обе стороны.

Значительно более простым примером указанного процесса может служить выделение ряда наиболее «проблемных» компонентов из состава крупных корпораций, оказавшихся в кризисной ситуации и вынужденных пойти на известную дезинтеграцию. В этом случае процесс соизмерения возможных позитивных и негативных эффектов, которые могут возникнуть при реализации тех или иных сценариев выхода «проблемных» компонентов, носит асимметричный характер, поскольку до своего выхода такие компоненты не обладают хозяйственным суверенитетом — они обретают его лишь по завершении процесса.

В экономической науке давно используется понятие адаптации. С учетом указанного обстоятельства попробуем разграничить два понятия, кажущиеся весьма близкими: встраивание и адаптация. В данном случае видимость близости скрывает за собой существенные различия в содержании процессов, описываемых указанными понятиями. Если адаптация означает лишь приспособление некоторого системного образования к условиям среды, в которую оно попадает, то есть сугубо одностороннее изменение параметров такого образования применительно к условиям принимающей его среды, которая при этом практически не изменяется, то встраивание означает совершенно иной, двусторонний процесс, когда существенные изменения происходят и во входящем в системную среду образовании, и в принимающей такое образование среде. Выделим важный признак встраивания — определенную соизмеримость входящего образования и принимающей его среды, обусловливающую взаимные двусторонние перемены. Если же такая соизмеримость не имеет места, то на смену встраиванию приходит обычная адаптация, когда входящее образование практически односторонне приспосабливается к условиям принимающей его среды.

Обобщая приведенные выше положения, сформулируем вывод о том, что встраивание системного образования в системную среду представляет собой диалектический процесс, в рамках которого формируются, обостряются и разрешаются противоречия между принимающей средой и входящим в нее образованием, что не может происходить при односторонней адаптации. Отмечая, что понятие встраивания только начинает разрабатываться в современной научной литературе, укажем, что одним из наиболее сложных сценариев осуществления соответствующего процесса является сценарий встраивания национальной экономики в интеграционную структуру или непосредственно в систему глобального мирового хозяйства, что переживает в настоящее время российская экономика, выстраивающая свои отношения в рамках ЕврАзЭС и участвующая в пространственной конкуренции за место в глобальном хозяйстве. Естественно, что применительно к такому сценарию, где соизмеряются и согласованно изменяются параметры двух масштабных систем, понятие адаптации практически не востребовано.

Определяя плоскости и срезы процесса встраивания, обратимся к одному из результатов, полученных в свое время Ф. Броделем, который в ходе

анализа динамично развивающейся экономической системы отношений на мегауровне, принимающей в себя все новых и новых участников, выделил в ее строении четыре важных для нее среза. Отметим, что указанные срезы взаимодействуют друг с другом, стремясь к некоторой сбалансированности и осуществляя в этих целях взаимную корреляцию. На них осуществляются различные и дополняющие друг друга процессы воспроизводства, функционируют потоки ресурсов и результатов деятельности, возникают возможности и ограничения. Представляется, что указанные срезы востребованы в анализе встраивания двух развивающихся сторон: системного образования в качественно новое состояние системной среды:

— экономический (институционально-хозяйственный) срез;
— срез социальной иерархии;
— политический (властный) срез;
— культурный срез [5].

В приведенном выше разграничении нескольких срезов процесса встраивания содержится ключ к его исследованию как многостороннего процесса, в котором необходимо решать задачи взаимного приспособления и взаимного сбалансированного и соразмерного изменения двух сторон — принимающей системной среды и входящего в нее системного образования, — встающие в экономической, социальной, политической и культурной плоскостях. Забвение или выпячивание какой-то одной из указанных плоскостей за счет других обусловливают извлечение соответствующих, асимметричных результатов встраивания, которые неизбежно получают соответствующую оценку в ходе пространственной конкуренции системных образований, встроенных в среду.

В свое время такую негативную оценку в ситуации мировой войны получило системное образование царской России, параметры встраивания которой на различных срезах мировой системы существенно отличались: если на властном срезе были сформированы имперские амбиции страны-колосса, то экономический срез, весьма несбалансированный и во многом архаичный, совершенно не соответствовал указанным амбициям, что отразилось на результатах участия страны в мировой войне и во многом обусловило крушение политической надстройки и дальнейшие революционные преобразования в России [6]. Используя понятия, предлагаемые современной институциональной экономической теорией, сформулируем вывод о том, что имперские амбиции России не были обеспечены в институционально-хозяйственном отношении, то есть не укоренены в хозяйстве страны [7]. В данном случае отсутствие корневой связи отражает несоразмерность встраивания России на различных срезах мировой системы.

Поскольку речь идет о встраивании финансового капитала в изменившееся качественное состояние мировой системы, которое в современной литературе квалифицируется как новая экономическая реальность, определим природу и некоторые признаки такого состояния. Прежде всего отметим, что указанное понятие стало достаточно широко употребимым, поскольку за длительный период по завершении глобальной рецессии 2008—2009 гг. в развитии практически всех стран, вовлеченных в мировую систему, обозначился комплекс весьма значимых для них проблемных ситуаций. Представительность и устойчивый характер такого проблемного комплекса обусловил потребность в специальной совокупности взаимосвязанных понятий; так в современную экономическую науку вошло представление о новой экономической реальности [8; 9].

То обстоятельство, что указанное представление способствовало активизации научной дискуссии о характере и направленности современного развития, свидетельствует о спорности такой новации. Вместе с тем большинство участников научной дискуссии рассматривают соответствующий проблемный комплекс, сложившийся на современном этапе развития, как эффект, обусловленный важнейшими факторами данного этапа: динамичными и глубокими сдвигами в технологическом плане, происходящими на протяжении нескольких десятилетий; органично связанными с такими сдвигами организационными, социальными и институционально-хозяйственными преобразованиями, охватившими практически всю мировую экономику [10]. Представляется, что речь идет о весьма существенных и стратегически важных переменных в современном мире, сопоставимых с переменами начала XX в., когда в научной литературе появилось представление о монополистическом капитализме (империализме) как особом качественном состоянии в развитии капиталистического производства. Правомерно предположить, что представление о новой экономической реальности также соответствует особому качественному состоянию капиталистического производства, установившемуся после прохождения глобальной рецессии 2008—2009 гг. Не вступая в спор о точном названии указанного состояния,

отметим его вариативность, проявляющуюся в генерации множества различных форм отношений и хозяйственных эффектов в экономиках разных стран мира, что предполагает обоснование специальных стратегий государственной политики и сценариев развития таких экономик, в полной мере учитывающих природу, особенности, возможности указанного качественного состояния. При всей значимости прикладной разработки такого состояния на первый план все же выходят задачи его основательного теоретического исследования.

В качестве обязательного условия такого исследования выделим необходимость учета многообразия продуцируемых им социально-экономических эффектов. Если между США и Китаем новая реальность обусловила развертывание нового витка торговых войн, а применительно к Евросоюзу обозначила обострение трансграничных проблем стран-участниц и стремление некоторых из них покинуть данное интеграционное объединение, то России она принесла комплекс взаимосвязанных проблем, требующих системных решений:

— длительную стагнацию национальной экономики, квалифицируемую как потерянное десятилетие;

— затяжное и глубокое ухудшение параметров жизни людей, выразившееся не только в падении их доходов, но и в кризисном состоянии ключевых сфер социальной экономики: здравоохранения, образования, культуры;

— действующими более пяти лет внешними ограничениями доступа к ресурсам важнейших мировых рынков — финансовых и технологических;

— обвалом курса рубля по отношению к мировым валютам;

— перемещением страны на отдаленную периферию развития общественно-хозяйственной жизни, потерей ее прежних конкурентных преимуществ без адекватной компенсации формированием качественно новых преимуществ [1; 12].

Факты современного развития отечественной экономики свидетельствуют о том, что она находится в поиске механизмов своего продуктивного встраивания в качественно новые условия, для которого характерны колебания от попытки абстрагироваться от перемен и обустроить позицию «спокойного острова» в океане динамичных процессов современного мира до попытки декларировать качественно новые цели социально-экономического развития, закрепленные в амбициозных и рассчитанных на глубокие изменения в общественно-хозяйственной жизни проекты национального развития [13; 14]. Вместе с тем достижения страны в области встраивания в новое качественное состояние мировой системы пока весьма невелики, о чем свидетельствуют итоги реализации проектов национального развития в 2019 г. В данной ситуации правомерно предположить, что органичное встраивание отечественной социально-экономической системы в указанное качественное состояние предполагает раскрытие важнейших признаков, возможностей и ограничений, которыми наделена новая экономическая реальность.

Результаты развития мировой системы за последнее десятилетие: возрождение протекционизма, инициирование нового витка торговых войн, введение в отношении ряда стран длительных внешних ограничений доступа и ресурсам развития и др., — свидетельствуют о том, что новое качественное состояние указанной системы сопряжено с разрушением долгое время существовавшего и упрочившегося мирохозяйственного порядка, неэффективностью многих институтов, ранее казавшихся незыблемыми. В такой ситуации попытки закрыться от изменений и создать собственные институты, отчужденные от происходящих в мире перемен, могут привести лишь к усилению хаоса в организации экономики и общества, обострению ранее возникших проблем развития и формированию новых противоречий. Представляется, что в условиях неэффективности прежних институтов требуется нечто иное, а именно разработка и апробация совершенно иных, адекватных новым реалиям способов упорядочивания социально-экономических отношений, представленных обновленными нормами среды, формами контрактов, линиями поведения и статусными позициями субъектов данных отношений.

Попытаемся определить природу интересующего нас нового качественного состояния мировой системы. Прежде всего учтем тесную связь новой реальности с процессом динамичных и глубоких сдвигов в технологиях, а также с процессом движения к обществу знаний. Правомерно предположить, что речь идет о переходе капиталистического производства на качественно новый уровень развития, то есть о его дальнейшем диалектическом отрицании, обеспечивающем накопление внутри него предпосылок будущего способа организации экономических отношений. Вероятно, в процессе аргументации и развития приведенного предположения необходимо учитывать результаты резкого ускорения современных преобразований в начале текущего столетия, в том числе обострение многих

противоречий капиталистического производства, дестабилизацию ряда системных связей в условиях быстрого развития глобальной интеграции, усиление неравномерности социально-экономического развития, что объективно предполагало необходимость разрешения указанных проблем, препятствовавших дальнейшему продвижению современных преобразований. Очевидно, что новая экономическая реальность как особое качественное состояние капиталистического производства призвана разрешить накопившиеся проблемы и в данном отношении выступает в качестве определенной, объективно обусловленной фазы в развитии данного производства, для чего в первую очередь востребован совершенно иной курс государственной экономической политики.

Оценивая готовность к смене действующего курса государственной экономической политики, выделим два момента:

— во-первых, позитивную попытку выдвижения качественно новых целей социально-экономического развития, проявившуюся при формировании национальных проектов;

— во-вторых, негативное стремление сформировать и реализовать такие проекты на основе использования устаревших организационных механизмов, управленческих структур, моделей политики, а также неэффективных в новой ситуации институтов.

Определяя важнейшие признаки нового качественного состояния капиталистического производства, обобщим результаты исследований, представленные в современной научной литературе [15—18]:

— резкое обострение пространственной конкуренции, борьба за формирование качественно новых конкурентных преимуществ, позволяющих обеспечить прорывы в движении национальных экономик;

— ослабление или разрушение многих ранее возникших интеграционных трансграничных структур и образований, что обеспечивает высвобождение ресурсов для решения задач национального развития;

— введение в адрес ряда стран внешних ограничений доступа к ресурсам развития, обращающимся на мировых рынках, обусловившее фокусирование их внимания на поиске скрытых внутренних ресурсов развития;

— смена тренда мирового общественно-хозяйственного развития — силы глобальной интеграции временно отошли на второй план, уступив возросшим силам национально-хозяйственного обособления;

— переформатирование характерной для монополистического капитализма острой неравномерности развития, появление и выход на первый план новых форм указанной неравномерности, дестабилизирующих развитие национальных экономик и всего мирового хозяйства.

Финансовый капитал как ключевой компонент современной системы капиталистического производства по своему статусу призван взять на себя основную нагрузку встраивания в новую экономическую реальность, что обусловливает обострение ряда характерных для него противоречий, среди которых необходимо выделить противоречие между фиктивным и действительными капиталами. В мировом хозяйстве сформирован огромный «навес» фиктивного капитала над процессом воспроизводства действительного капитала, представленный долговыми обязательствами и титульными ценными бумагами, переход порога меры накопления которых чреват вхождением в глубокую рецессию и насильственное приведение в соответствие параметров развития фиктивного и действительного капиталов [19].

Применительно к встраиванию финансового капитала в новую экономическую реальность выделим аспект данного процесса, связанный с переформатированием острой неравномерности социально-экономического развития, в частности некоторое ослабление ее в отношении разрывов в уровнях развития отдельных национальных экономик и усиление неравномерности в отношении распределения доходов внутри этих экономик, что чревато сужением национального спроса на генерируемые элементы фиктивного капитала и, соответственно, значительной редукцией ресурсной базы инвестиционного процесса.

При этом прежние средства компенсации указанного сужения в новых реалиях уже не работают, поскольку попытки заместить дефицит внутреннего спроса на элементы фиктивного капитала с помощью размещения ценных бумаг на внешних финансовых рынках наталкиваются на встроенные ограничения нового качественного состояния капиталистического производства: обострение пространственной конкуренции, сворачивание части трансграничных операций; ослабление или разрушение некоторых интеграционных структур; введение внешних ограничений доступа к ресурсам развития мировых рынков. Указанное обстоятельство в полной мере относится к отечественной

экономике. Добавим к этому, что чрезмерное неравенство в доходах препятствует последовательной модернизации государственной экономической политики, поскольку подрывает общественное доверие к мерам правительства и стимулирует популизм, опирающийся на неверие людей в обычные средства повышения доходов и улучшения их качества жизни [20].

Вместе с тем встраивание финансового капитала в новое качественное состояние капиталистического производства обозначает соответствующие возможности для преобразования и продуктивного развития российской экономики, опирающейся на отношение власти-собственности:

— создает импульс и предоставляет определенное время для преобразования основной массы финансового капитала, воплощенной в огромных интегрированных корпоративных субъектах, находящихся под государственным контролем, а также задает цели такого преобразования: преодоление бюрократического характера государственного контроля; обеспечение гибкости указанных субъектов, востребованной современным развитием;

— инициируемое сверху преобразование базового отношения власти-собственности, приведение его в соответствие с вызовами современного развития, что означает демократизацию государственного контроля над финансовым капиталом, сдвиг в направлении общественного контроля;

— фокусирование процесса генерации элементов фиктивного капитала на задачах расширенного воспроизводства человеческого капитала страны как ключевого актива современного развития.

Завершая, резюмируем, что каждая историческая ступень экономического развития постоянно испытывает на себе социально-экономические трансформации, вызывающие необходимость поиска новых форм взаимодействия экономических систем, поиска встречного баланса системных образований, переформатирования неравномерности социально-экономического развития. Результаты исследования предпосылок и результатов встраивания финансового капитала в новую экономическую реальность — важный шаг в анализе нового формата развития меняющегося мира.

Список литературы

1. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. М.: Изд-во полит. лит., 1969. С. 122—126.

2. Мамедов О. Ю. «Троянский конь» директивности // Terra economicus. 2016. Т. 14, № 2. С. 9—15.

3. Брижак О. В., Ермоленко А. А. Концепт конформизма: новые возможности в исследовании трансформации экономических отношений // Terra Economicus. 2017. Т. 15, № 3. С. 92—106.

4. Брижак О. В. Конформирование корпоративного капитала в условиях системных социально-экономических преобразований: монография. Краснодар, 2018.

5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. М.: Весь мир, 2006.

6. Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т. 34. М.: Изд-во полит. лит., 1969. С. 155—161.

7. Granovetter M. Networks and Organizations: Structure, Form, and Action. Harvard Business School, 1992.

8. Roubini N. The unconventional truth // Project Syndicate. 2015. 03.02. P. 8—14.

9. Рязанов В. Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алтейя, 2019.

10. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Конец «конца истории» и будущее экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 2 (436). С. 7—8.

11. Клейнер Г. Б. От экономики «физических лиц» к системной экономике // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 13—24.

12. Альпидовская М. Л., Толкачев С. А., Соколов Д. П., Цикин А. М. Проблемы социально-экономического развития России в условиях смены геоэкономической парадигмы. Тверь, 2019.

13. Брижак О. В. Вклад отечественных корпораций в развитие национальной экономики. М.: ТЕИС, 2016.

14. Pletnev D. Value added distribution in Russian corporations: case of Gazprom // E3S Web of Conferences. Topical Problems of Green Architecture, Civil and Environmental Engineering, TPACEE2019. 2020. С. 09041.

15. Глазьев С. Ю. Формирование новой институциональной системы в условиях смены доминирующих технологических укладов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. № 1, т. 190. С. 37—45.

16. Krugman P., Obstfeld M. International Economics: Theory and Policy: Prentice Hall, 2008.

17. Екимова К. В., Галазова С. С., Мануйленко В. В. Идентификация теневой составляющей в банковском секторе // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2020. Т. 17, № 2 (110). С. 180—186.

18. Годовой отчет МВФ. 2019. Наш взаимосвязанный мир. URL: http: imf.com/annual report 2019.pdf. (дата обращения 11.01.2021).

19. Dyrdonova A. N., Fomin N. Y., Andreeva E. S., Shinkevich A. I. Formation and development of industrial clusters in the regional economy // Espacios. 2019. T. 40. № 1.

20. Нуреев Р. М. Экономическая теория для меняющегося мира: новые концепции // Эволюция иерархических структур в экономике и экономический рост: сб. тез. докл. / ответ. ред. В. И. Маевский. 2019. С. 56—57.

Сведения об авторе

Брижак Ольга Валентиновна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры институциональной экономики Государственного университета управления, Москва, Россия; профессор Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия. brizhak71@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 54—61.

FINANCIAL CAPITAL IN A NEW ROUND OF REFORMATTING ECONOMIC DEVELOPMENT

O. V. Brizhak
State University of Management, Moscow, Russia. brizhak71@mail.ru

The new economic reality means a qualitative change in the financial power over the former economy, transforming its relations by controlling the world's cash flows and the movement of value. Today it is becoming more and more obvious that the integration of financial capital into the new economic reality is associated with the reformatting of the uneven socio-economic development, namely, with the discrepancy in the levels of development of individual national economies and the increasing inequality in the distribution of income within these economies, leading to a reduction in national demand for the formed elements of fictitious capital and, accordingly, a significant narrowing of the resource base of the investment process. Through the prism of the category of financial capital, the author examines the problems and contradictions of modern socio-economic transformations, evaluates the effects that arise at various levels of these processes. In his research, the author relies on the theory of conformation (embedding), which is just beginning to be developed in economic theory. The article uses the possibilities of the system approach, the dialectical method, the theory of socio-economic transformations, the evolutionary and institutional theory.

Keywords: *financial capital, reformatting, new economic reality, economy, conformation, adaptation, transformation, market, system quality.*

References

1. Lenin V. I. (1969) Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma [Imperialism as the highest stage of capitalism]. Vol. 27. Moscow, Publ. house of political literature. Pp. 122—126 [in Russ.].

2. Mamedov O. Yu. (2016) *Terra Economicus*, vol. 14, no. 2, pp. 9—15 [in Russ.].

3. Brizhak O. V., Ermolenko A. A. (2017) *Terra Economicus*, vol. 15, no. 3, pp. 92—106 [in Russ.].

4. Brizhak O. V. (2018) Konformirovaniye korporativnogo kapitala v usloviyakh sistemnykh sotsial'no-ekonomicheskikh preobrazovaniy [Conforming corporate capital in the context of systemic socio-economic transformations]. Krasnodar. 302 p. [in Russ.].

5. Braudel F. (2006) Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV—XVIII vv. [Material civilization, economics and capitalism of the XV—XVIII centuries]. Moscow [in Russ.].

6. Lenin V. I. (1969) Grozyashchaya katastrofa i kak s ney borot'sya [The impending catastrophe and how to

deal with it]. Vol. 34. Moscow, Publ. house of political literature. Pp. 155—161 [in Russ.].

7. Granowetter M. (1992) Networks and Organizations: Structure, Form, and Action. Harvard Business School. Pp. 34—36.

8. Roubini N. (2015) The unconventional truth. *Project Syndicate*. Pp. 8—14.

9. Ryazanov V. T. (2019) Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza [Modern Political Economy: Prospects for a Neo-Marxist Synthesis]. St. Petersburg, Alteya [in Russ.].

10. Barkhatov V. I., Pletnev D. A. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (436), pp. 7—8 [in Russ.].

11. Kleiner G. B. (2017) *Voprosy ekonomiki*, no. 8, pp. 13—24 [in Russ.].

12. Alpidovskaya M. L., Tolkachev S. A., Sokolov D. P., Tsikin A. M. (2019) Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii v usloviyakh smeny geoekonomicheskoy paradigm [Problems of socio-economic development of Russia in the context of a change in the geoeconomic paradigm]. Tver [in Russ.].

13. Brizhak O. V. (2016) Vklad otechestvennykh korporatsiy v razvitiye natsional'noy ekonomiki [The contribution of domestic corporations to the development of the national economy]. Moscow, TEIS [in Russ.].

14. Pletnev D. (2019) Value added distribution in Russian corporations: case of Gazprom. *E3S Web of Conferences. Topical Problems of Green Architecture, Civil and Environmental Engineering, TPACEE*. P. 09041.

15. Glazyev S. Yu. Glaz'yev S. Yu. (2015) *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, no. 1, vol. 190, pp. 37—45 [in Russ.].

16. Krugman P., Obstfeld M. (2008) International Economics: Theory and Policy: Prentice Hall.

17. Ekimova K. V., Galazova S. S., Manuilenko V. V. (2020) *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*, vol. 17, no. 2 (110), pp. 180—186 [in Russ.].

18. Godovoy otchet MVF (2019) Nash vzaimosvyazannyy mir [IMF Annual Report. 2019]. Available at: http: imf.com/annual report 2019.pdf, accessed 08.11.2020 [in Russ.].

19. Dyrdonova A. N., Fomin N. Y., Andreeva E. S., Shinkevich A. I. (2019) *Espacios*, vol. 40, no. 1.

20. Nureyev R. M. (2019) Ekonomicheskaya teoriya dlya menyayushchegosya mira: novyye kontseptsii [Economic theory for a changing world: new concepts]. *Evolution of hierarchical structures in the economy and economic growth. Collection of abstracts*. Pp. 56—57 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 62—69.

УДК 332.1
ББК 65.04

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10307

ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ И РОСТА НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕГО СЕВЕРНОГО РЕГИОНА В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ

***Е. В. Воронина*[1], *Н. Н. Мильчакова*[2], *И. В. Сергеева*[1]**

[1] *Сургутский государственный университет, Сургут, Россия*

[2] *Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия*

Актуальность исследования обусловлена значительным вкладом нефтегазодобывающих северных регионов в формирование ВВП, обеспечением бюджетных поступлений на всех уровнях, угрозами реализации пессимистических сценариев социально-экономического развития в связи с финансово-экономическими и социальными последствиями глобального коронакризиса. Целью является верификация сложившихся противоречий регионального развития по схеме: «Совокупность интересов экономических агентов и заинтересованных сторон. → Инструменты согласования → Противоречия → Обеспечение согласованности в разрешении противоречий», исследование факторов и условий обеспечения экономического роста северных регионов инновационными методами. Сделан вывод, что полезность общественного продукта в нефтегазовом регионе является крайне низкой, противоречия между производителями и потребителями продукции рентных отраслей не могут обеспечить цели повышения качества жизни населения. Достижение установленных целей возможно обеспечить путем социального воспроизводства населения региона, роста качества всех видов капитала: производственного, человеческого, финансового и социального.

Ключевые слова: *нефтегазодобывающий северный регион, противоречия развития и роста, макрорегион, кризис.*

Мировой экономический кризис 2020 г., связанный со сложившейся ценовой конъюнктурой на нефтегазовом рынке, распространением коронавирусной инфекции, и отвлекаемые в связи с этим экономические ресурсы всех без исключения государств, ситуация падения курса отечественной валюты по отношению к мировым (доллару и евро прежде всего) явились катализатором резкого ухудшения экономического и, соответственно, социального положения территориальных образований — городов, регионов и т. д.

В контексте исследования согласимся с авторами работы [14], что доминирующие прежде модели развития, способствующие экономическому росту, либерализации рынка, прогрессивным социально-экономическим изменениям, в условиях коронакризиса оказались малосостоятельны. Целью реализации мероприятий по борьбе с последствиями кризиса для государств разных стран стало стимулирование роста экономики по кейнсианскому типу — с применением фискальных, монетарных инструментов, — по примеру их использования после Второй мировой войны. Однако эти подходы, ориентированные на закрепление существующих структур посредством стандартизированных инвестиций для стимулирования экономического роста, не позволяют более глубоко переосмыслить трансформацию содержания экономических систем после пандемии [Там же].

Направления посткризисного развития Российской Федерации актуализируют проблемы взаимопроникновения социальных и экономических систем регионов в пространстве макрорегиона. Причинами этому являются:

— пространственная трансформация, которая предполагает новую форму преобразования пространства общественного развития (социально-экономическая компонента доминирует над политической);

— преобладающей тенденцией современного социально-экономического развития становится интеграционное взаимодействие;

— необходимыми становятся диверсификация и установление новых форм интеграционного взаимодействия между региональными системами;

— наличие региональных особенностей и уникальных специфических свойств (различия в природно-климатических условиях, пространственном, экономическом развитии, готовности к внедрению инноваций и т. д.).

Решению научной проблемы взаимодействия социально-экономических систем субъектов

Российской Федерации в пространстве макрорегиона посвящены работы следующих авторов: Л. Абалкина, О. Белокрыловой, А. Бузгалина, А. Гранберга, В. Зарубина, А. Илларионова, Д. Львова, О. Мамедова, В. Овчинникова, О. Пчелинцева и др.

Однако проблемы содержательного наполнения региональных систем с точки зрения выполняемых ими функций, принципов и механизмов взаимодействия и интеграции регионов в пространстве макрорегиона в посткризисных условиях исследованы недостаточно, что определяет значимость и своевременность представленного исследования.

Условия реализации регионального социально-экономического развития в 2020 г. являются уникальными по причине пандемии новой коронавирусной инфекции, последствием которой для экономических агентов стало «беспрецедентное в послевоенной истории сокращение экономической активности в мире» [7], что произошло вследствие двойного шока — со стороны предложения и спроса.

Проблемы падения мировых цен на нефть и обесценения рубля в общем-то не являются новыми, и уже более или менее успешно решались отечественными экономистами, однако тотальная зависимость экономики России от нефтегазовых доходов остается фактом. Ситуация осложняется и распространением пандемии новой коронавирусной инфекции, которая дополнительно требует новых системных решений и подходов. Это обусловлено рядом объективных обстоятельств:

1) отрицательная цена российской нефти марки Urals (–2 долл.) — такой цены не было никогда в истории (!) [10];

2) пандемия COVID-19, на борьбу с которой экономики развитых стран уже потратили от 3 (Южная Корея) до 37 % (Германия) ВВП [4].

Указанные обстоятельства ставят под угрозу достижение средне- и долгосрочных стратегических задач социально-экономического развития территорий даже по пессимистическим сценариям развития.

Приведем некоторые факты. Около 43 % общероссийской добычи полезных ископаемых сосредоточено в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре [3], более 90 % в структуре промышленного производства округа — добыча полезных ископаемых и производство нефтепродуктов [Там же]. Нефтегазовые доходы — основа бюджетной системы — в последние десятилетия обеспечивают от ⅓ до ½ доходов государственного бюджета.

Более того, именно природная рента как экономическая оценка платы за право добычи невозобновляемых ограниченных природных ресурсов обеспечивает стратегический уровень социально-экономического развития территорий. Обращаем также внимание на то, что проблемы, связанные с территориальным «устойчивым развитием», имеют экологическую этимологию, связаны с выводом о катастрофических последствиях производственной деятельности человечества по причине экспоненциального роста населения вследствие исчерпания запасов полезных ископаемых, загрязнения окружающей среды, разрушения биосферы Земли[1].

С начала промышленной разведки нефти в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре сохранилась так называемая «внешняя специализация», основанная на эксплуатации природных биологических ресурсов и полезных ископаемых, что не могло не сказаться на типе диверсификации экономики подобных городов — это монопрофильные города (моногорода). Учитывая указанную особенность, при стратегическом планировании экономического роста подобных северных регионов необходимо обеспечить особые условия достижения целевых показателей устойчивости. В указанном контексте, согласимся с авторами работы [13], что «устойчивость региональной экономики относится к способности… непрерывно расти, способствуя надлежащему ограничению численности населения и экономической деятельности без истощения ресурсов и деградации окружающей среды». Таким образом, к условиям обеспечения регионального экономического роста северных территорий можно отнести: экономический масштаб, диверсификацию, модернизацию промышленности и повышение благосостояния населения.

Авторами работы [2] проведено исследование вероятных угроз экономической безопасности моногородов, сделан вывод о том, что подобные территориальные образования нарушают устойчивость развития регионов, подвергают угрозе устойчивое развитие более крупных территориальных образований.

Подобный подход представляется нам довольно узким, хотя и подтверждается эмпирическим опытом из мировой практики, когда существование городов прекращается с ликвидацией градообразующего предприятия.

Авторы [см., напр.: 5; 9; 11] достаточно пессимистично оценивают стратегические перспективы

[1] Первый доклад Римскому клубу, 1970-е гг.

моногородов, особенно в периоды кризисов, по причинам сокращения программ развития, утечки интеллектуального потенциала, оттока молодежи, снижения качества образования, уровня общей и профессиональной культуры, разрушения локальной городской идентичности, экологических проблем и др.

К настоящему времени разработано достаточное количество концепций существования противоречий в социально-экономических системах: философская, прагматическая, социальная, психологическая. С точки зрения авторов, сложившиеся противоречия развития и роста нефтегазодобывающих северных регионов в условиях мирового кризиса имеют признаки как прагматической, так и социальной концепции. С одной стороны, функционирование нефтегазодобывающих корпораций зависит от ограниченности ресурсов, которую создает противоречие, препятствующее развитию, но заставляет совершенствоваться и повышать эффективность функционирования. С другой стороны, сложились противоречия экономических интересов между макросистемами, экономическими агентами, социальными группами по вопросам изменения оснований и условий распределения финансовых, трудовых, других ресурсов.

Логика формирования и разрешения противоречий в целях обеспечения экономического роста укладывается в следующую схему:

Совокупность интересов → Инструменты их согласования → Противоречия → → Обеспечение согласованности в разрешении противоречий

Выявленная совокупность противоречий развития и роста нефтегазодобывающего северного региона в условиях мирового кризиса, а также направлений обеспечения их согласованности и разрешения представлены на рисунке (с. 65).

В разработанной структурно-логической модели совокупность интересов представлена интересами следующих экономических агентов и заинтересованных сторон: государства, нефтегазодобывающего региона-донора, нефтяных компаний, других предприятий топливно-энергетического комплекса, сотрудников, контрагентов-партнеров, акционеров.

Инструментами согласования экономических интересов указанных субъектов являются:

— применяемые со стороны государства санкции, инструменты налоговой политики, предоставляемые льготы, ценовая составляющая;

— механизмы экономической поддержки предприятий базового сектора экономики со стороны региона;

— сохранение рабочих мест, обеспечение занятости экономически активного населения;

— удержание объемов добычи на заданном уровне;

— выполнение сотрудниками должностных обязанностей в полном объеме;

— гибкие договорные условия взаимодействия с контрагентами;

— отказ от распределения прибыли на выплату дивидендов в пользу реинвестирования в активы.

К наиболее существенным противоречиям относятся:

— противоречия между производителями и потребителями продукции рентных отраслей;

— несоответствие интересов макросистемы и мезосистемы;

— социально-экономическая политика субъектов Федерации и федерального центра;

— диспропорции развития базовых и небазовых отраслей экономики;

— несоответствие степени диверсификации и пространственного размещения отраслей;

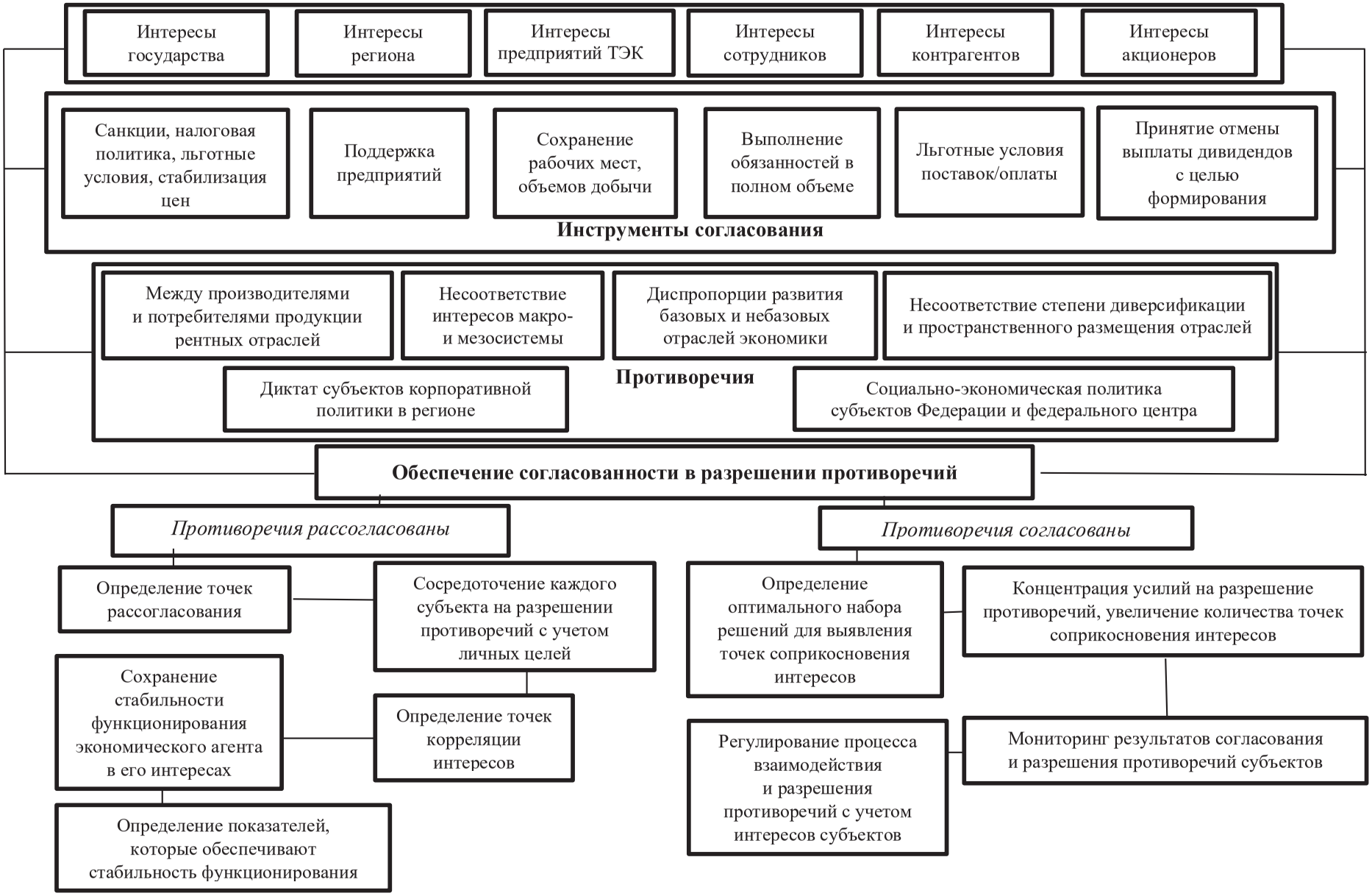
— диктат субъектов корпоративной политики в регионе.

Обеспечение согласованности в разрешении противоречий осуществляется по разным алгоритмам действий в зависимости от того, являются противоречия на данный момент согласованными или рассогласованными. Если интересы согласованы, алгоритм будет выглядеть следующим образом:

1. Определение оптимального набора решений для выявления точек соприкосновения интересов.
2. Концентрация усилий на разрешении противоречий, увеличении количества точек соприкосновения интересов.
3. Мониторинг результатов согласования и разрешения противоречий субъектов.
4. Регулирование процесса взаимодействия и разрешения противоречий с учетом интересов субъектов.

Если интересы рассогласованы, то алгоритм имеет иное содержание:

1. Определение точек рассогласования.
2. Сосредоточение каждого субъекта на разрешении противоречий с учетом личных целей.
3. Определение точек корреляции интересов.
4. Сохранение стабильности функционирования экономического агента в его интересах.

Субъекты интересов, противоречия и инструменты, алгоритмы обеспечения их согласованности

5. Определение показателей, которые обеспечивают стабильность функционирования.

Мы полагаем, что проявление последствий и определение новых точек роста диверсифицированной региональной экономики приводит к формированию новой структуры противоречий двух основных типов.

Во-первых, внутренние региональные противоречия. Существующие модели комплексного развития северных моногородов не были применены и реализованы в силу объективных, специфических особенностей Тюменского Севера: отсутствие обоснованной преемственной градостроительной концепции; временные ограничения для запуска производственных комплексов; «удешевление» проектов в процессе их реализации. Усилия диверсифицировать экономику от индустриальной к сервисной в реалиях невозможны ввиду слишком низкой плотности населения территорий. Также имеет место специфика региональной системы хозяйствования городов — пространственная локализация сосредоточена в пределах зоны присутствия нефтяных компаний и транспортировки газа.

Во-вторых, отраслевые противоречия — несоответствие развития базовых и небазовых отраслей экономики: создание крупных территориально-производственных комплексов вызвало рост населения северных территорий, однако отсутствие достойных социально-бытовых условий и суровый климат приводили к высокой текучести кадров и формированию ментальности «временщиков». Последняя, надо сказать, сохраняется и по сей день. Так, если нефтегазовый и нефтегазоперерабатывающий кластеры составляют базовый сектор экономики Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, то к небазовому относятся диверсифицирующие кластеры, оказывающие услуги базовому сектору экономики: научно-инновационный, медицинский, горнопромышленный, агропромышленный, лесопромышленный, туристско-рекреационный [6].

Существует несоответствие и в степени диверсификации отраслей и их пространственного размещения. Проявляется характерная тенденция — чем меньше по размерам и населению моногород, тем более узкая специализация ему свойственна.

Корпоративные отношения в ХМАО — Югре характеризуются диктатом нефтегазовых компаний в условиях ограниченного числа видов экономической деятельности в регионе.

Внутренние рынки труда нефтегазовых корпораций отличаются высокими барьерами входа, замещение возникающих вакансий осуществляется преимущественно за счет кадровых резервов компании, а не локального рынка труда. В то же время стратегическая цель социально-экономического развития связана прежде всего с повышением благосостояния уровня жизни населения, или его уровня и качества [6]. При этом достижение цели должно произойти «в результате формирования новой модели экономики, основанной на инновациях и глобальной конкурентоспособности» [Там же].

С точки зрения авторов, структура промышленного производства округа, совокупность накопленных проблем, ставших уже «ментальными», не могут обеспечить цели повышения качества жизни населения ввиду противоречия между производителями и потребителями продукции рентных отраслей, обусловленного *крайне низкой полезностью общественного продукта в нефтегазовом регионе.*

Задаваясь вопросом: «Является ли “рост” обязательно единственной целью или существуют другие ценности, такие как справедливость или устойчивость, которые важны для благосостояния человека?» — авторы работы [14] подтверждают наш вывод и предлагают переориентироваться с «получения прибыли» (оценки состояния экономики по «узкому» показателю роста/прироста валового или регионального продукта) к «созданию жизни» — социальному воспроизводству. С нашей точки зрения, именно этот подход способен «снять» существующие противоречия социально-экономического развития северных регионов, а также обеспечить стратегический рост экономики.

Напомним также, что повышение качества и уровня жизни общества должно быть обеспечено инновационными методами, на что указано в документах стратегического планирования всех уровней — федерального, регионального, местного. В то же время согласимся с утверждением авторов статьи [15] в том, что уровень инновационной восприимчивости экономических агентов в России является крайне низким, что обусловило ее циклически-волновое экономическое развитие. Как следствие, «потенциал промышленного развития страны продолжает снижаться из-за несовершенства процесса технологической модернизации» [15].

Инновационное социально-экономическое развитие ХМАО — Югры как нефтегазоносной территории в долгосрочной перспективе в сравнении, например, с осуществлением инновационной деятельности субъектами хозяйствования не обеспечено ни кадровой, ни ресурсной базой. Наличие

проблемы нехватки высококвалифицированных кадров на всех уровнях — от инженеров до государственных служащих, отсутствие системы профессиональной подготовки кадров для развития устойчивых городов отмечается во многих научных работах [см., напр.: 12]. В то же время глобальная цифровизация предполагает «движение в сторону высококвалифицированной рабочей силы» [13] и стимулирует экстраполяцию инноваций, побуждает смещение акцентов социально-экономического развития северных территорий на повышение качества жизни и формирование устойчивого и сбалансированного общества, позволит исключить большинство противоречий между производителями и потребителями продукции рентных отраслей.

Сложившиеся траектории падения всех основных показателей оценки деятельности нефтяных компаний (добыча нефти (на 7,6%), объем переработки нефти (на 3,9%), производство основных нефтепродуктов (от 3,3 до 16,4%), объем разведочного бурения (на 11,6%), объем эксплуатационного бурения (на 1,2%)) не позволяют обеспечить достижение стратегических ориентиров социально-экономического развития региона. Согласимся с утверждением, что в современных условиях мирового кризиса «регионы России подвержены чрезвычайно динамичным изменениям, становятся «текучими» экосистемами, региональные стратегические разработки все быстрее устаревают, утрачивают соответствие с меняющейся социальной реальностью» [1].

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что для изменения существующего положения нефтегазодобывающих моногородов, их социально-экономического развития по инновационному сценарию необходимо обеспечить *рост качества* всех видов *капитала*: производственного, человеческого, финансового и социального. Это объективно будет достижимо при выполнении следующих условий: более глубокая диверсификация, развитие видов деятельности и форм занятости, характерных для экономики знаний; отраслевой спрос в нефтегазовой отрасли характеризуется высокой ценовой эластичностью; экономический рост на кривой отраслевого спроса характеризуется высокой степенью насыщения рынка и неэластичностью отраслевого спроса.

Список литературы

1. Арженовский И. В., Дахин А. В. Когнитивная регионология: опыт моделирования региональных социально-экономических процессов // Российский региональный журнал. 2020. № 28 (3). С. 470—489. DOI: https://doi.org/10.15507/2413-1407.112.028.202003.470-489/.

2. Дулесов А. Н., Бехтерев Д. В. Классификация моногородов по их жизненному циклу // Фундаментальные исследования. 2015. № 10. С. 161—165.

3. Итоги социально-экономического Ханты-Мансийского автономного округа — Югры за январь — сентябрь 2019. URL: https://depeconom.admhmao.ru/deyatelnost/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie/itogi-razvitiya-okruga/itogi-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry/2019-god/3524903/itogi-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-yanvar-sentyabr-2019-goda (дата обращения 21.04.2020).

4. Ломская Т. Пандемия со скидкой: Россия выделила на помощь населению и бизнесу в 70 раз меньше Германии. URL: https://www.forbes.ru/biznes/396629-pandemiya-so-skidkoy-rossiya-vydelila-na-pomoshch-naseleniyu-i-biznesu-v-70-raz-menshe (дата обращения 11.04.2020).

5. Новикова Н. В., Черей А. В. Стратегические направления экономического развития моногородов региона (на примере Свердловской области) // Известия УрГЭУ. 2014. № 5 (55). С. 95—103.

6. О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до 2020 года и на период до 2020 года и на период до 2030 года Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 22 марта 2013 года № 101-рп.

7. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2021 год и период 2022 и 2023 годов: утв. Банком России // КонсультантПлюс.

8. Отчет эмитента (ежеквартальный отчет) ПАО «Сургутнефтегаз» за 3-й квартал 2020 г. URL: https://www.surgutneftegas.ru/investors/reporting/ezhekvartalnye-otchety/ (дата обращения 30.11.2020).

9. Севастьянова А. Е. Стратегические аспекты диверсификации и модернизации экономики моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 139—145.

10. Цена нефти впервые в истории упала ниже нуля. Что важно знать. URL: https://www.rbc.ru/economics/21/04/2020/5e9df3249a79470ff099ae32 (дата обращения 21.04.2020).

11. Черевко О. Л. Пути развития монопрофильных городов северной макрозоны // Сегодня и завтра российской экономики. 2011. № 45. С. 107—111.

12. Afanasyeva A., Safina R., Kursina I. Sustainable cities: major challenges and trends. STCCE-2020 // IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering 890 (2020) 012181. DOI: 10.1088/1757-899X/890/1/012181.

13. Haiying Xu, Wei-Ling Hsu, Teen-Hang Meen, Ju Hua Zhu. Can Higher Education, Economic Growth and Innovation Ability Improve Each Other? // Sustainability. 2020. № 12. C. 2515. DOI: 10.3390/su12062515.

14. Leach M., MacGregor H., Scoones I., Wilkinson A. Post-pandemic transformations: How and why COVID-19 requires us to rethink development // World Development. 2021. Vol. 138. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.

15. Semin A., Vasiljeva M., Sokolov A., Kuznetsov N., Maramygin M., Volkova M., Zekiy A., Elyakova I., Nikitina N. Improving Early Warning System Indicators for Crisis Manifestations in the Russian Economy // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2020. 6 (4). URL: https://doi.org/10.3390/joitmc6040171 (дата обращения 06.11.2020).

Сведения об авторах

Воронина Евгения Васильевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и бизнеса Сургутского государственного университета, Сургут, Россия. ugine_v@mail.ru

Мильчакова Наталья Николаевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансов Тюменского государственного университета, профессор кафедры менеджмента и бизнеса Сургутского государственного университета, Тюмень, Россия. mina@utmn.ru

Сергеева Ирина Владимировна — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры государственного, муниципального управления и управления персоналом Сургутского государственного университета, Сургут, Россия. sergeeva_iv86@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 62—69.

CONTRADICTIONS IN THE DEVELOPMENT AND GROWTH OF THE OIL AND GAS PRODUCING NORTHERN REGION IN THE CONTEXT OF CRISIS

E. V. Voronina
Surgut State University, Surgut, Russia. ugine_v@mail.ru

N. N. Milchakova
Tyumen State University, Tyumen, Surgut State University, Surgut, Russia. mina@utmn.ru.

I. V. Sergeeva
Surgut State University, Surgut, Russia. sergeeva_iv86@mail.ru

The relevance of the study is due to the high contribution of oil and gas producing northern regions to the formation of GDP, the provision of budget revenues at all levels, the threats to the implementation of pessimistic scenarios of socio-economic development in connection with the financial, economic and social consequences of the global coronacrisis. The aim of the authors is to verify the existing contradictions of regional development according to the scheme: «Combination of interests of economic agents and stakeholders → Tools for coordination → Contradictions → Ensuring consistency in resolving contradictions», research of factors and conditions for ensuring economic growth of the northern regions by innovative methods. It is concluded that the utility of the public product in the oil and gas region is extremely low, the contradictions between producers and consumers of products of rental industries can not provide the goal of improving the quality of life of the population. The achievement of the set goals can be achieved through the social reproduction of the population of the region, the growth of the quality of all types of capital: production, human, financial and social.

Keywords: *oil and gas producing northern region, contradictions of development and growth, macroregion, crisis.*

References

1. Arzhenovskij I. V., Dahin A. V. (2020) *Rossijskij regional'nyj zhurnal*, no. 28 (3), pp. 470—489. DOI: https://doi.org/10.15507/2413-1407.112.028.202003.470-489/ [In Russ.].

2. Dulesov A. N., Bekhterev D. V. (2015) *Fundamental'nye issledovaniya*, no. 10, pp. 161—165 [in Russ.].

3. Itogi social'no-ekonomicheskogo Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — Yugry za yanvar'-sentyabr' 2019 [Results of the socio-economic Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra for January-September 2019]. Available at: https://depeconom.admhmao.ru/deyatelnost/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie/itogi-razvitiya-okruga/itogi-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry/2019-god/3524903/itogi-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-yanvar-sentyabr-2019-goda, accessed 21.04.2020 [in Russ.].

4. Lomskaya T. Pandemiya so skidkoj: Rossiya vydelila na pomoshch' naseleniyu i biznesu 70 raz men'she Germanii [Lomskaya T. Discounted pandemic: Russia allocated 70 times less than Germany to help the population and business]. Available at: https://www.forbes.ru/biznes/396629-pandemiya-so-skidkoy-rossiya-vydelila-na-pomoshch-naseleniyu-i-biznesu-v-70-raz-menshe, accessed 21.04.2020 [in Russ.].

5. Novikova N. V., Cherej A. V. (2014) *Izvestiya UrGEU*, no. 5 (55), pp. 95—103 [in Russ.].

6. O Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — Yugry do 2020 goda i na period do 2020 goda i na period do 2030 goda Rasporyazhenie Pravitel'stva Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — Yugry ot 22 marta 2013 goda № 101-rp [O Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — Yugry do 2020 goda i na period do 2020 goda i na period do 2030 goda Rasporyazhenie Pravitel'stva Hanty-Mansijskogo avtonomnogaartry goda 2013] [in Russ.].

7. Osnovnye napravleniya edinoj gosudarstvennoj denezhno-kreditnoj politiki na 2021 god i period 2022 i 2023 godov: utv. Bankom Rossii [The main directions of the unified state monetary policy for 2021 and the period of 2022 and 2023: approved by Bank of Russia]. KonsultantPlyus [in Russ.].

8. Otchet emitenta (ezhekvartal'nyj otchet) PAO "Surgutneftegaz" za 3 kvartal 2020 g. [Issuer report (quarterly report) of PJSC Surgutneftegas for the 3rd quarter of 2020]. Available at: https://www.surgutneftegas.ru/investors/reporting/ezhekvartalnye-otchety/, accessed 30.11.2020 [in Russ.].

9. Sevast'yanova A.E. (2018) *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 139—145 [in Russ.].

10. Cena nefti vpervye v istorii upala nizhe nulya. Chto vazhno znat' [For the first time in history, the price of oil fell below zero. What is important to know]. Available at: https://www.rbc.ru/economics/21/04/2020/5e9df3249a79470ff099ae32, accessed 21.04.2020 [in Russ.].

11. Cherevko O. L. (2011) *Segodnya i zavtra rossijskoj ekonomiki*, no. 45, pp. 107—111 [in Russ.].

12. Afanasyeva A., Safina R., Kursina I. (2020) IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering. DOI: 10.1088/1757-899X/890/1/012181.

13. Haiying Xu, Wei-Ling Hsu, Teen-Hang Meen and Ju Hua Zhu (2020). *Sustainability*. DOI: 10.3390/su12062515.

14. Leach M., MacGregor H., Scoones I., Wilkinson A. (2021) *World Development*, vol. 138. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.

15. Semin A., Vasiljeva M., Sokolov A., Kuznetsov N., Maramygin M., Volkova M., Zekiy A., Elyakova I., Nikitina N. (2020) *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, no. 6 (4).

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 70—79.

УДК 316.422.44
ББК 65.291.55

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10308

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ПОВЕДЕНИЕ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Д. А. Плетнев, Е. В. Козлова
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 20-510-92006.

Технологические изменения оказывают влияние на все сферы нашей жизни, как профессиональной, так и личной. При этом привычные способы действий часто становятся неэффективными, и способность изменяться в ногу со временем для предприятий оказывается жизненно важным условием существования и развития. В статье приводится обзор технологических изменений, с которыми столкнулись хозяйствующие субъекты, и дается оценка направлений влияния на предприятие этих изменений. Особое внимание уделяется различным подходам к идентификации и типологизации технологических изменений на основе как зарубежного (К. Шваб), так и отечественного (Национальная технологическая инициатива) опыта.

Ключевые слова: *технологические изменения, технологии, стратегия, Национальная технологическая инициатива.*

Начало XXI в. для экономики стало периодом качественных изменений в структуре производительных сил. Появление Интернета, развитие технологической базы микроэлектроники и другие ключевые тренды инновационного развития создают новые возможности для повышения эффективности хозяйственной деятельности на всех уровнях. Производительность труда объективно растет, человек вытесняется из сфер деятельности, где требуется физический или легко алгоритмизируемый труд, что неизбежно влечет за собой необходимость изменений в стратегическом поведении хозяйствующих субъектов, пересмотра их кадровой и маркетинговой политик, структуры инвестиций и взаимодействия с партнерами. Однако комплексного взгляда на взаимосвязь процессов технологических изменений и стратегического поведения организаций до сих пор не представлено, что делает эту проблему актуальной для научного анализа.

Цель статьи — выявление трендов поведения хозяйствующих субъектов (предприятий и организаций) под влиянием технологических изменений. Для достижения цели в статье последовательно решаются следующие задачи:

1. Выбор типологии технологических изменений, в рамках которой будет анализироваться изменение поведения предприятий и организаций.
2. Анализ научных работ и иных публикаций, описывающих влияние отдельных технологических изменений на изменение стратегического поведения хозяйствующих субъектов.
3. Систематизация полученных результатов.

Базовой типологией технологических изменений может считаться предложенная К. Швабом в 2017 г. классификация глубинных изменений [19]. Он предложил рассматривать семь «глубинных [технологических] изменений», каждое из которых уже меняет нашу жизнь, и в будущем будет оказывать ключевое влияние на изменения и в системе производства. К ним относятся:

1. Имплантируемые технологии (вживленные в тело человека устройства, в том числе датчики, обеспечивающие связь, ориентацию в пространстве и мониторинг различных процессов, «умные» татуировки).
2. Наше цифровое присутствие (социальные сети, мессенджеры, блоги).
3. «Цифровидение» как новый интерфейс (AR и VR, системы слежения за взглядом и т. п.).
4. Носимый Интернет (одежда, подключенная к сети, «умные» часы, браслеты и т. п.).
5. Распределенные вычисления (облачные технологии, высокопроизводительные устройства).
6. Суперкомпьютер в кармане (смартфоны и их программное обеспечение, по мощности и функциям превосходящее мощные компьютеры недавнего прошлого).
7. Хранилище (данных) на всех.

Возможное влияние этих технологических изменений на человека (включая риски) было описано в [11], здесь же нужно отметить, что эта классификация не является строго научной и исчерпывающей, но одновременно, будучи продуктом экспертного анализа, безусловно, имеет тесную связь с хозяй-

ственной практикой, что для целей настоящего исследования крайне ценно.

Развитие этого подхода представлено во следующей книге К. Шваба [18]. Здесь предлагается двухуровневая классификация новых технологий (рис. 1).

Новые вычислительные технологии в первую очередь связывают с инновационными материалами, появлением новых принципов компьютерных вычислений и алгоритмов, используемых для сбора, обработки и хранения информации. Возникновение новых возможностей обмена информацией и их внедрение требует постоянного совершенствования используемых технологий. Основой блокчейн-технологии является возможность обмена цифровыми записями без доверенной стороны, при этом гарантируются сохранение уникальности и авторства (источника происхождения) цифрового объекта, прозрачность, неизменность данных, а также алгоритмизация транзакций и доступность для большого числа пользователей. Постоянная передача больших массивов данных происходит не только между людьми, но и между устройствами — Интернет вещей. Непрерывный сбор информации о пользователях значительно расширяет представление о принятии решении и стимулах пользователей. Повсеместность интеллектуальных датчиков, собирающих информацию для последующей передачи и анализа, приводит к необходимости работы с большими объемами информации в режиме реального времени. Проблему ограниченности способностей человека в скорости обработки информации и длительном ее хранении решают при помощи искусственного интеллекта и робототехники. Прогресс в области искусственного интеллекта приводит к развитию его когнитивных способностей, которые до этого были присущи только человеку (например, обучаемость). Развитие искусственного интеллекта существенно увеличивает потенциал использования роботов в различных сферах деятельности, предполагая не только полную замену человека, но и совместное решение поставленных задач. Разработки в области материаловедения открывают новые возможности для технологических изменений. При этом внедрение новых материалов, способных стать основой для передовых технологий, требует больших вложений капитала и временных затрат. Существенной экономии в производстве можно достичь за счет снижения транспортных издержек,

Рис. 1. Технологии четвертой индустриальной революции (подход К. Шваба)

Источник: [18].

возникающих из-за значительного сокращения цепочек поставок, при использовании аддитивного производства и многомерной печати (послойного создания объектов). Сочетание такого способа производства с другими новыми технологиями дает возможность решения комплексных задач размещения производства в непосредственной близости от потребителя. Возникающие технологии будут воздействовать непосредственно и на самого человека. Развитие биотехнологий в последние несколько лет позволило существенно продвинуться в области диагностики, генной инженерии, сельского хозяйства. Создание и использование биометариалов существенно расширяет потенциал здравоохранения и способно в значительной степени изменить возможности человека. Влияние на работу мозга и мыслительный процесс осуществлются при помощи нейротехнологий. Управление мозговыми функциями позволяет повысить эффективность и скорость обучения, а также развития способностей человека. Новые возможности взаимодействия человека с окружающей средой достигаются при помощи виртуальной и дополненной реальности, воссоздаваемой путем воздействия на различные органы чувств. Такие технологии становятся источником новых возможностей моделирования окружающего пространства и способов коммуникации. Активное использование новых технологий приводит к существенному спросу на электроэнергию и требует существенного повышения их энергоэффективности. Развитие технологий направлено в первую очередь на возобновляемые источники энергии, способные также существенно снизить негативное воздействие на окружающую среду. При этом активно разрабатываются технологические вмешательства в природную среду (геоинженерия), направленные на изменение климата, количества осадков, температуры, выбросов в атмосферу, с целью снижения негативного воздействия человека. Активное развитие космических технологий привело к привлечению частного капитала в данную отрасль, что позволило получить новые конкурентные преимущества и способствовало развитию других отраслей.

Часто в отечественной научной литературе используется аббревиатура НБИК (нано-, био-, инфо-, конгитивные технологии), адепты которой предлагают рассматривать новые технологии в контексте четырех сфер изменений: нанотехнологий, биоинженерии, информационных и когнитивных технологий [См.: 1; 3; 8]. Однако для целей настоящей работы эта классификация будет слишком общей, тем более что и ее сторонники говорят о НБИК-конвергенции, то есть объединении этих разных по природе технологий в одних производственных процессах и решениях.

Еще одной выросшей из практики классификацией новых технологий является используемая в Национальной технологической инициативе типология приоритетных групп технологий[1]. Этот список открытый, он может пополняться на основе согласованного мнения экспертов и изменений в экономике. В настоящий момент он включает:

- большие данные;
- искусственный интеллект;
- системы распределенного реестра;
- квантовые технологии;
- новые и портативные источники энергии;
- новые производственные технологии;
- сенсорика и компоненты робототехники;
- технологии беспроводной связи;
- технологии управления свойствами биологических объектов;
- нейротехнологии, технологии виртуальной и дополненной реальностей.

Достоинством подхода Национальной технологической инициативы является интеграция технологий в систему координат перспективных рынков, а также конкретных сервисов и контуров промышленной политики. Наиболее наглядно это представлено на их «канонической» схеме (рис. 2).

На сегодняшний день повсеместно возникает необходимость обработки и анализа больших объемов структурированных и неструктурированных данных. Большие данные представляют собой набор инструментов и методов их обработки в условиях постоянного прироста. Информация может быть получена на основе обработки сенсорной информации и представления ее в пригодном для дальнейшего технического использования виде (сенсорика). Передача информации может осуществляться с использованием технологий беспроводной связи, где носителями информации являются радиоволны или излучение (например, инфракрасное, оптическое, лазерное). Технология систем распределенного реестра позволяет создать базу данных, ключевыми особенностями которой являются отсутствие единого центра управления и достоверность данных. Поиск решений поставленных задач при помощи искусственного интеллекта достигается за счет программного или аппаратного моделирования интеллектуальных видов человеческой деятельности

[1] Национальная технологическая инициатива (URL: https://nti2035.ru).

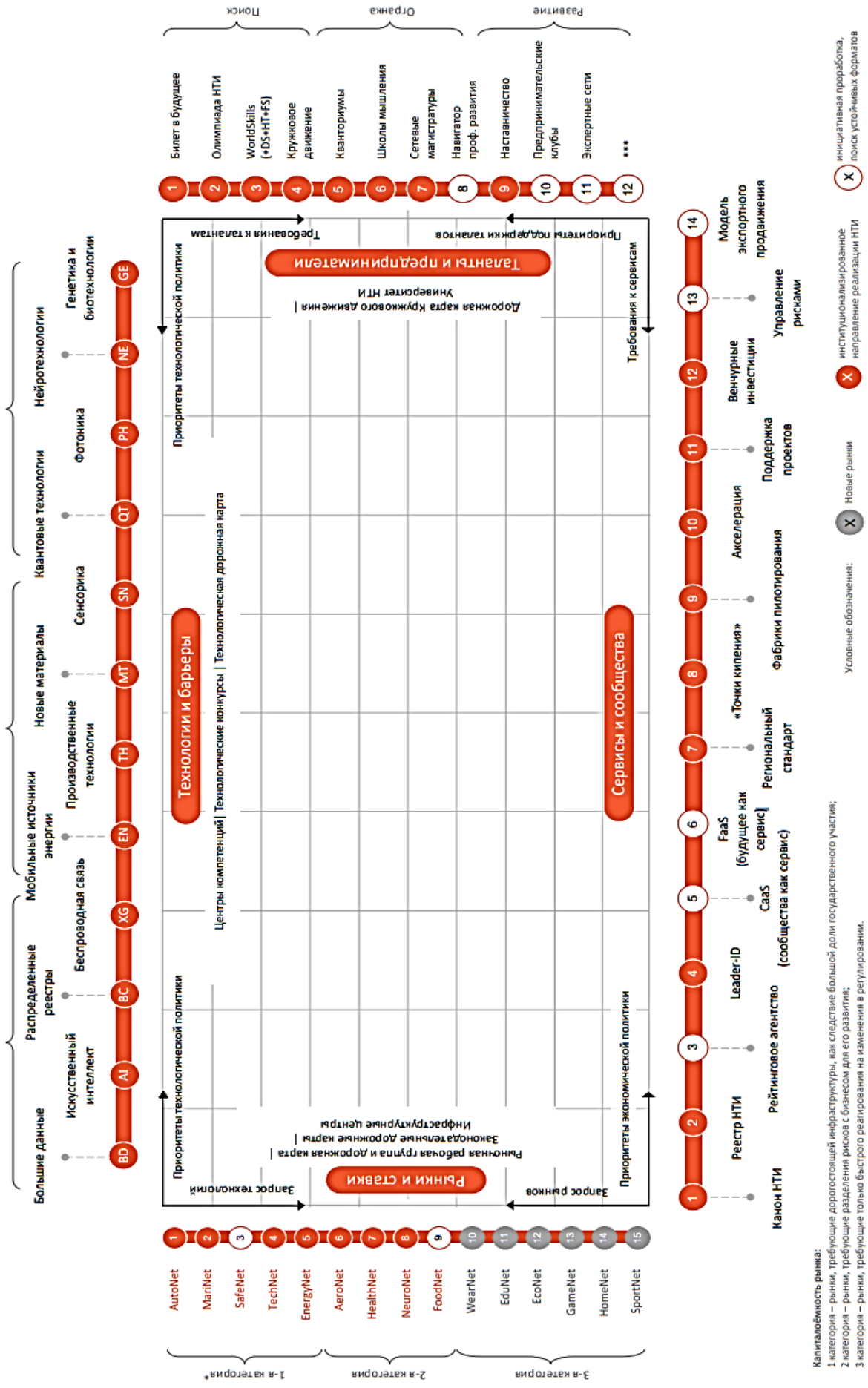

Рис. 2. Матрица Национальной технологической инициативы (версия 2020 г.)

Источник: nti2035.ru.

на основе машинного обучения с использованием собранной информации. Автономное решение задач основано на использовании таких технологий искусственного интеллекта, как компьютерное зрение, распознавание и синтез речи, обработка естественного языка и др. Важно и понимание работы мозга, мыслительных процессов, а также технологии, направленные на улучшение его работы, моделирование интеллектуальных видов деятельности на основе изучения мозга и нервной системы (нейротехнлогии). Инициативы касаются применения новых производственных технологий (характеризующихся высоким потенциалом, но имеющих относительно небольшое распространение, использующихся для производства высококонкурентной продукции), квантовых технологий (включающих квантовые вычисления, квантовые коммуникации и квантовые сенсоры), технологий управления свойствами биологических объектов (в основе которых лежат генетика и биотехнологии). Вопросы эффективного накопления и передачи энергии для использования технологий вызывают потребность в создании новых и портативных источников энергии.

Проведенный анализ классификаций Шваба и подхода Национальной технологической инициативы показал, что развитие технологий имеет ряд ключевых направлений (табл. 1): воздействие на человека, работа с данными и совершенствование технологий (доступность, повышение эффективности).

То, как новые технологии меняют поведение и стратегии предприятий и организаций, также является предметом широкого научного и бизнес-интереса.

Г. Л. Подвойский [15] отмечает, что внедрение новых технологий, связанных в первую очередь с роботизацией и «дегуманизацией» производственных процессов, несет в себе существенные риски для работников и для организаций, ставящих во главу угла развитие именно трудоемких производств, стремящихся получить выгоды от использования дешевой рабочей силы. Вторым фактором риска он называет развитие киберпреступности, что увеличивает затраты бизнеса на защиту данных и, с другой стороны, увеличивает недоверие потребителей к новым сервисам. В целом же картина внедрения новых технологий видится автору, скорее, позитивной, и все риски описываются как носящие преходящий характер.

В. В. Вольчик и А. И. Маскаев [2] говорят о непредсказуемом влиянии новых технологий на ресурсы и стратегии поведения, а также о стремлении правительств некоторых стран сопротивляться технологическому прогрессу, испытывая страх перед безработицей, потерей ренты и ростом неопределенности будущего. При этом в долгосрочной перспективе внедрение новых технологий способствует экономическому росту и росту экономической власти. Также отмечается положительный эффект от появления институтов, «снизивших стоимость выражения собственного мнения», для

Таблица 1

Ключевые направления развития технологий

Направление развития технологий	Типология технологических изменений (К. Шваб)	Типология приоритетных групп технологий (НТИ)
Прямое воздействие технологий на организм человека	Имплантируемые технологии	Технологии управления свойствами биологических объектов
Взаимодействие с окружающей средой	«Цифровидение» как новый интерфейс	Нейротехнологии, технологии виртуальной и дополненной реальностей
Работа с данными	Облачное хранение данных Распределенные вычисления	Большие данные Искусственный интеллект Системы распределенного реестра
Повсеместность и непрерывность использования технологий и взаимодействий через них	Носимый Интернет Наше цифровое присутствие	Технологии беспроводной связи
Повышение эффективности	Суперкомпьютер в кармане	Сенсорика и компоненты робототехники Квантовые технологии Новые производственные технологии
Новые материалы	–	Новые и портативные источники энергии

Примечание: составлено авторами.

экономики. От себя добавим, что для действующих хозяйствующих субъектов это несет и серьезные риски: нередки случаи, когда конкуренты используют социальные сети для недобросовестной конкуренции, анонимно очерняя других участников рынка в глазах потребителей и регулирующих структур. Для этих же целей могут использоваться сетевые СМИ.

А. В. Енькова [6] говорит о снижении издержек производства в традиционных секторах как о результате действия новых технологий. При этом, дополним от себя, повышается добавленная стоимость и в обществе накапливаются финансовые ресурсы, которые могут быть потрачены на удовлетворение новых, не актуализовавшихся ранее потребностей. Так появляется новый сектор «цифровой экономики», представленный товарами и услугами, ранее существовавшими только в фантастических повестях и фильмах («умный» дом, распознавание образов, голосовые помощники и т. п.). Чтобы преуспеть, компании должны адаптироваться к этим изменениям, включая изменения товарной стратегии и используемых технологий.

М. В. Сафрончук [16] отмечает влияние, которое технологические изменения оказали на способы организации и ведения бизнеса, на обеспечение его разного рода ресурсами, на производственные и трансакционные издержки, а также на сетевой эффект и эффект масштаба. Рассматривая изменения в конкретных направлениях, где реализуется поведение компаний, он отмечает, что происходит трансформация отношений с покупателями в сторону индивидуализации в решении проблем и удовлетворения спроса. Изучение интересов и потребностей покупателей на основе анализа информационных следов при помощи искусственного интеллекта позволяет персонализировать маркетинг в условиях большого объема информации при минимальных затратах. Способность компании создавать и реализовывать проекты с высокой скоростью за счет использования цифровых платформ в условиях конкуренции дает существенные преимущества и открывает возможности межотраслевых взаимодействий. Интеграция возможностей различных компаний приводит к возникновению новых форм бизнеса на основе совместного пользования, базирующегося на цифровых платформах.

При этом игнорируется тот факт, что новые технологии несут в себе серьезные риски, в том числе для издержек: киберпреступность, затраты на внедрение и в целом на участие в «гонке инноваций», непропорционально большие затраты на маркетинг, связанные с уплатой новой формы ренты в пользу ИТ компаний. В 2020 г. появился и новый вид риска — риск утраты, условно говоря, аккаунта в соцсети (на самом деле речь о гораздо более серьезных последствиях «культуры отмены») за отказ от следования социально одобряемой линии поведения. Здесь речь и о преследовании по политическим взглядам, и об отсутствии плюрализма в общественных дискуссиях о равноправии, семье и т. п. А именно в этой сфере компании сталкиваются с новым фактором, влияющим на них извне. Условно это можно назвать SMD (social media dictature).

И. А. Стрелец [17] отмечает существенное влияние новых технологий как на поведение фирм напрямую, так и посредством изменения потребителей. В первом случае речь идет о том, что на современном этапе сетевые возможности являются необходимым условием ведения бизнеса, а их использование не ограничивается каналом продаж, но еще и позволяет частично или полностью автоматизировать бизнес-процессы. Компании активно передают часть функций на аутсорсинг, оставляя за собой только осуществление контроля и решение стратегических вопросов. Для получения технологических преимуществ компании должны реагировать на изменение интересов потребителя, совершенствовать технологии и внедрять их в производство с высокой скоростью, то есть реализовывать идею «обучения в процессе производства». Отсутствие границ ведения бизнеса ввиду минимизации издержек и увеличения скорости взаимодействия, а также информационная прозрачность позволяют снизить неопределенность и реализовать конкурентные преимущества. Одной из наиболее популярных организационных форм становится сетевое предприятие, характеризующееся гибкостью и способностью быстрой адаптации к изменяющимся условиям рынка. Во втором случае описываются два разнонаправленных процесса: «рационализация» потребителя и его «эмоционализация». То есть, с одной стороны, от компании требуется быть убедительной в плане информации о товаре, участии в рейтингах, лучших производственных характеристиках, и в то же время один негативный эмоциональный пост в соцсети от лидера общественного мнения (актера, спортсмена и даже блогера) способен в разы уменьшить выручку компании. Это может быть даже просто «перепост».

Также И. А. Стрелец отмечает тенденцию роста управляемости поведения потребителей

с использованием достижений поведенческой экономики [7; 9]. От себя добавим, что анализ больших данных в этой сфере открывает поистине безбрежные горизонты для анализа и управления поведением потребителей в сфере ретейла. Недалек тот час, когда фирмы будут анализировать «тепловые карты» покупателей для лучшего мерчандайзинга (подобные тем, что используются сейчас в спортивной аналитике) и вести каждого покупателя по магазину так, чтобы он купил как можно больше. Первый шаг — повсеместное внедрение отслеживающих покупки онлайн-приложений магазинов. И та компания, что отстанет в этом процессе от других, рискует потерять рынок.

И. В. Лутошкин и А. А. Парамонова [10] затрагивают вопросы цифровой трансформации, которая создает предпосылки качественного рывка в производственных мощностях страны и существенного сокращения разрыва цифровизации в различных отраслях. Проведенный анализ влияния информационных технологий на макроэкономические процессы выявил сильную связь между общими затратами на ИКТ и ключевыми макроэкономическими показателями (ВВП, ВНП, валовая добавленная стоимость, валовая прибыль экономики, расходы на конечное потребление, валовое накопление в год, среднедушевой доход).

По мнению Р. Ениколопова, для того чтобы технологии оказывали действительно значимое влияние на развитие экономики, объемы инвестиций должны выйти за пределы отдельных компаний и отраслей, а также должна произойти глобальная перестройка существующих бизнес-процессов [5]. Завышенные ожидания относительно внедрения новых технологий объясняются огромными средствами компаний, направляемыми на повышение производительности. Реальная отдача от таких инвестиций имеет существенную задержку во времени, но эффект может быть заметен не только отдельным компаниям, но и многим отраслям экономики, что обеспечит существенный прорыв.

Цифровая трансформация последних лет определила тренды развития, лежащие в основе происходящих изменений[1]. Глобализация рынков товаров, капитала, технологий привела к расширению доступа к информации и повышению конкуренции. Возникновение новых сетевых форм взаимодействий между поставщиками, производителями и потребителями требует повышения прозрачности бизнеса и создания устойчивых бизнес-моделей. В таких условиях стратегические цели компаний должны учитывать современные технологические трансформации, интересы акционеров и прочих стейкхолдеров, а также потребителей [14]. Смещение фокуса потребителей с владения на пользование благом является источником развития концепции бережливого потребления. Построение связей между организациями для совместных разработки, производства и распространения товаров направлено на добровольное объединение равноправных участников с целью достижения поставленных целей. Развитие и распространение цифровых технологий дает возможность мгновенного взаимодействия вне зависимости от расстояний. Переход в онлайн происходит во всех сферах жизни и выстраивает новые модели коммуникаций между людьми и организациями. Процесс адаптации компаний к постоянно увеличивающейся скорости изменений повышает значимость инноваций и гибкости управления. Влияние технологий на потребительское поведение дает возможность рассматривать их как источник повышения эффективности и содержат существенный потенциал развития. Перечисленные изменения приводят и к существенной социальной трансформации. Глубинные изменения ценностей новых поколений должны стать ключевым ориентиром для определения стратегий и новых возможностей развития. При этом внедрение технологических инноваций в процесс производства в последнее время не дает существенного прироста производительности труда [4]. Проблемы измерения потребительского излишка приводят к недооцениванию прироста производительности за счет новых технологий. Все чаще отмечается снижение эффекта последних технологических инноваций, обусловленное существенной задержкой проявления выгод от их внедрения и низкой скоростью освоения, неравенством доступа к технологиям и результатам их применения [12], а также неравенства способностей индивидов [13].

В целом современные технологии меняют поведение хозяйствующих субъектов (табл. 2), делая его более гибким, более информационно и аналитически оправданным. С другой стороны, своеобразная «гонка вооружений» в различных сферах, когда технологии внедряются ради технологий и чтобы быть «как все», повышает уровень издержек компаний, что в конечном счете сказывается на удовлетворенности потребителей и выдавливании неболь-

[1] 6 мегатрендов, которые повлияют на будущее цифровой экономики //Softline (https://softline.ru/digital_business_tools/tsifrovaya-laboratoriya/6-megatrendov-cifrovoii-ekonomiki).

Таблица 2

Влияние новых технологий на поведение хозяйствующих субъектов и возникающие риски

Глубинные изменения / новые технологии	Потенциал использования в производстве и организации производства	Потенциал использования в сфере обращения (маркетинг, обучение и т. п.)	Риски
Имплантируемые технологии (вживленные в тело человека устройства, в том числе датчики, обеспечивающие связь, ориентацию в пространстве и мониторинг различных процессов, «умные» татуировки)	Контроль доступа, повышение эффективности логистики, повышение безопасности	Анализ поведения потребителя, нейромаркетинг	Конфиденциальность данных. Подавление воли и повышение управляемости работников, что может использоваться и в негативных целях
Наше цифровое присутствие (социальные сети, мессенджеры, блоги)	Закрытые внутрикорпоративные сообщества (повышение коммуникации и эффективности совместной работы сотрудников, генерация новых идей через совместное обсуждение, повышение вовлеченности)	SMM, простой таргетинг	Риск утечки внутрикорпоративной информации
«Цифровидение» как новый интерфейс (AR и VR, системы слежения за взглядом и т. п.)	Обучение сотрудников промышленной безопасности (отработка действий при ЧС)	Более привлекательная для потребителя презентация и подача товаров и услуг. Иммерсивные технологии в рекламе (частичное или полное погружение, предоставление информации при наведении на объект), что повышает конверсию потребителей	Высокая стоимость. Технические ограничения. Подделка меток и, как следствие, снижение доверия к ним
Носимый Интернет (одежда, подключенная к сети, «умные» часы, браслеты и т. п.)	Контроль нахождения в опасных зонах, мониторинг условий труда, контроль работников и их активности в течение дня, оптимизация логистических потоков	Геолокационный маркетинг	Нарушение конфиденциальности, снижение творческой активности
Распределенные вычисления (облачные технологии, высокопроизводительные устройства)	Облачный офис — обеспечение виртуального присутствия работников на совещаниях и в офисе 24/7, широкие возможности применения нейросетей	Масштабное внедрение «умных» и «беспилотных» технологий, использование нейросетей для онлайн-приложений	Deep-fake и другие способы искажения реальности, подрывающие доверие к визуальному контенту
Суперкомпьютер в кармане (смартфоны и их программное обеспечение, по мощности и функциям превосходящее мощные компьютеры недавнего прошлого)	Мобильные бизнес-приложения, индустриальные мобильные устройства, промышленный Интернет вещей, предиктивная аналитика на основе больших данных	Мобильный маркетинг, более точное понимание потребностей покупателей и подстройка под них	Нарушение конфиденциальности потребителей и работников, намеренное искажение получаемой информации в пользу ее «носителя»
Облачное хранение данных	Надежность хранения и скорость восстановления данных, передача файлов с использованием шифрования, возможность доступа к данным из любой точки, совместная работа с данными, широкие возможности для удаленной работы	Облачные сервисы аналитики	Нарушение конфиденциальности данных, риски информационной безопасности

Примечание: составлено авторами.

ших фирм с рынка. Кроме того, серьезные риски связаны с тем, что «новая нефть» — информация становится объектом купли-продажи в мировом масштабе, и по законам капиталистического рынка, подмеченных еще В. И. Лениным, со временем это приведет к ее монополизации и формированию центров глобальной экономической власти. Государства широко стимулируют развитие новых технологий, не учитывая масштаб возникающих рисков, и компании остаются один на один с новыми вызовами. И речь не только о кибербезопасности, но и о выдавливании с наиболее «лакомых», близких к конечному потребителю мест в цепочке создания добавленной стоимости. Пример — экосистема Сбербанка, которая собирает своеобразный «цифровой налог» со всех фирм и потребителей, пользующихся ее высокотехнологичными продуктами (начиная с онлайн-касс

и заканчивая доставкой продуктов Сбермаркета). Как минимум, фирмы в этих условиях несут дополнительные затраты, как максимум — теряют конкурентоспособность из-за опережающих действий других участников рынка. По этой причине стратегии фирм должны учитывать новые вызовы и искать эффективные способы ответа на них. Какие — это предмет дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Бодрунов С. Д. Ноономика М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
2. Вольчик В. В., Маскаев А. И. Влияние технологий на экономическое развитие в контексте неявного знания и институтов // Terra Economicus. 2014. Т. 12, № 2. С. 6—12.
3. Глазьев С. Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, № 2. С. 3—29.
4. Дервиш К., Куреши З. Производительный казус: как новые технологии влияют на экономику мира // Forbes, 2016. URL: https://forbes.kz//life/opinion/paradoks_proizvoditelnosti_kak_novyie_tehnologii_vliyayut_na_mirovuyu_ekonomiku/ (дата обращения 12.01.2021).
5. Ениколопов Р. Когда мы почувствуем эффект big data // Ведомости. 2019. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2019/09/16/811385-effekt-big-data (дата обращения 12.01.2021).
6. Енькова А. В. Новые технологии и их влияние на традиционные сектора экономики // Современная антимонопольная политика России: правоприменительная практика в Брянской области: сб. науч. работ всерос. науч.-практ. конф. Брянск, 2019. С. 65—69.
7. Канеман Д. Думай медленно… решай быстро. М.: АСТ, 2013. 625 с.
8. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Конвергенция наук и технологий и формирование новой ноосферы // Российские нанотехнологии. 2011. Т. 6, № 9—10. С. 10—13.
9. Ланкастер К. Перемены и новаторство в технологии потребления // Теория потребительского поведения и спроса. Вехи экономической мысли. СПб., 1999. С. 326—336.
10. Лутошкин И. В., Парамонова А. А. Анализ влияния цифровых технологий на развитие национальной экономики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 4. С. 20—31.
11. Плетнев Д. А. Четвертая индустриальная революция и проблема отчуждения человека в процессе материального производства // Труды VIII Всероссийского симпозиума по экономической теории. 2018. С. 28—30.
12. Плетнев Д. А. Будущее корпорации в посткапиталистическую эпоху // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 8. С. 169—173.
13. Плетнев Д. А. Отчуждение и оппортунизм работника при переходе к ноономике // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223, № 3. С. 539—546.
14. Плетнев Д. А., Николаева Е. В., Козлова Е. В. Типология официальных стратегий крупных российских корпораций // Устойчиво развитие цифровой экономики и кластерных структур: теория и практика. СПб.: Политех-Пресс, 2020. С. 300—321.
15. Подвойский Г. Л. Роль новых технологий в экономике XXI века // Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 6—15.
16. Сафрончук М. В. Влияние цифровой трансформации на бизнес и деловую среду // Экономика и управление: проблемы, решения. № 2, т. 3. С. 38—44.
17. Стрелец И. А. Влияние новых технологий на экономическое поведение потребителей и фирм // США и Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 8. С. 63—72.
18. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М.: Бомбора, 2019. 320 с.
19. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2017. 208 с.

Сведения об авторах

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Козлова Елена Викторовна — старший преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. kozlova@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 70—79.

INFLUENCE OF TECHNOLOGICAL CHANGES ECONOMIC ENTITIES BEHAVIOR

D. A. Pletnev
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

E. V. Kozlova
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kozlova@csu.ru

Technological change is affecting all areas of our lives, both professional and personal. Simultaneously, the usual ways of action often become ineffective, and the ability to change «in step with the times» for enterprises is an essential condition for existence and development. The article provides an overview of business entities' technological changes and provides an assessment of the directions of influence on the enterprise of these changes. Special attention is paid to various approaches to identifying and typologizing technological changes based on foreign (K. Schwab) and domestic (National Technological Initiative) experience.

Keywords: *technological change, technology, strategy, National technological initiative.*

References

1. Bodrunov S. D. (2018) Noonomika [Noonomics]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya. 432 p. [in Russ.].
2. Vol'chik V. V., Maskayev A. I. (2014) *Terra Economicus*, no. 2, pp. 6—12 [in Russ.].
3. Glaz'yev S. Yu. (2016) *Ekonomika i matematicheskiye metody*, no. 2, pp. 3—29 [in Russ.].
4. Dervish K., Kureshi Z. (2016) *Forbes*. Available at: https://forbes.kz//life/opinion/paradoks_proizvoditelnosti_kak_novyie_tehnologii_vliyayut_na_mirovuyu_ekonomiku/, accessed 15.01.2021 [in Russ.].
5. Yenikolopov R. (2019) *Vedomosti*. Available at: https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2019/09/16/811385-effekt-big-data, accessed 20.01.2021 [in Russ.].
6. Yen'kova A. V. (2019) *Sovremennaya antimonopol'naya politika Rossii: pravoprimenitel'naya praktika v Bryanskoy oblasti*. Pp. 65—69 [in Russ.].
7. Kaneman D. (2013) Dumay medlenno… reshay bistro [Think slowly… decide quickly]. Moscow, AST. 625 p. [in Russ.].
8. Koval'chuk M. V., Naraykin O. S., Yatsishina Ye. B. (2011) *Rossiyskiye nanotekhnologii*, no. 9—10, pp. 10—13 [in Russ.].
9. Lankaster K. (1999) Peremeny i novatorstvo v tekhnologii potrebleniya [Changes and innovations in consumption technology]. *Teoriya potrebitel'skogo povedeniya i sprosa. Vekhi ekonomicheskoy mysli* [Consumer behavior and demand theory. The Vesies of Economic Thought]. St. Petersburg. Pp. 326—336 [in Russ.].
10. Lutoshkin I. V., Paramonova A. A. (2019) *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU*, no. 4, pp. 20—31 [in Russ.].
11. Pletnev D. A. (2018) *Trudy VIII Vserossiyskogo simpoziuma po ekonomicheskoy teorii*. Pp. 28—30 [in Russ.].
12. Pletnev D. A. (2018) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8, pp. 169—173 [in Russ.].
13. Pletnev D. A. (2020) *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, no. 3, pp. 539—546 [in Russ.].
14. Pletnev D. A., Nikolayeva E. V., Kozlova E. V. (2020) *Ustoychivo razvitiye tsifrovoy ekonomiki i klasternykh struktur: teoriya i praktika*. St. Petersburg, Politekh-Press. Pp. 300—321 [in Russ.].
15. Podvoyskiy G. L. (2016) *Mir novoy ekonomiki*, no. 4, pp. 6—15 [in Russ.].
16. Safronchuk M. V. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya*, no. 2 (3), pp. 38—44 [in Russ.].
17. Strelets I. A. (2008) *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 8, pp. 63—72 [in Russ.].
18. Shvab K. (2019) Tekhnologii chetvertoy promyshlennoy revolyutsii [Technologies of the fourth industrial revolution]. Moscow, Bombora. 320 p. [in Russ.].
19. Shvab K. (2017) Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, Eksmo. 208 p. [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 80—88.

УДК 338.24
ББК 65.050.12-551

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10309

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ

Т. В. Моисеева

Самарский федеральный исследовательский центр РАН,
Институт проблем управления сложными системами РАН, Самара, Россия

Статья посвящена исследованию современных подходов к управлению, которые могли бы лечь в основу инновационного развития социотехнических систем. Уточнен смысл понятия инновационного развития, связанного с применением новой парадигмы управления, отличной от применяемых ранее. Проведен анализ субъектно-ориентированных подходов к управлению в сфере государственного управления и управления социотехническими системами. Выявлены особенности, достоинства и недостатки каждого из описанных подходов. Особое внимание обращено на интерсубъективный подход к управлению, направленный на разрешение проблемных ситуаций акторов, кардинально отличающийся не только от традиционного, но и от прочих современных субъектно-ориентированных подходов.

Ключевые слова: *субъектно-ориентированное управление, New Public Management, New Public Governance, Public Value Management, Good Governance, менеджмент 3.0, Agile-технология, гетерархия, интерсубъективное управление.*

Социотехнические системы, состоящие из двух существенных составляющих — социально-антропологической и технико-технологической, действуют практически во всех сферах современной жизни. Однако многие специалисты отмечают, что наблюдаемый сегодня высокий уровень развития техники и технологий, которые являются продуктом человеческой деятельности, не соответствует уровню развития самого человека и общества в целом, а механизмы взаимодействия человека как части социальной системы с элементами технической системы устарели [5]. Теоретики и практики менеджмента, неудовлетворенные результатами применения современной науки об управлении, находятся в поиске путей выхода из назревающего кризиса, предлагая новые концепции управления. Для преодоления рассогласования между управлением технической и социальной составляющими социотехнических систем разрабатываются новые субъектно-ориентированные подходы к управлению, во многом опирающиеся на традиционно применяемые, но в большей степени, чем классические, ориентированные на раскрытие потенциала человека.

Интересно, что наиболее широкомасштабный поиск ведется в сфере государственного управления, где в последнее время были предложены новые подходы к управлению, учитывающие человеческий фактор. Несмотря на то что большинство новых управленческих концепций зародилось в сфере государственного управления, философия таких моделей принятия решений была перенесена и на организацию взаимоотношений в социуме и социотехнических системах, что можно объяснить фрактальным подобием общества, когда организация отношений основывается на типологическом сходстве, или подобии, сущностей [26].

Целью данной работы является исследование современных подходов к управлению, ориентированных на субъекты, с позиции возможности их применения в социотехнических системах (с тем, чтобы их развитие можно было признать инновационным). Актуальность проведенного исследования связана с тем, что новые подходы к управлению могут стать основой инновационного развития социотехнических систем (важность которого в последнее время не подвергается сомнению ни со стороны теоретиков, ни со стороны практиков менеджмента) [9]. Собственно развитие социотехнических систем связывается с качественным изменением их свойств и трансформацией внутренних и внешних связей на основе инноваций [2], а инновационное развитие определим как такое движение объекта во времени, которое происходит в результате применения новой парадигмы управления, отличной от применяемой ранее, что приводит к каким-либо улучшениям в жизни людей и служит общему благу. В связи с этим необходим анализ подходов к управлению, повышающих эффективность деятельности социотехнических систем, не только учитывающих роль субъектов, но и приносящих благо самим субъектам.

Среди инновационных субъектно-ориентированных подходов к государственному управлению отметим такие, как менеджеризм, новое государственное управление, менеджмент публичных ценностей и достойное управление [7].

Концепция менеджеризма (New Public Management) [14; 16; 23] появилась как отклик на то, что широко используемая модель госуправления оказалась неспособна реагировать на новую ситуацию в экономике, обнажившую несоответствие между развивающейся рыночной системой хозяйствования и традиционной бюрократией. Доминирование бюрократических начал, таких как конвергенция политических и административных процессов, социальные преференции (высокое материальное поощрение и элитарное положение) государственных чиновников, засилье бюрократических процедур, не только негативно влияло на рыночную экономическую среду, но и развивало коррупционные схемы и снижало (сводя к минимуму) ответственность чиновников за судьбу государства. Результатом стало снижение эффективности традиционной системы управления, продемонстрировавшей свою несостоятельность.

Идеологи New Public Management выступили за трансформацию общества чиновников в менеджериальное общество [9], положив в основу новой модели управления государством модель бизнеса.

Трансформация традиционной бюрократии в новую модель бизнеса, ориентированного на удовлетворение запросов потребителей, приносящее финансовую выгоду, усиливает роль гражданина-клиента, потребляющего государственные услуги, и ослабляет роль правительства, на которое возлагается функция не руководителя (правителя), а производителя общественных благ, необходимых народу. Недостаток такого подхода связан с несоответствием ожиданий граждан той действительности, в которой они оказываются. К ожиданиям можно отнести их желание активно участвовать в формировании политической повестки дня, однако идеология, ориентированная на клиента, не предполагает сотрудничества людей из повседневности, участвующих в решении социальных проблем, и государственных служащих, основная задача которых — самосохранение на государственной службе [25]. Гражданам традиционно отводится патерналистская роль участников социальных, экономических и политических процессов, которые должны доверить чиновничье-бюрократическому аппарату принятие ключевых решений. Требуя предоставления услуг высокого качества, люди удивляются, что результат не всегда соответствует ожиданиям, не понимая, что чиновник может только познать проблемную ситуацию со стороны. Несмотря на желание помочь в ее разрешении, он не может осознать смысл проблемной ситуации, то есть почувствовать ее так, как находящийся в ней субъект. Поэтому и решение, предлагаемое чиновником (или руководителем), больше подошло бы ему самому, окажись он в подобной ситуации.

Появление идеологии New Public Management существенно продвинуло теорию управления в сторону ориентации на субъекта, однако «первоначальные успехи реформ привели к фактической абсолютизации менеджериальной идеологии, менеджериальных ценностей, но оказалось, что отложенные последствия изменения ценностных приоритетов в государственном управлении слишком серьезны» [4].

Стремительное развитие сетевых технологий внесло свою лепту и в развитие теории управления, породив новую идею управления — New Public Governance (новое государственное управление), впитавшую в себя ключевые элементы идеальной бюрократии и New Public Management [19; 20]. Предметом нового государственного управления является предоставление услуг гражданам в сетевой среде [24]. При этом люди становятся не просто потребителями общественных услуг, но и их организаторами [Там же]. Однако в [12] отмечается, что правительство при таком подходе становится проблемой, с которой сталкивается общественность и которая препятствует экономическому и социальному прогрессу, а не решением.

Новая функция государства, направленная на создание «представлений о приоритетности решения тех или иных задач общественного развития путем активного вовлечения самих граждан в обсуждение значимости этих задач» [10], предполагающая разрешение проблемы, была предложена еще одной новой идеей управления — развивающимся менеджментом публичных ценностей (Public Value Management). Следует отметить, что одной из революционных в этой области стала статья М. Мура Creating public value: Strategic management in government [21]. Демократизация общества и повышение уровня активности граждан выдвинули на первый план не экономический подход к управлению, а социально-политический, учитывающий использование потенциала людей и признающий коллективные ценности [22].

Концепция Public Value Management ориентирована на консенсус в принятии решений обществом, когда

необязательно все должны быть за принимаемое решение, но никто не должен быть против. С этой точки зрения концепция имеет «потенциал, чтобы побудить различные способы мышления» [13; 18].

Некоторое рассогласование основных идей Public Value Management видится в том, что выявляют коллективные ценности чиновники-управленцы, они же должны разрешать противоречия, непременно возникающие при конкуренции разных публичных ценностей. Очевидно, что при таком способе принятия решений потенциал граждан — людей из повседневности — не может быть использован. В результате подход Public Value Management не предполагает эффективного способа разрешения противоречий при признании (или непризнании) ценности какого-либо публичного блага.

Поэтому большинство исследователей приходят к выводу, что методология Public Value Management может применяться при решении локальных проблем субъектов, действующих в социотехнических системах, когда они демонстрируют и отстаивают собственные интересы [15].

Программа ООН определяет еще одну новую парадигму управления — достойное управление (Good Governance) — как «механизмы, процессы и институты, через которые граждане и группы выражают свои интересы, реализуют свои законные права, выполняют обязанности и балансируют между различиями» [28]. Генезис данной модели управления связан с необходимостью разрешения остро встающих социальных конфликтов, достигающих критического уровня. Желание максимально привлечь общество (а не только правящую элиту) к управлению обусловило предложение модели управления Good Governance.

Дополнительно к идеям уже существующих подходов к управлению Good Governance предложило идею использования возможностей гетерогенных членов общества для разрешения социальных проблемных ситуаций.

Основные составляющие концепции Good Governance, согласно [28], следующие:

- легитимное участие и консенсус граждан при принятии государственных решений;
- стратегическое видение ситуации;
- обратная связь и эффективность;
- ответственность всех участников процесса и его прозрачность;
- равноправие и справедливость, а также верховенство закона.

По сравнению с иными подходами Good Governance выделяется легитимизацией права голоса и широким участием граждан в принятии государственных решений.

Тяготение современного общества к сетевой организации горизонтальных связей (более, чем к вертикальным) явилось определяющим в признании концепцией Good Governance значимости гетерархического взаимодействия между гражданскими сообществами, бизнесом и правительственными органами.

Теоретическое начало концепции Good Governance сегодня проработано достаточно хорошо. Сложно реализовать на практике ее основные идеи. В какой-то степени это связано с тем, что без зрелого гражданского общества, владеющего навыками совместного принятия решений, реализация Good Governance оказывается невозможна.

Обозначенные недостатки не умаляют роли данной концепции в плане включения человека в процессы управления. Ее основное достоинство заключается в признании важности коллективных обсуждений всей группой вовлеченных в проблемную ситуацию людей и ее разрешения путем консенсуса.

Начало формирования новой теории и практики государственного управления, появление факторов новой культуры управления не могли не наложить свой отпечаток на принятые в современных системах управления в социуме и, в частности, в социотехнических системах, модели управления.

Среди новых подходов к управлению социотехническими системами следует выделить три направления. Во-первых, это менеджмент 3.0, идущий рука об руку с Agile-технологиями[1], описанный в книге Юргена Аппело «Agile-менеджмент: Лидерство и управление командами» [1]; в фокусе этого подхода лежит самоорганизованность и ответственность персонала, развитие компетенций и лидерских качеств. Во-вторых, это управление на основе гетерархий, то есть горизонтальных разветвленных структур, а не более традиционных, иерархических; предложено Дэвидом Старком в работе The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life [27]. И, наконец, это интерсубъективный поход к управлению, предложенный В. А. Виттихом в статье Introduction to the theory of intersubjective management [30] и разрабатываемый в Самарском Институте

[1] Agile (англ.) — гибкий, agile — методы. Обобщающий термин для целого ряда подходов и практик, основанных на ценностях «Манифеста гибкой разработки программного обеспечения» и 12 принципах, лежащих в его основе.

проблем управления сложными системами РАН (ИПУСС РАН — СамНЦ РАН); ключевое отличие этого подхода к управлению от прочих заключается в том, что он ориентирован на разрешение проблемных ситуаций акторов в социуме в соответствии с решениями, принятыми самими акторами, а не руководителями.

Появление Agile-технологии можно считать реакцией на бюрократический характер формальных подходов, доминировавших в управлении. Лидеры нового движения стремились найти средний путь между структурированностью и отсутствием структуры, между упорядоченностью и хаосом.

Менеджмент 3.0 — это модель Agile-менеджмента, изначально созданного для управления проектами в сфере разработки программных продуктов, а в дальнейшем перенесенного и в другие сферы, использующего подходы теории сложности к управлению командами с применением гибких методологий. Управление социотехническими системами с помощью негибких моделей или жестких планов продемонстрировало свою неэффективность, поэтому в Agile-менеджменте ставки были сделаны на повышение продуктивности, возникающее благодаря самоорганизации и эволюции команд. Причем команды (небольшие группы, выполняющие однородную творческую работу) должны формироваться и развиваться не по приказу руководителя, который неспособен конструировать самоорганизующиеся команды и управлять ими, а на основе инициативы «снизу». Управленческие функции руководителя сохраняются, но принимают либерально-демократический характер. Гибкие технологии нацелены в основном на снижение рисков посредством организации работ в виде серии коротких итерационных циклов, по окончании каждого из которых команда заново оценивает приоритеты.

Среди несомненных положительных отличий Agile-менеджмента от традиционного можно выделить такой фактор, как сокращение объема письменной документации (на фоне роста формальной составляющей организации работ практически в любой отрасли, что особенно заметно в современной России). Это оказалось возможным благодаря общению лицом к лицу не только членов Agile-команд, но и заказчиков продукта, с которыми можно согласовывать различные вопросы, касающиеся исполняемого проекта, в интерактивном режиме. Такой подход является нехарактерным для европейских стран, культура которых более тяготеет к так называемому низкому контексту, когда договоренности обязательно закрепляются на бумаге. Он более логичен для восточных стран с высоким контекстом, где нет необходимости в заключении договоров, скрепленных подписями и печатями, достаточно устной договоренности.

Очевидно, что Agile определяет ценности и принципы, которыми должны руководствоваться команды, но не содержит конкретных рекомендаций по управлению.

Следующий подход, заслуживающий особого внимания как наиболее приближенный к тому, чтобы максимально учитывать возможности человека, — это построение организационной структуры социотехнических систем на основе гетерархий.

Главное отличие гетерархии от прочих организационных структур следует из ее названия. Гетерархия — это горизонтальная разветвленная структура, представляющая собой «форму организации распределенного интеллекта, части которой могут быть оцениваемы в соответствии с разными принципами анализа (оценки)» [27], когда отдельные индивиды или иерархизированные образования опосредуют работу других акторов или включают их в свою систему отношений [6]. Это значит, что такая структура использует нестандартные правила, нормы и модели управления.

К достоинствам гетерархического способа принятия управленческих решений следует отнести формирование самоорганизующейся структуры, участвующей в принятии решений, по принципу «снизу вверх», когда характер взаимоотношений между участниками процесса управления не зависит от структуры организации, а определяется только характером решаемой проблемы. В гетерархических организациях важное значение имеют общая организационная культура и разделение всеми общей системы ценностей, а совместная деятельность базируется на переговорах, диалоге и обмене знаниями [11; 17].

Отдельные элементы гетерархической структуры, обладая самостоятельностью, владеют общей стратегией, но не ждут готовой программы действий от руководства, что позволяет им найти нетривиальные решения.

Главным свойством подобных гибких структур является то, что они способны быстро отвечать вызову со стороны меняющейся окружающей среды, выживание в которой невозможно без адекватной адаптации к ней, вписываясь в систему управления, меняя форму, создаваясь и существуя только в период решения проблемы и распадаясь при достижении поставленных целей [14].

Как и прочие системы управления, принятые или обсуждаемые сегодня специалистами, гетерархия также ориентирована на решение задач, которые ставит руководство, а не субъекты, участвующие в процессах управления, однако шагом вперед по сравнению с традиционным управлением является возможность самоорганизации людей и отдельных структур, создание временных коллективов для разрешения конкретной проблемной ситуации, отсутствие сложившейся раз и навсегда иерархии, мешающей согласованию решений в реальном масштабе времени, повышение ответственности людей, обладающих полномочиями, за принимаемые решения, использование современных телекоммуникационных средств.

Все описанные выше современные подходы к управлению в той или иной мере ориентированы на использование потенциала людей в процессах управления, однако не нацелены на то, чтобы максимально учитывать индивидуальные особенности и возможности субъектов. Именно этим отличается новая парадигма управления — интерсубъективное управление разрешением проблемных ситуаций, предложенное В. А. Виттихом [29; 30], и развиваемое автором данной статьи. Главное отличие нового подхода заключается в том, что он направлен на управление принятием решений по поводу выхода из проблемных ситуаций, которые складываются у акторов (людей, занимающих активную познавательно-деятельностную позицию), причем управляют этим процессом сами акторы, оказавшиеся в затруднительном положении, а не руководители, которые несмотря на желание помочь в разрешении проблемы, не могут в полной мере осознать, что чувствуют люди, вовлеченные в проблему.

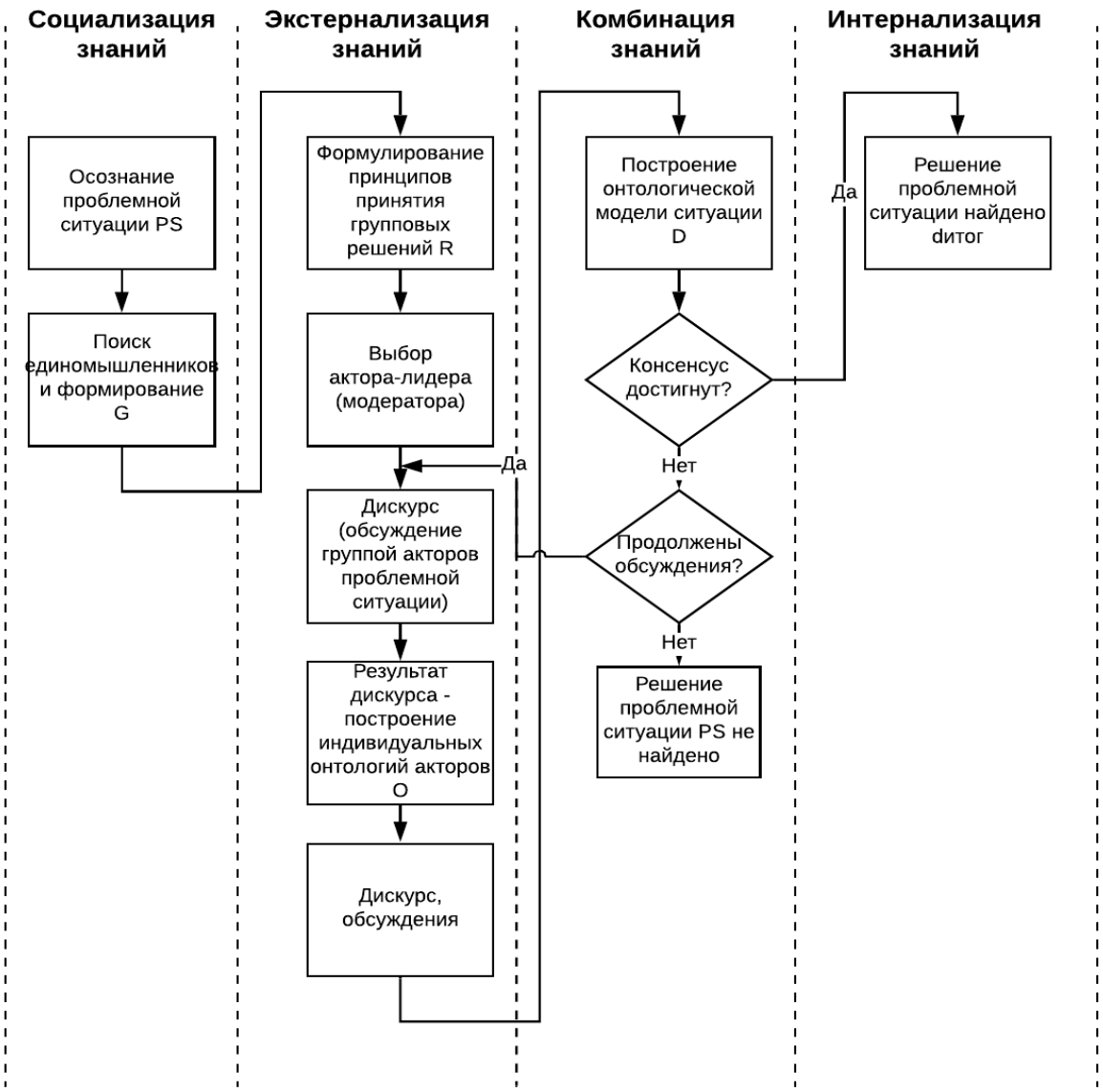
Это кардинальное отличие теории интерсубъективного управления от традиционного менеджмента и практически всех современных подходов к управлению, в том числе перечисленных выше. Разрешение проблемной ситуации с помощью интерсубъективного подхода означает реальное включение людей в процессы управления, с отведением им роли не объектов, а субъектов управления (что соответствует концепции постнеклассической рациональности).

Осознание проблемной ситуации заставляет акторов начать действовать, направив свои усилия в сторону поиска других участников схожих проблемных ситуаций. Методологической поддержкой акторов в поиске единомышленников, организации переговоров друг с другом, принятии коллективного решения по поводу выхода из проблемной ситуации является теория интерсубъективного управления. Особое значение в процессе принятия решения имеет трансформация знаний акторов (от неявного к явному и от явного — снова к неявному) [8], которые участвуют в формировании персональных онтологий акторов, а также общей, разделяемой всеми онтологии (см. рисунок на с. 85). Процедура социализации предполагает преобразование неявного общего знания актора в неявное знание, формирующее предпонимание ситуации. Неявное знание трансформируется в явное (экстернализация) в тот момент, когда актору нужно представить свое понимание другим участникам проблемной ситуации, формализуя и визуализируя его. Затем происходит комбинация явных знаний отдельных акторов, формируя общее (групповое) знание. Полученными знаниями акторы могут воспользоваться впоследствии в разных ситуациях, поскольку они оседают в их сознании в неявном виде (интернализация преобразования знаний).

Данная теория, учитывающая субъективные ценностные характеристики акторов, призвана дополнить систему управления, принятую в социотехнических системах [3]. Социальный эффект (то есть конкретный ожидаемый общественный и социально значимый результат), получаемый членами социотехнических систем от разрешения проблемных ситуаций, в которых они себя осознают, способствует получению экономического эффекта в масштабе всей социотехнической системы. В общем случае можно выделить следующие элементы потенциального эффекта от использования теории интерсубъективного управления:

- снижение социальной напряженности, повышение лояльности акторов той организации, которой они принадлежат, как реакция на предоставление возможности и оказание содействия в разрешении проблемных ситуаций;
- повышение качества жизни людей;
- формирование новой культуры, базирующейся на ведении переговоров при разрешении проблемных ситуаций;
- уменьшение количества социальных конфликтов внутри социотехнических систем (и в обществе в целом) за счет появившейся дополнительной возможности их разрешения с применением методологии поддержки принятия решений по разрешению проблемных ситуаций.

Заключение. Современные подходы к управлению могут помочь социотехническим системам встать на путь инновационного развития,

Методика поиска выхода из проблемной ситуации

Примечание: разработано автором.

которое происходит в результате применения новой парадигмы управления, отличной от применяемой ранее, и предполагает переход от традиционных форм управления к качественно новым. Инновационным механизмам управления может соответствовать использование интеллектуальных и волевых ресурсов людей, в основе которых лежит субъектно-ориентированный подход, а доминирующий сегодня обезличенный, бюрократический подход к управлению не может соответствовать инновационному развитию, поскольку, несмотря на попытки каким-то образом отреставрировать его, основные принципы управления остаются неизменными.

В качестве моделей управления, которое позволит социотехническим системам встать на путь инновационного развития, могут быть использованы описанные в данной статье новые подходы. Особое внимание следует обратить на интерсубъективное управление разрешением проблемных ситуаций, базирующееся на внутренней мотивации акторов, осознающих себя внутри проблемной ситуации, а не познающих ее извне.

В целом же следует отметить, что сегодня наблюдается тенденция к универсализации и конвергенции моделей, общих принципов и подходов к управлению, что позволит менеджерам выбрать некоторую комбинированную стратегию, сочетающую те достоинства различных концепций управления социотехническими системами и государственного управления, которые подойдут именно им в сложившихся условиях.

Список литературы

1. Аппело Ю. Agile-менеджмент: Лидерство и управление командами. М.: Альпина Паблишер, 2018. 610 с.

2. Бархатов В. И. Модернизация российской экономики в условиях турбулентности // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 7 (417). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-rossiyskoy-ekonomiki-v-usloviyah-turbulentnosti (дата обращения 20.11.2020).

3. Виттих В. А. Принцип дополнительности в науке о процессах управления в обществе // Вестник СамГТУ. Сер.: Технические науки. 2016. № 4 (52). С. 15—21.

4. Волкова А. В. Формирование системы государственного управления в России (политико-аксиологический подход): дис. … д-ра полит. наук. СПб., 2014. 339 с.

5. Добрынин В. Н., Ульянов С. В., Лобачева М. В., Тятюшкина О. Ю., Ефремов Г. А. Самоорганизация и интеллектуальное управление развитием социотехнических систем. Ч. 1. Состояние и пути решения проблемы // Системный анализ в науке и образовании: сетевое научное издание. 2010. № 3. URL: http:/www.sanse.ru/archive/17.-0421000111\\0021 (дата обращения 15.10.2020).

6. Красавин И. Гетерархия множества // Философско-литературный журнал ЛОГОС. 2017. № 3 (118). С. 173—198.

7. Моисеева Т. В., Мятишкин Ю. В. Анализ современных подходов к управлению в контексте использования человеческого потенциала // Инновации в жизнь. 2018. № 3 (26). С. 88—107.

8. Моисеева Т. В. Управление знаниями при интерсубъективном управлении инновационным развитием социотехнических объектов // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер.: Технические науки. 2018. № 3 (59). С. 41—55.

9. Моисеева Т. В. Социальные инновации: интерсубъективный подход к генерации инновационных идей // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Экономика. Информатика. 2019. № 46 (3). С. 408—418.

10. Пушкарева Г. В. Менеджмент публичных ценностей: можно ли говорить об аксиологическом повороте в государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. URL: http://ee-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/issue__68._june_2018_/legal_and_political_aspects_of_public_administration/pushkareva.pdf (дата обращения 15.10.2020).

11. Ansell C. The networked polity: Regional development in Western Europe // Governance. 2000. Vol. 13, iss. 2. P. 279—291.

12. Benington J., Moore M. Public Value: Theory and Practice. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 272 p.

13. Bozeman B. Public Values and Public Interest: Counterbalancing Economic Individualism. Washington, DC: Georgetown University Press, 2007.

14. Dekker E., Kuchař P. Heterarchy // Encyclopedia of Law and Economics. New York: Springer, 2017. P. 1—5.

15. Geuijen K., Moore M., Cederquist A., Ronning R., van Twist M. Creating public value in global wicked problems // Public Management Review. 2017. Vol. 19, iss. 5.

16. Hood C. A. The Art of the State: Culture, Rhetoric, and Public Management. Oxford: University Press, 1998. 500 p.

17. Jessop B. The rise of governance and the risks of failure: the case of economic development // International Social Science Journal. 1998. Vol. 50, iss. 155. P. 29—45.

18. Kelly G., Mulgan G., Muers S. Creating Public Value. An Analytical Framework for Public Service Reform. London, 2004. URL: www.cabinetoffice.gov.uk/strategy/downloads/files/public_value2.pdf (дата обращения 15.10.2020).

19. Koppenjan J., Koliba C. Transformations Towards New Public Governance: Can the New Paradigm Handle Complexity? // International Review of Public Administration. 2013. Vol. 18, iss. 2. P. 353—369.

20. Mandell M. P. Getting Results through Collaboration: Networks and Network Sructures for Public Policy and Management. Westport: Quorum Books, 2001. 288 p.

21. Moore M. Creating public value: Strategic management in government. Cambridge. MA: Harvard University Press, 1995. 416 p.

22. O'Flynn J. From New Public Management to Public Value: Paradigmatic Change and Managerial Implications // The Australian Journal of Public Administration. 2007. Vol. 66, iss. 3. P. 353—366.

23. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. N.Y.: Addison-Wesley, 1992. 436 p.

24. Osborne S. P., Radnor Z., Nasi G. A new theory for public service management. Toward a (public) service-dominant approach // The American Review of Public Administration. 2013. Vol. 43, iss. 2. P. 135—158.

25. Rayner J., Williams H., Lawton A., Allinson C. Public service ethos: developing a generic measure // Journal of Public Administration Research and Theory. 2011. Vol. 21, iss. 1. P. 27—51.

26. Sampson T. Virality: Contagion Theory in the Age of Networks. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2012. P. 62—73.

27. Stark D. The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life. Princeton: Princeton University Press, 2011. 19 p.

28. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. What is Good Governance? URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/good-governance.pdf (дата обращения 15.10.2020).

29. Vittikh V. A. Evergetics: science of intersubjective management processes in everyday life // International Journal of Management Concepts and Philosophy. 2016. Vol. 9, iss. 2. P. 63—72.

30. Vittikh V. A. Introduction to the theory of intersubjective management // Group Decision and Negotiation. 2015. Vol. 24, iss. 1. P. 67—95.

Сведения об авторе

Моисеева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Самарского федерального исследовательского центра РАН, Институт проблем управления сложными системами РАН, Самара, Россия. mtv-2002@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 80—88.

ANALYSIS OF MODERN SUBJECT-ORIENTED APPROACHES TO MANAGEMENT

T. V. Moiseeva

Samara Federal Research Scientific Center RAS, Institute for the Control of Complex Systems RAS. Samara, Russia.
mtv-2002@yandex.ru

The article is devoted to the study of modern approaches to management that could form the basis for innovative development of socio-technical systems. The meaning of the concept of innovative development associated with the application of the new management paradigm that differs from those used earlier is clarified. The analysis of subject-oriented approaches to management in the field of public administration and management of socio-technical systems is carried out. The features, advantages and disadvantages of each of the described approaches are revealed. Special attention is paid to the intersubjective approach to management, which is radically differs from others. It is shown that intersubjective management was worked out in order to help people in different problem situations to find the way out. This approach is based upon actors' communications, when they can discuss the situation and create their sense of it using different points of view. In such a way the actors form joint decision. Such approach can lie in the basis of innovative development of socio-technical systems.

Keywords: *management, subject-oriented approach, New Public Management, New Public Governance, Public Value Management, Good Governance, management 3.0, Agile-technology, heterarchy, intersubjective management.*

References

1. Appelo Yu. (2018) Agile-menedzhment: Liderstvo i upravlenie komandami [Agile management: Leadership and team management]. Moscow, Al'pina Publ. 610 p. [in Russ.].

2. Barhatov V. I. (2018) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (417). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-rossiyskoy-ekonomiki-v-usloviyah-turbulentnosti, accessed 20.11.2020 [in Russ.].

3. Vittih V. A. (2016) *Vestnik SamGTU. Seriya: Tekhnicheskie nauki*, no. 1, pp. 15—21 [in Russ.].

4. Volkova A. V. (2014) Formirovanie sistemy gosudarstvennogo upravleniya v Rossii (politiko-aksiologicheskij podhod) [Formation of the public administration system in Russia (political and axiological approach). Thesis]. St. Petersburg. 339 p. [in Russ.].

5. Dobrynin V. N, Ul'yanov S. V., Lobacheva M. V., Tyatyushkina O. Yu., Efremov G. A. (2010) *Sistemnyj analiz v nauke i obrazovanii: setevoe nauchnoe izdanie*, no. 3. Available at: http:/www.sanse.ru/archive/17.-0421000111\\0021, accessed 15.10.2020 [in Russ.].

6. Krasavin I. (2017) *Filosofsko-literaturnyj zhurnal LOGOS*, no. 3 (118), pp. 173—198 [in Russ.].

7. Moiseeva T. V., Myatishkin Yu. V. (2018) *Innovacii v zhizn'*, no. 3 (26), pp. 88—107 [in Russ.].

8. Moiseeva T. V. (2018) *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Tekhnicheskie nauki*, no. 59 (3), pp. 41—55 [in Russ.].

9. Moiseeva T. V. (2019) *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika*, no. 46 (3), pp. 408—418 [in Russ.].

10. Pushkareva G. V. (2018) *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*, no. 68. Available at: http://ee-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/issue_68._june_2018_/legal_and_political_aspects_of_public_administration/pushkareva.pdf, accessed 15.10.2020 [in Russ.].

11. Ansell C. (2000) *Governance*, no. 13 (2), pp. 279—291.

12. Benington J., Moore M. (2011) Public Value: Theory and Practice. New York, Palgrave Macmillan. 272 p.

13. Bozeman B. (2007) Public Values and Public Interest: Counterbalancing Economic Individualism. Washington, DC, Georgetown University Press.

14. Dekker E., Kuchař P. (2017) Heterarchy. *Encyclopedia of Law and Economics*, New York: Springer. Pp. 1—5.

15. Geuijen K., Moore M., Cederquist A., Ronning R., van Twist M. (2017) *Public Management Review*, no. 19 (5).

16. Hood C. A. (1998) The Art of the State: Culture, Rhetoric, and Public Management. Oxford, University Press. 500 p.

17. Jessop B. (1998) *International Social Science Journal*, no. 50 (155), pp. 29—45.

18. Kell G., Mulgan G., Muers S. (2004) Creating Public Value. An Analytical Framework for Public Service Reform. London. Available at: URL: www.cabinetoffice.gov.uk/strategy/downloads/files/public_value2.pdf, accessed 15.10.2020.

19. Koppenjan J., Koliba C. (2013) *International Review of Public Administration*, no. 18 (2), pp. 353—369.

20. Mandell M. P. (2001) Getting Results through Collaboration: Networks and Network Sructures for Public Policy and Management. Westport: Quorum Books. 288 p.

21. Moore M. (1995) Creating public value: Strategic management in government. Cambridge, MA, Harvard University Press. 416 p.

22. O'Flynn J. (2007) *The Australian Journal of Public Administration*, no. 66 (3), pp. 353—366.

23. Osborne D., Gaebler T. (1992) Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. N.Y., Addison-Wesley. 436 p.

24. Osborne S. P., Radnor Z., Nasi G. (2013) *The American Review of Public Administration*, no. 43 (2), pp. 135—158.

25. Rayner J., Williams H., Lawton A., Allinson C. (2011) *Journal of Public Administration Research and Theory*, no. 21 (1), pp. 27—51.

26. Sampson T. (2012) Virality: Contagion Theory in the Age of Networks. Minneapolis, University of Minnesota Press. Pp. 62—73.

27. Stark D. (2011) The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life. Princeton: Princeton University Press. 19 p.

28. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific What is Good Governance? Available at: https://www.unescap.org/sites/default/files/good-governance.pdf, accessed 15.10.2020.

29. Vittikh V. A. (2016) *International Journal of Management Concepts and Philosophy*, no. 9 (2), pp. 63—72.

30. Vittikh V. A. (2015) *Group Decision and Negotiation*, no. 24 (1), pp. 67—95.

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 89—95.

УДК 331.1
ББК 65.053.35

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10310

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ИЗНОСА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ю. Ш. Капкаев, Д. С. Руденко
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Технологические изменения, развитие информационных систем и сетей, а также особые, сложившиеся в пандемию условия, которые требуют пересмотра параметров вовлечения человеческого капитала в производственный процесс, обусловливают важность изучения интенсивности использования человеческого капитала. В статье рассмотрено использование человеческого капитала, сопряженное с наличием факторов напряженности, которые связаны с необходимостью поддерживать должный уровень квалификации, освоением новых знаний, мобильностью. В сложившихся условиях наблюдается рост интенсивности износа человеческого капитала. Особое внимание уделяется проблеме профессионального выгорания как важному аспекту износа человеческого капитала. Предложенный подход к оценке человеческого капитала основан на его износе и особой роли родительского труда как в формировании человеческого капитала, так и в качестве фактора износа. Сделан вывод о необходимости объединения усилий бизнеса и государства по обеспечению стабильности и равновесия родительского труда.

Ключевые слова: *рабочая сила, напряженность рабочей силы, износ рабочей силы, родительский труд.*

В современных условиях возрастает роль человеческого капитала в экономике. Значение труда как фактора производства подчеркивалось на всех этапах развития экономической науки. Система трудовых отношений в России в конце XX — начале XXI в. претерпела существенные изменения. В условиях перехода к постиндустриальному развитию важное значение приобретает цифровое, информационное, сетевое пространство, которое влияет на все сферы жизни человека, в том числе на трудовые аспекты. В современных условиях проблемы эффективности использования рабочей силы приобрели новую значимость.

В экономической литературе содержанию понятия «рабочая сила», исследованию его развития уделяли внимание многие зарубежные и российские ученые начиная с XVIII в. В классической школе рассматривали способность к рабочей силе как измеритель ценности, которая зависела от умений и стараний рабочего. А также рабочая сила выступала специфическим товаром на рынке, имеющим физиологические характеристики, которые принадлежат индивиду и являются составляющей качества рабочей силы [1].

Среди отечественных представителей экономической школы можно выделить ученых В. А. Гордеева и А. А. Гордеева. Они указывают на то, что рабочая сила не соответствует качественному образовательному уровню [4]. По мнению Ю. Г. Одегова, Г. Г. Руденко, Н. К. Луневой, рабочая сила является товаром, которая проявляет себя в условиях различных социально-экономических систем [2]. А. В. Бузгалин обозначает понятие рабочей силы как непрерывное восстановление и поддержание физических и умственных способностей человека, постоянное повышение образовательного уровня [См.: 3].

На сегодняшний день рабочая сила не рассматривается как производственный фактор. Она определяется как движущий инструмент повышения производительности, экономического развития, внедрения новшеств на микро- и макроуровне. Экономические отношения базируются на купле-продаже не только товаров, услуг, знаний и технологий, но и рабочего времени, трудовых и творческих усилий людей, обладающих профессиональными навыками и умениями. Формирование потенциала и уровня рабочей силы напрямую влияет на конкурентоспособность любой компании.

Инновационный этап развития общества с применением компьютерной интеграции требует особых знаний и умений. С учетом постоянных внешних экономических изменений предъявляются особые требования к работникам, а именно: освоение новых знаний, повышение квалификации, мобильность, а также универсализация работника, который должен совмещать несколько профессиональных специальностей [4].

Деятельность любой компании основывается на ее активах. Под активами можно понимать

имущество, вовлеченное в деятельность компании. В совокупности материальные, нематериальные и финансовые активы компании используются в финансово-хозяйственной деятельности, отображаются в бухгалтерском балансе в денежном выражении, обеспечивая в будущем экономические выгоды. За последние десятилетия произошли существенные изменения в экономике фирмы. В недалеком прошлом традиционная компания обладала высокой капиталоемкостью, вертикальной интеграцией, жестким стилем управления, материальными активами. Новая компания базируется на человеческом капитале, возрастающую долю занимают ноу-хау, патенты, бренды, в большей части они определяют уровень рыночной капитализации компании. Успешность функционирования любой экономической системы обеспечивает человеческий капитал. В постиндустриальном обществе в качестве стратегического ресурса человеческий капитал вытесняет финансовый. В то же время в отличие от имущества, механизмов, инфраструктурных активов человеческий капитал не принадлежит компании, так как человек в отличие от станка не может быть объектом купли-продажи. Поэтому на рынке устанавливаются цены на использование человеческого капитала в виде заработной платы. Стоимость человеческого капитала в компании зависит от категории сотрудника (творческие, квалифицированные, обладающие уникальными компетенциями, временные, особо востребованные на рынке, опытные и т. п.). На стоимость человеческого капитала влияют следующие качества сотрудника: творческий и интеллектуальный потенциал, умение быстро адаптироваться к новым условиям, высокий уровень профессиональной компетентности, ответственность, личностные характеристики. При этом ценность не учитывает значение личности в семье и обществе [5].

На формирование и воспроизводство человеческого капитала на протяжении всей жизни влияют несколько институтов, а именно: семья, фирма и государство, притом что вносить свои коррективы институты могут как по отдельности, так и одновременно. Процесс воспроизводства человеческого капитала начинается с его формирования. Базой для человеческого капитала является образование, получение новых знаний, навыков, умений. На данном этапе формируется представление о будущем роде деятельности, то, каким будет положение в обществе, а также уровень доходов человека. Следующим этапом можно обозначить накопление человеческого капитала. Оно происходит в процессе трудовой деятельности, повышая профессиональные умения и навыки, от которых напрямую зависит увеличение доходов. Завершающим этапом рассматривается использование человеческого капитала. Совокупность всех знаний и опыта применяется непосредственно в трудовой деятельности, которая отражается на заработной плате. Данные институты оказывают влияние на качество и содержание образования, уровень развития творческих способностей, образ жизни, трудовую мотивацию, социальную активность и мобильность в обществе.

По мере развития общественных отношений изменился как сам работник, так и его роль, место и значение в трудовом процессе. В быстроменяющихся условиях компании претерпевают трансформации. В свою очередь для конкурентоспособности компании и российской экономики в целом решающим нематериальным фактором становится качество рабочей силы. Оно определяется совокупностью уровня образования работника и его опыта производственной деятельности, а также зависит от состояния здоровья, возраста, пола и образа жизни человека. В целях повышения производительности труда важно повышать ценность человеческого капитала путем инвестирования в него. Затраты компании на повышение квалификации, обучение, переподготовку персонала рассматриваются как долгосрочные капитальные вложения, которые должны быть экономически необходимыми и обоснованными [6]. Ценность человеческого капитала может возрастать либо снижаться со временем, обладая способностью к амортизации [7].

Качество рабочей силы может как улучшаться, так и ухудшатся, так как на результат влияет множество факторов. Актуальность и значимость данной проблемы вызвали интерес в конце XX в. у экономистов и психологов. Однако рассмотрение вопроса о качестве рабочей силы остается открытым и требует пересмотра с учетом возникающих новых факторов в современной экономической науке. Можно обозначить следующие факторы, влияющие на качество рабочей силы: личностные, физиологические, психологические и социально-экономические. Личностный аспект указывает на роль качеств работника, которые в последующем применяются в профессиональной деятельности. В данном аспекте рассматривается личная и социальная ответственность, справедливость, чувство собственного достоинства, эмоциональная устойчивость. Ядром сформированной личности является нравственность работника. Физиологический аспект выражается через состояние здоровья, ко-

торое наряду со способностями и образованием является важным элементом человеческого капитала. В нормальном состоянии человек способен выполнять социальные функции, которые в дальнейшем влияют на оценку удовлетворенности жизнью. Психологический аспект отражается на социально-психологическом климате, который создается в коллективе. Благоприятная атмосфера способствует эффективной работе, творческой инициативе. Психологический фактор напрямую зависит от состояния физического здоровья [17]. Социально-экономический аспект характеризуется совокупностью воспитания, образования, культуры, формирующихся навыков, знаний, применяемых в процессе трудовой деятельности. Таким образом, на качество рабочей силы влияет множество аспектов. Для достижения высокого уровня качества необходимы баланс и удовлетворенность во всех аспектах [8].

Для достижения высокого уровня производительности труда сотрудники вынуждены работать сверхурочно [9]. Как показывает статистика, в России 87 % профессионалов работают сверхурочно. Как видно в таблице ниже, сотрудники вынуждены задерживаться на рабочем месте от одного до восьми часов. Стоит заметить, что при таком высоком уровне сверхурочной работы 46 % сотрудников заявили, что их компании не компенсируют переработки (данные взяты за 2019 г.). Эксперты в сфере занятости выяснили, что россияне сталкиваются с переработкой. Чаще сверхурочно трудиться приходится строителям, охранникам, секретарям, директорам.

Статистика переработки рабочего времени за неделю в России за 2019 г.

Переработка	3—5 часов	6—8 часов	1—2 часа
%	29	21	20

Источник: Федеральная служба государственной статистики (https://rosstat.gov.ru/; дата обращения 16.12.2020).

Таким образом, данная статистика напрямую связана с профессиональным выгоранием и износом рабочей силы.

Вышеприведенные факторы могут оказывать негативное влияние, которые сказываются на износе рабочей силы. Износ является многоаспектным технико-экономическим понятием. Смысловое содержание зависит от сферы применения данного понятия. Изначально термин «износ» рассматривался учеными технических специальностей, вскоре заинтересовались данным термином ученые в области экономики [11].

Если рассматривать износ, применимый к человеческому капиталу, то он может быть двух видов: физический и моральный. Уровень и динамика износа человеческого капитала зависят от особенностей, личных качеств человека. Моральный износ выражается социально-психологическим настроем индивида, этическими и поведенческими изменениями, уровнем мотивации и трудовой деятельности. Моральный износ может быть первого и второго рода. В первом случае происходит утрата накопленных знаний из-за ненадобности применения их на практике. Во втором случае устаревают знания, которые использовались на практике, в силу внедрения научно-технического прогресса. В большинстве случаев часть полученных знаний подвержена моральному износу после получения, так как мировой рынок нестабилен и постоянно изменяется. Процессы износа ускоряются ввиду низкой мобильности [12].

Физический износ человеческого капитала связан с ухудшением здоровья, старением человеческого организма, стрессами, болезнями и различными факторами. Влияние факторов может происходить на микроуровне, а именно влияют морально-психологический климат, условия труда, наследственная предрасположенность к различным заболеваниям и т. д. Макроуровень связан с неблагоприятными экологическими, политическими и экономическими условиями. Для эффективной реализации и поддержания крепкого физического здоровья человека, все участники экономических отношений должны быть нацелены на здоровый образ жизни, профилактику уровня здоровья. Физический и моральный износ человеческого капитала может выявляться и прогрессировать в совокупности либо попеременно.

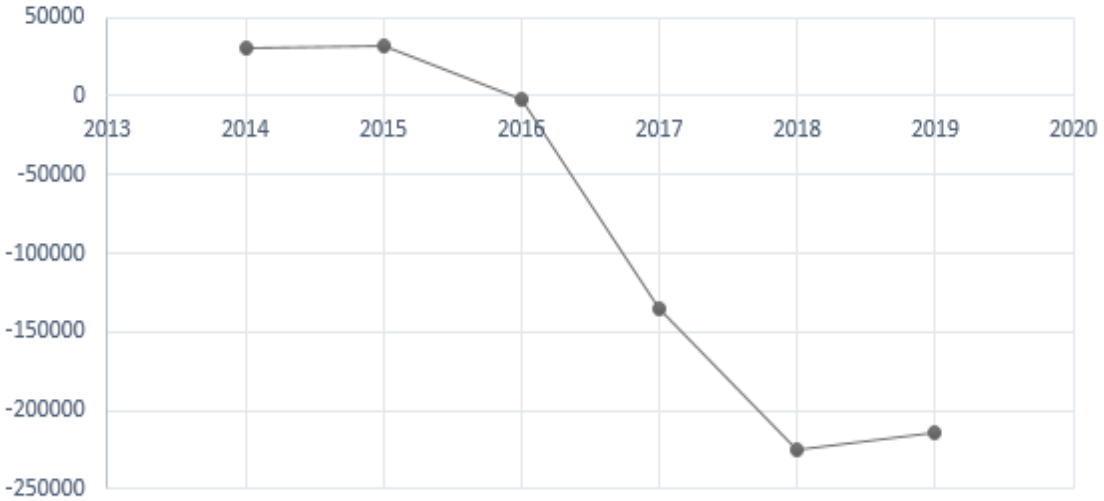
Стоит отметить, что основным и важным показателем, влияющим на износ человеческого капитала, является родительский труд, который, как правило, не учитывают в измерительных показателях. Совмещение родительства и профессиональной деятельности оказывает влияние на моральный и физический износ человеческого капитала. Одной из важнейших решений социально-экономических задач является повышение рождаемости. Национальный проект «Демография» направлен на увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни, повышение суммарного коэффициента рождаемости, увеличение доли граждан. К сожалению, в последние годы естественный прирост

в России показывает негативную тенденцию (см. рисунок ниже).

Со стороны государства необходимо повышать данные показатели, но многие не готовы стать родителями, так как испытывают неуверенность в своем будущем за семью. Как со стороны государства, так и со стороны предприятия, на взгляд авторов, для семьи осуществляется недостаточная поддержка. Для того чтобы прокормить и нормально обеспечивать свою семью, необходимо иметь достойную заработную плату. Все усилия ложатся на супругу или супруга, который становится единственным добытчиком в семье. Помимо трудовых будней, появляется дополнительная семейная нагрузка, которая сказывается на профессиональной деятельности сотрудника. В совокупности вся нагрузка сказывается на истощении физических и моральных сил, что приводит к конфликтам во всех сферах жизни человека [10]. На рабочем месте допускается множество ошибок, интенсивность труда стремительно падает, происходит профессиональное выгорание. Стабильность и равновесие родительского труда, на наш взгляд, должны быть обусловлены поддержкой со стороны государства, предприятия, а также самого родителя [14].

Для того чтобы не снижать социальные и экономические показатели страны, государству следует поддерживать родителей, воспитывающих детей; применять дополнительные выплаты, которые будут способствовать улучшению жизни семьи. Также стоит обратить внимание на нематериальную поддержку. Нематериальная помощь может быть выражена в предоставлении детского сада с раннего возраста — в большем объеме, чем представлена на сегодняшний день, чтобы родитель вернулся на рабочее место раньше положенного срока. Этот факт также сказывается положительно на экономике страны. Полезно проведение разного рода обучения на тему родительства, предоставление образовательных услуг для развития детей с малого возраста. В таком случае родители ощущают себя более комфортно и безопасно, зная о том, что государство заботится о них [15].

Однако остается проблема с предприятиями. Выбор делается в пользу тех сотрудников, чьи дети уже совершеннолетние, либо тех, кто в ближайшее время не планирует стать родителем. Работодатель редко делает выбор в пользу родителей с маленькими детьми или в пользу молодежи, зная, что будут пропуски из-за болезни детей либо предстоит декретный отпуск, что помешает нормальному функционированию его предприятия. Но, как известно, молодежь лучше приспосабливается к изменяющимся условиям, которые так часто возникают в стране, и имеет более высокую работоспособность по сравнению со старшим поколением. Поэтому данной категории стоит больше уделять внимание. С 1 января 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе

Естественный прирост населения в России за 2014—2019 гг.

Источник: Правительство Российской Федерации (http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/; дата обращения 06.12.2020).

работодателя в исключительных случаях». Как для работодателя, так и для сотрудника это положительно сказывается на их деятельности. В случае ухода в декретный отпуск сотруднику можно предложить перейти на удаленную работу, обговорив все детали. Компания не потеряет своего ценного квалифицированного сотрудника, а семья будет иметь дополнительный заработок. Для того чтобы сотрудники всегда были в курсе всех событий, происходящих в компании, необходимо держать их в курсе всех новшеств. Это возможно сделать через удаленную работу, через мессенджеры, почту, видео. После выхода из декретного отпуска будет проще осуществлять рабочую деятельность, зная все изменения [16].

Также важной составляющей должна быть социальная сфера. На базе предприятия необходимо создавать санаторно-профилактические учреждения. Они должны способствовать улучшению и поддержанию здоровья сотрудников. А также полезно организовать детские комнаты по будням и комнаты выходного дня, праздничные детские дни, чтобы родители смогли отвлечься от рутинной работы и направить свои силы в нужное русло.

Также стоит и самим родителям не стоять на месте и развиваться. Пока продолжается декретный отпуск, буквально даже за год, экономическая ситуация в стране может измениться. Меняются профессии, появляются новые программы, предъявляются новые требования к сотруднику. Для того чтобы оставаться на плаву и не потерять рабочее место, а может, и дополнительно его приобрести, необходимо постоянно совершенствоваться. Можно пройти переквалификацию, переподготовку либо обучиться совершенно новой профессии. В век цифровых технологий можно пройти практически любое обучение не выходя из дома. Родителям стоит рассчитывать на помощь и пользоваться благами, предоставляемыми государством и предприятием [13].

Таким образом, решение социально-экономических проблем на уровне государства может получить положительную динамику с помощью усиления поддержки родителей и семей с детьми. В свою очередь родители, имея поддержку, а также помощь от государства и компании, могут быть уверены в завтрашнем дне. Находясь в декретном отпуске, продолжать обучаться, быть конкурентоспособным и быть востребованным на рынке труда. Благодаря различным программам минимизировать и исключить физический и моральный износ человеческого капитала.

Список литературы

1. Ясинский Д. Ю. Содержание понятия «качество рабочей силы» // Теоретическая экономика. 2018. № 2 (44). С. 150—160.

2. Одегов Ю. Г., Руденко Г. Г., Лунева Н. К. Рынок труда (практическая макроэкономика): учебник. М.: Альфа-пресс, 2007. 900 с.

3. Рахматов Б. Б., Иброгимова А. У. Некоторые трактаты ученых-экономистов в контексте рабочей силы // Научный журнал. 2018. № 5 (28). С. 65—68.

4. Гордеев В. А. Повышаем научный уровень разработки и развития теоретической экономии // Теоретическая экономика. 2014. № 5.

5. Колесникова О. А., Донецкий А. М. Современный рынок труда: требования к качеству рабочей силы возрастают // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2017. № 4 (23). С. 183—187.

6. Тохирджонов Б. Т., Кабиров С. Д., Ашуров И. С. Несоответствие на рынке труда спроса и предложения рабочей силы // Вестник Бохтарского государственного университета им. Носира Хусрава. Сер. гуманитарных и экономических наук. 2018. № 1-3 (55). С. 196—202.

7. Капкаев Ю. Ш., Нурмухаметов И. А. К вопросу о формировании качественного человеческого капитала в контексте цифровизации российской экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 7 (429). С. 91—101.

8. Шермухамедов О. Повышение качества рабочей силы и конкурентоспособности граждан на региональном рынке труда // Архивариус. 2019. № 12 (45). С. 46—48.

9. Хайитов Ш. Н. Развитие инновационных процессов и их влияние на качество рабочей силы // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 13—18.

10. Порядина О. В. Проблема роста производительности труда в контексте динамики статистических показателей рынка труда // Труды Поволжского государственного технологического университета. Сер.: Социально-экономическая. 2020. № 8. С. 44—50.

11. Черных Е. А. Недоиспользование рабочей силы: методологические подходы к измерению и статистический анализ // Уровень жизни населения регионов. 2019. № 2 (212). С. 52—62.

12. Фетисов В. Д., Фетисова Т. В. Моральный износ рабочей силы и проблемы его использования в условиях экономического кризиса России // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12-3 (77). С. 678—682.

13. Лаврентьева И. В., Внуковская Т. Н. Риски репродуктивного труда и ценность человеческих ресурсов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 345.

14. Щербаков Н. В., Анапских А. А. Проблемы воспроизводства рабочей силы // Теория и практика мировой науки. 2017. № 1. С. 65—66.

15. Angelov N., Johansson P., Lindahl E. Parenthood and the Gender Gap in Pay // Journal of labor economics. 2016. Vol. 34. P. 545—579.

16. Капкаев Ю. Ш., Руденко Д. С. Развитие теории человеческого капитала в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 6 (440). С. 38—43.

Сведения об авторах

Капкаев Юнер Шамильевич — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. zam@csu.ru

Руденко Дарья Сергеевна — аспирантка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. eds@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 89—95.

INTENSIFICATION OF HUMAN CAPITAL DEPRECIATION IN THE RUSSIAN ECONOMY

Yu. Sh. Kapkaev
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. zam@csu.ru

D. S. Rudenko
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. eds@csu.ru

Technological changes, the development of information systems and networks, and the particular conditions that have developed during the pandemic, which require a revision of the parameters for involving human capital in the production process, determine the importance of studying the intensity of the use of human capital. The article discusses the use of human capital, associated with stress factors associated with the need to maintain the required level of qualifications, master new knowledge, and mobility. Under the current conditions, there is an increase in the intensity of human capital's depreciation and tear. Special attention is paid to professional burnout as an essential aspect of the depreciation and tear of human capital. The proposed approach to assessing human capital is based on its depreciation and tear, with a unique role of parental labor, both in human capital formation and depreciation. It is concluded that it is necessary to combine business and the state's efforts to ensure the stability and balance of parental work.

Keywords: *labor force, labor force tension, labor depreciation and tear, parental labor.*

Reference

1. Iasinski D. Yu. (2018) *Theoretical economics*, no. 2 (44), pp. 150—160 [in Russ.].

2. Odegov Yu. G., Rudenko G. G., Luneva N. K. (2009) Labor market (practical macroeconomics). Moscow. 900 p. [in Russ.].

3. Rahmatov B. B., Ibrogimova A. U. (2018) *Nauchnyy zhurnal*, no. 5 (28), pp. 65—68 [in Russ.].

4. Gordeev V. A. (2014) *Teoreticheskaya ekonomika*, no. 5 [in Russ.].

5. Kolesnikova O. A., Doneckij A. M. (2017) *Vestnik Voronezhskogo instituta vysokikh tekhnologiy*, no. 4 (23), pp. 183—187 [in Russ.].

6. Tohirdzhonov B. T., Kabirov S. D., Ashurov I. S. (2018) *Vestnik Bokhtarskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Nosira Husrava. Ser. gumanitarnykh i ekonomicheskikh nauk*, no. 1-3 (55), pp. 196—202 [in Russ.].

7. Kapkaev Yu. Sh., Nurmuhametov I. A. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (429), pp. 91—101 [in Russ.].

8. Shermuhamedov O. (2019) *Arhivarius*, no. 12 (45), pp. 46—48 [in Russ.].

9. Hajitov Sh. N. (2020) *Nauchnyy rezul'tat. Ekonomicheskie issledovaniia*, vol. 6, no. 2, pp. 13—18 [in Russ.].

10. Poryadina O. V. (2020) *Trudy Povolzhskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Ser.: Sotcial'no-ekonomicheskaia*, no. 8, pp. 44—50 [in Russ.].

11. Chernykh E. A. (2019) *Uroven' zhizni naseleniia regionov*, no. 2 (212), pp. 52—62 [in Russ.].

12. Fetisov V. D., Fetisova T. V. (2016) *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 12-3 (77), pp. 678—682 [in Russ.].

13. Lavrentieva I. V., Vnukovskaya T. N. (2014) *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, no. 3, p. 345 [in Russ.].

14. Shcherbakov N. V., Ananskih A. A. (2017) *Teoriya i praktika mirovoy nauki*, no. 1, pp. 65—66 [in Russ.].

15. Angelov N., Johansson P., Lindahl E. (2016) *Journal of labor economics*, vol. 34, pp. 545—579.

16. Kapkaev Yu., Rudenko D. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (440), pp. 38—43 [in Russ.].

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 96—105.

УДК 332.14
ББК 65.050.22
DOI 10.47475/1994-2796-2021-10311

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕРЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

В. И. Бархатов
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Устойчивое развитие экономики региона определяет и обеспечивает устойчивость социально-экономической системы в целом. Проблема устойчивого развития экономики регионов приобретает особое значение в современных условиях. В статье представлены результаты анализа устойчивости развития российских регионов на примере регионов, входящих в Уральский федеральный округ. Проведен анализ динамики приростов основных показателей социально-экономического развития регионов в 2001—2019 гг., а также выявлены особенности субъектов УрФО в рейтинге социально-экономического положения регионов России. Особое внимание уделено выявлению факторов нестабильности регионов и возможности их элиминирования. Подтверждается гипотеза о наличии в структуре российской экономики центров, полупериферических и периферических регионов.

Ключевые слова: *устойчивое развитие, неустойчивость, факторы социально-экономического развития регионов, Уральский федеральный округ.*

Развитие экономических систем переходит на новые этапы, которые коренным образом отличаются от уровней предшествующего развития. Возникновение новой нормальности настоятельно требует новых подходов и методов анализа и оценки трендов экономического развития регионов. В настоящее время при формировании финансовой устойчивости регион сталкивается с внутренними воздействиями, которых не было в предшествующем периоде. При этом они оказывают непосредственное влияние на устойчивость регионов. В первую очередь на устойчивость экономики регионов влияет переход ее к турбулентному развитию, нарастание энтропии, то есть нестабильности социально-экономического развития. Возникает группа факторов, которые усиливают нестабильность и снижают устойчивость экономики региона, переводя его относительно устойчивую систему в нестабильную, неспособную обеспечить единство социально-экономического, институционального, экологического развития. В этот период наблюдается сокращение ресурсного потенциала региона, который неспособен обеспечить жизненные потребности живущих в регионе людей, создать зоны их благоприятного проживания на данных территориях. К факторам нестабильности экономики регионов в условиях турбулентности относятся прежде всего внешние факторы, которые необходимо учитывать при оценке уровня их динамического развития. В рамках современного периода тренды регионального развития нивелируются условиями пандемии коронавируса. С нестабильностью связаны, во-первых, такие экономические факторы, как спад производства, рост инфляции, слабая инвестиционная активность, сокращение совокупного спроса; во-вторых, снижение емкости рынка товаров в регионах, снижение спроса на товары и услуги экономики регионов, рост монополизма в целом в национальной экономике, что отражается на затратах производителей и сокращении производственной активности хозяйствующих субъектов. Внешние факторы нестабильности вносят корректировку в приращение и сокращение оценочных показателей устойчивого развития экономики регионов. При оценке трендов устойчивого развития нельзя обойти стороной внутренние факторы нестабильности и неустойчивого развития экономики регионов.

Целью статьи является анализ тенденций устойчивости социально-экономического развития российских регионов на примере регионов УрФО.

Проблемы устойчивости социально-экономического развития находятся в центре внимания современных экономистов. Д. С. Хайруллов и Л. М. Еремеев отметили важность учета фактора устойчивости развития регионов в разработке государственных проектов и программ [1; 2], Е. В. Субботина выделила основные факторы устойчивости социально-экономической системы [3]. Комплексный взгляд на эту проблему был представлен в двух монографиях: Т. В. Усковой [4] и нашей с коллегами [5]. Особое внимание финансовым аспектам этой проблемы уделяет О. Березинская [6], институциональным — И. В. Данилова, О. А. Богданова и А. В. Резепин [7]. Особенности устойчивости развития отдельных региональных подсистем национальной экономики России представлены в [8], [9], [10]. Контекст стратегического планирования регионального развития в рамках разрешения проблем его устойчивости представлен в работах Б. М. Гринчеля и коллег [11; 12], Г. Ю. Гагариной и коллег [13]. Также в ряде работ проводится анализ соответствия понятий устойчивости развития и устойчивого развития применительно к социально-экономическим системам [14; 15].

На нестабильность экономики регионов влияет ряд внутренних факторов, таких как снижение валового регионального продукта, спад инвестиционной активности, слабое использование инновационного производственного потенциала, высокая изношенность основных производственных фондов и, как следствие, низкая производительность труда в промышленном производстве. На нестабильность региональных экономик оказывают влияние факторы, связанные с рыночной конъюнктурой. Особо следует отметить снижение емкости региональных рынков и рост цен на товары и услуги. Негативное влияние на стабильность регионов оказывают влияние финансовые факторы, такие как рост дефицита бюджета региона, увеличение инвестиционных рисков, снижение финансовой обеспеченности на душу населения. Развитие факторов нестабильности экономики регионов в случае их максимального воздействия ведет к снижению устойчивости развития регионов. Устойчивость развития экономики региона есть функция факторов его нестабильности (рис. 1).

Устойчивое развитие в первую очередь должно базироваться на оценке трендов факторов нестабильности экономики региона, отражающих динамику показателей развития и позволяющих сделать выводы о реальных трендах регионального развития. Такая оценка трендов устойчивого развития позволяет определить этапы перехода региональной экономики к новой нормальности в условиях турбулентной внешней среды. Одновременно нарастает энтропия, и экономика региона теряет способность поступательного движения к устойчивому состоянию, переходит в режим стагнации. Имеющиеся производственный, научно-технический, человеческий потенциал и накопленные

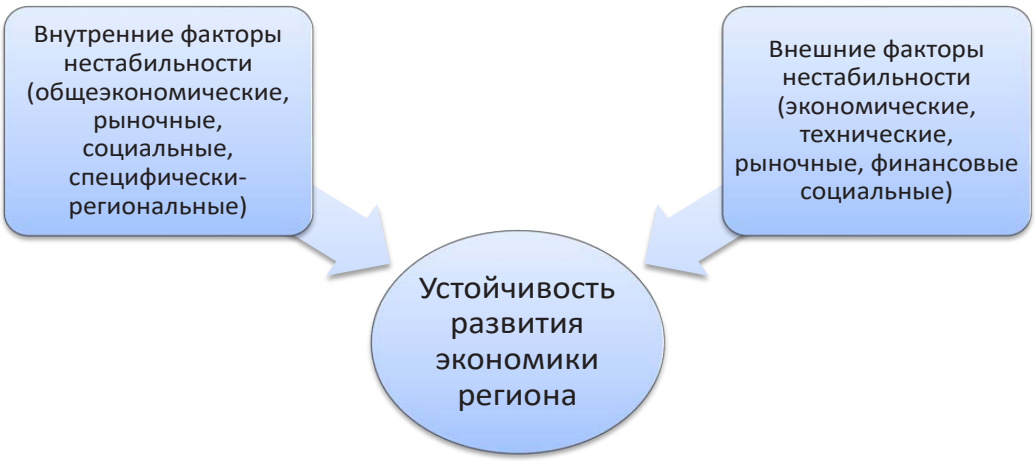

Рис. 1. Факторы, влияющие на устойчивость развития экономики региона

Примечание: составлено автором.

инновации неспособны сами по себе, без поддержки государства, перейти на новый, более высокий уровень развития.

При невысоком уровне энтропии экономика регионов способна создать условия для наращивания ресурсного потенциала и перехода к новому этапу развития, при котором уменьшается негативное влияние факторов нестабильности и формируются предпосылки устойчивого развития экономики регионов.

Оценку устойчивого развития регионов Уральского Федерального округа произведем на основе факторов и показателей нестабильности. Оценка устойчивости регионов зависит от нестабильности социально-экономического развития, которая, в свою очередь, понимается как снижение темпов роста внешних и внутренних показателей развития. Динамику этого процесса посмотрим графически.

Для этого используем набор приростных показателей, характеризующих разные аспекты социально-экономического развития регионов: прирост валового регионального продукта, прирост инвестиций в основной капитал, прирост потребительских цен, прирост потребления электроэнергии и прирост индекса промышленного производства. Все показатели выражены в процентах (рис. 2—5).

Анализ графиков позволяет определить следующие тенденции, характеризующие неустойчивость регионального развития:

Во-первых, для большинства показателей во всех регионах характерна высокая нестабильность, что говорит о неустойчивости процессов развития. Восстановления после мирового финансового кризиса 2008—2009 гг. в половине регионов (Челябинской и Курганской областях) не было вовсе, а в остальных регионах это восстановление оказалось краткосрочным.

Во-вторых, общих тенденций ни по группе анализируемых регионов, ни по показателям не выявлено, что говорит о хаотичном характере изменений, зависящих от внешних факторов, объемов государственной прямой или косвенной поддержки.

В-третьих, объемы потребления электрической энергии во всех регионах начиная с 2009 г. практически не менялись, что косвенно свидетельствует о стагнационных процессах. В ряде случаев (Свердловская область в 2013—2015 гг.) наблюдалось даже снижение этого показателя, но оно не нашло отражения в пропорциональном снижении ВРП.

В целом анализ динамики представленных показателей позволяет оценивать развитие регионов Уральского федерального округа как неустойчивое, находящееся под сильным влиянием различных факторов и не являющееся автохтонным.

По данным РИА «Рейтинг» (https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html) определены места Тюменской, Свердловской, Челябинской и Курганской областей в сравнении с другими регионами в рейтинге социально-экономического положения регионов России. В 2019 г. индекс промышленного производства в Тюменской области составил 106,2 %, в Челябинской — 103, в Свердловской — 101,3. Места среди всех регионов России — 13, 56 и 57-е соответственно. В сравнении: три первых места по росту индекса промышленного производства занимает город Севастополь — 158,9 %), Ямало-Ненецкий автономный округ — 116,4 % и Брянская область — 115,2 %. Челябинская область, как и другие регионы УрФО, по индексу промышленного производства в 2019 г. отстает существенно от Севастополя (почти на 60 %) и других лидеров. Сравнение высоких и низких темпов прироста индекса промышленного производства свидетельствует о малой конвертации сложившегося там кадрового и научно-технического потенциала в реальную экономическую активность. Второй показатель, используемый в рейтинге, — это инвестиции в основной капитал. В 2019 г. в Российской Федерации его прирост составил 1,7 % (годом ранее — 5,4 %). По регионам Уральского федерального округа их динамика была следующей (%): Курганская область — 138,4 (до 40,2 млрд руб.), Свердловская область — 110,1 (до 450,4 млрд руб.), Челябинская область — 109,4 (299,1 млрд руб.), Тюменская область — 80,3 (302,9 млрд руб.). Лидером по объему инвестиций в основной капитал являются Москва и Московская область. Инвестиции в основной капитал в Московской области в 2019 г. составили 1044,9 млрд руб., прирост — 103,2 %. Сходная картина наблюдается в Москве: объем инвестиций в основной капитал — 2856,9 млрд руб., прирост — 108,9 %. По темпам роста объема инвестиций лидерами являются Чукотский АО (141,9 %) и Республика Бурятия (140,2 %). В основном лидирующие позиции занимают регионы, где абсолютное значение объема инвестиций сравнительно мало. Кроме того, лидер по росту промышленного производства (Севастополь) в этой части рейтинга оказался среди «отстающих».

При этом регионы Уральского федерального округа отстают от лидера (Москвы) в 6,7 раза. Сравнивая значения индекса роста производства

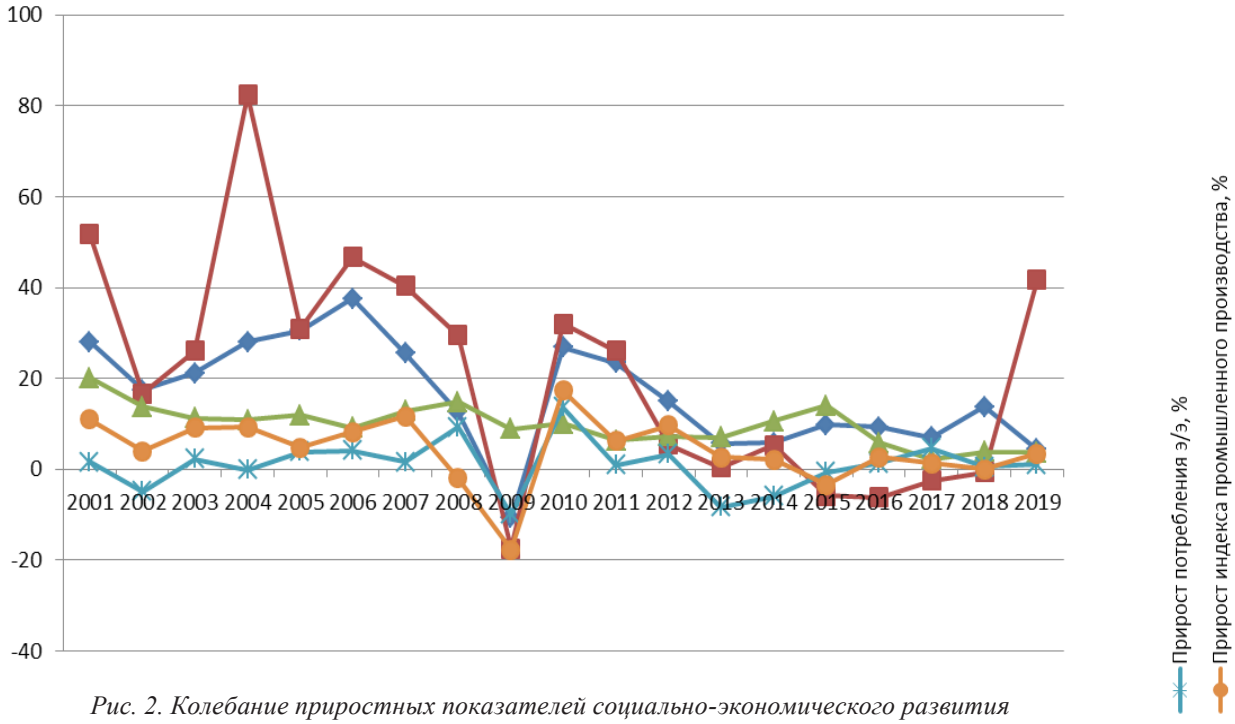

Рис. 2. Колебание приростных показателей социально-экономического развития Свердловской области в 2001—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

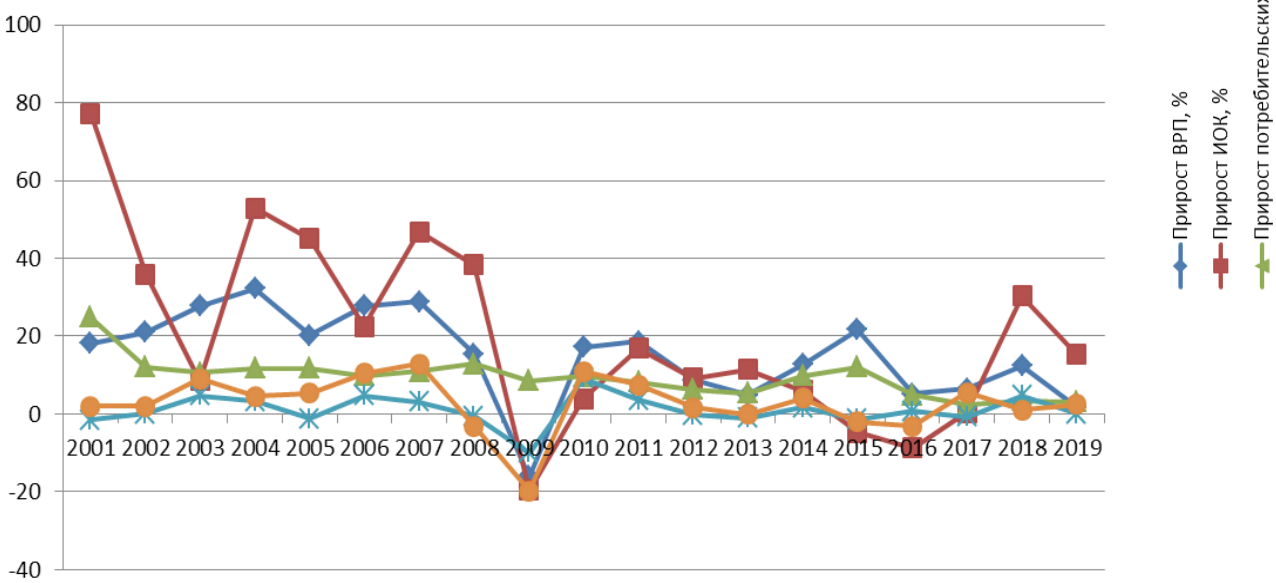

Рис. 3. Колебание приростных показателей социально-экономического развития Челябинской области в 2001—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

и индекса инвестиций в основной капитал регионов Уральского федерального округа, можно сделать вывод, что для роста промышленного производства уровень роста инвестиций мал и не позволяет обновить промышленный потенциал и создать условия перехода на траекторию устойчивого развития в условиях новой нормальности.

Уровень развития промышленного потенциала определяет динамику реальных денежных доходов населения регионов. В 2019 г. реальные денежные доходы населения Российской Федерации по сравнению с предыдущим годом увеличились на 1,5 %. В 2018 г. рост реальных располагаемых доходов населения был на уровне 1,1 %. В регионах Уральского Федерального округа реальные денежные доходы

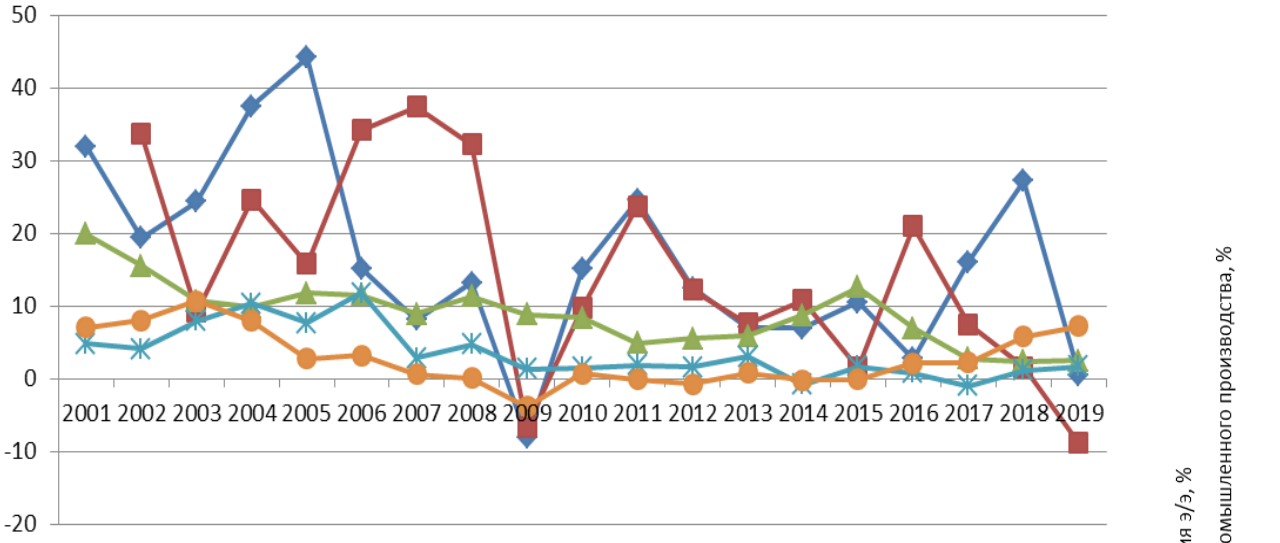

Рис. 4. Колебание приростных показателей социально-экономического развития Тюменской области в 2001—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

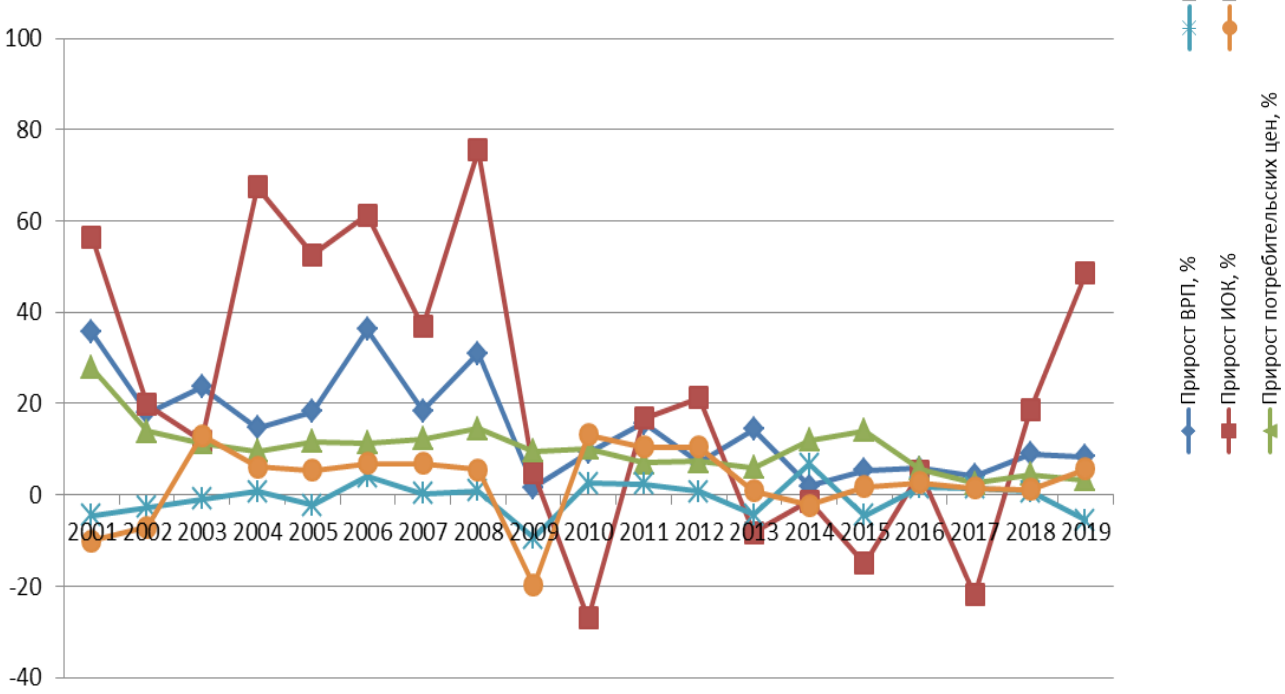

Рис. 5. Колебание приростных показателей социально-экономического развития Курганской области в 2001—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

населения выросли в 2019 г.: Свердловская область — на 1,2 %, при этом средний душевой денежный доход был на уровне 44 377 руб., а доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составляла 8,9 %; соответственно в Челябинской области доходы уменьшились на 0,8 %, денежный доход составлял 27 993 руб., а доля населения с доходами ниже прожиточного минимума была 12,8 %; Курганская область — доходы уменьшились на 1 %, средний доход составил 24 157 руб., и 19,7 % населения имели доходы ниже прожиточного минимума. Для сравнения: в Москве реальные денежные доходы населения в 2019 г. выросли на 4 %, средний душевой денежный доход составил 85 576 руб.,

а доля населения с доходом ниже прожиточного минимума составляла всего лишь 6,6. Наблюдается значительное отклонение доходов населения в регионах Уральского федерального округа от всероссийского центра — города Москвы, также высокая неравномерность характеризует денежные доходы разных регионов Уральского федерального округа. При этом в Челябинской и Курганской областях реальные доходы в 2019 г. уменьшились.

Сохраняется высокий удельный вес доли населения с доходами ниже прожиточного минимума по регионам УрФО, и данный фактор снижает уровень устойчивости развития регионов. Точно промышленный потенциал, динамика инвестиций в регионах Уральского федерального округа для значительной части населения не позволяет сформировать доход для благополучной и обеспеченной жизни, творчества, развития своего человеческого капитала. Для того чтобы усилить роль человека в развитии региона и обеспечении перехода регионов на новый уровень развития производственного, научно-технического и инновационного потенциала, необходим другой уровень денежных доходов и другая доля обеспеченного населения.

На устойчивое развитие региона оказывают непосредственное влияние темпы роста расходов консолидированных бюджетов в сравнении с темпами роста их доходов. В 2019 г., согласно данным Федерального казначейства, суммарные доходы консолидированных бюджетов всех регионов России выросли на 9,5 % и составили 13,6 трлн руб. Значение доходов консолидированных бюджетов регионов Уральского федерального округа в 2019 г. составило: в Свердловской области — 313,4 млрд руб. (рост на 3,8 % — один из аутсайдеров), в Челябинской области 215,3 млрд руб. (рост на 4,3 %), в Тюменской области 241,2 млрд руб. (рост на 5,7 %), а в Курганской — 54,4 млрд руб. (рост на 19,4 %). Примечательно, что в регионах-лидерах рост бюджетов обеспечивался за счет безвозмездных поступлений из федерального бюджета, а в Курганской области — в том числе и за счет роста собственных доходов.

Устойчивое развитие региона определяется не столько объемами консолидированного бюджета, сколько соотношением собственных доходов регионов и разного рода поступлений безвозмездного характера в консолидированный бюджет. Так, в 2019 г. в Свердловской области дотации в консолидированный бюджет составили 78,9 млрд руб., субсидии 79,7 млрд руб., субвенции — 27 млрд. руб.; в Челябинской области соответственно: 11,0; 81,6; 27,4; в Тюменской области: 25,7; 30,2; 22,3; в Курганской области: 5,3; 113,1; 25,1. Притом что разные виды поступлений от региона к региону существенно различаются, общая тенденция такова, что «центральный» регион — Свердловская область — и наиболее «периферийный» — Курганская, получают больше, чем «полупериферийная» Челябинская, что подтверждает сделанный ранее вывод о проседании именно полупериферийных регионов, своеобразного «среднего класса» среди российских регионов [См.: 8].

В периферийных экономиках устойчивое развитие может обеспечиваться только за счет вливания государства в развитие этих регионов. Регион центра же (Свердловская область) отчисляет доходы в федеральный бюджет, и чем выше удельный вес таких отчислений, тем меньше способность и центрального региона устойчиво развиваться. Региону-донору необходимо сохранение достаточного объема доходов для стимулирования развития, это позволит создать условия экономического роста. Такого рода оптимизация для выравнивания и устойчивого развития также затрагивает соотношение дохода и дефицита/профицита консолидированного бюджета. В регионах Уральского федерального округа дефицит консолидированного бюджета составляет значительную сумму: в Свердловской области 2019 г. — 14,19 млрд руб., в Челябинской области — 1,19 млрд руб. Одновременно в Тюменской области был отмечен профицит 38,09 млрд руб. При этом регионы — лидеры по России, Москва и Московская область, имеют дефицитный бюджет: соответственно 53,29 млрд и 74,41 млрд руб. Полученные данные сведены в табл. 1.

По итогам социально-экономического развития Свердловская область занимала 7-е место в 2018 г. и входила в десятку наиболее развитых регионов Российской Федерации. В 2019 г. произошло некоторое снижение интегрального показателя в сравнении с прошлым годом, однако место Свердловской области осталось неизменным. Высокие показатели рейтинга имеет и Тюменская область, занимающая в рейтинге 8-е место по итогам 2018 г. и 10-е по итогам 2019 г. Снижение рейтинга незначительно и не меняет положение региона в российской «иерархии». Сохраняется достаточно высокий уровень устойчивости, и эти регионы успешно противостоят внешним факторам нестабильности. В экономике Свердловской и Тюменской областей сохраняются положительные темпы прироста основных показателей, они носят умеренный характер

Таблица 1

Сравнение составляющих рейтинга социально-экономического положения регионов УрФО (по данным РИА «Рейтинг», 2019)

Показатели социально-экономического положения регионов	Регионы УрФО			
	Свердловская область	Челябинская область	Тюменская область	Курганская область
Индекс промышленного производства, %	101,3	101,0	110,0	105,2
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, %	110,1	109,4	80,3	138,4
Объем инвестиций в основной капитал, млрд руб.	450,4	299,1	302,6	40,2
Индекс реальных денежных доходов населения в 2019 г.	101,2	99,2	104,0	99,6
Среднедушевые денежные доходы населения, тыс. руб. в мес. (декабрь 2019 г.)	44377	27993	33413	24157
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	8,9	12,8	14,7	19,6
Изменение доходов консолидированного бюджета региона, млрд руб.	313,4	215,3	241,2	54,4
Дефицит (–) или профицит (+) консолидированного бюджета, млрд руб.	–13,04	–1,19	18,04	0,12
Объем государственного долга на январь 2020 г., млрд руб.	77,19	15,98	–	16,59
Значение рейтинга по итогам 2019 г.	69,278	57,604	26,511	64,386
Место по итогам 2019 г. (2018 г.)	7 (7)	17 (15)	10 (8)	73 (76)

Источник: https://riarating.ru.

и не могут создать качественных предпосылок роста и развития регионов в долгосрочной перспективе. Челябинская область отстает описанных выше областей и занимает 17-е место в рейтинге социально-экономического положения. В целом благоприятная картина социально-экономического положения на фоне лидирующих соседей региона становится менее радужной. Такое соседство определяет полупериферическое положение Челябинской области и способствует оттоку как кадрового, так и финансового потенциала в центральные регионы. Самые слабые позиции в рейтинге имеет Курганская область, занимающая 73-е место, при этом интегральный показатель региона увеличивается, но более чем в 2 раза меньше, чем у соседних регионов, сохраняется значительное отставание, что говорит о низком уровне устойчивости экономики региона. Здесь получают развитие тенденции, связанные с ростом нестабильности. Это объясняется проблемами, связанными со слабым развитием производственного и экономического потенциала, сокращением человеческого потенциала, миграцией рабочей силы в более развитые и устойчивые регионы страны, а также недостаточным объемом государственных вложений в сектора промышленного производства Курганской области. При развитии нестабильности и снижении финансовой устойчивости округ имеет самый высокий средний рейтинг социально-экономического положения среди всех округов (табл. 2).

Уральский федеральный округ в рейтинге социально-экономического положения занимает ведущее место: три региона округа входят в топ-20 регионов с высокими значениями рейтинга. Высокий рейтинг регионов Уральского федерального округа обусловлен тем, что в него входят регионы с высоко развитым промышленным потенциалом, а также крупные сырьевые центры: Свердловская, Челябинская и Тюменская области. Они сохраняют устойчивое положение. Однако стабильность регионов Уральского федерального округа в ближайшем будущем может столкнуться с проблемами перехода к новому технологическому укладу, что потребует дополнительных ресурсов, включая миграцию человеческих ресурсов, обладающих высокой квалификацией и интеллектуальным потенциалом, а также поиска достаточного объема

Таблица 2

Сравнение средних значений рейтинга социально-экономического положения регионов по федеральным округам (2019)

№ п/п	Федеральный округ	Среднее значение рейтинга по регионам, входящим в округ	Приращение среднего значения за год
1	Уральский	60,800	0,510
2	Приволжский	47,980	1,150
3	Центральный	46,168	1,124
4	Северо-Западный	44,240	0,990
5	Южный	41,510	0,990
6	Сибирский	39,570	1,110
7	Дальневосточный	33,370	1,250
8	Северо-Кавказский	26,010	1,140

Источник: https://riarating.ru.

инвестиций и перехода к инновационной и цифровой экономике. На все эти процессы свой отпечаток накладывает пандемия коронавируса, создающая отрицательные эффекты функционирования экономики региона. В 2021—2022 гг. регионы УрФО могут столкнутся с проблемами снижения показателей, входящих в рейтинг социально-экономического положения, и дальнейшим развитием негативных тенденций, приводящих к снижению устойчивости экономического развития.

Проведенный анализ показал, что регионы УрФО в целом характеризуются высокой устойчивостью экономического развития, а также способностью противостоять внешним шокам. Отдельно следует отметить, что внутри УрФО как в зеркале отражаются особенности регионального развития всей России, включая расслоение по уровням развития на центральные, полупериферийные и периферийные регионы. Со временем различия между этими регионами усиливаются.

Список литературы

1. Хайруллов Д. С., Еремеев Л. М. Проблемы устойчивости социально-экономического развития региона // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2012. № 1. С. 73—76.

2. Хайруллов Д. С. Устойчивое развитие региона как основа безопасности национальной экономики // Труды IV Всероссийской научной конференции «Информационные технологии в системе социально-экономической безопасности России и ее регионов». Казань, 2012. С. 41—49.

3. Субботина Е. В. Формирование устойчивости региональной социально-экономической системы // Науковедение: интернет-журн. 2014. № 5 (24). URL: https://naukovedenie.ru/PDF/82EVN514.pdf (дата обращения 21.12.2020).

4. Ускова Т. В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.

5. Бархатов В. И., Капкаев Ю. Ш., Плетнев Д. А. Развитие и экономический рост региона: монография / под ред. В. И. Бархатова. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004.

6. Березинская О. Динамика инвестиций в основной капитал // Экономическое развитие России. 2016. № 4. С. 18—21.

7. Данилова И. В., Богданова О. А., Резепин А. В. Внешние институциональные шоки и устойчивость развития регионов // Экономика и предпринимательство. 2017. № 3-1 (80). С. 336—341.

8. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65—83.

9. Пыжева Ю. И., Лапо Е. В., Сырцова Е. А., Пыжев А. И. Устойчивость развития регионов Дальнего Востока: оценка на основе истинных сбережений // Регион: экономика и социология. 2020. № 2 (106). С. 198—224.

10. Груздева М. А. Региональные особенности развития России: анализ отдельных подсистем и комплексная оценка устойчивости // Социальное пространство. 2018. № 5 (17). С. 7.

11. Гринчель Б. М. Оценка влияния стратегических планов на конкурентную привлекательность и устойчивость развития регионов // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 1 (19). С. 53—64.

12. Гринчель Б. М., Назарова Е. А. Методы анализа и управления устойчивым развитием экономики регионов // Экономика и управление. 2020. Т. 26, № 1 (171). С. 23—34.

13. Гагарина Г. Ю., Чайникова Л. Н., Архипова Л. С. Роль анализа устойчивого развития регионов России в стратегическом планировании // Федерализм. 2019. № 4. С. 5—21. URL: https://doi.org/10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-5-21 (дата обращения 21.12.2020).

14. Осипова М. Ю. Теория и методология исследования устойчивого развития социально-экономических систем. // Вестник ПНИПУ. 2014. № 4 (25).

15. Плетнев Д. А. Критерий и показатели оценки устойчивости корпорации в русле системного подхода // Стратегии бизнеса. 2013. № 2 (2). С. 21—26.

Сведения об авторе

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. ieo-science@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 96—105.

TO THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT SUSTAINABILITY MEASURING OF THE URAL FEDERAL DISTRICT REGIONS

V. I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ieo-science@csu.ru

The sustainable development of the region's economy determines and ensures the stability of the socio-economic system as a whole. Problems of sustainable development of regional economies are of particular importance in current conditions. The article presents the analysis of the sustainability of the development of Russian regions on the example of the regions included in the Ural Federal District. The analysis of the dynamics of growth of the leading indicators of the socio-economic development of the regions in 2001—2019 is carried out and the features of the Ural Federal District's features in the rating of the socio-economic situation of the regions of Russia. Particular attention is paid to identifying the factors of instability in the regions and the possibility of their elimination. The hypothesis about the presence of centers, semi-peripheral and peripheral regions in the Russian economy structure is confirmed.

Keywords: *sustainable development, instability, factors of socio-economic development of regions, the Ural Federal district.*

References

1. Khayrullov D. S., Yeremeyev L. M. (2012) *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, no. 1, pp. 73—76 [in Russ.].

2. Khayrullov D. S. (2012) *Trudy IV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii "Informatsionnyye tekhnologii v sisteme sotsial'no-ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii i yeye regionov"*. Kazan. Pp. 41—49 [in Russ.].

3. Subbotina Ye. V. (2014) *Naukovedeniye*, no. 5 (24). Available at: https://naukovedenie.ru/PDF/82EVN514.pdf, accessed 21.12.2020 [in Russ.].

4. Uskova T. V. (2009) Upravleniye ustoychivym razvitiyem regiona [Management of sustainable development of the region]. Vologda, ISERT RAN. 355 p. [in Russ.].

5. Barkhatov V. I., Kapkayev Yu. Sh., Pletnev D. A. (2004) Razvitiye i ekonomicheskiy rost regiona [Development and economic growth of the region]. Chelyabinsk [in Russ.].

6. Berezinskaya O. (2016) *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii*, no. 4, pp. 18—21 [in Russ.].

7. Danilova I. V., Bogdanova O. A., Rezepin A. V. (2017) *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 3-1 (80), pp. 336—341 [in Russ.].

8. Barkhatov V. I., Pletnev D. A., Kapkayev Yu. Sh. (2019) *Sotsium i vlast'*, no. 5 (79), pp. 65—83 [in Russ.].

9. Pyzheva Yu. I., Lapo Ye. V., Syrtsova Ye. A., Pyzhev A. I. (2020) *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, no. 2 (106), pp. 198—224 [in Russ.].

10. Gruzdeva M. A. (2018) *Sotsial'noye prostranstvo*, no. 5 (17), p. 7 [in Russ.].

11. Grinchel' B. M. (2018) *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii*, no. 1 (19), pp. 53—64 [in Russ.].

12. Grinchel' B. M., Nazarova Ye. A. (2020) *Ekonomika i upravleniye*, vol. 26, no. 1 (171), pp. 23—34 [in Russ.].

13. Gagarina G. Yu., Chaynikova L. N., Arkhipova L. S. (2019) *Federalizm*, no. 4, pp. 5—21. Available at: https://doi.org/10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-5-21, accessed 21.12.2020 [in Russ.].

14. Osipova M. Yu. (2014) *Vestnik PNIPU*, no. 4 (25) [in Russ.].

15. Pletnev D. A. (2013) *Strategii biznesa*, no. 2 (2), pp. 21—26 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 106—114.

УДК 332.14
ББК 65.050.22

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10312

МНОГОУРОВНЕВЫЕ МОДЕЛИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА: НА ПРИМЕРЕ УРАЛА

С. С. Гордеев, С. Г. Зырянов, А. М. Ситковский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00964
«Моделирование и визуализация сценариев пространственного развития трансграничного макрорегиона на примере Урала и Северного Казахстана».

В исследовании по построению моделей пространственного развития рассмотрены вопросы: проблемно-ориентированного зонирования территорий, преобразования поселенческого каркаса, интеграции наиболее значимых объектов социальных преобразований. Такими объектами в неоднородном социальном евразийском пространстве являются прежде всего зоны агломераций и транспортных коридоров. С учетом особенностей региональной специфики и при выделении неоднородного множества ключевых пространственных объектов определены основные положения пространственного развития макрорегиона как сложной многоуровневой социально-экономической системы. Решение вопросов стратегического планирования связано с адаптацией технологий визуализации, совместного использования особого формата картографической и цифровой информации. Основные результаты исследований создают предпосылки существенного расширения класса задач управления региональным и муниципальным развитием.

Ключевые слова: *пространственное развитие, социальное пространство, макрорегион, анализ, визуализация.*

Введение: взаимосвязь структурных изменений в экономике и трансформации регионального социального пространства

Изменения в экономике вследствие как глобальных структурных перемен, так и кризисных процессов во многом предопределяют трансформации социального пространства, нарастающие по мере их проявления. Соответствующие социально-экономические преобразования проявляются на различных уровнях территориальных систем, как на региональном, так и на муниципальном. С учетом местной специфики многообразие последствий подобных перемен достаточно велико, и они меняют многие перспективы пространственного развития. Появление новых факторов посткоронакризисных [13] условий развития экономики и социума, неизбежно ускоряют трансформацию социального пространства.

В подобных условиях существенных изменений особое значение приобретает оценка перспектив преобразования (трансформации) наиболее динамичных пространственных объектов (связанных с высоким экономическим ростом и развитием коммуникаций). Именно такие объекты становятся неким драйвером региональных преобразований. Они во многом меняют траекторию развития окружающих территорий. Влияние подобных пространственных объектов существенных социально-экономических трансформаций часто выходит за исторически сложившиеся административные границы территорий. В таких случаях неизбежно рассмотрение перспектив пространственного развития на уровне макрорегионов.

Социальное пространство (в некоторых трактовках — социокультурное пространство [16]), с точки зрения управления, можно рассматривать как распределение различных видов капитала на определенной территории (экономического, политического, социального, культурного, образовательного, человеческого). В общем случае социальное пространство рассматривается как неоднородное множество взаимосвязанных векторных объектов.

Последствия трансформации многих пространственных социально-экономических объектов неизбежно выходят за исторически сложившиеся границы административно-территориальных образований. Выход многих экономических и соци-

альных процессов за административные границы территорий, как муниципалитетов, так и субъектов РФ, предопределяет требование многоуровневого исследования многих вопросов трансформации регионального социального пространства, начиная с уровня макрорегионов.

Новые направления исследований сложных, неоднородных и часто специфических социально-экономических систем макрорегионов во многом связаны с возможностями более широкого применения компьютерных технологий. В исследованиях пространственного развития особое место занимает использование проблемно-адаптированных технологий компьютерной графики — визуализации.

Далее в статье рассматриваются вопросы исследований трансформации регионального социального пространства. Среди них — обновление как основа и методологии стратегического планирования, и инструментария поиска решений. Специфические особенности, социально-экономические различия и неоднородность многих территорий предопределяют необходимость исследования развития всех составляющих макрорегиона как сложной, неоднородной, многоуровневой и во многом уникальной социально-экономической системы.

Методы визуализации в моделях социально-экономической трансформации макрорегиона

В исследованиях пространственного социально-экономического развития макрорегиона затрагиваются две группы факторов [15]. С одной стороны, *факторы остаточного развития* — пролонгации траектории унаследованного пространственного развития. Среди них — общеизвестные и относительно стабильные факторы, характеризующие традиционные конкурентные преимущества и определявшие траекторию предшествующего развития территории (в том числе основополагающие: географическая специфика, социальные условия и др.). С другой стороны, рассматриваются менее изученные *факторы активной трансформации* пространственного развития. Среди них: развитие коммуникаций и формирование транспортных коридоров, агломерационные процессы и формирование агломераций.

Привязка множества факторов трансформации социального пространства имеет отношение к выделению пространственного каркаса. В общем случае подобный каркас рассматривается как множество социально-экономических субъектов с учетом их взаимосвязей (государство, регионы, отрасли, предприятия и организации, домохозяйства, физические лица). Эти же элементы в географической привязке образуют пространственную структуру социального пространства. Структура социального пространства находит свое отражение в поселенческом каркасе территорий.

В условиях множества социально-экономических перемен преобразования поселенческого каркаса отражаются прежде всего в углублении территориальной концентрации населения. Сложность поселенческого каркаса: наличие и расположение разнородных «центров притяжения», множественность «ядер» городских поселений, различия динамики и ее поляризация по типам населенных пунктов, предопределяют многоуровневость поселенческого каркаса в моделях пространственного развития. Сложная и неоднородная организация социального пространства (включая специфические местные факторы, определяющие индивидуальность) определяет специфику построения моделей пространственного развития.

Быстроменяющиеся, динамичные объекты поселенческого каркаса в наибольшей степени влияют на трансформацию социального пространства. Изменения в поселенческом каркасе как опорной сети расселения, дополненные множеством цифровых оценок, во многом характеризуют региональный вектор дальнейшего развития и в первом приближении отражают трансформацию социального пространства.

Структура евразийского поселенческого каркаса определяется фундаментальными свойствами географического пространства с неравномерным распределением населения. Для подобной структуры характерны: высокая концентрация в отдельных густонаселенных районах, а также обширные территории с минимумом постоянного населения. *Подобная неравномерная концентрация населения и «контрастность» поселенческого каркаса отражаются в специфике трансформации социального пространства макрорегиона Урала*. Далее это обстоятельство предопределяет основные общие характеристики рассматриваемых моделей.

Основные вопросы в построении моделей трансформации поселенческого каркаса во многом связаны с поиском комбинации компонентов — интеграцией локальных моделей, характеризующих различные социально-экономические процессы. Далее эти и другие, в том числе междисциплинарные вопросы, рассматриваются на нескольких уровнях детализации. В итоге формируется сложная,

многоуровневая система моделей трансформации пространственных социально-экономических систем. В подобной системе моделей при анализе трансформации поселенческого каркаса рассматриваются как унаследованные закономерности предшествующей динамики, так и тренды перспективного развития.

Выбор комбинации различных моделей в зависимости от исследуемых вопросов неизбежно связан с вопросами адаптации ранее апробированных методических основ к новым специфическим территориальным условиям. В общем случае *адаптация универсальной концептуальной модели для отражения региональной специфики предполагает наложение симметричной упорядоченной иерархической модели на сложную неоднородную сетевую структуру пространственного поселенческого каркаса* (например, в рамках концепции системной устойчивости региональной экономики [17; 18]). Поселенческий каркас в данном случае интегрирует основные объекты социального пространства [13].

Определение структуры поселенческого каркаса для интеграции наиболее значимых для трансформации объектов социального пространства в виде проблемно-ориентированных схем развития территорий (далее — схем) является ключевым моментом в методологии поиска решений с использованием пространственных информационно-адаптированных моделей. Подготовка подобных схем в формате карт-диаграмм (картоидов) делает их похожими на классическую карту (картоид — географический образ, «подобный карте», или по-англ. cartogram). Подобные картоиды (картограммы, или «образно-географические карты»), по сути, являются чертежами, где пространственные объекты изображены по особым проблемно-ориентированным правилам, отличным от ряда требований картографии. Среди моделей, способных отобразить территориальный объект на разных уровнях абстрагирования и формализации, картоиды, как схемы, занимают свое определенное, промежуточное место [9]. Они становятся базой для подготовки более формализованных моделей. Их подготовка связана с классификаций пространственных объектов и адаптацией геоинформационных технологий [3].

Другие существенные изменения представленного обновления методологии анализа пространственного развития и трансформации социального пространства связаны с применением информационно-адаптируемых моделей (в рамках методологии «мягких систем» — применения системного мышления к несистематическим ситуациям [4]). Пример использования технологий визуализации в статье представлен в результатах исследований по формированию моделей трансформации пространственного развития.

Анализ изменений поселенческого каркаса осложняется контрастностью его структуры и многообразием пространственных объектов в условиях недостатка информации. В рассматриваемом исследовании на первоначальном уровне анализа (детализации) макрорегион Урала рассматривался в формате зон агломераций и транспортных коридоров (основных объектов взаимного влияния — «притяжения» в региональном социальном пространстве). Зоны основных транспортных коридоров вдоль основных автомобильных магистралей, объединяющие агломерации (зоны агломерационных процессов), имеют особое значение в пространственной трансформации «контрастных» евразийских территорий.

Ключевыми для определения основных параметров моделей пространственного развития являются вопросы проблемно-ориентированного зонирования. Взаимная увязка различных пространственных объектов позволяет структурировать социальное пространство, базируясь на поэтапном применении различных технологий визуализации. В совокупности подобная взаимная увязка отдельных пространственных объектов позволяет определить значимость (социальный статус) отдельных зон и структурировать социальное пространство на различных уровнях детализации.

В общем случае в моделях и системах зон отражаются специфические, исторически сложившиеся для макрорегиона закономерности «унаследованного развития» (Path Dependence) [11; 19]. Далее на их фоне рассматриваются новые тренды: урбанизации [7] (связанные с агломерационными процессами и формированием агломераций), преобразования коммуникаций (связанные с миграцией, сменой логистики и развития транспортных коридоров [1; 8]).

При многообразии региональной специфики для рассмотрения пространственных преобразований следует остановиться прежде всего на трех множествах факторов. Среди них — факторы, определяющие:

- наиболее общие тренды социальной и экономической динамики;

• инерционную составляющую развития (Path Dependence);

• рост ключевых элементов пространственной трансформации (агломераций, транспортных коридоров и др.).

Пример использования технологий визуализации по формированию моделей трансформации социального пространства далее представлен в результатах исследований. Ниже рассматриваются два уровня моделей трансформации социального пространства в экстерриториальной постановке с оценкой факторов активной трансформации пространственного развития. На первом уровне детализации рассматривается центральная часть макрорегиона Урала в формате зон агломераций и транспортных коридоров (основных объектов взаимного влияния — «притяжения» в региональном социальном пространстве). На втором уровне — специфическая межрегиональная трансграничная социально-экономическая зона транспортного коридора Урал — Северный Казахстан в формате зон агломераций и населенных пунктов — малых центров социальных услуг (перспективных точек роста в зоне транспортного коридора) [20].

Примеры моделей пространственных трансформаций для макрорегиона Урала: проблемно-ориентированная адаптация графической составляющей

Примеры визуализации драйверов трансформации (ядро макрорегиона, агломерации, транспортные коридоры и точки роста) для модели макрорегиона рассматривались в пределах центральной части территории «большого Урала» с пересечением многих транспортных коридоров. Эта территория включает основные области Уральского экономического района России и прилегающие трансграничные области Северного Казахстана. Здесь также наблюдается пересечение ряда важных транспортных коридоров.

Развитие такого макрорегиона во многом определяется «унаследованной траекторией» (в рамках соответствующего административно-территориального деления). Региональные центры субъектов РФ макрорегиона Урала, как наиболее значимые населенные пункты, традиционно рассматриваются как перспективные точки роста и одновременно зоны-драйверы, во многом определяющие трансформацию социального пространства. Многоуровневая схема трансформации поселенческого каркаса центральной части макрорегиона Урала (с выделением зон агломерационных процессов и дифференциацией транспортных коридоров) представлена на рис. 1.

Рисунок 1 является авторским отображением статистических показателей и оценок на топографической основе Google Earth[1]. В первую очередь представленная схема

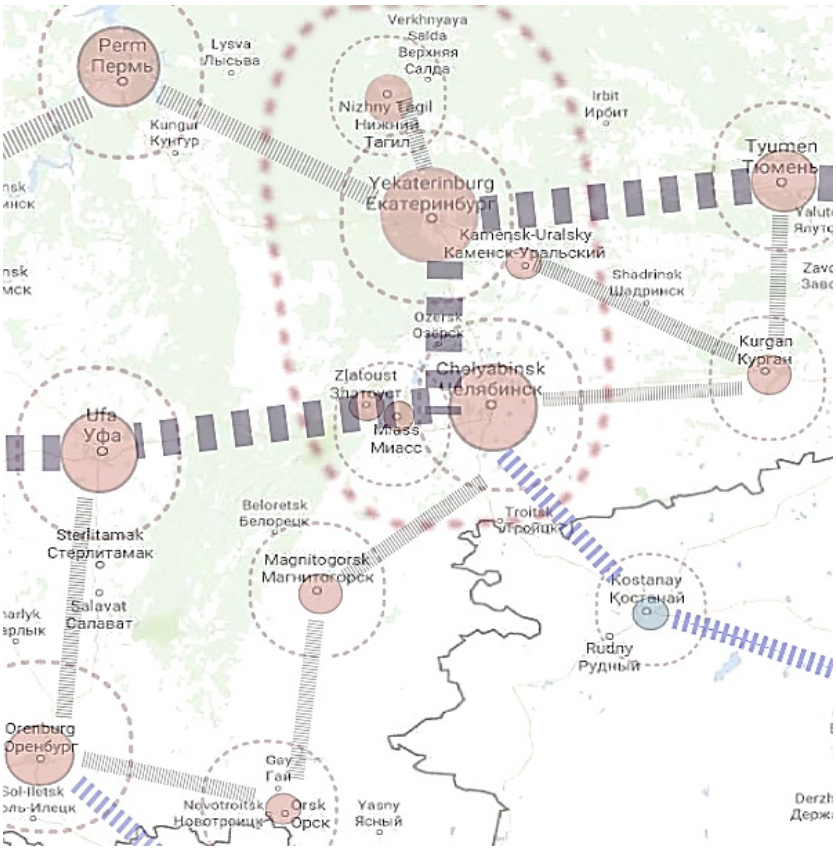

Рис. 1. Общая схема трансформации поселенческого каркаса центральной части макрорегиона Урала в формате: центры, зоны агломерационных процессов и транспортные коридоры

Примечание: составлено авторами.

[1] Карта Урала // Google Earth Pro (https://www.google.com/earth/versions/; дата обращения 04.02.2021).

характеризует структуру каркаса социального пространства, в том числе специфику пространственной концентрации населения, направлений межрегиональной интеграции, определяемой взаимным расположением агломерационных зон и зон транспортных коридоров. Подобная характеристика дается по оценке распределения населения по основным городам — центрам агломерационных процессов и перспективного развития макрорегиона Урала. Она выступает как основа для оценки последующих трансформаций социального пространства.

На схеме (рис. 1) отмечены: зоны агломерационных процессов в пределах часовой транспортной доступности от основных городов (указаны пунктиром). Размер агломерационных центров на схеме (значки основных городов) пропорционален численности[1]. Размер линий, отражающих транспортные коридоры, определен исходя из оценок их значимости (наибольшая — у основных транспортных коридоров России). Отдельно отмечена центральная зона перспективных агломерационных межрегиональных взаимосвязей — «ядро» макрорегиона (пространство условного агломерационного «ядра», обусловленное близостью крупнейших агломераций Екатеринбурга и Челябинска, выделено пунктиром).

Зоны агломерационных процессов региональных центров макрорегиона Урала — крупнейших городов (Пермь, Уфа, Екатеринбург, Челябинск, Тюмень) находятся в пределах эффективной дневной транспортной доступности друг от друга и от других городов (включая Костанай на прилегающей территории Казахстана). Подобное зонирование макрорегиона Урала первого уровня детализации позволяет перейти к более детальному цифровому анализу трансформации социального пространства с учетом возможных взаимосвязей территорий. Представленный картоид дополняется цифровой информацией о поселенческом каркасе и создает базу для оценки изменений в социальном пространстве. Пример диаграммы распределения городского населения по региональным центрам и другим населенным пунктам для центральной части макрорегиона Урала приведен на рис. 2 (по данным официальной статистики на 2018 г.)[2].

Дальнейшие исследования связаны с рассмотрением трансформации социального пространства отдельных зон. На следующем уровне более детально рассматривается существенно большее число объектов (не только регионального, но и муниципального уровня) с учетом возможных взаимосвязей территорий.

Подобное направление детализации особенностей трансформации социального пространства представлено в виде общей схемы трансформации поселенческого каркаса *межрегиональной, трансграничной социально-экономической зоны транспортного коридора* Урал — Северный Казахстан, представленной на рис. 3. Источником представленного рис. 3 также являются статистические показатели и оценки на топографической основе Google Earth[3] в авторском отображении. На схеме непосредственно в зоне транспортного коридора отмечены населенные пункты — перспективные малые центры социальных услуг и потенциальные точки роста (размер значков населенных пунктов на схеме пропорционален численности населения, зоны получасовой транспортной доступности от малых центров отмечены пунктиром). Рассмотренная зона на участке транспорт-

[1]База данных показателей муниципальных образований // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области (Челябинскстат) (http://gks.ru/dbscripts/munst/munst75/DBInet.cgi; дата обращения 04.02.2021).

[2]Там же.

[3] Карта Урала // Google Earth Pro (https://www.google.com/earth/versions/; дата обращения: 04.02.2021).

Наименование административно-территориального образования	Численность населения всего, в млн.чел.	Доля административного центра в общей численности населения, %	Доля других населенных пунктов в общей численности, %
Свердловская область	4,33	33%	51%
Республика Башкортостан	4,07	27%	35%
Челябинская область	3,50	34%	49%
Пермский край	2,63	40%	36%
Оренбургская область	1,99	28%	32%
Тюменская область	1,43	50%	14%
Костанайская	0,88	26%	27%
Курганская область	0,86	38%	24%

Рис. 2. Распределение городского населения по региональным центрам и другим населенным пунктам

Примечание: составлено авторами.

ного коридора Челябинск — Костанай исходит из Челябинской агломерации (на рис. 3 выделена жирным пунктиром), а в перспективе — из пространства общего агломерационного «ядра» Екатеринбургской и Челябинской агломераций. Трансграничную специфику этой зоны также определяет расположение ряда муниципальных центров: приграничного города Троицка и близких к границе других городов — Южноуральска, Пласта (Россия) и Карыбалыка (Казахстан).

Влияние зоны транспортного коридора Челябинск — Костанай на трансформацию социального пространства возрастает по мере развития агломераций Екатеринбурга и Челябинска, а также роста значимости основной транспортной межрегиональной магистрали «Урал» (Москва — Челябинск — Екатеринбург).

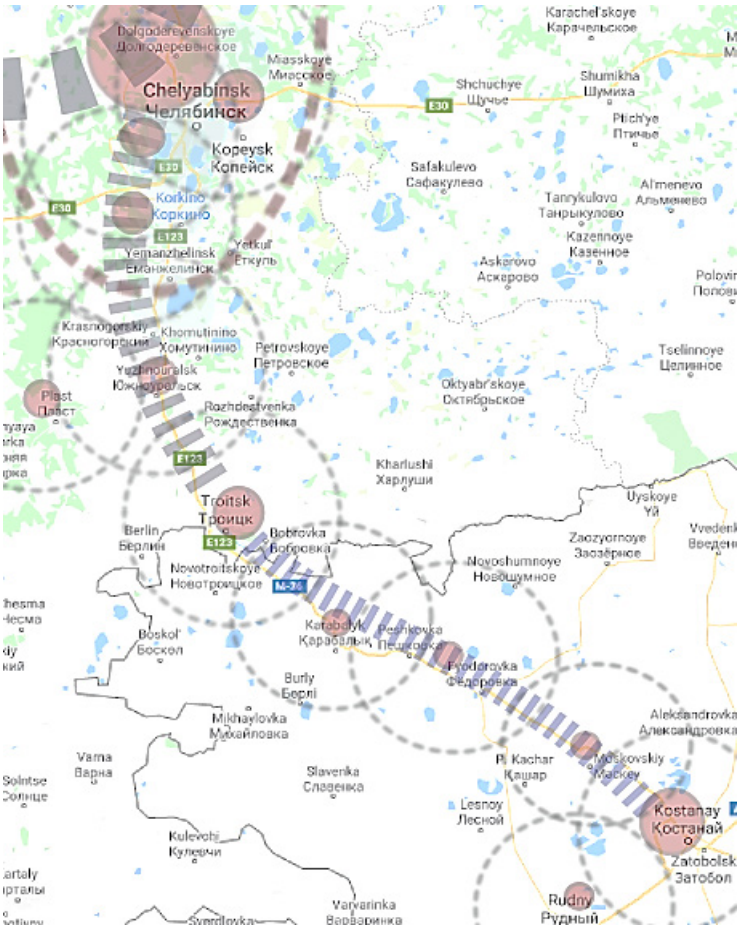

Рис. 3. Общая схема трансформации поселенческого каркаса межрегиональной социально-экономической зоны транспортного коридора Урал — Северный Казахстан

Примечание: составлено авторами.

Заключение: перспективы развития и применения моделей трансформации социального пространства

Обобщая результаты представленных исследований, необходимо отметить следующее. Построение локальных информационно-адаптированных моделей трансформации социального пространства во многом определяется концептуальными положениями, отражаемыми в двух базовых составляющих. Первая составляющая — схемы, отражающие пространственную специфику региональных образований различного уровня (от макрорегиона до отдельных зон муниципальных образований с различной степенью графической детализации, в том числе трудноформализуемых факторов). Вторая — дополняющие схему наборы цифровых характеристик (определяющих основные параметры и взаимосвязи рассматриваемых объектов). В совокупности они определяют постановку как общих характеристик прикладных задач, так и отдельных составляющих системы моделей. Первая составляющая во многом отражает пространственные конкурентные преимущества макрорегиона, вторая создает предпосылки для системы оценок и построения цифровых моделей.

Создание информационного обеспечения при сочетании двух составляющих (более общей графической и детализирующей цифровой) является отправным моментом поиска решений многих управленческих задач пространственного развития. Подобное проблемно-ориентированное информационное обеспечение в условиях ограниченности информации во многом определяет «контуры» — основные характеристики системы моделей. Далее затрагивается также адаптация инструментария поиска решений в рамках методологии «мягких систем» [2].

Обновление основ методологии поиска решений с использованием информационно-адаптированных «мягких» моделей при визуализации пространственных структур позволяет существенно расширить сферу управленческих задач пространственного развития. Появляется возможность на качественно новом уровне, с охватом существенно большего числа факторов, решать большое число управленческих задач.

Среди таких задач: поиск региональных перспективных направлений развития, вопросы межмуниципального развития, формирование точек роста, определение зон интеграции и концентрации социально-экономического потенциала. Детализация анализа пространственного развития предполагает последующее зонирование территорий в формате «центр — периферия» (в рамках уже обозначенной проблемы территориальной дифференциации [12]).

В рамках анализа ухода от унаследованной траектории предшествующего развития (территориальный аспект Path dependence [14]) основные перспективные направления исследований связаны с изменением ключевых трендов регионального и муниципального развития. При детализации далее затрагиваются вопросы влияния территориального аспекта Path dependence, влияния на пространственное развитие:

- стратегий крупнейших инновационных компаний [5];
- сложившейся сети инженерной инфраструктуры: автодорог, железных дорог, электросетей и т. д. [10];
- остаточного развития городов и urban planning [6] и др.

Все представленные результаты далее создают предпосылки для рассмотрения на качественно новом уровне многих проблем стратегического планирования и формирования программ развития территорий, обеспечения эффективности управления региональным и муниципальным развитием.

Список литературы

1. Berg C. N., Deichmann U., Liu Y., Selod H. Transport Policies and Development // The Journal of Development Studies. 2017. № 53 (4). P. 465—480.

2. Checkland P., Scholes J. Soft systems methodology in action. N. Y.: John Wileys Sons Inc., 1990. 329 p.

3. Checkland P. Soft Systems Methodology: A Thirty Year Retrospective // Systems Research and Behavioral Science. 2000. № 17. P. S11—S58.

4. Gordeev S. S., Sitkovskiy A. M. «Path dependence»: the transformation of the social space of the Eurasian macroregion // IV International Scientific Conference «Competitiveness and the development of socio-economic systems» dedicated to the memory of Alexander Tatarkin — Famagusta: Future Academy. 2020. P. 1—8.

5. Kotilainen K., Aalto P., Valta J., Rautiainen A., Kojo M., Sovacool B. K. From path dependence to policy mixes for Nordic electric mobility: Lessons for accelerating future transport transitions // Policy Sciences. 2019. № 52. P. 573—600.

6. Kwamie A., Dijk H., Ansah E., Agyepong I. E. The path dependence of district manager decision-space in Ghana // Health Policy and Planning. 2016. № 31 (3). P. 356—366.

7. Laird J., Venables A. Transport Investment and Economic Performance: A Framework for Project Appraisal // Transport Policy. 2017. № 56. P. 1—11.

8. Roberts M., Melecky M., Bougna T., Xu Y. Transport corridors and their wider economic benefits: A quantitative review of the literature // Journal of Regional Science. 2019. № 8203. P. 1—42.

9. Rodoman B. The scientific geographical cartoids (geographical schemes) // Geographical bulletin. 2010. № 1. URL: http://press.psu.ru/index.php/geogr/article/view/606 (дата обращения 20.12.2020).

10. Zhan C., Jong M., Bruijn H. Path Dependence in Financing Urban Infrastructure Development in China: 1949—2016 // Journal of Urban Technology. 2017. № 24 (4). P. 73—93.

11. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3—17.

12. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65—83.

13. Гордеев С. С. Визуализация в системе моделей пространственного развития: на примере трансграничной территории Урала и северного Казахстана // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2019. № 1 (3). С. 9—29.

14. Гордеев С. С. Оценка устойчивости пространственного социо-эколого-экономического развития в среде геоинформатики // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 13 (393). С. 37—49.

15. Гордеев С. С., Зырянов С. Г. Визуализация социально-экономических процессов неоднородных пространственных систем: на примере территорий Урала и северного Казахстана // XXII Уральские

социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона. 2020. С. 130—134.

16. Зырянов С. Г., Гордеев С. С., Понькина А. О., Интеграционные приоритеты пространственного развития муниципальных образований в условиях формирования цифровой экономики // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 9—18.

17. Клейнер Г. Б. Государство — регион — отрасль — предприятие: каркас системной устойчивости экономики России. Ч. 1 // Экономика региона. 2015. № 2. С. 50—52.

18. Клейнер Г. Б. Государство — регион — отрасль — предприятие: каркас системной устойчивости экономики России. Ч. 2 // Экономика региона. 2015. № 3. С. 9—17.

19. Растворцева С. Н. Теоретические аспекты возможности ухода экономики региона от траектории предшествующего развития // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15, № 4 С. 633—642.

20. Ситковский А. М. Методические аспекты развития малых центров социальных услуг муниципального образования // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 4 (29). С. 31—39.

Сведения об авторах

Гордеев Сергей Сергеевич — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, Челябинск, Россия. sgordeev222@gmail.com

Зырянов Сергей Григорьевич — доктор политических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, Челябинск, Россия. director@chel.ranepa.ru

Ситковский Арсений Михайлович — аналитик, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, Челябинск, Россия. omnistat@yandex.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 106—114.

MULTILEVEL MODELS OF TRANSFORMATION OF THE SOCIAL SPACE OF THE EURASIAN MACROREGION: THE EXAMPLE OF THE URALS

S. S. Gordeev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia. sgordeev222@ gmail.com

S. G. Zyryanov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia. director@chel.ranepa.ru

A. M. Sitkovskiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia. omnistat@yandex.ru

In the study on the construction of models of spatial development, the following issues are considered: problem-oriented zoning of territories, transformation of the settlement framework, integration of the most significant objects of social transformations. Such objects in the heterogeneous social Eurasian space, first of all, are the zones of agglomerations and transport corridors. Taking into account the peculiarities of the regional specifics and when identifying a heterogeneous set of key spatial objects, the main provisions of the spatial development of the macroregion as a complex multi-level socio-economic system are determined. The solution to the issues of strategic planning is associated with the adaptation of visualization technologies, the joint use of a special format of cartographic and digital information. The main research results create the preconditions for a significant expansion of the class of problems of regional and municipal development management.

Keywords: *spatial development, social space, macroregion, analysis, visualization.*

References

1. Berg C. N., Deichmann U., Liu Y., Selod H. (2017) *The Journal of Development Studies*, no. 53 (4), pp. 465—480.

2. Checkland P., Scholes J. (1990) Soft systems methodology in action. New York, John Wileys Sons Inc. 329 p.

3. Checkland P. (2000) *Systems Research and Behavioral Science*, no. 17, pp. S11—S58.

4. Gordeev S. S., Sitkovskiy A. M. (2020) *IV International Scientific Conference "Competitiveness and the development of socio-economic systems" dedicated to the memory of Alexander Tatarkin*. Pp. 1—8.

5. Kotilainen K., Aalto P., Valta J., Rautiainen A., Kojo M., Sovacool B. K. (2019) *Policy Sciences*, no. 52, pp. 573—600.

6. Kwamie A., Dijk H., Ansah E., Agyepong I. E. (2016) *Health Policy and Planning*, no. 31 (3), pp. 356—366.

7. Laird J., Venables A. (2017) *Transport Policy*, no. 56, pp. 1—11.

8. Roberts M., Melecky M., Bougna T., Xu Y. (2019) *Journal of Regional Science*, no. 8203, pp. 1—42.

9. Rodoman B. (2010) *Geographical bulletin*, no. 1. Available at: http://press.psu.ru/index.php/geogr/article/view/606, accessed 04.02.2021.

10. Zhan C., Jong M., Bruijn H. (2017) *Journal of Urban Technology*, no. 24 (4), pp. 73—93.

11. Auzan A. A. (2015) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, no. 1, pp. 3—17 [in Russ.].

12. Barkhatov V. I., Pletnev D. A., Kapkaev Yu. Sh. (2019) *Sotsium i vlast'*, no. 5 (79), pp. 65—83 [in Russ.].

13. Gordeev S. S. (2019) *Nauchnyy yezhegodnik Tsentra analiza i prognozirovaniya*, no. 1 (3), pp. 9—29 [in Russ.].

14. Gordeev S. S. (2016) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, no.* 13 (393), pp. 37—49 [in Russ.].

15. Gordeev S. S., Zyryanov S. G. (2020) *XXII Ural'skiye sotsiologicheskiye chteniya. Natsional'nyye proyekty i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Ural'skogo regiona*. Pp. 130—134 [in Russ.].

16. Zyryanov S. G., Gordeev S. S., Pon'kina A. O. (2018) *Nauchnyj ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*, no. 2, pp. 9—18 [in Russ.].

17. Kleiner G. B. (2015) *Ekonomika regiona*, no. 2, pp. 50—52 [in Russ.].

18. Kleiner G. B. (2015) *Ekonomika regiona*, no. 3, pp. 9—17 [in Russ.].

19. Rastvortseva S. N. (2018) *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, vol. 15, no. 4, pp. 633—642 [in Russ.].

20. Sitkovskiy A. M. (2019) *Munitsipalitet: ekonomika i upravleniye*, no. 4 (29), pp. 31—39 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 115—125.

УДК 332.1; 504.75
ББК 65.04-962; 65.28
DOI 10.47475/1994-2796-2021-10313

ПРОМЫШЛЕННЫЙ РОСТ РЕГИОНОВ УРАЛА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Д. С. Бенц
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Показано противоречие роста промышленного региона с ростом экологической эффективности. Дано определение термину «новая экологическая реальность». Автором предпринята попытка количественно оценить оптимальный объем промышленного производства для наиболее промышленных регионов Урала: Свердловской, Челябинской, Тюменской областей. Все полученные значения ориентируют на то, что дальнейший экономический рост регионов возможен даже в условиях снижения промышленного производства. Однако в условиях небольшого снижения. Такое снижение при прочих равных условиях необходимо для сохранения баланса с экологической составляющей. Тем временем автор не призывает сокращать темпы роста промышленного производства, а лишь призывает к постепенному переходу на новый уровень промышленных технологий — с тем, чтобы постепенно прийти к балансу в рамках концепции устойчивого развития.

Ключевые слова: *промышленный регион, рост промышленного производства, экологическая эффективность, регионы Урала, устойчивое развитие, новая экологическая реальность, регрессионный анализ, оптимум.*

Термин «новая реальность» или же «новая нормальность» (new normal), пришедший в лексикон экономистов и не только после мирового кризиса 2008—2009 гг. и ставший бешено популярным в последнее время, обрастает все новыми признаками. Большинство авторов сходятся в понимании этой самой «новой реальности», подразумевая под таковой новые экономические и не только условия, которые препятствуют развитию экономических систем в том виде, в каком ранее это развитие было возможно [9; 10; 14]. Более того, представители экономической науки заявляют и о такой форме проявления новой реальности, как разрыв между экономической теорией и практикой. «Новая реальность требует изменения всей логической конструкции теории», — говорят независимые исследователи А. А. Ермоленко и С. В. Наумов [9].

О «конфликте между старой и новой парадигмами научного знания» говорит и Е. С. Чиканова [14]. При этом она увязывает новую реальность еще и с наращением цифровых технологий. Все авторы солидарны в том, что новая реальность и продиктовала необходимость внедрения междисциплинарного подхода к изучению экономических процессов и явлений. Именно на таком подходе базируется концепция устойчивого развития, а также концепция зеленой экономики. Представители уральской научной школы тоже не оставляют вопросы зеленой экономики в стороне [1; 7; 8]. В. А. Антропов, В. С. Бочко, М. Ю. Книсс говорят о человеке как о носителе нового качества человеческого капитала на базе активного осознания феномена зеленой экономики [1]. При этом, если вовремя не встроить концепцию зеленой экономики в систему «человек — природа», это грозит технологическим и социальным отставанием страны [7]. Проанализировав 17 стратегий муниципалитетов Свердловской области, В. С. Бочко пришел к выводу, что, с одной стороны, вопросы зеленой экономики не оставлены в стороне, однако целостного видения проблемы нет, как нет и конкретных прикладных мер по ее реализации [8].

Все чаще ученые посвящают свои исследования влиянию различных факторов, в том числе экологических, на экономический рост региона, его инвестиционную привлекательность [2; 3; 11; 13]. Вполне логично, что экономистов беспокоит вопрос влияния экологии на развитие регионов, особенно если речь идет о регионах, занявших последние места в экологическом рейтинге[1], например Иркутская область [13]. И даже те регионы, где в сравнении с регионами Урала, доля промышленного производства в структуре отраслевой добавленной стоимости не столь велика или же совсем мала,

[1] По данным Национального экологического рейтинга «Зеленый патруль» (https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskiy-reyting-subektov-rf?tid=361).

все же задумываются о перспективах устойчивого развития [11].

Говоря о чертах новой экономической реальности, некоторые авторы акцентируют внимание на том, что масштабы промышленного производства не предопределяют рост спроса на услуги [14]. Однако мы проживаем в Челябинской области, где доля промышленного производства высока, и при этом отдаем себе отчет в том, что именно промышленное производство так необходимо для экономического роста наших регионов (как Челябинской области, так и большинства регионов Урала [2]), а потому в поле зрения автора данной статьи попали регионы Уральского федерального округа. Давайте разберемся с состоянием экологии в регионах Урала. А для этого сначала обратимся к индексам экологического развития, публикуемым сообществом «Зеленый патруль». В табл. 1 и 2 приведена динамика индексов экологического развития регионов Урала.

Общая тенденция более чем десятилетнего периода заключается в том, что сводный экологический индекс всех регионов Урала растет, что, конечно, не может не радовать (рис. 1). Однако, если переместить внимание на места в рейтинге, то, например, для Свердловской и Челябинской областей стабильность налицо — оба региона завершают или почти завершают рейтинги. Курганская же область демонстрирует рост в отношении места в рейтинге. Тюменская область показывает еще более положительную динамику: рост в рейтинге с 61-го места до 19-го.

Проанализируем те показатели, которые публикует Росстат. Существенное снижение Уральский федеральный округ демонстрирует по показателю объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников (рис. 2). Снижение составило 42 % за период с 2005 по 2019 г. Курганская и Свердловская области показывают не столь существенное, но все же снижение выбросов — 26 % и 24 % соответственно. В Челябинской области объем выбросов сократился на 44 %, в Тюменской — на 47 %.

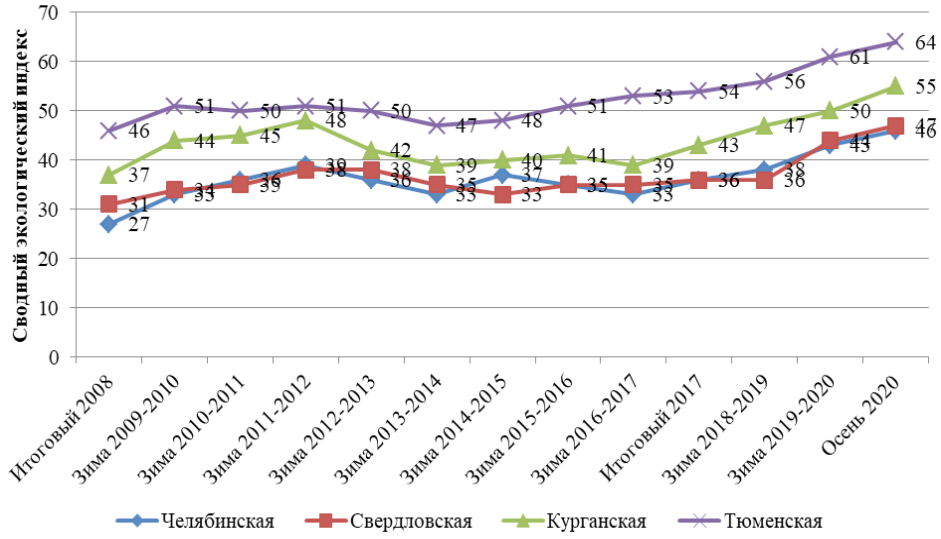

Рис. 1. Динамика сводного экологического индекса регионов Урала

Источник: составлено автором по данным национального экологического рейтинга «Зеленый патруль» (https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskiy-reyting-subektov-rf?tid=361).

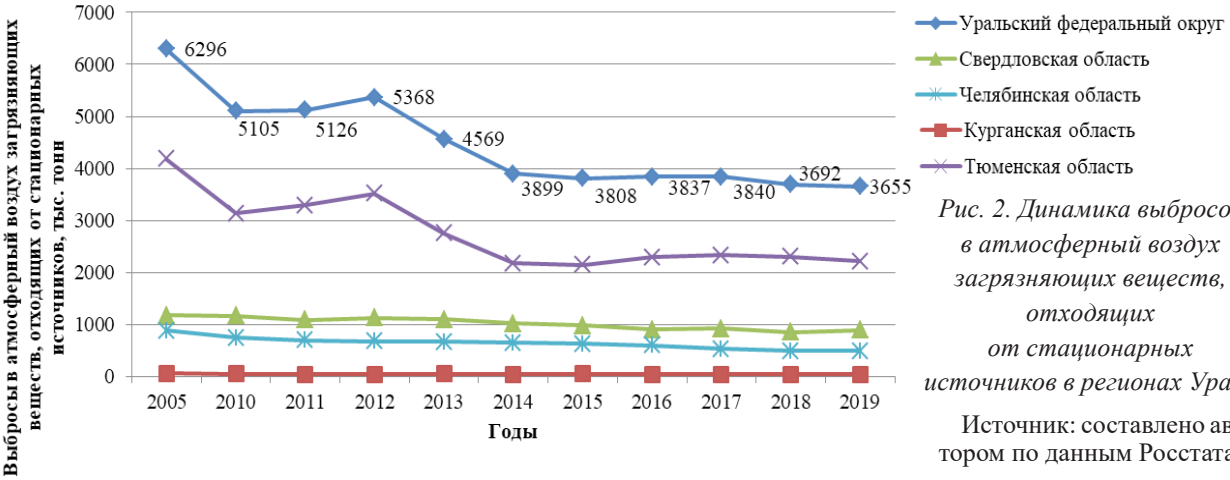

Рис. 2. Динамика выбросов в атмосферный воздух загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников в регионах Урала

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Таблица 1

Индексы экологического рейтинга Челябинской и Свердловской областей

Период	Челябинская область					Свердловская область				
	Природо-охранный индекс	**Промышленно-экологический индекс**	**Социально-экологический индекс**	***Сводный индекс***	**Место в рейтинге**	**Природо-охранный индекс**	**Промышленно-экологический индекс**	**Социально-экологический индекс**	***Сводный индекс***	**Место в рейтинге**
Итоговый 2008	4	29	35	***27***	83	2	32	42	***31***	82
Зима 2009—2010	5	31	44	***33***	83	8	37	43	***34***	82
Зима 2010—2011	13	35	45	***36***	82	14	37	43	***35***	83
Зима 2011—2012	18	40	46	***39***	82	15	43	45	***38***	83
Зима 2012—2013	19	40	42	***36***	83	16	44	59	***38***	81
Зима 2013—2014	22	42	36	***33***	83	31	26	44	***35***	81
Зима 2014—2015	24	46	40	***37***	80	33	30	37	***33***	84
Зима 2015—2016	19	37	47	***35***	84	34	32	39	***35***	85
Зима 2016—2017	15	35	48	***33***	85	29	32	43	***35***	84
Итоговый 2017	17	35	54	***36***	85	32	32	44	***36***	84
Зима 2018—2019	18	37	57	***38***	84	29	32	47	***36***	85
Зима 2019—2020	21	45	61	***43***	84	33	42	56	***44***	83
Осень 2020	27	47	63	***46***	83	36	46	59	***47***	81

Источник: Национальный экологический рейтинг «Зеленый патруль» (https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskiy-reyting-subektov-rf?tid=361).

Таблица 2

Индексы экологического рейтинга Курганской и Тюменской областей

Период	Курганская область					Тюменская область				
	Природо-охранный индекс	Промышленно-экологический индекс	Социально-экологический индекс	*Сводный индекс*	Место в рейтинге	Природо-охранный индекс	Промышленно-экологический индекс	Социально-экологический индекс	*Сводный индекс*	Место в рейтинге
Итоговый 2008	22	6	59	***37***	80	35	52	44	***46***	61
Зима 2009—2010	27	11	62	***44***	75	36	56	51	***51***	51
Зима 2010—2011	31	15	60	***45***	71	41	56	49	***50***	46
Зима 2011—2012	37	18	61	***48***	50	41	56	51	***51***	29
Зима 2012—2013	37	17	60	***42***	69	41	56	52	***50***	20
Зима 2013—2014	7	27	55	***39***	69	35	47	62	***47***	24
Зима 2014—2015	38	26	56	***40***	74	35	47	62	***48***	20
Зима 2015—2016	37	26	59	***41***	69	35	47	66	***51***	12
Зима 2016—2017	33	26	56	***39***	79	39	45	69	***53***	10
Итоговый 2017	38	27	59	***43***	71	41	48	68	***54***	19
Зима 2018—2019	38	30	63	***47***	67	44	50	70	***56***	18
Зима 2019—2020	41	32	67	***50***	67	48	54	73	***61***	23
Осень 2020	46	37	71	***55***	60	51	59	75	***64***	19

Источник: Национальный экологический рейтинг «Зеленый патруль» (https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskiy-reyting-subektov-rf?tid=361).

Снижение сбросов загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты не столь велико, но тоже ощутимо (рис. 3). Росстат публикует следующие величины: в среднем по УрФО падение показателя составило 39 %. В Свердловской области такого рода загрязнения сократились на 30 %, в Челябинской — на 65, в Курганской — на 46. И лишь Тюменская область демонстрирует рост на 33 %.

При этом расходы на охрану окружающей среды в регионах Урала выросли (рис. 4). В среднем по Уралу рост составил почти 38 %. Максимальный рост характерен для Свердловской области — это 82,7 % (притом что падение выбросов на рис. 2 самое меньшее из всех регионов), минимальный рост — для Тюменской области (22 %).

Проанализируем, насколько тесной является связь роста промышленного производства с ростом выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников. Для этого покажем долгосрочную динамику темпов роста для каждого региона (рис. 5—8).

Наиболее тесная связь характерна для Челябинской (см. рис. 5) и Тюменской (см. рис. 8) областей. Здесь коэффициент парной корреляции составил 0,56. Для Свердловской области связь составила 0,47. Курганская же область показала отсутствие связи между темпами роста промышленного производства и роста ВРП.

Автор предлагает следующую идею в отношении эколого-экономической эффективности [3]:

1) Экономический рост и экологическая эффективность разнонаправлены.

2) Под экономическим ростом классическим образом понимаем темп роста номинального валового регионального продукта.

3) Под экологической эффективностью понимаем величину, обратно пропорциональную темпу роста выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников.

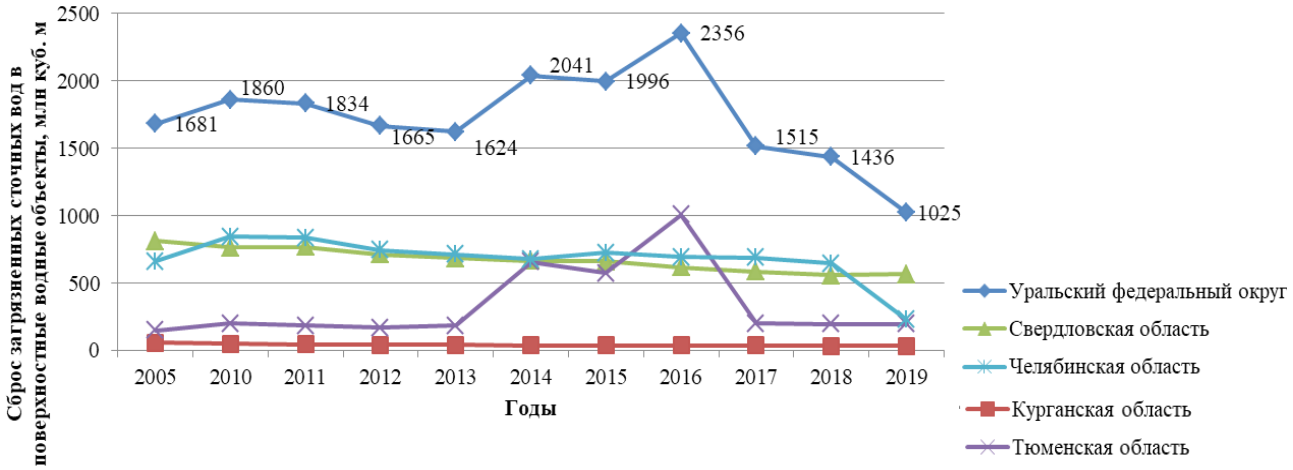

Рис. 3. Динамика сбросов загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты в регионах Урала

Источник: составлено автором по данным Росстата.

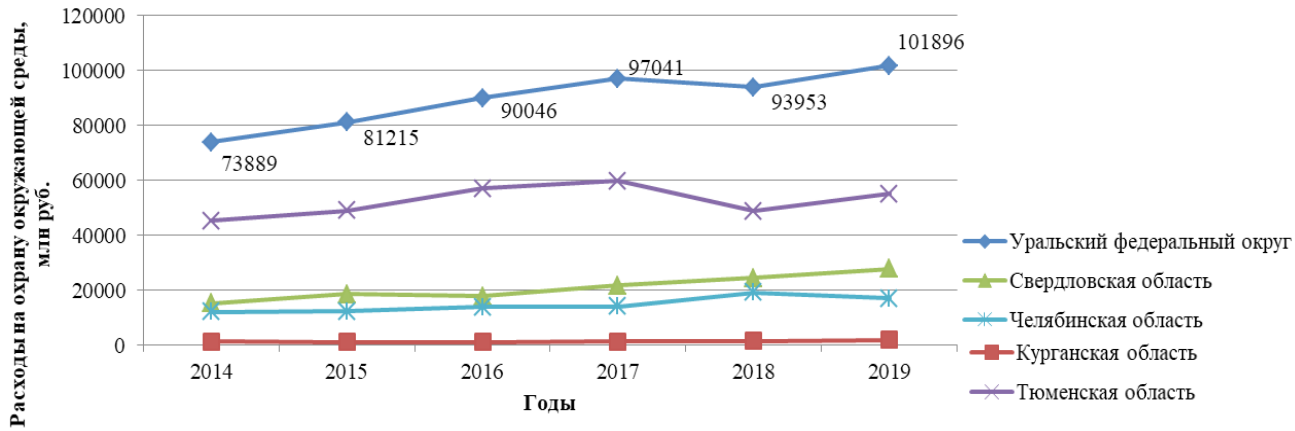

Рис. 4. Динамика расходов на охрану окружающей среды в регионах Урала

Источник: составлено автором по данным Росстата.

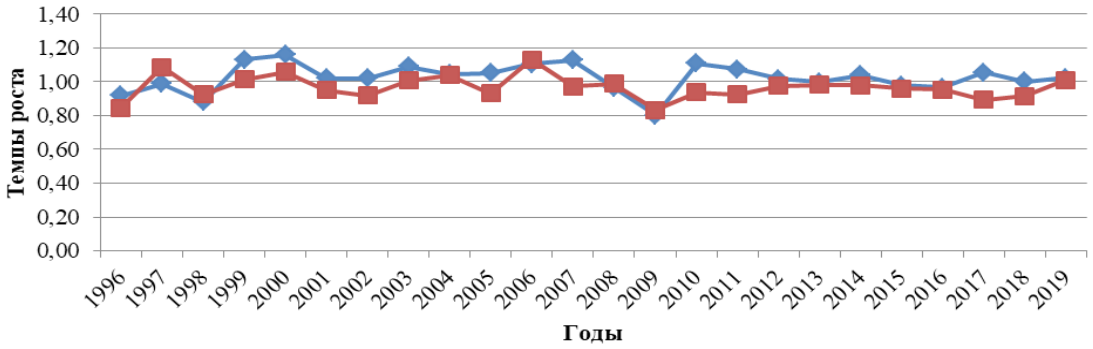

Рис. 5. Связь темпов роста промышленного производства и выбросов в атмосферу от стационарных источников, Челябинская область

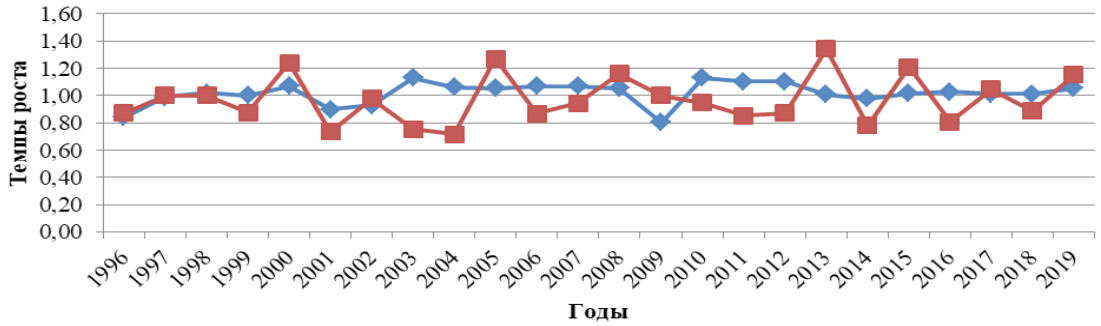

Рис. 6. Связь темпов роста промышленного производства и выбросов в атмосферу от стационарных источников, Курганская область

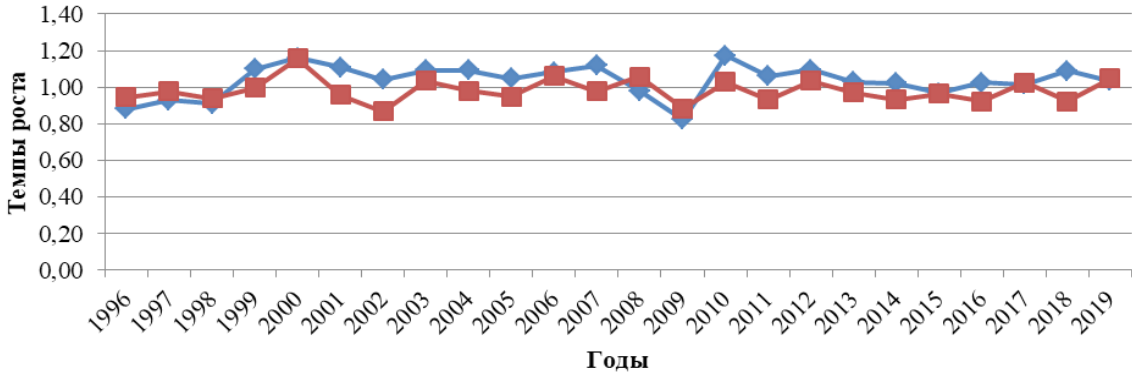

Рис. 7. Связь темпов роста промышленного производства и выбросов в атмосферу от стационарных источников, Свердловская область

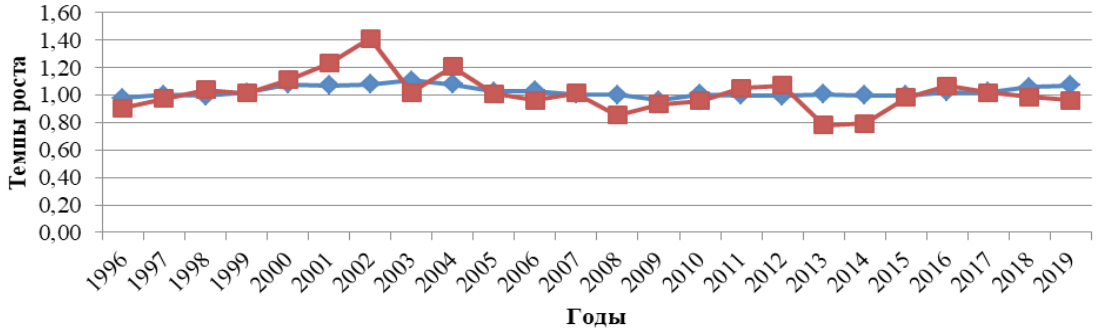

Рис. 8. Связь темпов роста промышленного производства и выбросов в атмосферу от стационарных источников, Тюменская область

Примечание: рис. 5—8 составлены автором по данным Росстата.

Темп роста промышленного производства

Темп роста выбросов в атмосферу от стационарных источников

4) В целях графической интерпретации построим двухфакторные модели, где в качестве регрессора примем темп роста промышленного производства.

Пусть экономический рост (E_1) есть функция от темпа роста промышленного производства:

$$E_1 = f(X), \quad (1)$$

где E_1 — экономический рост (темп роста ВРП); X — индекс промышленного производства.

Экологическую эффективность обозначим E_2 и представим в виде функции

$$E_2 = f(X), \quad (2)$$

где E_2 — коэффициент экологической эффективности; X — индекс промышленного производства.

Экологическую эффективность будем определять как величину, обратную темпам роста выброса вредных веществ, отходящих от стационарных источников.

Два графика — экономического роста и экологической эффективности — представим на рис. 9.

Предположим существование оптимального индекса промышленного производства. Если экологическая эффективность (E_2) превосходит экономическую (E_1), нужно наращивать темпы роста промышленного производства, так как на этом этапе в приоритете экономический рост. При дальнейшем наращении темпов роста промышленного производства — сверх оптимальной величины (X_{opt}) — экономический рост уже превосходит экологическую эффективность, а значит, мы вышли за рамки баланса. Точка пересечения двух кривых (E_1 и E_2) и представляет собой баланс двух кривых.

Для каждого региона (кроме Курганской области — ввиду того, что для нее не подтвердилась связь экономического роста и индекса промышленного производства) построим функции E_1 и E_2. Выборкой для построения функций стал период с 1995 по 2018 г. (по данным Росстата). Все построенные функции показаны на рис. 10—12.

Оптимальные значения темпов роста промышленного производства получены следующие. Для Челябинской области оптимум составил:

$$E_1 = E_2$$

$$1{,}4675X - 0{,}3092 = 1{,}5804 - 0{,}528 \cdot X$$

$$X_{\text{Чел}} = 0{,}9469$$

Аналогично найдем оптимальный объем промышленного производства для Свердловской области:

$$1{,}1107X + 0{,}0298 = 1{,}4015 - 0{,}3625 \cdot X$$

$$X_{\text{Сверд}} = 0{,}9311$$

И, наконец, для Тюменской области значение составит:

$$2{,}1158X - 0{,}9372 = 3{,}0265 - 1{,}9805 \cdot X$$

$$X_{\text{Тюм}} = 0{,}96763$$

Важно отметить, что полученные для каждой из областей значения близки между собой и составили величину ниже единицы, что означает

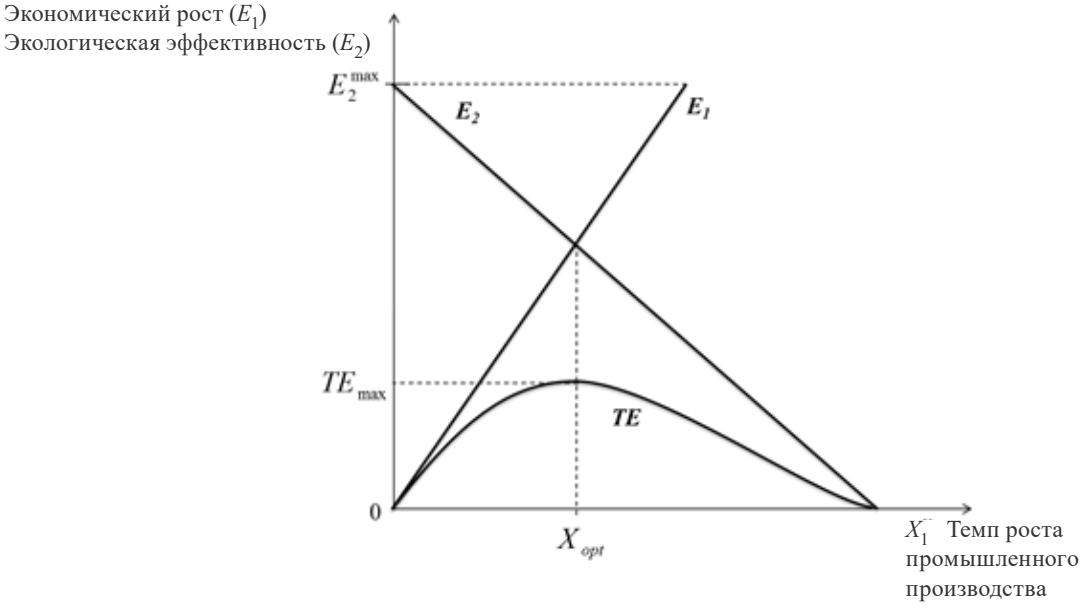

Рис. 9. Зависимость экономического роста и экологической эффективности от темпов роста промышленного производства

Источник: составлено автором по данным Росстата.

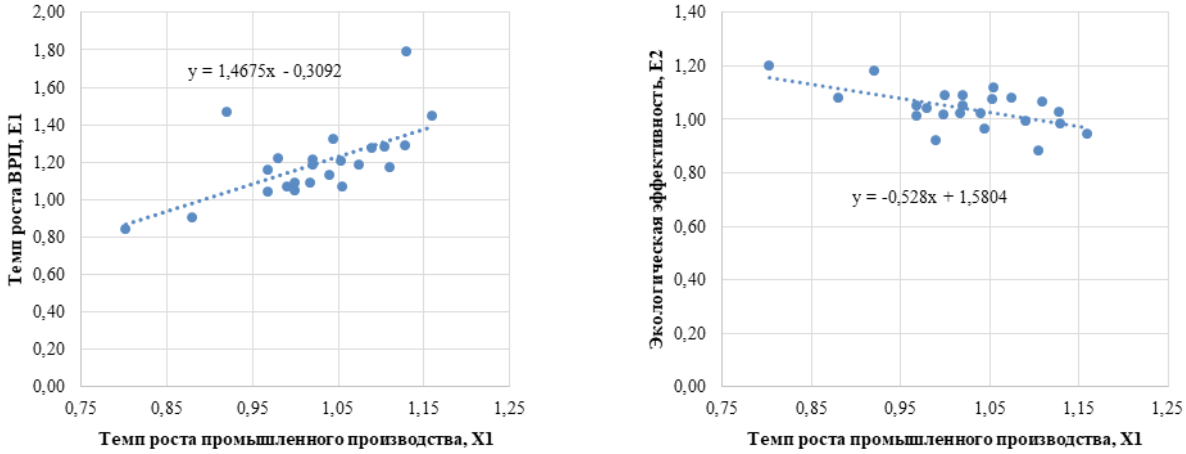

Рис. 10. Челябинская область: графическое моделирование функций E_1 и E_2

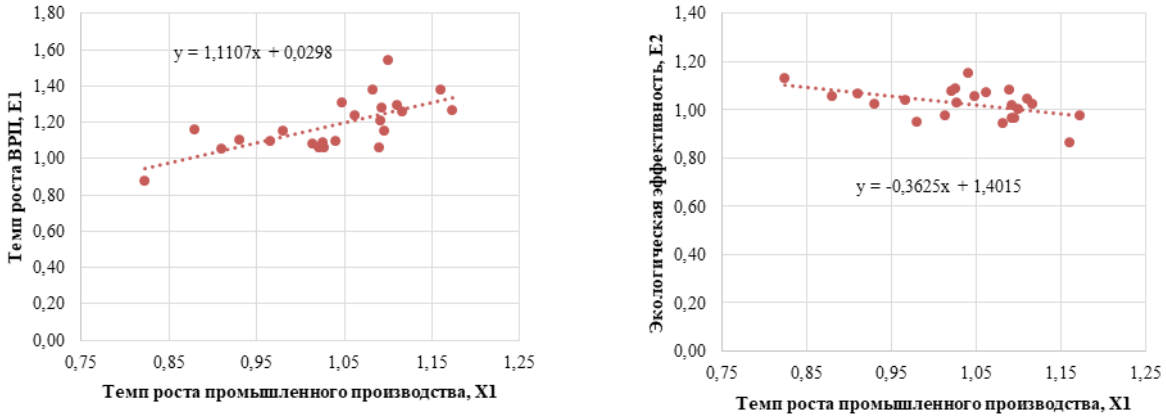

Рис. 11. Свердловская область: графическое моделирование функций E_1 и E_2

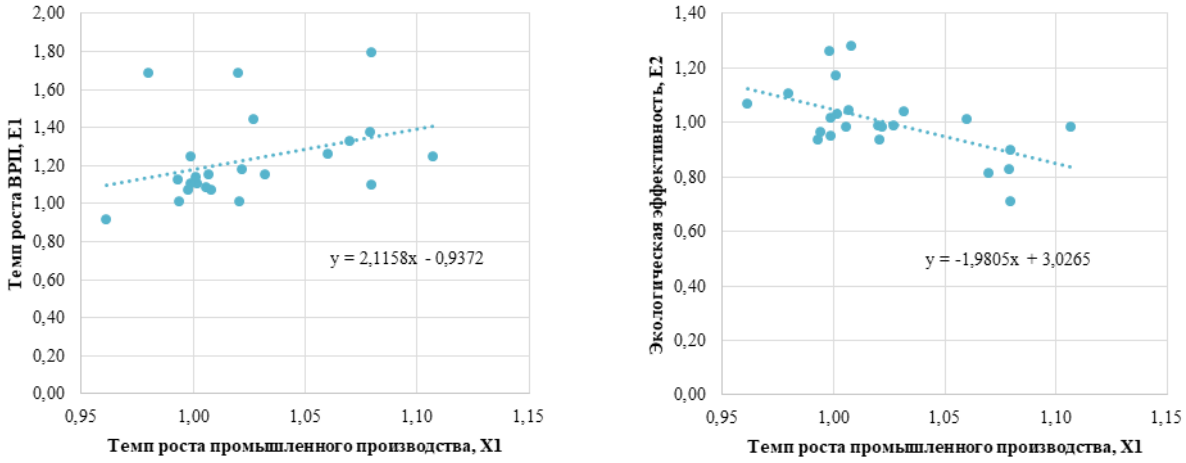

Рис. 12. Тюменская область: графическое моделирование функций E_1 и E_2

Примечание: рис. 10—12 составлены автором.

сокращение промышленного производства в целях достижения экологического баланса. С этой целью Тюменская область должна снижать объемы промышленного производства на 3,24 %, Челябинская — на 5,31 %, Свердловская — на 6,89 %. Но при этом важно отметить, что падение объемов промышленного производства не приведет к падению валового регионального продукта. Если подставить найденные значения X_{opt} в уравнения E_1 и E_2, то мы найдем темпы экономического роста в условиях сохранения баланса. И эти темпы выше единицы. Эти значения приведены в табл. 3.

А теперь вернемся к заголовку статьи — «…в условиях новой экологической реальности». Подведем итог, что это такое. Примем, что новая экологическая реальность — это та институциональная среда, которая сформировала и обострила противоречия экономического роста и экологической эффективности. «Новая экологическая реальность» — термин, который логически соотносится с концепцией устойчивого развития. В основе последней лежат два ключевых аспекта: во-первых, развитие должно быть таким, чтобы принимать во внимание благосостояние будущих поколений; во-вторых, любое экономическое развитие должно предполагать некую сбалансированность с социальной и экологической стороной вопроса [4]. Примем, что новая экологическая реальность предполагает ориентир на системный подход развития регионов, который, в свою очередь, должен быть нацелен на вектор экономики новой реальности и устойчивого развития в комплексе [15].

Сбалансированность развития регионов Урала, по мнению автора, должна состоять в том, чтобы, с одной стороны, с осторожностью ориентироваться на рост ВРП (что соотносится с идеями С. Н. Бобылева о «ловушках ВВП» [5; 6] — здесь проведем некую аналогию ВВП с ВРП) — и не делать однозначных выводов об уровне развития региона лишь по ориентиру на прирост ВРП, пусть даже реального ВРП. С другой стороны, мы не должны забывать, что промышленность — это все же двигатель экономического роста для большинства регионов Урала (как минимум для трех из четырех). А значит, давать волю «зеленым» в контексте жесткого сокращения промышленного производства никак нельзя. Нужно менять технологический фундамент промышленного бизнеса, постепенно переходить на новое качество промышленного производства. Но ни в коем разе не отказываться от роста промышленности — ведь она укоренена в регионах Урала так сильно, что стала основой этого роста, а значит, это нужно принять во внимание.

Таблица 3

Темпы экономического роста и темпы роста загрязнений, соответствующие найденным оптимальным значениям темпов роста промышленного производства, %

Область	Значение оптимального темпа роста iopt промышленного производства	Темп роста ВРП (E1) при найденном iopt	Темп роста выбросов загрязняющих веществ (1/E2) при найденном iopt
Свердловская	93,11	106,40	93,99
Тюменская	96,76	111,01	90,08
Челябинская	94,69	108,04	92,25

Источник: составлено авторам по данным Росстата.

Список литературы

1. Антропов В. А., Бочко В. С., Книсс М. Ю. Развитие «зеленой» экономики России // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2018. № 3 (39). С. 68—83.

2. Бархатов В. И., Бенц Д. С. Промышленные рынки Уральского региона: экономический рост в условиях «новой нормальности» // Управленец. 2019. Т. 10, № 3. С. 83—93.

3. Бенц Д. С. Уральский федеральный округ: неравномерность, экономический рост и экологическая эффективность // Социум и власть. 2019. № 6 (80). С. 57—71.

4. Бобылев С. Н. Устойчивое развитие: новое видение будущего? // Вопросы политической экономии. 2020. № 1. С. 67—83.

5. Бобылев С. Н. Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития // Экономическое возрождение России. 2019. № 3 (61). С. 23—29.

6. Бобылев С. Н., Кудрявцева О. В., Соловьева С. В., Ситкина К. С. Индикаторы экологически устойчивого развития: региональное измерение // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2018. № 2. С. 21—33.

7. Бочко В. С. Зеленая экономика: осознание феномена с учетом проблем регионального уровня // Материалы IV Всероссийского симпозиума по региональной экономике / отв. ред. Ю. Г. Лаврикова. 2017. С. 13—17.

8. Бочко В. С. От экологии к зеленой экономике: необходимость перехода и пути движения // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докл. XII Междунар. конф. Екатеринбург, 2018. С. 495—502.

9. Ермоленко А. А., Наумов С. В. Новая реальность: преодоление разрыва между экономической теорией и практикой // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 6. С. 109—123.

10. Медведев Д. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10. С. 5—29.

11. Никоноров С. М., Соловьева С. В., Ситкина К. С., Нюдлеев Д. Д. Перспективы устойчивого развития регионов Нижнего Поволжья // Экономика устойчивого развития. 2019. № 4 (40). С. 176—181.

12. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Устойчивое развитие как идеологический императив современного мира // Управление устойчивым развитием. 2020. № 4 (29). С. 62—68.

13. Фирсова Н. В. Влияние экологии на инвестиционную привлекательность Иркутской области // Бизнес-образование в экономике знаний. 2020. № 1 (15). С. 68—70.

14. Чиканова Е. С. Развитие научных представлений о новой экономической реальности // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 27 (1). С. 237—242.

15. Шеховцева Л. С. Эволюция комплексных подходов: становление парадигмы системного развития региона // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 2. С. 805—818.

Сведения об авторе

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 115—125.

INDUSTRIAL GROWTH OF THE URALS REGIONS IN THE NEW ECOLOGICAL REALITY

D. S. Benz
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

The article shows the contradiction between the growth of the industrial region and the growth of the eco-efficiency. The author defined the term “new eco-reality”. The author attempted to quantify the optimal value of industrial production for the most industrial regions of the Urals: Sverdlovsk, Chelyabinsk, Tyumen regions. All the values indicate that further economic growth of the regions is possible even in the conditions of the decrease in industrial production. However, in the conditions of not high decrease. Such a reduction, all other things being equal, is necessary to maintain a balance with the environmental component. Meanwhile, the author does not call for a reduction in the growth rate of industrial production, but only calls for a gradual transition to a new level of industrial technology — in order to gradually come to a balance within the framework of the concept of sustainable development.

Keywords: *industrial region, industrial production growth, environmental efficiency, Urals regions, sustainable development, new eco-reality, regression analysis, optimal.*

References

1. Antropov V. A., Bochko V. S., Kniss M. Yu. (2018) *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya*, no. 3 (39), pp. 68—83 [in Russ.].
2. Barkhatov V. I., Benz D. S. (2019) *Upravlenets*, no. 3 (10), pp. 83—93 [in Russ.].
3. Benz D. S. (2019) *Socium i vlast'*, no. 6 (80), pp. 57—71 [in Russ.].
4. Bobylev S. N. (2020) *Problems in political economy*, no. 1, pp. 67—83 [in Russ.].
5. Bobylev S. N. (2019) *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, no. 3 (61), pp. 23—29 [in Russ.].
6. Bobylev S. N., Kudrjavceva O. V., Solovyeva S. V, Sitkina K. S. (2018) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, no. 2, pp. 21—33 [in Russ.].
7. Bochko V. S. (2017) *Materialy IV Vserossijskogo simpoziuma po regional'noj ekonomike*. Pp. 13—17 [in Russ.].
8. Bochko V. S. (2018) *Rossijskie regiony v fokuse peremen. Sbornik dokladov XII Mezhdunarodnoj konferentsii*. Pp. 495—502 [in Russ.].
9. Ermolenko A. A., Naumov S. V. (2020) *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*, vol. 10, no. 6, pp. 109—123 [in Russ.].
10. Medvedev D. (2015) *Voprosy ekonomiki*, no. 10, pp. 5—29 [in Russ.].
11. Nikonorov S. M., Solov'eva S. V., Sitkina K. S., Nyudleev D. D. (2019) *Ekonomika ustojchivogo razvitiya*, no. 4 (40), pp. 176—181 [in Russ.].
12. Tuzikov A. R., Zinurova R. I. (2020) *Upravlenie ustojchivym razvitiem*, no. 4 (29), pp. 62—68 [in Russ.].
13. Firsova N. V. (2020) *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanij*, no. 1 (15), pp. 68—70 [in Russ.].
14. Chikanova E. S. (2020) *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*, no. 27 (1), pp. 237—242 [in Russ.].
15. Shekhovceva L. S. (2020) *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*, vol. 10, no. 2, pp. 805—818 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 126—134.

УДК 331.56
ББК 65.240.52

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10314

ВЛИЯНИЕ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ НА БЕЗРАБОТИЦУ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

З. У. Меджидов

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия

В условиях, когда распространяется пандемия коронавируса COVID-19, а также новая волна мирового экономического кризиса, одним из наиболее актуальных вопросов, стоящих перед государствами, является именно сдерживание роста безработицы. Для страны в целом безработица может являться фактором экономической дестабилизации общества при наличии значительной безработицы в стратегически важных отраслях. Данные обстоятельства придают актуальность настоящей статье, где рассмотрены понятие безработицы и ее виды, представлены статистические данные численности безработных в регионах Северо-Кавказского федерального округа, проанализирована степень влияния коронавирусной инфекции на безработицу населения, указано текущее состояние рынка труда на Северном Кавказе. Помимо прочего, рассмотрены меры, принятые государственной властью, а также представлены возможные исходы сложившейся ситуации.

Ключевые слова: *безработица, уровень занятости, пандемия, кризис, коронавирус, Северо-Кавказский федеральный округ.*

Вспышка инфекции COVID-19, вызванная новым типом коронавируса, была впервые зарегистрирована в декабре 2019 г. в Ухане. Однако уже 11 марта 2020 г. ВОЗ было объявлено, что ситуацию можно охарактеризовать как пандемию. Мир столкнулся с новой угрозой. Распространение заболевания повлияло на бизнес по всему миру, были нарушены цепочки поставок, заводы простаивают, карантинные меры, принимаемые по всему миру, ограничивают торговлю, растет безработица.

Пандемия коронавируса COVID-19 стала неожиданным и серьезным шоком для большинства мировых стран. Несмотря на то что изначально этот кризис спровоцирован медицинскими эпидемиологическими проблемами, его развитие имеет важный экономический аспект, так как вводимые для борьбы с вирусом меры несут крайне высокие экономические издержки. По всему миру затронуты бизнес, система поставок, производство, торговля. Внимание в этот период особенно следует уделить состоянию рынка труда. Исходя из этого цель настоящего исследования — проанализировать и определить взаимосвязь пандемии коронавирусной инфекции с увеличением численности безработных на примере Северо-Кавказского федерального округа — один из самых экономически неустойчивых округов России.

Вопросам изучения данной проблематики посвящены труды ряда ученых. Так, по мнению А. А. Строкова, «в рамках национальных интересов необходимо уделять внимание занятости населения в стране, иначе рост безработицы обернется глубоким системным кризисом, способным нанести значительный ущерб экономической безопасности страны» [14. С. 55]. И. В. Багаутдинова отмечает три вектора влияния пандемии на экономику и социум: «во-первых, грядет безработица в секторе услуг. То есть появится огромное количество безработных без уникальных навыков, включая менеджеров. Во-вторых, возникнет устойчивая привычка работать удаленно, а значит, появится постоянно самоизолированное общество. В-третьих, будет нормой удаленное образование» [8. С. 11]. Некоторые авторы считают, что к концу 2020 г. в России «ликвидируется около 20 % всего рынка. В частности... закрыться придется примерно одному миллиону средних и малых предприятий и организаций» [10. С. 6]. Другие авторы считают, что «основная категория, которая пострадает на рынке труда от пандемии, будет молодежь в возрасте 15—24 лет. Ожидается, что вызванный COVID-19 кризис создаст еще больше препятствий для данной категории граждан на рынке труда: для ищущих работу отсутствие вакансий, как ожидается, приведет к более длительному переходу от учебного заведения к работе» [11. С. 70].

Указанная тема имеет весьма актуальное значение не только в рамках конкретного государства (Россия), но и в мировом масштабе. Данной

проблематикой занимаются ученые Франции [3], Китая [4], США [1], Италии [2].

В соответствии с методологией Международной организации труда (МОТ) безработными признаются лица в возрасте, установленном для измерения экономической активности населения, которые в рассматриваемый период удовлетворяют одновременно следующим критериям[1]:

— не имеют работы (доходного занятия);

— занимались поиском работы в течение четырех недель, предшествовавших обследуемой неделе, используя при этом любые способы;

— были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели.

Отметим, что обучающиеся, пенсионеры и инвалиды учитываются в качестве безработных, если они не имели работы, занимались поиском работы и были готовы приступить к ней.

Согласно Закону РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 безработными признаются трудоспособные граждане, не имеющие работы и заработка, зарегистрированные в органах службы занятости для поиска работы, ищущие работу и готовые приступить к работе.

Уровень безработицы определяют процентным отношением количества безработных к общей численности экономически активного населения в данный период. В зависимости от причин возникновения выделяют некоторые виды безработицы: фрикционная, структурная, циклическая, сезонная:

а) Фрикционная — может возникнуть вследствие потери работы по различным причинам, будь то увольнение или добровольное желание сменить место работы в поисках более комфортного рабочего места и комфортных условий.

б) Структурная безработица обычно связана с технологическими изменениями в производстве, которые влияют на спрос рабочей силы. Данный вид безработицы может возникнуть, если технологии производства изменятся таким образом, что значительно уменьшится спрос на труд. Стоит отметить, что между структурной и фрикционной безработицей есть сходства [9].

в) Циклическая безработица характерна для периодов циклического экономического спада и недостатка спроса. Она возникает из-за спада реального ВНП и высвобождения части рабочей силы. Данный тип безработицы может возникнуть в том случае, если значительно понижается спрос на выпускаемую продукцию, что, в свою очередь, понижает платежеспособность организаций, которым становится затруднительно выплачивать заработную плату своим работникам.

г) По периодичности различают сезонную безработицу. Она обусловлена сезонными колебаниями в объеме производства определенных отраслей. Она возникает из-за изменения спроса на труд в зависимости от времени года [7]. Данный тип безработицы наиболее характерна для сельского хозяйства, строительства и иных подобных отраслей [15].

Пандемия COVID-19 спровоцировала именно структурную безработицу. Она образуется из-за несовпадения спроса на рабочую силу и предложения труда. Зависит такой вид безработицы от технологических изменений в производстве, порождающих изменения в спросе на рабочую силу, поэтому структурную безработицу нередко называют технологической. Отличается она своей продолжительностью.

Стоит отметить, что кризисы, включая эпидемии, могут стимулировать принятие новых технологий и бизнес-моделей. Так, вспышке атипичной пневмонии 2003 г. часто приписывается рост онлайн-покупок среди китайских потребителей, что ускорило развитие интернет-коммерции. Вполне возможно, что коронавирус также даст толчок к более активному внедрению цифровых технологий и сервисов.

Нельзя исключать политические последствия во всем мире, поскольку вирус подвергает испытанию способность различных политических систем эффективно защитить свое население в сложившихся исключительных обстоятельствах. На международном уровне кризис может быть истолкован как призыв к расширению сотрудничества или же запустит обратные процессы.

Пессимистичный сценарий включает в себя ухудшение состояния мировой экономики, повышение рисков рецессии, снижение сырьевых цен. В выигрыше может оказаться лишь небольшое число отраслей, а также защитные активы.

Так или иначе, финансовые рынки в настоящее время отражают большую неопределенность. Широкий спектр сценариев остается правдоподобным и должен быть изучен компаниями. На апрель 2020 г. наблюдается падение фондовых бирж, сокращение авиаперевозок, а также видны значительные экономические убытки.

Эксперты международного валютного фонда заявляют, что ситуация в мировой экономике на фоне пандемии хуже, чем во время кризиса

[1] Безработные в соответствии с определениями МОТ (https://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/IssWWW.exe/Stg/d04/vv5.htm; дата обращения 25.08.2020).

2008—2009 гг.[1] Бизнес терпит большие убытки, которые, очевидно, приведут к массовым увольнениям сотрудников.

Страдает не только малый и средний бизнес, но и достаточно крупные компании: происходит стремительное сокращение штата сотрудников, оставшихся практически без возможности найти работу на остановившемся рынке труда[2]. Также кризис негативно отразится на работниках сельского хозяйства, беженцах и трудовых мигрантах.

«Негативное влияние коронавируса, закрытие деятельности ряда предприятий и бизнеса могут приводить к некоторому росту безработицы», — отмечает председатель ЦБ РФ Э. С. Набиуллина[3].

В докладе ООН сообщается, что уже по итогам второго квартала 2020 г. работу потеряют до 195 млн чел[4]. Эксперты дают прогнозы: при стандартном сценарии уровень безработицы в России в 2020 г. составит 8 % (для сравнения, в 2019 г. он составил 4,6 %). При худшем варианте развития экономической ситуации уровень безработицы будет только расти, достигая к 2021 г. 9,8 %. Эксперты предполагают, что восстановительный рост начнется только к 2022 г., однако безработица в 2024 г. все еще будет заметно превышать докризисный уровень 2019 г. [6].

Стоит рассмотреть причины, по которым уровень безработицы будет только расти в ближайшее время. Сегодня спрос на многие виды услуг исчез практически полностью: ресторанные услуги, развлечения и спорт стали недоступны для людей. Предприниматели, оценивая свои возможности, вынуждены увольнять сотрудников. Около 30 % работников были отправлены в неоплачиваемые отпуска, но, если эпидемиологическая ситуация будет ухудшаться, их тоже может ждать увольнение в скором будущем [13]. Согласно социологическим опросам, в ближайшие полгода 27 % российских компаний снизят зарплаты своим работникам, а 37 % думают о постепенном сокращении штата сотрудников [13].

Из-за введенных мер всеобщей самоизоляции и социального дистанцирования большинство услуг просто невозможно предоставить и получить. Так, в сфере туризма бизнес будет терять деньги из-за закрытых границ и приостановленных авиасообщений. По этой же причине пострадает гостиничный бизнес.

Сфера развлечений, а также ресторанный бизнес и салоны красоты потеряют прибыль из-за введенных в некоторых регионах ограничений передвижения граждан, введения цифровых пропусков.

В современных условиях на мировой рынок труда также оказывают влияние такие факторы, как ужесточение торговых ограничений и протекционизма, неэффективная кадровая политика, неудовлетворенность условиями работы, а также условиями жизни во многих странах [4].

Рост безработицы в нашей стране идет стремительными темпами. Из-за введенного в конце марта 2020 г. режима самоизоляции многие компании вынуждены увольнять сотрудников, третья часть трудоспособного населения были отправлены в неоплачиваемые отпуска, что при длительном продолжении пандемии грозит увольнением. В частности, как уже сказано, невостребованными оказались услуги работников ресторанного бизнеса, индустрии спорта и развлечений. Даже после отмены карантина не все предприятия малого и среднего бизнеса смогут сразу возобновить работу. По прогнозам, в период кризиса, вызванного в России пандемией, число безработных может увеличиться с 2,5 млн человек до 8 млн человек. Перезапуск экономики, рост спроса и потребления, а значит, и понижение уровня безработицы начнутся не ранее 2021 г.[5]

По данным Росстата, в марте уровень безработицы в России составил 4,7 % (то есть 3,5 млн чел. официально не имели работы). В апреле соотношение числа безработных и занятых увеличилось до 5,8 % (или 4,3 млн чел.). В июне уровень безработицы в России составил уже 6,2 % (4,6 млн чел.).

Несмотря на то что Правительство РФ будет стремиться к недопущению резкого увеличения безработицы, уровень безработных в России по ито-

[1] Ректор ВШЭ предупредил о риске обеднения среднего класса в России // РБК. 2020 (https:// www.rbc.ru/society/27/04/2020/5ea736a29a7947c355361fcb; дата обращения 22.08.2020).

[2] Настроение на рынке труда в России накануне 1-го квартала 2020 // Служба исследований HeadHunter. 2020 (https://hhcdn.ru/fi le/16861695.pdf; дата обращения 05.09.2020).

[3] Выступление Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной на пресс-конференции 3 апреля 2020 года // Банк России. 2020 (http://www.cbr.ru/press/event/?id=6615#highlight=%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B8%D1%86%D1%8B; дата обращения 15.08.2020).

[4] A UN framework for the immediate socio-economic response to COVID-19 // Организация Объединенных Наций (2020) (https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/un_framework_report_on_covid-19.pdf; дата обращения 25.08.2020).

[5] Викторов Н. Кудрин предупредил о резком росте безработицы в России (https://utro.ru/economics/2020/04/13/1441964.shtml; дата обращения 12.09.2020).

гам 2020 г. может достигнуть 30 % (пессимистичный сценарий), а 15—20 % считается совершенно вероятным вариантом. Необходимо отметить, что на начало 2020 г. уровень безработицы в России составлял 4,6 %[1]. По прогнозам аналитиков, рынок труда России приобретет такие характеристики, как расширение сегмента «серых зарплат», т. е. увеличение занятых неофициально, рост числа самозанятых, увеличение числа безработных на биржах труда. По прогнозам Международного валютного фонда, показатель безработицы в России в 2020 г. составит 4,9 %, в 2021 г. — 4,8 % [12].

По итогам второго, «коронавирусного» квартала 2020 г. уровень безработицы в российских регионах по сравнению с таким же периодом прошлого года в среднем вырос на 30 %, следует из данных Росстата. При этом разброс увеличения внутри среднего значения весьма широк: если, к примеру, в Ингушетии количество безработных прирос ло на 15 %, то в Ставропольском крае — на четверть, а в Санкт-Петербурге — практически вдвое. Всего же за год людей без работы в стране стало примерно на 1 млн больше — теперь их 4,5 млн чел.

Во втором квартале 2020 г. уровень безработицы в РФ был равен 6 % общей численности рабочей силы, следует из данных Росстата. Этот показатель вырос на 1,4 процентного пункта как по сравнению с первыми тремя месяцами 2020 г., так и со вторым кварталом прошлого года. Как известно, именно в апреле — июне в России в полной мере действовали ограничительные меры из-за эпидемии коронавируса, которые привели к росту уровня безработицы с 4,7 % в марте до 6,2 % в июне. Впрочем, далее этот рост может остановиться, о чем свидетельствуют как опросы населения о темпах потери работы, так и данные компаний[2].

В среднем уровень безработицы по регионам за год вырос на 30 %. В частности, в Московской области этот показатель увеличился с 2,6 до 3,8 %, в Ленинградской — с 3,7 до 5,1, в Ростовской — с 4,5 до 5,2, в Ставропольском крае — с 4,4 до 6,1, в Пензенской области — с 4,3 до 5,8 %.

Высокие темпы прироста продемонстрировали: Москва — плюс 53 % (с 1,3 до 2 % численности рабочей силы) и Санкт-Петербург — сразу плюс 93 % (с 1,4 до 2,7 %). Несмотря на такой рост, уровень безработицы в двух этих городах остается минимальным по стране. Максимумы по-прежнему на Северном Кавказе, «антилидер» остался прежний — Ингушетия с уровнем безработицы 30,1 % против 26,1 % годом ранее. В абсолютном же выражении максимальное число безработных — в Дагестане, где в среднем за квартал их было 212 тыс., в Краснодарском крае — 181 тыс., в Москве — 145 тыс. чел[3].

Пока корреляция между изменением доли безработных в регионе и строгостью принятых в нем ограничительных мер не просматривается.

Наиболее строгим противоэпидемический режим был в Москве, где действовали ограничения на передвижение и было закрыто большинство предприятий и организаций. При этом уровень безработицы в столице вырос меньше, чем в Санкт-Петербурге, где ограничения были не столь строгими и соблюдались хуже, чем в Москве.

Отметим, что на фоне роста числа людей без работы, по методологии Международной организации труда, в России вырос и уровень регистрируемой безработицы — с апреля он увеличился в 3,5 раза, и сейчас в службах занятости зарегистрировано около 3 млн чел. Очевидная причина такого бурного роста — временное увеличение пособия по безработице с 1,5 тыс. до 4,5 тыс. руб. и введение правительством специального пособия в размере 12 тыс. руб. для граждан, потерявших работу после 1 марта 2020 г. Так что если раньше за пособием обращались в среднем не более четверти потерявших работу, то теперь зарегистрироваться могут до половины из 4,5 млн нынешних безработных.

Рассмотрим ситуацию на рынке труда на примере северокавказских регионов России (см. таблицу на с. 130).

Согласно официальным данным Росстата, в Республике Дагестан в I квартале 2020 г. число безработных составляло 184 тыс. чел., а по итогам полугодия выросло до 212 тыс. В то же время в учреждениях службы занятости на конец марта 2020 г. было зарегистрировано лишь 20,4 тыс. безработных, что в 9 раз меньше их общей численности и дает уровень официально зарегистрированной безработицы 1,5 %. Формально это вполне приемлемый уровень. Но в период коронавируса, за II квартал, число безработных выросло до 41 тыс., то есть удвоилось, хотя по России в целом их число выросло примерно с 700 тыс. до 2,4 млн, увеличившись

[1] Коронавирус и рынок труда (https://научные-публикации.рф/koronaeconomics/koronavirus-i-rynok-truda; дата обращения 07.09.2020).

[2] Издание «Ъ» (https://www.kommersant.ru; дата обращения 30.08.2020).

[3] МВФ прогнозирует падение ВВП России на 5,5 % в 2020 г. (https://www.kommersant.ru/doc/4321916; дата обращения 18.09.2020).

Численность безработных в возрасте 15—72 лет по регионам Северного Кавказа, тыс. чел.

Период / Регион	2016	2017	2018	2019	I кв. 2020	II кв. 2020	Динамика изменений (6/1), %
	1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	
Республика Дагестан	146,2	163,4	160,0	179,3	184,0	211,8	144,87
Республика Ингушетия	69,8	67,6	66,3	68,2	69,4	78,1	111,89
Кабардино-Балкарская Республика	44,5	45,3	47,0	47,7	50,0	72,3	162,47
Карачаево-Черкесская Республика	30,9	28,3	25,9	23,8	26,9	32,9	106,47
Республика Северная Осетия — Алания	31,9	39,4	36,5	37,5	35,5	47,3	148,28
Чеченская Республика	98,1	87,1	86,3	84,9	84,0	102,8	104,79
Ставропольский край	78,3	70,2	69,0	66,9	59,6	83,6	106,77

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики (http://www.rosstat.gov.ru; дата обращения 25.09.2020).

более чем втрое[1]. Такой разрыв между уровнями безработицы, фиксируемыми по методике МОТ и службами занятости, связан с тем, что значительная часть дагестанцев работают в теневом и сером секторах торговли и сферы услуг, а также выезжают на работу в другие регионы. Даже отток населения, когда сальдо миграции менялось в 2010-е гг. от 23 тыс. до 12 тыс. в год, лишь частично снимал напряженность на рынке труда Дагестана. Проблема в том, что число создаваемых рабочих мест отстает от темпов роста населения, а попытки ускоренно увеличивать их пока не удаются. При нехватке бюджетных средств необходимо обеспечить более благоприятные условия для частного предпринимательства и особенно в АПК, туризме и строительстве, в которых при меньших инвестициях можно создать больше рабочих мест.

Ранее Министерство труда и социального развития республики сообщило, что до конца текущего года 83 предприятия Дагестана заявили о предстоящих увольнениях более 2,7 тыс. сотрудников. Кроме того, по информации ведомства, риск лишиться работы существует еще примерно для 1,9 тыс. чел., большинство из которых трудятся на крупных промышленных предприятиях региона.

Эксперты считают, что отечественная статистика не относит к безработным потенциальную рабочую силу в трудоспособном возрасте по той причине, что лица этой категории якобы могут приступить к работе, но не ищут ее. По их данным, таких людей в Дагестане около 120 тыс. чел. С учетом официальных безработных в республике уже могло быть около 300—310 тыс. безработных. В зависимости от глубины и продолжительности кризиса без работы, по разным оценкам, окажутся еще около 90—100 тыс. чел., а с учетом дагестанцев, вернувшихся в период пандемии на малую родину из разных концов страны и зарубежья (по осторожным оценкам, около 20—30 тыс. чел.), общее количество новых безработных составит около 120 тыс. чел. Таким образом, общее количество безработных в республике к концу года может составить суммарно около 400—430 тыс. чел.

Здесь очевидно, что решение проблем такого масштаба — за пределами возможностей региональных властей и регионального бюджета: до кризиса уровень бедности в Дагестане был одним из самых высоких среди субъектов РФ и составлял около 15 % (свыше 450 тыс. чел. имели доходы ниже прожиточного минимума).

Высокая напряженность на рынке труда наблюдается и в других регионах Северного Кавказа. Так, Правительство Северной Осетии заявило о небывалом росте численности официально безработных во время пандемии коронавируса. Общее количество зарегистрированных в центре занятости населения уже превысило 40 тыс. чел. Уровень регист-

[1] Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан (http://dagstat.gks.ru; дата обращения 20.09.2020).

рируемой безработицы за полгода вырос более чем в 4 раза: с 1,6 до 6,9 %.

По сведениям властей Республики Северная Осетия, за время карантина большое количество безработных было поставлено на учет, а именно: 19 585 чел. в период с 1 марта по 27 июля. При этом в предыдущие годы численность обратившихся за год не превышала 18 тыс. чел. Чтобы снять напряженность на рынке труда, Правительство Северной Осетии внесло дополнения в госпрограмму «Содействие занятости населения РСО-Алания на 2014—2024 годы». Они предусматривают организацию общественных работ для безработных и временного трудоустройства сотрудников, находящихся под риском увольнения. В частности, это позволит до конца года получить временную работу, до трех месяцев, 471 жителю республики: 311 чел. предполагается привлечь к общественным работам, 160 — ко временным. Работодателям возместят расходы на сумму 16 195 руб. на каждого участника программы.

В Кабардино-Балкарии с начала года в центры занятости обратились 61 тыс. чел. Более 90 % из них получили статус безработного с правом получения пособия.

Чечня и Ингушетия, по данным Росстата, входят в тройку российских регионов с самым большим количеством безработных граждан. В то же время эти две республики вошли в топ-10 по росту числа рабочих мест[1].

В частности, безработица в Чечне во время пандемии выросла до 25 %, также снизились показатели объема платных услуг и оборот розничной торговли.

В то же время Правительство Чеченской Республики отмечает, что в некоторых отраслях в регионе наблюдается положительная динамика. Так, за семь месяцев с начала 2020 г. объем отгруженных товаров составил 66 млрд руб., что на 21,5 % больше аналогичного периода 2019 г. Также увеличились поступления по налоговым и неналоговым доходам бюджета за восемь месяцев 2020 г. и составили 11,4 млрд руб. при плане в 11,2 млрд.

Вырос также объем продукции сельского хозяйства, строительных работ и промышленного производства. В текущем году также запланировано построить и реконструировать 222 объекта на общую сумму 10,1 млрд руб. По 151 объекту техническая готовность составляет 100 %.

Относительно других северокавказских регионов лучше ситуация в Ставропольском крае. По сведениям региональных властей, до пандемии в Ставропольском крае на учете стояло около 67 тыс. безработных, за первое полугодие показатель вырос до 83 тыс.

В целом, по мнению аналитиков, в нашей стране в июне на одну свободную вакансию приходилось почти двое официально безработных (1,8), тогда как в марте это соотношение было противоположным: на одного безработного приходилось две вакансии. Хуже всего ситуация с предоставлением работы в Ингушетии, Чечне, Дагестане, Северной Осетии и Туве. Так, на одну вакансию претендуют (чел.): в Ингушетии — 543,1, в Чечне — 72,3, в Дагестане — 63,1. Больше всего вакансий на одного безработного — на Сахалине, в Еврейской автономной области, на Камчатке, в Мурманской области и Приморье.

На данный момент властями России были приняты некоторые решения для поддержания бизнеса, а следовательно, для сокращения уровня безработицы в стране. Правительство объявило, что для борьбы с последствиями был сформирован антикризисный фонд в размере 300 млрд руб. [5]. В число антикризисных мер вошло также предоставление льготных кредитов субъектам малого и среднего бизнеса. Правительство распорядилось о введении налоговых каникул для всей туристической отрасли и авиакомпаний.

По нашему мнению, наиболее пострадают региональные центры, а также города, близко расположенные к Москве и густонаселенные южные регионы. У Сибири и Дальнего Востока больше возможностей для подготовки к борьбе с эпидемией. Если в разных регионах она будет выходить на пик не одновременно, власти смогут использовать эти данные при планировании распределения ресурсов здравоохранения и минимизировать смертность, а также экономические потери.

Подытоживая, следует подчеркнуть, что в субъектах РФ и, в частности, в северокавказских регионах должна быть антикризисная программа с мерами выхода из кризиса и кардинального решения основных проблем, в том числе занятости населения, через социально-экономический рост и развитие. Наличие такой программы, по нашему мнению, значительно облегчило бы принятие решений в нынешних условиях, когда они принимаются в цейтноте, под давлением сиюминутных обстоятельств, без системы и без ясности в вопросах посткризисного восстановления.

В заключение следует отметить, что во многих странах институты рынка труда имеют встроенную

[1] Интерфакс (https://www.interfax-russia.ru; дата обращения 16.09.2020).

систему поддержки людей, полностью или частично потерявших работу на короткий период. Это позволяет странам сегодня использовать эти механизмы в максимальной степени, чтобы дать и бизнесу возможность пережить краткосрочное падение спроса и поддержать безработных.

В российской системе трудовых отношений такого механизма нет, создать его полноценно с нуля в короткие сроки не представляется возможным, но в текущих чрезвычайных условиях можно и нужно вводить его основные элементы. Власти Российской Федерации осознают всю болезненность ситуации для граждан, поэтому вводят дополнительные меры поддержки безработных. Ключевая мера — повышение максимального размера пособия по безработице до уровня МРОТ: с 8000 до 12 130 руб. Тем не менее большинство мер, принимаемых государством, носят временный характер и будут действовать до конца 2020 г.[1] [5]. Также практика показывает, что в России более привычна следующая стратегия борьбы с кризисом: оказание помощи не населению напрямую, а крупным компаниям, в первую очередь государственным.

Вторая возможная действенная мера по борьбе с безработицей — это помощь малому и среднему бизнесу. На данный момент властями России приняты некоторые решения для поддержания бизнеса, а следовательно, для сокращения уровня безработицы в стране. Правительство объявило, что для борьбы с последствиями сформирован антикризисный фонд в размере 300 млрд руб.[2] [Там же]. В число антикризисных мер вошло также предоставление льготных кредитов субъектам малого и среднего бизнеса. Правительство распорядилось о введении налоговых каникул для всей туристической отрасли и авиакомпаний.

В субъектах РФ и, в частности, в северокавказских регионах должна быть антикризисная программа с мерами выхода из кризиса и кардинального решения основных проблем, в том числе занятости населения, через социально-экономический рост и развитие. Наличие такой программы, по нашему мнению, значительно облегчило бы принятие решений в нынешних условиях, когда они принимаются в цейтноте, под давлением сиюминутных обстоятельств, без системы и без ясности в вопросах посткризисного восстановления.

Все эти меры, если их принимать своевременно, разумеется, окажут влияние на сложившуюся ситуацию в нашей стране. Ведь чем быстрее закончится карантин, тем быстрее появятся рабочие места, откроются предприятия малого бизнеса, возникнут спрос и предложения. Конечно, безработица сразу не пропадет и многим людям будет тяжело. Но каждая пандемия когда-то заканчивается, COVID-19 тоже не будет исключением. Закончится и он.

[1] Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2020 г. № 485 «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2020 г. № 346 и приостановлении действия отдельных положений Временных правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и в качестве безработных, а также осуществления социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными» // Правительство Российской Федерации. 2020 (http://static.government.ru/media/files/XxrABQivsKa7BrDx6czFiE7nSoAYHATm.pdf; дата обращения 25.04.2020).

[2] Там же.

Список литературы

1. Desjardins M. R., Hohl A., Delmelle E. M. Rapid surveillance of COVID-19 in the United States using a prospective space-time scan statistic: detecting and evaluating emerging clusters // Appl. Geogr. 2020. Vol. 118. P. 102—109.

2. Di Lorenzo G., Di Trolio R. Coronavirus disease (COVID-19) in Italy: analysis of risk factors and proposed remedial measures // Front. Med. 2020. Vol. 7. P. 140—160.

3. Goutte S., Péran T., Porcher T. The role of economic structural factors in determining pandemic mortality rates: evidence from the covid-19 outbreak in France // Research in International Business and Finance. 2020. Vol. 54. P. 101—128.

4. Yue X. G., Shao X. F. Risk prediction and assessment: duration, infections, and death toll of the COVID-19 and its impact on China's economy // J. Risk Financ. Manag. 2020. Vol. 13 (4). P. 66—77.

5. Абдулманапов С. Г., Меджидов З. У. Анализ функционирования территорий с особым экономическим статусом в дотационном регионе (на материалах Республики Дагестан) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 5. С. 87—96.

6. Абдулманапов С. Г., Меджидов З. У. Перспективы социально-экономического развития населенных пунктов с особым статусом // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3 (425). С. 12—19.

7. Алекина Е. В. Модель формирования затрат на улучшение условий труда // Russian economic bulletin. 2019. Т. 2, № 6. С. 62—66.

8. Багаутдинова И. В. Влияние эпидемии коронавируса на общую трансформацию мировой экономики: анализ и прогноз // Актуальные вопросы экономической теории: развитие и применение в практике российских преобразований: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. В. Дегтяревой. 2020. С. 8—12.

9. Батырева М. В., Селезнева Т. А. Удовлетворенность населения условиями жизни в городе как фактор формирования его образа // Russian economic bulletin. 2019. Т. 2, № 6. С. 290—296.

10. Беляков С. А., Степина И. О., Эйрих В. Е. Влияние пандемии COVID-19 на рынок труда: социально-экономические изменения, цифровизация // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 5 (46). С. 4—8.

11. Мартиросян О. А. Молодежная занятость и безработица в условиях пандемии COVID-19. Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3 (48). С. 69—74.

12. Некрасова С. В. Проблема роста безработицы в мире в условиях пандемии COVID-19 // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 4-1. С. 406—412.

13. Огаркова А. А., Мищенко Е. А. Безработица: причины, виды безработицы и ее последствия // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 50-5. с. 31—33.

14. Строков А. А. Проблемы экономической безопасности России в условиях роста безработицы, вызванной пандемией COVID-19. На страже экономики. 2020. № 3 (14). С. 52—58.

15. Штриков А. Б., Миназова Д. Ф. Сравнение динамики показателей безработицы в США и России в связи с эпидемией коронавируса // Стратегическое развитие социально-экономических систем в регионе: инновационный подход: материалы VI Междунар. науч.-практ. конфер.: сб. ст. и тез. докл. Владимир, 2020. С. 559—563.

Сведения об авторе

Меджидов Заур Уруджалиевич — кандидат экономических наук, доцент кафедр экономики, «Информационные технологии и информационная безопасность» Дагестанского государственного университета народного хозяйства, Махачкала, Россия. zaur-medzhidov@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 126—134.

INFLUENCE OF NEW CORONAVIRUS INFECTION ON THE UNEMPLOYED IN THE NORTH CAUCASIAN FEDERAL DISTRICT

Z. U. Medzhidov

Dagestan State University of the National Economy, Makhachkala, Russia. zaur-medzhidov@mail.ru

With the COVID-19 coronavirus pandemic spreading, as well as a new wave of the global economic crisis, one of the most pressing issues facing states is precisely to curb the rise in unemployment. In this connection, for the country as a whole, unemployment can be a factor of economic destabilization of society in the presence of significant unemployment in strategically important sectors. These circumstances give the relevance of this article, where the concept of unemployment and its types are considered, statistical data on the number of unemployed in the regions of the North Caucasus Federal District are presented, the degree of influence of coronavirus infection on the unemployment of the population is analyzed, the current state of the labor market in the North Caucasus is indicated. Among other things, the measures taken by the state authorities are considered, and the possible outcomes of the current situation are presented.

Keywords: *unemployment, employment rate, pandemic, crisis, coronavirus, North Caucasian Federal District.*

References

1. Desjardins M. R., Hohl A., Delmelle E. M. (2020) *Appl. Geogr*, vol. 118, pp. 102—109.

2. Di Lorenzo G., Di Trolio R. (2020) *Front. Med*, vol. 7, pp. 140—160.

3. Goutte S., Péran T., Porcher T. (2020) *Research in International Business and Finance*, vol. 54, pp. 101—128.

4. Yue X. G., Shao X. F. (2020). J. Risk Financ. Manag, vol. 13 (4), pp. 66—77.

5. Abdulmanapov S. G., Medzhidov Z. U. (2019) *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk*, no. 5, pp. 87—96 [in Russ.].

6. Abdulmanapov S. G., Medzhidov Z. U. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (425), pp. 12—19 [in Russ.].

7. Alekina E. V. (2019) *Russian economic bulletin*, vol. 2, no. 6, pp. 62—66 [in Russ.].

8. Bagautdinova I. V. (2020) *Aktual'nye voprosy ekonomicheskoj teorii: razvitie i primenenie v praktike rossijskih preobrazovanij. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Pp. 8—12 [in Russ.].

9. Batyreva M. V., Selezneva T. A. (2019) *Russian economic bulletin*, vol. 2, no. 6, pp. 290—296 [in Russ.].

10. Belyakov S. A., Stepina I. O., Ejrih V. E. (2020) *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik*, no. 5 (46), pp. 4—8 [in Russ.].

11. Martirosyan O. A. (2020) *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tekhnologij)*, no. 3 (48), pp. 69—74 [in Russ.].

12. Nekrasova S. V. (2020) *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, vol. 10, no. 4-1, pp. 406—412 [in Russ.].

13. Ogarkova A. A., Mishchenko E. A. (2019) *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 50-5, pp. 31—33 [in Russ.].

14. Strokov A. A. (2020) *Na strazhe ekonomiki*, no. 3 (14), pp. 52—58 [in Russ.].

15. Shtrikov A. B., Minazova D. F. (2020) *Strategicheskoe razvitie social'no-ekonomicheskih sistem v regione: innovacionnyj podhod. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: sbornik statej i tezisov dokladov*. Pp. 559—563 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 135—142.

УДК 331; 631.6
ББК 65.240; 65.451

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10315

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА МЕЛИОРАТИВНОЙ ОТРАСЛИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. А. Угрюмова, Л. Е. Паутова
ФГБНУ ВНИИ «Радуга», Радужный, Россия

Цель исследования — изучение особенностей развития современного профессионального образования в мелиорации как управленческого ресурса формирования кадрового потенциала отрасли. Проведен научно-практический и системно-логический анализ направлений профессионально-отраслевого образования специалистов мелиоративной отрасли. Выявлены элементы и особенности структуры профессионального образования взрослых по видам и формам обучения, в том числе дистанционной. Обозначены и систематизированы современные тенденции и факторы профессионально-отраслевого опыта развития кадрового потенциала мелиорации средствами дополнительного профессионального образования. Выявлены тренды непрерывного аграрного образования как управленческого ресурса и показателя научно-технического и технологического развития сельскохозяйственной отрасли. На основе результатов научно-практического исследования определены ведущие перспективные тренды непрерывного профессионального развития и образования кадров Департамента мелиорации. Обоснована специфика профессионального образования как управленческого ресурса формирования кадрового потенциала и кадровой политики Департамента мелиорации РФ.

Ключевые слова: *дополнительное профессиональное образование (ДПО), кадры мелиорации, тренды аграрного образования.*

Национальной особенностью стратегических и концептуальных основ формирования профессиональной системы образования и направлений взаимодействия ее основных субъектов на разных уровнях государственного управления является приятие федеральных нормативно-правовых актов:

— Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 гг. (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717) [1].

— Доклад рабочей группы Президиума Государственного совета Российской Федерации по вопросам реформы образования. Пресс-служба Президента России 29 августа 2001 г. [2].

— Дополнительное профессиональное образование России — итоги реформ [3].

— Концепция реализации национальных целей в сфере науки и высшего образования РФ до 2030 г. [4].

— Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. [5].

— Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 г. [6].

— Стратегия развития аграрного образования в Российской Федерации до 2030 г. [7].

В соответствии с этими регламентами развитие непрерывного образования взрослых в Российской Федерации заявлено как заказ со стороны государства и общества, что подтверждает актуальность данной проблемы.

Однако, по данным члена Экспертного совета по дополнительному профессиональному образованию и корпоративному обучению, дополнительному образованию взрослых при Комитете ГД по образованию и науке Н. Н. Аниськиной, из 5835 организаций, реализующих ДПО в РФ, в настоящее время более 4000 относятся к частным образовательным организациям и некоммерческим организациям ДПО [8]. Такая статистика подтверждает выгодность для бизнеса деятельности в этой сфере. Одновременно такая ситуация требует формирования адекватного контроля со стороны государственных органов власти в целях недопущения коммерциализации ДПО с одновременной потерей качества обучения.

С целью решения данной проблемы на современном этапе развития страны реализуются Концепция развития непрерывного образования взрослых до 2025 г. [6] и Стратегия развития аграрного образования в Российской Федерации до 2030 г. [7], от-

ражающая приоритеты государственной политики в этой сфере. Непрерывное образование взрослых является одним из ключевых компонентов обеспечения устойчивого и эффективного развития человеческого капитала и социально-экономического развития РФ в целом.

Тенденции развития современного профессионального образования РФ ориентированы не только на разнообразный и богатый отечественный опыт, но и на изменения, которые происходят в профессиональном образовании за рубежом.

Современное профессиональное образование в России, сохраняя национальный опыт и методологический потенциал, активнейшим образом впитывает все новое и актуальное, что предлагают зарубежная методология и практика. Так, актуальными на сегодняшний день являются такие базовые подходы к теории образования взрослых, как: связь обучения с производительной деятельностью учащихся; ориентация на наиболее важные цели обучения; использование в обучении жизненного опыта обучающихся; наглядность обучения; индивидуализацию, развивающий и непрерывный характер обучения взрослых, ориентированный на «обучение через всю жизнь».

В настоящее время отечественное профессиональное образование нацелено на изучение и внедрение принципиально новых подходов и приемов [11], характерных для западной профессиональной школы.

В рамках реализации стратегии развития «Европа 2020» страны Евросоюза разработали и реализуют рабочую программу, направленную на развитие профессиональной подготовки, как основного инструмента, обеспечивающего развитие человеческого капитала, экономический рост и обеспечение занятости трудоспособного населения [16].

Глобальные тенденции развития европейского профессионального образования основаны на реализации ряда принципов формирования национальных систем образования (НСО), которые в совокупности отражают ведущие тенденции данного процесса и наглядно представлены на рисунке ниже.

Раскроем содержание данных принципов:

— совместимость — приспособляемость национальных профессиональных систем образования к рамке квалификаций европейского пространства, ориентация их на комплементарность в целях повышения их качества и расширения зоны использования;

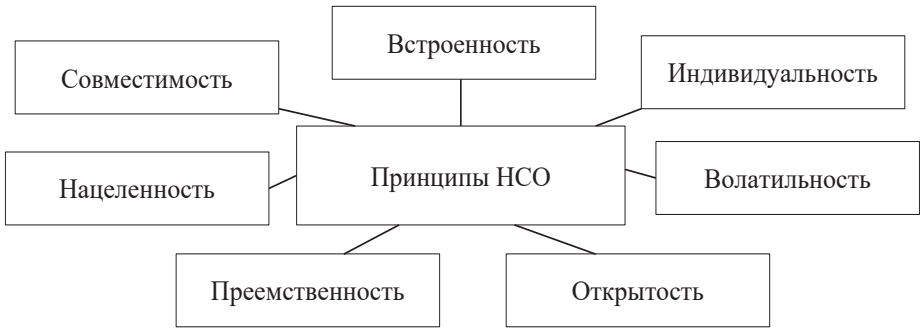
— встроенность, или включенность, в ECVET (европейскую систему зачетных единиц для профессионального образования и обучения»), под которой понимается набор принципов и инструментов, обеспечивающих признание результатов обучения, полученных при определенных условиях, для присвоения профессиональных квалификаций;

— индивидуальность — в большинстве стран признана необходимость разработки и реализации собственных профессиональных стандартов, при этом построение национальных рамок квалификаций (НРК) в каждой стране обусловлено собственными задачами, национальными особенностями развития и традициями;

— нацеленность — ориентированность профессионального образования на перспективу и на международные тенденции, в частности на постулат «опережающего характера» для профессионального образования;

— волатильность (вариативность) — создание гибкой системы дополнительного профессионального образования, охватывающей работодателей, учебные заведения среднего и высшего профессионального образования и ориентированной на новейшие тренды рынка труда и запросы работодателей;

— преемственность — характеризует взаимосвязанность всех уровней профессионального образования: начального профессионального

Принципы европейского профессионального образования

Примечание: составлено авторами.

образования (НПО), продолженного профессионального образования и обучения (ППОО) (среднее и высшее, послевузовское дополнительное профессиональное образование (ПДПО));

— открытость — создание единой информационной среды, объединяющей страны в рамках единой мировой системы, с гарантированным доступом к современным информационным системам, международными базами данных в области образования, промышленности и науки.

Вышеперечисленные принципы характеризуют основные и базовые тренды европейского профессионального образования как наиболее близкого для РФ профессионального образовательного пространства.

Тем не менее ведущим трендом в решении социально-экономических проблем ЕС является увеличение профессиональной мобильности специалистов разных стран и работа по усилению интеграции рынка труда соседних стран.

Стратегической задачей европейского рынка труда, а следовательно, и профессионального образования остается повышение географической мобильности.

В настоящее время только 1,5 % населения из 15 стран ЕС заняты в другой стране. Всего 0,2—0,3 % общего числа работников 15 стран ЕС работают за рубежом [14]. В качестве базовых причин столь низкого трудового взаимодействия выступают многочисленные правовые, административные, языковые, социально-экономические и другие различия.

Еще одной весомой причиной несовершенной трансграничной мобильности специалистов является недостаточное взаимное признание профессиональных квалификаций и ученых степеней за рубежом, а также различие систем профессионального образования. Для того чтобы ликвидировать это препятствие, система профессионального образования должна позволить людям приобретать новые квалификации, перемещаясь от одной среды обучения к другой. Это становится особенно важно, когда речь идет о трансляционной мобильности в сфере обмена знаниями. Другой аргумент в пользу усиления трансляционной мобильности — это потенциальная возможность повышения качества профессионального образования и обучения на основе трансграничного опыта.

Несмотря на многообразие приведенных европейских тенденций развития дополнительного профессионального образования, еще более разнообразны формы и виды дополнительного профессионального обучения в мировой практике.

Дополнительное профессиональное образование оценивается международными исследователями и экспертами как основное направление образования (mainstream education), а вовсе не как необязательное, или факультативное дополнение (optional extra). Дополнительное образование, согласно Т. М. Трегубовой, А. Р. Масалимовой, направлено на обеспечение и сопровождение главных видов жизнедеятельности человека — личной, профессиональной, семейной и гражданской жизнедеятельности [15. С. 7—10].

В целях систематизации отраслевого опыта дополнительного профессионального образования за рубежом нами разработана таблица (см. на с. 138), позволяющая осветить характерные черты наиболее распространенных форм данного типа образования.

Среди всех перечисленных форм наибольшая востребованность в целом и конкретно в сельскохозяйственной отрасли наблюдается у двух последних, ориентированных на индивидуализацию учебного процесса: дистанционную форму и информационно-консультационное обучение.

Так, А. А. Меденцев, А. В. Черняйкин и А. И. Байкалова выделяют такие ярко выраженные достоинства дистанционной формы, как:

— целенаправленность,
— конкретность,
— конструктивность,
— совместимость,
— индивидуализированность [10].

Особенно широкое распространение в сельском хозяйстве за рубежом получили информационно-консультационные центры (ИКЦ), которые соединили в себе такие функции, как:

— обучение фермеров актуальным методам сельскохозяйственного производства и экономической практики;

— консультирование фермеров по конкретным вопросам планирования и организации сельскохозяйственной деятельности;

— реализация учета и анализа экономической информации;

— ведение курсов повышения квалификации, переподготовки и профессионального мастерства сельскохозяйственных работников:

— посредничество между фермерскими хозяйствами и научно-исследовательскими учреждениями;

— ведение бухгалтерской документации, оказание помощи в заполнении налоговых деклараций и оптимизации налоговых платежей;

— консультирование по финансовым вопросам деятельности сельскохозяйственных предприятий.

Классификация
зарубежных форм дополнительного профессионального образования

№	Формы ДПО	Характерные черты и цели	Методы реализации	Страны распространения
1	Обучение на базе опыта	— наблюдение за коллегами; — самообучение; — анализ ошибок коллег и самоанализ и др.	Обучение на рабочих местах	США, Канада
2	Кооперированное образование, сэндвич-курсы	Программы ориентированы на рыночный спрос и нацелены на формирование у слушателей общей подготовки в разнообразных областях знаний	Чередование учебы и работы	США, Великобритания, Канада
3	Возобновляющееся образование	Обучение проводится в виде специальных научно-практических семинаров. Быстро подстраивается к изменениям рынка труда. Основные цели: — стимулирование развития экономики и модернизации предприятий; — преодоление социального неравенства; — реабилитация безработных к трудовой деятельности	Получение образования осуществляется определенными порциями или дозами, которые чередуются или реализуются параллельно с трудовой деятельностью в течение всей жизни человека. Реализуется на рабочих местах как вечернее образование с отрывом от работы, как обучение на расстоянии	ФРГ, Англия, Швеция, Франция
4	Независимое образование	Цель: создание условий для расширения возможностей в получении образования	А. Ведемеер; «Учение, которое осуществляется в процессе деятельности обучающегося, окружающая среда которого отличается от традиционной учебной среды» [Цит. по: 9. С. 19—21]	США, Канада
5	Дистанционное образование	Цель: максимально подстроить учебный процесс под возможности учащихся	Индивидуализация обучения с резко выраженной ролью и значимостью для учебного процесса личности преподавателя	Широкое распространение по различным странам
6	Информационно-консультационное обучение	Информационно-консультационные центры создаются на базе аграрных колледжей, профессиональных сельскохозяйственных школ и университетов	Консультирование и обучение с учетом индивидуальных запросов сельхозпроизводителей	США, Германия, Дания, Голландия, Англия, Франция и др.

Примечание: составлено авторами.

Тренды непрерывного аграрного образования сформировались как результат возросшей динамики научно-технического и технологического развития сельскохозяйственной отрасли. Причиной такого ускорения стали: возросший объем сельскохозяйственных знаний, возникновения и развития новых научных течений в отрасли, структурных и социально-экономических изменений и др.

Как результат быстрого устаревания профессиональных компетенций была сформирована необходимость постоянного обучения и переобучения сельскохозяйственных кадров.

IT-технологии и Интернет формируют новые требования к работникам. Так, по прогнозам Ю. Г. Одегова, В. В. Павлова, за счет внедрения данных технологий занятость в мире каждый год будет расти в основном благодаря важнейшим направлениям:

— большие данные — 2,95 %;

— мобильный интернет и облачные технологии — 2,47 %;

— Интернет вещей — 2,27%;

— автоматизация производства — 0,36% [12].

По оценкам компании McKinsey, к 2030 г. количество рабочих мест в АПК в развитых странах только за счет автоматизации сократится на 15—35%. Роботизация изменит агросферу и само содержание сельскохозяйственного труда [13].

В этих условиях ведущее место начинает занимать появление компетенций работников, позволяющих им успешно интегрировать профессии и специальности. Необходимость наличия «поливалентных компетенций» приводит к объективной тенденции: снижает закрепление за работником обособленных функций и способствует совмещению таких функций, как: ремонт и его профилактика, наблюдение за оборудованием и его программирование.

При этом наиболее выраженными тенденциями, определяющими компетенции занятых работников в зарубежном сельском хозяйстве, можно считать:

— развитие биотехнологии, в частности применение микробиома и биопестицидов, ориентированное на применении генетически модифицированных сортов растений, повышение урожайности выращиваемых сельскохозяйственных культур, ускоренное их созревание и устойчивость к заболеваниям и погодным условиям;

— применение технологий, связанных с искусственным интеллектом, способных поднять производительность труда и интенсифицировать результаты сельскохозяйственной деятельности;

— использование в сельском хозяйстве блокчейн-технологий, которые могут обеспечить прозрачность и оперативность доступа к информации о логистике сельскохозяйственных продуктов;

— использование современных организационных технологий, в том числе формирование и развитие городских ферм, обеспечивающих возможность существенной экономии используемых ресурсов (в частности, затрат на транспортировку и хранение готовой продукции), а также решение проблемы с трудовыми ресурсами на высоко концентрированном предложении городских рынков труда;

— развитие робототехники в сельском хозяйстве ведет к расширению применения дронов, роботов или автоматизированных комплексов, что, в свою очередь, вызывает необходимость подготовки специалистов, обладающих навыками их эксплуатации, обслуживания и ремонта.

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

— основные тенденции зарубежного профессионального образования имеют четко выраженные характеристики и могут быть рассмотрены как международные тренды данного вида обучения;

— несмотря на то что на сегодняшний день в мировой практике применяется множество форм дополнительного профессионального образования, приоритетными являются формы, ориентированные на индивидуализацию учебного процесса;

— курс на оптимизацию трудовых затрат и создание мобильных возможностей для работников рождает потребность в формировании у занятых в сельскохозяйственной отрасли совмещенных компетенций.

Результаты теоретического и научно-практического анализа специфики ДПО как управленческого ресурса кадровой политики Департамента мелиорации РФ [17; 18] позволяют сделать следующие выводы:

— основные тенденции отечественного и зарубежного профессионального образования имеют общие направления развития, однако для отечественной системы профессионального образования характерными и актуальными являются четко выраженные тренды цифровизации и интеграции данного вида обучения;

— для эффективного достижения целей федеральных актов в сфере социально-экономического развития, АКП, профессионального образования целесообразно разработать и утвердить отраслевые программы развития профессионального аграрного образования на перспективу (5—10 лет);

— в системе ДПО учитывать закономерности научно-технологического развития АПК и производственно-технологических достижений в мелиоративной отрасли АПК;

— динамика научно-технического и технологического развития сельскохозяйственной отрасли вызывает необходимость к формированию и развитию таких отраслевых компетенций у работников отрасли, которые позволяли бы им сохранять конкурентоспособность и востребованность в условиях перманентно меняющегося рынка труда.

— интегрировать ДПО мелиоративного сектора АПК в многоуровневую систему профессионального образования средствами образовательных кластеров, включающих образовательные организации профессионального образования всех уровней и иных стейкхолдеров (наука, производство, рынок труда);

— создать государственные отраслевые институты ДПО как профессионально-образовательные

центры профессионального мастерства АПК и наукоемких сельскохозяйственной, перерабатывающей и других сфер.

— с целью реализации приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в сфере образования выявлена потребность в создании новой системы профессионально-образовательного взаимодействия;

— необходима разработка методической базы и нормативно-правовой основы по эффективному сопровождению (внедрению) на местах при реализации национального проекта «Образование».

Список литературы

1. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 гг. (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717).

2. Доклад рабочей группы президиума Государственного совета Российской Федерации по вопросам реформы образования 29 августа 2001 г. // Пресс-служба Президента России URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21905 (дата обращения 14.11.2020).

3. Дополнительное профессиональное образование России — итоги реформ // Бюллетень о сфере образования. 2017. № 14. URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/15831.pdf (дата обращения 05.06.2020).

4. Концепция реализации национальных целей в сфере науки и высшего образования РФ до 2030 г. URL: http://www.coal.sbras.ru/wp-content/uploads/2020/07/Концепция-НЦ-21.07.pdf. (дата обращения: 18.11.2020).

5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. (Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N1662-р (ред. от 28.09.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения 18.07.2020).

6. Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 г. URL: http://www.dpo-edu.ru/?page_id=13095 (дата обращения 12.11.2019).

7. Стратегия развития аграрного образования в Российской Федерации до 2030 г. // МСХ РФ (2017). URL: http://www.bsaa.edu.ru/sveden/files/Strategiya_AO.pdf (дата обращения 18.07.2020).

8. Аниськина Н. Н. ДПО — состояние и перспективы развития. URL: https://events.webinar.ru/event/6365281/6488221/fed6324f0f14657ae4d913e0b064a77c (дата обращения 25.11.2020).

9. Заочное обучение в зарубежных странах: концепции, практика, перспектива. Научно-аналитический обзор. М.: 1990. С. 19—21.

10. Меденцев А. А., Черняйкин А. В., Байкалова А. И. Многоуровневое дистанционное интерактивное обучение как структурный компонент системы непрерывного сельскохозяйственного образования // Профессиональное образование в современном мире. 2016. Т. 6, № 1. С. 66—74. DOI: https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10015.

11. Образовательные вызовы и драйверы кадров орошаемого земледелия РФ: монография / коллектив авт.; под ред. Г. В. Ольгаренко, А. А. Угрюмовой. М.: РУСАЙНС, 2020. 198 с.

12. Одегов Ю. Г., Павлова В. В. Новые технологии и их влияние на рынок труда // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2. (208). С. 60—70. DOI: https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10015.

13. Устьянцева Н. Проблемы рынка труда в сельском хозяйстве. URL: https://aggeek.net/ru-blog/problemy-rynka-truda-v-selskom-hozyajstve (дата обращения 24.06.2020).

14. Стратегия развития ДПО в условиях сокращения государственного регулирования: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Ярославль: Изд-во Академии Пастухова, 2012. 184 с.

15. Трегубова Т. М., Масалимова А. Р. Зарубежные модели дополнительного профессионального образования: теоретико-методологический анализ: науч.-метод. пособие. Казань: Данис, 2013. 66 с.

16. A new impetus for European cooperation in Vocational Education and Training to support the Europe 2020 strategy. COM (2010) 296 final, 9.6.2010. Brussels: European Commission, 2010. URL: http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:0296: FIN: EN: PDF (дата обращения 02.06.2020).

17. Olgarenko G. V., Ugryumova A. A., Zamakhovski M. P., Pautova L. E. The Personnel Potential of the Reclamation Industry as a Condition for its Effectiveness // International Journal of Management. 2020. No. 11 (7). P. 60—67.

18. Ugryumova A. A., Zamakhovski M. P., Pautova L. E., Olgarenko D. G. Formation of Human Resources Policy and Labor Potential of the Meliorative Industry of the Agricultural Industry of the Russian Federation // International Scientific Conference Geolinks. B. 1, vol. 2. P. 253—262.

Сведения об авторах

Угрюмова Александра Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБНУ ВНИИ «Радуга», Радужный, Россия. feminaa@mail.ru

Паутова Людмила Евгеньевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, руководитель УМЦ ДПО ФГБНУ ВНИИ «Радуга», Радужный, Россия. cosidanie35@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 135—142.

DEFINITION OF PROFESSIONAL EDUCATION DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN AGRICULTURAL LAND RECLAMATION IN FOREIGN TRENDS OF CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION

A. A. Ugryumova
FGBNU VNII Raduga, Raduzhny, Russia, feminaa@mail.ru

L. E. Pautova
FGBNU VNII Raduga, Raduzhny, Russia, cosidanie35@yandex.ru

The purpose of the article is to study structural and sectoral development features and national trends of the modern professional education in the reclamation industry. The authors carried out scientific-practical and system-logical analysis of directions of professional education for adult specialists of the reclamation industry. The elements and features of the adult education structure, including distance education, are identified by types and modes. Current trends and factors of the foreign continuing professional education industry experience are determined and classified. The trends of continuing agricultural education as indicators for scientific and technological development of the agricultural industry, are identified. The key promising trends in the development of the continuing education of the Reclamation Department personnel are identified based on the results of the scientific and practical research of the foreign sectoral experience in agricultural education. The authors substantiate specific features of continuing professional education as a managerial resource for the personnel policy of the Reclamation Department of the Russian Federation.

Keywords: *continuing professional education, reclamation personnel, agricultural education trends.*

References

1. Gosudarstvennaya programma razvitiya sel'skogo khozyaystva i regulirovaniya rynkov sel'skokhozyaystvennoy produktsii, syr'ya i prodovol'stviya na 2013—2020 gody (utv. postanovleniyem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 14 iyulya 2012 g. № 717) [State program for the development of agriculture and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food for 2013—2020 (by a resolution of the Government of the Russian Federation of July 14, 2012 No. 717)] [in Russ.].

2. Doklad rabochey gruppy prezidiuma Gosudarstvennogo soveta Rossiyskoy Federatsii po voprosam reformy obrazovaniya. [Report of the working group of the Presidium of the State Council of the Russian Federation on education reform]. Available at: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21905, accessed 14.11.2020 [in Russ.].

3. (2017) *Byulleten' o sfere obrazovaniya*, no. 14. Available at: http://ac.gov.ru/files/publication/a/15831.pdf, accessed 05.06.2020 [in Russ.].

4. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 g. (Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r (red. ot 10.02.2017) [The concept of implementing the national goals in the field of science and higher education of the Russian Federation until 2030. available at: http://www.coal.sbras.ru/wp-content/uploads/2020/07/Концепция-НЦ-21.07.pdf, accessed 18.11.2020 [in Russ.].

5. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya RF do 2020 g. (Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 N1662-r (red. ot 28.09.2018) [The concept of long-term socio-economic development

of the Russian Federation until 2020 (Order of the Government of the Russian Federation of 11/17/2008 N1662-r]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c-66928fa27e527/, accessed 18.07.2020) [in Russ.].

6. Kontseptsiya razvitiya nepreryvnogo obrazovaniya vzroslykh v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 g. [Concept for the development of continuing education for adults in the Russian Federation for the period up to 2025]. Available at: http://www.dpo-edu.ru/?page_id=13095, accessed 12.11.2019 [in Russ.].

7. (2017) Strategiya razvitiya agrarnogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii do 2030 g. [Strategy for the development of agricultural education in the Russian Federation up to 2030]. MSKh RF. Available at: http://www.bsaa.edu.ru/sveden/files/Strategiya_AO.pdf, accessed 18.07.2020 [in Russ.].

8. Anis'kina N.N. DPO — sostoyaniye i perspektivy razvitiya [Continuing professional education — current state and development prospects]. Available at: https://events.webinar.ru/event/6365281/6488221/fed6324f-0f14657ae4d913e0b064a77c, accessed 25.11.2020 [in Russ.].

9. (1990) Zaochnoye obucheniye v zarubezhnykh stranakh: kontseptsii, praktika, perspektiva. Nauchno-analiticheskiy obzor [Foreign distance education — concepts, practice, prospects. Scientific and analytical review]. Moscow [in Russ.].

10. Medentsev A. A., Chernyaykin A. V., Baykalova A. I. (2016) *Professional'noye obrazovaniye v sovremennom mire*, vol. 6, no. 1, pp. 66—74. DOI: https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10015 [in Russ.].

11. Ol'garenko G. V., Ugryumova A. A. (2020) Obrazovatel'nyye vyzovy i drayvery kadrov oroshayemogo zemledeliya RF [Educational challenges and drivers of the Russian irrigation agriculture personnel]. Moscow. 198 p. [in Russ.].

12. Odegov Yu. G., Pavlova V. V. (2018) *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population of Russian Regions], № 2. (208), pp. 60—70. DOI: https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10015. [in Russ.].

13. Ust'yantseva N. (2018) Problemy rynka truda v sel'skom khozyaystve [Problems of the agricultural labor market]. Available at: https://aggeek.net/ru-blog/problemy-rynka-truda-v-selskom-hozyajstve, accessed 24.06.2020 [in Russ.].

14. (2012) Strategiya razvitiya DPO v usloviyakh sokrashcheniya gosudarstvennogo regulirovaniya. Materialy X mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Strategy for the CPE Development in the Context of Reduced State Regulation. Materials of the X International Scientific and Practical Conference]. Yaroslavl. 184 p. [in Russ.].

15. Tregubova T. M., Masalimova A. R. (2013) Zarubezhnyye modeli dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya: teoretiko-metodologicheskiy analiz [Foreign models of continuing professional education — a theoretical and methodological analysis]. Kazan. 66 p. [in Russ.].

16. (2010) A new impetus for European cooperation in Vocational Education and Training to support the Europe 2020 strategy. COM (2010) 296 final, 9.6.2010. Brussels, European Commission. Available at: http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:0296: FIN: EN: PDF, accessed 02.06.2020.

17. Olgarenko G. V., Ugryumova A. A., Zamakhovski M. P., Pautova L. E. (2020) *International Journal of Management*, no. 11 (7). pp. 60—67. Available at: http://www.iaeme.com/IJM/issues.asp? JType=IJM&VType=11&IType=7, accessed 11.10.2020.

18. Ugryumova A. A., Zamakhovski M. P., Pautova L. E., Olgarenko D. G. (2020) *International Scientific Conference Geolinks*, b. 1, vol. 2, pp. 253—262.

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ
MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 143—149.

УДК 334.02
ББК 65.290.2

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10316

АЗИАТСКИЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ КОРПОРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Е. С. Силова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрены вопросы развития корпоративной социальной ответственности в азиатских странах. Корпоративная социальная ответственность (КСО) тесно связана с идеологией компании, ее ценностями и миссией, приверженность принципам КСО означает, что компания работает не только ради прибыли, но и для внесения определенного вклада в общество, такая компания заботится о своей репутации, безопасности и защите окружающей среды, правах своих сотрудников и потребителей. В настоящее время тема развития данного института в мире становится все более популярной. И общество, и государство ждут от корпораций не только выполнения маркетинговых и экономических функций. В рамках статьи рассмотрен опыт развития корпоративной социальной ответственности на примере трех азиатских стран — Японии, Вьетнама и Китая. Выявлены особенности реализации корпоративной социальной ответственности в этих странах. Также проанализированы возможности применения данного опыта в России.

Ключевые слова: *корпорация, институт, корпоративная социальная ответственность.*

Тема представленного исследования в современном мире является чрезвычайно актуальной. В современной рыночной экономике корпоративная социальная ответственность становится важным институтом развития и рассматривается как фактор конкурентоспособности компаний, результат их активных действий во внешней среде. Тема КСО становится приоритетной с конца прошлого века, корпорации начинают решать все больше разнообразных социальных задач, можно сказать, что финансовые цели и максимизация прибыли перестают быть центральными для крупных корпоративных образований. Национальные модели корпоративной социальной ответственности имеют свои особенности, так как формируются в различных исторических и экономических условиях. Изучение специфики модели корпоративной социальной ответственности в странах Азии, на наш взгляд, является важным для нашей страны. Сегодня мы видим, что идет курс на сближение в экономическом плане со странами Азии, в том числе с Китаем, Вьетнамом, Кореей. Знание и понимание особенностей их моделей корпоративной социальной ответственности может позволить заимствовать лучшие предпринимательские практики, перенимать позитивный опыт. Современные корпорации стремятся использовать социально ориентированные стратегии с целью улучшения привлекательности своего имиджа, усиления связи с местным сообществом, увеличения количества клиентов, проведения более активной политики. На сегодняшний день социальная ответственность может рассматриваться как парадигма, в рамках которой человек и организация (корпорация) стремятся действовать на благо общества в целом, важными составляющими социальной ответственности являются вопросы охраны здоровья, труда, окружающей среды, вопросы благотворительности и волонтерской деятельности.

Цель данной работы — рассмотреть особенности модели корпоративной социальной ответственности в азиатских странах, выделить ее достоинства и недостатки и оценить применимость данного опыта в России.

Понятие «корпоративная социальная ответственность» было введено в научный оборот У. Шелтоном в 1923 г. Он считал, что компании должны удовлетворять интересы общества как внутри, так и во взаимоотношениях с внешней средой. В 1971 г. данный термин был уточнен Комитетом экономического развития США. Было выделено три уровня, или круга ответственности, бизнеса: внутренний

(реализация экономической функции), средний (защита окружающей среды, социальные функции в отношении работников) и внешний (например, борьба с бедностью и высокий уровень качества продукции) [1]. В трактовке Всемирного банка выделяется несколько направлений реализации корпоративной социальной ответственности: уплата налогов (вклад в общественное развитие); ответственность за работников; экологическая ответственность (деятельность не должна причинять вред окружающей среде); рыночная ответственность (безопасность и качество продукции); ответственность перед обществом в целом [Там же]. Корпоративная социальная ответственность встроена в бизнес-модели прежде всего крупных транснациональных публичных компаний, для которых она является средством улучшения своей деловой репутации и усиления бренда [10]. В соответствии с этой моделью компания берет на себя повышенные, дополнительные обязательства в области своей экономической, социальной, экологической деятельности (например, дополнительные социальные гарантии работникам, дополнительное пенсионное обеспечение, инвестиции в ресурсосберегающие технологии и инновации, способствующие защите окружающей среды, участие в благотворительной, волонтерской, спонсорской деятельности и т. д.). КСО также очень тесно связана с философией, ценностями, миссией, организационной культурой и деловой этикой компании. Д. А. Плетнев подчеркивает, что именно в современной корпорации реализуются социально-экономические отношения во всем их многообразии [12]. Этот автор рассматривает корпорацию как сложную институциональную систему [13; 14].

В стандарте ISO 26000 корпоративная социальная ответственность трактуется как «продвижение практик ответственного бизнеса, которые приносят пользу бизнесу и обществу и способствуют социальному, экономическому и экологическому устойчивому развитию путем максимизации позитивного влияния бизнеса на общество и минимизации негативной нагрузки на окружающую среду» [5].

Внедрение корпоративной социальной ответственности началось в американской бизнес-среде, но со временем этот опыт успешно стали применять компании по всему миру.

В азиатских странах модели корпоративной социальной ответственности в большинстве своем применяются сравнительно недавно, нередко находятся в стадии формирования. Несмотря на это, следует отметить, что конфуцианская этика, которая во многом предопределяет деловую этику в современных азиатских странах, очень хорошо сочетается с идеями корпоративной социальной ответственности, поскольку ее основными элементами являются человеколюбие, гуманизм, уважение к подданным (сотрудникам), принцип золотой середины, коллективизм, почитание старших [9]. По мнению В. А. Ивановой, есть некоторые факторы, затрудняющие развитие КСО в азиатских странах: например, иерархичность управления и большая доля семейного капитала, низкий уровень прозрачности управления во многих азиатских экономиках [8]. Очевидно, что модель корпоративной социальной ответственности также получает свои специфические черты. Например, проблемы дискриминации и борьбы за равные права получают здесь меньшее развитие, чем в западных странах. Конечно, уровень развития корпоративной социальной ответственности различен в разных странах. Япония по праву считается лидером в этом направлении. В других странах развитие КСО делает только первые шаги. В некоторых странах, например в Индонезии, бизнес-сообщество негативно воспринимает внедрение корпоративной социальной ответственности, считая это дополнительным налогом.

Корпоративная социальная ответственность во Вьетнаме

В последние годы в связи с приходом глобальных компаний во вьетнамскую экономику многие стандарты международной практики стали также более популярными и у местных компаний, в собственные операционные стратегии они активно внедряют элементы КСО. На современном этапе развитие КСО во Вьетнаме является предметом обсуждения Торговой палаты Вьетнама и Программы развития ООН. Многие компании, например: Vietcombank, Vietinbank, Kangaroo, PV Oil, Sabeco, Vietsovpetro, VinacafK, FPT, Danapha — получили звания предприятий высокой социальной ответственности [2]. Этот статус обусловлен четким выполнением обязанностей по выплате налогов, социальным обеспечением работников, ориентацией производственных процессов на устойчивое развитие и защиту окружающей среды и т. д. По оценкам исследователей, 62 % руководителей 500 крупнейших компаний Вьетнама считают, что корпоративная социальная ответственность имеет важное значение для компании. Однако малый и средний бизнес (а это около 96 % экономики Вьетнама)

уделяет этим вопросам очень мало внимания, также они стремятся избегать уплаты налогов, их сотрудники не участвуют в системах социального и медицинского страхования, очень мало внимания этими предприятиями уделяется тратам на окружающую среду. Также отдельные эксперты говорят о том, что институциональная среда в области корпоративной социальной ответственности во Вьетнаме пока далеко не совершенна, есть много пробелов и противоречий в законодательстве, поэтому необходима дальнейшая работа по совершенствованию в данной области, внимание государства к этим вопросам [6].

Опыт реализации корпоративной социальной ответственности в Японии

Япония считается одной из ведущих стран в области внедрения корпоративной социальной ответственности. Современная экономическая модель Японии формировалась в послевоенный период, когда главной задачей было восстановление экономики Японии. Очень серьезно на модель восстановления повлияли американские партнеры и их управленческая модель. Поэтому можно утверждать, что современная система управления, в том числе корпоративного, в Японии является сложным синтезом традиционных ценностей и культуры и привнесенных с Запада ценностей и инструментов.

В Японии 99% предприятий ежегодно публикуют отчетность по своей деятельности в этой сфере. Корпоративная социальная ответственность воспринимается японскими корпорациями очень системно и комплексно — как совокупность всех действий и ответственности за свою работу перед обществом, в том числе поддержание принципов этического предпринимательства, охрана окружающей среды и применение только чистых технологий, информационная прозрачность и жесткое соблюдение законодательства. Большое внимание практикам корпоративной социальной ответственности уделяют в Японии государственные органы. Япония также считается лидером по внедрению инноваций в области сохранения окружающей среды, поэтому устойчивое развитие также является одним из центральных направлений в японской модели КСО. В. А. Остроухова подчеркивает, что японские компании используют схожий с западными компаниями инструментарий КСО. История развития профессиональной этики в Японии также свидетельствует о том, что социально ориентированный бизнес всегда ценился в Японии. Еще в эпоху Токугавы (1603—1867) были сформулированы основы деловой этики, ее направленность на честные и долгосрочные отношения с партнерами. Клиента японцы часто называют богом и благодатью. Хорошая репутация зачастую гораздо важнее прибыли и финансовых показателей деятельности компании. Очень важной особенностью японской модели корпоративной социальной ответственности является, на наш взгляд, наличие системы пожизненного найма. Более половины всех работников Японии связывают свою жизнь с единственным местом работы. Выплаты и льготы очень значительно зависят от стажа. Применение системы пожизненного найма приводит к тому, что компания воспринимается не просто как место работы, она становится настоящей «производственной семьей». Сотрудник получает финансовую помощь на протяжении всей своей жизни в особые ее периоды (рождение детей, брак, покупка жилья, получение образования). Важным фактором является наличие у сотрудника гарантированного рабочего места. Очень большие выплаты он получает при выходе на пенсию. Очень важными элементами являются сетевые элементы в компаниях (кружки, ассоциации и пр.). Сильной стороной японской модели КСО является, безусловно, социальная стабильность, внутрипроизводственное непрерывное обучение, большая производительность труда на японских предприятиях, благоприятный психологический климат, сплоченность, приверженность принципам коллективизма.

Однако некоторые авторы выделяют и слабые стороны этой модели. Например, И. Ю. Жилина отмечает конформизм, отсутствие творческого подхода к работе, всеобщее преобладание групповых интересов, дискриминацию женщин и большое количество принудительного (сверхурочного) труда, что приводит в высокой напряженности и смертности на рабочем месте [7].

Ф. Р. Голаева в своем исследовании корпоративной социальной ответственности в Японии выделила следующие особенности КСО в японской модели: особое значение семейного фактора в области социальной помощи; высокая значимость страховых инструментов в сохранении сильных сторон государства при оказании социальной поддержки; фирменная благотворительность; комбинирование централизации и децентрализации в социальной работе [4].

Корпоративная социальная ответственность в Китае

Развитие китайской модели корпоративной социальной ответственности тесно связано с бурным экономическим ростом в конце XX в., который повлек за собой серьезные негативные последствия, в том числе загрязнение окружающей среды. Поэтому в 2000-е гг. многие предприниматели, власти и общественность стали открыто обсуждать вопросы корпоративной социальной ответственности. В 2006 г. были опубликованы рекомендации по внедрению отчетности в области КСО, и 32 компании Китая опубликовали отчеты о своей деятельности в этом направлении. Через десять лет их количество уже превысило полторы тысячи компаний. Основные направления наибольшего внимания в этой отчетности: финансовая прозрачность и выполнение социальных гарантий, трудовых прав работников, защита окружающей среды и защита прав потребителей. Ведется рейтинг 500 ведущих компаний в сфере КСО. Китайская модель корпоративной социальной ответственности также ассоциируется с высокой степенью государственного регулирования и контроля. Государство призывает китайские компании внедрять стандарты КСО для улучшения репутации и с целью повышения конкурентоспособности товаров, преодоления негативной коннотации термина made in China. Несмотря на заимствование идеи КСО у западных партнеров, история Китая дает немало примеров подобных практик. В 1050-е гг. развитие производства в китайских компаниях происходило в рамках отдельных производственных общин (коллективов) — даньвэй, где решались многие финансовые и социальные вопросы, связанные с организацией материальной поддержки членов коллектива. Внимание к проблеме развития КСО в Китае тесно связано также с нарастающими экономическими проблемами (слабое развитие системы пенсионного и медицинского страхования) и экологическими рисками и проблемами (на сегодняшний момент именно в Китае сосредоточена наибольшая часть грязных производств во всем мире). Негативным моментом является то, что во многих компаниях Китая корпоративная социальная ответственность сводится к разовым благотворительным акциям [1].

* * *

Во многих странах Азии корпоративная социальная ответственность компаний находится в стадии разработки, ее внедрение часто инициируется государством либо внешнеторговыми партнерами. Модель КСО часто определяется национальными и историческими традициями и особенностями развития экономики той или иной страны. И. Ю. Жилина выделяет следующие общие особенности азиатской модели корпоративной социальной ответственности: активное участие государства во внедрении модели корпоративной социальной ответственности; достаточно эффективная нормативная система, регулирующая вопросы КСО; ориентация на защиту окружающей среды, образование, прогресс, социальные гарантии, развитие технического потенциала; большое количество участников, задействованных в сфере КСО [7].

Таким образом, модели КСО в Азии достаточно разнообразны, зависят от специфики экономического развития конкретной страны, ее традиций и исторических особенностей. Модель КСО в страны Азии приходит с Запада и находится в стадии формирования [15]. Лидером по внедрению принципов корпоративной социальной ответственности являются японские компании, для Японии характерно большое внимание к экологическим вопросам, а также очень хорошо проработанная система отчетности. Китайская модель КСО обусловлена высокой значимостью государственного воздействия, а также целями повышения деловой репутации и конкурентоспособности китайских товаров. Во Вьетнаме КСО развивается в основном в секторе крупного бизнеса и есть определенные проблемы с социальной ответственностью в малом и среднем бизнесе, который и составляет основу экономики.

По мнению многих исследователей, в России модель корпоративной социальной ответственности также находится в стадии становления и развития. Россия уступает многим странам в области эффективности решения разнообразных социальных проблем. В. А. Остроухова отмечает также отсутствие государственных инициатив по развитию корпоративной социальной ответственности в России, однако уже сегодня около 70 % руководителей предприятий считают, что КСО должна способствовать продвижению компаний и улучшению ее финансовых показателей [11]. Наша модель КСО, как и азиатская, находится в стадии формирования. На наш взгляд, есть довольно много принципов, которые можно заимствовать у стран Азии: например, ориентированность на социальную сплоченность и использование опыта прошлых лет, участие государства в развитии модели корпоративной социальной ответственности, большое внимание чело-

веческому потенциалу в компаниях, а также борьба за устойчивое развитие и переход к безопасной для окружающей среды хозяйственной деятельности. На наш взгляд, в России вполне успешно могла бы применяться система пожизненного найма, большая часть людей пока не чувствуют своей защищенности от возможных циклических колебаний в экономике, и такая система могла бы улучшить социальное положение работников. Также очень важным аспектом, который требует улучшений в России, является тема защиты окружающей среды. Многие производственные мощности давно устарели и нуждаются в реконструкции, многие предприятия не задумываются о вреде, который наносят своей деятельностью не только окружающей среде, но и здоровью людей. Крупнейшие промышленные города задыхаются от смога, о режиме «черного неба» можно периодически слышать в таких городах, как Красноярск, Челябинск, Чита и др. Поэтому в рамках становления модели корпоративной социальной ответственности в России первоочередное внимание необходимо уделять тому, как компания стремится к безопасности своей деятельности и сохранению здоровья и своих сотрудников, и других людей, проживающих в данной местности. Также необходимо совершенствование отчетности о социальной деятельности компаний, в качестве образца в этом направлении тоже можно взять японский опыт, где отчетность носит комплексный и открытый характер. Наша модель корпоративной социальной ответственности, по мнению большинства экспертов, базируется в большей степени на англо-американском и европейском опыте, однако все вышеперечисленные особенности азиатской модели КСО могли бы быть прекрасным дополнением к российский модели.

Таким образом, в работе автором рассмотрены вопросы развития корпоративной социальной ответственности в азиатских странах. КСО тесно связана с идеологией компании, ее ценностями и миссией. Приверженность принципам КСО означает, что компания работает не только ради прибыли, но и для внесения определенного вклада в общество. Такая компания заботится о своей репутации, безопасности и защите окружающей среды, правах сотрудников и потребителей. В настоящее время тема развития КСО в мире становится все более популярной. Общество и государство ждут от корпораций не только выполнения маркетинговых и экономических функций. В рамках представленной работы рассмотрен опыт развития КСО на примере Японии, Вьетнама и Китая. Исходя из изученной литературы можно сделать следующие выводы об особенностях азиатских вариантов модели корпоративной социальной ответственности. Модели КСО в Азии достаточно разнообразны, зависят от специфики экономического развития конкретной страны, ее традиций и истории. Модель КСО в страны Азии приходит с Запада и находится в стадии формирования. Лидером по внедрению принципов корпоративной социальной ответственности являются японские компании, для них характерно большое внимание к экологическим вопросам, а также проработанная система отчетности. Китайская модель КСО обусловлена высокой значимостью государственного воздействия, а также целями повышения деловой репутации и конкурентоспособности китайских товаров. Во Вьетнаме КСО развивается в основном в секторе крупного бизнеса, есть определенные проблемы с социальной ответственностью в малом и среднем бизнесе, который и составляет основу экономики. В рамках становления модели корпоративной социальной ответственности в России первоочередное внимание необходимо уделять тому, как компания стремится к безопасности своей деятельности и сохранению здоровья и своих сотрудников и других людей, проживающих в данной местности.

Список литературы

1. Алехин А. В. Корпоративная социальная ответственность в Китае. URL: https://olymp.msu.ru/archive/Lomonosov_2007/03/x-aleksey%40rambler.ru.doc.pdf (дата обращения 10.12.2020).

2. Буй Т. Т. Н. Государство и корпоративная социальная ответственность во Вьетнаме // Вьетнамские исследования: электрон. науч. журн. 2019. № 4. С. 39—47.

3. Ведерникова В. И. Социальная ответственность бизнеса в условиях турбулентности внешней среды // Современное состояние и перспективы развития агропромышленного комплекса: материалы междунар. науч.-практ. конф. Курган, 2016. С. 83—85.

4. Голаева Ф. Р. Корпоративная социальная ответственность в Японии. URL: https://izron.ru/articles/tendentsii-razvitiya-ekonomiki-i-menedzhmenta-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-nauch/

sektsiya-1-ekonomicheskaya-teoriya-spetsialnost-08-00-01/korporativnaya-sotsialnaya-otvetstvennost-v-yaponii/ (дата обращения 10.12.2020).

5. ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Руководство по социальной ответственности. URL: http://docs.cntd.ru/document/gost-r-iso-26000-2012 (дата обращения 20.01.2021).

6. Даньшина В. В. Зарубежный опыт реализации социальной ответственности бизнеса // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 40.

7. Жилина И. Ю. Страновые модели корпоративной социальной ответственности. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stranovye-modeli-korporativnoy-sotsialnoy-otvetstvennosti/viewer (дата обращения 10.12.2020).

8. Иванова В. А. Корпоративная социальная ответственность в азиатских странах // Транспортное дело России. 2010. № 9. С. 9—11.

9. Карелова Л. Б. Принципы буддийской и конфуцианской этики в формировании концепции корпоративной социальной ответственности в современной Японии // Япония: ежегодник. 2013. № 42. С. 89—100.

10. Князева М. Г. Социальная ответственность в корпоративном управлении // Colloquium-journal. 2018. № 12-5 (23). С. 29—30.

11. Остроухова В. А. Влияние стратегии корпоративной социальной ответственности на деятельность зарубежных и российских компаний в современных условиях. Автореферат на соискание степени кандидата экономических наук. М., 2012. URL: https://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/a/1962/file/Ostroyhova.pdf (дата обращения 09.12.2020).

12. Плетнев Д. А. Эволюция исторических форм и социально-экономических отношений в корпорации // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 2 (436). С. 250—257.

13. Плетнев Д. А. Корпорация как институциональная система: монография: в 2 ч. Ч. 1. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. 196 с.

14. Плетнев Д. А. Корпорация как институциональная система: монография: в 2 ч. Ч. 2. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. 213 с.

15. Цуциева О. Т., Гобозова А. З. Сравнительный анализ моделей корпоративной социальной ответственности. URL: https://research-journal.org/economical/sravnitelnyj-analiz-modelej-korporativnoj-socialnoj-otvetstvennosti/ (дата обращения 10.12.2020).

Сведения об авторе

Силова Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. metod@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 143—149.

ASIAN EXPERIENCE IN IMPLEMENTING SOCIAL CORPORATE RESPONSIBILITY

E. S. Silova
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. metod@csu.ru

The work addressed the development of corporate social responsibility in Asian countries. Corporate social responsibility is closely related to the company's ideology, its values and mission, adherence to the principles of corporate social responsibility means that the company works not only for profit, but also to make a certain contribution to societies, such a company to take care of its reputation, safety and environmental protection, the rights of its employees and consumers. Currently, the topic of development of this institution in the world is becoming more and more popular. Both society and the state expect corporations not only to perform marketing and economic functions. Within the framework of the presented work, the experience of developing corporate social responsibility was examined on the example of three Asian countries — Japan, Vietnam and China. The possibilities of applying this experience in Russia were also analyzed.

Keywords: *corporation, institution, corporate social responsibility.*

References

1. Alekhin A. V. Korporativnaya social'naya otvetstvennost' v Kitae [Corporate social responsibility in China]. Available at: https://olymp.msu.ru/archive/Lomonosov_2007/03/x-aleksey%40rambler.ru.doc.pdf, accessed 10.12.2020 [in Russ.].

2. Buj T. T. N. (2019) *V'etnamskie issledovaniya: elektronnyj nauchnyj zhurnal*, no. 4, pp. 39—47 [in Russ.].

3. Vedernikova V. I. (2016) *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya agropromyshlennogo kompleksa*. Kurgan. Pp. 83—85 [in Russ.].

4. Golaeva F. R. Korporativnaya social'naya otvetstvennost' v Yaponii [Corporate social responsibility in Japan]. Available at: https://izron.ru/articles/tendentsii-razvitiya-ekonomiki-i-menedzhmenta-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-nauch/sektsiya-1-ekonomicheskaya-teoriya-spetsialnost-08-00-01/korporativnaya-sotsialnaya-otvetstvennost-v-yaponii/, accessed 10.12.2020 [in Russ.].

5. GOST R ISO 26000-2012. A Guide to Social Responsibility. Available at: http://docs.cntd.ru/document/gost-r-iso-26000-2012, accessed 10.12.2020 [in Russ.].

6. Dan'shina V. V. (2017) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 40 [in Russ.].

7. Zhilina I. Yu. Stranovye modeli korporativnoj social'noj otvetstvennosti [Country models of corporate social responsibility]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/stranovye-modeli-korporativnoy-sotsialnoy-otvetstvennosti/viewer, accessed 10.12.2020 [in Russ.].

8. Ivanova V. A. (2010) *Transportnoe delo Rossii*, no. 9, pp. 9—11 [in Russ.].

9. Karelova L. B. (2013) *Yaponiya. Ezhegodnik*, no. 42, pp. 89—100 [in Russ.].

10. Knyazeva M. G. (2018) *Colloquium-journal*, no. 12-5 (23), pp. 29—30 [in Russ.].

11. Ostrouhova V. A. (2012) Vliyanie strategii korporativnoj social'noj otvetstvennosti na deyatel'nost' zarubezhnyh i rossijskih kompanij v sovremennyh usloviya [The influence of the corporate social responsibility strategy on the activities of foreign and Russian companies in modern conditions]. Available at: https://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/a/1962/file/Ostroyhova.pdf, accessed 10.12.2020 [in Russ.].

12. Pletnyov D. A. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (436), pp. 250—257 [in Russ.].

13. Pletnyov D. A. (2019) Korporaciya kak institucional'naya sistema [Corporation as an institutional system]. Ch. 1. Chelyabinsk [in Russ.].

14. Pletnyov D. A. (2019) Korporaciya kak institucional'naya sistema [Corporation as an institutional system]. Ch. 2. Chelyabinsk [in Russ.].

15. Cucieva O. T., Gobozova A. Z. Sravnitel'nyj analiz modelej korporativnoj social'noj otvetstvennosti [Comparative analysis of models of corporate social responsibility]. Available at: https://research-journal.org/economical/sravnitelnyj-analiz-modelej-korporativnoj-socialnoj-otvetstvennosti/, accessed 10.12.2020 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 150—157.

УДК 331.107.5
ББК 65.245.16

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10317

НАДЕЛЕНИЕ РАБОТНИКОВ СОБСТВЕННОСТЬЮ НА КАПИТАЛ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК ОСНОВНОЕ УСЛОВИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИХ ОППОРТУНИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

***В. Н. Белкин*[1], *Н. А. Белкина*[1], *О. А. Антонова*[2]**

[1] *Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия*

[2] *Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2021—2023 гг.

Выдвигается гипотеза о том, что наделение работников собственностью на средства производства снизит уровень проявления оппортунистического поведения и, как следствие, повысит трудовую мотивацию, инновационную активность, лояльность к предприятию. Как показывает зарубежный опыт работы народных предприятий США, Израиля, Испании, использование в программах стимулирования труда наделения правом собственности на капитал как руководителей, так и работников становится действенным мотивом труда, снижающим проявление оппортунизма, об этом говорят результаты социально-экономической деятельности предприятий. Необходимо отметить, что эти государства заинтересованы в том, чтобы такая форма собственности развивалась, так как это положительно влияет не только на снижение оппортунизма работников внутри предприятий, но и на рост благосостояния населения страны. К сожалению, российский опыт показывает обратное, государство не поддерживает народные предприятия, что является защитой интересов крупного бизнеса.

Ключевые слова: *оппортунистическое поведение работников, право собственности, отчуждение труда, оппортунистические трудовые отношения, экономические интересы, народные предприятия, работник-акционер.*

Анализ трудовых отношений на предприятиях показывает, что одной из основных проблем, подрывающих их деятельность, является оппортунистическое поведение работников. Для решения этой проблемы предприятиям необходимо задействовать эффективные методы управления, социально-экономические механизмы, которые обеспечат высокую заинтересованность в труде персонала, полное использование трудового потенциала работников, обеспечат благоприятные условия для самореализации и развития работников в труде. Вопрос наделения работников собственностью на капитал предприятий с точки зрения преодоления их оппортунистического поведения рассматривается как среди ученых, так и среди руководителей предприятий. Однако до сих пор в теории и практике не существует единого подхода к пониманию того, что это действенный механизм, который отдельно или в совокупности с другими стимулирующими факторами может в результате дать снижение уровня оппортунизма работников. Это связано еще и с тем, что в практике предприятий редко изучаются демотивы трудовой деятельности, не проводится глубокий анализ статуса работников предприятий. В российской экономической науке эта проблема слабо разработана, о чем свидетельствует незначительное количество публикаций, затрагивающих тему преодоления оппортунистического поведения работников на основе наделения их собственностью на средства производства.

Исследованию оппортунизма в качестве экономического явления посвятили свои работы ряд зарубежных и отечественных ученых. Среди них О. Уильямсон [16], Д. Акерлоф [2], К. Дж. Эрроу [19], Э. Остром [15], А. Н. Нестеренко [9], В. И. Беляев [3], О. В. Кузнецова [4], А. Е. Шаститко [18], Р. И. Капелюшников [6], Е. В. Попов, Е. В. Ерш [12], В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев, Е. В. Козлова [5; 11], А. Н. Мельников [10] и др. В экономической теории понятие оппортунизма появилось в последней трети XX в. и связано в первую очередь с развитием теории трансакционных издержек. У названных и ряда других авторов делается акцент на отдельных особенностях и проявлениях оппортунистического поведения, авторы рассматривают оппортунизм с точки зрения институционального характера. Недостаточно рас-

сматривается такой вопрос преодоления оппортунизма в рамках трудовых отношений, как привлечение работников к управлению собственностью.

Главным условием преодоления оппортунизма работников предприятий является наделение их собственностью на средства производства, что предполагает наделение их правами владения и распоряжения собственностью предприятия. При этом достигаются следующие цели:

— повышение трудовой мотивации;

— закрепление персонала на предприятии;

— стимулирование бережного отношения к средствам производства;

— повышение лояльности, ответственности, самостоятельности работников;

— создание дополнительного материального стимула труда (возможность получения дохода от владения собственностью);

— увеличение числа собственников с целью противостояния негативным социально-экономическим последствиям концентрации собственности на капитал в руках ограниченного круга частных лиц или государства;

— разрешение производственно-социальных конфликтов посредством сотрудничества различных категорий персонала;

— повышение креативности труда.

В каждой стране, где существует форма наделения работников собственностью на средства производства, имеются специфические особенности, которые зависят от отношения государства и форм управления на конкретных предприятиях. В данной статье рассматривается опыт США, Израиля, Испании и России по наделению работников правами собственности на средства производства.

Решающую роль в наделении работников собственностью на средства производства предприятий в США играет государство. В этих целях была разработана американская федеральная программа ESOP — Employee Stock Ownership Plan (План наделения работников акциями). Эта программа была утверждена правительством США в 1970 г. Через 30 лет в США насчитывалось уже более 11 тыс. компаний, работающих по системе ESOP. На них было занято 8,5 млн чел. с контролируемым капиталом 500 млрд долл. Из них 95 % — ЗАО, 5 % — ОАО с численностью работников до 100 тыс. чел. Работники предприятия — участники программы ESOP получают доход от курсовой разницы акций компании, налоговые льготы и другие преимущества.

По оценкам Национального центра собственности сотрудников (NCEO), на 2020 г. существует около 6600 планов владения акциями сотрудников (ESOP), охватывающих более 14 млн участников. С начала XXI в. количество планов сократилось, но увеличилось число участников. Также существует около 3800 планов участия в прибыли и (в гораздо меньшей степени) премиальных акций, которые в значительной степени инвестируются в акции компании и во всем похожи на программы ESOP.

Кроме того, около 9 млн сотрудников участвуют в планах, которые предоставляют опционы на акции или другой индивидуальный капитал для большинства или для всех сотрудников. До 5 млн участвуют в планах 401 (k), которые в основном инвестируются в акции работодателя. Всего 11 млн сотрудников покупают акции своего работодателя через планы покупки акций для сотрудников. Если исключить дублирование, по оценкам NCEO, около 32 млн сотрудников участвуют в плане владения собственностью. В целом сотрудники сейчас контролируют около 8 % корпоративного капитала. Хотя другие планы теперь имеют значительные активы, большинство из примерно 4000 компаний, в которых большинство сотрудников принадлежит сотрудникам, имеют ESOP.

По плану ESOP действуют предприятия с разной численностью работников. Можно перечислить некоторые из наиболее крупных предприятий, собственность которых принадлежит большинству сотрудников: Publix Super Markets (200 000 сотрудников), Amsted Industries (18 000), WL Gore and Associates (производитель Gore-Tex, 10 720) и Davey Tree Expert (10 500 сотрудников). Компании с ESOP и другими широкими планами собственности сотрудников ежегодно составляют более половины списка Fortune Magazine «100 лучших компаний для работы в Америке»[1].

Компания, перешедшая на работу по этой программе, должна внести предпринимательский взнос в виде некоторой суммы ее акций. Для этого формируется акционерный фонд предприятия (АФП). Вместе с этим определяется доверенный попечитель программы ESOP. Он дает средства в кредит для того, чтобы предприятие могло в кредит приобрести свои акции. Представляется особо ценным то, что сумма взноса в акционерный фонд персонала вычитается из облагаемого налогом дохода компании.

Таким образом, каждый доллар из суммы предпринимательского взноса в программу

[1] Национальный центр собственности сотрудников (NCEO) (https://www.esop.org/; дата обращения 12.11.2020).

ESOP экономит компании около 40 центов налогооблагаемой суммы. Эти средства направляются работникам компании. Персонал предприятия получает дополнительный стимул труда в виде акций компании, то есть право участия в собственности, а собственник снижает размер налоговых отчислений.

Владея акциями компании, работник заинтересован в повышении их рыночной стоимости, поскольку от этого зависит уровень его вознаграждения. Стоимость акций зависит от эффективности работы предприятия, которая непосредственно связана с уровнем мотивации персонала и его отношением к труду. Поэтому наделение работников акциями предприятия побуждает работать продуктивно, повышает активность трудовой деятельности и, следовательно, снижает уровень оппортунистического поведения. Такие предприятия являются примером экономической демократии и реализации концепции «высокоэффективных рабочих мест», отличающейся от капиталистической системы ликвидацией отношений найма. Под концепцией высокоэффективных рабочих мест понимается возможность работникам-акционерам иметь право на получение информации, повышение квалификации, ответственности, стимулов для принятия решений и создании культуры собственника.

Другой формой преодоления оппортунистического поведения работников, прошедшей проверку многодесятилетней практикой, являются израильские кибуцы. Они организуются на основе коллективной собственности на средства производства, равенства в труде и потреблении.

Данная форма собственности исключает конфликт «труда и капитала», так как преодолевает отчуждение труда. В связи с тем что каждый работник является совладельцем средств производства, нет места их оппортунистическому поведению. В настоящее время по типу кибуцев работают более 400 предприятий, которые производят продукцию химической, медицинской, ювелирной, электронной и другой продукции [1].

Таким образом, израильские кибуцы представляют форму организации трудовых отношений, исключающих отчуждение труда. Происходит это в связи с тем, что работники кибуца в одном отношении являются собственниками, в другом — управленцами, и в третьем — работниками. Доход от деятельности кибуца также полностью принадлежит работникам. Таким образом, каждый работник кибуца выступает в трех лицах. Такое уникальное положение коллектива работников исключает отчуждение труда, что, в свою очередь, не оставляет каких-либо предпосылок к появлению оппортунистического поведения работников.

Большой интерес представляет опыт наделения работников капиталом в Мондрагонском кооперативе в Испании. В отличие от израильских кибуцев, полностью построенных на принципах коллективизма, в Мондрагонском кооперативе достигается компромисс между коллективной собственностью и интересами отдельных работников. Кооператив имеет сложную структуру. В него входят 170 предприятий, в которых занято 20 тыс. работников. В нем промышленные, сельскохозяйственные, жилищные кооперативы а также технологическое училище, технологический исследовательский институт и другие организации. Особую ценность представляет банк, созданный самим кооперативом.

Предприятия «Мондрагона» занимают ведущее место в Европе по производству бытовых электроприборов и станков, 3-е место по производству запасных частей для автомобилей и т. д. В «Мондрагоне» больше внимание уделяется образованию работников: наряду с большим числом разнообразных технических училищ, четыре из которых университетского уровня, есть и научно-прикладной центр [13].

Для кооператива характерно широкое привлечение самих работников к управлению. Менеджеры всех уровней управления не назначаются вышестоящим руководством, а избираются коллективами производственных подразделений. У работников кооператива два источника дохода: заработная плата и доля прибыли, которая поступает на счета работников пропорционально индивидуальному трудовому вкладу, зависящему от величины заработной платы.

Участие работников кооператива в отношениях собственности на средства производства и в управлении позволяют преодолеть конфликт труда и капитала и отчуждение труда. Поскольку работникам-собственникам принадлежит вся прибыль предприятия, у них не возникает мотива оппортунистического поведения, основанного на отчуждении от собственности и управления.

Опыт наделения работников правами собственности на средства производства и привлечения их к управлению имеется в российской экономике. В данном случае имеются в виду так называемые «народные предприятия». Они были образованы в соответствии с Федеральным законом «Об особенностях правового положения акционерных обществ

работников (народных предприятий)» который был введен в действие 1 октября 1998 г. [17].

Они создавались на базе ликвидированных или преобразованных коммерческих организаций, но только том случае, если работникам принадлежало не менее 49% уставного капитала. И еще одно условие — среднесписочная численность коллектива работников должна быть не менее 51 и не более 5000 чел. При этом акционерами предприятия могут быть только его работники. Именно данные работники наделяются правами собственности на средства производства, становятся акционерами.

Правовое положение народного предприятия имеет свои особенности, которые заключаются в следующем:

— работникам народного предприятия должно принадлежать более 75% его акций;

— народное предприятие вправе ежегодно увеличивать свой уставный капитал путем выпуска дополнительных акций на сумму не менее суммы чистой прибыли, фактически использованной на цели накопления за отчетный финансовый год. Эти дополнительные акции, а также акции, выкупленные в определенном законом порядке народным предприятием у своих акционеров, распределяются между всеми имеющими на то право работниками пропорционально суммам их оплаты труда за отчетный финансовый год;

— один работник-акционер не может владеть количеством акций народного предприятия, номинальная стоимость которых превышает 5% его уставного капитала. Эта максимальная доля акций может быть уменьшена уставом народного предприятия. Если же по каким-либо причинам у одного работника-акционера окажется акций больше максимального количества, определенного уставом, народное предприятие обязано выкупить у работника-акционера излишек акций, а работник-акционер обязан продать этот излишек народному предприятию;

— работник-акционер вправе продать свои акции только в порядке, предусмотренном законом;

— народное предприятие обязано выкупить у уволившегося работника-акционера, а последний обязан продать народному предприятию принадлежащие ему акции народного предприятия по их выкупной стоимости. При определенных обстоятельствах этот акционер вправе продать свои акции работникам народного предприятия по договорной цене;

— число работников-неакционеров за отчетный финансовый год не должно превышать 10% общей численности работников народного предприятия;

— при принятии общим собранием акционеров народного предприятия решений, затрагивающих интересы всех работников-акционеров (независимо от количества принадлежащих им акций), применяется принцип голосования «один акционер — один голос» [7].

Таким образом, поскольку работникам принадлежит более 75% акций народного предприятия, они наделены правами собственности на средства производства, что также позволяет работникам-акционерам осуществлять управление предприятием, блокировать принятие любого невыгодного им решения на общем собрании акционеров. Работники-акционеры также получают возможность по своему усмотрению формировать состав наблюдательного совета и ревизионной (контрольной) комиссии народного предприятия, избирать его генерального директора.

В условиях, когда работники являются собственниками и управленцами предприятия, преодолевается отчуждение труда и оппортунистическое поведение. В зависимости от результатов производственной и хозяйственной деятельности народного предприятия, являющихся итогом совместного труда, работники-акционеры получают возможность увеличивать свой личный капитал. Следовательно, возрастает значение заработной платы как экономической категории. Она выступает не только как источник удовлетворения потребностей работников, но также как постоянно растущий в течение ряда лет источник дополнительных, весьма значительных средств, получаемых работником единовременно тогда, когда он реализует, продает свои акции, например при выходе на пенсию.

Закон открывает для работников-акционеров определенные возможности продать свои акции полностью или частично в период его работы на народном предприятии. Если же работник-акционер по каким-либо причинам увольняется с народного предприятия, то он обязан продать свои акции, а народное предприятие обязано купить эти акции. Наделение безвозмездно акциями всех работников свидетельствует о том, что на народном предприятии созданы условия, обеспечивающие однородность социально-экономического статуса всех работников. Нет оснований для конфликта социально-экономических интересов работников и акционеров.

Норма закона, ограничивающая количество акций, которыми может владеть один работник-акционер, пятью процентами общего количества акций народного предприятия, обеспечивает достижение

однородности социально-экономического статуса работников. Закон также закрепляет равноправие работников-акционеров при принятии управленческих решений: при принятии общим собранием акционеров решений, затрагивающих интересы всех работников-акционеров (независимо от количества принадлежащих им акций), применяется принцип голосования «один акционер — один голос», а не принцип «одна акция — один голос». Данный принцип участия работников в управлении также присущ системе трудовых от ношений в Мондрагонском кооперативе, рассмотренной нами ранее. Таким образом, система трудовых отношений народного предприятия реализует участие работников в собственности и управлении.

Международный опыт подтверждает успех предприятий с работниками-собственниками, принимающими участие в управлении. На подобных предприятиях разрешается конфликт труда и капитала, поскольку работники помимо трудовой функции также реализуют функцию участия в собственности и управлении. Являясь собственником средств производства, работник чувствует ответственность за свою трудовую деятельность и ее результат. Принимая самостоятельные решения в рамках своей компетенции и участвуя в принятии управленческих решений, касающихся деятельности всего предприятия, работник осознано влияет на экономическое положение предприятия.

В таких условиях вознаграждение работника зависит от результата работы предприятия в целом и от личного труда работника. Сочетание реализации материального мотива заработной платы и нематериальных мотивов собственника и управленца создает высокую заинтересованность работников в эффективности своей трудовой деятельности, делает ее осознанной, стимулирует инновационную активность и творческий характер труда. Следовательно, работники не стремятся экономить свою рабочую силу и не проявляют склонность к оппортунистическому поведению. С точки зрения экономического интереса, это объясняется тем, что изначально рассматриваемые как противоположные интересы работника и работодателя, по сути, объединяются в общий экономический интерес работников-собственников — увеличение дохода от деятельности предприятия.

В настоящее время в экономике страны имеется около 150 таких предприятий. Среди них — «Архангельскхлеб», «Красная звезда» (Республика Удмуртия), Челябинское рудоуправление, Набережночелнинский картонно-бумажный комбинат, завод «Искож» (Йошкар-Ола), кондитерская фабрика «Конфил» (Волгоград), «Жуковмежрайгаз» (Калужская область), Сухоложскасбоцемент и маслозавод «Надежда» (Свердловская область), Туринский целлюлозно-бумажный комбинат и т. д. Эти предприятия принадлежат к деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, легкой, пищевой промышленности и машиностроению.

Ценной особенностью народных предприятий является сохранение и развитие социальной сферы, которая находится на их балансе. На ее развитие направляется до 30% прибыли. Большая часть прибыли распределяется между работниками в виде акций, в соответствии с трудовым вкладом, стажем работы. Все это сводит к минимуму оппортунистическое поведение работников народных предприятий. Вместе с тем имеется ряд причин, сдерживающих дальнейшее развитие предприятий данной организационно-правовой формы.

Закон неоправданно ограничил порядок создания народных предприятий. Например, запрещается преобразование государственных унитарных предприятий, муниципальных унитарных предприятий и открытых акционерных обществ, работникам которых принадлежит менее 49% уставного капитала. Можно отчасти согласиться с законодателем, когда речь идет о государственных и муниципальных унитарных предприятиях. Запрет на преобразование открытых акционерных обществ, работникам которых принадлежит менее 49% уставного капитала, является защитой интересов крупного капитала. Вместе с тем в указанном законодательстве подробно описываются всевозможные основания ликвидации народных предприятий. Это тормозит принятие решения о преобразовании и выступает дестабилизирующим фактором производственно-хозяйственной деятельности в экономике РФ.

Еще одной причиной, сдерживающей преобразование коммерческих предприятий в народные, является незнание либо неадекватная оценка международного опыта, а также отечественного опыта работы народных предприятий вследствие невнимания к ним средств массовой информации [8]. Например, в статье В. Э. Тарлавского приведен опрос читателей газеты «Экономика и жизнь», результаты показали: без малого две трети не имеют представления о данной форме собственности, превращающей работников в совладельцев средств производства и результатов труда, позволяющей уменьшить имущественное расслоение, сократить острое социальное неравенство (64%). Утвердительно ответили

менее четверти респондентов (24%), затруднились ответить 12% респондентов [14].

Таким образом, исследование опыта народных предприятий России, как альтернативной формы организации трудовых отношений, преодолевающей конфликт «труда и капитала», подтверждает, что наделение работников собственностью на средства производства совместно с привлечением работников к управлению — главный инструмент преодоления оппортунистического поведения работников.

Рассмотренный выше международный опыт функционирования предприятий с участием работников в отношениях собственности и управления представляет несомненную ценность для предприятий РФ. Этот опыт сформировался под влиянием разных систем экономических отношений, исторически сложившихся систем культурных, социальных и политических отношений указанных стран. Однако, несмотря на разнообразие и особенности рассмотренного выше международного опыта наделения работников правами участия в отношениях собственности и управления, все-таки можно определить некоторые общие черты указанных сложных социально-экономических процессов. С нашей точки зрения, эффективная система привлечения работников к участию в собственности на средства производства предприятий должна создаваться при соблюдении следующих условий:

1. Экономические интересы собственников и работников предприятия должны быть согласованны. Все они должны получать доходы от владения собственностью на средства производства.

2. Должны быть согласованны основные социальные цели и культурные ценности участников трудовых отношений.

3. Необходимо обеспечить осознание работниками себя в качестве собственников средств производства, что возможно только при фактической реализации права владения собственностью.

4. Должен быть достигнут баланс между коллективной и частной собственностью на средства производства в тех случаях, когда используются оба вида собственности на предприятии.

5. Повышение заинтересованности в труде и ответственности работников за счет удовлетворения их потребности в участии в собственности и управлении.

6. Создание благоприятных условий для участия персонала в управлении.

Вышеуказанные условия являются результатом обобщения особенностей систем наделения работников собственностью на средства производства, представленных выше. Их соблюдение при привлечении работников к собственности позволит превратить участие в собственности в практический инструмент повышения мотивации работников, преодоления отчуждения труда и снижения уровня оппортунизма на российских предприятиях.

Список литературы

1. Maron S. Kibbutz in a Market Society // Ramat Efal. Israel: Yad Tabenkin, 1993.

2. Акерлоф Дж. Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 91—104.

3. Беляев В. И. Трудовой оппортунизм: сущность и формы проявления // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 169—177. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25304757 (дата обращения 20.12.2020).

4. Беляев В. И., Кузнецова О. В. Теория, методология, практика системного решения проблем трудового оппортунизма на предприятиях // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 37. С. 69—84.

5. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Особенности проявления оппортунизма в российских машиностроительных корпорациях // Организатор производства. 2013. № 2. С. 15—20.

6. Капелюшников Р. И. Право собственности: Очерк современной теории // Отечественные записки. 2004. № 6. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25556419 (дата обращения 20.12.2020).

7. Крапивин О. М., Власов В. И. Комментарий к федеральному законодательству Российской Федерации об акционерных обществах работников (народных предприятиях): специально для системы ГАРАНТ. 2009.

8. Кушнирук А. С. Акционерные общества работников (народные предприятия) и современное российское акционерное право // Правоведение. 2005. № 4. С. 124—130.

9. Нестеренко А. Н. Экономика и институциональная теория М.: Эдиториал УРСС, 2002.

10. Беляева В. И., Мельникова А. Н., Самсонова Р. А. Оппортунизм в структуре социально-трудовых отношений: монография. Барнаул: ИП Колмагоров И. А. [Концепт], 2015.

11. Плетнев Д. А., Козлова Е. В. Оппортунизм как лючевое понятие институциональной экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 6 (440). Экономические науки. Вып. 69. С. 28—37. DOI10.47475/1994-2796-2020-10603.

12. Попов Е. В., Ерш Е. В. Оппортунизм на производственных предприятиях // Управленец. 2015. № 2 (54). С. 60—64. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=23268255 (дата обращения 21.12.2020).

13. Ракитская Г. Миф левых о Мондрагоне: (Рабочий колхоз при капитализме): материалы к учеб. семинарам Шк. трудовой демократии. М.: Шк. трудовой демократии. М., 1998.

14. Тарлавский В. Э. Народное предприятие из Набережных Челнов — среди лидеров отрасли // Экономика и жизнь. 2015. 17 июня. URL: http://www.eg-online.ru/article/283534/ (дата обращения 21.12.2020).

15. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности: пер. с англ. М.: ИРИСЭН: Мысль, 2010.

16. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат, 1996.

17. Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий) (с изм. от 21 марта 2002 г.) // Собрание законодательства РФ. URL: https://base.garant.ru/12112456/ (дата обращения 21.12.2020).

18. Шаститко А. Е. Достоверные обязательства в контрактных отношениях // Вопросы экономики. 2006. № 4. С. 126—143.

19. Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2004.

Сведения об авторах

Белкин Владимир Никифорович (1932—2020) — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия.

Белкина Надежда Андреевна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия. akademiya28@bk.ru

Антонова Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Челябинского государственного университета, старший научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия. akademiya28@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 150—157.

GIVING EMPLOYEES OWNERSHIP TO THE CAPITAL OF ENTERPRISES AS A BASIC CONDITION FOR OVERCOMING THEIR OPPORTUNIST BEHAVIOR

V. N. Belkin
Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of UB RAS, Chelyabinsk, Russia

N. A. Belkina
Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of UB RAS, Chelyabinsk, Russia. akademiya28@bk.ru

O. A. Antonova
Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of UB RAS, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. akademiya28@bk.ru

The proposed study puts forward the hypothesis that giving workers ownership of the means of production will reduce the level of manifestation of opportunistic behavior, as a result, will increase labor motivation, innovative activity, and loyalty to the enterprise. As the foreign experience of the people's enterprises in the USA, Israel, Spain shows, the use in labor incentive programs of the vesting of ownership of capital, both for managers and employees, becomes an effective motive for labor, reducing the manifestation of opportunism, as evidenced by the results of the socio-economic activities of enterprises. It should be noted that the states of these countries are interested in this form of ownership to develop, since this has a positive effect not only on reducing the opportunism of workers within enterprises, but also on the growth of the welfare

of the country's population. Unfortunately, the Russian experience shows the opposite, the state does not support people's enterprises, which is the protection of the interests of big business.

Keywords: *opportunistic behavior of workers, property rights, alienation of labor, opportunistic labor relations, economic interests, people's enterprises, employee-shareholder.*

References

1. Maron S. (1993) Kibbutz in a Market Society.
2. Akerlof J. (1994) *THESIS*, iss. 5, pp. 91—104. [in Russ.].
3. Belyaev V. I. (2015) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 398, pp. 169—177. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=25304757, accessed 20.12.2020 [in Russ.].
4. Belyaev V. I., Kuznetsova O. V. (2017) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, no. 37, pp. 69—84 [in Russ.].
5. Barkhatov V. I., Pletnev D. A. (2013) *Organizator proizvodstva*, no. 2, pp. 15—20 [in Russ.].
6. Kapelyushnikov R. I. (2004) *NUL theory of law, Higher School of Economics.* Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25556419, accessed 20.12.2020 [in Russ.].
7. Krapivin O. M., Vlasov V. I. (2009) Kommentariy k federal'nomu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii ob aktsionernykh obshchestvakh rabotnikov (narodnykh predpriyatiyakh) [Commentary on the federal legislation of the Russian Federation on joint-stock companies of workers (people's enterprises)] [in Russ.].
8. Kushniruk A. S. (2005) *Pravovedenie*, no. 4, pp. 124—130 [in Russ.].
9. Nesterenko A. *N.* (2002) Economics and Institutional Theory. 416 p. [in Russ.].
10. Belyaev V. I., Melnikova A. N., Samsonov R. A. (2015) Opportunizm v strukture sotsial'no-trudovykh otnosheniy [Opportunism in the structure of social and labor relations]. 235 p. [in Russ.].
11. Pletnev D. A., Kozlova E. V. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (440), pp. 28—37. DOI 10.47475/1994-2796-2020-10603 [in Russ.].
12. Popov E. V., Ersh E. V. (2015) *Upravlenetc*, no. 2 (54), pp. 60—64. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=23268255 [in Russ.].
13. Rakitskaya G. (1998) Institut perspektiv i problem strany. Shkola trudovoy demokratii [Institute of Prospects and Problems of the Country. School of Labor Democracy] [in Russ.].
14. Tarlavsky V. E. (2015) *Economy and Life.* URL: http://www.eg-online.ru/article/283534/ [in Russ.].
15. Ostrom E. (2010) Upravleniye obshchim: evolyutsiya institutov kollektivnykh deystviy [Managing the Common: Evolution of Institutions of Collective Action]. 447 p. [in Russ.].
16. Williamson O. I (1996) Ekonomicheskiye instituty kapitalizma: firmy, rynki, "relyatsionnyye" kontrakty [Economic institutions of capitalism: firms, markets, "relational" contracting. Williamson]. 691 p. [in Russ.].
17. Federal'nyy zakon ot 19 iyulya 1998 g. № 115-FZ "Ob osobennostyakh pravovogo polozheniya aktsionernykh obshchestv rabotnikov (narodnykh predpriyatiy)". [Federal Law of July 19, 1998 No. 115-FZ "On the specifics of the legal status of joint stock companies of workers (people's enterprises)"]. Available at: https://base.garant.ru/12112456/, accessed 20.12.2020 [in Russ.].
18. Shastitko A. E. (2006) *Voprosy ekonomiki*, no. 4, pp. 126—143 [in Russ.].
19. Arrow K. J. (2004) Kollektivnyy vybor i individual'nyye tsennosti [Collective choice and individual values] [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 158—167.

УДК 338.431
ББК 65.324.1

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10318

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

***Е. В. Абилова*[1], *С. Г. Головина*[2]**

[1] *Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*
[2] *Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-410-740018.

В современной социально-экономической, политической и институциональной среде особую значимость в развитии отечественной аграрной экономики обретают крестьянские (фермерские) хозяйства, жизнедеятельность которых неразрывно связана с сельскими сообществами и тесно инкорпорирована в сельские территории. Формирование эффективно функционирующих фермерских хозяйств, способных обеспечить продовольственную безопасность страны и внести существенный вклад в создание благоприятных социальных условий для развития сельских территорий, является актуальной проблемой для всех российских регионов в любой период их развития. В статье проанализированы факторы развития фермерства в Челябинской области, определены факторы, формирующие ценности современного фермера, предложена методика оценки интегральных показателей факторов успешного функционирования крестьянских (фермерских) хозяйств. Проведен комплексный анализ показателей результатов деятельности субъектов малого аграрного бизнеса.

Ключевые слова: *концепция, крестьянские (фермерские) хозяйства* (*К(Ф)Х*)*, социально-экономическая среда, глобальные вызовы, внешние и внутренние угрозы, экономическая эффективность, социальные функции фермерства, траектория развития.*

В современной социально-экономической, политической и институциональной среде, в условиях новых глобальных вызовов и угроз (санкционные ограничения, природные катаклизмы, эпидемии и пандемии), детерминирующих высокую экономическую и социальную нестабильность, особую значимость в развитии отечественной аграрной экономики обретают крестьянские (фермерские) хозяйства, жизнедеятельность которых неразрывно связана с сельскими сообществами и тесно инкорпорирована в сельские территории. Формирование эффективно функционирующих фермерских хозяйств, способных обеспечить продовольственную безопасность страны [15; 16] и внести существенный вклад в создание благоприятных социальных условий для развития сельских территорий, является актуальной проблемой для всех российских регионов в любой период их развития. В настоящее время развитие фермерства актуализировано новыми импульсами, связанными с повышением значимости аграрной отрасли для благосостояния каждого региона и страны в целом, активизацией политики импортозамещения, широкой поддержкой сельского хозяйства государством, негативными последствиями пандемии COVID-19 для аграрной отрасли и сельского населения, высокой вероятностью возникновения других серьезных угроз политического, экологического, биологического (и другого) характера. В связи с этим разработка комплексного концептуального подхода к определению перспектив функционирования фермерских хозяйств в новых условиях среды с учетом их высокой значимости для устойчивого развития сельских территорий и обеспечения условий жизнедеятельности сельских сообществ (в том числе в чрезвычайных обстоятельствах) является злободневной проблемой, требующей экстренного решения.

Крестьянские (фермерские) хозяйства в России уникальны, самобытны и обладают рядом особенностей [1]. Особую роль в формировании К(Ф)Х имеет преемственность поколений, передача семейных ценностей, присутствуют прочные семейные связи. С развитием инноваций, внедрением более эффективных технологий увеличиваются размеры крестьянского (фермерского) хозяйства, а для фермеров обеспечивается полная трудовая занятость. Законодательство Российской Федерации рассматривает крестьянские (фермерские) хозяйства как форму организации свободного предпринимать-

ства в сельском хозяйстве, направленную на максимальное получение прибыли. Однако подчеркнем, что цель деятельности современного фермера сводится не только к экономическим результатам, но и к повышению показателей развития человеческого потенциала.

Несовершенство аграрного законодательства, недостаточный уровень знаний законов развития экономического и информационного общества, высокие ставки по кредитам, диспаритет цен — все это сдерживает развитие фермерства в России [15; 16]. В острой конкурентной борьбе хозяйства ставят перед собой задачу организовать инновационное производство, которое позволило бы повысить доходность, выпускать на рынок качественную, улучшенную продукцию. Инновационные процессы в аграрном секторе сопряжены с определенной долей рисков [14], принятием ответственных решений в условиях неопределенности. Высокая рискованность требует от фермера развития индивидуальных качеств не только профессионализма, но и умения быстро реагировать на изменения инновационной среды, стратегически мыслить, брать на себя ответственность за принятые решения.

Осуществляя свою предпринимательскую деятельность в рамках крестьянского (фермерского) хозяйства участник вкладывает трудовые, финансовые, материальные средства. Ряд авторов придерживаются именно этой точки зрения [8]. Мы придерживаемся точки зрения, основанной на преобладании человеческого фактора в создании ценностей современного фермера (рис. 1).

Представленные на рис. 1 факторы, подчеркивают тот факт, что объективная реальность базируется на «очеловечевании» экономики. Придерживаясь теории гуманистического подхода к экономике, отметим, что вложения фермеров в предпринимательскую деятельность и результаты труда включают такие элементы, как навыки, опыт, способности оценивать риски, принимать на себя ответственность за решения. Таким образом, человеческий фактор играет ключевую роль в создании результатов труда, ценностей. Причем мы подчеркиваем не только количественный, но и качественный показатель. Для получения качественного результата деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств используется человеческий капитал, включающий мыслительные и интеллектуальные способности фермеров, потенциал, мотивационные характеристики, уникальный опыт, образование, знания.

Важно сказать, что в результате морального устаревания знаний и практического опыта человеческий капитал имеет свойство обесцениваться, потому мы подчеркиваем необходимость развития, накопления элементов человеческого капитала, которые имеют свойства не просто накапливаться, а передаваться из поколения в поколение.

Укрепление фермерских хозяйств, весомый вклад в производство сельскохозяйственной продукции способствуют развитию устойчивости сельских

Рис. 1. Факторы, формирующие ценности современного фермера

Источник: составлено авторами на основе данных Совместного совещания ЕЭК ООН/Евростата/ФАО/ОЭСР по европейской продовольственной и сельскохозяйственной статистике (https://unece.org/fileadmin).

территорий [3]. Но по-прежнему актуальными остаются проблемы реализации произведенной продукции [9], низкого уровня технологической оснащенности и материально-технического обеспечения.

В тех населенных пунктах, где прекратили свою работу крупные аграрные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства сглаживают социальную напряженность, становятся основой повышения занятости населения. Вовлечение потенциала сельских жителей формирует инновационный экономико-социальный ландшафт сельских территорий [7]. В структуре факторов, сдерживающих развитие фермерства в стране, традиционно остается обеспеченность земельными ресурсами. В связи с этим мы провели анализ посевных площадей в муниципальных районах Челябинской области (табл. 1).

В настоящее время земельный фонд Челябинской области составляет 8852,9 тыс. га. Площадь сельскохозяйственных угодий Челябинской области составляет 57,6 % всего земельного фонда, или 5095,2 тыс. га, из них: 3058,8 тыс. — пашня; 55,0 тыс. — залежь; 38,3 тыс. — многолетние насаждения; 591,1 тыс. — сенокосы; 1352,0 тыс. га — пастбища [14]. Базисом экономический деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств является земля, основной ресурс и актив деятельности сельхозпроизводителей. Рациональное использование земельных ресурсов определяет эффективность и результативность деятельности всего агропромышленного комплекса.

В целом по Челябинской области посевная площадь в 2007 г. составляла 1 920 024 га, в 2019 г. этот показатель равен 1 949 816 га. Максимальное зна-

Таблица 1

Посевная площадь Челябинской области, га

Годы / Муниципальный район	2007	2008	2009	2010	2013	2015	2017	2018	2019
Агаповский	109 118	111 063	119 970	125 446	127 715	118 652	125 832	130588	132 280
Аргаяшский	46 046	43 250	42 283	47 269	38 747	29 689	26 886	29 595	29 818
Ашинский	4326	3923	3771	3865	1755	1251	1129	1089	1029
Брединский	162 983	171 669	174 232	206 752	200 324	201 432	206 170	215 993	216 228
Варненский	169 443	159 118	1631295	16 392	173 834	169 118	152 971	163 967	157 919
Верхнеуральский	136 376	138 331	151 793	147 548	138 133	118 002	122 530	121 406	127 333
Еманжелинский	2532	2094	2639	2661	2524	1835	1729	701	668
Еткульский	64 317	62 741	62 974	63 336	61 391	54 954	59 780	57 831	59 790
Карталинский	90 971	96 262	116 979	109 222	112 261	103 008	105 019	107 518	110 730
Каслинский	13 746	16 050	19 320	18 546	19 944	21 566	21 412	18 683	17 653
Катав-Ивановский	1462	1253	1209	1209	1056	872	779	755	652
Кизильский	149 028	156 499	163 808	171 115	165 619	114 502	145 269	157 886	166 593
Коркинский	784	810	811	814	720	624	595	575	549
Красноармейский	41 525	41 755	41 675	40 345	34 156	31 026	28 234	27 026	27 153
Кунашакский	34 485	36 435	35 230	27 573	22 004	16 559	21 396	25 210	27 962
Кусинский	1658	1688	1304	1400	1311	1129	1062	1178	1175
Нагайбакский	111 853	115 874	116 121	118 981	123 611	78 351	82 589	85 490	87 860
Нязепетровский	11 835	12 397	11 824	9141	9879	9438	9074	8828	8957
Октябрьский	141 061	146 680	148 277	145 404	147 030	145 131	143 392	146 890	15 1874
Пластовский	25 896	27 076	28 485	23 536	31 121	34 135	33 906	34 206	33 609
Саткинский	6537	5669	4593	4211	4845	4678	4530	4479	4391
Сосновский	35 411	38 267	41 025	36 951	31 185	30 075	28 186	29 709	29 717
Троицкий	186 650	187 092	194 968	197 369	194 518	182 684	191 969	171 628	179 158
Увельский	92 811	102 748	90 448	93 909	85 130	88 328	92 561	88 257	91 331
Уйский	67 074	69 580	75 104	59 704	67 813	70 665	72 927	79 380	81 415
Чебаркульский	69 719	66 548	69 094	69 536	67 246	62 609	64 988	59 384	59 358
Чесменский	121 651	122 347	120 444	121 213	130 903	130 232	117 155	124 241	124 272

Источник: Сельское хозяйство в России: стат. сб. (2019) [19].

чение составил показатель 2010 г. — 2 035 394 га. Отметим, что с 2007 по 2019 г. практически по всем муниципальным районам Челябинской области наблюдается снижение посевной площади, за исключением Чебаркульского, Агаповского, Брединского, Карталинского, Октябрьского районов. Вместе с тем сегодня наблюдается тенденция к использованию селекционных достижений: появление на рынке новых поколений сортов и гибридов с большим потенциалом урожайности, лучшей адаптивностью к местным условиям, что позволяет получать стабильно высокие показатели урожая на сравнительно небольшой площади.

Важно отметить результаты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., которые говорят о сокращении земельной площади в хозяйствах всех категорий за 10 лет на 23 % по сравнению с итогами предыдущей сельхозпереписи. Процесс концентрации земельных ресурсов наблюдается в наиболее крупных крестьянских (фермерских) хозяйствах. Доступ к земельным ресурсам обеспечивает возможности успешного и стабильного развития фермерского хозяйства. В. И. Кирюшин [6] в своих трудах не просто делает акцент на количественный показатель обеспеченности землей, но и подчеркивает огромное значение проблемы агроэкологической оценки как ключевого фактора продуктивности растениеводства. Если же обратиться к вопросу размера земельных площадей, которыми владеют фермерские хозяйства в УрФО (табл. 2), то большинство входит в группу мелкого фермерства. Такие хозяйства создаются на основе семейной преемственности с учетом природно-климатических, социальных и экономических факторов.

Успех и результативность деятельности сегодня определяются комплексным подходом, включающим совокупность ресурсов, участвующих в производстве конечного продукта. Наряду с материальными ресурсами огромное значение в современных условиях приобретает критерий использования человеческого фактора, как совокупности интеллектуального и физического труда. Вещественный и личный (человеческий) фактор образует сложную многофункциональную систему, базирующуюся на комплексном подходе. Мы выявили принципы создания и функционирования крестьянских (фермерских) хозяйств на основе комплексного экономико-технологического подхода к развитию фермерства в современных условиях среды.

Отмечено, что фермерские хозяйства обладают уникальным потенциалом в производстве сельскохозяйственной продукции, обеспечивая сельское и городское население продуктами с высокими экологическими показателями качества, тем самым формируя устойчивую прочную продовольственную систему. Сельскохозяйственные организации, хозяйства населения и КФХ испытывают на себе влияние различных факторов внешней среды. Мы разработали методику, которая на основе расчета интегральных показателей положительных факторов внешней среды дает возможность просчитать максимально возможные объемы производства каждой категории хозяйств Челябинской области. Методика включает этапы для каждого вида производимого отдельной категорией хозяйств отдельного вида продукции, причем классически производство зерна, картофеля, овощей отнесем в группу показателя «растениеводство», а скот, молоко, яйца, шерсть — в группу показателя «животноводство».

I этап. Максимизация валового производства сельскохозяйственной продукции в сельскохозяйственных организациях.

I.1. Максимальное производство продукции растениеводства в сельскохозяйственных организациях Челябинской области:

$$\Delta_{ij} = \frac{К_{ид.р} - К_{факт.р}}{К_{ид.р} - К_{наих.р}}, \quad (1)$$

где Δ_{ij} — расстояние от *i*-го объекта до «идеального» объекта по *j*-му критерию (растениеводство); $К_{ид.р}$ — наилучшее значение *j*-го показателя среди всех объектов; $К_{факт.р}$ — фактическое значение *j*-го показателя для *i*-го объекта; $К_{наих.р}$ — наихудшее значение *j*-го показателя среди всех объектов.

I.2. Максимальное производство продукции животноводства в сельскохозяйственных организациях Челябинской области:

$$\Delta_{ij} = \frac{К_{ид.ж} - К_{факт.ж}}{К_{ид.ж} - К_{наих.ж}}, \quad (2)$$

где Δ_{ij} — расстояние от *i*-го объекта до «идеального» объекта по *j*-му критерию (животноводство); $К_{ид.ж}$ — наилучшее значение *j*-го показателя среди всех объектов; $К_{факт.ж}$ — фактическое значение *j*-го показателя для *i*-го объекта; $К_{наих.ж}$ — наихудшее значение *j*-го показателя среди всех объектов.

II этап. Максимизация валового производства сельскохозяйственной продукции в хозяйствах населения.

II.1. Максимальное производство продукции растениеводства в хозяйствах населения Челябинской области.

Таблица 2

Хозяйства УрФО, имевшие земельную площадь

Показатели по регионам	Земельная площадь, га												
	До 4,1	4,1—10	10,1—20	20,1—50	50,1—100	100,1—200	200,1—500	500,1—1500	1500,1—3000	3000,1—4000	4000,1—6000	Свыше 6000	Всего
Уральский федеральный округ													
Число КФХ и ИП, ед.	958	827	715	962	633	646	807	683	195	52	32	34	6544
Общая площадь земли, тыс. га	1,3	5,9	10,6	32,7	46,1	96	264,1	587,5	402,6	181,3	150,7	362	2140,7
Курганская область													
Число КФХ и ИП, ед.	44	13	46	99	97	132	219	200	55	20	15	15	955
Общая площадь земли, тыс. га	0	0,1	0,7	3,4	7,2	19,6	73,4	173,1	115,8	68,8	70,8	140,1	673
Свердловская область													
Число КФХ и ИП, ед.	192	102	95	160	130	137	152	84	20	2	3		1077
Общая площадь земли, тыс. га	0,2	0,7	1,5	5,8	9,3	20,7	48,6	68	42,4	7,1	12,4		216
Тюменская область													
Число КФХ и ИП, ед.	422	87	44	54	73	81	120	87	33	7	3	8	1019
Общая площадь земли, тыс. га	0,4	0,6	0,7	1,8	5,3	12,4	39	75,5	70,2	24,5	14,1	115,9	360,2
Челябинская область													
Число КФХ и ИП, ед.	300	625	530	649	333	296	316	312	87	23	11	11	3493
Общая площадь земли, тыс. га	0,6	4,5	7,8	21,8	24,3	43,4	103,1	270,8	174,1	80,8	53,4	106	890,8

Источник: Сельское хозяйство в России: стат. сб. (2019) [19].

II.2. Максимальное производство продукции животноводства в хозяйствах населения Челябинской области.

III этап. Максимизация валового производства сельскохозяйственной продукции в крестьянских (фермерских) хозяйствах населения.

III.1. Максимальное производство продукции растениеводства в крестьянских (фермерских) хозяйствах населения Челябинской области.

III.2. Максимальное производство продукции животноводства в крестьянских (фермерских) хозяйствах населения Челябинской области.

Исходные данные представлены в табл. 3.

Проведенные расчеты с использованием предложенной методики показали, что с учетом внешних положительных факторов (площадь сельхозугодий, численность населения, обеспеченность материально-технической базой, природно-климатические условия) максимальные объемы производства в категории «растениеводство» имеют Брединский и Октябрьский районы Челябинской области, в категории «животноводство» — Сосновский и Троицкий районы.

Современные вызовы и угрозы для сельской местности носят комплексный характер. Они заключаются не только нехватке денежных средств [11; 12]. Помимо прочной материальной базы село утратило основу, которая отличала его от городского уклада жизни. Стержень сельского жителя базируется на коллективном подходе. К сожалению, сельские жители в эпоху перемен, связанных с цифровизацией, развитием личных индивидуальных достижений, чувствуют себя отчужденными от коллективного труда. Средством выживания для них становятся фермерские хозяйства и личные подсобные хозяйства. Крестьянские (фермерские) хозяйства позиционируют сельскую местность не просто как ресурсную базу с дешевой рабочей

Таблица 3

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции, тыс. т

Продукция \ Годы	2015	2016	2017	2018	2019
Сельскохозяйственные организации					
Зерно (в весе после доработки)	933,4	1027,4	1107,8	830,7	797,3
Картофель	68,1	53,2	69,4	71,1	50,3
Овощи	52,3	52,3	49,8	45,1	41,2
Скот и птица на убой (в убойном весе)	441,1	475,6	478,6	487,8	479,2
Молоко	133,8	156,1	164,8	168,5	164,3
Яйца, млн шт.	1474,2	1515,3	1597,1	1546,2	1529,6
Шерсть (в физическом весе)	–	–	–	–	–
Хозяйства населения					
Зерно (в весе после доработки)	96,9	107,3	116,8	100,8	93,4
Картофель	539,5	505,5	444,3	433,8	374,5
Овощи	112,9	105,0	93,5	88,5	79,7
Скот и птица на убой (в убойном весе)	58,4	54,7	51,6	49,6	46,8
Молоко	292,7	280,3	246,5	238,6	228,5
Яйца, млн шт.	97,6	89,0	81,0	76,5	71,8
Шерсть (в физическом весе)	366	358	340	330	312
Крестьянские (фермерские) хозяйства и ИП					
Зерно (в весе после доработки)	667,6	813,0	1082,7	916,4	886,7
Картофель	37,6	38,2	51,0	77,0	81,9
Овощи	6,4	13,5	17,8	16,8	22,7
Скот и птица на убой (в убойном весе)	3,5	3,8	4,5	4,5	5,1
Молоко	18,0	18,8	21,7	22,5	23,5
Яйца, млн шт.	1,3	1,3	1,2	1,2	1,1
Шерсть (в физическом весе)	28	28	29	26	26

Источник: составлено авторами по данным статистического сборника «Сельское хозяйство в России» (2019) [19].

силой, они реализуют целый ряд социально значимых функций. Важно отметить, что успех и эффективность функционирования сельскохозяйственного предприятия определяются не только формой хозяйствования, но и управленческими способностями руководителей. Принципы создания и функционирования крестьянских (фермерских) хозяйств представлены на рис. 2.

Принципы, представленные на рис. 2, подчеркивают, что фермерское хозяйство создается на добровольных началах. При этом происходит выбор относительно вида производимой продукции, сбытовой деятельности, поставщиков. Фермер лично заинтересован в качестве и востребованности производимой продукции. Он минимизирует издержки, ориентируясь на эффективный результат. Крестьянские (фермерские) хозяйства работают в условиях быстро меняющихся факторов внешней среды. Потому вынуждены приспосабливаться к изменениям, проявляя гибкость и комплексность. Особую актуальность имеет принцип экологичности производимой продукции. Современные фермеры используют экологичные технологии возделывания культур, базирующиеся на применении инноваций [6], достижений науки и техники. Крестьянские фермерские хозяйства функционируют, принимая на себя определенные обязательства и юридическую ответственность [4].

Динамичная и комплексная среда функционирования крестьянских (фермерских) хозяйств требует соответствующего (междисциплинарного, комплексного) подхода к определению перспективных траекторий их развития. Существенная зависимость функционирования крестьянских (фермерских) хозяйств от совокупности экономических [10], социальных, политических и других процессов обусловливает особую концептуализацию перспектив развития отечественного фермерства в мобильной институциональной среде, в условиях высокой неопределенности и рисков, вызовов и угроз. Разрабатываемый в ходе нашего исследования междисциплинарный концептуальный подход отличается как методологической новизной, так и прикладными возможностями его использования в ходе изучения (и прогнозирования) развития фермерства в России и ее регионах. Научная новизна исследования в итоге заключается, с одной стороны, в его фундаментальном содержании (разработка концепции определения перспективных траекторий развития фермерских хозяйств в условиях современных вызовов и угроз), с другой — в оригинальности прикладных результатов исследования, а именно в том, что полученные в ходе реализации проекта научно-практические рекомендации могут быть использованы при спецификации роли и возможностей крестьянских (фермерских) хозяйств в пре-

Рис. 2. Принципы создания и функционирования крестьянских (фермерских) хозяйств

Источник: составлено авторами на основе данных «ФАО и ВОЗ (2019). Десятилетие семейных фермерских хозяйств Организации Объединенных Наций 2019—2028. Глобальный план действий» [20].

одолении последствий пандемии, а в более широком смысле — при определении таких важнейших аспектов их деятельности, как функционирование в новых условиях среды [13], связанных с современными ограничениями (нарушение международных, межрегиональных и локальных связей, закрытость территорий, приостановка деятельности некоторых предприятий, самоизоляция населения и т. д.), организация логистики, маркетинга и других трансакций с сельскохозяйственной продукцией и ресурсами в условиях цифровизации экономики (внедрение IT-технологий в процессы производства и реализации продукции сельхозпроизводителями, в координацию трансакций с контрагентами, партнерами, государственными и общественными структурами), выполнение общественно значимых социальных и экологических функций на селе для обеспечения национальной безопасности (продовольственной, биологической, экологической и пр.), создание условий для успешного решения проблем в развитии аграрной отрасли и сельских территорий в сложных социально-экономических ситуациях.

Список литературы

1. Petrick M. Incentive provision to farm workers in post-socialist settings: Evidence from East Germany and North Kazakhstan // International Food and Agribusiness Management Review. 2017. Vol. 20. P. 239—256.

2. Unay G. I., Bojnec S. The Impact of Green Economy Measures on Rural Employment: Green Jobs in Farms // Journal of Cleaner Production. 2019. № 208. P. 541—551. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.10.160.

3. Головина С. Г., Мыльников Е. А., Смирнова Л. Н., Лоретц Е. Е. О фермерстве и кооперации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ГАУ, 2019. 296 с.

4. Донник И. М., Воронин Б. А., Лоретц О. Г. Импортозамещение сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: состояние, задачи // Аграрный вестник Урала. 2015. № 3. С. 54—59.

5. Загорский Г. Н. Крестьянское (фермерское) хозяйство как субъект ответственности // Вестник АПК Ставрополья. 2012. № 2 (6).

6. Кирюшин В. И. Агроэкологическая оценка земель, проектирование адаптивно-ландшафтных систем земледелия и агротехнологий / под ред. акад. В. И. Кирюшина и акад. А. Л. Иванова. М., 2005. 783 с.

7. Климовских Н. В., Петриди И. Н. Совершенствование управления фермерским хозяйством с помощью инновационных технологий // Аллея науки. 2018. Т. 7, № 6 (22). С. 680—683.

8. Крутиков В. К., Еремеев В. И., Федорова О. В. Инновационный потенциал кооперативного движения в решении проблем агропромышленного комплекса // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 3. С. 199—203.

9. Кудряшов В. И., Нежельченко Е. В. Организация эффективного развития крестьянских хозяйств: опыт, проблемы, решения: учеб. пособие. М.: Восход-А, 2007. 239 с.

10. Максимова С. А. Личное подсобное хозяйство как фактор обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства страны // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 1 (123).

11. Медведева Т. Н., Сычева Ф. А. Аграрные реформы в сельском хозяйстве России в 20—21 веках // Аграрный вестник Урала. 2013. № 10 (116). С. 87—90.

12. Максимов А. Ф. Сельскохозяйственные потребительские кооперативы в современных условиях их функционирования // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2018. № 3. С. 43—52.

13. Минаков И. А. Развитие сельскохозяйственной производственной кооперации: тенденции, проблемы и перспективы // Теория и практика мировой науки. 2017. № 2. С. 22—26.

14. Мыльников Е. А., Головина С. Г., Володина Н. Д., Смирнова Л. Н. Развитие фермерства в Курганской области: условия и перспективы // Экономика сельского хозяйства России. 2018. № 3. С. 6—12.

15. Николаева Е. В., Сердюкова М. Н. Анализ эффективности государственных программ поддержки малых форм организации сельскохозяйственного производства и сельскохозяйственной кооперации // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 8 (418). С. 114—124.

16. Николаева Е. В. Сравнительный анализ факторов эффективности малых и средних форм организации сельскохозяйственного производства в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 5 (401). С. 123—132.

17. Петрова С. Ю., Фролова О. А. Оценка экономической эффективности работы сельскохозяйственных организаций с учетом использования государственной поддержки // Вестник АГАУ. 2013. № 10. С. 126—133.

18. Пудовиков А. С., Матвеев А. М., Сафонов С. Н. Развитие потребительской кооперации в Курганской области // Концепция развития производительных сил Курганской области: материалы науч.-практ. конф. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. С. 210—214.

19. Сельское хозяйство в России: стат. сб. М.: Росстат, 2019. 91 с.

20. ФАО и ВОЗ. 2019. Десятилетие семейных фермерских хозяйств организации объединенных наций 2019—2028. Глобальный план действий.

21. Фролова О. А. Экономическая эффективность государственной финансовой поддержки сельскохозяйственных организаций // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2011. № 9. С. 52—55.

Сведения об авторах

Абилова Екатерина Викторовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента факультета управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ekaterina.abilova@mail.ru

Головина Светлана Георгиевна — доктор экономических наук, профессор, ведущий специалист отдела по научной, инновационной работе и докторантуре Уральского государственного аграрного университета, Екатеринбург, Россия. kkrav84@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 158—167.

FARM DEVELOPMENT UNDER CONDITIONS OF MODERN CHALLENGES AND THREATS (ON THE EXAMPLE OF THE CHELYABINSK REGION)

E. V. Abilova
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ekaterina.abilova@mail.ru

S. G. Golovina
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia. kkrav84@mail.ru

In the modern socio-economic, political and institutional environment, in the context of new global challenges and threats (sanctions restrictions, natural disasters, epidemics and pandemics), which determine high economic and social instability, peasant (farm) farms are gaining particular importance in the development of the domestic agricultural economy whose livelihoods are inextricably linked to rural communities and are closely incorporated into rural areas. The formation of effectively functioning farms capable of ensuring the country's food security and making a significant contribution to the creation of favorable social conditions for the development of rural areas is an urgent problem for all Russian regions at any period of their development. The article proposes a methodology for assessing the factors of successful functioning of peasant (farmer) households in the face of modern challenges and threats. A comprehensive analysis of indicators of the results of the activities of small agricultural business entities has been carried out.

Keywords: *concept, peasant (farm) economy, socio-economic environment, global challenges, external and internal threats, economic efficiency, social function of farming, development trajectory.*

References

1. Petrick M. (2017) *International Food and Agribusiness Management Review*, no. 20, pp. 239—256.

2. Unay G. I., Bojnec S. (2019) *Journal of Cleaner Production*, no. 208, pp. 541—551. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.10.160.

3. Golovina S. G., Pugin S. V. (2016) *Vestnik Kurganskoi GSKhA*, no. 2 (18), pp. 19—23 [in Russ.].

4. Donnik I. M., Voronin B. A., Loretc O. G. (2015) *Agrarnyj vestnik Urala*, no. 3, pp. 54—59 [in Russ.].

5. Zagorskij G. N. (2012) *Vestnik APK Stavropol' ja*, no. 2(6), pp. 18—23 [in Russ.].

6. Kirjushin V. I. (2005) Agrojekologicheskaja ocenka zemel', proektirovanie adaptivno-landshaftnyh sistem zemledelija i agrotehnologij [Agroecological assessment of land, design of adaptive landscape systems of farming and agricultural technologies]. 783 p. [in Russ.].

7. Klimovskih N. V., Petridi I. N. (2018) *Alleja nauki*, no. 6 (22), pp. 680—683 [in Russ.].

8. Krutikov V. K., Eremeev V. I., Fedorova O. V. (2014) *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 199—203 [in Russ.].

9. Kudrjashov V. I., Nezhel'chenko E.V. (2007) Organizacija jeffektivnogo razvitija krest'janskih hozjajstv: opyt, problemy, reshenija [Organization of effective development of peasant farms: experience, problems, solutions]. 239 p. [in Russ.].

10. Maksimova S. A. (2015) *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, no. 1 (123), pp. 53—56 [in Russ.].

11. Medvedeva T. N., Sycheva F. A. (2013) *Agrarnyj vestnik Urala*, no. 10 (116), pp. 87—90 [in Russ.].

12. Maksimov A. F. (2018) *Fundamental'nye i prikladnye issledovanija kooperativnogo sektora jekonomiki*, no. 3, pp. 43—52 [in Russ.].

13. Minakov I. A. (2017) *Teorija i praktika mirovoj nauki*, no. 2, pp. 22—26 [in Russ.].

14. Myl'nikov E. A., Golovina S. G., Volodina N. D., Smirnova L. N. (2018) *Ekonomika sel'skogo hozjajstva Rossii*, no. 3, pp. 6—12 [in Russ.].

15 Nikolaeva E. V., Serdyukova M. N. (2018) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8(418), pp. 114—124 [in Russ.]

16. Nikolaeva E. V. (2017) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5 (401), pp. 123—132 [in Russ.]

17. Petrova S. Ju., Frolova O. A. (2013) *Vestnik AGAU*, no. 10, pp. 126—133 [in Russ.]

18. Pudovikov A. S., Matveev A. M., Safonov S. N. (2017) Razvitie potrebitel'skoy kooperatcii v Kurganskoy oblasti [The development of consumer cooperation in the Kurgan region]. *Kontceptciia razvitiia proizvoditel'nykh sil Kurganskoy oblasti: materialy nauch.-prakt. konf.* [The concept of the development of productive forces of the Kurgan region: materials of science-practical conf.]. Kurgan. Pp. 210—214 [in Russ.].

19. (2019) Sel'skoe hozyajstvo v Rossii. Statisticheskij sbornik [Agriculture in Russia. Statistical compilation]. Moscow, Rosstat. 91 p. [in Russ.]

20. FAO i VOZ. 2019. Desyatiletie semejnyh fermerskih hozyajstv Organizacii Ob''edinennyh Nacij 2019—2028. Global'nyj plan dejstvij [in Russ.]

21. Frolova O. A. (2011) *Ekonomika sel'skohozjajstvennyh i pererabatyvajushchiлh predprijatij*, no. 9, pp. 52—55 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 168—173.

УДК 338.47
ББК 65.37

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10319

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР В ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Т. С. Малетова

Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского, Донецк, Донецкая Народная Республика

Представлены и обоснованы современное состояние и тенденции развития предпринимательских структур в экономике региона. Дана оценка современной ситуации, характеризующей развитие предпринимательства в транспортной сфере Донецкой Народной Республики. Установлены сильные и слабые стороны, возможности и угрозы транспортного комплекса региона. Проведен анализ устойчивого развития транспортной отрасли республики. Выявлены ключевые факторы, обусловливающие устойчивое развитие субъектов хозяйствования в транспортной сфере региона. Указаны приоритетные направления, формирующие благоприятные условия для дальнейшего развития предпринимательских структур транспортного комплекса Донецкой Народной Республики. Определена инновационная инициатива эффективного инструмента динамического развития предпринимательских структур.

Ключевые слова: *предпринимательство, бизнес-структуры, транспорт, транспортная сфера.*

Общемировые и региональные тенденции формирования рыночной экономики, характеризующиеся всесторонней глобализацией и цифровизацией, усилением динамических способностей и сложностью прогнозирования поведения социально-экономических субъектов, определяют тренд развития предпринимательских структур.

Проблемы развития предпринимательства всегда были в центре внимания ученых, представителей бизнеса и общества. Так, вопросы теории и практики развития предпринимательских структур достаточно подробно освещаются в трудах В. И. Бобошко [1], В. П. Смирнова [2], М. Н. Безугловой [3], А. В. Бусыгина [7], А. Ю. Арекссевой [8] и др.

Л. И. Кулакова отмечает, что сущность предпринимательской структуры в научной литературе рассматривается многогранно: с точки зрения экономики — это совокупность экономических единиц; с точки зрения права (государства) — субъекты экономической свободы; с точки зрения бизнеса — субъекты экономической деятельности. Объединяет все эти понятия то, что предпринимательскую структуру можно рассматривать как хозяйствующий субъект, характеризуемый в зависимости от размера предприятия, специфики его деятельности, территориальной принадлежности, целей и миссии деятельности, формы собственности, отраслевой принадлежности и т. д. [9. С. 2571—2572].

В научной среде термин «предпринимательская структура» часто синонимизируется с такими понятиями, как «предприятие», «фирма», «компания», «организация». Как справедливо подчеркивает А. В. Александров, «несмотря на некоторые существующие различия в подходах к их определению, все они характеризуют субъект рыночных отношений предпринимательского типа, обладающий хозяйственной самостоятельностью и нацеленный на получение прибыли как основного результата своей деятельности» [10. С. 56].

Отличительные черты предпринимательской бизнес-структуры:

— самостоятельность функционирования субъекта хозяйствования и имущественная ответственность за результаты своей работы;

— наличие предпринимателя-инноватора как носителя прогрессивных идей, от способностей которого во многом зависит эффективность работы структуры;

— постоянный поиск и внедрение в практическую деятельность инициатив по применению новых научно-технических разработок, направленных не только на получение прибыли в краткосрочной перспективе, но и на налаживание производственного процесса, развитие экономики государства в целом;

— наличие рисков, то есть необходимость своевременно и гибко реагировать на множество внешних и внутренних факторов, влияющих на нормальную работу бизнес-структуры.

Таким образом, в авторской трактовке под предпринимательскими бизнес-структурами понимаем самостоятельно функционирующие субъекты хозяйствования, осуществляющие рисковую деятельность, связанную с максимальным использо-

ванием динамических способностей для получения прибыли через удовлетворение индивидуальных, общественных и государственных потребностей.

Предпринимательство является важнейшим элементом рыночной экономики, в значительной степени способствует интенсивному развитию государства, во многом определяет темпы экономического роста, структуру и качество валового национального продукта [11. С. 110].

Транспортная отрасль и дорожное хозяйство занимают важное место в экономической и социальной сферах Донецкой Народной Республики, что неоднократно подчеркивалось на пленарных заседаниях Народного Совета [1, 2]. Именно транспорт обеспечивает взаимосвязь между различными отраслями экономики (экономическое значение), обмен материальными и духовными ценностями между народами, народностями и этническими группами (политическое значение), мобильность людских и материальных ресурсов (военное значение), облегчает физический труд людей (социальное значение)[3].

[1] Дорожно-транспортный комплекс городов и районов Донецкой Народной Республики за 1-е полугодие 2019 года (http://donmintrans.ru/d/1/otchet/dtk/dtk-1pol-2019.pdf; дата обращения 12.12.2020).

[2] Доклад Дмитрия Подлипанова об итогах работы Министерства транспорта за 2018 год (https://dnrsovet.su/doklad-dmitriya-podlipanova-ob-itogah-raboty-ministerstva-transporta-za-2018-god/; дата обращения 12.12.2020).

[3] Доклад Дмитрия Подлипанова о работе транспортной отрасли в 2019 году (http://donmintrans.ru/press/news/3179-dmitrij-podlipanov-vystupil-pered-deputatami-ns-dnr-s-dokladom-o-rabote-transportnoj-otrasli-v-2019-godu; дата обращения 12.12.2020).

Основные показатели, характеризующие развитие транспортной сферы ДНР за 2017—2019 гг., представлены в табл. 1. Они свидетельствуют об устойчивом развитии транспортной отрасли республики.

Объем реализованных услуг предприятиями транспорта составляет 38% и более от общего объема услуг, оказанных всеми предприятиями ДНР.

Данная сфера обеспечивает рабочими местами около 6% работников, занятых в экономике. Ежедневно перевозится всеми видами транспортных средств на регулярных маршрутах более 500 тыс. чел. Только за счет выдачи разрешительных документов за 2017—2019 гг. обеспечено поступлений в бюджет более чем 7 млн руб. В табл. 2 представлена информация о количестве зарегистрированных субъектов хозяйствования в транспортной сфере.

Данные табл. 2 отражают устойчивые положительные тенденции в развитии предпринимательских структур транспортного сектора: количество субъектов хозяйствования с 2014 г. выросло в 3 раза, причем только за последний год на 554 субъекта.

Таким образом, транспортная сфера Донецкой Народной Республики, представленная в большинстве своем малым бизнесом, демонстрирует устойчивые положительные тенденции. При росте общего количества субъектов хозяйствования наблюдается спад вновь регистрируемых предприятий, что свидетельствует об увеличении жизненного цикла бизнес-структур, удовлетворении потребностей населения в транспортных услугах (предложение удовлетворяет потребительский спрос на такой вид услуг).

Таблица 1

Основные показатели, характеризующие развитие транспортной сферы Донецкой Народной Республики

Период / Показатель	1 января 2018 г.	1 января 2019 г.	1 января 2020 г.
Объем реализованных услуг предприятиями транспорта, % общего объема услуг	Нет информации	40,00	38
Доля штатных работников, задействованных в транспортной сфере, % общего кол-ва штатных работников, занятых в экономике	6,2	6	6
Ежедневно перевозится всеми видами транспортных средств на регулярных маршрутах, чел.	≈635 000	556 000	>500 000
Выдача Министерством транспорта ДНР разрешений на различные виды перевозок (лицензий и их копий, лицензионных карточек, временных разрешений), кол-во документов	3846	3142,00	>2000
Общая сумма поступлений в бюджет в виде пошлин за выдачу разрешительных документов, тыс. руб.	2878	≈3000	1471

Источник: составлено автором по данным [12]—[14].

Таблица 2

Информация о количестве зарегистрированных субъектов хозяйствования транспортного комплекса Донецкой Народной Республики

Годы / Показатели	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Отклонение (+/-)	
								2000 г. к 2014 г.	2000 г. к 2019 г.
Кол-во субъектов хозяйствования, в том числе:	4307	7234	9884	11221	11922	12886	13440	+9133	+554
— предприниматель-физлицо	4189	7061	9698	11028	11723	12684	13236	+9047	+552
— общество с ограниченной ответственностью	96	131	143	150	155	158	160	+64	+2
— частное предприятие	12	16	17	17	17	17	17	+5	–
— государственное предприятие	2	12	12	12	13	13	13	+11	–
— коммунальное предприятие	5	8	8	8	8	8	8	+3	–
— акционерное общество	2	3	3	3	3	3	3	+1	–
— прочее	1	3	3	3	3	3	3	+2	–

Источник: составлено автором по данным: Министерство транспорта. Итоги работы за 2016 год (http://donmintrans.ru/d/1/itogi-rabotu-2016.pdf; дата обращения 12.12.2020); Доклад и. о. министра транспорта Игоря Андриенко об итогах работы за 2017 год (https://dnrsovet.su/i-o-ministra-transporta-igor-andrienko-podvel-itogi-raboty-za-2017-god/; дата обращения 12.12.2020); Итоги 2017. Отчет Министерства транспорта по направлениям (http://donmintrans.ru/d/1/otchet/itogi-2017.pdf; дата обращения 12.12.2020); Программа восстановления и развития экономики и социальной сферы города Донецка на 2020 год (http://gorod-donetsk.com/programma-vosstanovleniya-i-razvitiya; дата обращения 12.12.2020).

Для структурирования влияния факторов и определения возможностей дальнейшего развития предпринимательских структур транспортного комплекса Донецкой Народной Республики в табл. 3 представлена матрица SWOT-анализа:

Отметим, что в настоящее время правительством немало сделано для восстановления транспортной отрасли республики, о чем свидетельствуют положительные тенденции ее развития; разработаны основные нормативные документы, обозначены стратегические приоритеты (Программа восстановления и развития транспортной отрасли и дорожного хозяйства республики на 2019—2020 гг.[1]). На заседании Комиссии по экономическим вопросам Общественной палаты ДНР от 15.07.2020 озвучено, что «в качестве вектора дальнейшего развития транспортной инфраструктуры ДНР выбрана ориентация на Российскую Федерацию в перспективных направлениях пассажиропотоков и грузопотоков, в адаптации нормативно-правовой базы, технических регламентов к требованиям РФ»[2].

Однако существует и множество проблем, требующих оперативного реагирования со стороны государства в краткосрочной (см. табл. 3: слабые стороны) и долгосрочной перспективе (см. табл. 3: угрозы).

Озвученная национальная стратегия требует принятия превентивных мер — изучения вектора развития транспортной отрасли государства-ориентира на долгосрочную перспективу. Так, в Российской Федерации утвержден интенсивный, инновационный и социально ориентированный тип развития транспортного комплекса[3], что предполагает принятие адекватных стратегических решений республиканского уровня. Государство должно обеспечить создание условий для экономического роста, повышения конкурентоспособности национальной экономики и качества жизни населения путем уси-

[1] Информация является конфиденциальной, нет в свободном доступе.

[2] Общественная палата обсудила развитие транспортной инфраструктуры (https://archive2018-2020.dnronline.su/2020/07/16/obshhestvennaja-palata-obsudila-razvitie-transportnoj-infrastruktury-foto/; дата обращения 12.12.2020).

[3] Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года. Распоряжение Правительства РФ от 22 ноября 2008 года № 1734-р (http://docs.cntd.ru/document/902132678; дата обращения 12.12.2020).

Таблица 3

Матрица SWOT-анализа
транспортного комплекса Донецкой Народной Республики

Strengths (сильные стороны)	**Weaknesses (слабые стороны)**
— Выгодное экономико-географическое положение, потенциал для развития всех видов транспорта; — значительный научно-технический, промышленный, кадровый и интеллектуальный потенциал; — положительные тенденции развития транспортной отрасли; — разветвленная маршрутная сеть; — единая тарифная система на электротранспорт; — обозначение улиц и ключевых туристических объектов на двух языках	— Негативные последствия военных действий: повреждение и разрушение транспортной инфраструктуры, отток высококвалифицированного персонала, нарушение экономических и социальных связей при осуществлении перевозок; — высокая степень физического и морального износа транспортных средств, нехватка запчастей, а возможность их заказать в разы повышает их стоимость; — ограниченные инвестиционные возможности, недостаточное финансирование со стороны государства и частного бизнеса; — несовершенство нормативно-правовой базы; — отсутствие единой транспортно-логистической системы; — низкая инновационная активность; — отсутствие в свободном доступе надежной актуальной статистики, характеризующей развитие транспортной сферы и потребности населения и бизнеса; — нестабильные каналы сбыта продукции; — полное разрушение инфраструктуры аэропорта
Opportunities (возможности)	**Threats (угрозы)**
— Ориентация дорожно-транспортной отрасли на Российскую Федерацию: по перспективным направлениям пассажиропотока и грузопотока, адаптация нормативно-правовой базы, техническим нормативам; — восстановление главных магистральных линий, инфраструктуры; — улучшение сервисного обслуживания и безопасности движения; — внедрение информационно-коммуникационных и цифровых технологий; — централизованная координация различных видов транспорта; — развитие механизмов государственно-частного партнерства на взаимовыгодных условиях; — усиление инвестиционной привлекательности региона и позиционирование республики как надежного торгово-экономического партнера; — развитие международных связей, — стимулирование создания на территории города иностранных и совместных предприятий; — увеличение доли экспорта во внешнеторговом обороте; — совершенствование налогового и таможенного законодательства	— Ухудшение социально-политической, экологической ситуации, возобновление активных боевых действий, рост социальной напряженности; — рост цен на топливо и ГСМ, рост ежегодных расходов на оформление разрешительных документов на перевозки; — простои производственных предприятий, связанные с простоями на таможне, ограничениями на ввоз-вывоз сырья и готовой продукции; — ухудшение эпидемиологической ситуации, закрытие границ, снижение покупательской способности; — сезонность потребления определенных видов продукции; — ужесточение экологических норм для транспортных предприятий; — появление новых конкурентов; — снижение прибыли из-за роста себестоимости услуг; — рост технического и технологического отставания ряда производств от конкурентов в Российской Федерации и за рубежом; — низкая заинтересованность инвесторов в связи с высокими инвестиционными рисками; — ужесточение условий поставки сырья и отгрузки готовой продукции

Источник: разработано на основе [15], [16].

ления приоритета мер инновационного характера в сфере функционирования и развития транспорта. На республиканском уровне неоднократно подчеркивалось, что основу успешного инновационного развития составляют человеческий капитал, современные технологии и разумное государственное регулирование [17. С. 5, 7]. В качестве одной из инновационных инициатив выступает использование бизнес-моделирования как эффективного инструмента динамического развития предпринимательских структур.

Список литературы

1. Бобошко В. И. Роль институциональной поддержки малого бизнеса в условиях экономического кризиса // Мировая экономика: проблемы безопасности. 2016. № 1. С. 85—88.

2. Смирнов В. П. Предпринимательский ресурс развития экономики и общества // Экономика и предпринимательство. 2012. № 6. С. 386—389.

3. Безуглова М. Н., Маркарьян Ю. А. Проблемы малого бизнеса и его роль в социально-экономическом развитии национальной экономики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 1 (80). С. 11—13.

4. Сухопарова А. В. Малый бизнес глазами предпринимателей: динамика оценки важности проблем в кризисные периоды // Управленческие науки. 2017. Т. 7, № 1. С. 19—25.

5. Ковалюк В. Н. Бизнес-модели в предпринимательской деятельности // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7, ч. 2.

6. Асаул А. Н., Войнаренко М. П., Ерофеев П. Ю. Организация предпринимательской деятельности. СПб.: Гуманистика, 2004. 448 с.

7. Бусыгин А. В. Предпринимательство. М.: Бусыгин, 2003. 614 с.

8. Аркессева А. Ю. Методологический базис развития предпринимательских структур // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19, № 14. С. 881—894.

9. Кулакова Л. И. Теоретические и методологические основы взаимодействия властных и предпринимательских структур // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18, № 17. С. 2565—2578.

10. Александров А. В. Предпринимательская структура: сущность и роль в современной экономике // Проблемы экономики и менеджмента. 2011. № 1. С. 54—57.

11. Прокопец Т. Н. Предпринимательство как один из факторов развития национальной экономики // Молодой ученый. 2010. № 12 (23), т. 1. С. 110—112.

12. Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: науч. докл. / коллектив авт. ГУ «Ин-т экон. исслед.» в рамках сотрудничества с Ин-том нар.-хоз. прогнозирования Рос. акад. наук; под науч. ред. А. В. Половяна, Р. Н. Лепы. Донецк, 2017. 84 с.

13. Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: науч. докл. / коллектив авт. ГУ «Ин-т экон. исслед.» в рамках сотрудничества с Ин-том нар.-хоз. прогнозирования Рос. акад. наук; под науч. ред. А. В. Половяна, Р. Н. Лепы. Донецк, 2018. 260 с.

14. Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: науч. докл. / коллектив авт. ГУ «Ин-т экон. исслед.» в рамках сотрудничества с Ин-том нар.-хоз. прогнозирования Рос. акад. наук; под науч. ред. А. В. Половяна, Р. Н. Лепы, Н. В. Шемякиной. Донецк, 2020. 260 с.

15. Андриенко И. А., Завгородняя А. А., Василенко Т. Е., Тарасевич Е. А. Автотранспортный комплекс: состояние, проблемы, перспективы // Научно-технические аспекты развития автотранспортного комплекса 2018: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. «Науч.-техн. аспекты развития автотранспорт. комплекса» в рамках 4-го Междунар. научного форума Донец. Нар. Республики «Инновац. перспективы Донбасса: Инфраструктур. и соц.-экон. развитие». Донецк, 2018. 370 с. С. 8—11.

16. Ковальчук В. И., Кужелева А. А. Особенности развития предпринимательской деятельности в Донецкой Народной Республике // Современная мировая экономика: вызовы и реальность: материалы II Республикан. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. 2019 г. С. 151—156.

17. Инновационное развитие экономики Донбасса: проблемы, перспективы, решения: материалы круглого стола / под. ред. А. В. Половяна. Донецк: Изд-во ФЛП Кириенко С. Г., 2017. 116 с.

Сведения об авторе

Малетова Татьяна Сергеевна — аспирантка Донецкого национального университета экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского, Донецк, Донецкая Народная Республика. TSMaletova@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 168—173.

ANALYSIS OF THE STATE AND TRENDS OF THE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURIAL STRUCTURES IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

T. S. Maletova
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk, Donetsk People's Republic, TSMaletova@gmail.com

The article identifies and substantiates the current state and development trends of entrepreneurial structures in the region's economy. An assessment of the current situation characterizing the development of entrepreneurship in the transport sector of the Donetsk People's Republic is given. The strengths, weaknesses, opportunities and threats of the transport complex of the region are determined. The analysis of the sustainable development of the transport industry of the Republic is carried out. The key factors that determine the sustainable development of business entities in the transport sector of the region are identified. The priority areas that create favorable conditions for the further development of entrepreneurial structures of the transport complex of the Donetsk People's Republic have been identified. An innovative initiative has been identified as an effective tool for the dynamic development of business structures.

Keywords: *entrepreneurship, business structures, transport, transport sector.*

References

1. Boboshko V. I. (2016) *World Economy: Security Problems*, no. 1, pp. 85—88 [in Russ.].
2. Smirnov V. P. (2012) *Economics and Entrepreneurship*, no. 6, pp. 386—389 [in Russ.].
3. Bezuglova M. N., Markaryan Yu. A. (2017) *Science and Education: Economy and Economy; entrepreneurship; law and management*, no. 1 (80), pp. 11—13 [in Russ.].
4. Sukhoparova A. V. (2017) *Journal of Management Sciences*, vol. 7, no. 1, pp. 19—25 [in Russ.].
5. Kovalyuk V. N. (2015) Biznes-modeli v predprinimatel'skoy deyatel'nosti [Business models in entrepreneurial activity]. Available at: http://web.snauka.ru/issues/2015/07/55247, accessed 24.11.2016 [in Russ.].
6. Asaul A. N., Voinarenko M. P., Erofeev P. Yu. (2004) Organizatsiya khozyaystvennoy deyatel'nosti [Organization of business activities]. St. Petersburg, Humanistika [in Russ.].
7. Busygin A. V. (2003) Predprinimatel'stvo [Entrepreneurship]. Moscow, Busygin [in Russ.].
8. Areksseva A. Yu. (2018) *Rossiyskoye predprinimatel'stvo*, vol. 19, no. 14, pp. 881—894 [in Russ.].
9. Kulakova L. I. (2017) *Russian entrepreneurship*, vol. 18, no. 17, pp. 2565—2578 [in Russ.].
10. Aleksandrov A. V. (2011) *Problemy ekonomiki i upravleniya*, no. 1, pp. 54—57 [in Russ.].
11. Prokopets T. N. (2010) *Molodoy uchenyy*, no. 12 (23), vol. 1, pp. 110—112 [in Russ.].
12. (2017) Ekonomika Donetckoy Narodnoy Respubliki: sostoianie, problemy, puti resheniia [Economy of the Donetsk People's Republic: state, problems, solutions: scientific report]. Donetck. 84 p.
13. (2018) Ekonomika Donetckoy Narodnoy Respubliki: sostoianie, problemy, puti resheniia [Economy of the Donetsk People's Republic: state, problems, solutions: scientific report]. Donetck. 260 p.
14. (2020) Ekonomika Donetskoy Narodnoy Respubliki: sostoyaniye, problemy, puti resheniya [Economy of the Donetsk People's Republic: state, problems, solutions: scientific report]. Donetsk. 260 p. [in Russ.].
15. Andrienko I. A., Zavgorodnyaya A. A., Vasilenko T. E., Tarasevich E. A. (2018) Motor transport complex: state, problems, prospects. Pp. 8—11 [in Russ.].
16. Kovalchuk V. I., Kuzheleva A. A. (2019) Osobennosti razvitiya predprinimatel'skoy deyatel'nosti v Donetskoy Narodnoy Respublike [Features of the development of entrepreneurial activity in the Donetsk People's Republic]. DonNTU. Pp. 151—156 [in Russ.].
17. (2017) Innovatsionnoye razvitiye ekonomiki Donbassa: problemy, perspektivy, resheniya: materialy Kruglogo stola [Innovative development of the Donbass economy: problems, prospects, solutions: materials of the Round Table]. 116 p. [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 174—180.

УДК 331.45
ББК 65.246

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10320

ОСОБЕННОСТИ БЕЗОПАСНОСТИ УСЛОВИЙ ТРУДА НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ

А. А. Егорова[1], Н. С. Феоктистов[1], А. О. Ужегов[2]

[1]Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
[2]Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия

Рассмотрены теоретические и практические вопросы, касающиеся обеспечения безопасных условий труда на предприятии, предложен комплекс мероприятий, способствующих повышению уровня безопасности условий труда. Авторами интерпретировано понятие «безопасность условий труда» с точки зрения его экономического значения. Предложено рассматривать экономическую безопасность условий труда как защищенность рабочей среды от возможных угроз при осуществлении персоналом трудового процесса, способствующую стабильному функционированию предприятия. В заключение представлен комплекс мероприятий по повышению безопасности условий труда на предприятии.

Ключевые слова: *безопасность, условия труда, охрана труда, промышленное предприятие.*

Обеспечение безопасных условий труда на промышленном предприятии любой отрасли является основополагающим условием его успешного функционирования и формирования конкурентоспособного положения на современном рынке.

Усложнение производственного процесса, а также повышение стоимости промышленного оборудования предъявляют по отношению к работникам все более жесткие требования, выражающиеся в повышенном внимании, соблюдении дисциплины труда, растущей ответственности. Автоматизация трудовой деятельности в значительной степени сокращает уровень физической нагрузки, приходящейся на работников предприятия, однако следствием этого становится повышение их психической нагрузки. Как известно, для компенсации подобного вида нагрузок необходимы большие объемы финансирования и качественное изменение условий труда. Все это обостряет проблемы обеспечения безопасных условий труда на производстве.

Зачастую отношение руководства предприятий к сохранению жизни и здоровья трудящихся не всегда обеспечивается должным образом. Это обусловлено тем, что в ходе производственного процесса работники сталкиваются с воздействием вредных и опасных производственных факторов. Прямым следствием неудовлетворительных условий труда становятся профессиональная заболеваемость и производственный травматизм. Отсюда следует, что обеспечение безопасных условий труда является одной из основополагающих целей, к которой должны стремиться как государство, так и работодатели.

Таким образом, решение проблемы обеспечения и дальнейшего совершенствования безопасности условий труда создает необходимость теоретического и методологического исследования данного вопроса.

Первостепенным источником обеспечения безопасности в любом ее проявлении призвано быть государство, которое должно регулировать различные сферы человеческой деятельности, защищать как отдельно взятых индивидов, так и общество в целом [2].

Так же как и в других странах, в Российской Федерации трудовые отношения регулируются в законодательном порядке. Основными документами в данной сфере являются Конституция РФ, Трудовой кодекс, а также некоторые Федеральные законы.

Трудовой кодекс регламентирует обеспечение безопасных условий труда в части первой (ст. 1, 2) и части третей (ст. 212) [13].

Значительная роль в решении проблем обеспечения безопасных условий труда отводится закону Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» [14].

Согласно ст. 209 Трудового кодекса Российской Федерации *безопасные условия труда* — это условия труда, при которых воздействие вредных и (или) опасных производственных факторов на работающих исключено либо уровни воздействия не превышают установленных нормативов [13].

Трудовое законодательство дает четкое и ясное определение данного понятия, однако оно не является исчерпывающим, и поэтому у многих ав-

торов и научных исследователей имеются свои трактовки и подходы к определению безопасных условий труда.

Понятие условий труда рассматривается не только в рамках трудового законодательства, но и в различных научных публикациях.

Среди отечественных ученых, чьи труды раскрывают проблемы экономической безопасности условий труда в организациях и на предприятиях, следует выделить таких авторов, как Н. В. Цейковец [17], А. А. Сабитов [10], П. П. Лутовинов [8], Н. С. Шампорова [18], Е. В. Левченко [7] и др. Они рассматривают безопасность условий труда через призму экономической безопасности, оценивая не только социальные эффекты от повышения уровня условий труда, но и экономический эффект.

Вопросам социально-экономического значения безопасных условий труда посвящены работы А. В. Анохина [1], В. С. Сердюка [12], О. П. Фролова [16], С. Н. Яшина [19] и др. В их исследованиях превалирует оценка социально-экономического значения от внедрения мероприятий по повышению уровня безопасности условий труда.

Методические подходы к оценке безопасности условий труда рассмотрены в методических пособиях таких авторов, как: М. П. Гандзюк, Э. П. Желиба и М. О. Халимовская [3]; Л. П. Керб [4]; А. Г. Сергеев [11], О. М. Родионова [9]; Т. Ю. Фрезе [15]; Ю. П. Кокин [5] и др.

Е. А. Краснощекова делает акцент на оценке безопасности условий труда на предприятии и отмечает, что главная цель — это проведение оптимизационных работ по безопасности труда, выявление первоочередных мероприятий за счет оценки их социально-экономической эффективности [6].

Рассмотрим одно из таких определений (предлагаемое А. А. Сабитовым), согласно которому *условия труда* — это совокупность технических, технологических и организационных характеристик труда, которые работодатель поручает работнику в силу заключаемого между ними трудового договора [10].

П. П. Лутовинов и С. М. Осташевский рассматривают условия труда в контексте экономической безопасности, определив понятие «экономическая безопасность» в первую очередь как способность экономической системы к выживанию и развитию в условиях внутренних и внешних угроз, а также действия труднопрогнозируемых факторов [8].

Рассматривая безопасность в экономике, авторы считают целесообразным отнести ее к людям, то есть к работникам, и в качестве объекта исследования выделяют экономическую безопасность условий труда [9].

Г. В. Скрипникова и Г. В. Минигулова рассматривают обеспечение безопасных условий труда в рамках системного подхода к организации процесса производства. Согласно такому подходу, достижение необходимого уровня безопасного труда возможно через реализацию следующих мероприятий:

— государственная социальная политика по охране труда;

— правовое регулирование на региональном и муниципальном уровнях;

— обеспечение безопасности труда работодателем;

— обучение требованиям безопасности труда.

В данном случае безопасность условий труда является прерогативой не только самого предприятия, но и органов власти, а также рабочих, которые при должном взаимодействии могут способствовать созданию условий для достойного труда.

Стоит отметить, что при характеристике понятия «безопасные условия труда» многие авторы опираются на правовую трактовку этого понятия. Так, например, Н. С. Шампорова, рассматривая человеческий фактор в культуре безопасности труда, следующим образом определяет безопасность трудовых условий: это состояние трудовой среды, исключающее с высокой вероятностью ущерб жизни и здоровью человека [18].

Еще одним автором, уделившим внимание проблеме обеспечения безопасных условий труда, является Е. В Левченко [7]. Автор делает акцент на роли психологических качеств человека в безопасности труда и приходит к выводу о том, что обеспечение безопасных условий труда состоит в сознательном отношении к охране труда и популяризации средств и методов, гарантирующих безопасность трудового процесса.

Подведя итог, можно отметить, что понятие «безопасные условия труда» авторы рассматривают с разных точек зрения. Каждый автор вносит свой смысл в данное понятие, что доказывает отсутствие единой концепции в данном направлении. Следовательно, на основании проанализированных трактовок исследуемого определения мы можем дополнить его, обобщив некоторые предлагаемые авторами аспекты и тем самым предложить свою интерпретацию данного понятия с точки зрения его экономического значения.

Экономическая безопасность условий труда рассматривается нами как защищенность рабочей

среды от возможных угроз при осуществлении персоналом трудового процесса, способствующая стабильному функционированию предприятия.

Таким образом, создание безопасных условий труда является одним из важнейших условий, при которых обеспечивается рост производственных показателей, а также улучшается общее экономическое состояние промышленного предприятия. Концепция безопасных условий труда отражает ряд основополагающих элементов, определяющих отсутствие угроз, которым могут быть подвержены работники предприятия. Согласно данной концепции, условия труда рассматриваются не только как совокупность различных факторов производственной среды, но и как элемент обеспечения экономической безопасности предприятия и, как следствие, его стабильного функционирования.

На основании рассмотренного теоретического материала можно сделать вывод о том, что обеспечение безопасных условий труда не только является необходимым направлением по отношению к общей организации трудового процесса на предприятии, но и имеет достаточно важное экономическое значение.

Экономическое значение обеспечения безопасных условий труда выражается посредством таких показателей, как производительность труда, фонд рабочего времени, объем расходов на гарантии и компенсации за работу в неблагоприятных условиях труда, а также затраты по причине текучести кадров, а они, в свою очередь, имеют большую значимость для успешного функционирования предприятия. Однако стоит отметить, что в настоящее время нет единого авторского взгляда на понимание экономического значения обеспечения безопасных условий труда, поэтому в ходе исследования нами было предложено под экономической безопасностью условий труда понимать защищенность рабочей среды от возможных угроз при осуществлении персоналом трудового процесса, способствующую стабильному функционированию предприятия.

Таким образом, с учетом того, что исследуемый нами процесс является многогранным и состоит из множества различных направлений, следует уделить внимание мероприятиям по повышению безопасности условий труда.

Для повышения качества условий труда необходимо в первую очередь обозначить цель развития форм и методов обеспечения безопасных условий труда, заключающуюся в росте социальных и экономических объемов экономики. Ряд теоретиков и практиков, исследующих проблемы экономики труда, приходят к выводу, что для достижения обозначенной цели необходимо совершенствовать следующие аспекты безопасных условий труда:

— производительность труда;
— фонд рабочего времени;
— расходы на гарантии и компенсацию за работу в неблагоприятных условиях труда;
— внутрисменные простои;
— состояние здоровья рабочих;
— профессиональная активность.

В таблице (с. 177) нами представлен пример возможных мероприятий, направленных на повышение безопасности условий труда на промышленном предприятии, и направления повышения безопасности условий труда. К их числу относятся организация труда и обучение персонала, технологическое улучшение производства, контроль травматизма и состояния здоровья работников, установление экономических стимулов создания безопасных условий труда, разработка комплекса мер, направленных на развитие физической культуры и спорта в трудовых коллективах, а также соответствующий каждому направлению комплекс необходимых мероприятий.

Перечисленные в таблице мероприятия направлены на обеспечение руководства, а также служб, отвечающих за обеспечение безопасности условий труда на предприятии необходимыми методическими материалами для разработки индивидуальных планов по повышению безопасности условий труда.

Таким образом, повышение безопасности условий труда основывается на таких ключевых моментах, как общая организация труда, включающая обучение и аттестацию персонала, технические и технологические параметры предприятия, эргономика условий труда, уровень травматизма и состояние здоровья сотрудников, а также дополнительные мероприятия спортивного характера.

Основные направления и результаты повышения безопасности условий труда на промышленном предприятии представлены нами на рисунке (с. 178), из которого следует, что результатом комплексного взаимодействия мероприятий экономического, социального и организационного характера станет социально-экономический эффект. Такой эффект будет обусловлен положительными изменениями таких параметров, как текучесть кадров, фонд рабочего времени, производительность труда и т. д.

Таким образом, реализация предложенных мероприятий по повышению безопасности условий труда на предприятии заключается в комплексном одновременном совершенствовании экономического

Комплекс мероприятий по повышению безопасности условий труда на промышленном предприятии

№ п/п	Направление повышения безопасности	Комплекс мероприятий
1	Организация труда и обучение персонала	— Развитие системы непрерывного образования персонала в сфере обеспечения безопасности условий труда. — Повышение квалификации специалистов всех уровней по вопросам обеспечения безопасных условий труда. — Разработка соответствующей условиям рынка модели управления безопасностью условиями труда. — Усиление роли аттестации рабочих мест по безопасности условий труда. — Разработка локальных нормативных актов, являющихся базой обеспечения безопасных условий труда. — Оценка уровней профессиональных рисков
2	Совершенствование технических параметров предприятия	— Модернизация технологического, подъемно-транспортного и других видов производственного оборудования. — Повышение качества производственных процессов с целью снижения или устранения содержания вредных веществ в воздухе рабочей зоны, уровней механических колебаний и излучений на рабочих местах. — Внедрение и совершенствование технических устройств, обеспечивающих защиту работников от поражения электрическим током. — Нанесение на производственное оборудование, коммуникации и другие объекты сигнальных цветов и знаков безопасности
3	Обеспечение эргономических основ безопасности условий труда	— Устройство новых и (или) реконструкция имеющихся мест организованного отдыха, помещений и комнат релаксации. — Приобретение и монтаж установок (автоматов) для обеспечения работников питьевой водой
4	Технологическое улучшение производства	— Установка систем (устройств) автоматического и дистанционного регулирования и управления производственным оборудованием, технологическими процессами, подъемными и транспортными устройствами. — Приобретение и монтаж средств сигнализации о нарушении нормального функционирования производственного оборудования и средств аварийной остановки, а также устройств, позволяющих исключить возникновение опасных ситуаций при полном или частичном прекращении энергоснабжения и последующем его восстановлении. — Установка предохранительных, защитных и сигнализирующих устройств с целью обеспечения безопасной эксплуатации аварийной защиты паровых, водяных, газовых, кислотных и других производственных коммуникаций и сооружений
5	Контроль травматизма и состояния здоровья работников	— Организация обучения работников оказанию первой помощи пострадавшим на производстве. — Проведение в установленном порядке обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров (обследований). — Оборудование по установленным нормам помещения для оказания медицинской помощи и (или) создание санитарных постов с аптечками, укомплектованными набором лекарственных средств и препаратов для оказания первой помощи
6	Установление экономических стимулов создания безопасных условий труда	— Обеспечение удовлетворительных условий труда с целью повышения производительности труда и, следовательно, экономических показателей деятельности. — Устранение экономии расходов на гарантии и компенсации за работу в неблагоприятных условиях труда. — Снижение затрат из-за текучести кадров по причине неблагоприятных условий труда.
7	Соблюдение эстетических параметров производства	— Применение рациональной планировки рабочих мест и четкой композиции внутреннего пространства. — Использование оптимальной системы освещения и «цветового климата». — Учет в конструкции производственного оборудования эргономических требований, обеспечивающих удобство и снижение утомляемости при выполнении трудовых операций
8	Разработка комплекса мер, направленных на развитие физической культуры и спорта в трудовых коллективах	— Компенсация работникам оплаты занятий спортом в клубах и секциях. — Организация и проведение физкультурных и спортивных мероприятий, включая оплату труда методистов и тренеров. — Устройство новых и (или) реконструкция имеющихся помещений и площадок для занятий спортом; — Приобретение, содержание и обновление спортивного инвентаря

Источник: составлено авторами на основе: [3]—[5], [9], [11], [15].

Направления и результаты повышения безопасности условий труда

Примечание: составлено авторами.

и социального направлений. Также применение рассмотренного комплекса рекомендаций будет способствовать не только улучшению и повышению безопасности условий труда, но и возникновению социально-экономического эффекта от реализации данных мероприятий.

В заключение стоит отметить, что достойный уровень безопасности условий труда, обеспечивающий возможность стабильного функционирования предприятия, повышения роста производительности труда, снижения числа производственного травматизма, а также иных несчастных случаев, которые имеют место при осуществлении трудового процесса, является одной из основополагающих целей руководства предприятия. Достижение этой цели возможно за счет проведения планомерных работ, включающих различные процессы от учета теоретико-методологических основ в данном виде деятельности, заканчивая разработкой конкретных направлений по повышению безопасности условий труда на промышленном предприятии.

Список литературы

1. Анохин А. В. Социально-экономические критерии, обеспечивающие безопасные условия труда // Вестник евразийской науки. 2015. № 4. С. 1—10.

2. Беляков С. А., Баянова Е. Ю. О некоторых вопросах экономики безопасности труда в развитых странах // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2015. № 1. С. 94—98.

3. Гандзюк М. П., Желиба Э. П., Халимовская М. О. Охрана труда. М.: Каравелла, 2003. 405 с.

4. Керб Л. П. Основы охраны труда: учеб. пособие. Киев: Изд-во КНЕУ, 2003. 215 с.

5. Кокин Ю. П. Экономика труда: учебник. М.: Магистр, 2010. 195 с.

6. Краснощекова Е. А. Методики оценки социально-экономического состояния охраны труда на российских предприятиях // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. № 2. С. 279—283.

7. Левченко Е. В. Роль психологических качеств человека в безопасности труда // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2016. № 54. С. 1—5.

8. Лутовинов П. П., Осташевский С. М. Экономическая безопасность труда на промышленном предприятии // Организатор производства. 2010. № 46. С. 1—5.

9. Родионова О. М. Методы оценки (экспертиза) условий труда и окружающей работника среды: учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. 152 с.

10. Сабитов А. А. Виды условий труда в трудовом законодательстве Российской Федерации // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 357—361.

11. Сергеев А. Г. Менеджмент и сертификация качества охраны труда на предприятии: учеб. пособие. М.: Логос, 2013. 216 с.

12. Сердюк В. С., Бакико Е. В. Экономика безопасности труда: учеб. пособие. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2011. 160 с.

13. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21.12.2001) (ред. от 24.04.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 10.10.2020).

14. Федеральный закон от 28.12.2013 № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» (послед. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156555/ (дата обращения 10.10.2020).

15. Фрезе Т. Ю. Экономика безопасности труда: учеб.-метод. пособие. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2012. 176 с.

16. Фролов О. П. Высокоэффективные рабочие места — гарантия сохранения здоровья работников // Кадры предприятия. 2013. № 9.

17. Цейковец Н. В. Гуманное, социальное и экономическое значение проблемы обеспечения безопасности труда // APRIORI. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 1—7.

18. Шампорова Н. С. Человеческий фактор в культуре безопасности труда // Мир современной науки. 2014. № 2. С. 1—5.

19. Яшин С. Н. Использование системы показателей затрат в экономике безопасности труда // Безопасность и охрана труда. 2008. № 1.

Сведения об авторах

Егорова Александра Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и регионального развития экономического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. aleksandra_csu@mail.ru

Феоктистов Никита Сергеевич — магистр кафедры экономической теории и регионального развития экономического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. feoktistoff.nikita@yandex.ru

Ужегов Артём Олегович — Челябинский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, экономист, Челябинск, Россия, аспирант Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия. Uzhegov1996@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 174—180.

IMPROVING WORKING CONDITIONS SAFETY IN AN INDUSTRIAL PLANT

A. A. Egorova
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. aleksandra_csu@mail.ru

N. S. Feoktistov
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. feoktistoff.nikita@yandex.ru

A. O. Uzhegov
Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia. Uzhegov1996@mail.ru

The article considered theoretical and practical issues related to ensuring safe working conditions at the enterprise, and also proposed a set of measures to improve the safety of working conditions. The authors interpreted the concept of safety of working conditions from the point of view of its economic significance. It is proposed to consider the economic safety of working conditions as the protection of the working environment from possible threats during the implementation of the labor process by personnel, contributing to the stable functioning of the enterprise. In conclusion, a set of measures was proposed to improve the safety of working conditions at the enterprise.

Keywords: *safety, working conditions, labor protection, industrial enterprise.*

References

1. Anohin A. V. (2015) *Vestnik evrazijskoj nauki*, no. 4, pp. 1—10 [in Russ.].
2. Belyakov S. A. (2015) *Elektronnyj nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU*, no. 1, pp. 94—98 [in Russ.].
3. Gandzyuk M. P. (2003) Ohrana truda [Occupational Safety and Health]. Moscow, Karavella. 405 p. [in Russ.].
4. Kerb L. P. (2003) Osnovy ohrany truda [Fundamentals of labor protection]. Kiev, KNEU. 215 p. [in Russ.].
5. Kokin Y. P. (2010) Ekonomika truda [Labor economics]. Moscow, Magistr. 195 p. [in Russ.].
6. Krasnoshchekova E. A. (2011) *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 279—283 [in Russ.].
7. Levchenko E. V. (2016) *Psihologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*, no. 54, pp. 1—5 [in Russ.].
8. Lutovinov P. P., Ostashevskiy S. M. (2010) *Organizator proizvodstva*, no. 46, pp. 1—5 [in Russ.].
9. Rodionova O. M. (2008) Metody ocenki (ekspertiza) uslovij truda i okruzhayushchej rabotnika sredy [Methods for assessing (examination) of working conditions and the environment of the worker]. Moscow, RUDN. 152 p. [in Russ.].
10. Sabitov A. A. (2011) *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 3, pp. 357—361 [in Russ.].
11. Sergeev A. G. (2013) Menedzhment i sertifikaciya kachestva ohrany truda na predpriyatii [Management and certification of the quality of labor protection at the enterprise]. Moscow, Logos. 216 p. [in Russ.].
12. Serdyuk V. S., Bakiko E. V. (2011) Ekonomika bezopasnosti truda [Occupational Safety Economics]. Omsk. 160 p. [in Russ.].
13. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (prinyat GD FS RF 21.12.2001) (red. ot 24.04.2020) [Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001. No. 197-FZ (adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on December 21, 2001) (as amended on April 24, 2020)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/, accessed 10.10.2020 [in Russ.].
14. Federal'nyj zakon ot 28.12.2013 № 426-FZ (poslednyaya redakciya) "O special'noj ocenke uslovij truda" [Federal Law No. 426-FZ of December 28, 2013 (last edition) "On special assessment of working conditions"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156555/, accessed 10.10.2020 [in Russ.].
15. Freze T. Y. (2012) Ekonomika bezopasnosti truda [Occupational safety economics]. Tolyatti. 176 p. [in Russ.].
16. Frolov O. P. (2013) *Kadry predpriyatiya*, no. 9 [in Russ.].
17. Cejkovec N. V. (2015) *APRIORI. Seriya: gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 1—7 [in Russ.].
18. Shamporova N. S. (2014) *Mir sovremennoj nauki*, no. 2, pp. 1—5 [in Russ.].
19. Yashin S. N. (2008) *Bezopasnost' i ohrana truda*, no. 1 [in Russ.].

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 181—191.

УДК 93/94
ББК 63.3(7США)

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10321

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ США В 1929—1945 ГГ.

В. Н. Минат

Рязанский государственный агротехнологический университет им. П. А. Костычева, Рязань, Россия

Цель настоящего исследования — выявление тенденций региональных изменений, произошедших в американской территориально-производственной структуре в период, охватывающий Великую депрессию и Вторую мировую войну, под воздействием факторов цикличного развития экономики США. Формирование указанных тенденций обусловлено влиянием как объективного общественно-исторического развития государственно-монополистического капитализма, безраздельно господствовавшего к тому времени в Соединенных Штатах, выраженного в пространственном расширении производительных сил и их территориальной концентрации, так и субъективных факторов, связанных с милитаризацией промышленного производства большинства районов США. На основе анализа данных официальной американской статистики с применением экономико-статистического и исторического методов исследования подтверждены теоретические положения о скачкообразном характере и неустойчивых результатах влияния экономических циклов, политической и коммерческой конъюнктуры на территориально-производственную структуру США в 1929—1945 гг.

Ключевые слова: *промышленность США, территориально-производственная структура США, регионы и районы США, пространственная структура промышленности США, противоречия капитализма, порайонные изменения промышленного производства в США.*

Вызовы современности, особенно контрастно и противоречиво проявившиеся в 2020 г. в глобализированном мире, еще раз на очередном витке всеобщей истории ярко продемонстрировали, по мнению В. И. Бархатова и Д. А. Плетнева, «нереалистичность веры в естественный ход поступательного экономического развития под знаком экономического либерализма и глобализма. Экономический мейнстрим, в основе которого лежала эта вера и который ее же укреплял на протяжении десятилетий, потерял значительную часть своего авторитета» [9. С. 7]. Указанными авторами, равно как и другими исследователями (в частности, экономистом М. Г. Делягиным [11], историком А. И. Фурсовым [23]), безусловно, верно отмечается, что междисциплинарный подход к изучению экономических процессов и явлений в пространственно-временном континууме наряду (точнее, в первооснове) с «новыми экономическими теориями» позволяет более полно раскрыть и диалектически обосновать универсальные факторы общественного развития. Эти факторы, разделенные классиками политэкономии К. Марксом [15] и В. И. Лениным [14] на субъективные и объективные, системно характеризуют капиталистический способ производства как цикличный процесс, основанный на противоречиях между трудом и капиталом. Указанные противоречия перманентно обостряются и приводят к кризисам и депрессиям, несущим колоссальные негативные социальные, экономические и политические издержки для общества.

События новейшей истории особенно ярко демонстрируют неоспоримый факт: чем крупнее и развитее социально-экономическая система страны, базирующаяся на государственно-монополистическом (олигархическом) или либерально-рыночном способе производственных отношений, в обоих случаях *характеризуемая формационно как капиталистическая система* (!), тем глубже по степени влияния, шире по охвату (как в общественном, так и в территориальном плане, вплоть до глобального) и тяжелее по последствиям каждый неизбежный кризис этой системы. При этом

по мере преодоления очередного кризиса общество в который раз вновь оказывается, оперируя термином, взятым на вооружение В. И. Бархатовым и Д. А. Плетневым, в «точке бифуркации, из которой есть бесчисленное множество возможных вариантов движения, и только несколько ведут к долговременному процветанию для всех» [8. С. 7]. Однако общество, управляемое капиталом (главная цель которого, как мы помним из Маркса, — сверхприбыль), в который раз идет по «проторенному пути» преодоления кризиса за счет роста безработицы, развязывания захватнических войн (как локальных, так и мировых) за ресурсы и рынки сбыта, экономической и финансовой экспансии, ужесточения эксплуатации собственного, а тем более иностранного населения.

В такой точке бифуркации за последние 100 лет неоднократно находились Соединенные Штаты Америки, являясь лидером мирового капиталистического производства. На сегодня, как мы уже отмечали выше, такой точкой во времени стал 2020 г., а в пространственном аспекте — глобальная «американоцентричная» мир-система. До этого американские экономика и общество имели возможности выбора путей своего развития, в частности в 1929 и 1945 гг., находясь на пике своего могущества. Заметим, что в первом случае США «свалились» в кризис и последовавшую за ним Великую депрессию, из которой нашли выход в участии во Второй мировой войне, прежде всего в качестве политического и экономического «международного арбитра», а во втором — бросили все свои ресурсы на выстраивание миропорядка «под себя», продвигая не только национальный капитал во все регионы мира, формируя на этой основе транснациональные корпорации, но и объявив это «общечеловеческой ценностью» послевоенного развития. Характеристика конкретных «антикризисных мер», предпринятых Соединенными Штатами в рамках указанной парадигмы развития, нашла свое отражение в работах автора, представленных на страницах настоящего журнала и других изданий в соавторстве с А. Г. Чепиком [21; 24], А. С. Соколовым [19; 20] и самостоятельно [18], отражая противоречивый, реакционный и кризисный характер правящих кругов США, замешанный на милитаризме и сращивании государства и крупного капитала (бизнеса).

Настоящее исследование имеет своей целью *выявление тенденций региональных изменений, произошедших в территориально-производственной структуре США за 1929—1945 гг.* Указанный период включает Великую депрессию и Вторую мировую войну, во время которых наиболее остро проявились противоречия между трудом (в данном случае промышленными рабочими) и капиталом (олигархическим бизнесом)[1]. При этом, руководствуясь поставленной целью, мы обращаем внимание на *пространственно-временной аспект указанных противоречий капиталистического развития США*, выражающийся, по авторитетному мнению специалистов в сфере территориальной организации промышленного производства, прежде всего советского географа А. П. Горкина [10] и американских ученых Д. Кримера [1], В. Р. Фукса [3], Э. В. Миллера [5], В. Зелинского [7], в особенностях размещения, сочетания, диверсификации, взаимосвязанности и концентрации промышленности США под воздействием следующих факторов:

— государственно-монополистическое регулирование и милитаризация экономики;

— масштабное вовлечение в производство региональной природно-ресурсной, трудо-ресурсной и инфраструктурной базы в рамках территориального разделения труда (ТРТ);

— благоприятный для промышленных монополий «социальный климат» в ряде регионов (прежде всего на Юге США);

— ориентация на разноуровневые рынки сбыта промышленной продукции, включая международный.

В качестве *теоретического положения*, обоснованного вышеназванными авторами, отметим, что, с одной стороны, комплексное воздействие указанных факторов определяет в целом благоприятный *инвестиционно-промышленный климат* в большинстве районов не только традиционно индустриального Севера, но и Запада и Юга страны. Но, с другой стороны, влияние экономических кризисов на перестройку не только отраслевой, но и *территориально-производственной структуры промышленности США*, под которой мы понимаем «размещение производственно-технологи-

[1] «По мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата. …Закон, поддерживающий относительное перенаселение, или промышленную резервную армию, в равновесии с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обусловливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубления и моральной деградации на противоположном полюсе» [16. С. 602, 603].

ческих элементов и субсистем системы «промышленность», их сочетания, связи и взаимодействия в пределах объектов пространственной структуры этой системы[1] — страны в целом, регионов, агломераций и центров» [10. С. 61], представляется весьма ощутимым.

Подтверждение данного теоретического положения выступает в качестве основной задачи *эмпирического исследования* порайонных изменений промышленного производства США (в рамках принятого в официальной американской статистике девятичленного деления[2]) в интересующий нас период.

Для Севера США, являвшегося уже к 1929 г. финансовой и промышленной метрополией («центром»[3]) страны, было характерно то, что хотя по абсолютным размерам производства он все еще значительно превосходил остальные макрорегионы (Юг и Запад), темпы роста здесь за период 1929—1945 гг. заметно замедлились. В годы Второй мировой войны эта тенденция была выражена более четко, чем когда-либо раньше. Об этом свидетельствуют как данные о размещении нового промышленного строительства, так и показатели социального развития. Однако в различных частях выделяемого в то время Северного промышленного пояса указанная тенденция была выражена неодинаково. В то время как в более «молодой», западной его части (Северо-Восточном центре) доля военно-промышленного строительства почти соответствовала доле в чистой промышленной продукции 1939 г., военных контрактов здесь было получено даже больше, чем имелось производственных мощностей на указанный год, а численность трудоспособного населения практически не изменилась. Доля Средне-Атлантических штатов в военно-промышленном строительстве была примерно на 40 %, а доля Новой Англии более чем вдвое ниже, чем их доля в чистой продукции обрабатывающей промышленности в 1939 г.

В табл. 1 показано, что южная часть Северного промышленного пояса (штаты Пенсильвания, Огайо, Индиана, Иллинойс и примыкающие к ним с юга Западная Виргиния и Кентукки) представляли собой основной ареал добычи каменного угля в США. Этот ареал сохранил свои относительные позиции как в годы кризиса и Великой депрессии, так и в период Второй мировой войны. Однако значение Пенсильвании как ведущего угольного штата уменьшилось к 1945 г. в сравнении с 1929 г.

Анализ изменений территориально-производственной структуры в разрезе конкретных статистико-экономических районов Севера США (Новой Англии, Средне-Атлантических штатов, Северо-Восточного Центра и Северо-Западного Центра) приводит к следующим результатам.

Новая Англия (штаты Коннектикут, Род-Айленд, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Вермонт, Мэн) является типичным старопромышленным районом страны, который считается историческим ядром всего Севера США. Здесь на базе капитала, накопленного в торговле, и рабочей силы, все время пополнявшейся (в том числе в течение рассматриваемого периода) за счет притока мигрантов из Европы, а также миграции с ферм в города, зародилась обрабатывающая промышленность США. Природных ресурсов для развития индустрии (как топливных, так и сырьевых) в районе было крайне мало. В 1929—1945 гг. в конкурентной борьбе с новыми, более «молодыми» в промышленном отношении районами Соединенных Штатов промышленность Новой Англии опиралась лишь на такие свои преимущества, связанные с ранним стартом ее развития, как обилие инвестиционного капитала

---

[1] Под пространственной структурой промышленности понимается «совокупность потенциальных возможностей для осуществления в пространстве производственно-технологических, организационно-хозяйственных и социально-экономических связей, сочетаний и взаимодействий, предоставляемых местоположением и взаимоположением иерархически организованных элементов и субсистем — объектов пространственной структуры или географических объектов» [10. С. 109].

[2] При характеристике пространственных различий мы берем за основу три (в иных случаях выделяют четыре) *макрорегиона* (Север, Юг, Запад) и входящие в них девять *статистико-экономических районов, или субрегионов* (Новая Англия, Средне-Атлантические штаты, Северо-Восточный центр, Северо-Западный центр, Южно-Атлантические штаты, Юго-Восточный центр, Юго-Западный центр, Горные штаты, Тихоокеанские штаты), согласно Бюро цензов США (*United States Census Bureau, Bureau of the Census*), как группировки штатов.

[3] В рамках парадигмы научного познания пространственного развития, его *неравномерность* объясняется двумя основными концепциями, охарактеризованными Н. В. Зубаревич следующим образом: «Во-первых, это *центро-периферийная теория* (модель) пространственного развития, созданная Дж. Фридманом: центры разного уровня, всегда стягивающие ресурсы (человеческие, финансовые, природные) со своей периферии. …Во-вторых, это *исследования процессов пространственной концентрации экономики*… Фундаментальной причиной экономического неравенства является давно изученный в региональной науке процесс концентрации экономической деятельности в тех местах, которые обладают сравнительными преимуществами, что позволяет снижать издержки бизнеса» [13. С. 47—48].

Таблица 1

Региональные изменения в территориально-производственной структуре угольной промышленности США в 1929—1945 гг.

Штаты		1929		1939		1945	
		млн т	%	млн т	%	млн т	%
США		608,8	100	444,6	100	630,9	100
В том числе	Пенсильвания	217,4	35,7	143,7	32,4	186,6	29,5
	Западная Виргиния	138,5	22,8	107,9	24,3	152,2	24,1
	Виргиния	12,7	2,1	13,2	2,9	18,1	2,9
	Иллинойс	60,7	10,0	46,4	10,3	72,5	11,5
	Индиана	18,3	3,0	16,7	3,8	25,5	4,0
	Огайо	23,7	3,9	19,6	4,5	32,7	5,2
	Кентукки	60,5	9,8	42,8	9,7	67,9	10,8
	Алабама	18,0	3,0	12,0	2,7	18,7	3,0
	Горные и Тихоокеанские штаты	30,9	5,1	20,3	4,5	32,1	5,1
	Остальные штаты	28,1	4,6	22,0	4,9	24,6	3,9

Источник: [25].

(особенно в финансовом центре — Бостоне) и квалифицированной рабочей силы.

В то же время в этом старопромышленном районе наиболее остро проявились капиталистические противоречия, связанные с усилением пространственных диспропорций промышленного развития в нерегулируемой на основе принципов территориального планирования экономике США. Особенно остро индустриальный упадок Новой Англии отметился в период между мировыми войнами, причем не только в относительных показателях (в процентах от суммарного производства по США), но и абсолютно. Это сокращение в максимальной степени отразилось в важнейшем промышленном штате — Массачусетсе, а в минимальной — в Коннектикуте. При этом изменилась отраслевая структура промышленного производства: от сокращения текстильной, лесной и кожевенной, до роста наукоемких отраслей (электронной и радиотехнической промышленности, самолето- и моторостроения). Это стало возможным при использовании фактора собственных и иммигрировавших квалифицированных кадров.

Аналогичная тенденция к сокращению производства сохранилась и в годы Второй мировой войны. Правда, промышленность Новой Англии получила около 9% правительственных военных контрактов, но из новых производственных мощностей на ее долю пришлось только 4,7%. При этом территориальная концентрация этих мощностей еще больше возросла. Так, по данным А. Марани, почти все новые предприятия были расположены в вышеупомянутых штатах Массачусетс (около 3/5) и Коннектикут (почти 2/5); в основном это были авиазаводы (из них 90% в Коннектикуте), верфи (70% в Массачусетсе) и предприятия по производству вооружения (60% в Коннектикуте) [4]. Значительная часть военных заказов, доставшаяся предприятиям Новой Англии, соответствовала довоенному профилю ее промышленности (в частности, мелкая, но технически сложная аппаратура). Таким образом, война отразилась на территориально-производственной структуре в рамках района Новая Англия в меньшей степени, чем в других частях Соединенных Штатов.

Средне-Атлантические штаты (Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания) в начале XX в. были ведущим промышленным районом США. В дальнейшем их развитие замедлилось, и к началу Второй мировой войны район в целом уступил лидирующие позиции по размеру промышленной продукции Северо-Восточному центру[1]. За период между двумя мировыми войнами доля Средне-Атлантических штатов сократилась в таких ведущих отраслях промышленности, как черная металлургия, станкостроение, резинотехническая, текстильная, судостроение.

Однако Средне-Атлантические штаты и прежде всего город Нью-Йорк оставались в рассматриваемый период важнейшим центром (штаб-квартирой) крупнейших финансовых монополий, управляющих всей жизнью Соединенных Штатов. Здесь по-

[1] Согласно расчетам американских ученых Г. Уайта, Э. Фоскью, Т. Макнайта, на долю Северо-Восточного центра в 1939 г. приходилось 31,5% добавленной стоимости промышленного производства против 29,8% в Средне-Атлантических штатах [6].

прежнему было сосредоточено большинство из той «тысячи американцев» Дж. Сальдерса, в карманах которых аккумулировались колоссальные доходы, поступающие из всех частей страны, и чьим послушным орудием являлось (и является по сей день) официальное правительство США [22].

Тенденция к понижению значения района в национальном промышленном производстве сохранилась и во время Второй мировой войны. На его долю пришлось лишь 18,4% нового промышленного строительства и 24,4% военных контрактов, при 29,8% стоимости чистой промышленной продукции в 1939 г. При этом внутри района несколько выросло значение штата Нью-Джерси, главным образом за счет развития в нем самолетостроения. Во время войны вновь увеличилось значение Пенсильвании, особенно Питтсбурга как важного центра черной металлургии США, несколько упавшее в годы кризиса и Великой депрессии (табл. 2).

Однако, несмотря на значительный абсолютный рост производства в штатах Нью-Йорк и Пенсильвания в интересующий нас период, их доля в промышленной продукции США несколько снизилась. Штат Нью-Йорк, неизменно занимающий первое место в стране по размерам чистой продукции обрабатывающей промышленности, по размерам военного строительства оказался на пятом месте (после Огайо, Пенсильвании, Мичигана и Иллинойса), а по военным контрактам — на втором (после Мичигана). Пенсильвания заняла второе место по размерам военного строительства, но лишь пятое по стоимости военных контрактов (после Мичигана, Нью-Йорка, Огайо и Нью-Джерси).

Военное производство в районе развивалось главным образом за счет дальнейшего расширения уже существующих отраслей (самолето- и моторостроение, производства вооружения, судо- и станкостроения, черной металлургии) и поэтому как отраслевая, так и территориально-производственная структура изменилась здесь, как и в Новой Англии, меньше, чем в прочих районах США.

Северо-Восточный центр (штаты Огайо, Индиана, Мичиган, Иллинойс, Висконсин), образующий западную часть Северного промышленного пояса США, за первую треть XX в. превратился в ведущий промышленный район страны. Причины выдвижения этого района США на первое место кроются в том, что в указанное время реализовались его важнейшие преимущества: центральное положение, наличие дешевых водных путей по Великим озерам и обеспеченность минеральным сырьем. Все перечисленные факторы во время Второй мировой войны позволили району занять первое место по новому промышленному строительству (29% от США в целом) и военным контрактам (32%). Район стал важным центром производства вооружения, боеприпасов, самолето- и моторостроения[1], судостроения и судоремонта[2].

[1] По моторостроению, которое развивалось в Северо-Восточном центре на базе существовавшей мощной автомобильной промышленности, район во время Второй мировой войны обогнал Средне-Атлантические штаты и вышел на первое место в США.

[2] На Великих озерах, главным образом в штатах Огайо и Висконсин, строились даже морские суда.

Таблица 2

Региональные изменения в территориально-производственной структуре черной металлургии США в 1929—1945 гг.

Статистико-экономические районы и штаты		1929		1939		1945	
		млн т	%	млн т	%	млн т	%
США		47,7	100	35,7	100	54,9	100
В том числе	Новая Англия + Нью-Йорк + Нью-Джерси	3,4	7,2	2,6	7,3	3,7	6,7
	Пенсильвания	16,2	33,6	10,1	28,2	16,7	30,7
	Огайо	11,0	23,5	8,2	22,7	11,4	21,0
	Иллинойс + Индиана + Мичиган	10,6	21,8	7,8	22,1	12,6	23,0
	Итого Северо-Восток США[1]	41,2	86,1	28,7	80,3	44,4	81,4
	Алабама	3,0	6,3	3,0	8,4	4,0	7,1
	Прочие штаты Юга, включая Мэриленд и Зап. Виргинию	2,4	5,2	3,2	8,9	4,4	8,0
	Запад (Северо-Западный Центр + Горные штаты + Тихоокеанские штаты)	1,1	2,4	0,8	2,4	2,1	3,5

[1] К Северному промышленному поясу фактически относятся также штаты Западная Виргиния и Мэриленд, которые дают большую часть металла в разделе «Прочие штаты Юга». Таким образом, доля промышленного пояса в производстве одного чугуна на деле еще выше и составляет почти 90%.

Источник: [25].

Региональные изменения в территориально-производственной структуре, происходившие внутри Северо-Восточного центра, как наиболее динамично развивающегося района страны в 1929—1940 гг., отражают постепенное перемещение «центра» промышленного производства с востока на запад. Яркими примерами указанной тенденции являются: развитие автомобильной промышленности в штате Мичиган в округе Детройта или металлургии и машиностроения в Чикаго, перемещение сельскохозяйственного машиностроения из штатов Огайо и Индиана в Иллинойс и др. С началом войны эта тенденция оборвалась. По размерам военно-промышленного строительства Огайо занял первое, Мичиган — третье, Иллинойс — четвертое, Индиана — восьмое место среди всех штатов страны.

Новое строительство размещалось по территории Северо-Восточного центра крайне неравномерно[1]. В годы войны еще больше выросло значение штата Мичиган как главного района автомобильной промышленности и моторостроения. По размерам военных контрактов Мичиган занял первое место в США. Из всех больших городов Севера именно Детройт — «столица» Форда — показал за годы войны наибольший рост как промышленного производства, так и населения.

Северо-Западный центр (штаты Миннесота, Айова, Миссури, Северная Дакота, Южная Дакота, Небраска, Канзас) в основном, за исключением восточной части района с рядом крупных городов, расположен уже за пределами Северного промышленного пояса США. В рассматриваемый нами период промышленность в районе была слабо развита и представлена главным образом отраслями, перерабатывающими сельскохозяйственное сырье. Более того, доля промышленного производства района в целом от США, в 1920-х — 1945 гг. сократилась, несмотря на развитие военного производства в первой половине 1940-х гг. в штатах Канзас и Миссури. Последний наряду с восточной частью Миннесоты, непосредственно связанной с Северо-Восточным центром, явились исключением из общего промышленного спада по району в целом.

Южно-Атлантические штаты (Делавэр, Мэриленд, округ Колумбия, Виргиния, Западная Виргиния, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия, Флорида), за исключением северной окраины (Делавэр, Мэриленд, часть Западной Виргинии), также находятся за пределами Северного промышленного пояса страны. Хотя первые промышленные предприятия появились здесь практически одновременно с Новой Англией (в конце XVIII в.), промышленность начала здесь интенсивно развиваться только в последние годы XIX в. В период между Первой и Второй мировыми войнами происходила постепенная индустриализация района. Все входящие в него штаты (кроме Флориды) увеличили свое промышленное производство как абсолютно, так и относительно. Однако здесь развивалась преимущественно легкая и деревообрабатывающая промышленность. К 1943 г. Южный Пьедмонт, главным образом в пределах Северной и Южной Каролины, стал важнейшим в США районом текстильной промышленности, оттеснив Новую Англию на второе место.

В годы Второй мировой войны значительное развитие в районе получило судостроение (Балтиморский округ, порты Хемптон-Роудса, Чарлстона и во Флориде), а также химическая промышленность (в Делавэре и Западной Виргинии), самолетостроение (в Мэриленде и Джорджии), военные отрасли. Тем не менее Южно-Атлантические штаты, при 9% чистой продукции США в 1939 г. получили лишь 6,7% вложений в военно-промышленное строительство и менее 6% военных контрактов. Из всех частей США, расположенных вне пределов Северного промышленного пояса, Южно-Атлантические штаты стали единственным районом, где новые вложения оказались меньше, чем доля в чистой продукции обрабатывающей промышленности в 1939 г. Хотя новые предприятия, безусловно, повлияли на отраслевую и территориальную специализацию и структуру производства.

Юго-Восточный центр (штаты Алабама, Миссисипи, Теннесси, Кентукки), составляющий ядро так называемого «коренного Юга», традиционно являлся аграрным районом США. Крупная промышленность ограничивалась здесь металлургией Бирмингема и рядом предприятий на севере штата Кентукки, по границе с Северным промышленным поясом. Еще во время Первой мировой войны началось развитие промышленности в долине реки Теннесси с использованием дешевой энергии гидростанций (электрометаллургия легких металлов, электрохимия). К 1939 г. на долю Юго-Восточного центра приходилось лишь 3,4% чистой промышленной продукции США. В годы Второй мировой

[1] В исследовании В. З. Джингарадзе отмечено, что из 29 промышленных округов, выделенных в пределах Северо-Восточного центра Управлением военного производства США, 20 округов имели долю в военном строительстве меньше, чем была их доля в чистой продукции 1939 г., и только в 3 округах (в том числе в Детройтском) их доля в военном строительстве значительно превышала их долю в продукции 1939 г. [12].

войны промышленная специализация района, получившего 6 % новых вложений, продолжала основываться на выгодах гидроэнергетики (алюминиевая, магниевая промышленность, производство боеприпасов[1], судостроение).

Юго-Западный центр (штаты Луизиана, Арканзас, Техас, Оклахома) до Второй мировой войны был одной из самых малоразвитых в промышленном отношении частей США (исключая Горные штаты). Однако по добыче нефти район на протяжении всего исследуемого периода занимал не просто первое место в стране, но и доля Центрального нефтедобывающего района, расположенного преимущественно в его пределах, всегда составляла примерно половину всей добытой нефти, возрастая в абсолютных показателях, а по штату Техас — и в относительных (табл. 3).

Помимо бурного развития нефтедобывающей промышленности, в 1920—30-х гг. обрабатывающая промышленность района (прежде всего штатов Техас и Оклахома), обладающего богатейшими сырьевыми (нефть, газ, сера, бокситы, сельскохозяйственное сырье, особенно хлопок) и дешевыми трудовыми (особенно в штатах Оклахома и Арканзас) ресурсами, имела темпы роста более высокие, чем в среднем по США. Вторая мировая война усилила этот рост (особенно в штатах Техас и Луизиана благодаря приморскому положению последних). Если в 1939 г. Юго-Западный центр давал около 3 % чистой промышленной продукции Соединенных Штатов, то к окончанию войны этот показатель как минимум удвоился. Этому способствовало получение районом порядка 11 % новых вложений в промышленное строительство и более 5 % военных контрактов.

Региональный аспект формирования территориально-производственной структуры Юго-Западного центра в 1929—1945 гг. опирается на указанные факторы (ресурсный, трудовой, приморское положение) и отражает ни много ни мало *первое появление значительной обрабатывающей промышленности на Юго-Западе США*. Так, новое строительство наиболее интенсивно шло близ побережья Мексиканского залива. За годы войны здесь появилась черная (Хьюстон) и цветная (Техас-Сити, Фрипорт) металлургия, производство синтетического каучука из нефти (Порт-Нечес, Лейк-Чарлз). Для снабжения металлургических

[1] В Окридже был создан центр для производства атомных бомб.

Таблица 3

Региональные изменения в территориально-производственной структуре нефтедобывающей промышленности США в 1929—1945 гг.

Нефтедобывающие районы и штаты		1929		1939		1945	
		млн бар.	%	млн бар.	%	млн бар.	%
США		1007,1	100	1265,0	100	1711,1	100
В том числе нефтедобывающие районы	Аппалачский	33,8	3,4	34,3	2,7	33,0	1,9
	Северо-Восточная Индиана — Мичиган	6,1	0,7	24,1	1,9	17,5	1,0
	Иллинойс — Юго-Западная Индиана	7,2	0,7	96,6	7,7	80,1	4,7
	Центральный (север Техаса, Оклахома, юг Канзаса, Арканзас)	584,1	58,0	665,7	52,6	844,4	49,5
	Побережье Мексиканского залива	57,1	5,6	190,8	15,1	360,4	21,0
	Скалистые горы	26,3	2,5	29,1	2,3	49,2	2,9
	Южная Калифорния	292,5	29,1	224,4	17,7	326,5	19,0
В том числе отдельные штаты	Техас	296,9	29,5	483,5	38,2	755,5	43,9
	Луизиана	20,6	2,0	93,6	7,4	130,6	7,8
	Оклахома	255,0	25,3	159,9	12,6	138,0	8,1
	Арканзас	24,9	2,4	21,2	1,7	28,6	1,7
	Канзас	42,8	4,2	60,7	4,8	96,0	5,6
	Иллинойс	7,2	0,7	94,9	7,5	75,2	4,4
	Вайоминг	19,3	1,9	21,5	1,8	35,4	2,1
	Нью-Мексико	1,8	0,2	37,6	3,0	37,3	2,2
	Калифорния	292,5	29,2	224,4	17,8	326,5	19,0
	Прочие штаты	46,1	4,6	67,7	5,2	88,0	5,2

Источник: [25].

и нефтехимических производств был построен ряд электростанций, в том числе гидроэлектростанций на реках Брасос, Колорадо и других, впадающих в Мексиканский залив. Другой промышленный ареал возник в городах Северного Техаса и соседней части Оклахомы (Даллас, Форт-Уэрт, Талса, Оклахома-Сити). Специализация здешних промышленных предприятий соответствовала прежде всего заказам военного времени (самолетостроение, производство боеприпасов, нефтепереработка).

Тихоокеанское побережье, или, как называли этот район в 1920—40-е гг., *Дальний Запад* (штаты Калифорния, Орегон, Вашингтон), получило заметное промышленное развитие в годы Первой мировой войны, что закрепилось в межвоенный период в специализации по переработке сельхозсырья, нефти, тяжелой индустрии. Развитие промышленности на Дальнем Западе, как и на Юге, тормозилось не только слабостью региональных рынков, связанной с низкой плотностью населения, но и своекорыстной политикой крупных монополий Северо-Востока США, стремившихся задержать индустриализацию этих районов, оставляя им место «периферии» — сырьевых придатков. Однако Вторая мировая война дала сильный толчок промышленному производству Тихоокеанских штатов (самолето- и судостроение, производство боеприпасов), так как этот район по своему географическому положению стал основной базой снабжения дальневосточного театра военных действий против Японии. Перечисленные три штата этого района, давшие в 1939 г. 6,5 % чистой продукции промышленности США, получили 9 % новых капиталовложений и 13 % военных контрактов (из них свыше 80 % в самолето- и судостроении). По принципу мультипликативного эффекта от функционирования указанных и иных (в частности, приборо- и станкостроения) отраслей машиностроения (Лос-Анджелес, Сан-Диего, Сан-Франциско, Сиэтл, Бремертон) в Тихоокеанских штатах выросло мощное алюминиево-магниевое производство (район Лос-Анджелеса), значительно увеличилась выплавка электростали (Портленд, Сан-Франциско), резино-техническая промышленность, прежде всего производство синтетического каучука (Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Ванкувер), встала на новый уровень гидроэнергетика, дающая дешевую энергию (Гранд-Кули, Бонневиль, Шаста). В штате Вашингтон, с его гигантскими гидростанциями на реке Колумбия, вырос крупнейший центр производства атомных бомб Хэнфорд.

Все это вместе взятое вызвало глубокие изменения в территориально-производственной структуре Тихоокеанского побережья США в период Второй мировой войны, направленные не просто на общее промышленное развитие района, а на формирование (впоследствии) *нового Тихоокеанского промышленного пояса*. Такая тенденция подкрепляется статистическими данными о занятости в таблице (табл. 4), составленной на основе исследований автора [17] и Г. Уайта, Э. Фоскью, Т. Макнайта [6].

Заметим, что если за период 1940—1946 гг., по данным американских историков, таких как Р. Каннингем [2], занятость в обрабатывающей промышленности в целом по США выросла на 46 %, то, как видно из таблицы, на Тихоокеанском побережье — на 68 %.

По мере развития Тихоокеанского побережья США индустрия такого огромного по площади занимаемой территории района, как *Горные штаты*, дающая в 1939 г. менее 1 % чистой продукции обрабатывающей промышленности страны, превратилась в «периферию», работающую на потребность Дальнего Запада (в западной части, прежде всего штат Невада), Юго-Западного центра и Юга в целом, который, в свою очередь, сам являлся «полупериферией» относительно Северо-Востока США.

По результатам проведенного исследования представлены следующие тенденции региональных изменений, произошедших в территориально-производственной структуре США за 1929—1945 гг.:

Во-первых, неравномерность регионального развития и пространственного размещения промышленного производства США и диспропорции, характеризующие территориально-производственную структуру страны, особенно за годы Второй мировой войны, усилились. Это нашло свое отражение в ярко выраженной «центр-периферийной» пространственной структуре и противоречиях между районами экономической системы Соединенных Штатов.

Во-вторых, обрабатывающая промышленность США сохранила высокую концентрацию в пределах «старого» Северного промышленного пояса на северо-востоке страны. В военные годы эта концентрация дополнительно усилилась за счет львиной доли военных контрактов. Политика крупнейших монополий США, сросшихся с федеральным правительством, обеспечивает для северо-востока страны место все еще единственного «центра» в национальной экономической системе, выкачивающего с «полупериферии» и «периферии» американского геопространства ресурсы, и направляющих туда капитал.

Таблица 4

Численность занятых в ведущих отраслях обрабатывающей промышленности штатов Тихоокеанского побережья США в 1940 и 1946 гг., тыс. чел.

Отрасли		1940	1946	Рост, %
Все занятые		610	1026	68
В том числе	Металлургия и машиностроение	154	365	137
	Химия и нефтехимия	38	88	130
	Деревообрабатывающая и бумажная	120	151	26
	Пищевая	138	173	25
	Прочие отрасли	160	249	56

Источники: [6], [17].

В-третьих, внутри Северного промышленного пояса происходит перемещение «центра влияния» на запад, из Новой Англии и Средне-Атлантических штатов в Северо-Восточный центр.

В-четвертых, наиболее важное изменение в территориально-производственной структуре США связано с подъемом производства в Тихоокеанских штатах и Юго-Западном Центре. Региональные изменения характеризуются сменой отраслевой структуры промышленности от легкой и пищевой, к машиностроению, металлообработке, химической и нефтехимической. В указанных районах, по сути, начато формирование «новых» промышленных поясов США — альтернативных «центров» Северо-Востоку в перспективе.

В-пятых, Вторая мировая война ускорила развитие промышленности в тех районах, где она росла и в довоенный период: юго-западная часть побережья Мексиканского залива, долина реки Теннесси, Центральная и Южная Калифорния. Милитаризация способствует индустриализации аграрных штатов Северо-Западного центра и прилегающих территорий.

Список литературы

1. Creamer D. Manufacturing Employment by Type of Location. Electronic Market Data Book. 1973. Washington, 1973. 478 p.

2. Cunningham R. M. Economic History of the United States: Rises and Crises. Washington: East Coast Economic Society, 1987. 580 p.

3. Fuchs V. R. Changes in the Location of Manufacturing in the United States. Handbook of Basic Economic Statistics. 1975. Vol. XXIX. No. 1. Washington, Jan. 1975.

4. Marani A. Economic assessment of crises in US history. Washington: Association for economic expertise, 1999. 744 p.

5. Miller E. W.A Geography of Manufacturing. Englwood Cliffs. Survey of Current Business. 1974. Vol. 54, no. 4. U. S. Census of Manufactures.

6. White G., Foscue E., Mc Knight T. Regional Geography of the United States. New York, 1977. 408 p.

7. Zelinsky W. Has American Industry been Decentralizing? // Economic Geography. 1962. Vol. 38, no. 3. P. 127—145.

8. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Конец «конца истории» и будущее экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 2 (436). Экономические науки. Вып. 68. С. 7—8.

9. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Пандемия как тест на конкурентоспособность и способность к развитию социально-экономических систем // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 10 (444). С. 7—9. doi: 10.47475/1994-2796-2020-11001.

10. Горкин А. П. География постиндустриальной промышленности (методология и результаты исследований, 1973—2012 годы). Смоленск: Ойкумена, 2012. 348 с.

11. Делягин М. Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются!: в 2 т.: Т. 1: Общая теория глобализации. Т. 2: Специальная теория глобализации. М.: Книж. мир, 2019.

12. Джингарадзе В. З. Экономическая история США. М.: Высш. шк., 1973. 159 с.

13. Зубаревич Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46—57.

14. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. 547 с.

15. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал: Критика политической экономии. Том первый // Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. 920 с.

16. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. Т. 7. М.: Политиздат, 1987.

17. Минат В. Н. Динамика структуры занятости населения США в национальной экономической деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент, 2020. Т. 10, № 4. С. 174—183.

18. Минат В. Н. Кризисный характер сельского хозяйства США в 1920—1945 гг. и попытки устранения его последствий в 1950—60-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 10 (444). С. 166—176. doi: 10.47475/1994-2796-2020-11019.

19. Минат В. Н., Соколов А. С. Вторая мировая война — главная антикризисная мера развития американского капитализма (1929—1949 гг.) // Свободная мысль. 2020. № 3 (1681). С 63—76.

20. Минат В. Н., Соколов А. С. Социально-политические противоречия и реакционность внутренней политики США в 1930—1940-х гг. // Свободная мысль. 2020. № 5 (1683). С 75—88. doi: 10.24411/0869-4435-2020-00006.

21. Минат В. Н., Чепик А. Г. Вторая мировая война как главная антикризисная мера развития американской промышленности (1939—1945 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 6 (440). Вып. 69. С. 151—160. doi: 10.47475/1994-2796-2020-10618.

22. Сальдерс Дж. 1000 американцев. М.: Изд-во иностр. лит., 1948. 343 с.

23. Фурсов А. И. Di Conspiratione: О заговоре. М.: Товарищество науч. изданий КМК, 2016. 522 с.

24. Чепик А. Г., Минат В. Н. О возможностях планового преодоления диспропорций и кризисов экономики США в 1920—1940 гг. // Экономист. 2020. № 6. С. 48—56.

25. Historical statistics of the United States. URL: http://istmat.info/files/uploads/historical_statistics_of_the_united_states (дата обращения 14.11.2020).

Сведения об авторе

Минат Валерий Николаевич — кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента Рязанского государственного агротехнологического университета им. П. А. Костычева, Рязань, Россия. minat.valera@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 181—191.

REGIONAL CHANGES IN THE TERRITORIAL AND PRODUCTION STRUCTURE OF THE USA IN 1929—1945

V. N. Minat

Ryazan State Agrotechnological University named after P. A. Kostychev, Ryazan, Russia. minat.valera@yandex.ru

The purpose of this study is to identify trends in regional changes that occurred in the American territorial production structure during the period of time covering the Great Depression and World War II, under the influence of the factors of the cyclical development of the US economy. The formation of these trends is due to the influence of both the objective socio-historical development of state-monopoly capitalism, which reigned supreme by that time in the United States, expressed in the spatial expansion of the productive forces and their territorial concentration, and subjective factors associated with the militarization of industrial production in most regions of the United States. Based on the analysis of the data of official American statistics with the use of economic, statistical and historical research methods, the theoretical propositions about the intermittent nature and unstable results of the influence of economic cycles, political and commercial conditions on the territorial production structure of the United States in 1929—1945 were confirmed.

Keywords: *US industry, the territorial-production structure of the USA, regions and regions of the USA, the spatial structure of the US industry, the contradictions of capitalism, regional changes in industrial production in the USA.*

References

1. Creamer D. (1973) Manufacturing Employment by Type of Location. Electronic Market Data Book. Wash. 478 p.

2. Cunningham R. M. (1987) Economic History of the United States: Rises and Crises. Wash., East Coast Economic Society. 580 p.

3. Fuchs V. R. (1975) Changes in the Location of Manufacturing in the United States. Handbook of Basic Economic Statistics. Vol. XXIX, no. 1. Wash., Jan.

4. Marani A. (1999) Economic assessment of crises in US history. Washington, Association for economic expertise. 744 p.

5. Miller E. W. (1974) A Geography of Manufacturing. Englwood Cliffs. Survey of Current Business, vol. 54, no. 4. U. S. Census of Manufactures.

6. White G., Foscue E., Mc Knight T. (1977) Regional Geography of the United States. New York. 408 p.

7. Zelinsky W. (1962) *Economic Geography*, vol. 38, no. 3, pp. 127—145.

8. Barhatov V. I., Pletnev D. A. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (436), vol. 68, pp. 7—8 [in Russ.].

9. Barhatov V. I., Pletnev D. A. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (444), vol. 70, pp. 7—9. doi: 10.47475/1994-2796-2020-11001 [in Russ.].

10. Gorkin A. P. (2012) Geografiya postindustrial'noj promyshlennosti (metodologiya i rezul'taty issledovanij, 1973—2012 gody) [Geography of postindustrial industry (methodology and research results, 1973—2012)]. Smolensk, Oikumena. 348 p. [in Russ.].

11. Delyagin M. G. (2019) Konec epohi: ostorozhno, dveri otkryvayutsya! [End of an era: watch out, doors open!]. Vol. 1. Obshchaya teoriya globalizacii [General theory of globalization]. Vol. 2. Special'naya teoriya globalizacii [Special theory of globalization]. Moscow, Book world [in Russ.].

12. Dzhingaradze V. Z. (1973) Ekonomicheskaya istoriya SShA [Economic history of the United States]. Moscow, Higher school. 159 p. [in Russ.].

13. Zubarevich N. V. (2017) *Mir novoj ekonomiki*, no. 2, pp. 46—57 [in Russ.].

14. Lenin V. I. (1968) Materializm i empiriokriticizm [Materialism and empirio-criticism]. Moscow, Political literature publishing house, vol. 18. 547 p. [in Russ.].

15. Marks K., Engel's F. (1960) Kapital. Kritika politicheskoj ekonomii. Tom pervyj [Capital. A Critique of Political Economy. Volume one]. Sochineniya. Moscow, Gospolitizdat, vol. 23. 920 p. [in Russ.].

16. Marks K., Engels F. (1987) Izbrannye sochineniya [Selected Works], vol. 7. Moscow, Politizdat [in Russ.].

17. Minat V. N. (2020) *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*, vol. 10, no. 4, pp. 174—183 [in Russ.].

18. Minat V. N. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (444), *Ekonomicheskie nauki*, vol. 70, pp. 166—176. doi: 10.47475/1994-2796-2020-11019 [in Russ.].

19. Minat V. N., Sokolov A. S. (2020) *Svobodnaya mysl'*, no. 3 (1681), pp. 63—76 [in Russ.].

20. Minat V. N., Sokolov A. S. (2020) *Svobodnaya mysl'*, no. 5 (1683), pp. 75—88. doi: 10.24411/0869-4435-2020-00006 [in Russ.].

21. Minat V. N., Chepik A. G. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (440), *Ekonomicheskie nauki*, vol. 69, pp. 151—160. doi: 10.47475/1994-2796-2020-10618 [in Russ.].

22. Sal'ders Dzh. (1948) 1000 amerikancev [1000 Americans]. Moscow, Publ. house of foreign literature. 343 p. [in Russ.].

23. Fursov A. I. (2016) Di Conspiratione. O zagovore [Di Conspiratione. On the conspiracy]. Moscow, Partnership of scientific publications KMK. 522 p. [in Russ.].

24. Chepik A. G., Minat V. N. (2020) *Ekonomist*, no. 6, pp. 48—56 [in Russ.].

25. Historical statistics of the United States. Available at: http://istmat.info/files/uploads/historical_statistics_of_the_united_states, accessed 14.11.2020.

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 192—198.

УДК 338.001.36
ББК 65.9(2Рос)

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10322

ПРОЧТЕНИЕ ЗАПИСКИ С. Ю. ВИТТЕ: 120 ЛЕТ СПУСТЯ

Р. Ш. Хакимов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Автор обращается к докладной записке министра финансов Российской империи С. Ю. Витте императору Николаю II, написанной в феврале 1900 г., и с опорой на основные положения записки проводит сравнительный анализ российской экономики начала XX в. и сегодняшней экономики России. Значительная временная дистанция позволяет с достаточной глубиной и с новым объективным взглядом оценить изменения и общие моменты, присущие этим двум периодам. Автор видит их в нехватке инвестиционного капитала, и прежде всего иностранного, в не вполне благоприятном инвестиционном и деловом климате, сохраняющейся сырьевой ориентации во внешней торговле, наличии барьеров для предпринимателей, недостаточной их экономической свободе, значительном отставании от развитых стран по объемам экспорта и по показателям капитала на душу населения.

Ключевые слова: *промышленность, С. Ю. Витте, записка, иностранный капитал, министр финансов, рост, привлечение, развитие, торговля.*

Сегодня мир, сотрясаемый COVID-19, находится в состоянии, близком, по определению, к «шторму перемен». И, как отмечают исследователи, сейчас особенно необходимо «осознание ценностей нашего собственного культурного кода и его принятие», в ином случае «мы не сможем претендовать на роль одной из ведущих держав в мировой экономике. И именно это — одна из основных задач современного государственного управления в России» [3. С. 8]. И поэтому весьма актуальным является обращение к историческому прошлому и беспристрастный его анализ.

С. Ю. Витте (1849—1915) является одним из самых видных русских государственных деятелей конца XIX — начала XX в. Он окончил Новороссийский университет (Одесса), сделал быструю карьеру, начав железнодорожным кассиром и дошел до начальника эксплуатации Юго-Западных железных дорог, затем стал и управляющим. Работая на железной дороге, С. Ю. Витте получил опыт предпринимательства. В 1883 г. он опубликовал работу «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», принесшую ему большую известность среди специалистов. Ее основная идея заключалась в том, что железнодорожные тарифы не должны устанавливаться произвольно, а должны базироваться на экономическом законе спроса и предложения. С марта 1889 г. С. Ю. Витте переходит на государственную службу, сначала директором департамента Министерства финансов, а в феврале 1892 г. управляющим Министерства путей сообщений. С. Ю. Витте зримо выделялся среди политиков своего времени широким государственным подходом к политике, и с 1 января 1893 г. он становится министром финансов. Под непосредственном руководством С. Ю. Витте был построен Транссиб, введена винная монополия, проведена денежная реформа, позволившая с 1897 г. перейти на золотое обращение рубля.

Российские ученые-экономисты после длительного замалчивания в советский период сегодня высоко оценивают практическую деятельность и научные взгляды С. Ю. Витте. Так, Л. И. Абалкин отмечал, что С. Ю. Витте навсегда останется в истории страны как человек решительной воли и выдающийся организатор, способствовавший подъему производительных сил России и оздоровлению ее денежной системы, как провозвестник создания российской школы экономической мысли [1]. Научное наследие С. Ю. Витте остается предметом изучения современными исследователями [5; 11].

В феврале 1900 г. министр финансов Российской империи С. Ю. Витте направляет докладную записку (всеподданейший доклад) императору Николаю II. Записка называется «О положении нашей промышленности». Надо иметь в виду, что записка носит более широкий характер, чем она обозначена в названии. Правильнее будет сказать «о положении нашей экономики», так как в записке речь идет не только о промышленной отрасли, но и о финансах, таможенном деле, сельском хозяйстве, торговле. Однако в XIX — начале XX в. общепринятым было употребление понятия «промышленность» в широком смысле, что было тож-

дественным современному понятию «экономика». Записка представляет большой интерес в плане характеристики и последующего сравнения двух периодов развития российской экономики. Появление записки министра финансов о положении промышленности было вполне объяснимым. К 1900 г. Министерство финансов, которое возглавлял Витте, представляло собой некий конгломерат ведомств. В руках министра финансов было сосредоточено управление не только финансами, но и промышленностью, торговлей, торговым мореплаванием, техническими учебными заведениями, таможенной и пограничной службой, коммерческим и аграрным кредитом. Ввиду того, что в 1892 г., до перехода в Министерство финансов С. Ю. Витте возглавлял Министерство путей сообщения, под его фактическим контролем находилось еще и это министерство. Записка С. Ю. Витте представляет достаточно глубокий анализ российской экономики начала XX в., ее проблем. Наше обращение к записке министра финансов продиктовано возможностью сравнительного анализа экономики России начала XX в. и спустя 120 лет, уже в 2021 г. Записка дается в сокращении, с полным сохранением стиля и орфографии. Если курсив отдельно не отмечен, то это выделение самого С. Ю. Витте.

С. Ю. Витте отмечает большой потенциал российской экономики, используя данные 1877 и 1897 гг., в начале своей записки пишет, что «по быстроте и силе промышленного роста Россия стоит впереди всех капиталистически развитых государств, и не подлежит сомнению, что страна, которая оказалась в состоянии в два десятилетия более чем утроить свою горную и фабрично-заводскую промышленность, таит в себе богатый запас внутренних сил» [6. С. 131].

Но в тоже время, сравнивая с показателями развитых стран, автор записки критически оценивает этот уровень и признает, что «по отношению к потребностям населения и по сравнению с иностранными государствами наша промышленность еще очень отстала» [Там же. С. 132].

Высокие темпы не могут обольщать, ввиду того, что, как отмечает С. Ю. Витте, «в иностранных государствах промышленность не развивается так быстро, как в России, потому что она уже достигла там уровня, гораздо более высокого, чем у нас» [Там же].

Одним из основных показателей развития экономики страны является внешняя торговля. Однако здесь позиции России, по оценке Витте, весьма слабые. «Слабое развитие нашей промышленности отражается и на торговле. Общий оборот нашей внешней торговли составляет 1286 млн руб. (1897), то есть более чем в два раза меньше Франции, приблизительно в три раза меньше Германии и Соединенных штатов [так в оригинале. — *Р. Х.*], более чем в пять раз меньше Великобритании и равняется обороту Бельгии, несмотря на то что эта страна и по населению, и по пространству несравненно менее России» [Там же].

С. Ю. Витте отмечает низкое потребление внутри страны и прослеживает связь между ростом производства и ростом конкуренции («внутреннее соперничество»). Он пишет: «Очевидно, если бы наша промышленность возрастала быстрее, то она могла бы удовлетворить и тем потребностям, которые ныне покрываются иностранными товарами, а если бы при этом развилось и внутреннее соперничество в такой мере, чтобы понизить цены на товары против их нынешнего чрезмерно высокого уровня, то такое удешевление, несомненно, привело бы и к расширению нашего потребления» [Там же].

Министр финансов видит огромные потери для страны от вывоза «сырых» произведений, а не товара, по современной экономической терминологии — с высокой «добавленной стоимостью».

«Внешняя торговля питается главным образом продажей за границу сырых произведений, не представляющей больших выгод вообще, и, главное, всецело подверженной стихийным влияниям изменчивых метеорологических условий. При таких обстоятельствах благосостояние населения не может быть ни высоким, ни устойчивым» [Там же. 133].

Под «метеорологическими», имеются в виду засушливые годы, вызывавшие неурожаи в России, следовательно, и падение вывоза зерна за границу, а зерно тогда было одним из главных предметов российского экспорта. В 1900 г. объем зернового экспорта в общем объеме составлял 38,1 % [15]. И на сегодня сохраняется преобладание в структуре современного российского экспорта «сырых» произведений (газ, нефть) и колебания цен на них в зависимости от курса валют, политических событий. И от погоды — правда, сейчас не в России, а какая зима будет в Европе. И справедлив вывод С. Ю. Витте о неустойчивости благосостояния народа при сохранении такой зависимости.

Уже в то время С. Ю. Витте отмечал главенствующую роль экономики в лидерстве развитых стран. Он пишет: «…Опыт всех народов наглядно показывает, что только хозяйственно самостоятельные

народы оказываются в силе проявлять в полной мере и свое политическое могущество. Англия, Германия и Соединенные штаты, прежде чем стать влиятельными державами в международной политике, напряженными усилиями и всесторонней системой мероприятий насаждали и развивали у себя промышленность» [6. С. 133].

С. Ю. Витте наблюдает существующую острую конкуренцию на мировом рынке. «И было бы роковою исторической ошибкой предполагать, что с удовлетворением этой народной потребности в создании широкой и разнообразной промышленности можно медлить. Международное соперничество не ждет» [Там же].

Сегодняшняя глобализация обострила международное соперничество в десятки раз (торговые войны США — Китай, ЕЭС — Китай, ожесточенные переговоры по брекситу и т. п.).

Министр финансов отмечает богатство природных ресурсов страны, дешевизну рабочей силы и одновременно ее слабую обученность. «Империя вашего величества, великая пространством, обильна природными дарами… При этих огромных естественных богатствах мы сверх того владеем еще дешевым трудом нашего, правда еще малообученного, но по природе даровитого, сметливого и усердного народа» [Там же. С. 134].

Здесь можно увидеть понимание С. Ю. Витте значительной роли в экономике, по современной терминологии, человеческого капитала.

Обеспокоенность Витте вызывает недостаточность капиталов для развития экономики страны. «Общий итог капиталов, привлеченных в наше акционерное промышленное и торговое дело, определяется приблизительно в два миллиарда рублей, из которых может быть около половины русского происхождения, то есть всего около 8 руб. на душу населения, тогда как в Англии таких капиталов приходится более 300 руб. на душу населения, в Германии — около 90 руб. Такая бедность капиталами конечно очень задерживает развитие промышленности в России. По этому поводу часто указывают, что в стране, в сущности, капиталов гораздо больше, но они вследствие различных причин не все помещаются в промышленные предприятия» [Там же. С. 135].

Выход из сложившегося положения С. Ю. Витте видит как в создании условий для внутреннего накопления и вкладывания населением своих средств в промышленность, так и в привлечении иностранного капитала.

«Если страна не богата собственными капиталами, *а в них настоятельно нуждается и государство, и промышленность, то нет другого выхода из такого положения, как привлечение капиталов из-за границы*. Но если эти иностранные капиталы направятся на расширение отечественной промышленности, то последняя выиграет еще и от прилива более опытной, искусной и смелой иностранной предприимчивости, и в судьбах ее заграничные капиталисты будут заинтересованы и в периоды политических осложнений; наши же потребности в государственном кредите безопаснее удовлетворять внутренними сбережениями, так как, по моему убеждению, вредно и недостойно великой империи *подвергать ее внешнюю политику опасности давления иностранных бирж, а сие было бы неизбежно, если бы все наши государственные бумаги были проданы за границу.*

При нашей бедности капиталов внутри страны, при необходимости значительную часть народных сбережений расходовать на государственные потребности, особенно на усиление боевой готовности и на развитие железных дорог, необходимый рост нашей крайне отставшей промышленности может совершаться *не иначе*, как при непосредственном содействии иностранных капиталов. Этот процесс прилива чужих более обильных, а потому и более дешевых сбережений, по своим широким размерам новый для России, у многих *вызывает некоторую тревогу именно вследствие своей новизны. Между тем история всех современных богатых стран показывает, что первоначально развитием своей промышленности они были обязаны в значительной мере притоку иностранных сбережений и предприимчивости иностранных капиталистов*» [Там же. С. 135—136].

С. Ю. Витте отмечает высокий риск размещения государственных бумаг за границей как потенциальную угрозу внешнего давления и одновременно оспаривает взгляды тех деятелей, которые видят угрозу в привлечении иностранного капитала. С. Ю. Витте при этом ссылается на исторические примеры и приводит доводы, что вложенный капитал ассимилируется и промышленность остается вполне национальной. Он приводит примеры: «Соединенные штаты своим беспримерным экономическим развитием значительно обязаны английскому капиталу, хотя конечно о какой-либо политической или экономической зависимости американцев от англичан в настоящее время не может быть и речи…

…Почти ни в одной стране развитие промышленности не обходилось без помощи иностранных капиталов, с другой же, что так как эти страны

отличались известной политической силой, то основывавшиеся в них иностранные предприятия национализировались под влиянием ассимилирующей силы, несомненно присущей каждому крепкому политическому организму. В этом отношении наше отечество не составляет исключения, нуждаясь в свою очередь для развития своей промышленности в притоке иностранных капиталов и предпринимателей, а с другой стороны, обладая громадной политической силой и могуществом, чтобы совершенно ассимилировать себе эти капиталы таким образом, чтобы промышленность осталась вполне национальной» [Там же. С. 136].

С. Ю. Витте отмечал, что большое подчинение заграничных предпринимателей русским властям служит одной из причин слабого притока чужеземного капитала, и настойчиво ставил вопрос о том, чтобы «скорее пожелать упрощения нашего законодательства об иностранцах» [8. С. 87].

Подобные мнения об угрозе иностранного капитала продолжают иметь влияние в нашей стране и в начале XXI в. Так, например, депутат Александр Коваль внес в Государственную думу проект, максимально усложняющий работу филиалов иностранных страховых компаний. Им потребуется российская лицензия и банковская гарантия [16]. Росимущество после протеста губернатора и работников завода по поручению правительства России отменило намечавшуюся на 17 февраля 2016 г. приватизацию завода «Вологодское масло» и запретило продавать его иностранцам [4].

В возражение этому можно привести пример с заводом по производству алюминиевых банок в Аргаяшском районе. Современное предприятие с высокой степенью автоматизации было построено за 19 месяцев и 29 мая 2008 г. было открыто. Аргаяшский завод ООО «Рексам Беверидж Кэн Наро-Фоминск» стал дочерней компанией по отношению к британской «Рексам», глобальной мировой компании в этом сегменте. На заводе создано 120 рабочих мест. Мощность предприятия составляет более 1 млрд банок в год. Завод продолжал расширяться, и общий объем инвестиций перевалил за 100 млн долл. США. Завод является третьим по объему налоговых отчислений в пищевой промышленности Челябинской области. В 2016 г. завод перешел в собственность американской компании Ball Corporation [12]. Но завод продолжает успешно работать. С момента строительства в 2008 г. на производстве не было ни одного несчастного случая. По безопасности труда южноуральское предприятие занимает первое место среди европейских заводов Ball. Корпорация уделяет большое внимание экологичности своего производства. За последние четыре года завод сократил потребление электроэнергии на 19,3 %, газа — на 12,3 %, воды — на 20,1 % [10].

Министр финансов отмечает барьеры и большие трудности в привлечении иностранного капитала: «…К сожалению, на практике учреждение русских акционерных обществ, с участием иностранных и еврейских капиталов, а также открытие действий в России иностранных компаний встречают весьма значительные затруднения ввиду существования множества ограничительных узаконений как относительно владения землею иностранцами… так и относительно права занятия означенных лиц разными промыслами (горным, нефтяным, золотым и др.)» [6. С. 137].

Более чем за век в России сделан большой шаг вперед. Иностранные граждане сейчас могут приобретать недвижимость, землю промышленного назначения. Хотя есть ограничения для иностранцев, большей частью они в сфере приобретения земли в собственность. Так, земли сельскохозяйственного назначения иностранцы могут использовать исключительно на правах аренды. Законодательством об огородничестве и садоводстве также установлены определенные ограничения в части приобретения в собственность земельного участка. Иностранные граждане, иностранные компании, лица без гражданства, а также компании, в уставном капитале которых доля иностранных граждан, иностранных юридических лиц, лиц без гражданства составляет более 50 %, могут обладать земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения только на праве аренды, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом от 01.05.2016 № 119-ФЗ. Законодательством РФ запрещено иностранцам иметь на праве собственности участки недр, континентального шельфа, лесного фонда, землю в границах морского порта, на приграничных территориях, в закрытых административно-территориальных образованиях, в ряде муниципальных образований Краснодарского края. Эти объекты могут предоставляться иностранцам только на праве аренды, и то при условии, что они имеют право заниматься соответствующим видом деятельности. Также законом № 57-ФЗ предусмотрены ограничения для иностранных инвесторов при участии в капиталах хозяйственных обществ, имеющих стратегическое значение: необходимо предварительное согласование сделок Правительственной комиссией

по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации. На сегодняшний день насчитывается 47 стратегических видов деятельности (ядерная и атомная сферы, военно-промышленный комплекс, космическая отрасль, субъекты естественных монополий, недропользователи и т. д.).

Однако имеются другие препоны. Как отмечает в докладе за 2019 г. бизнес-омбудсмен Б. Титов, «действующее в России законодательство содержит требования, которые мешают привлечению иностранных инвестиций… …Вразрез с общегосударственной задачей по привлечению иностранных инвестиций в несырьевой сектор экономики и высокотехнологичные компании уровень налоговой нагрузки на российские и иностранные инвестиции существенно различается. Так, например, дивиденды, получаемые иностранным инвестором, облагаются налогом по более высокой ставке (15 %), чем доходы российских инвесторов (13 %). НДФЛ для иностранцев — 30 %… Кроме того, действующим законодательством установлены избыточные требования в рамках валютного контроля экспортно-импортных операций. Из-за несоответствия норм гражданского, трудового и миграционного законодательства иностранные инвесторы испытывают сложности при оформлении трудоустройства иностранного гражданина на выборную руководящую должность в организацию») [7].

С. Ю. Витте беспокоят и те барьеры, которые мешают развиваться отечественным предпринимателям. Он пишет: «Весьма значительными затруднениями обставлена предпринимательская деятельность и русских капиталистов… получение разрешения часто зависело от личного взгляда того или иного представителя власти и всегда требовало много времени; длинная волокита, связанная с перепиской, ходатайствами, поездками в столицу, столкновение с разнообразными воспрещениями, ограничениями, местными постановлениями опутывали каждое новое дело, и только более смелые, в тех случаях, когда слишком большая выгода соблазняла их, решались учреждать новые предприятия. Когда промышленность, под влиянием требований жизни, начала развиваться в более широких размерах, такие неупорядочения и взаимно несогласованные отношения администрации к частным предпринимателям стали очень чувствительным тормозом. При таких условиях промышленность нуждается не в стесненности, а в ободряющем содействии со стороны правительственных органов, в руководящем указании, иногда в прямой помощи» [6. С. 138].

И далее С. Ю. Витте делает вывод, который является весьма актуальным и для сегодняшних дней: «…Последние (*фабрично-заводские предприятия*[1]) будут всегда в значительной зависимости от многочисленных местных властей, *начиная от урядника и восходя до генерал-губернатора*, и эти местные влияния могут быть полезны и благотворны только тогда, когда все органы власти проникнутся убеждением, что развитие промышленности есть благо с государственной и народно-хозяйственной точки зрения и что всемерная помощь ей входит в круг их и служебных и нравственных обязанностей» [Там же].

Административный прессинг власти, или, по словам Д. А. Медведева, стремление «кошмарить» бизнес[2], здесь также применимо выражение «от урядника до генерал-губернатора», продолжает иметь место и в современной России. Так, в ежегодном послании 20 февраля 2019 г. президент РФ В. В. Путин заявил: «45 % дел, возбужденных в отношении предпринимателей, прекращается, не доходя до суда… Давайте вдумаемся в эту цифру, это становится серьезной проблемой для экономики» [13].

Опрос, проведенный Федеральной службой охраны, показал, что 74,3 % всех респондентов не считают ведение бизнеса в России безопасным занятием (среди предпринимателей доля таких ответов составляет 93,7 %) [14].

О трудностях, испытываемыми иностранными инвесторами, свидетельствует пример с основателем инвестфонда Baring Vostok, гражданином США Майклом Калви и его трех коллег. В феврале 2019 г. они были арестованы и сразу же помещены в следственный изолятор. Основанием подобного шага стал корпоративный коммерческий спор хозяйствующих субъектов. Следствие велось два года, и только в феврале будет передано в суд [2].

Как следует из записки, ускоренное промышленное развитие страны («насаждение возможно более широкой и разнообразной промышленности в стране») С. Ю. Витте рассчитывал обеспечить за счет привлечения иностранных капиталов в виде займов и инвестиций, за счет активизации русского экспорта, за счет внутренних накоплений с помощью винной монополии, усиления налогового

[1] Курсив наш.

[2] См., напр.: https://ria.ru/20080731/115363138.html

обложения, за счет повышения рентабельности предприятий и таможенной защиты от зарубежных конкурентов. Вместе с тем, как отмечают исследователи, «промышленная политика Витте была глубоко противоречива в своей основе, ибо он использовал для индустриального развития страны средства и условия, порожденные феодальной природой существовавшей в России системы государственного управления» [9. С. 20]. По целому ряду высказанных положений записка С. Ю. Витте остается весьма актуальной и для наших дней. Сравнение положений записки С. Ю. Витте с сегодняшней экономической ситуацией приводит к выводу о значительном совпадении ряда моментов в экономике России сегодня и 120 лет назад. Это — недостаток инвестиционного капитала, и прежде всего иностранного, не вполне благоприятный инвестиционный и деловой климат, сохранение сырьевой ориентации во внешней торговле, сохранение административных барьеров для предпринимателей, недостаточная их экономическая свобода, значительное отставание от развитых стран по объемам экспорта по показателям капитала на душу населения.

Список литературы

1. Абалкин Л. И. Экономические воззрения и государственная деятельность С. Ю. Витте. М.: Ин-т экономики РАН, 1999. 53 с.

2. Арест Майкла Калви. Что есть в документах, которые легли в основу дела. URL: https://lenta.ru/news/2016/02/15/butter/ (дата обращения 02.02.2021).

3. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Шторм перемен: грубая мягкая сила и будущее мировой экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 11 (445). Экономические науки. Вып. 71. С. 7—9.

4. «Вологодское масло» запретили продавать иностранцам. URL: https://lenta.ru/news/2016/02/15/butter/ (дата обращения 07.01.2021).

5. Дегтярев А. Н. Абалкин Л. И. и Витте С. Ю.: Связь времен — научное наследие и опыт государственной политики // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2013. № 8 (62). С. 7—14.

6. Докладная записка Витте Николаю II // Историк-марксист. 1935. № 2/3. С. 130—139.

7. Доклад уполномоченного при президенте РФ по защите прав предпринимателей Б. Титова об условиях ведения бизнеса в России // Институт экономики роста им. Столыпина П. А. URL: https://stolypin.institute/publications/titov-predstavil-putinu-doklad-ob-usloviyah-vedeniya-biznesa-v-rossii/ (дата обращения 10.01.2021).

8. Игнатьев А. В. С. Ю. Витте — дипломат. М.: Междунар. отношения, 1989.

9. Корелин А. П. Сергей Юльевич Витте. Россия на рубеже веков: исторические портреты. М.: Изд-во полит. лит., 1991. С. 8—47.

10. Корпорация Ball расширяет производство в Челябинской области. URL: https://minprom.gov74.ru/minprom/news/view.htm?id=10367447@egNews (дата обращения 08.01.2021).

11. Расков Н. В. Контуры политико-экономической системы С. Ю. Витте // Проблемы современной экономики. 2002. № 1 (1).

12. Официальный сайт компании Ball Corporation. URL: http: www.ball.com (дата обращения 08.01.2021).

13. Послание Президента Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/59863 (дата обращения 08.01.2021).

14. Путин снова узнает, как силовики душат бизнес в России. URL: https://pasmi.ru/archive/270791/ (дата обращения 05.01.2021).

15. Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Stat/23.php (дата обращения 08.01.2021).

16. Страховка от иностранцев. Западным страховым компаниям готовят законодательные ограничения // Коммерсантъ. 2008. № 46.

Сведения об авторе

Хакимов Рашид Шавкатович — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. hakra51@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 192—198.

READING THE NOTE BY S. YU. WITTE: 120 YEARS AFTER

R. Sh. Khakimov
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, hakra51@mail.ru

The author refers to the report note of the Minister of Finance of the Russian Empire S. I. Witte to Emperor Nicholas II, written in February 1900 and on the basis of the main provisions of the note conducts a comparative analysis of the Russian economy of the early twentieth century and today's Russian economy. A considerable time distance allows us to assess with sufficient depth and new objective view the changes and common points inherent in these two periods. The author sees them in the lack of investment capital, and, above all, foreign, in a not quite favorable investment and business climate, the continuing commodity orientation in foreign trade, the presence of barriers for entrepreneurs, their lack of economic freedom, a significant lag behind developed countries in terms of exports, and in terms of capital per capita.

Keywords: *industry, S. Yu. Witte, note, foreign capital, minister of finance, growth, attraction, development, trade.*

References

1. (1993) Ekonomicheskie vozzreniya i gosudarstvennaya deyatel'nost' S. Yu. Vitte [Economic views and state activities S. Yu. Witte]. Moscow. 53 p. [in Russ.].

2. (2016) Arest Majkla Kalvi. Chto est' v dokumentakh, kotoryelegli v osnovudela [Arrest of Michael Calvey. What is in the documents that lay in the founding]. Available at: https://lenta.ru/news/2016/02/15/butter/, accessed 08.02.2021 [in Russ.].

3. Barhatov V. I., Pletnev D. A. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11, pp. 7—9 [in Russ.].

4. "Vologodskoe maslo" zapretiliprodavat' inostrancam. ["Vologodskoe maslo" banned from selling to foreigners]. Available at: https://lenta.ru/news/2016/02/15/butter/, accessed 08.02.2021 [in Russ.].

5. Degtyarev A. N. Abalkin L. I. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, no. 62, pp. 7—14 [in Russ.].

6. Dokladnaya zapiska Vitte Nikolayu II [Memorandum from VITTE to Nicholas II]. *Istorik-marksist*, 1935, no. 2/3, pp. 130—139 [in Russ.].

7. Doklad upolnomochennogo pri prezidente RF po zashchite prav predprinimatelej B. Titova ob usloviyah vedeniya biznesa v Rossii [B. Titov presented a report on the conditions of doing business in Russia to Putin]. Available at: https://stolypin.institute/publications/titov-predstavil-putinu-doklad-ob-usloviyah-vedeniya-biznesa-v-rossii/, accessed 08.02.2021 [in Russ.].

8. Ignat'yev A. V. (1989) S. Yu. Vitte — diplomat [Witte — diplomat]. Moscow [in Russ.].

9. Korelin A. P. (1991) Sergej Yul'evich Vitte. Rossiya na rubezhe vekov: istoricheskie portrety [Sergei Yulievich Witte. Russia at the turn of the century: historical portraits]. Moscow. Pp. 8—47 [in Russ.].

10. Korporaciya Ball rasshiryaet proizvodstvo v Chelyabinskoj oblasti [Ball Corporation expands production in the Chelyabinsk region]. Available at: https://minprom.gov74.ru/minprom/news/view.htm?id=10367447@egNews, accessed 08.02.2021 [in Russ.].

11. Ball Corporation [Official site Ball Corporation]. Available at: https://www.ball.com/eu/about-ball/contact-us/locations-map, accessed 08.02.2021.

12. Raskov N. V. (2002) *Problemy sovremennoj ehkonomiki*, no. 1 [in Russ.].

13. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 20 fevralya 2019 goda [Message from the president Russia V. V. Putin to the Federal assembly Russian Federation 20.02.2019]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/59863, accessed 08.02.2021 [in Russ.].

14. Putin snova uznaet, kak siloviki dushat biznes v Rossii [Putin learns again how the siloviki strangle business in Russia]. Available at: https://pasmi.ru/archive/270791/, accessed 08.02.2021 [in Russ.].

15. Rossiya. 1913 god. Statistiko-dokumental'nyj spravochnik [Russia. 1913. Statistical and documentary reference book]. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Stat/23.php, accessed 08.02.2021 [in Russ.].

16. (2008) Strahovka ot inostrancev. Zapadnym strahovym kompaniyam gotovyat zakonodatel'nye ogranicheniya [Insurance from foreigners. Western insurance companies are preparing legislative restrictions]. *Kommersant*, no. 46 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 199—207.

УДК 338.48
ББК 65.433(5Ирн)

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10323

THE RIGHTS OF FOREIGN TOURISTS IN IRANIAN LEGAL SYSTEM REGARDING THE PUBLIC ECONOMIC LAW

H. Ghafari
Allameh Tabatabae'I University, Tehran, Iran

The Global Codes of Tourism Ethics were developed by The United Nations with the aim of improving the tourism industry and building international memorandum and also achieving sustainable development and preserving tourism heritage. These codes above all emphasize on tourism rights as a platform for the development of the tourism industry as a basic institution of Economy. Therefore, the comparative survey of these codes with the laws of the country and determination of its legal capacity is necessary to compile such codes. the development of the Iranian Tourism and Tourism Industry Act adopted in October 2008 and its implementing regulations provide some privileges for tourists, including Personal or direct privileges and indirect privileges in order to creating the appropriate tourism platform. In this article, we intend to survey the capacities of the Iranian legal system as a basic institution of Economy in terms of the rights of foreign tourists.

Keywords: *foreign tourists rights, economic public law, Iranian constitutional law.*

Tourism as a significant industry in Iran plays a major role in the promotion and maintenance of peace in the world. It is also considered an important indicator of security in various countries; that is, the higher the level of security in a country, the easier it will be to achieve all-round development in that country. For instance, whenever a country's security is satisfactory and stable, foreign investment will grow at a higher rate and the country's economy will prosper, and consequently, employment will increase and society will be healthier. Thus, it can be claimed that today tourism is the strongest driving engine of human economic, cultural and social growth.

Accordingly, the necessity of the development of new, integrated and comprehensive regulations, especially concerning the increasing development of tourism, high expectations of the tourists, and the necessity of supporting them, becomes more obvious. And what is especially important in this respect and is considered as the basis of all tourism issues is to acknowledge a right called "the right to tourism" for all human beings as well as the rights and freedoms necessitated by human nature and character, because so long as tourism is not recognized as a right, the human nature of the tourist and his necessary rights and freedoms are ignored.

First, the right to tourism and then its principles and justifications must be discussed separately. tourism economy is a multidimensional phenomenon that is formed systematically by different factors and elements. Therefore, all these factors should be addressed and emphasized as whole to exploit from these existing advantages and potentials in such type of tourism [27].

Defining the concept of the right to tourism depends on the definition of tourism. Different definitions of tourism have been provided, but it seems that the most accurate definition of tourism has been provided by the World Tourism Organization. According to this definition, "A tourist is a person who travels to a city or country other than that of his/her usual environment for a period of not less than 24 hours and not more than one year, and his intention is to travel for leisure, rest, playing sports, visiting relatives and friends, doing business, going on a work mission, participating in seminars or conferences, receiving treatment, studying and doing research, or performing religious activities."

Thus, according to this definition, tourism refers to any travel for a period of not less than 24 hours and not more than one year and it does not matter if the journey is within a country, from a city to another city, or out of a country.

It is noteworthy that the nature of tourism in any society is the result of interdependent and complex economic and political factors, as well as specific geographical features and the types of entertainment that attracts foreigners [10].

Therefore, the right to tourism refers to the ability and competence of a person to leave his usual residence and travel to another city or country for legitimate purposes such as recreation, sports, study, etc. This ability and competence are necessitated by human nature and are considered an integral part of his being. Therefore, in any society, this privilege or right to travel is recognized as one of the fundamental human rights next to other basic rights such as the right to live or the right to freedom.

The right to tourism, like other basic human rights, has solid foundations and the need to recognize it in any society is evident. In what follows some of these principles are briefly mentioned:

B) Proclamations and resolutions of the General Assembly of the World Tourism Organization: The World Tourism Organization has issued numerous proclamations and resolutions on the right to travel. For example, in 1980 in Manila, the capital of the Philippines, a proclamation was issued emphasizing that tourism is one of the basic activities of nations and its development depends on the freedom of travel.

Resolution A/RES/3/7(X) of the World Tourism Organization, adopted in Bali, Indonesia in October 1993, also states: "Experts believe that the right to travel in complete safety for all citizens of the world is one the fundamental human rights. We condemn any attack or threat that harms this fundamental right to travel, and we declare our support for all countries and individuals who have been harmed by the crimes and intimidation against travelers and tourists" [3].

Also, a proclamation issued in Amman, the capital of Jordan, in 2000 entitled "Peace through Tourism" refers to the right to travel and states that the right to travel is a universal right that everyone should have without any unnecessary conditions. This proclamation was approved in Tehran on October 26, 2001 [25].

As it is seen, the right to tourism is recognized as a basic human right by the abovementioned proclamations and resolutions. The Amman proclamation more explicitly recognizes the right to tourism and since it has been approved by the Islamic Republic of Iran government, it can be mentioned as one of the principles of the right to tourism in Iran.

C) The Universal Declaration of Human Rights: It has been approved by almost all the world countries and is considered the most important international basis for the right to tourism because Article 13 of this declaration states that: "1- Everyone has the right to freedom of movement and residence within the borders of each State. 2- Everyone has the right to leave any country, including his own, and to return to his country."

From "the right to freedom of movement and residence within the borders of each State" it can be concluded that anyone -even foreign nationals- has the right to move freely within the borders of Iran, and this right to freedom of movement necessitates that anyone who has this right must also have the right to tourism; otherwise, the right to freedom of movement makes no sense.

Public rights and freedoms are the essential or natural rights of human beings. These rights and freedoms are inherent in human nature, and man enjoys them because of being human; therefore, there is no difference between a citizen and an alien, and the most important characteristic of such rights and freedoms is that they are non-transferable, include all human beings, and are unchangeable.

Such rights and freedoms had been developed only as religious and moral beliefs until the eighteenth century, but from the eighteenth century onwards, they gradually evolved and expanded through the American Independence Revolution and the French Revolution of 1789, and became popular [5] and subsequently were incorporated into the laws of countries and today the constitutions of most countries include references to these rights and freedoms. These rights and freedoms vary depending on the degree of development of the countries, that is, the developed countries recognize more rights and freedoms. Furthermore, these rights are by no means exclusive and with the improvement of public opinion in the world, their scope is increasing day by day [16].

The importance of human rights and their relationship to international peace and security is the reason the UN Charter refers to human rights in more than six articles, including Article 55, Paragraph C and urges governments to be committed to working with the United Nations to protect them.

However, there is no consensus among lawyers on the binding nature of this commitment; some consider the cooperation of countries with the United Nations in achieving this goal, that is, to ensure fundamental human freedoms, to be an obligation [15] and some consider the purpose of the drafters of the Charter as merely calling on governments to ensure human rights and do not believe in imposing legal obligations on them [23]. However, what is important today is that human rights have become customary, regardless of international documents and treaties that provide for them [18] and countries recognize the fundamental human rights and freedoms based on the international conventions that bound them and try to dedicate a chapter of their constitution to these rights.

As mentioned, public rights, which due to their innate basis are considered essential to human nature, cannot be specific to certain individuals or to individuals in a particular land. All human beings are, in essence, created equal and branched out from a single source, and factors such as language, race, tribe, and nationality merely distinguish them from one another and they cannot be discriminated against in the enjoyment of public rights. Therefore, in the constitution of our country, following this sublime idea, public rights and

freedoms are recognized for human beings to the extent that they are essential to human nature, and these rights are also ensured for foreigners due to their human dignity. Below, the most important of these rights are discussed:

A) The right to life: The right to life is the most important innate and natural right of men, and this right is the basis of all human rights, because all rights are inherent in human beings, and without them, no right is conceivable. The right to life is acknowledged in all schools of law, and most of them argue that as long as a person does not disturb the social life of others, then they should be protected by law. The right to life is very important in Islam and the protection of this right has been emphasized in the Holy Quran; Surah Al-Maida, verse 32 states: "He who slays a soul unless it be (in punishment) for murder or for spreading mischief on earth shall be as if he had slain all mankind; and he who saves a life shall be as if he had given life to all mankind." And Surah Al-Isra, verse 33 states: "Do not kill the soul whom Allah has forbidden…"

Article 2 of the Islamic Declaration of Human Rights, adopted by the Conference of Islamic States (Cairo), also stipulates:

A) Life is a God-given gift and the right to life is guaranteed to every human being. It is the duty of individuals, societies, and states to safeguard this right against any violation, and it is prohibited to take away life except for a Shari'ah prescribed reason.

B) It is forbidden to resort to any means which could result in the genocidal annihilation of mankind.

C) The preservation of human life throughout the term of time willed by Allah is a duty prescribed by Shari'ah.

In addition, Articles 3, 4, and 5 of the Universal Declaration of Human Rights emphasize the right to life and its importance.

It is important to note that regarding the right to life, all cultures, despite their differences and variations, agree on the importance and greatness of life, which is one of the fundamental principles of all human cultures.

Article 22 of the Constitution of the Islamic Republic of Iran stipulates: "The dignity, life, property, rights, residence, and occupation of the individual are inviolate, except in cases sanctioned by law." Also, in the statute laws, a strong executive guarantee has been considered for violators of the right to life, and in applying these rules, no distinction is made between nationals and foreigners. Accordingly, the Iranian Islamic Penal Code, in its various articles, considers those who protest against human life to be punishable, whether the victim is an Iranian or a foreigner.

B) The principle of security: The principle of personal security is another important principle of public rights and freedoms. This principle was first explicitly stated in the French Declaration of Human Rights and Citizenship in 1789. One of the aims of this principle was to prevent illegal and arbitrary detentions. However, ensuring personal security does not merely include preventing illegal detentions, but rather there are other measures to ensure security, including the non-retroactivity of the law and the principle of legality of crime and punishment [6].

Today, security is one of the fundamental infrastructures of the tourism industry which faces some problems in our country. Although security is higher in Iran compared to most of its neighbors, yet we are faced with factors that are considered as deterrent components at the security level in tourism planning in Iran, such as:

1. The world's general perception of the internal situation in Iran, which is sometimes accompanied by perceptions of widespread and organized violence.
2. Violent treatment of foreign tourists, such as the kidnapping of tourists for political purposes in the recent years.
3. Existence of ideological political factions with extremist agenda and a limited understanding of Islamic rules and regulations.

These and other deterrent factors have led foreign tourists to believe that Iran is unsafe.

Religious and political limitations for tourists is also another important deterrent, and judging based on European standards, tourists interpret them as violence, to such an extent that in a poll in 1999, eight out of ten European citizens stated that the first word that came to their mind after hearing the name of Iran was "terrorism". Yet, a recent poll indicated that 88% of European citizens considered Iran to be "safe" or "relatively safe", 2% believed that Iran is faced with security issues, and 10% considered Iran to be unsafe. Nevertheless, this last group defined lack of security as referring to social limitations.

It should be noted that ensuring the security of tourists by the governments has been emphasized by the proclamation of "Peace through Tourism" in Amman, the capital of Jordan, and it has been determined that governments should provide legal protection to tourists against any threat to their lives and properties and provide the necessary facilities for tourists to travel [7].

Necessary measures have been adopted in the Constitution of the Islamic Republic of Iran to ensure personal security, such as not arresting anyone without a warrant, non-prohibition of living in a place of one's

choosing, the right to a fair trial, the principle of legality of crime and punishment, the non-retroactivity of criminal law, etc. which are stated in the thirty-second, thirty-third, thirty-fourth, thirty-sixth and one hundred and sixty-ninth articles.

C) Freedom of movement: This freedom is also considered one of the most important public rights and freedoms of human beings. According to this principle, everyone has the right to move freely within his own country and even to leave or return to that country. According to this principle, no country can close its borders to its citizens so that people cannot leave the country or return to it.

In the case of foreigners, freedom of movement is also recognized in the laws of the countries in accordance with the principles of the French Revolution. In fact, the French Revolution can be considered as a fundamental factor in recognizing the principle of freedom of entry of foreigners and also the principle of recognizing the minimum rights for foreigners [2], although there is no consensus regarding this principle and some deny this principle and respect governments' freedom of choice. In general, the following three opinions can be expressed about the entry of foreign tourists into the country:

1. **The notion of freedom of tourists to enter a country**: According to this notion, governments cannot prevent tourists from entering their country or impose any restrictions in this regard [12]. According to this notion, the entry of tourists into a country is one of their fundamental rights which is an international right and its acceptance by the destination country is considered an obligation. This notion is derived from the French Declaration of Human Rights after the French Revolution of 1789. Although this notion primarily provides personal welfare and security and is in line with the goal of the law, yet for reasons such as the security of countries, the respect for the sovereignty of governments, etc., public opinion at the global level still is not ready to accept this notion and countries have not accepted it in their domestic law [11].

2. **The notion of restriction of tourists' entry into a country**: According to this notion, governments should be given the right to close their borders to foreigners, because these days the issue of entry, transit, residence, and exit in any country is directly related to the security and political system of that country, so tourists should not be permitted to freely enter a country.

3. **The notion of freedom of entry of tourists into a country by observing the interests of the country**: This notion was put forward by the Institute of International Law, founded in 1928 in Geneva. According to this notion, although the freedom of entry and residence of foreigners is recognized, this principle cannot be accepted by governments absolutely and unconditionally, because every state must respect international principles to the extent that does not jeopardize the security and public order of its own society. It does not harm itself, and since the public order of each society is different from that of another society, these terms and conditions are not the same in all countries. Nevertheless, jurists at the Institute of International Law added at the same time that morality and justice require that governments not abuse this authority and restrict the freedom of entry and residence of foreigners only in cases that are indeed a foreseeable threat to their country's political life [17].

What is accepted as an international practice in most countries is the latter notion, that is, the entry and residence of foreigners in the country is generally free, but governments always have the right to impose special conditions or restrictions on the entry, passage, and residence of foreigners in order to protect the interests of their citizens and ensure the requirements of their political, economic and social system and maintain their own security [1].

In Iran's legal system, following the principles of the French Revolution and the international practice, the principle of the freedom of entry and residence of tourists has been accepted with certain conditions and in 1931, the legislature, by passing a law called the "Law on the Entry and Residence of Foreigners in Iran", regulated the conditions and limits of the principle of freedom of entry and residence of foreigners, which is now implemented with amendments made in 1957 and extensions made in 1971.

D) The right to housing and respect for the privacy of individuals: According to Articles 22 and 31 of the Constitution of the Islamic Republic of Iran, as well as Article 13 of the Universal Declaration of Human Rights and Article 12 of the International Covenant on Civil and Political Rights, to which Iran is a signatory, individuals are free to choose their place of residence and no one can be forced to live in a certain place. On the other hand, people's homes are inviolable, meaning that no one has the right to enter a house without the owner's permission, and only government officials have the right to enter and inspect a house, provided they have the necessary permission from the judiciary. Therefore, tourists should have the freedom to choose their temporary accommodation. This freedom is the result of the personal security of tourists. Also, no one has the right to interfere in the private life of tourists and they should be protected in terms

of family status and so on. As Article 18 of the Islamic Declaration of Human Rights (Cairo) states in this regard: "(a) Everyone shall have the right to live in security for himself, his religion, his dependents, his honor, and his property. (b) Everyone shall have the right to privacy in the conduct of his private affairs, in his home, among his family, with regard to his property and his relationships… The State shall protect him from arbitrary interference. (c) a private residence is inviolable in all cases. It will not be entered without permission from its inhabitants or in any unlawful manner…"

E) The right to fair trial and freedom of defense: The right to fair trial and freedom of defense is one of the most important public human rights. The right to a fair trial requires that any person, even if he/she is a foreigner, be able to bring cases to the court of the country where he/she is residing for litigation without facing any discrimination. And the trial should be free and easily accessible. In addition, anyone should be able to freely defend himself against the charges raised against them.

According to Article 34 of the Constitution of the Islamic Republic of Iran, which stipulates: "It is the indisputable right of every citizen to seek justice by recourse to competent courts. All citizens have right of access to such courts…" and also Article 35 of the Constitution, which stipulates: "Both parties to a lawsuit have the right to select an attorney in all courts of law. If they are unable to do so, arrangements must be made to provide them with an attorney", all foreigners who enter the country with a legal permit can refer to the competent courts and tribunals of the country to realize their rights or defend themselves as plaintiffs or defendants, and also choose a lawyer [17].

The right to a fair trial is nowadays accepted by all countries as an international practice because, on the one hand, the sovereignty of countries requires the recognition of such rights, and the result of not recognizing this right is the promotion of revenge and personal trial in society and the disruption of social order, which is contrary to the sovereign duty of states. On the other hand, recognition of the right to a fair trial requires that foreigners enjoy basic human rights such as the right to life, the right to housing and security, etc., and it is the duty of countries to protect those rights [8]. Therefore, today, judicial security is considered a part of national security, forms the basis of human civilization, and is considered one of the main characteristics of advanced societies.

In order to ensure and respect the right to fair trial and freedom of defense, certain principles and rules must be observed, including the principle of innocence, the openness of the trial, justification of the court's ruling, the right to a lawyer in a civil case, the principle of legality of crime and punishment, the prohibition of torture, the prohibition of the defamation of the accused, and compensation for damages incurred due to the mistakes made by the judge[9]. These rules are explicitly provided in the Constitution of the Islamic Republic of Iran in Articles 37, 165, 166, 35, 36, 38, 39, 171.

In order to prevent the abuse of the right to a fair trial and to compensate the damage caused by the abuse of this right, in Article 144 of the Code of Judicial Procedure of the Public and Revolutionary Courts, the legislator has provided a bail refund procedure and has made the processing of a foreign claim subject to the provision of appropriate security and states: "Citizens of foreign states, whether plaintiffs or third parties, at the request of the litigant, may be ordered to provide adequate collateral for damages incurred by court fees and attorneys' fees. The request for security is accepted only from the defendant who is an Iranian citizen, until the end of the first hearing."

Accordingly, if the plaintiff in a lawsuit is an alien, he will be required to provide security, while if the plaintiff is an Iranian, a foreigner cannot ask him for security. The reason for this is obvious, because a foreign national may file a false and baseless lawsuit against an Iranian citizen, and after being convicted, the Iranian defendant will not be able to compensate for the damages caused to him due to lack of access to the foreign plaintiff or his property [14].

However, the ruling provided for in Article 144 is not absolute and does not include any lawsuits filed by foreigners. In some lawsuits, they are exempted from paying bail and providing security due to reasons such as the condition of reciprocity or maintaining the validity of commercial and official documents. These exemptions are provided in Article 145 of the said law in the following order: "In the following cases, foreign nationals are exempted from providing security as a plaintiff:

1. If in his country, Iranian citizens are exempt from such provision.
2. Claims relating to bills of exchange, promissory notes, and checks.
3. Mutual claims.
4. Claims that are documented in an official document.
5. Lawsuits filed as a result of an official notice, such as objections to registration and lawsuits against termination.
6. Lawsuits against an insolvent."

F) The right to human dignity: In the Holy Qur'an, God Almighty identifies the man as a creature with dignity, and this divine gift is equally pledged to all human beings. It is clear from the Qur'anic verses that God has created men superior to other creatures in the world. Accordingly, all human beings should recognize dignity as a right and be committed to respect that right. According to this notion, i. e. the inherent nature of human dignity, which is due to the presence of the Spirit of God in human beings, all legal and moral systems have recognized the inherent dignity of all human beings and consider it necessary to observe this right [4]. It is believed that a person has this honorable attribute as long as he does not voluntarily commit a crime against himself or others.

To achieve this goal, Article 37 of the Constitution of the Islamic Republic of Iran recognizes the principle of innocence, and Article 39 stipulates that "Affronts, in whatever form, to the dignity and repute of persons arrested, detained, imprisoned, or banished, in accordance with the law, are forbidden and liable to punishment."

As soon as tourists embark on a journey, a series of economic interactions begin. This activity employs various factors of production and is associated with a wide range of other activities. In the tourism industry, tourist attractions, facilities, and welfare services are offered to tourists as goods and their need to visit the region and its attractions is considered as demand [27]. This means that the departure of tourists from a region to visit other regions and countries is considered the demand for goods outside that region and will be followed by the outflow of currency and cash. The arrival of tourists to a region is also an injection of money into the economy of that region. In other words, the departure of tourists from a region to other places is similar to the import of goods, and in the case of countries and regions that are visited, it is similar to the export of goods with the difference that in this industry the consumers of goods (tourists) personally visit the region that provides goods and services; thus, unlike the usual export of goods, payments are always in line with the direction of tourists [22]. In the field of the tourism economy, one can ask why people choose to travel to a particular place instead of another or prefer to stay at home instead of traveling, or why they decide to spend (or invest) their money on travel.

Studies that so far have been conducted on the economic implications of tourism are highly unbalanced; to the extent that most of the studies have focused on topics such as tourism demand, forecasting demand fluctuations, and the multiplicative effects of tourism on other economic areas, and it can be said that the study of other economic dimensions of tourism has been neglected. The demand for tourism as well as its costs has been studied in many destinations. Despite the relatively rich literature on tourism demand and the various methods of forecasting it, the supply dimension has received less attention in tourism economy studies. Studies conducted on the structure of production and provision of tourism services have somewhat examined the supply of tourism products and services.

- Studying the economics of tourism means studying issues such as demand, firms and markets, their dependencies and international interactions, supply and market structures, pricing and calculating the added value of tourism activities, and in general studying all dimensions, implications, outcomes, and economic factors affecting the tourism industry [19]. To use the available tourism potential, diversify the economy of the industrial region through the development of tourism and related industries are the tasks of the near future for regional policy. For this purpose, it is necessary to systematize the factors of domestic tourism development in the region [26].

According to Landberg, the tourism economy measures the number of travels and their direct, indirect, and induced economic impact [20]. Adrian Bull also believes that economics plays a role in many areas, especially where there is a need to analyze the economic impacts and measures controlling the effects of tourism and market forces that link tourists' demand to tourism supply and goods.

Also, on the one hand, it is important to pay attention to the relationship between economics and law, sociology, psychology, and tourism geography, and on the other hand, economics plays a role in the planning, management, and marketing of organizations and travel and tourism destinations [23]. Microeconomics, which is a branch of economics, studies the method of selecting specific economic units, including hotels, motels, restaurants, airlines, and other tourism sectors, and macroeconomics deals with large-scale social phenomena, especially total tourism expenditures, multiplication factor and other macroeconomic impacts of tourism economy [26].

Economists study tourism in terms of supply and demand, the balance of payments, foreign transactions, employment, national income, economic foresight, and other issues [21], and various factors also affect the impact of tourism on a society's economy. The most important of these factors are:

— Quality of tourist facilities and attractions.

— The rate of employment of foreigners in key jobs in the tourism industry.

— The amount of time per year that tourist attractions are ready to meet the demand for visits (degree of the seasonality of tourism).

— The amount of output from payments and expenses for tourism.

— Percentage of ownership of foreign nationals.

— The size of the national economy of the destination.

— Government participation in providing infrastructure for the tourism industry and creating incentives.

— Level of development of the destination community.

— The amount of foreign tourism expenditure at the destination [3].

On the other hand, government perspectives on economic development and the research methods used to measure the macroeconomic benefits of tourism are somewhat complex.

Since it is extremely difficult to separate tourism expenditures from other national expenditures, many countries are now using Tourism Satellite Accounts (TSAs). Nowadays, TSAs are widely used as a suitable tool to measure the importance and position of tourism in a country's economy. The World Tourism Organization, the United Nations, the OECD, and EUROSTAT have approved the TSA methodology. Visitor expenditure data are collected from surveys, and other tourism industry data from national economic accounts [24]. Tourism satellite accounts collect detailed statistics on the size of different sectors of tourism, the nature of tourism demand, the nature of supply in different sectors of tourism, and the direct impact of tourism on GDP and job creation. a satellite account reorganizes the national economic accounts system to identify the impact of tourism on the national economy.

The advantage of the satellite account approach is its use of available economic data and the inclusion of tourism in an accepted system of accounts. One of the disadvantages of this system is that the information required to extract tourism statistics from national economic accounts is often incomplete and incoherently collected. In addition, the application of satellite methods is much more difficult for the sub-national levels or for tourism sub-sectors.

In its 2008 report, the World Travel and Tourism Council explicitly referred to the most common international method of collecting TSA data. On the demand side, the share of each of the final demand components in total GDP (derived from travel and tourism expenditures) is collected. On the supply side, tourism GDP is the sum of the components of demand that make up "tourism consumption" minus its imported components. "GDP of tourism economy" is calculated as follows: "Total tourism demand" minus its imported components. The World Travel and Tourism Council (2008) use a data-output approach to determine the added value that increases the share of travel and tourism in GDP. In this approach, the relationship between the output of each industry and the components of tourism demand is examined.

However, there still seem to be gaps in the data. In addition, this approach does not provide a comprehensive data and output model that can compare the travel and tourism industry with other industries. Although the TSA methodology is constantly being improved, these accounts usually measure the direct impacts of tourism and use the multiplicative analysis method to measure indirect and induced impacts. By subtracting the expenses of the citizens of a country in a foreign country from the money received by that country from foreign visitors, the tourism balance is obtained. However, it is difficult to collect and calculate the amounts received accurately. The multiplicative effects of tourism, which can be measured using various methods, are a complex process.

Income, employment, sales, and output are measured. The number of times money is spent and the way money is circulated are also measured. For example, tourists may spend their money directly at a local hotel, shop, or restaurant, then the money may be used to pay overhead costs or workers' wages. Workers also use this money to buy local goods or something else, and so on. Economists refer to these monetary flows as direct, indirect, and induced. These terms are also used for employment; many people work directly in the tourism industry, and others may work in supporting industries (such as construction). The ideal is for money to be in circulation in one country's economy forever, but this is not possible, and money will eventually leak into another country's economy due to the import of goods or labor. Under the best of circumstances, a country develops its tourism industry in a way that does not rely too much on foreign investment, management, and labor, otherwise, the rate of economic leakage will increase and profits will be minimized.

Undoubtedly, tourism as an economic, political, social, and geographical tool is a multidisciplinary science whose evolution and development will not be complete without considering influential factors such as economic security [10]. Economic security as one

of the most important indicators of development is strongly linked to economic public law.

In recent years, economic public law has been a scientific branch and the focus of public law. The reason for its conceptual expansion should be examined in two ways: 1. The sophistication of the concept of government and the demand for its rights (public law and its scientific branches) 2. Attention to legal normative economics[1] and the increase in public interest in the functions of institutional economics[2] for sustainable economic growth. The main demand of the people from governments in the public sector economy is the expansion of regulatory and legal functions — known as droit public de regulation — to increase the infiltration coefficient of access to public rights (individual rights and freedoms) and economic security[3]. This means that economic public law should seek to increase the right to economic security as one of the most fundamental functions of a state governed by the rule of law — economic security as a matter of sovereignty (not exercising authority).

Economic public law and its branches of economic administrative law ensure the protection of the right to economic security. Due to its economic nature, the right to economic security has several exceptional characteristics: dynamism, diversity, and novelty of these rights require that the nature of these rights often be in need of knowledge analysis of economics.

For two reasons, governments and public law are two major issues in the study of the right to economic security. The first reason is that governments guarantee the right to economic security. The second reason is that the priority will be to limit the right to economic security in its components through governments.

Based on the approach they take to protecting individual and public interests, governments legitimize a degree of interference in the market economy of propriety and competition, and the issues arising from the right to economic security in terms of the application of accepted exceptional legitimacies are based on the above principles. Therefore, the most important factor in ensuring the rights of tourists is to pay attention to the component of the right to economic security as an important pillar of economic public law.

[1] What economics should be (normative economics) vs. descriptive economics (positive economics), which deals with what exists.

[2] Institutionalist economics vs. individualistic economics, which defines a major role for culture, law and history as influential institutions in economics.

[3] Douglass Cecil North, Institutional Change and American Economic Growth, Cambridge University Press, 1971. P. 167.

Information about the author

Hoda Ghafari — Assistant Professor, Faculty of Law and Political Science, Department: Public and International Law, Allameh Tabatabae'I University, Tehran, Iran. hodaghafari@yahoo.com

References

1. Ebrahimi S. N. (2003) Organization for the Study and Compilation of Humanities Books. Tehran, Iran [in Farsi].

2. Arfa'nia B. (1369) Private International Law. Marvi Publ.

3. (1997) International Affairs Department of the Deputy Minister of Tourism of the Ministry of Culture and Islamic Guidance [in Farsi].

4. Bastehnegar M. (2001) Human rights from the perspective of thinkers. Publishing Joint Stock Company. Tehran, Iran [in Farsi].

5. Tavakol Tabasi A. (2004) Human Rights and Humanitarian Rights. Published by Yas Nabi. Tehran, Iran [in Farsi].

6. Juneydi F. (1999) Human Rights in Today's World and World Rights in Ancient Iran. Balagh affiliated to Neishabour Foundation 15.

7. Marketing and International Affairs Office of Iran and World Tourism Organization. Pazineh Cultural and Publishing Institute, 2001 [in Farsi].

8. Safaei S. A. (1995) Discussions of Private International Law. Mizan Publ. Pp. 174—175.

9. Tabatabai Motameni M. (2003) Public Freedoms and Human Rights. Institute of Publishing and Printing. Tehran, Iran [in Farsi].

10. Hall M. K. (1998) An Introduction to the Tourism Industry. Armaghan Publications. Tehran, Iran [in Farsi].

11. Mojtahedi M. (1996) *Journal of the Faculty of Humanities and Social Sciences*, no. 3 [in Farsi].
12. Nasiri M. (1993) Private International Law. Agah Publications. Tehran, Iran [in Farsi].
13. Nasiri M. (1991) Multinational Law. Daneshamooz Publications. Tehran, Iran [in Farsi].
14. Vahedi Q. (1998) Civil Procedure. Mizan Publications, vol. 3. Pp. 140—141.
15. Brownlie I. (1990) *Principles of Public international law*. Oxford University Press.
16. Boven Th. G. Van (1988) *Distinguishing criteria of human rights in the international dimensions of human rights.* Martinus Nijhoff publ.
17. Hudson M. O. (1983) *Charter provision on human right in American law.* A.J.I.L.
18. Wallace Rebecca (1988) *International law.* London Sweet and Maxwell.
19. Stabler (2010) The Economics of Tourism. Routledge publishing.
20. Land Burg (2004) Tourism Economics. Bazargani Publishing, pp. 86—89 [in Farsi].
21. Masoumi Masoud (2006) Tourism Nature. Peik Kavir publication [in Farsi].
22. Sabbagh Kermani, Majid &Amiriyan, Saeed (2000) *Journal of Business*, vol. 4 (16), pp. 57—83.
23. Bull A. (1995) The Economics of Travel and Tourism. Pp. 213—217.
24. Tribe J. (2006) The truth about tourism. Annals of Tourism Research (33:2), pp. 369—371.
25. (2001) Office of International Affairs of Iran Tourism Organization report.
26. Silova E. S., Seifi A., Motaghi S. (2020) *Scientific works of the free economic society of Russia*, no. 4 (224), pp. 342—353 [in Russ.].
27. Salehabadi R., Mottaghi A., Seifi A., Pletnev D. (2020) *Scientific works of the free economic society of Russia*, no. 2 (436), pp. 129—137.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 199—207.

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ
REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 208—215.

УДК 339.9
ББК 65.52

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10324

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Д. И. Соколова, А. Э. Аббазов, О. Р. Яновская
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

Глобализация и регионализация являются магистральными тенденциями мировой экономики. Предмет исследования — трансформация моделей глобализации и анализ их особенностей в новых геополитических условиях. Выявлено, что сложившаяся классическая модель глобализации и глобальные институты претерпевают существенные изменения, что является следствием изменений в геополитической повестке, нарастанием проявлений национализма, протекционизма. Показана роль цифровизации для современного глобального управления и сделан вывод о влиянии процессов цифровизации на модель глобализации и глобального управления. Показана современная тенденция к фрагментированной многополярной мировой экономике с дифференцированными моделями развития развивающихся стран. Сделан вывод о необходимости исследования и формирования новых, более эффективных инструментов международного сотрудничества, реформирования глобальных институтов.

Ключевые слова: *глобализация, интеграция, глобальный кризис, цифровизация, мировая торговля, Всемирная торговая организация.*

Процесс глобализации длительное время являлся характерной общемировой тенденцией развития, затрагивающей большинство сфер деятельности человеческого общества. Глобализация способствует росту взаимных зависимостей индивидов, социальных групп и государств, открывая новые возможности для их развития, вовлекая в общемировые процессы. При этом вектор развития глобализационных процессов претерпевает ряд изменений в течение последних лет: главы многих ведущих мировых держав придерживаются тенденций поддержания национальных хозяйств, происходит прерывание ряда международных торговых соглашений, контрактов, договоров, что является следствием политической обостренности последних лет [15].

Исследователи отмечают неопределенность самого термина «глобализация».

С исторической точки зрения, глобализация — один из этапов развития капитализма. Экономисты рассматривают данный процесс с точки зрения транснационализации финансовых рынков. Политологи говорят о распространении демократических институтов.

Понятие «глобализация» впервые было использовано в 1983 г. американским исследователем Т. Левиттом: «Слияние рынков отдельных продуктов, производимых крупными транснациональными корпорациями (ТНК)» [Цит. по: 11].

Ю. Остерхаммель и Н. Петерсон, исследователи глобализации, относят начало глобализационных процессов к временам, предшествующим появлению современной цивилизации, и отмечают, что с середины 1970-х гг. началась «золотая эра» глобализации [См.: 5].

Зарождение и развитие так называемой протоглобализации, охватывающей период с 1600 по 1800 г., многие ученые связывают с Великими географическими открытиями, зарождением международных рынков, формированием начальных форм индустриального экономического развития. Характерными особенностями этого периода являются усиление межнационального, межцивилизационого и межконтинентальнного товарообмена.

Одним из первых ученых, исследовавшим понятие глобализации, был Э. Гидденс, лекции которого в середине 1980-х гг. позволили обсуждению глобализационных процессов принять мировую значимость, причем не только на правительственном или научном уровне, но и среди обычных людей. По мнению Э. Гидденса, «мир в процессе глобализации не только не стал более “управляемым”, но вообще вышел из-под контроля и “ускользает из рук”. На повседневную жизнь глобализация

влияет не меньше, чем на события мирового масштаба» [4. С. 118].

В современном мире в широкой трактовке глобализация рассматривается как возрастающая и усиливающаяся взаимозависимость отдельных стран, происходящая в результате увеличивающихся масштабов и широкого спектра трансграничного передвижения продукции, а также быстрого и широкого распространения новых технологий (по определению МВФ). Экономический смысл данного определения сводится к тому, что глобализация предполагает интенсификацию сближения национальных экономик в мире, в частности, с помощью внешнеторговых и финансовых потоков.

Дж. Стиглиц дает следующее определение термину «глобализация»: «более тесная интеграция стран и народов планеты, которая вызывается значительными сокращениями издержек перемещения (перевозок) и коммуникации, а также разрушением искусственных барьеров на пути движения товаров, услуг, капитала, знаний и (в меньшей степени) людей через границу» [6. С. 9].

В монографии «Глобалистика...» доктор экономических наук Э. Г. Кочетов показывает, что в настоящий момент процесс глобализации таков, что он позволяет значительную долю мирового дохода присваивать транснациональным компаниям [9]. Такого же мнения придерживается Е. Д. Фролова в диссертационной работе «Геоэкономическая интеграция ресурсов России в мировые воспроизводственные процессы» [17].

В научно-публицистической литературе по глобализации можно выделить по крайней мере два основных направления в понимании сущности глобализации. Одна часть исследований представляет собой работы активных сторонников глобализации. Их идеи состоят в следующем:

— В первую очередь глобализация имеет экономические свойства, выступая двигателем интеграции национальных экономик стран, что играет определенную роль для социальной и культурной сферы. Формирование глобальной экономики выступает локомотивом остальных процессов.

— Для глобализированной экономики свойствен процесс денационализации, то есть сокращение роли национальных государств, что неминуемо приводит к дифференциации стран — участниц глобализационных процессов на победителей и проигравших.

Интересен тот факт, что активные сторонники глобализационных процессов представлены как последователями марксистской экономической теории, так и неоклассической теории. Их отношение к последствиям глобализации различны: представители неоклассического течения дают позитивные оценки глобализации, называя ее важным элементом либеральной демократии и рыночной экономики. Исследователи, придерживающиеся марксистских взглядов, называют глобализацию монополией империализма, более масштабным проявлением эксплуатации рабочего класса.

Второе направление исследований представляют собой группы скептиков, которые считают современную глобализацию усилением интернационализации мировых экономик. Согласно данному подходу, мировой экономике более свойственны процессы регионализации, чем глобализации. Такая регионализация сводится к трем основным центрам: Европа, Северная Америка и Азиатско-Тихоокеанский регион.

Итак, глобализация и регионализация являются магистральными тенденциями мировой экономики. Идет поиск новых, более эффективных механизмов международного сотрудничества. Речь идет об изучении особенности формирования наднационального механизма, определении пределов его применения, осмыслении его роли в процессе экономической интеграции и мировом развитии.

Термин «интеграция» от латинского слова «воссоздание, воссоединение целого», который можно встретить в сочетаниях с определениями «международная», «межгосударственная», «региональная», утвердился в средине прошлого века.

Наибольшую активность после Второй мировой войны проявили представители двух ведущих стран Европы, выступившие локомотивом интеграции. Среди специалистов других стран выделились американские ученые Б. Баласса [1], Дж. Вайнер, С. Харрис [2]. Это было связано не только с интеграцией Европы, но и США, и Канады. Именно Б. Баласса в работе 1961 г. («Теория экономической интеграции») дал первую классификацию форм интеграции, которая получила распространение на Западе, а потом и в России. Также Б. Баласса предложил рассматривать интеграцию не только как достигнутое состояние, но и как динамический процесс. Он выделил пять форм интеграции в последовательных стадиях восхождения от низшей к высшей [1]:

1. Зона свободной торговли (ЗСТ).
2. Таможенный союз (ТС).
3. Общий рынок.
4. Экономический союз.
5. Полная экономическая интеграция.

Рассмотрение получили различные концепции интеграции в работе Я. Тинбергена «Пересмотр международного порядка» [16].

Ученые неолиберального направления исходили из того, что устранение барьеров в международной торговле дает выигрыш всем участникам объединения. Поэтому они выступали за устранение хозяйственных барьеров (торговых, валютных).

В то же время теоретики неокейнсианского направления делают акцент на несоответствии между политикой стимулирования роста и занятости внутри страны и бурным развитием международных экономических отношений. Они выступают за создание новых структур в международной среде, которые позволили бы национальным хозяйствам функционировать в оптимальном режиме.

Появляется вопрос применения наднационального механизма. Российский исследователь интеграции Ю. А. Борко описывает: «Высокий уровень поддержки со стороны элитных групп и общественного мнения, как необходимые условия интеграции» [3]. Такое применение наднационального механизма является противоречивым, поскольку правительствам стран Запада свойственны опасения и настороженное отношение к любой передаче инструментов, затрагивающих национальные экономики, на наднациональный уровень, несмотря на тот факт, что в целом они являются сторонниками активной экономической интеграции.

За 50 лет после введения классификации форм интеграции произошли изменения в направлении развития мировой экономики. Современные формы интеграции выглядят так:

1. Зона свободной торговли (ЗСТ).
2. Таможенный союз (ТС).
3. Общая экономическая политика.
4. Единая экономическая политика.
5. Общий экономический рынок.
6. Единый внутренний рынок.
7. Общая валютная система.
8. Валютный союз (единая валюта).
9. Экономический союз (общая макроэкономическая политика).
10. Полная экономическая интеграция.
11. Военно-политический союз.
12. Федерация.

Для дифференциации видов интеграции необходимо разграничивать смысл «общего» и «единого». Проводимая странами политика может реализовываться в одном направлении, быть согласованной, но иметь разное наполнение. Политика может значительно различаться от государства к государству, но иметь некоторые общие элементы, характеристики, детали или же быть единой для всех участников, что будет предполагать применение наднационального механизма. Любой из видов интеграции имеет в своем составе те или иные наднациональные инструменты, составляющие, разнообразие и степень проявления которых и обеспечивает классификацию их эволюции. Наднациональный механизм — это существенный признак, позволяющий понять суть интеграции [7].

Итак, международная экономическая интеграция — это процесс формирования единого экономического комплекса посредством добровольной передачи части национальных компетенций на наднациональный уровень при сохранении некоторых полномочий в суверенном ведении. Если государства передают все полномочия, то интеграция заканчивается и возникает новое интегрированного образование федеративного или централизованного типа. Это образование уже может самостоятельно участвовать в интеграционных процессах иного уровня. Так как интеграция — процесс динамический, она может затормозиться на любой из стадий. Все зависит от воли суверенных государств и их желания участвовать в интеграционном процессе. Мы знаем примеры разных интеграционных объединений, например: НАФТА, АСЕАН, ЕАЭС, — но наиболее ярким примером, прошедшим почти все стадии интеграции является ЕС. На его примере можно проследить, сколько сложностей и неожиданных препятствий возникает в процессе интеграции. Межгосударственными институтами в структуре ЕС являются Европейский парламент, Совет министров, Европейская комиссия, Суд ЕС, Европейский центральный банк. Наднациональность в этих органах может быть как по принципу формирования, так и по характеру деятельности. Из всех этих институтов, только Совет министров ЕС является межгосударственным органом, все остальные являются наднациональными.

В современной геополитической ситуации ЕС встречается с новыми вызовами, такими как миграционный кризис, пандемия коронавируса, санкционные войны. Принятие единогласного решения становится все более затруднительным, так как это очень по-разному сказывается на экономике отдельных стран. Если мы рассматриваем глобализацию, которая, по сути, является более широким явлением, чем интеграция, то в современных геополитических условиях вызовов в процессе глобализации возникает все больше и больше. Изначально понятно, что жители разных стран могут пози-

тивно относиться к экономической интеграции, но не так однозначно к изменению своей культуры, менталитета, языка, религии. Глобализация сочетает в себе два взаимосвязанных процесса, что вызывает некоторые противоречия в ее последствиях для стран и наций. Одной составляющей является так называемая горизонтальная глобализация, когда через увеличение связей между отдельными народами происходит интеграция достижений одних культур в другие, что является достаточно спорным и противоречивым процессом, подходить к которому следует с определенной долей осторожности. Другой важной составляющей сущности общего процесса глобализации является ее более искусственная часть — глобализация по вертикали. Подобный процесс вертикальной интеграции можно назвать насильственным, поскольку он сводится к искусственному, насильственному внедрению любых идей, догм, правил, традиций, культурных особенностей со стороны одной нации или религии в отношении другой. Кризис глобализации возникает именно в тот момент, когда искусственная интеграция начинает доминировать над естественной, то есть вертикальная над горизонтальной.

В новых политических реалиях мы сталкиваемся с такими ситуациями, когда масштабные цивилизационные вызовы требуют новых ответов [12].

Итак, глобализацию можно рассматривать как процесс усиления взаимосвязей и взаимозависимости между странами, интенсификации всех форм мирохозяйственных связей, являющейся объективной по своей природе. Под экономической глобализацией понимают процесс усиления экономической интеграции между странами, приводящий к слиянию национальных экономик в единый всемирный рынок [13].

Глобализация способствовала либерализации торговли, что сделало ее более свободной и открытой, в результате чего были устранены барьеры в международной торговле, снижены тарифы, начали быстрее происходить такие процессы, как: движение капитала, товаров и услуг, информации, рабочей силы и инноваций. Учреждение Всемирной торговой организации (ВТО) в 1995 г. явилось одним из важнейших проявлений процесса глобализации мирового хозяйства, что сопровождалось наделением многосторонних структур полномочиями по разработке и применению норм регулирования внешней торговли с целью повышения прозрачности и либерализации.

Последние годы глобализация противопоставляется тенденции обособления ряда стран, доминирующей геополитической повесткой становится рост проявлений национализма, протекционизма, усиливающееся неравенство в распределении глобальных доходов. Очевиден тот факт, что сложившаяся модель глобализации претерпевает существенные изменения, что касается и глобальных институтов, таких как Организация Объединенных Наций, Международный валютный фонд, Европейский Союз, Всемирная торговая организация.

Классическая модель глобализации, существующая на протяжении долгого времени, имела в своей основе нормы и правила, регламентируемые данными международными институтами, которые, в свою очередь, зачастую находятся под сильным влиянием ряда развитых стран. Произошедшие геополитические сдвиги последних лет изменили представления о миропорядке, о старой модели глобализации, в которой либерализация международной торговли, мультилатерализм и социокультурная интеграция преобладали над национальными интересами. Наблюдается рост протекционизма. Такие страны, как США, Китай, Индия и Россия, начиная с 2009 г. инициировали каждая более 500 дискриминационных мер в торговле [8]. Снижается способность глобальных институтов устанавливать и регулировать общие правила международных экономико-политических отношений.

Современная экономическая и политическая дестабилизация международных отношений сопровождается цифровой интеграцией технологических процессов и бизнес-процессов, различных рынков. Эти процессы способны трансформировать мировую экономику и геополитическую среду, создавая новую модель глобализации.

В структуре современной экономики, в том числе мирового хозяйства, доминируют виды деятельности, базирующиеся на информации и высоких электронных технологиях. Цифровая экономика становится новым этапом глобализационных процессов. Формирование глобального цифрового пространства связано с обеспечением технологического лидерства государств и субъектов на основе инфокоммуникационных и смежных технологий. Анализ российской и зарубежной практики, теоретических исследований показывает, что цифровизация осуществляется на основе цифровых платформ, интегрирующих хозяйственные, социальные и технологические процессы, формирующие цифровые сервисные экосистемы.

В Решении Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» цифровая экономика представлена как «часть экономики, в которой процессы производства, распределения, обмена и потребления прошли цифровые преобразования с использованием информационно-коммуникационных технологий» [14]. Цифровизация является характерным признаком создания новой модели развития во всемирном (глобальном) масштабе и индустрии 4.0.

Большую роль цифровизация имеет для глобального управления. Цифровая повестка нашла свое отражение в программных документах многих правительств и международных организаций. Политическая повестка правительств на сегодняшний день заключается в разработке и реализации национальных цифровых стратегий.

Геополитические и цифровые трансформации внесли изменения в экономико-политическую модель глобализации, сформировав тенденции к фрагментированной и многополярной мировой экономике с дифференцированными моделями развития национальных хозяйств развивающихся стран.

Еще одним вызовом существующей модели глобализации стала пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. Ежедневная немецкая газета Die Welt на основании данных опроса, проведенного среди компаний по всему миру, прогнозирует конец глобализации «такой, какой мы ее знаем» [18]. Из числа всех опрошенных глав предприятий ровно половина намерены после окончания пандемии коронавируса переориентировать закупки и поставки на внутренний рынок — из-за пересмотра цепочки поставок глобализация может пойти на убыль. Из-за приостановки производства в Китае многие компании лишились поставок оборудования — в результате ряд предприятий вынуждены простаивать без работы, хотя могли бы продолжать деятельность даже в условиях пандемии.

В мире в период пандемии актуальной повесткой стал выбор: объединяться и продолжать процессы интеграции или отстаивать внутренние интересы? Израильский историк Ю. Н. Харари так описывает воздействие пандемии на современные глобализационные процессы: «Глобализация дала сбой: в мире царит хаос, и каждое правительство действует самостоятельно. С пандемией и мировым кризисом можно справиться лишь в том случае, если все страны будут сотрудничать. В первую очередь это касается обмена информацией» [19]. По его мнению, на глобальном уровне стоит закрепить соглашение о разрешении поездок ученых, врачей, журналистов.

При этом существует ряд скептиков, которые убеждены, что глобализация — это утопия, надежда на которую погибла. Стивен Уолт, американский политолог, профессор Гарвардского университета, выражает мнение, что мировая пандемия новой коронавирусной инфекции способна усилить тенденции национализма и протекционизма стран. При этом, в сравнении эффективности реакции мировых центров на современные вызовы, преимущественно более своевременный и результативный ответ был характерен для стран Востока (Сингапур, Китай, Южная Корея), тогда как страны Запада показали несистемную и менее эффективную стратегию борьбы с пандемией и ее последствиями [19].

Экономист, специализирующийся на вопросах глобального неравенства, Бранко Милановић высказывается о крушении модели глобальной экономики и неопределенности результатов данного процесса. Дальнейшее существование глобализированной экономики зависит от эффективности решений ведущих государств и международных организаций в вопросах кризиса, вызванного новой коронавирусной инфекцией. Это объясняется тем, что данный кризис напрямую влияет на интеграционные процессы и движение капитала, экономических благ, людей, и чем дольше данные потоки будут заблокированы, тем менее привлекательными будут казаться неэффективные здесь модели глобализации [10].

Экономист Дамбиса Мойо так высказывается о воздействии COVID-19 на процессы глобализации: «пандемия коронавируса побудит корпорации к тому, чтобы сравнить выгоды глобализированной системы производства с надежностью цепочки поставок на национальном уровне. Переход на цепочки поставок на национальном уровне уменьшит зависимость от международных отношений, что гарантированно обеспечит граждан работой и необходимыми товарами, хотя они подорожают» [Цит. по: 19]. По мнению директора Королевского института международных отношений Р. Ниблетта, «коронавирус может стать соломинкой, которая переломит спину верблюду глобализации» [Там же].

Можно утверждать, что коронавирус разделил глобализацию на две эпохи. В первую эпоху, которая очерчивается границами завершения «холодной войны» и событиями недавнего времени, глобализационные процессы сводились увеличению глобальной мобильности, либерализации международной торговли, в том числе через расшире-

ние состава членов ВТО, к сглаживанию проблем дифференциации доходов в мировом масштабе, к цифровизации отдельных сфер и отраслей, в том числе коммуникативных цепочек.

Вторая эпоха глобализации отличается растущим проявлением национализма на различных уровнях, тенденциями протекционизма в проводимой внешнеэкономической политике некоторых правительств, наращиванием военных сил ряда стран, то есть это вновь возникающие глобальные разногласия. Пандемия COVID-19 охватила мир в моменте интенсификации тенденций к разделению стран, блоков, наций на различных уровнях.

Таким образом, очевидно, что экономико-политическая модель глобализации под воздействием множества факторов претерпевает серьезные изменения. Контуры новой формы глобальной экономики еще предстоит определить, равно как и показатели ее измерения, глобальные институты регулирования.

Список литературы

1. Ballasa B. The Theory of Economic Integration. L., 1961.
2. Harris S. International and Interregional Economics. N.Y., 1957.
3. Борко Ю. А. Расширение Европейского Союза и Россия / под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко. М.: Деловая лит., 2006. 567 с.
4. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 352 с.
5. Глобальная геополитика / под ред. И. И. Абылгазиева И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017. 280 с.
6. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. Национальный общественно-научный фонд, 2003. 304 с.
7. Зуев В. Н. Наднациональные механизмы интеграции: монография. М.: Магистр, 2016. 288 с.
8. Кондратьев В. Б. Новый этап глобализации: особенности и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 6 (433). С. 5—17.
9. Кочетов Э. Г. Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание: Новый ренессанс — истоки и принципы его построения, фундаментальные опоры, теоретический и методологический каркас. М.: Прогресс, 2001. 704 с.
10. Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 336 с.
11. Осьмова М., Бойченко А. Глобализация мирового хозяйства: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2012. 376 с.
12. Осьмова М. Меняющийся облик экономической глобализации // Экономист. 2017. № 1. С. 57—62.
13. Воскресенский А. Д., Байков А. А., Белокреницкий В. Я., Ермолаев А. О. Практика зарубежного регионоведения и мировой политики: учебник. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2016. 560 с.
14. Решение Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» № 12 от 11.10.2017.
15. Соколова Д. И., Ковнир В. Н. Всемирная торговая организация в контексте теории длинных волн Н. Д. Кондратьева // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 11 (433). С. 7—14.
16. Тинберген Я. Пересмотр международного порядка / под общ. ред.: А. А. Рывкин; пер.: И. А. Бонк. М.: Прогресс, 1980. 416 с.
17. Фролова Е. Д. Геоэкономическая интеграция ресурсов России в мировые воспроизводственные процессы: автореф. дис. … д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2009. 314 с.
18. Конец эпохи глобализации? Какой будет посткоронавирусная экономика. URL: https://lv.baltnews.com/mir_novosti/20200413/1023824544/Konets-epokhi-globalizatsii-Kakoy-budet-postkoronavirusnaya-ekonomika.html (дата обращения 28.10.2020).
19. Кулагин В. Посткарантинный мир. 23 марта 2020. URL: https://lenta.ru/articles/2021/01/01/coronavirus/ (дата обращения 10.10.2020).

Сведения об авторах

Соколова Дарья Ивановна — старший преподаватель кафедры «Экономика и бизнес» Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия. glebova.bmstu@gmail.com

Аббазов Асхаб Эльманович — магистр кафедры «Экономика и бизнес» Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия. abbazov.askhab888@mail.ru

Яновская Ольга Рудольфовна — доцент кафедры «Экономика и бизнес» Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия. olga.r.yanovsk@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 208—215.

GLOBALIZATION IN NEW GEOPOLITICAL REALITIES

D. I. Sokolova
Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia. glebova.bmstu@gmail.com

A. E. Abbazov
Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia. abbazov.askhab888@mail.ru

O. R. Yanovskaya
Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia. olga.r.yanovsk@gmail.com

Globalization and regionalization are the main trends in the world economy. At the same time, the vector of development of globalization processes has undergone a number of changes in recent years: the heads of many governments follow the trends of maintaining national economies; there is an interruption of a number of international trade agreements and contracts, which is a consequence of the political aggravation of recent years. The subject of the research is the globalization model and its transformation in new geopolitical conditions. It was revealed that the existing classical model of globalization and global institutions are undergoing significant changes, which is a consequence of changes in the geopolitical agenda, the growth of manifestations of nationalism, protectionism. The role of digitalization for modern global governance is analyzed. The conclusion about the impact of digitalization processes on the model of globalization and global governance is made. The current trend towards a fragmented multipolar world economy with differentiated development models of developing countries is analyzed. It is concluded that it is necessary to search for new, more effective mechanisms of international cooperation and reform of global institutions.

Keywords: *globalization, integration, global crisis, digitalization, world trade, world trade organization.*

References

1. Ballasa B. (1961) The Theory of Economic Integration. L.
2. Harris S. (1957) International and Interregional Economics. N.Y.
3. Borko Y. A. (2006) Rasshireniye Yevropeyskogo Soyuza i Rossiya [Enlargement of the European Union and Russia]. Moscow. 567 p. [in Russ.].
4. Giddens E. (2011) Posledstviya sovremennosti [Consequences of modernity]. Moscow, Praksis. 352 p. [in Russ.].
5. Abylgaziyev I. I., Il'in I.V., Kafel' I.F. (2017) Global'naya geopolitika [Global Geopolitics]. Moscow. 280 p. [in Russ.].
6. Stiglitz J. (2003) Globalizatsiya: trevozhnyye tendentsii [Globalization: Alarming Trends]. Moscow. 304 p. [in Russ.].
7. Zuyev V. N. (2016) Nadnatsional'nyye mekhanizmy integratsii [Supranational mechanisms of integration]. Moscow. 288 p. [in Russ.].
8. Kondratyev V. B. (2018) *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, no. 6 (433), pp. 5—17 [in Russ.].

9. Kochetov E. G. (2001) Globalistika kak geoekonomika, kak real'nost', kak mirozdaniye: Novyy renessans — istoki i printsipy yego postroyeniya, fundamental'nyye opory, teoreticheskiy i metodologicheskiy karkas [Globalistics as geoeconomics, as reality, as the universe: New Renaissance — the origins and principles of its construction, fundamental pillars, theoretical and methodological framework]. Moscow, Progress. 704 p. [in Russ.].

10. Milanovich B. (2017) Global'noye neravenstvo. Novyy podkhod dlya epokhi globalizatsii [Global inequality. A new approach for the era of globalization]. Moscow. 336 p. [in Russ.].

11. Osmova M., Boychenko A. (2012) Globalizatsiya mirovogo khozyaystva [Globalization of the world economy]. Moscow. 376 p. [in Russ.].

12. Osmova M. (2017) *Economist*, no. 1, pp. 57—62 [in Russ.].

13. Voskresenskiy A. D., Baykov A. A., Belokrenitskiy V. Y., Yermolayev A. O. (2016) Praktika zarubezhnogo regionovedeniya i mirovoy politiki [Practice of foreign regional studies and world politics]. Moscow, Magistr, INFRA-M. 560 p. [in Russ.].

14. (2017) Resheniye Vysshego Yevraziyskogo ekonomicheskogo soveta "Ob osnovnykh napravleniyakh realizatsii tsifrovoy povestki Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza do 2025 goda" [The decision of the Supreme Eurasian Economic Council "On the Main Directions for the Implementation of the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union until 2025"]. No. 12. October 11 [in Russ.].

15. Sokolova D. I., Kovnir V. N. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11 (433), pp. 7—14 [in Russ.].

16. Tinbergen J. (1980) Peresmotr mezhdunarodnogo poryadka [Revision of the international order]. Moscow, Progress. 416 p. [in Russ.].

17. Frolova E. D. (2009) Geoekonomicheskaya integratsiya resursov Rossii v mirovyye vosproizvodstvennyye protsessy [Geoeconomic integration of Russian resources into world reproduction processes. Abstract of thesis]. Ekaterinburg. 314 p. [in Russ.].

18. Konets epokhi globalizatsii? Kakoy budet postkoronavirusnaya ekonomika [End of the era of globalization? What the post-coronavirus economy will be like]. Available at: https://lv.baltnews.com/mir_novosti/20200413/1023824544/Konets-epokhi-globalizatsii-Kakoy-budet-postkoronavirusnaya-ekonomika.html, accessed 28.10.2020 [in Russ.].

19. Kulagin V. (2020) Postkarantinnyy mir [Post-quarantine world]. Available at: https://lenta.ru/articles/2021/01/01/coronavirus/, accessed 10.10.2020 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 216—223.

УДК 338.486
ББК 65.433

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10325

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Д. А. Плетнев, К. Р. Мельник
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Представлен обзор состояния туристической отрасли России (в первую очередь с точки зрения спроса), а также те вызовы, с которыми отрасль столкнулась в 2020 г. Выявлены основные тенденции, характерные для этой сферы. Систематизированы меры поддержки туристического бизнеса в России в 2020 г., дана качественная оценка их эффективности.

Ключевые слова: *развитие туризма, меры поддержки, кризис, туристическая сфера, туризм, пандемия.*

Появившийся в научном дискурсе российских экономистов перевод китайских иероглифов, обозначающих слово «кризис» как «опасность» + «возможность» дало повод ссылаться на вековую мудрость в плане восприятия кризисов как «окна возможностей» для всего нового [1]. Между тем большинство кризисов не оправдывают таких надежд для большинства, а известная русская поговорка «кому война, а кому мать родна» частично объясняет смысл и моральный аспект этого «окна возможностей». С другой стороны, сама логика появления новых возможностей в кризис имеет право на существование и подтверждается многими примерами. Достаточно вспомнить «созидательное разрушение» Й. Шумпетера и 2020 г. с его бумом цифровых платформ и онлайн-сервисов. По этой причине вопрос о том, насколько благотворен кризис для экономики и отдельных ее отраслей, остается открытым. Как и подвопрос — насколько благотворно государственное вмешательство в работу рыночных механизмов (включая банкротства и рост циклической безработицы, переходящей в структурную) в таких ситуациях.

В статье предлагается обзор «предковидного» состояния российской туристической индустрии и тех мер, которые были приняты государством для поддержки этой отрасли в 2020 г., а также предложены рекомендации по дальнейшей поддержке в этой сфере.

Начать же следует с немного отвлеченных от темы, но важных тезисов. Меняются поколения, и меняются тренды потребления, да и в целом восприятие жизни и ее ценностей. Для обозначения одного из новых трендов появился термин: «экономика впечатлений», experience economy. Эта сфера экономической деятельности, продукт которой — не товар или услуга как таковые, а новые «впечатления», которые могут появляться как от потребления товаров, так и от услуг. Однако ценность определяется именно субъективным восприятием доставляемого персонализированного впечатления [2, 3]. И хотя некоторые авторы не относят туризм непосредственно к экономике впечатлений, клея на него ярлык «сервиса» [4], именно в туризме многие потребители это самое «впечатление» и получают. И успех национальной сферы туризма будет определяться в средне- и долгосрочной перспективе не тем, насколько комфортны номера и теплое море, а именно теми впечатлениями, которые потребители туристических услуг смогут получить. И именно за новыми впечатлениями направляются многие туристы за границу, делая выбор в пользу порой более дорогих и менее комфортных курортов. Наполнить внутренние турис-

[1] Стоит отметить, что специалисты в области китайского языка скептически относятся к такой интерпретации, ссылаясь на многозначность используемых иероглифов; они, скорее, склонны говорить о том, что оба используемых в обозначении слова «кризис» иероглифа имеют сходный смысл «опасности», усиливая друг друга (подробнее см.: https://studychinese.ru/articles/4/186/). Однако для современного экономического, политического и «менеджерского» дискурса это уже неважно, поскольку альтернативная трактовка уже глубоко укоренилась. Типичный пример: path dependence.

[2] Подробнее см.: https://www.xpand-it.com/2019/11/14/experience-economy-3-trends-2020/.

[3] См. https://hbr.org/1998/07/welcome-to-the-experience-economy.

[4] См. https://medium.com/lightspeed-venture-partners/investing-in-the-experience-economy-a74197988b64.

тические объекты новым смыслом, сделать их источником впечатлений — важнейшая задача как самих представителей отрасли, так и отвечающих за ее развитие органов власти.

Второй тезис: в России объективно множество туристических аттракторов: это и центральная часть страны, с Москвой и Золотым кольцом, и ее Северо-Запад, географически близкий Европе и по этой причине привлекающий не только национальных, но и европейских туристов (Санкт-Петербург, Карелия, Калининград), и Поволжье (в первую очередь Казань, именно за счет своего преображения привлекшая множество новых туристов даже в 2020 г.), и Сибирь (Алтай, Саяны, Байкал: каждый из них по туристическому потенциалу не уступает одной-двум ведущим европейским странам), и Дальний Восток (Камчатка — это как несколько Исландий, Приморье — тоже рай для туристов). Да и для любителей теплого «пляжного» отдыха найдется достаточно много мест: Крым, Сочи и окрестности.

И третий тезис: развитие туризма в России объективно сдерживается очень большими расстояниями и субъективно — слаборазвитой транспортной инфраструктурой. Для жителей самой густонаселенной части страны быстрее и дешевле выехать за границу, чем в Сибирь или на Урал. По этим причинам любые усилия региональных и местных властей по развитию туризма сталкиваются с отсутствием достаточного спроса.

Тема развития туризма находится в фокусе многих исследователей, в том числе: Е. А. Шатько [1], В. Ю. Воскресенского [3], Л. Б.-Ж. Максановой [11], А. В. Варламовой [12] и др.

Теперь необходимо рассмотреть те тенденции, которые сложились в туристической сфере России перед пандемией 2020 г., заморозившей этот рынок.

Первая тенденция — слабое развитие туристической сферы со стороны национального спроса: в 2019 г. общее число внутренних туристов, по оценке АТОР, составило 68 млн чел.[1], а за рубеж с туристическими целями было совершено около 45 млн поездок (данные Росстата). Если учесть, что повторные поездки одного лица считались несколько раз, то охват туристическими услугами был немного меньше 50% населения. Из этой тенденции в год пандемии следует один утешительный вывод: спад турпотоков 2020 г. оказался чуть больше, чем двухкратным — до 40 млн внутри страны и примерно до 12 млн — за рубеж (в основном — в Абхазию и Турцию), в то время как в странах, делающих ставку на туризм как системообразующую отрасль, снижение спроса доходило до 10 раз, то есть сам шок оказывался гораздо глубже.

Вторая тенденция — относительно небольшие объемы выездного туризма в конкретные страны (не считая упомянутых выше Турции и Абхазии). Тренды 2018—2020 гг. можно проанализировать по рис. 1 и 2. Обращает на себя внимание большое количество поездок в Казахстан и на Украину, что, возможно, объясняется отсутствием прямых рейсов из России в Египет, и использованием туристами Казахстана и Украины как транзитных стран для таких поездок.

Спрос на туристические поездки в отдельные страны носит стабильный характер с редкими исключениями: в 2019 г. существенно нарастили число поездок Катар и Куба, однако на их общем числе это почти не сказалось.

Третья тенденция — слаборазвитый въездной туризм со своей спецификой, затрудняющей точные оценки. Речь идет о том, что среди лидеров въездного туризма традиционно оказываются постсоветские страны и Китай, притом что структура «иностранного» спроса на туристические услуги внутри страны, очевидно, иная. Объяснение простое — граждане постсоветства пространства и Китая часто приезжают как трудовые мигранты, но заявляют иную цель визита, чтобы избежать соответствующих регистраций и налогообложения. Из действительно «туристических» въездных потоков стоит отметить Германию, Финляндию и Польшу. Потоки из остальных стран не превышают полумиллиона в год (рис. 3, 4, 5).

Таким образом, усилия государства и частного бизнеса по привлечению иностранных туристов на трендах 2018—2019 гг. не сказались. Между тем если сравнивать с объемами более ранних годов, то положительная динамика будет налицо[2]. При этом более точным индикатором объема рынка будут доходы соответствующего сектора, а не число заявленных на границе туристов (рис. 6). На это оказывали влияние как обозначенный в начале статьи рост «экономики впечатлений», так и проведенные в Сочи Олимпиада в 2014 г. и чемпионат мира по футболу в 2018 г.

Правительство России, сформированное в начале 2020 г., в своей экономической политике занимает более «кейнсианскую» позицию, нежели предыдущее. И это сыграло свою роль

[1] https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/53770.html

[2] https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.RCPT.CD?end=2018&locations=RU&start=2000

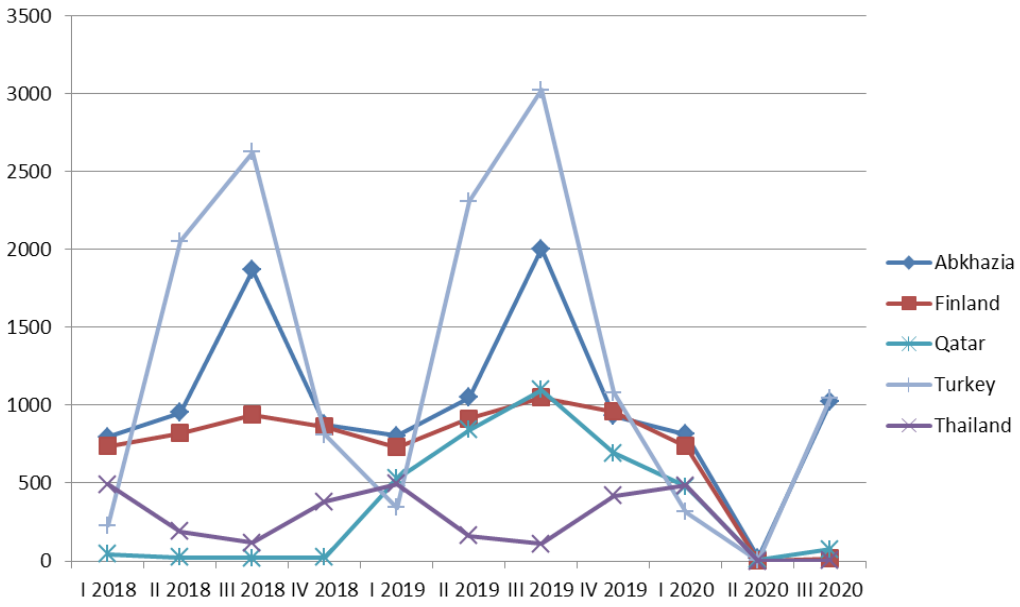

*Рис. 1. Количество выездных туристических поездок из России в топ-5 стран (поквартально, 2018—2020 гг.), тыс. чел.**

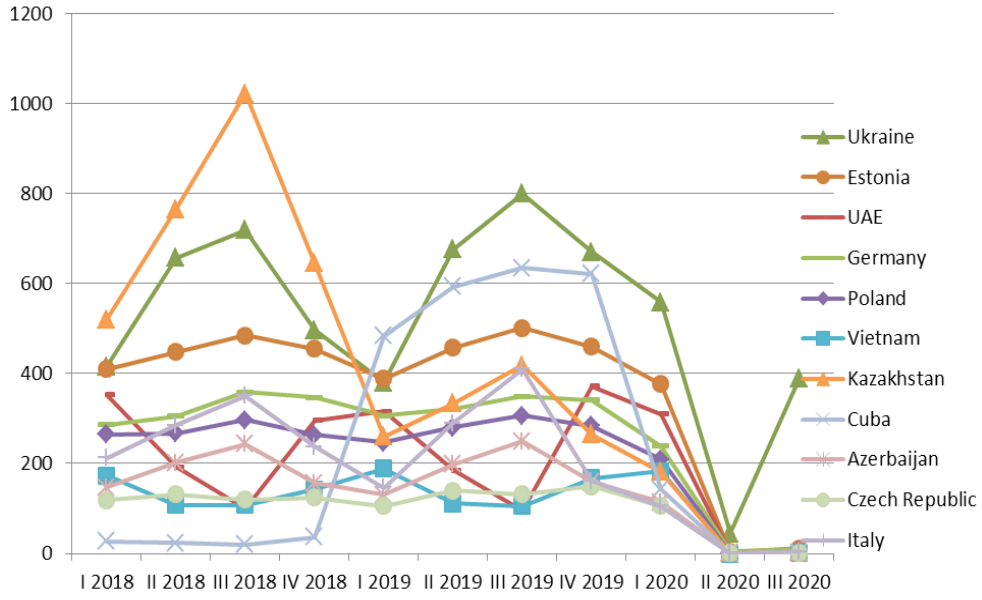

*Рис. 2. Количество выездных туристических поездок из России в страны со значительным количеством поездок, исключая топ-5 (поквартально, 2018—2020 гг.), тыс. чел.**

*Источник: составлено по данным Росстата.

в формировании активной, актуальной и в целом адекватной политики поддержки туристической сферы в ходе пандемии. Рассмотрим основные меры поддержки. Для удобства восприятия мы их сгруппировали в три блока: регулирование, занятость и налоги.

В сфере снижения регуляторного бремени для компаний туристической сферы (как и для других пострадавших сфер) были предприняты следующие шаги:

- Продление срока предоставления отчетности (Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 № 409).
- Запрет на проверки, взыскания и санкции со стороны ФНС и других органов КНД (Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 № 409).
- Расширена программа льготного кредитования малого и среднего бизнеса.
- Отсрочка по кредиту. Для облегчения положения малого и среднего бизнеса в наиболее

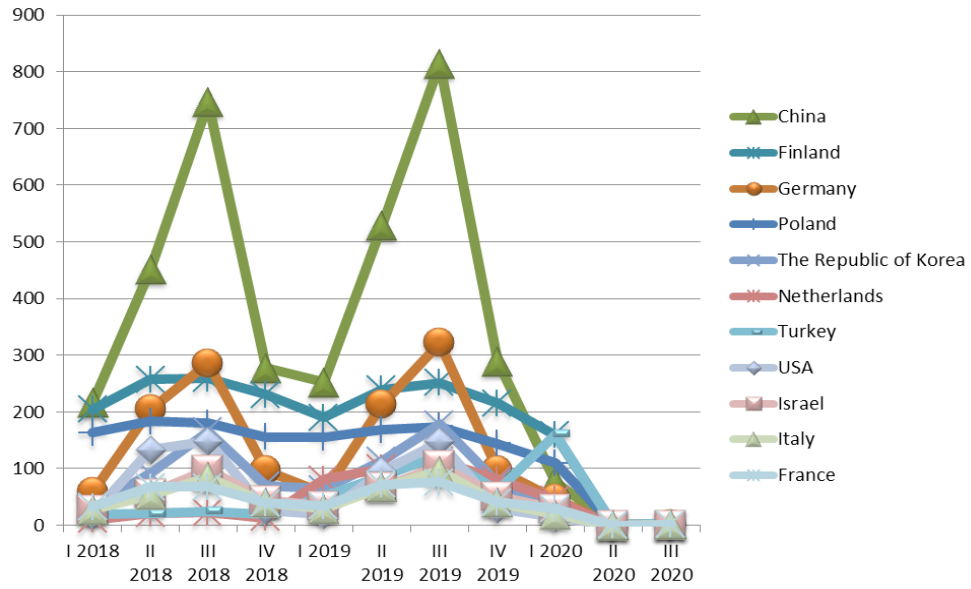

*Рис. 3. Количество въездных туристических поездок в Россию из стран дальнего зарубежья (поквартально, 2018—2020 гг.), тыс. чел.**

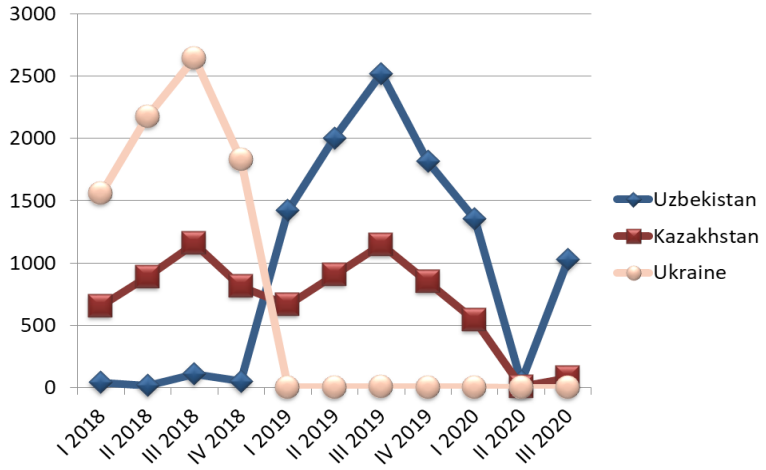

*Рис. 4. Количество въездных туристических поездок в Россию из постсоветских стран, топ-3 (поквартально, 2018—2020 гг.), тыс. чел.**

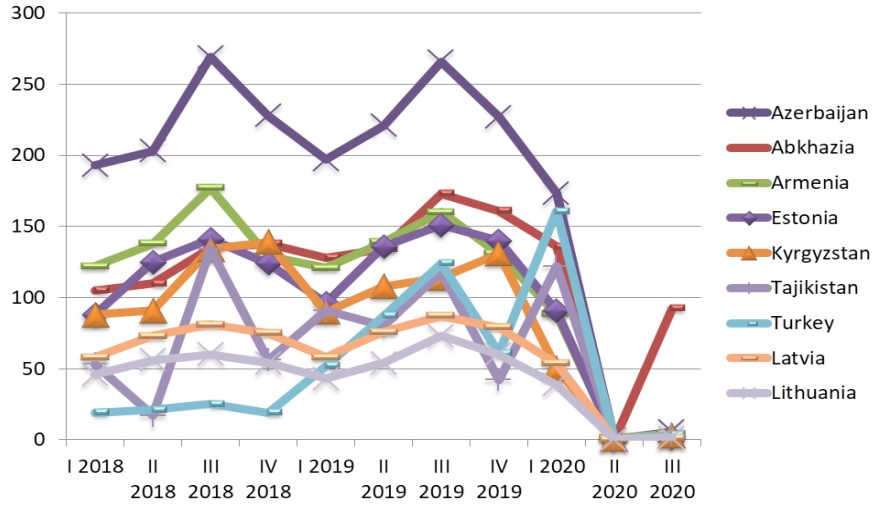

*Рис. 5. Количество въездных туристических поездок в Россию из постсоветских стран, кроме топ-3 стран (поквартально, 2018—2020 гг.), тыс. чел.**

*Источник: составлено по данным Росстата.

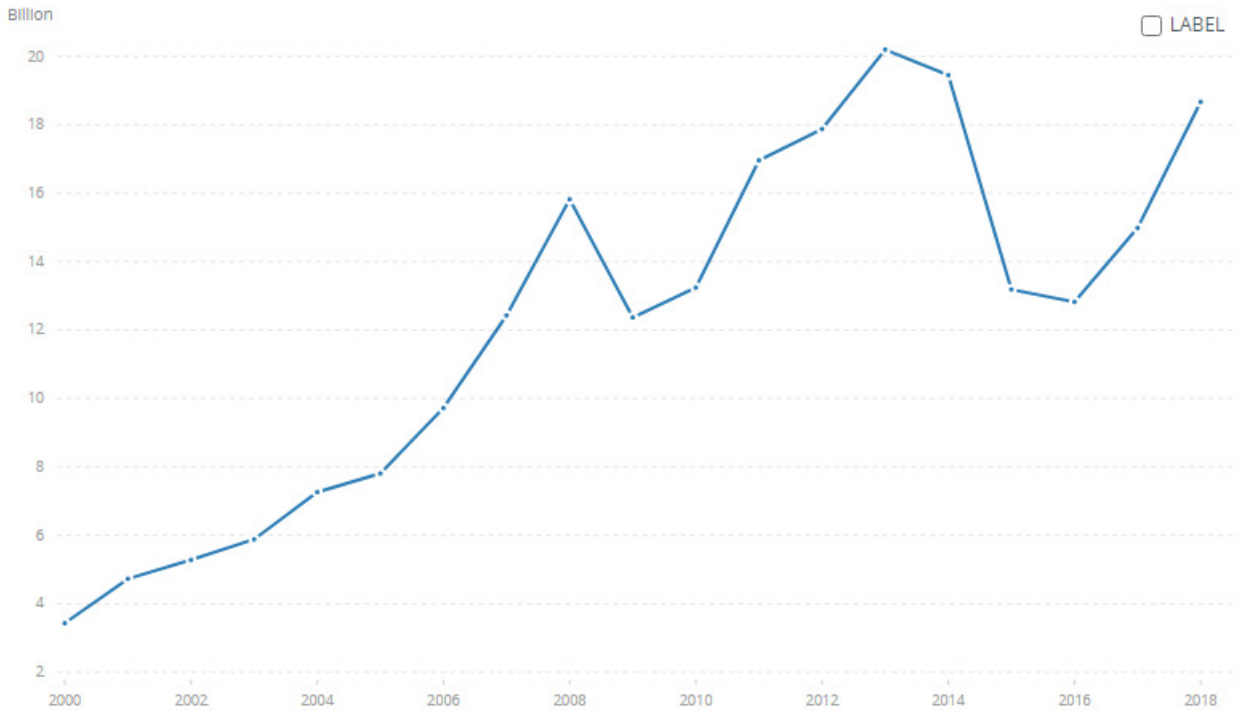

Рис. 6. Доходы от иностранного туризма в России, 2000—2018 гг., млрд долл.

Источник: по оценкам Всемирного банка.

пострадавших отраслях правительство решило увеличить срок уплаты ранее начисленных административных штрафов для них с 60 до 180 дней.

• Спецпрограмма стимулирования.

• Отсрочка по аренде (Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 439).

• Кредитные каникулы (Федеральный закон от 03.04.2020 № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации”»).

Меры этой сферы были приняты для того, чтобы снизить нагрузку на бизнес.

В рамках второго пакета господдержки экономики правительство приняло постановление, которое утверждает правила безвозмездной помощи малым и средним предпринимателям на выплату зарплат сотрудникам и решение других безотлагательных вопросов. Таким компаниям будут предоставляться средства из расчета 1 МРОТ на каждого сотрудника. Для получения поддержки работодатель должен сохранить рабочие места на уровне не менее 90 %. В целях сохранения уровня занятости населения были предприняты следующие меры:

• Беспроцентные кредиты на выплату зарплат (Постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 422).

• Снижение размера страховых взносов с 30 до 15 % от суммы заработной платы выше МРОТ до конца года для всех субъектов МСП (ст. 6 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 102-ФЗ).

В сфере налогов государственная поддержка выглядела следующим образом:

• Продление сроков уплаты налогов (Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 № 409).

• Мораторий на налоговые санкции (Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 № 409).

Для арендодателей были снижены имущественные налоги, а компании с «технической» задолженностью по налогам и сборам до 3000 руб. могли претендовать на государственную помощь. Все эти меры позволили экономике страны не развалиться в первые же месяцы пандемии, при этом 15 % организаций данной сферы не смогли удержаться на плаву.

Все эти меры не надолго спасли ситуацию, а лишь оттянули момент банкротства и закрытия многих предприятий и организаций. Выдача кредитов на выплаты заработной платы и отсрочка платежей не отменили того факта, что в дальнейшем их все-таки придется выплачивать. Тут уже возникает вопрос: как это сделать? Ведь все ограничения, направленные на замедление развития коронавирусной инфекции, не дают предприяти-

ям открыться и работать в полную силу, выручка многих из них была на 50%, а в некоторых случаях и на 70% ниже средних, взятых за тот же период 2019 г. Из чего выплачивать все эти кредиты и налоги? Многие аналитики высказываются о необходимости увеличения сроков по отсрочке выплаты кредитов и налоговых платежей, а некоторые и вовсе предлагают закрыть часть этих средств их из средств госбюджета.

Следует отметить, что предпринятые в течение 2020 г. российскими федеральными и региональными властями меры оказались эффективными, и позволили в целом избежать серьезных потрясений в отрасли, таких как массовые банкротства и увольнения. В подтверждение можно привести так называемый Skift Recovery Index[1] — индекс восстановления туристической отрасли, рассчитываемый в 2020—2021 гг. для большой выборки стран. На рис. 7 представлены графики индекса для России, Турции, Италии и Таиланда, а также среднее по всем анализируемым странам. Видно, что российская туристическая сфера начала быстрее прочих восстанавливаться после жестких ограничительных мер в апреле — июне, а в начале 2021 г. вновь демонстрирует положительную динамику, опережая «конкурентов». По опросам представителей туристической отрасли, в их настроении доминирует сдержанный оптимизм. Примерно в таком же состоянии — небольшого сжатия и ожидания лучшего — в 2021 г. оказались и смежные отрасли.

Что касается перспектив развития туристической отрасли в 2021 г., многое будет зависеть от внешних и слабоуправляемых факторов, включая эпидемиологическую обстановку, погоду, курсы валют и возможные новые санкции. Однако обозначенные в самом начале тренды вкупе с уже предпринятыми шагами и готовностью государства поддерживать отрасль позволяют с надеждой смотреть в будущее. При этом нужно учитывать, что нынешний кризис — еще и время для возникновения новых форм и направлений в туризме. Появляется так называемые jleisure (job + leisure) и bleisure (business + leisure) — формы совмещения работы и отдыха — то есть удаленная работа в обычном месте своего отдыха. Иногда — на долгое время, а иногда — даже с покупкой недвижимости. Кроме того, это удобное время начать продвижение нового направления, которое будет нести новые положительные впечатления, тем самым привлекая представителей нового поколения, носителей нового мировосприятия и новых ценностей.

[1] https://research.skift.com/recovery/

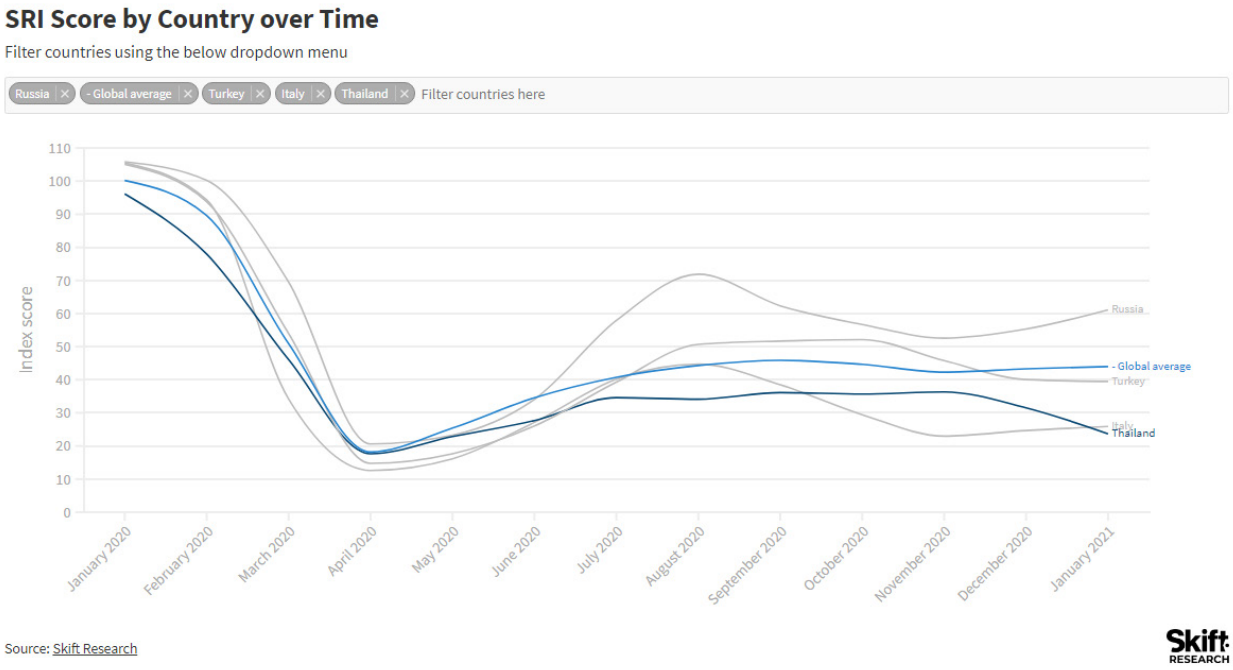

Рис. 7. Значения Skift Recovery Index — индекса восстановления туристической сферы для России и ряда других стран

Источник: Skift Research.

Список литературы

1. Шатько Е. А. Анализ современного состояния развития туризма в Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. № 7 (245). С. 65—67. URL: https://moluch.ru/archive/245/56526/ (дата обращения 01.02.2021).

2. О развитии внутреннего туризма в Российской Федерации. URL: http://council.gov.ru/activity/documents/121949/ (дата обращения 01.02.2021).

3. Воскресенский В. Ю. О современном состоянии рынка международного туризма // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 2.

4. Силова Е. С. Анализ развития индустрии туризма в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 7 (429). С. 110—117.

5. Акишева А. С., Саду Ж. Н. Влияние пандемии коронавируса на индустрию туризма // Актуальные проблемы менеджмента, экономики и экономической безопасности: сб. материалов II Междунар. науч. конф. 2020. С. 134—137.

6. Карпова Г. А., Валеева Е. О. Проблемы и перспективы развития туризма в условиях пандемии // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 1 (127). С. 97—104.

7. Итоги летнего туристического сезона 2020. URL: https://welcometimes.ru/ opinions/itogi-letnego-turisticheskogo-sezona-2020 (дата обращения 15.12.2020).

8. Силова Е. С., Сейфи А., Мотаги С. Развитие внутреннего туризма в постпандемической реальности (кейс Южного Урала) // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 224, № 4. С. 342—353.

9. Плетнев Д. А., Силова Е. С., Сейфи А. Тенденции развития туризма в регионах, принимавших чемпионат мира по футболу 2018 года // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 3 (29). С. 17—27.

10. Мисихина С. Российский туризм: достижения, проблемы, меры поддержки при пандемии коронавируса. М., 2020.

11. Максанова Л. Б.-Ж. Международный опыт развития экотуризма: страновая специфика и общие подходы // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 2. С. 54—66. URL: https://doi.org/10.18384/2310-7189-2019-2-54-66.

12. Варламова А. В. Туризм как социоэкономическое явления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 2-7. С. 134—137.

13. Романова М. М. Роль и функциональные особенности сферы услуг в современном мире // Модель менеджмента для экономики, основанной на знаниях. V Международная научно-практическая конференция: сб. ст. М.: МЭСИ, 2018. С. 153—158.

Сведения об авторах

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Мельник Кристина Руслановна — студентка 4-го курса, кафедра экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. Kristina.melnik.99@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 216—223.

FEATURES OF STATE REGULATION OF THE TOURIST SPHERE OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF THE PANDEMIC

D. A. Pletnev
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

K. R. Melnik
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. Kristina.melnik.99@mail.ru

The article provides an overview of the state of the tourism industry in Russia (primarily in terms of demand), as well as the challenges the industry faced in 2020. The main tendencies typical for this sphere are revealed. Measures to support the tourism business in Russia in 2020 have been systematized, and a qualitative assessment of their effectiveness has been given.

Keywords: *tourism development, support measures, crisis, tourism industry, tourism, pandemic.*

References

1. Shat'ko E. A. (2019) *Molodoy uchenyy*, no. 7 (245), pp. 65—67. Available at: https://moluch.ru/archive/245/56526/, accessed 01.02.2021 [in Russ.].

2. O razvitii vnutrennego turizma v Rossiyskoy Federatcii [On the development of domestic tourism in the Russian Federation]. Available at: http://council.gov.ru/activity/documents/121949/, accessed 01.02.2021 [in Russ.].

3. Voskresenskiy V. Yu. (2021) *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*, no. 2 [in Russ.].

4. Silova E. S. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (429), pp. 110—117 [in Russ.].

5. Akisheva A. S., Sadu Zh. N. (2020) *Aktual'nye problemy menedzhmenta, ekonomiki i ekonomicheskoy bezopasnosti: sb. materialov II Mezhdunar. nauch. konf.* Pp. 134—137 [in Russ.].

6. Karpova G. A., Valeeva E. O. (2021) *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 1 (127), pp. 97—104 [in Russ.].

7. Itogi letnego turisticheskogo sezona 2020 [The results of the summer tourist season 2020]. Available at: https://welcometimes.ru/ opinions/itogi-letnego-turisticheskogo-sezona-2020, accessed 15.12.2020 [in Russ.].

8. Silova E. S., Seyfi A., Motagi S. (2020) *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 224, no. 4, pp. 342—353 [in Russ.].

9. Pletnev D. A., Silova E. S., Seyfi A. (2020) *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (29), pp. 17—27 [in Russ.].

10. Misihina S. (2020) Rossiyskiy turizm: dostizheniia, problemy, mery podderzhki pri pandemii koronavirusa [Russian tourism: achievements, challenges, support measures for the coronavirus pandemic] [in Russ.].

11. Maksanova L. B.-Zh. (2019) *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, no. 2, pp. 54—66. Available at: https://doi.org/10.18384/2310-7189-2019-2-54-66 [in Russ.].

12. Varlamova A. V. (2020) *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2-7, pp. 134—137 [in Russ.].

13. Romanova M. M. (2018) *Model' menedzhmenta dlya ekonomiki, osnovannoy na znaniyakh. V Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentciya*. Moscow. Pp. 153—158 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 224—232.

УДК 334.02
ББК 65.291.216

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10326

ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАМИ НА ПРЕДПРИЯТИИ

И. В. Резвякова, А. Т. Лиленко
Финансовый университет при Правительстве РФ, Орел, Россия.

В настоящее время вопросы, связанные с необходимостью изменения процедуры управления и внедрением бизнес-процессов в деятельность любой организации, приобретают огромную актуальность в условиях быстроразвивающейся экономической системы мира. Возрастающая потребность у управленцев в координации действий организации и систематизации управления человеческими ресурсами обусловлена целью объединения — удовлетворение спроса на рынке. Для процветания предприятия в XXI в. руководителю необходимо не только планировать и анализировать процесс выполнения основных задач, но и уметь управлять всеми бизнес-процессами и контролировать их, добиваться согласованности в действиях работников, автоматизировать и компьютеризировать производство согласно новейшим тенденциям цифровизации и цифрового предприятия. Целью научной работы является анализ влияния внедрения системного подхода в управление упрощенными бизнес-процессами на предприятии. На примере ООО «Знаменский СГЦ» сделан вывод о том, что внедрение системного подхода в управление упрощенными бизнес-процессами, а также использование инновационного оборудования на предприятии, которое позволяет выполнять различные операции, уменьшая при этом издержки, положительно влияют на производительность объединения, помогая достичь цифровой модели организации будущего.

Ключевые слова: *деловые процессы, бизнес-процесс, система, задачи, управление предприятием.*

В условиях быстроразвивающейся мировой экономической системы промышленные отечественные компании сталкиваются с огромным количеством трудностей, связанных с управлением бизнес-процессами. В XXI в. важнейшими задачами каждого предприятия являются: перенимание опыта коллег и оптимизация управления бизнес-процессами в быстроменяющихся условиях. С целью воплощения своего предпринимательского дела организациям необходимо выстраивать фундамент, основывающийся на управлении деловыми процессами либо бизнес-процессами, которые создаются исходя из миссии и цели субъекта.

Для активного процветания организации управленцам необходимо самостоятельно выполнять сложную и трудоемкую работу, координировать действия объединения людей и добиваться согласованности в деятельности предприятия в целом, разрабатывая особые процессы, приводящие к достижению основной цели. Таким образом, основываясь на мнении Андерса Бернса, автора книги «Бизнес-процессы. Инструменты совершенствования», можно определить организацию как совокупность отделов, основанных на специализации деятельности и разделении труда, а также как профессиональную деятельность по реализации процессов и бизнес-процессов [1].

Однако в XXI в. из-за стремительного перехода к «обществу потребления» деятельность любой компании основывается на удовлетворении спроса от конкретного потребителя и увеличении прибыли, а сама организация рассматривается лишь как совокупность управления бизнес-процессами. Согласно определению Д. Джестон и Й. Нелис, авторов книги «Управление бизнес процессами. Практическое руководство по реализации проектов», «бизнес-процесс — это определенная последовательность выполнения заранее распланированных и скоординированных команд работниками различных отделов, в ходе которых происходит создание определенного результата [2]. Примером реализации бизнес-процесса является модель «поставщик/потребитель» (рис. 1).

В свою очередь актуальность планирования и анализа бизнес-процессов на предприятии обусловлена следующими факторами [1]:

1) ориентированность процесса на потребителя, повышение спроса на результат (продукт, услугу);

2) повышение риска субоптимизации при выполнении целостного процесса;

3) потребность в увеличении ответственности владельца процесса, вызванная усложнением бизнес-процесса.

Сейчас деятельность различных предприятий представляет собой совокупность профессиональных процессов, а управление ею — координацию бизнес-процессов. Однако необходимым знанием для каждого управленца является классификация бизнес-процессов, поскольку это помогает уменьшить количество ошибок в ходе достижения поставленной цели. Обобщая, можно сказать, что все бизнес-процессы направлены, во-первых, на производство ценностей, во-вторых, на реализацию деятельности организации. Говоря более детально, бизнес-процессы разделяются следующим образом [3]:

1. Иерархии:

1.1. Нижняя стадия — реализация оперативных мероприятий.

1.2. Средняя стадия — разработка тактики и целей организации.

1.3. Верхняя стадия — создание основополагающих мероприятий, реализация стратегии.

2. Степени взаимодействия с внешними факторами:

2.1. Внутренние — происходят только внутри организации.

2.2. Внешние — происходят вне организации (взаимодействие с поставщиками, получение инвестиций со стороны государственных органов).

3. Роли при осуществлении основной деятельности организации:

3.1. Функциональные — поддержание центральной деятельности компании (реализация или создание товара, услуги).

3.2. Структурные — обеспечение существования организации в целом (управление персоналом, информацией, ресурсами).

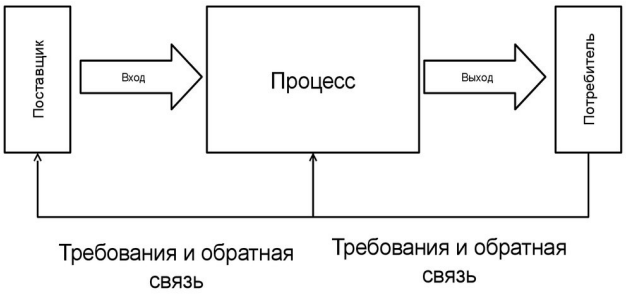

Рис. 1. Модель «поставщик/потребитель»

Источник: составлено авторами на основе данных РИА «Стандарты и качество» (https://www.rulit.me/books/upravlenie-biznes-processami-prakticheskoe-rukovodstvo-po-uspeshnoj-realizacii-proektov-read-412288-8.html).

4. Степени влияния на добавочную стоимость товара, услуги:

4.1. Основные — создание добавочной стоимости или продукта для особого клиента.

4.2. Поддерживающие — контроль основных бизнес-процессов.

4.3. Бизнес-процессы развития — создание цели в долгосрочной перспективе, включают логистику.

4.4. Бизнес-процессы управления — подбор верной модели управления организацией.

Управление предприятием — это сложная система, включающая в себя различные уровни взаимодействия и подчинения. Только при правильном выборе модели управления и использовании бизнес-планирования, как инструмента упорядочивания всей системы, можно добиться успеха и процветания в организации. Также руководству на начальных стадиях создания предприятия необходимо [Там же]:

1. Осознавать, как происходят процессы на предприятии, основываясь на их классификации, с учетом выбранного вида деятельности.

2. Учитывать все особенности бизнес-планирования.

Реализация бизнес-процессов — это основа деятельности любой организации. Начиная со стадии «детство» предприятию необходимо разрабатывать и детально описывать подлежащие выполнению операции. Внедрение описания бизнес-процессов может происходить и в следующих условиях [4]:

1. Компания стремительно набирает обороты.

2. Изменение технологической карты на промышленном предприятии, новшество в схеме реализации товара.

3. Расширение штаба сотрудников.

4. Франчайзинг.

5. Возникновение необходимости в снижении затрат и издержек производства, оптимизации.

Для увеличения эффективности организации необходимо внедрять систему бизнес-процессов. Внедрение бизнес-процессов — это целенаправленное изменение действующей системы алгоритмов выполнения поставленных задач на более актуальную [Там же].

Процесс внедрения бизнес-процессов в деятельность организации подразумевает следующее [Там же]:

1. Ознакомление — передача профессиональной информации сотрудникам.

2. Вовлечение — сравнение и выявление преимуществ будущих нововведений.

3. Тестирование — реализация новшеств на конкретном рабочем участке.

4. Обучение — повышение квалификации сотрудников.

5. Внедрение — реализация нововведений на постоянной основе во все рабочие процессы.

6. Контроль — контроль за процессом внедрения.

Основная сложность, с которой сталкиваются все управленцы в ходе внедрения бизнес-планирования, — описание карты бизнес-процесса. При ее создании необходимо следовать следующим рекомендациям [5]:

1. Продумать, какой конкретно вид операций будет выполняться, и определить достижимый результат.

2. Разработать границы каждого процесса (например, начало — «клиент подтвердил заказ», «заказ доставлен в пункт выдачи» — конец).

3. Определить последовательность выполнения операций с целью уменьшения издержек и предотвращения повторения профессиональных действий.

4. Определить степень зависимости бизнес-процесса от действий работника.

5. Создать документальное описание каждой операции.

6. Разработать или изучить программное обеспечение, которое необходимо использовать в ходе реализации операций.

7. Установить показатель эффективности деятельности по выполнению операций, разместить их на схеме.

Из-за стремительного развития организации на рынке со временем описание бизнес-процессов, применительное к стадии «детство», становится неактуальным, появляется потребность в оптимизации процессов. Понимание руководителем необходимости изменений — основа дальнейшего развития организации. Яркие примеры случаев, когда необходимо оптимизировать бизнес-процессы, представлены на рис. 2 [4].

В условиях изменчивой экономики недостаточно только описывать и выполнять бизнес-процессы. Важно также управлять ими, дорабатывать их и изменять согласно всем новшествам на рынке. После составления карты бизнес-процессов необходимо организовать такие системы, как контроль и управление. Управление подразумевает определенный цикл действий со стороны руководства, который состоит из пяти фаз (рис. 3) [6].

Описывая рис. 3, необходимо уточнить:

1. Первая фаза — разработка изменений, составление плана изменений и сравнение с актуальной системой процессов.

2. Вторая фаза — проводится проектирование новой модели на настоящую, определяются наилучшие и возможные для организации методы для реконструкции.

3. Третья фаза — применение выбранных улучшений, внедрение инноваций.

4. Четвертая фаза — наблюдение за процессом по выбранным показателям.

5. Пятая фаза — сравнение полученных результатов с ожидаемыми, запускается новый цикл улучшения.

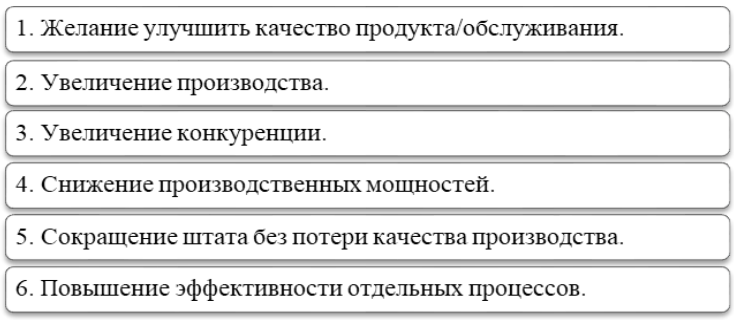

Рис. 2. Случаи, когда необходима оптимизация бизнес-процессов

Источник: составлено авторами на основе данных консалтинговой компании «Первый эксперт» (https://first-expert.ru/upravlenie-biznes-processami/).

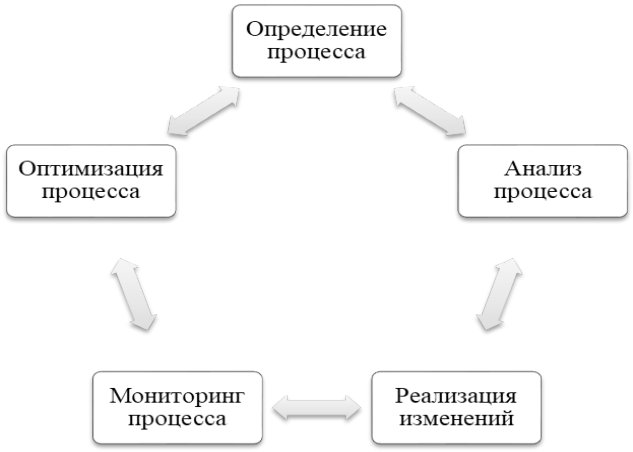

Рис. 3. Цикл управления бизнес-процессом

Источник: составлено авторами на основе данных KPMS (https://www.kpms.ru/Automatization/BP_Management.ht).

Цель внедрения управления бизнес-процессами — подготовка к резким изменениям конъюнктуры рынка, чтобы в условиях ожесточенной конкуренции быстрее других адаптироваться к новшествам [7].

Важным является то, что управление бизнес-процессами может осуществляться как человеком, так и машиной (программой). Однако для каждого уровня сложности процесса необходимы свои методы управления, а именно: одним нужно рациональное решение руководителя, другим будет достаточно алгоритма решения, прописанного заранее в программе.

Наиболее распространенными методами оптимизации, применяемыми при низком показателе эффективности бизнес-процессов, являются следующие (рис. 4) [8]:

1. Бережливое производство.
2. Реинжиниринг процессов.
3. Системы автоматизации деятельности.

Рис. 4. Наиболее распространенные методы оптимизации бизнес-процессов

Источник: составлено авторами на основе данных диссертации «Современные методы оценки бизнес-процессов в системе стратегического управления машиностроительным предприятием» (http://oreluniver.ru/public/file/defence/Isaychenkova_Veronika_Viktorovna_06.10.2015.pdf).

Необходимо также уточнить, что «системы автоматизации деятельности» включают в себя аспекты, отраженные на рис. 5 [8].

Говоря более детально, исходя из данных представленных на рис. 5, программные средства увеличения эффективности бизнес-процессов подразумевают [8]:

1. CPM/EPM — Corporate Performance Management/ Enterprise Performance Management — управление компанией на основе постоянного сравнения действующих финансовых показателей со стратегическими, включает бизнес-анализ, прогнозирование, контроль, бюджетирование.

2. Data mining — выполнение задач, связанных с интеллектуальным анализом данных.

3. ERP — Enterprise Resource Planning — систематизация деятельности всех подразделений, выстраивание сквозного управления необходимыми сегментами предприятия.

4. SCM, WMS — Supply Chain Management, Warehouse Management System — подразумевает создание систем управления логистикой, оптимизацию логистических цепочек.

5. EAM — Enterprise Asset Management — координация деятельности всех задач, связанных с управлением физическими активами, временными человеческими затратами.

6. TMS — Transport Management System — управление временными процессами, координация графиков выполнения процессов.

7. CRM — Customer Relationship Management — управление взаимоотношениями с клиентами и потребителями.

Несмотря на многочисленность методов оптимизации бизнес-процессов, есть ряд наиболее используемых, часто применяющихся на предприятиях России. В таблице (на с. 228) представлено сравнение основных методов оптимизации бизнес-процессов [8].

Исходя из влияния «цифровизации управления» наиболее актуальным методом повышения эффективности деятельности организации является BPM. Такое управление бизнес-процессами, как BPM, подразумевает системный подход, включающий нотации — методы и алгоритмы решения задач (BPMN), и сектор IT-систем исполнения (BPMS). В свою очередь управление бизнес-процессами

1. Системы управления эффективностью бизнеса (CPM/EPM).
2. Системы прогнозной аналитики (Data mining).
3. Комплексные интегрированные системы управления предприятием (ERP).
4. Системы управления логистикой, складами, оптимизация логистических цепочек (SCM, WMS).
5. Системы управления основными фондами и активами (EAM).
6. Системы управления транспортной логистикой (TMS).
7. Системы управления взаимоотношениями с клиентами (CRM).

Рис. 5. Системы автоматизации деятельности

Источник: составлено авторами на основе данных диссертации «Современные методы оценки бизнес-процессов в системе стратегического управления машиностроительным предприятием» (http://oreluniver.ru/public/file/defence/Isaychenkova_Veronika_Viktorovna_06.10.2015.pdf).

Таблица 1

Сравнение методов оптимизации бизнес-процессов

Название	Принципы	Плюсы	Минусы
Реинжиринг	1. Резкая перестройка системы в целом. 2. Изменение стратегии, процессов, связей между бизнес-процессами	1. Создание «лучшей» системы. 2. Изменение (повышение) требований руководителей к своей деятельности. 3. Стимул к развитию	1. Высокая стоимость исполнения. 2. Возникновение риска (банкротство). 3. Сложность исполнения. 4. Недостаток необходимых кадров для выполнения задуманного
Упрощение	1. Сокращение издержек. 2. Исключение потерь	1. Уменьшение функций бизнес-процессов. 2. Исключение бюрократии. 3. Систематизация времени работников	Ограниченность процессов, которые можно модернизировать
Бенчмаркинг	1. Создание эталона организации. 2. Сравнение предприятия по всем финансовым показателям с «более успешным»	1. Очевидность конечного результата. 2. Систематизированная деятельность	1. Отсутствие внимания к внешним и внутренним факторам, влияющим на производство (организацию). 2. Отсутствие профессиональной информации
Усовершенствование и разработка форм документов	1. Исключение бюрократии на предприятии. 2. Увеличение ценности документарного анализа	1. Снижение временных и трудовых затрат. 2. Увеличение производительности. 3. Улучшение информационного обеспечения работников профессиональными данными	Оптимизация лишь одного сегмента
Изменение требований к конечному результату	1. Изменение целей предприятия. 2. Увеличение ценности конечного результата	1. Увеличение ориентации на улучшение конечного результата. 2. Уменьшение ресурсоемкости. 3. Временная координация деятельности работников	1. Изменение стратегии организации. 2. Риск отсутствия результата от внедренных процессов
Бережливое производство	1. Сокращение издержек. 2. Модернизация затрат. 3. Увеличение на результат покупателя (потребителя)	1. Систематизация деятельности работников. 2. Временная координация деятельности предприятия в целом	1. Высокие затраты. 2. Длительность внедрения метода. 3. Сложность выполнения
Система автоматизации деятельности	Автоматизация всех сфер деятельности	1. Делегирование полномочий. 2. Децентрализация власти. 3. Временная координация деятельности работников	1.Высокая стоимость исполнения. 2. Потеря авторитета начальства

Источник: составлено авторами на основе данных диссертации «Современные методы оценки бизнес-процессов в системе стратегического управления машиностроительным предприятием» (http://oreluniver.ru/public/file/defence/Isaychenkova_Veronika_Viktorovna_06.10.2015.pdf).

(BPM — Business Process Management) — координация действий автоматизированного и неавтоматизированного коллектива посредством создания и внедрения бизнес-процессов [9].

Примером внедрения BPM в систему управления бизнес-процессами является ООО «Знаменский селекционно-гибридный центр» (Знаменский СГЦ) — крупнейший в РФ производитель и поставщик генетики для свиноводства. Общее число сотрудников на 2020 г. — 1847 чел. [10; 11]. Компания занимается разведением племенных пород. Согласно данным компании «Агроинвестор», представленным на рис. 6, можно заметить положительную динамику чистых активов ООО: в 2017 г. — 5 341 180 тыс. руб., в 2018 г. — 6 666 658 тыс., в 2019 г. — 7 523 723 тыс. [12].

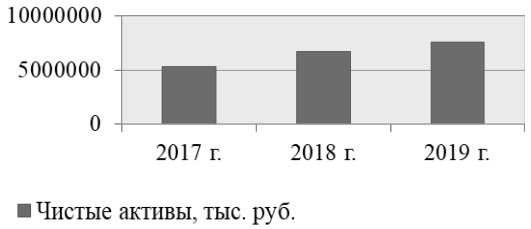

Рис. 6. Динамика чистых активов ООО «Знаменский СГЦ»

Источник: составлено авторами на основе бухгалтерской отчетности ООО «Знаменский селекционно-гибридный центр» (https://www.audit-it.ru/buh_otchet/5720015610_ooo-znamenskiy-selektsionno-gibridnyy-tsentr).

Важным является то, что в 2020 г. компания продолжает набирать обороты, увеличивая производственные мощности до 1 млн животных в год. Исходя из того, что ООО «Знаменский СГЦ» является коммерческой организацией, основная его задача — увеличение прибыли от производственного процесса [13; 14]. Согласно отчету о финансовых результатах, выручка организации растет с каждым годом (рис. 7) [10].

Исходя из данных, представленных на рис. 7, можно заметить прирост выручки ООО: 2016 г. — 4 986 134 тыс. руб., 2017 г. — 5 946 330 тыс., 2018 г. — 6 306 475 тыс., 2019 г. — 6 305 912 тыс. руб. [10].

Также компания заинтересована в систематическом увеличении прибыли и денежного оборота, что подтверждается данными из рис. 8. Например, в 2016 г. суммарные управленческие расходы составили 258 612 тыс. руб., 2017 г. — 274 660 тыс., 2018 г. — 297 061 тыс., 2019 г. — 328 083 тыс. [10].

Одним из факторов, влияющих на стремительное увеличение финансовых показателей ООО «Знаменский СГЦ», является внедрение BPM в систему управления бизнес-процессами. В данной организации руководители следуют системному подходу, организуя деятельность всей организации на основании прозрачности и элементарности выполняемых работниками задач. Это позволяет активно контролировать выполнение всех запланированных процессов.

ООО внедрило в свое производство автоматизированные системы — гравитационный склад, который работает по заранее созданной программе (применение BPMN), выполняя при этом необходимые процессы без прямого контроля людей (применение BPMS) [15].

Основной задачей BPM является упрощение выполняемых операций на производстве и сокращение временных, человеческих затрат. Однако при внедрении упрощенной модели управления бизнес-процессами управленцы и менеджеры

Рис. 7. Динамика выручки ООО «Знаменский СГЦ»

Источник: составлено авторами на основе общих сведений об ООО «Знаменский селекционно-гибридный центр» (https://www.list-org.com/company/3974310).

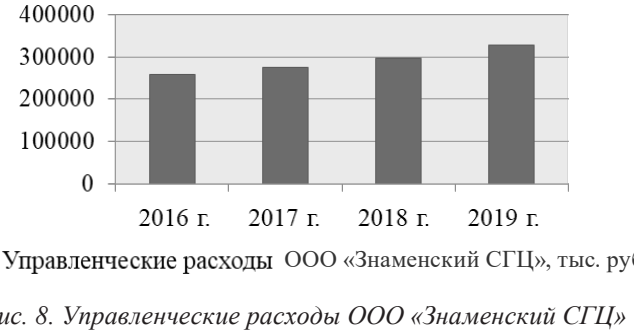

Рис. 8. Управленческие расходы ООО «Знаменский СГЦ»

Источник: составлено авторами на основе общих сведений об ООО «Знаменский селекционно-гибридный центр» (https://www.list-org.com/company/3974310).

ООО «Знаменского СГЦ» столкнулись с такими проблемами, как:

1. Необходимость в изменении системы координации выполнения задач работниками, а именно потребность в изменении приоритета с многофункциональных задач на простые и быстровыполнимые.

2. Повышение квалификации работников, обучение специальным навыкам за короткий срок.

3. Изменение штата сотрудников на более подходящий, согласно возникновению упрощенных операций.

4. Создание и видоизменение зданий, ремонт помещений для внедрения инновационной техники.

5. Необходимость в привлечении внешних источников финансирования для реализации запланированных нововведений.

Основным преимуществом внедрения гравитационного склада в производство ООО «Знаменский СГЦ» является то, что в его программе заранее расписан график выдачи необходимого продукта, количество и качество, что позволяет избежать ошибок, вызванных человеческим фактором, и систематизировать процесс выполнения задач. Тем самым цепочка реализации продукта выглядит иначе, а именно: доставка товара на склад — выдача со склада — подготовка к отправлению товара в точку реализации — реализация. При этом необходимо уточнить, что актуальность выполнения человеком задач наблюдается только на стадии «подготовка товара к отправлению в точку реализации», а остальное выполняется автоматизированными системами. Снижение потребности в выполнении определенных задач человеком приводит к сокращению финансовых затрат на выплату заработной платы, однако, согласно данным изменениям, увеличивает производительность труда, контролирует качество выдаваемой продукции и уменьшает влияние человеческого фактора на производство.

Таким образом, целесообразно отметить необходимость внедрения бизнес-процессов в систему управления, поскольку это позволяет значительно увеличить финансовые показатели компании, при этом сократив затраты на различные издержки. Но для увеличения эффективности организации недостаточно разработать изменения в области бизнес-процессов, необходимо также контролировать нововведения и управлять ими. Только в условиях строгого контроля над системой выполнения поставленных выполнимых задач со стороны руководителя, организация сможет добиться успеха. На примере ООО «Знаменского СГЦ», выявлено, что внедрение системного подхода, подразумевающего разработку и разделение бизнес-процессов на автоматизированные и неавтоматизированные, включая применение новейших технологий — BPM, BPMS, BPMN, положительно влияет на финансовые показатели организации, помогая ей систематически увеличивать оборот денежных средств и прибыль. Однако для достижения положительного результата при внедрении на предприятии инновационного контрольного оборудования организация столкнулась с рядом проблем, таких как потребность в повышении квалификации сотрудников, привлечение дополнительных внешних источников финансирования, составление нового плана выполнения задач, изменение, а именно упрощение операций. Лишь при введении комплексных изменений, подразумевающих под собой внедрение системного подхода к управлению упрощенными бизнес-процессами, изменение состава выполняемых работником задач и приобретение инновационного оборудования, позволяющего реализовывать простые операции, можно добиться новой цифровой модели предприятия будущего.

Список литературы

1. Бизнес-процессы. Инструменты совершенствования. URL: https://www.hse.ru/data/2011/03/29/1211826389/Бьерн%20Андерсен.%20Бизнес-процессы.%20Инструменты%20совершенствования.pdf (дата обращения 29.11.2020).

2. Управление бизнес-процессами. Практическое руководство по успешной реализации проектов // РИА «Стандарты и качество». URL: https://www.rulit.me/books/upravlenie-biznes-processami-prakticheskoe-rukovodstvo-po-uspeshnoj-realizacii-proektov-read-412288-8.html (дата обращения 29.11.2020).

3. Классификация бизнес-процессов. URL: https://www.comindware.com/ru/blog-классификация-бизнес-процессов/ (дата обращения 29.11.2020).

4. Бизнес-процессы — разработка, описание и управление // Консалтинговая компания «Первый эксперт». URL: https://first-expert.ru/upravlenie-biznes-processami/ (дата обращения 29.11.2020).

5. Создание бизнес-процессов на предприятии. Как не наделать ошибок // Enverybox. URL: https://envybox.io/blog/sozdanie-biznes-processov-na-predprijatii/ (дата обращения 29.11.2020).

6. Управление бизнес-процессами // KPMS. URL: https://www.kpms.ru/Automatization/BP_Management.htm (дата обращения 29.11.2020).

7. Управление бизнес-процессами предприятия: Структуры, основы, цели, методы, оптимизация. URL: https://www.kp.ru/putevoditel/biznes/upravlenie-biznes-protsessami/ (дата обращения 29.11.2020).

8. Современные методы оценки бизнес-процессов в системе стратегического управления машиностроительным предприятием. URL: http://oreluniver.ru/public/file/defence/Isaychenkova_Veronika_Viktorovna_06.10.2015.pdf (дата обращения 29.11.2020).

9. Разбираемся с понятием BPM. Что такое управление бизнес-процессами URL: https://habr.com/ru/company/trinion/blog/354608/ (дата обращения 29.11.2020 г.)

10. ООО «Знаменский СГЦ». URL: https://www.list-org.com/company/3974310 (дата обращения 29.11.2020).

11. Знаменский селекционно-генетический центр. URL: http://www.nsgc.ru/ (дата обращения 29.11.2020).

12. ООО «Знаменский селекционно-гибридный центр»: бухгалтерская отчетность и финансовый анализ. URL: https://www.audit-it.ru/buh_otchet/5720015610_ooo-znamenskiy-selektsionno-gibridnyy-tsentr (дата обращения 29.11.2020).

13. Знаменский СГЦ удвоит мощности // Агроинвестор. URL: https://www.agroinvestor.ru/companies/news/28021-znamenskiy-sgts-udvoit-moshchnosti/ (дата обращения 29.11.2020).

14. Современная генетика — не допустить отставания! URL: http://www.nsgc.ru/o-kompanii/stati/2-novosti/57-sovremennaya-genetika-ne-dopustit-otstavaniya (дата обращения 29.11.2020).

15. Знаменский селекционно-генетический центр. Технология. URL: http://www.nsgc.ru/tekhnologiya (дата обращения 29.11.2020).

Сведения об авторах

Резвякова Ирина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и менеджмент» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Орловский филиал), Орел, Россия. rezvirina@yandex.ru

Лиленко Анна Тудоровна — студентка Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Орловский филиал), Орел, Россия. efftaan@gmail.com

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 224—232.

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF BUSINESS PROCESSES ON THE PERFORMANCE AND FINANCIAL INDICATORS OF "ZNAMENSKIY SGC LLC"

I. V. Rezvyakova

Financial University under the government of the Russian Federation, Orel, Russia. rezvirina@yandex.ru

A. T. Lilenko

Financial University under the government of the Russian Federation, Orel, Russia. efftaan@gmail.com

At present, issues related to the need to change the management procedure and the implementation of business processes in the activities of any organization acquire great relevance in the rapidly developing economic system of the world. The growing need for managers to coordinate the actions of the organization and systematize human resource management is due to the purpose of the association — to meet the demand in the market. For an enterprise to flourish in the 21st century, a leader needs to not only plan and analyze the process of performing basic tasks, but also be able to manage and control all business processes, achieve consistency in the actions of employees, automate and computerize production, in accordance with the latest trends in digitalization and the digital enterprise. The purpose of the scientific work is to analyze the impact of introducing a systematic approach to the management of simplified business processes in an enterprise. It was concluded,

based on the example of Znamensky SGC LLC, that the introduction of a systematic approach to the management of simplified business processes, as well as the use of innovative equipment at the enterprise, which allows performing various operations, while reducing various costs, has a positive effect on the productivity of the association, helping to achieve digital model of the organization of the future.

Keywords: *consumer society, business process, system, tasks, enterprise management.*

References

1. Biznes-protsessy. Instrumenty sovershenstvovaniya [Business processes. Improvement tools]. Available at: https://www.hse.ru/data/2011/03/29/1211826389/Бьерн%20Андерсен.%20Бизнес-процессы.%20Инструменты%20совершенствования.pdf, accessed 29.11.2020 [in Russ.].

2. Upravleniye biznes-protsessami. Prakticheskoye rukovodstvo po uspeshnoy realizatsii proyektov [Business process management. A Practical Guide to Successful Project Implementation]. Available at: https://www.rulit.me/books/upravlenie-biznes-processami-prakticheskoe-rukovodstvo-po-uspeshnoj-realizacii-proektov-read-412288-8.html, accessed 29.11.2020 [in Russ.].

3. Klassifikatsiya biznes-protsessov [Classification of business processes]. Available at: https://www.comindware.com/ru/blog-классификация-бизнес-процессов/, accessed 29.11.2020 [in Russ.].

4. Biznes-protsessy — razrabotka, opisaniye i upravleniye [Business processes — development, description and management]. Available at: https://first-expert.ru/upravlenie-biznes-processami/, accessed 29.11.2020 [in Russ.].

5. Sozdaniye biznes-protsessov na predpriyatii. Kak ne nadelat' oshibok [Creation of business processes in the enterprise. How not to make mistakes]. Available at: https://envybox.io/blog/sozdanie-biznes-processov-na-predprijatii/, accessed 29.11.2020 [in Russ.].

6. Upravleniye biznes-protsessami [Business process management]. Available at: https://www.kpms.ru/Automatization/BP_Management.htm, accessed 29.11.2020 [in Russ.].

7. Upravleniye biznes-protsessami predpriyatiya: Struktury, osnovy, tseli, metody, optimizatsiya [Enterprise Business Process Management: Structures, Basics, Objectives, Methods, Optimization]. Available at: https://www.kp.ru/putevoditel/biznes/upravlenie-biznes-protsessami/, accessed 29.11.2020 [in Russ.].

8. Sovremennyye metody otsenki biznes-protsessov v sisteme strategicheskogo upravleniya mashinostroitel'nym predpriyatiyem [Modern methods of assessing business processes in the strategic management system of a machine-building enterprise]. Available at: http://oreluniver.ru/public/file/defence/Isaychenkova_Veronika_Viktorovna_06.10.2015.pdf, accessed 29.11.2020 [in Russ.].

9. Razbirayemsya s ponyatiyem VRM. Chto takoye upravleniye bizness-protsessami [We understand the concept of BPM. What is business process management]. Available at: https://habr.com/ru/company/trinion/blog/354608/, accessed: 29.11.2020 [in Russ.].

10. OOO «Znamenskiy SGTs». Available at: https://www.list-org.com/company/3974310, accessed 29.11.2020 [in Russ.].

11. Znamenskiy selektsionno-geneticheskiy tsentr [Znamensky Genetic Breeding Center]. Available at: http://www.nsgc.ru/, accessed 29.11.2020 [in Russ.].

12. OOO "Znamenskiy selektsionno-gibridnyy tsentr": bukhgalterskaya otchetnost' i finansovyy analiz. Available at: https://www.audit-it.ru/buh_otchet/5720015610_ooo-znamenskiy-selektsionno-gibridnyy-tsentr, accessed 29.11.2020 [in Russ.].

13. Znamenskiy SGTs udvoit moshchnosti [Znamensky SGC to double capacity]. Available at: https://www.agroinvestor.ru/companies/news/28021-znamenskiy-sgts-udvoit-moshchnosti/, accessed 29.11.2020 [in Russ.].

14. Sovremennaya genetika — ne dopustit' otstavaniya! [Modern genetics — not to lag behind!]. Available at: http://www.nsgc.ru/o-kompanii/stati/2-novosti/57-sovremennaya-genetika-ne-dopustit-otstavaniya, accessed 29.11.2020 [in Russ.].

15. Znamenskiy selektsionno-geneticheskiy tsentr. Tekhnologiya [Znamensky Genetic Breeding Center. Technology]. Available at: http://www.nsgc.ru/tekhnologiya, accessed 29.11.2020 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 233—241.

УДК 330.8
ББК 65.02-81

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10327

НОБЕЛЕВСКИЕ ЛАУРЕАТЫ ПО ЭКОНОМИКЕ: НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Д. С. Бенц
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Приведен обзор лауреатов премии по экономике памяти Альфреда Нобеля, присвоенной Шведским государственным банком за весь период существования таких премий. Автор преследует цель упорядочить представление читателя о нобелевских лауреатах. Представлен полный перечень лауреатов за период 1969—2020 гг. с указанием индексов Хирша в двух международных реферативных базах: Web of Science Core Collection и Scopus. Показана двадцатка самых цитируемых ученых. Дан краткий анализ изменения объектов исследования за период вручения премии. Сделан вывод о значимости эконометрики в большинстве исследований лауреатов.

Ключевые слова: *лауреаты премии по экономике памяти А. Нобеля, наукометрический обзор, индекс Хирша, базы данных научного цитирования, Web of Science, Scopus.*

Данная статья не является уникальной в своем роде. В отечественной литературе периодически можно встретить издания, посвященные обзору нобелевских лауреатов по экономике или же обзору лауреатов в определенной отрасли экономической науки [4; 10; 11; 14; 15]. Но нужно отметить, что таковых в отечественной литературе все же немного. Некоторые авторы ввиду своих научных интересов посвящают свои труды определенным лауреатам. Так, в поле зрения попали Р. Ауман, Т. Шеллинг [1; 7]; Л. Гурвич, Э. Маскин, Р. Майерсон [2]; О. Харт, Б. Хольмстрём [3]; П. Даймонд, Д. Мортенсен, К. Писсаридес [5]; Ю. Фама, Л. П. Хансен, Р. Шиллер [8]; Ф. Модильяни [9]; А. Сен [12][1].

Премия по экономике появилась далеко не одновременно с премией А. Нобеля в области других наук. Премию по экономике памяти А. Нобеля учредил Шведский государственный банк в год своего 300-летия [4]. Было это решение принято в 1968 г. Премии же по остальным отраслям наук: физике, химии, физиологии и медицине, литературе и премия мира — были учреждены на 67 лет раньше. Изначально идея, заложенная в отрасль «экономические науки», имела междисциплинарный фундамент.

Премия вручается с 1969 г., и первыми ее обладателями стали Рагнар Фриш (1895—1973) и Ян Тинберген (1903—1994) — «За создание и применение динамических моделей к анализу экономических процессов». На сегодняшний момент вручено 53 премии 86 ученым мира. Нобелевский комитет далеко не всегда за одно и то же достижение присуждает премию одному ученому, хотя единоличных обладателей премии большинство. Семь премий получены коллективами из трех человек, 19 премий — из двух, 27 премий получены единолично. Общие премии Нобелевский комитет вручает не только в случае совместной работы ученых, но и в тех случаях, когда ученых объединяет некий общий фундамент. При этом они могут быть даже оппозиционерами друг другу или же использовать разные научные подходы, но все равно прийти к похожим выводам. Интересно, что за весь период вручения премий по экономике лишь две женщины были удостоены такой награды. Это Элинор Остром (1933—2012), получившая в 2009 г. премию «За исследования в области экономической организации», и Эстер Дюфло, получившая премию в 2019 г. «За экспериментальный подход к борьбе с глобальной бедностью».

Полный перечень лауреатов с величиной индекса Хирша и количеством цитат в системах Web of Science (WoS) и Scopus приведен в таблице (с. 234—237).

[1] В поле зрения автора попал перечень авторов, чьи публикации в полнотекстовом режиме размещены на платформе elibrary.ru.

Список лауреатов премии по экономике памяти Альфреда Нобеля

Год присуждения	Лауреаты	Награда	Scopus			WoS		
			h-индекс	Суммарное кол-во цитирований	Кол-во документов	*h-индекс*	Суммарное кол-во цитирований	Кол-во документов
1969	Рагнар Фриш (1895—1973)	За создание и применение динамических моделей к анализу экономических процессов	*5*	176	28	*11*	825	32
	Ян Тинберген (1903—1994)		*9*	409	98	*4*	107	21
1970	Пол Самуэльсон (1915—2009)	За научную работу, развившую статическую и динамическую экономическую теорию	*29*	5 218	147	*58*	20 762	319
1971	Саймон Кузнец (1901—1985)	За эмпирически обоснованное толкование экономического роста	*9*	231	27	*13*	4 440	69
1972	Джон Ричард Хикс (1904—1989)	За новаторский вклад в теорию общего экономического равновесия и теорию благосостояния	*13*	733	37	*24*	3 317	130
	Кеннет Эрроу (1921—2017)		*45*	16 130	221	*54*	21 840	250
1973	Василий Леонтьев (1905—1999)	За развитие метода «затраты — выпуск» и за его применение к важным экономическим проблемам	аккаунт не найден			аккаунт не найден		
1974	Гуннар Мюрдаль (1898—1987)	За основополагающие работы по теории денег и экономических колебаний и глубокий анализ взаимозависимости экономических, социальных и институциональных явлений	*11*	504	24	*12*	583	42
	Фридрих фон Хайек (1899—1992)		*7*	191	19	*8*	4 427	87
1975	Леонид Канторович (1912—1986)	За вклад в теорию оптимального распределения ресурсов	*2*	17	19	*6*	494	55
	Тьяллинг Купманс (1910—1985)		*7*	186	11	*17*	3 025	42
1976	Милтон Фридман (1912—2006)	За достижения в области анализа потребления, истории денежного обращения и разработки монетарной теории, а также за практический показ сложности политики экономической стабилизации	*12*	6 727	40	*15*	2 259	37
1977	Бертиль Олин (1899—1979)	За первопроходческий вклад в теорию международной торговли и международного движения капитала	*7*	254	11	*8*	307	25
	Джеймс Мид (1907—1995)		*2*	17	18	*16*	1 002	86
1978	Герберт Саймон (1916—2001)	За новаторские исследования процесса принятия решений в рамках экономических организаций	*71*	38 466	246	*35*	17 673	114
1979	Теодор Шульц (1902—1998)	За новаторские исследования экономического развития в приложении к проблемам развивающихся стран	*8*	312	56	*33*	6 762	237
	Артур Льюис (1915—1991)		*10*	4 389	30	аккаунт не найден		
1980	Лоуренс Клейн (1920—2013)	За создание эконометрических моделей и их применение к анализу колебаний экономики и экономической политики	*15*	835	109	*21*	2 018	216
1981	Джеймс Тобин (1918—2002)	За анализ состояния финансовых рынков и их влияния на политику принятия решений в области расходов, на положение с безработицей, производством и ценами	*13*	2 104	45	*25*	6 575	72
1982	Джордж Стиглер (1911—1991)	За новаторские исследования промышленных структур, функционирования рынков, причин и результатов государственного регулирования	*8*	591	24	*44*	17 403	175

Продолжение таблицы

Год присуждения	Лауреаты	Награда	Scopus			WoS		
			h-индекс	Суммарное кол-во цитирований	Кол-во документов	*h-индекс*	Суммарное кол-во цитирований	Кол-во документов
1983	Жерар Дебрё (1921—2004)	За вклад в наше понимание теории общего равновесия и условий, при которых общее равновесие существует в некоторой абстрактной экономике	*7*	634	12	*21*	5 817	34
1984	Ричард Стоун (1913—1991)	За существенный вклад в развитие экономической науки	*14*	755	53	*14*	1 214	62
1985	Франко Модильяни (1918—2003)	За анализ поведения людей в отношении сбережений, что имеет исключительно важное прикладное значение в создании национальных пенсионных программ	*17*	2 454	40	*30*	12 755	96
1986	Джеймс Бьюкенен (1919—2013)	За исследование договорных и конституционных основ теории принятия экономических и политических решений	*26*	2 996	137	аккаунт не найден		
1987	Роберт Солоу (1924)	За вклад в теорию экономического роста	*27*	11 734	144	*38*	17 219	231
1988	Морис Алле (1911—2010)	За его новаторский вклад в теорию рынков и эффективного использования ресурсов	*5*	79	16	*7*	1 881	28
1989	Трюгве Ховельмо (1911—1999)	За его разъяснения в основах теории вероятностей и анализ одновременных экономических структур	*3*	57	8	*10*	803	27
1990	Гарри Марковиц (1927)	За вклад в теорию формирования цены финансовых активов	*19*	13 313	71	*21*	12 380	69
	Мертон Миллер (1923—2000)		*15*	5 097	28	*39*	14 489	123
	Уильям Шарп (1934)		*15*	8 098	31	*19*	10 492	52
1991	Рональд Коуз (1910—2013)	За открытие и иллюстрацию важности трансакционных издержек и прав собственности для институциональных структур и функционирования экономики	*15*	12 560	25	*26*	20 115	77
1992	Гэри Беккер (1930—2014)	За исследования широкого круга проблем человеческого поведения и реагирования, не ограничивающегося только рыночным поведением	*37*	5 785	244	*43*	30 898	73
1993	Роберт Фогель (1926—2013)	За новое исследование экономической истории с помощью экономической теории и количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений	*18*	2 230	48	*18*	1 697	60
	Дуглас Норт (1920—2015)		*24*	11 295	61	*27*	10 246	153
1994	Джон Харсаньи (1920—2000)	За анализ равновесия в теории некооперативных игр	*20*	2 143	57	*25*	6 061	83
	Джон Нэш (1928—2015)		*22*	1 522	85	*12*	8 451	35
	Райнхард Зельтен (1930—2016)		*31*	5 285	74	*30*	3 585	82
1995	Роберт Лукас (1937)	За развитие и применение гипотезы рациональных ожиданий, трансформацию макроэкономического анализа и углубление понимания экономической политики	*32*	19 282	53	*50*	25 744	135

Продолжение таблицы

Год присуждения	Лауреаты	Награда	Scopus			WoS		
			h-индекс	Суммарное кол-во цитирований	Кол-во документов	*h-индекс*	Суммарное кол-во цитирований	Кол-во документов
1996	Джеймс Миррлис (1936—2018)	За фундаментальный вклад в экономическую теорию стимулов и асимметричной информации	*20*	3 335	61	*21*	4 781	55
	Уильям Викри (1914—1996)		*7*	4 487	23	*11*	1 978	55
1997	Роберт К. Мёртон (1944)	За их метод оценки производных финансовых инструментов	*26*	16 637	54	*31*	22 988	66
	Майрон Шоулз (1941)		*10*	15 146	15	*17*	13 461	33
1998	Амартия Сен (1933)	За его вклад в экономику благосостояния	54	12 902	213	*15*	1 005	105
1999	Роберт Манделл (1932)	За анализ монетарной и фискальной политики при различных обменных курсах и за анализ оптимальных валютных зон	*9*	479	34	*16*	3 997	60
2000	Джеймс Хекман (1944)	За развитие теории и методов анализа дискретного выбора	*84*	33 541	228	*93*	48 381	258
	Дэниел Макфадден (1937)		*39*	10 728	90	*29*	6 511	68
2001	Джордж Акерлоф (1940)	За их анализ рынков с асимметричной информацией	*25*	19 720	49	*35*	17 960	115
	Майкл Спенс (1943)		*19*	9 036	41	аккаунт не найден		
	Джозеф Стиглиц (1943)		*75*	25 417	341	*84*	39 299	390
2002	Даниэль Канеман (1934)	За исследования в области принятия решений и механизмов альтернативных рынков	*82*	84 137	185	*46*	56 327	90
	Вернон Смит (1927)		*47*	8 589	183	*50*	10 579	220
2003	Роберт Энгл (1942)	За разработку метода анализа временных рядов в экономике на основе математической модели с авторегрессионной условной гетероскедастичностью (ARCH)	*60*	24 646	135	*59*	40 808	133
2003	Клайв Грэнджер (1934—2009)	За разработку метода коинтеграции для анализа временных рядов в экономике	*61*	25 740	188	*60*	38 187	194
2004	Финн Кидланд (1943)	За их вклад в изучение влияния фактора времени на экономическую политику и за исследования движущих сил деловых циклов	*16*	1 466	36	*18*	6 423	38
	Эдвард Прескотт (1940)		*33*	9 571	74	*38*	14 489	93
2005	Роберт Ауман (1930)	За углубление нашего понимания сути конфликта и сотрудничества путем анализа теории игр	*25*	5 137	58	*28*	6 813	93
	Томас Шеллинг (1921—2016)		*18*	3 844	75	*23*	4 978	121
2006	Эдмунд Фелпс (1933)	За анализ межвременного обмена в макроэкономической политике	*19*	1 819	81	*26*	5 962	95
2007	Леонид Гурвич (1917—2008)	За создание основ теории оптимальных механизмов	*11*	789	33	*16*	1 376	48
	Эрик Мэскин (1950)		*37*	6 647	88	*45*	9 508	101
	Роджер Майерсон (1951)		29	4 813	67	*30*	8 218	72
2008	Пол Кругман (1953)	За анализ структуры торговли и размещения экономической активности	*46*	19 012	111	*37*	15 518	166

Окончание таблицы

Год присуждения	Лауреаты	Награда	Scopus			WoS		
			h-индекс	Суммарное кол-во цитирований	Кол-во документов	*h-индекс*	Суммарное кол-во цитирований	Кол-во документов
2009	Элинор Остром (1933—2012)	За исследования в области экономической организации	*78*	55 523	207	*60*	27 700	162
	Оливер Уильямсон (1932—2020)		*36*	11 216	78	*41*	21 312	126
2010	Питер Даймонд (1940)	За исследования рынков с моделями поиска	*30*	4 117	65	*42*	10 471	139
	Дэйл Мортенсен (1939—2014)		*20*	4 153	41	*22*	3 923	46
	Кристофер Писсаридес (1948)		*36*	6 655	79	*31*	5 438	95
2011	Томас Сарджент (1943)	За эмпирические исследования причинно-следственных связей в макроэкономике	*43*	6 774	129	*49*	9 241	155
	Кристофер Симс (1942)		*28*	6 696	63	*34*	12 154	76
2012	Ллойд Стауэлл Шепли (1923—2016)	За теорию стабильного распределения и практики устройства рынков	*23*	7 186	37	*21*	8 568	42
	Элвин Элиот Рот (1951)		*54*	11 355	159	*48*	8 895	152
2013	Юджин Фама (1939)	За эмпирический анализ изменения цены активов	*55*	45 371	87	*71*	69 412	120
	Ларс Петер Хансен (1952)		*37*	6 094	90	*43*	14 341	110
	Роберт Шиллер (1946)		*40*	9 287	104	*47*	12 547	205
2014	Жан Тироль (1953)	За анализ рыночной власти и ее регулирования	*70*	25 160	164	*81*	27 283	215
2015	Ангус Дитон (1945)	За анализ проблем потребления, бедности и социального обеспечения	*53*	14 835	120	*24*	5 921	87
2016	Оливер Харт (1948)	За их вклад в развитие теории контрактов	*29*	6 152	47	*27*	5 324	45
	Бенгт Хольмстрём (1949)		*24*	7 141	31	*25*	7 571	49
2017	Ричард Талер (1945)	За вклад в поведенческую экономику	*49*	27 956	99	*60*	32 738	117
2018	Уильям Нордхаус (1941) (1/2 премии)	За интеграцию технологических инноваций в долгосрочный макроэкономический анализ	*39*	9 267	105	*45*	10 608	152
	Пол Ромер (1955) (1/2 премии)		16	11 014	28	*9*	698	15
2019	Абхиджит Банерджи (1961)	За экспериментальный подход к борьбе с глобальной бедностью	*49*	12 502	99	*30*	3 876	133
	Эстер Дюфло (1972)		*46*	14 891	89	*46*	13 058	82
	Майкл Кремер (1964)		*47*	8 176	98	*42*	7 076	127
2020	Пол Милгром (1948)	За усовершенствование теории аукционов и изобретение их новых форматов	*31*	11 572	59	*43*	20 744	67
	Роберт Уилсон (1937)		аккаунт не найден			аккаунт не найден		

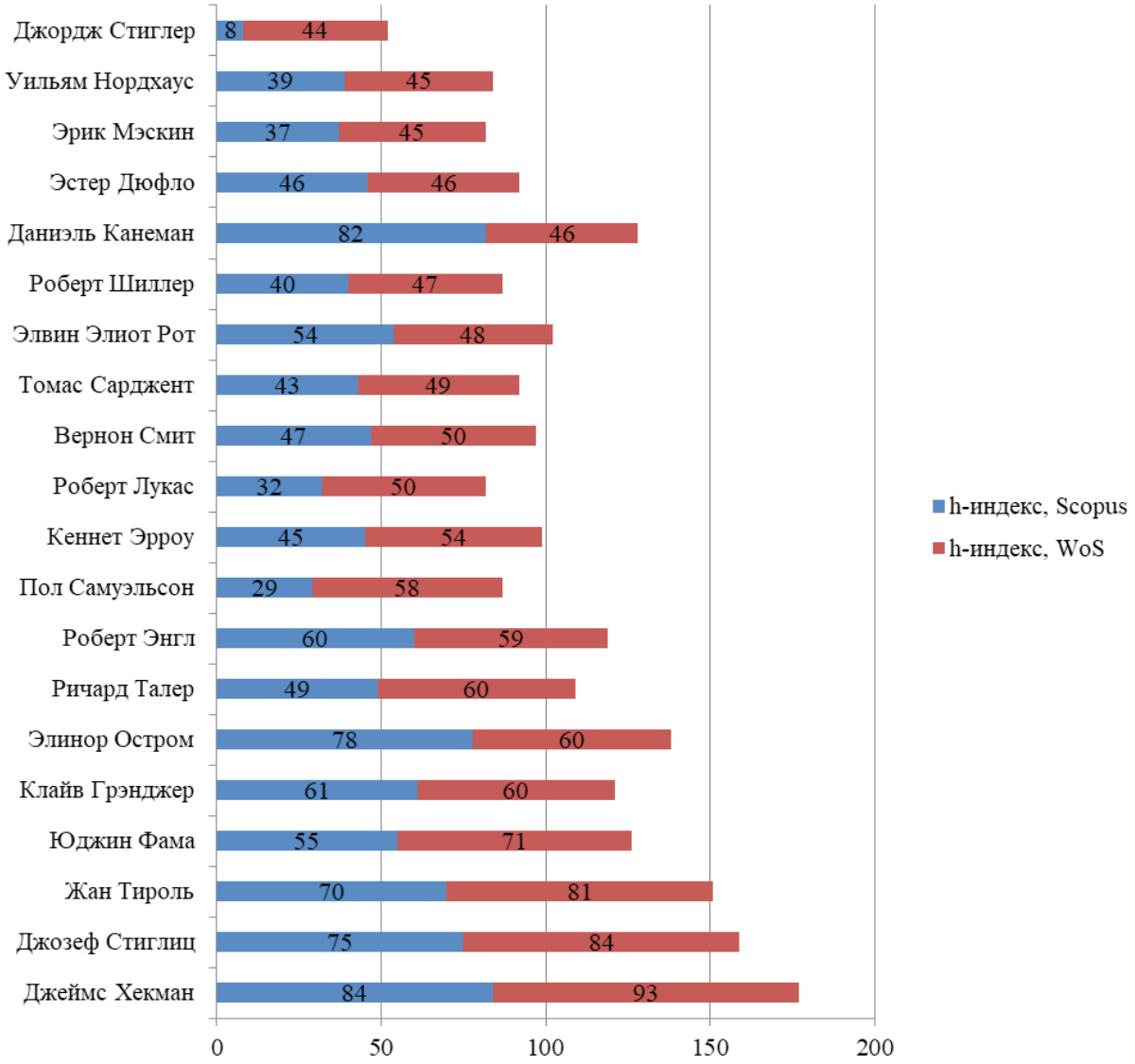
Источник: собрано автором с использованием ресурсов: Википедия. Свободная энциклопедия; Scopus. Expertly curated abstract & citation database; Web of Science. Clarivate Analytics.

Если упорядочить лауреатов по уровню индекса Хирша в международной реферативной базе Web of Science, то двадцатка самых цитируемых ученых будет выглядеть, как представлено на рисунке ниже.

Лидеры по уровню цитируемости в двух базах — WoS и Scopus — несколько разнятся. Например, Майкл Кремер (25), Герберт Саймон (31), Пол Кругман (37), Абхиджит Банерджи (40), Вернон Смит (50), Ангус Дитон (51) и Амартия Сен (68)[1] не попали на рисунок, так как не входят в первую двадцатку самых цитируемых ученых по базе WoS, однако входят в двадцатку самых цитируемых по базе Scopus. Если же анализировать первую десятку, то семь ученых в каждом из двух списков войдут как в топ-10 WoS, так и в топ-10 Scopus, что, вероятно, может свидетельствовать о некоем универсальном уровне доверия к этим ученым. Важно отметить, что уровень цитируемости лауреатов не уступает самым цитируемым ученым мира[2].

[1] После имени ученого в скобках приведено значение h-индекса в базе WoS.

[2] Ежегодно Clarivate Analytics Company составляет рейтинг самых цитируемых ученых в каждой области науки. В области экономики и бизнеса рейтинг-2020 приведен по адресу: https://recognition.webofscience.com/awards/highly-cited/2020/.

*Двадцать наиболее цитируемых лауреатов**

* По индексу Хирша в системе Web of Science.

Источник: составлено автором на базе данных международных систем цитирования Web of Science и Scopus.

В то время, пока в экономической литературе отечественные ученые спорят, каков мейнстрим экономической науки сегодня и разнятся ли политэкономический и неоклассический подходы [6; 13], можно наблюдать некую разрозненность областей исследования ученых-лауреатов. За весь период существования премии примерно в равной степени присваивались за исследования как в области микроэкономики, так и в области макроэкономики. Некий всплеск неоинституциональной теории проявил себя в 1990-е гг. и на стыке с нулевыми: в 1991 г. премию получил Рональд Коуз за открытие трансакционных издержек; институциональным изменениям посвящены исследования Роберта Фогеля и Дугласа Норта, получивших премию в 1993 г.; в 1996 г. премия была присуждена Джеймсу Мирлису (1936—2018) и Уильяму Викри (1914—1996) «За фундаментальный вклад в экономическую теорию стимулов и асимметричной информации»; в 2001 г. — Джорджу Акерлофу (1940), Майклу Спенсу (1943) и Джозефу Стиглицу (1943) «За их анализ рынков с асимметричной информацией». В 2009 г. премия была вручена также представителям новой институциональной теории — Элинор Остром и Оливеру Уильямсону «За исследования в области экономической организации». Но институциональный подход не ограничен девяностыми и нулевыми, он и далее остается актуальным, что мы видим и по итогу вручения премии в 2016 г. Оливеру Харту (1948) и Бенгту Хольмстрёму (1949) «За их вклад в развитие теории контрактов».

Если анализировать, как меняется тематика премий с течением времени, можно сделать вывод, что в XX в. разработки носили более фундаментальный характер. Это время открытий Р. Солоу, с его вкладом в теорию экономического роста, П. Самуэльсона, развившего статистическую и динамическую экономическую теорию, Дж. Р. Хикса, К. Эрроу и А. Сена с их вкладом в теорию благосостояния.

С другой стороны, А. Б. Лебедев отмечает возрастающий интерес Нобелевского комитета к экономической политике именно в XXI в. [11]. Исследования в области экономической политики, как правило, расширяют существующие микро- и макроэкономические теории, а значит в некотором смысле тоже могут претендовать на фундаментальность. По критерию упоминания термина «политика» либо в решении Нобелевского комитета, либо в самой речи лауреата А. Б. Лебедев выделил лишь восемь ученых-лауреатов. Среди них, Л. Кляйн (1980), Дж. Бьюкенен (1986), Р. Фогел (1993), Р. Лукас (1995), Дж. Хекман (2000), Ф. Кидланд и Э. Прескотт (2004), Э. Фелпс (2006). Среди упомянутых лиц двое попали в двадцатку наиболее цитируемых лауреатов, приведенных на рисунке (с. 238). Это Роберт Лукас и Джеймс Хекман. Исследования Р. Лукаса посвящены влиянию денежно-кредитной политики на инфляцию, безработицу и производство. Критикуя количественную теорию денег Д. Юма, Р. Лукас не отрицает значимости последней, но все же акцентирует внимание на том, что лишь словесных методов, что были доступны во времена Д. Юма, недостаточно для описания столь сложной проблемы. Исследование требует количественной оценки, в частности корреляционного анализа темпов инфляции и темпов роста денежной массы.

Самым цитируемым лауреатом — причем как по базе Scopus, так и по базе WoS — сегодня является Джеймс Хекман. Как отметил сам ученый, он стал первым, кто получил премию в области микроэконометрики. Говоря о фундаментальных вещах — об эффектах экономической политики, он все же сводит свое исследование, скорее, к прикладной микроэкономике, основанной на эконометрических моделях. Он заявляет о неоднородности и разнообразии переменных и говорит о некорректности результатов, полученных по итогам традиционного эконометрического анализа. Озвучивает проблему нетипичного экономического агента, рациональность которого перестает быть априорной.

Проанализировав направления исследований всех лауреатов премии, нельзя не отметить, что представителей эконометрики здесь чуть ли не абсолютное большинство. Сам Рагнар Фриш, открывающий список лауреатов, и основал некое Эконометрическое общество, членами которого были и/или продолжают оставаться многие из списка лауреатов. По итогам обзора, посвященного лауреатам премии Банка Швеции памяти А. Нобеля, заключим следующее: премия явно не является исключительно экономически направленной. История показала, что абсолютное большинство исследований имеют в своей основе эконометрический или математический фундамент. И даже если исследования имеют фундаментальные ориентиры, Нобелевский комитет отдает предпочтение тем исследованиям, которые внесли эмпирический вклад в фундаментальную науку.

Список литературы

1. Алескеров Ф. Т. Роберт Ауман и Томас Шеллинг — нобелевские лауреаты по экономике 2005 г. // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 9, № 4. С. 566—572.

2. Алескеров Ф. Т. Гурвич Л., Маскин Э., Майерсон Р. Нобелевские лауреаты по экономике 2007 г. // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 12, № 1. С. 106—112.

3. Бенц Д. С. Теория контрактов как мейнстрим: к вопросу о присуждении нобелевской премии О. Харту и Б. Хольмстрёму // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 2 (398). С. 116—121.

4. Баранников А. А., Сигидов Ю. И. Нобелевские лауреаты по экономике: статистический анализ // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 83. С. 543—562.

5. Бобков В. Н. Вклад Нобелевских лауреатов по экономике 2010 года в развитие теории регулирования рынка труда и занятости и возможности ее применения // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10 (188). С. 4—5.

6. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Украденное знание (к вопросу о неоклассических заимствованиях из классической политэкономии) // Российский экономический журнал. 2016. № 4. С. 69—77.

7. Воронов Ю. П. Игры разума. Второй раунд (Нобелевские лауреаты по экономике 2005 года) // ЭКО. 2006. № 1 (379). С. 126—150.

8. Гельман С. В., Шпренгер К. Сколько должны стоить финансовые активы? Нобелевские премии по экономике 2013 г. // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 18, № 1. С. 160—172.

9. Ибрагимов Р. Г., Панферов Г. А. Обобщение теории Модильяни-Миллера: миф и реальность // Вестник Финансового университета. 2014. № 3 (81). С. 114—122.

10. Исмагилова Г. Н. Новый этап развития потребительского спроса // Вестник ВСГУТУ. 2016. № 2 (59). С. 89—95.

11. Лебедев А. Б. Нобелевские лауреаты в области экономической политики // Актуальные проблемы экономики и управления. 2018. № 1 (17). С. 159—176.

12. Морев Д. А. Амартия Сен и теория общественного выбора // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2010. № 2. С. 3—11.

13. Попов Е. В. Перспективы развития экономической науки на Урале // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 209, № 1. С. 185—202.

14. Пряжникова О. Н. Нобелевские лауреаты о выдающихся достижениях в области экономической науки XXв. (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2: Экономика. Реферативный журнал. 2002. № 4. С. 7—14.

15. Худокормов А. Г. Полезная, содержательная книга о Нобелевских лауреатах по экономике // Научные исследования экономического факультета: электронный журн. 2019. Т. 11, № 3 (33). С. 70—78.

Сведения об авторе

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 233—241.

NOBEL LAUREATES IN ECONOMICS: A SCIENTIFIC SURVEY

D. S. Benz
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

The article showes an overview of the winners of the Alfred Nobel Prize for Economics, awarded by the Swedish State Bank for the entire period of the existence of such prizes. The author aims to streamline the reader's idea of Nobel laureates. A complete list of laureates for the 1969—2020 period is given, indicating the Hirsch

indices in two international abstract bases: Web of Science Core Collection and Scopus. The twenty most cited scientists are shown. A brief analysis of the change in research objects during the award period is given. The author concludes that econometrics is important in most studies of laureates.

Keywords: *laureates of the A. Nobel Prize in Economics, Science Review, Hirsch Index (h-index), scientific citation databases, Web of Science, Scopus*

References

1. Aleskerov F. T. (2005). *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, vol. 9, no. 4, pp. 566—572 [in Russ.].
2. Aleskerov F. T., Gurvich L., Maskin E., Majerson R. (2008). *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, vol. 12, no. 1, pp. 106—112 [in Russ.].
3. Benz D. S. (2017). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (398), pp. 116—121 [in Russ.].
4. Barannikov A. A., Sigidov Yu. I. (2012). *Politematicheskij setevoj elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, no. 83, pp. 543—562 [in Russ.].
5. Bobkov V. N. (2013). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, no. 10 (188), pp. 4—5 [in Russ.].
6. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (2016). *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal*, no. 4, pp. 69—77 [in Russ.].
7. Voronov Yu. P. (2006). *EKO*, no. 1 (379), pp. 126—150 [in Russ.].
8. Gel'man S. V., Shprenger K. (2014). *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, vol. 18, no. 1, pp. 160—172 [in Russ.].
9. Ibragimov R. G., Panferov G. A. (2014). *Vestnik Finansovogo universiteta*, no. 3 (81), pp. 114—122 [in Russ.].
10. Ismagilova G. N. (2016). *Vestnik VSGUT*U, no. 2 (59), pp. 89—95 [in Russ.].
11. Lebedev A. B. (2018). *Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya*, no. 1 (17), pp. 159—176 [in Russ.].
12. Morev D. A. (2010). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, no. 2, pp. 3—11 [in Russ.].
13. Popov E. V. (2018). *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 209, no. 1, pp. 185—202 [in Russ.].
14. Pryazhnikova O. N. (2002). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 2: Ekonomika. Referativnyj zhurnal*, no. 4, pp. 7—14 [in Russ.].
15. Hudokormov A. G. (2019). *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal*, vol. 11, no. 3 (33), pp. 70—78 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 242—247.

УДК 334.02
ББК 65.290.2

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10328

КОРПОРАТИВНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК ФОРМА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. С. Бирюков[1], Т. И. Захарова[1], К. В. Садыкова[1], И. В. Кербер[1], Д. В. Вилкова[2]

[1]Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия
[2]Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

В современном мире волонтерские движения становятся все популярнее. Это способствует формированию тренда на социальную ориентированность бизнеса через организацию корпоративного волонтерства. Популяризация волонтерских проектов способствует развитию волонтерских центров по всему миру, а ощутимый вклад их в экономику заставляет более подробно изучать это явление. Также можно заметить, что сейчас идет активный переход от разовых процедур волонтерства к полностью систематической и продуманной деятельности. Это связано с общим развитием корпоративной социальной ответственности в стране и, как следствие, с внедрением принципов и стандартов корпоративной социальной ответственности во внутреннюю культуру компаний. В работе рассмотрены теоретические вопросы корпоративного волонтерства, цели и задачи организации добровольческой деятельности в коммерческой компании и примеры организации этой деятельности в российских и зарубежных компаниях.

Ключевые слова: *волонтерство, добровольчество, корпоративное волонтерство, корпоративная социальная ответственность (КСО), внутренняя политика компании, социальный проект.*

Корпоративное волонтерство — очень быстрое и динамично развивающееся социальное явление. Волонтерство и добровольческое движение привлекают внимание крупнейших компаний, политических и экономических сил мира. Оно постепенно развивалось и перешло от простого аскетизма и добровольчества к понятной и структурированной деятельности, в которой заинтересованы все слои общества, в которую вливается огромное количество денежных средств от коммерческих организаций и государственных структур.

Акценты ставятся на проблемы общества, которые международное сообщество может решить с помощью добровольческого движения как стратегического инструмента. Волонтерство стало одной из опор бизнеса и глобальной целью крупных компаний. А это, в свою очередь, способствовало становлению из волонтерства способа устойчивого развития общества.

Стоит отметить, что в Российской Федерации сейчас идет активный переход от разовых процедур волонтерства к полностью систематической и продуманной деятельности. Это связано с общим развитием корпоративной социальной ответственности в стране и, как следствие, с внедрением принципов и стандартов корпоративной социальной ответственности во внутреннюю культуру современных компаний.

В настоящее время волонтерство является показателем активной позиции граждан, общественной поддержки, актуальным и перспективным направлением в государственной стратегии развития. Как следствие, социальная активность гражданина выступает в роли мотиватора человека к удовлетворению потребности в проявлении инициативы, получении социального опыта и признании обществом за вклад в развитие социума. Также через удовлетворение этих потребностей индивид получает культурное самообразование, которое еще больше социализирует его. В условиях современной экономической действительности корпоративное волонтерство является одной из важнейших частей социальной жизни общества.

2018 г. был годом «Волонтера» в России. Это был отличный способ признать заслуги тех, кто занимается волонтерством, и волонтерством на общественном уровне. В то же время правительство продемонстрировало, насколько важную роль играют неравнодушные люди и какую неоценимую помощь они оказывают. На сегодняшний момент ни один социально значимый проект не обходится без привлечения волонтеров [3].

Но, несмотря на все это, в России культура корпоративного волонтерства развита недостаточно. Можно отметить, что она практически отсутствует во многих компаниях, хотя абсолютно

любая компания может в любой момент начать внедрять в свою систему корпоративной социальной ответственности программы корпоративного волонтерства. Просто у нас это еще пока «не принято». Зачастую это связано с тем, что любое серьезное нововведение и изменения должны пройти круг признания. Мы имеем в виду то, что изначально только некоторые игроки на рынке начинают проводить программы корпоративного волонтерства. Постепенно руководства разных компаний начинают понимать всю пользу этого. И, руководствуясь примером других компаний, в конкурентной манере создают и развивают корпоративное волонтерство, но на это требуется время. Внедрение корпоративного волонтерства в систему корпоративной социальной ответственности компании может происходить посредством привлечения в том числе сторонних сторонних лиц. Это может быть как услуга на аутсорсинге, так и просто привлеченные в компанию эксперты, которые помогут перестроить систему внутренней политики компании.

Оценим официальные определения корпоративного волонтерства. Так, в соответствии с Федеральным законом от 05.02.2018 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» [2] корпоративное волонтерство трактуется как «добровольное участие сотрудников организаций в различных социальных программах при поддержке своей компании» [Там же. С. 43]. Это часть социальной стратегии компании и элемент качественного развития общества. Во время экономического кризиса из-за сокращений бюджетов на социальную деятельность в коммерческих компаниях волонтерство получило дополнительный импульс развития.

Побудить компанию к развитию корпоративного волонтерства может несколько причин:

- Разработка и реализация программ поддержки социально ответственного бизнеса.
- Инициативы самих сотрудников.
- Запрос руководства компании.
- Потребность компании в выходе на более высокие рыночные позиции.

В системе, которую мы рассматриваем, корпоративным волонтерством занимаются три стороны: бизнес-организации, некоммерческие организации и сотрудники этих компаний. Оценим преимущества корпоративного волонтерства для каждой из этих сторон. Для бизнес-организации они очевидны. «Повышение качества репутации и имиджа; набор и улучшенная политика хранения данных, предотвращение выгорания; повышение командного духа и морального духа сотрудников, что повысит их производительность; развитие компетенций сотрудников; получение неформального положения социально ответственной компании и работодателя; внедрение новых нестандартных подходов к управлению компанией» [5. С. 67].

Корпоративное волонтерство является достаточно выгодным вложением для компании, пусть и не приносящей свои плоды напрямую и с неярко выраженной выгодой. Внедрение такой практики позволяет предотвратить опустошение энергии у сотрудников, создать дополнительную мотивацию, реализовать свои творческие и идейные навыки, улучшить командообразование, что создает благоприятные условие в команде, среди работников компании, определяет новый вектор развития и приобретения опыта.

В некоммерческом секторе волонтерство рассматривается как возможность получения бесценного опыта и наработки компетенций. Участие в волонтерских проектах для некоммерческого сектора — это возможность коммуникаций с другими участниками рынка, обществом и государством. Возможность получения доступа к современным технологиям при работе с крупными брендами или известными людьми. Все это повышает статус и репутацию некоммерческой организации и ее сотрудников. Благодаря участию в волонтерских проектах даже небольшие организации некоммерческого сектора могут строить долгосрочные отношения с другими компаниями, повышать профессиональную компетентность своих сотрудников и, как следствие, повышать конкурентоспособность [Там же. С. 69].

Для сотрудников компаний и организаций также существует определенный интерес в участии в корпоративных волонтерских проектах:

- Развитие и повышение их потенциала.
- Получение нового жизненного опыта, общение.
- Осознание собственной полезности.
- Создание дружеской, теплой и взаимной атмосферы в рабочем коллективе.
- Возможность попробовать что-то новое и открыть для себя новые профессиональные и личные навыки в процессе.
- Развитие навыков командной работы, усиление командной работы и постановка командных задач.

• Возможность повлиять на решение социально значимой проблемы.

• Создание и развитие корпоративной культуры и ценностей компании.

• Возможность получить дополнительные преимущества.

Если исследовать взаимодействия личности сотрудника, компании как работодателя и государства, то мы используем систему кругов Эйлера, чтобы показать, как они пересекаются и какую пользу друг другу приносят (см. рисунок ниже).

В результате этого исследования становится ясно, что развитие корпоративного волонтерства выгодно для всех участвующих сторон. Следовательно, для любой компании будет эффективно начать внедрять у себя программы корпоративного волонтерства. Но это требует определенной подготовки и больших ресурсов.

Есть два вида подхода к внедрению волонтерства в организации, которые также могут быть смежными:

— внедрение работников компании в уже активно живущие проекты в дополнительное время;

— создание собственных программ, отвечающих коммерческо-социальным запросам компании в общественной поддержке и акцентуации на определенной проблематике.

При этом компании следует помнить, что сотрудники, участвующие в волонтерской деятельности, должны получать определенные преференции для повышения собственной мотивации и повышения лояльности к компании:

а) творческие выезды, командировки или оплачиваемые отпуска, позволяющие обеспечить полную занятость в этих волонтерских проектах;

Взаимодействие личности, компании и государства в контексте корпоративного волонтерства

Примечание: составлено авторами исследования.

б) засчитывать рабочими часами время, проведенное за развитием и реализацией волонтерских программ;

в) Проведение и участие грантовых мероприятий, которые способствуют налаживанию связей с некоммерческими организациями.

Как замечают участники волонтерских организаций в коммерческих компаниях, волонтерская практика благоприятно воздействует на атмосферу в коллективе, способствует улучшению лидерских качеств, увеличению производительности, снижает процент увольнений, повышает устойчивость к стрессу и в целом очень хорошо влияет на состояние жизни сотрудника, добавляя ему новый опыт.

Некоторые крупные российские компании понимают важность социальной ответственности и волонтерской деятельности. Например, ТНК-ВР ежегодно поддерживает социально полезные компании в Новосибирской, Омской, Тюменской областях и Ямало-Ненецком автономном округе. Наибольшую поддержку они оказывают проектам в сфере: образования, помощи незащищённым слоям населения, сохранения культурного наследия и здоровья [5; 2].

Кроме того, дочерние общества ТНК-ВР осуществляют благотворительную деятельность по разовым запросам государственных органов и некоммерческих организаций (вне рамок соглашений), в том числе оказание финансовой помощи [4; 3]:

- Детские дома, детские сады, школы-интернаты.
- Инвалиды, ветераны, люди, попавшие в тяжелую жизненную ситуацию.
- Учреждения, организации и общественные объединения в области физической культуры, молодежной политики и спорта.

Нужно отметить, что в транснациональных компаниях принципы корпоративной социальной ответственности простираются намного дальше корпоративного волонтерства. В официальных стратегических отчетах компаний, затрагивающих вопросы КСО, прописаны ее принципы, связанные с проектами по реализации повестки целей в области устойчивого развития (ЦУР), внутренней и внешней социальной политикой, экологическим менеджментом и корпоративным волонтерством. Так, например, Toyota Motor Corporation реализует собственную политику в области экологии, которая, в свою очередь, ориентируется на экологический кодекс той или иной страны присутствия. Кроме этого, компания Toyota Motor Corporation инвестирует в обучение сотрудников и развитие проектов по безопасности на дорогах. В отношении корпоративного волонтерства компания реализует разнообразные практики. Например, в 2007 г. она выступила в качестве официального спонсора Кубка европейских чемпионов по хоккею.

В рамках данного проекта компания привлекала воспитанников спортивных школ к участию. Кроме этого, на территории Московской и Ленинградской областей реализуется программа «Зеленый пакет» (Toyota Green Pack), в рамках которой разрабатываются комплекты интерактивных образовательных методических пособий для школьников по вопросам окружающей среды. Проект был апробирован и реализован компанией в Восточной Европе, а в данный момент адаптирован под российские реалии. Совместно с Московским автомобильно-дорожным институтом компанией реализован проект по открытию Центра подготовки технических специалистов по программе T-TEP (Toyota Technical Education Program). Программа T-TEP направлена на поддержку технических учебных заведений по всему миру. Справедливо отметить, что у Toyota Motor Corporation имеется экологический сертификат ISO 14001.

Обращаясь к отечественному опыту, рассмотрим компанию «ЛУКОЙЛ». Согласно отчетам об устойчивом развитии компании, в 2019—2020 гг. ее реализованные проекты соответствовали повестке ЦУР и модели ООН. Принять участие в реализации всех 17 целей повестки ЦУР компания постаралась собственными социальными проектами. Так, например, в проекты, отвечающие повестке ЦУР за 2019 г., было инвестировано около 218 млрд руб. Компания реализует проекты, связанные с обеспечением качественного образования, гендерного равенства, а также равенства возможностей производственного труда. Необходимо упомянуть инициированный компанией конкурс социальных и культурных проектов «Чистая вода», а также волонтерскую акцию по очистке берегов от мусора и грязи. Кроме этого, компания реализует программы энергосбережения группы «ЛУКОЙЛ», цифрового развития в рамках информационной стратегии группы «ЛУКОЙЛ», экологической безопасности «Чистый воздух», подпрограмму «Биоразнообразие» программы экологической безопасности. Компания имеет членство в инициативе Глобального договора ООН. Каждая из этих программ находит свое отражение в различных проектах, которые существуют на протяжении многих лет либо только начинают появляться.

Волонтерство — более точечный и эффективный способ, так как оно еще и привлекает внимание государства и граждан к проблемам. Поддержка волонтерства коммерческими компаниями — перспективная практика роста социальной ответственности бизнеса, повышающая социальную ответственность и инициативу сотрудников, что способствует повышению уровня гражданской инициативы в России. Одним из факторов программы добровольчества компании является соответствие ее миссии, стратегии развития, степени интеграции с философией корпоративной культуры.

Корпоративное волонтерство — это эффективный инструмент в рамках корпоративного менеджмента в компании. Каждая компания в современных реалиях должна стремиться к развитию корпоративного волонтерства. Но это не первостепенная задача при развитии предприятия, поэтому это могут позволить себе только те компании, которые крепко стоят на ногах [7—9]. Поскольку корпоративное волонтерство продолжает развиваться все активнее, его нужно будет более активно регулировать со стороны государства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)».

2. Федеральный закон от 05.02.2018 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)».

3. Дымшиц М. Н. Потребительская лояльность: механизмы повторной покупки. М.: Вершина, 2007.

4. Краснопольская И. И. Корпоративное волонтерство в России. Сборник лучших практик // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 45.

5. Кричевский Н. А., Гончаров С. Ф. Корпоративная социальная ответственность. М.: Дашков и Ко, 2007.

6. Ali F., Muqadas S. The Impact of Brand Equity on Brand Loyalty: The Mediating Role of Customer Satisfaction // Pakistan Journal of Commerce and Social Sciences. 2015. Т. 9, № 3. С. 890—915.

7. Плетнев Д. А. Сущность и природа рутин вовлечения в структуре института содействия корпорации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1. С. 47—56.

8. Плетнев Д. А., Николаева Е. В. Паттерны института содействия в современных российских корпорациях // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 2 (384). С. 151—161.

9. Плетнев Д. А. Будущее корпорации в посткапиталистическую эпоху // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 8 (418). С. 169—173.

Сведения об авторах

Бирюков Евгений Сергеевич — кандидат экономических наук, декан факультета бизнеса «КАПИТАНЫ» Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия. Biryukov.ES@rea.ru

Захарова Татьяна Ивановна — кандидат экономических наук, доцент, доцент базовой кафедры благотворительного фонда поддержки образовательных программ «КАПИТАНЫ» «Инновационный менеджмент и социальное предпринимательство» Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия. Zaharova.TI@rea.ru

Садыкова Ксения Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры благотворительного фонда поддержки образовательных программ «КАПИТАНЫ» «Инновационный менеджмент и социальное предпринимательство» Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия. sadykova.kv@rea.ru

Кербер Илья Владимирович — студент 4-го курса базовой кафедры благотворительного фонда поддержки образовательных программ «КАПИТАНЫ» «Инновационный менеджмент и социальное предпринимательство» Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова», Москва, Россия. kerbbusiness@gmail.com

Вилкова Дарья Валерьевна — студентка 5-го курса кафедры контрастивной лингвистики Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия. dv.vilkova@mpgu.edu

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 242—247.

CORPORATE VOLUNTEERING AS A FORM OF VOLUNTARY ACTIVITY

E. S. Biryukov
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia. Biryukov.ES@rea.ru

T. I. Zakharova
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia. Zaharova.TI@rea.ru

K. V. Sadykova
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia. sadykova.kv@rea.ru

I. V. Kerber
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia. kerbbusiness@gmail.com

D. V. Vilkova
Institute of Foreign Languages Department of Contrastive Linguistics, Moscow, Russia. dv.vilkova@mpgu.edu

Now days volunteer movements are becoming more and more popular. This contributes to the formation of a trend towards social orientation of business, through the organization of corporate volunteering. The popularization of volunteer projects contributes to the development of volunteer centers around the world, and their tangible contribution to the economy makes it necessary to study this phenomenon in more detail. You can also see that now there is an active transition from one-time volunteering procedures to fully systematic and well-thought-out activities. This is due to the overall development of corporate social responsibility in the country and, as a result, the introduction of principles and standards of corporate social responsibility in the internal culture of companies. This paper discusses the theoretical issues of corporate volunteering, the goals and objectives of organizing volunteer activities in a commercial company, and examples of organizing this activity in Russian and foreign companies.

Keywords: *volunteering, volunteering, corporate volunteering, corporate social responsibility, internal company policy, social project.*

References

1. Federal'nyy zakon "O blagotvoritel'noy deyatel'nosti i volonterstve (volonterstve)" ot 11.08.1995 № 135-FZ [Federal Law" On Charitable activities and Volunteerism (volunteering)" of 11.08.1995 № 135-FZ] [in Russ.].

2. Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v nekotoryye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam volonterskoy deyatel'nosti (volonterskoy deyatel'nosti)" ot 05.02.2018 № 15-FZ [Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on issues of Volunteerism (volunteering)" dated 05.02.2018 № 15-FZ] [in Russ.].

3. Dymshits M. N. (2007) Loyal'nost' potrebiteley: mekhanizmy povtornoy pokupki [Consumer loyalty: mechanisms of repeated purchase]. Moscow [in Russ.].

4. Krasnopolskaya I. I. (2012) Sotciologicheskie issledovaniia, no. 7 [in Russ.].

5. Krichevsky N. A., Goncharov S. F. (2007) Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' [Corporate social responsibility]. Moscow, Dashkov & Co [in Russ.].

6. Ali F., Muqaddas S. (2015) *Pakistan Journal of Commerce and Social Sciences*, vol. 9, no. 3, pp. 890—915.

7. Pletnev D. A. (2013) *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 47—56 [in Russ.].

8. Pletnev D. A., Nikolaeva E. V. (2016) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (384), pp. 151—161 [in Russ.].

9. Pletnev D. A. (2018) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8 (418), pp. 169—173 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 248—252.

УДК 336.01
ББК 65.012.12

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10329

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ФИНАНСЫ: ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Н. В. Ким, Н. А. Балышева
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Приведены примеры поведения участников рынка, в том числе фондового, сочетание как рациональных, так и иррациональных решений. В этой связи актуальными становятся вопросы применения новых методов исследований, в том числе в поведенческих финансах. Целью статьи является выявление причин принятия неэффективных решений в экономической жизни, турбулентности цен фондовых активов, мыльных пузырей, рисков и негативных явлений в современной мировой экономике, условий и обстоятельств реализации финансовых отношений для прогнозирования и создания удачных финансовых стратегий на фондовом рынке. Проанализированы механизмы и примеры формирования мыльных пузырей в истории и на современном этапе в психологической плоскости. Отмечены поведенческие ошибки, которые являются следствием принятия иррациональных решений, что продемонстрировано на примерах финансовых мыльных пузырей на рынке акций. В заключение статьи представлены обстоятельства, когда рост мыльных пузырей является тревожным сигналом возможных негативных последствий как для национальной, так и для мировой экономики.

Ключевые слова: *поведенческие финансы, волатильность, психологические факторы, теория перспектив, оптимальное и нерациональное поведение, мыльные пузыри, аномалии, эффективность фондового рынка, иррациональный оптимизм*.

У нобелиатов Ю. Фамы, Р. Шиллера и Л. Хансена нет совместных трудов, но они заслужили право называться отцами современной теории финансов [6; 8; 11]. Их работы об эффективности рынков создали стандарты, от которых можно отталкиваться при анализе цен на активы. И хотя они не представили точного механизма для предсказывания биржевых цен, однако их методы оценил не только Нобелевский комитет, но и биржевые эксперты, и составители классических учебников по финансам и экономике [14; 16; 17]. Эти ученые показали, что на разных промежутках времени действуют разные закономерности: на коротких промежутках времени — классические рыночные, основанные на математике и логике, а на более длинных — психологические действия людей, искажающие «реальную» рыночную картину.

Необходимо заметить, что современные кризисные явления, вызванные пандемией коронавируса, определяются нелогическими действиями субъектов рынка, иногда «стадными», иногда действиями, вызванными фобией из-за высокого уровня неопределенности.

Нобелиат Л. Хансен, использовав авторский метод, добился тех же результатов, что и Р. Шиллер. В своих трудах Л. Хансен, исследовав фондовый рынок США второй половины прошлого века, подтвердил высокую волатильность цен на акции, что вряд ли можно было объяснить «рациональной» классической теорией ценообразования активов. Именно эта волатильность на фондовых рынках США привела к появлению «мыльных пузырей», которые вызвали кризисные явления.

Вышесказанное свидетельствует о необходимости применения новых методов в исследованиях, в том числе в поведенческой экономике [6; 19]. Общеизвестно, что в основе поведенческих финансов лежит предпосылка о том, будто индивиды — соучастники различного рода рыночных и нерыночных финансовых взаимоотношений не всегда разумны при принятии решений и их действия никак не согласуются с мнением «нормально». Причем «ненормальное» поведение считается никак не исключением, а скорее обыкновением или правилом. Такое поведение связано с особенностями психологии людей. Так, например, проведенные обыкновенно простые бессчетные опыты по подкидыванию монет (к примеру, брать гарантированные $50 или кинуть монетку и заполучить $100 либо ничего не заполучить) говорят, о том, что люди предпочитают шанс отыграться, нежели заполучить гарантированное. А поведение инвесторов, которые зачастую не спешат избавляться от акций, резко падающих в стоимости, продиктовано их надеждой, что ситуация изменится, что этому снижению скоро придет конец, а ему на смену — подъем.

Кроме того, необходимо заметить, что в доктрине поведенческих финансов принципиальное значение имеет стадный инстинкт на фондовом рынке. Стадное чувство возникает, когда изменяется тенденция в курсе ценных бумаг. Часть участников, скупая акции, паникуют; им кажется, что другие участники фондового рынка владеют другой, неведомой им информацией.

Как правило, эффективность фондового рынка определяется такими условиями, как:

— отсутствие трансакционных издержек по операциям с ценными бумагами;

— доступность информации для всех участников фондового рынка;

— одинаковое отношение всех участников фондового рынка к текущим ценам и на этой основе одинаковое отношение к прогнозируемым ценам на ценные бумаги.

Если на фондовом рынке соблюдаются эти условия, то можно считать, что фондовый рынок эффективен информационно [2]. Но на практике соблюдение этих трех условий невозможно. На всех фондовых рынках наблюдаются трансакционные издержки. Получение информации всегда связано с затратами, а прогнозы цен фондовых активов у участников фондового рынка различны.

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день ни один из фондовых рынков не может быть информационно эффективным [3]. Вместе с тем отсутствие времени, ресурсов не позволяет инвесторам оценить не только свежую информацию, но и старую, уже имеющуюся, накопленную, с различными данными. При этом со временем у человека вырабатываются свои собственные методы анализа ситуации на фондовом рынке, собственная реакция на внешние факторы.

Необходимо отметить, что на современном этапе чрезмерная волатильность, если речь идет об эффективных рынках, является сильным отклонением, «ненормальностью» [3]. Такая «ненормальность» свидетельствует о возможном «провале», эффективности рынков. Избыточная волатильность на фондовом рынке является аномалией, но отлична от других аномалий [8; 9]. Р. Шиллер ссылается на работу Ю. Фамы «Эффективные рынки капиталов», в которой тот упоминал о «ненормальностях», но не о тех, что являются результатом небольшой изменчивости, противоречащей так или иначе определенным предпосылкам традиционной модели [10]. Аномалии в изменчивости цен Р. Шиллер объясняет модными тенденциями, которые создают порой «мыльные пузыри» на фондовом рынке [12].

Именно подобными чисто психологическими реакциями участников фондового рынка объясняется чрезмерная волатильность стоимости фондовых активов, считает Р. Шиллер. Психология участников фондового рынка не может быть важным фактором на финансовом рынке из-за непредсказуемости цен [7]. Кроме установления факта существования избыточной волатильности, Р. Шиллер также изучил ее возможные причины. В книге «Иррациональный оптимизм» он рассматривает события в период финансового мыльного пузыря на рынке акций 1990-х гг. [6]. Подобные пузыри на рынке акций — явление обычное. Они происходили и во многих других странах и часто повторялись. Сами пузыри и последующие падения Р. Шиллер объясняет психологией инвесторов и их стадностью: «Людям обычно приятней вместе покупать всякую дрянь, чем в одиночку быть умным» [Там же]. А в книге «Иррациональный оптимизм» Р. Шиллер писал про пузырь любого актива, при котором люди продолжают «заколачивать», пока есть новые «дураки», которые готовы включиться в игру. И когда «дураки» закончатся, вся конструкция потерпит крах.

Конечно, чрезмерный взлет фондовых рынков, который принято называть «мыльными пузырями», весьма негативен. Быстрый рост стоимости финансовых активов создает мнимое процветание экономики, и люди спешат скупить финансовые инструменты по все более возрастающим ценам, рассчитывая на дальнейший рост стоимости активов. Именно такое поведение людей вызывает дополнительный ажиотаж. Но практика показывает, что с течением времени подобный рост прекращается, что приводит к негативным последствиям для национальной экономики и, учитывая степень взаимозависимости стран в мировой экономике, создает цепную реакцию на мировых финансовых рынках [4].

Демонстрацией ажиотажного спроса на недвижимость может служить пример США в 2005 г. Цены на недвижимость во многих штатах выросли в полтора раза по сравнению с 2000 г.[1] Хотя в других штатах США рост цен был несколько ниже, но по всей стране наблюдался ажиотажный спрос на рынке недвижимости. Причем была уверенность, что в будущем цены на недвижимость не упадут,

[1] «Самый настоящий пузырь»: как в США начался мировой финансовый кризис 2008 года. URL: https://russian.rt.com/business/article/554572-10-let-recessiya-lehman-brothers (дата обращения 08.11.2020).

а это мнение оказалось несостоятельным. Причем самое большое снижение цен было в городах, где во время ажиотажа на рынке недвижимости рост был самым высоким. В 2007 г. проблемы на рынке недвижимости создали проблемы для финансовых учреждений США, которые выдавали кредиты под залог недвижимости [15].

Современные доктрины поведенческих финансов на финансовых рынках: доктрина шумовой торговли и доктрина влияния психологических характеристик трейдера на эффективность операций — дают разъяснение многим деяниям инвесторов, а также позволяют спрогнозировать эти действия и создать удачные финансовые стратегии на фондовом рынке.

В последние годы существуют все признаки формирования новых финансовых пузырей в IT-секторе США (такие гиганты, как Apple, Google и Microsoft), а также на рынке недвижимости Китая.

Необходимо заметить относительно рынка недвижимости Китая, что данный сектор «надувается» не впервые. Последний раз «взлет мыльных пузырей» в Китае наблюдался в 2013—2014 гг. Не достигнув своего пика, пузырь начал сдуваться, и летом 2015 г. произошел резкий обвал китайского фондового рынка. В результате паникующие инвесторы перекинулись на рынок недвижимости, в результате чего жилье в 70 больших городах подорожало к сентябрю 2016 г. на 12,8 % за год [19]. Но из-за ограничительных мер правительства Китая, указавшего банкам повысить требования к заемщикам китайский пузырь на рынке недвижимости начал сдуваться.

Таким образом, исследования поведенческих финансов определяют причины «нормального» и «ненормального» поведения участников фондового рынка в процессе управления финансами. Данные исследования расширяют границы реализации финансовых отношений с учетом следующих обстоятельств:

— поведение участника фондового рынка является сочетанием как рациональных, так и иррациональных решений;

— на принятие решений участника фондового рынка оказывает влияние объем и правдивость информации;

— на процесс управления финансами оказывает влияние поведение, вызванное модой, стадным инстинктом и так далее, что является обычно иррациональным;

— на стоимость капитала оказывает влияние иррациональное поведение менеджеров компании [13].

В заключение необходимо отметить, что сегодня в мировой экономике на смену экономическим циклам приходят циклы мыльных пузырей, некоторые из них упомянуты в нашей статье [5].

На текущий момент в мировой экономике сложилось положение, когда возможности рынков сбыта товаров, в сущности, исчерпаны. Перенакопленные капиталы не могут найти себе применения и оседают в финансовом секторе, создавая так называемые «мыльные пузыри», которые, достигнув критической массы, способны вызвать кризисные явления как для национальных, так и для и мировой экономики.

Российской Федерации в определенном смысле не грозит создание финансовых пузырей, так как Россия в большей степени ориентирована на развитие реального, чем финансового сектора экономики. Вместе с тем главной проблемой интеграции России в мировую экономику является недостаток стабилизирующих механизмов противодействия волатильной и сложно предсказуемой стихии глобального финансового рынка.

Список литературы

1. Ольсевич Ю. Я. Психологические основы экономического поведения. М.: Инфра-М, 2017. (Научная мысль. Экономика.)

2. Рудык Н. Б. Поведенческие финансы или между страхом и алчностью. 2004.

3. Самуэльсон П., Барнетта У. Интервью С Джеймсом Тобином и Робертом Шиллером // О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами. 2009. С. 292—293.

4. Станик Н. А., Иванюк В. А., Маевский Е. В., Попов В. Ю., Шаповал А. Б. Идентификация периодов спекулятивного роста на фондовых рынках: монография. М., 2012.

5. Станик Н. А. Цикличность экономики и финансовые кризисы // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2012. № 31 (121).

6. Шиллер Р. Иррациональный оптимизм. Как безрассудное поведение управляет рынками. М.: Альпина Паблишер, 2013.

7. Фотина О. Э. Диссертация «Государственное регулирование и саморегулирование в развитии предпринимательства в России. URL: https://biblio.dissernet.org/cases/136463 (дата обращения 18.09.2020).

8. Fama E. Efficiency Survives the Attack of Anomalies. GSB Chicago. Winter. 1998. P. 14—16.

9. Fama E. Market Efficicncy. Long-Term Returns, and Behavioral Finance // Journal of Financial Economics. 1998. Vol. 49, no. 3. P. 283—306.

10. Mackay C. Memoirs of Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds. New York, 1996.

11. Hansen L. P. The Richard T. Ely Lecture: "Beliefs, Doubts and Learning: Valuing Macroeconomic Risk" // The American Economic Review. 2007. 97 (2). P. 1—30.

12. Интервью с Робертом Шиллером. URL: https://mydocx.ru/4-24009.html (дата обращения 02.12.2020).

13. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Николаева Е. В. Эволюционно-поведенческое объяснение природы корпорации: подход организационной этологии // Эффективные подходы к развитию предприятий, отраслей, комплексов: монография / под общ. ред. С. В. Куприенко. Одесса, 2013.

14. Судова Т. Л. Поведенческая экономическая теория // Большая российская энциклопедия / гл. ред. Ю. С. Осипов // Большая российская энциклопедия. 2017.

15. Бернстайн П. Фундаментальные идеи финансового мира. Эволюция Capital Ideas Evolving. М.: Альпина Паблишер, 2009. 256 с.

16. Ариели Д. Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 296 с.

17. Поведенческие финансы. М.: Прометей, 2018. 210 с.

18. Тутов Л. А., Рогожникова В. Н. «Прощай экономический человек?»: обзор итогов научного семинара кафедры философии и методологии науки // Научные исследования экономического факультета: электрон. журн. экон. факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2015. Т. 6, № 3.

19. Зотин А. Пузыри на карте мира. Где дорожает и дешевеет недвижимость // Коммерсант. URL: http://www.kommersant.ru/doc/3237329/ (дата обращения 08.02.2021).

Сведения об авторах

Ким Наталья Васильевна — доктор экономических наук, профессор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, профессор кафедры таможенного дела Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. kimnv13@yandex.ru

Балышева Наталья Алексеевна — магистрантка Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. natalia-balysheva@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 248—252.

BEHAVIORAL FINANCE: VOLATILITY IN FINANCIAL MARKETS

N. V. Kim
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kimnv13@yandex.ru

N. A. Balysheva
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. natalia-balysheva@mail.ru

Studies confirm that the behavior of participants in economic life is not at all consistent with what corresponds to the concept of "rationality". Often, the "abnormal" behavior of market participants is not considered an exception, but rather a custom or rule. The article provides examples of the behavior of market participants, including the stock market, as a combination of rational and irrational decisions. The purpose of the article is to identify the reasons for making inefficient decisions in economic life, turbulence in the prices of stock assets. The article deals with finance in the psychological plane, and it is noted that there are various kinds of errors in behavioral finance. Such behavioral errors are the result of making irrational decisions, as demonstrated by the examples of financial bubbles in the stock market. In conclusion, the article presents the circumstances of the implementation of financial relations and behavioral finance.

Keywords: *behavioral finance, volatility, psychological factors, optimal and irrational behavior, soap bubbles, anomalies, stock market performance, irrational optimism.*

References

1. Ol'sevich Yu. Ya. (2017) Psixologicheskie osnovy ekonomicheskogo povedeniya [Psychological foundations of her economic behavior]. Moscow [in Russ.].

2. Rudyk N. B. (2004) Povedencheskie finansy ili mezhdu straxom i alchnost'yu [Behavioral finance or between fear and greed] [in Russ.].

3. Samuelson P., Barnetta U. (2009) Interv'yu s Dzhejmsom Tobinom i Robertom Shillerom [Interview with James Tobin and Robert Schiller]. Pp. 292—293 [in Russ.].

4. Stanik H. A., Ivanyuk V. A., Maevskij E. B., Popov V. Yu., Shapoval A. B. (2012) Identifikaciya periodov spekulyativnogo rosta na fondovyx rynkax [Identification of periods of speculative growth in stock markets]. Moscow [in Russ.].

5. Stanik H. A. (2012). *Finansovaia analitika: problemy i resheniya*, no. 31 (121) [in Russ.].

6. Shiller P. (2013). Irracional'nyy optimizm. Kak bezrassudnoe povedenie upravlyaet rynkami [Irrational optimism. How reckless behavior drives the swarms]. Moscow, Alpina Publ. [in Russ.].

7. Fotina O. E. Gosudarstvennoe regulirovanie i samoregulirovanie v razvitii predprinimatel'stva v Rossii [State regulation and self-regulation in the development of entrepreneurship in Russia. Thesis]. Available at: https://biblio.dissernet.org/cases/136463 (accessed 29.11.2020) [in Russ.].

8. Fama E. (1998). Efficiency Survives the Attack of Anomalies. GSB Chicago. Winter. Pp. 14—16.

9. Fama E. (1998) *Journal of Financial Economics*, vol. 49, no. 3, pp. 283—306.

10. Mackay C. (1996) Memoirs of Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds. New York, John Wiley & Sons.

11. Hansen L. P. (2007) *The American Economic Review*, no. 97 (2), pp. 1—30.

12. Interv'yu s Robertom Shillerom [Interview with Robert Schiller]. Available at: https://mydocx.ru/4-24009.html, accessed 29.12.2020 [in Russ.].

13. Barkhatov V. I., Pletnev D. A., Nikolaeva E. V. (2013) Evolyucionno-povedencheskoe ob''yasnenie prirody korporacii: podkhod organizacionnoy etologii [Evolutionary Behavioral Explanation of the Nature of a Corporation: An Organizational Approach]. Odessa [in Russ.].

14. Sudova T. L. (2017) Bol'shaya rossijskaya enciklopediya [Big Russian encyclopedia] [in Russ.].

15. Piter Bernstajn (2009) Fundamental'nye idei finansovogo mira. Evolyuciya Capital Ideas Evolving [Fundamental ideas of the financial world. Evolution Capital Ideas Evolving]. Moscow, Al'pina Publ. 256 p. [in Russ.].

16. Arieli D. (2013) Povedencheskaya ekonomika. Pochemu lyudi vedut sebya irracional'no i kak zarabotat' na etom [Behavioral economics. Why people behave irrationally and how to make money on it]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber. 296 p. [in Russ.].

17. (2018) Povedencheskie finansy [Behavioral finance]. Moscow, Prometey. 210 p. [in Russ.].

18. Tutov L. A., Rogozhnikova V. N. (2015) *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronny juzhurnal ekonomicheskogo fakul'teta MGU imeni M. V. Lomonosova*, vol. 6, no. 3 [in Russ.].

19. Tishkov V. A. (2001) Etnologija i politika. Nauchnaja publicistika [Ethnology and politics. Scientific journalism]. Moscow, Nauka. 240 p. [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 253—257.

УДК 658.7
ББК 65.291.592

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10330

ЛОГИСТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ И ЛОГИСТИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

***Е. В. Николаева*[1], *С. А. Банников*[2]**

[1]*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*
[2]*Финансовый университет при Правительстве РФ, Госкорпорация по ОрВД, Москва, Россия*

Логистическая инфраструктура российской экономики развивается с каждым годом. На рынке возникают новые форматы и услуги. В статье приведен анализ изменения структуры спроса на услуги логистических комплексов в стране за последние пять лет. Определены ключевые группы клиентов, формирующих основную часть спроса на услуги логистических комплексов. Описаны особенности их спроса на рынке логистических комплексов страны. Раскрыта структура сделок на рынке услуг логистических комплексов в региональном разрезе. Было определено, что в последние два года проявляется тенденция роста доли сделок в регионах (смещение акцентов с Москвы и Санкт-Петербурга). Вместе с тем в период спада в экономике страны рынок также испытывает негативное влияние, которое опосредованно проявляется через его ключевых потребителей — компании розничной торговли и производство.

Ключевые слова: *логистические центры, логистические услуги, розничная торговля, e-commerce.*

В настоящее время в России набирает обороты тенденция передачи непрофильных процессов и услуг в области хранения ТМЦ на аутсорсинг. Это дает потребителям услуг не только возможность сохранения бюджета, но и существенную экономию времени. Эффективность складских и логистических услуг для бизнеса в настоящее время не вызывает сомнений.

Крупные складские и логистические центры оказывают для компаний услуги, связанные с движением ТМЦ, предоставляют площади транспортным и другим компаниям, расположенным за чертой города, — стоянки для грузовых автомобилей. Среди услуг логистических центров — таможенные и брокерские услуги, хранение, инвентаризация, маркировка товара. Большинство из таких комплексов предоставляют услуги простой аренды помещений своим клиентам.

Развитая система логистических центров страны позволяет сокращать цепи поставок и оптимизировать товарные потоки. Задачей логистических центров является доставка грузов от поставщика к потребителю в оптимальные сроки и с наименьшими затратами для обеих сторон сделки.

Логистические центры являются частью складской инфраструктуры страны и относятся к категории коммерческой недвижимости. В последние годы доходность складских комплексов традиционно выше, чем других объектов коммерческой недвижимости (офисной и торговой), поэтому строительство складской недвижимости (в том числе логистических комплексов) является привлекательным направлением для инвестирования, что обусловлено более высокими ставками капитализации.

В структуре складских логистических услуг выделяют (в порядке убывания спроса со стороны потребителей): складирование, таможенное оформление, возвратную логистику, кросс-докинг, маркировку, упаковку товара, управление запасами, аудит счетов, IT-услуги, службу клиентского сервиса и др.

Современные логистические центры размещаются в складах следующих категорий:

• Класс А. Наиболее современные, имеющие удобное расположение вблизи крупных транспортных магистралей. Такие комплексы оснащены системами пожарной сигнализации, мультитемпературными помещениями, новейшими системами видеонаблюдения и спринклерного пожаротушения, круглосуточной охраной. Здания комплексов построены с использованием инновационных технологий и качественных современных материалов.

• Класс В. Менее современные здания, при этом капитальные и выполненные из качественных материалов. Здания оборудованы системами пожарной сигнализации, а также гидрантными системами пожаротушения. Охраняются круглосуточно. Проигрывают объектам класса А по уровню транспортной доступности.

• Класс С. Складские помещения, наименее подходящие для логистических центров, часто

неотапливаемые. В помещениях отсутствуют системы пожарной сигнализации и пожаротушения, охрана, видеонаблюдение и другие системы. Здания, как правило, старой постройки (1950—1990), не отвечают современным требованиям к складским помещениям.

Данная классификация складов разработана специалистами группы компаний «РМС» (лидер в оценке и экспертизе недвижимости в РФ), является приблизительной и носит рекомендательный характер.

Рынок услуг логистических центров в России в настоящий момент характеризуется следующими особенностями:

Во-первых, произошло перераспределение спроса на услуги аренды помещений от операторов розничной торговли к операторам онлайн-торговли. Наблюдается сокращение спроса со стороны производственных и транспортных компаний в 2020 г., а также ежегодное снижение доли дистрибьютеров на рынке аренды складских помещений (рис. 1).

Во-вторых, наблюдается смещение сделок в логистических и складских комплексах из Москвы и Санкт-Петербурга в сторону регионов. На рис. 2 представлено распределение сделок в ретроспективе (по данным компании Knight Frank Research). В 2019—2020 гг. значительно сократилась доля сделок в Московском регионе — с 82 % в 2018 г. до 60 % в 2020 г. В 2020 г. снизилась доля сделок в Санкт-Петербурге и Ленинградской области на 8 %. При этом доля сделок в регионах выросла до 30 % в 2020 г., что является максимальным показателем за последние пять лет.

Наибольшее число сделок в регионах отмечено в 2020 г. в Новосибирске (26 %), Краснодаре (16 %), Красноярске (12 %), Челябинске (12 %), Ангарске (11 %), Курске (7 %) и Брянске (6 %). Данные локации можно считать наиболее привлекательными в настоящий момент с точки зрения развития услуг складской логистики (рис. 3).

Рынок логистических услуг в России динамично развивается, способствуют этому развитие новых форматов складских и промышленных помещений, рост концентрации игроков в сегменте онлайн-торговли. Причем развитие онлайн-торговли оказывает наибольшее влияние на рынок логистических центров. Данная группа игроков компенсирует снижающийся спрос со стороны торговых сетей.

Одним из основных драйверов роста спроса на рынке логистических услуг становится сегмент e-commerce. Транспортные и производственные компании также продолжают формировать спрос на помещения в складских и логистических комплексах.

Примечательно, что основной тенденцией рынка строительства складских и логистических комплексов является растущий спрос на формат built-to-suit (BTS) — строительство объекта под заказ, под требования конкретного крупного арендатора. Спрос на такие проекты имеет тенденцию к росту на протяжении нескольких последних лет, а в структуре ввода складских помещений объекты, построенные в таком формате, доминируют. Данный вид строительства становится все более востребованным в связи с расширением присутствия компаний в регионах.

На рынке розничной торговли — одного из крупнейших потребителей услуг логистических и складских комплексов — наблюдается тенденция к укрупнению ключевых игроков и, как следствие, вытеснение с рынка небольших торговых предприятий. Ожидается, что в ближайшие годы крупные федеральные ретейлеры будут занимать до 80 % розничного рынка. Параллельно с этим крупные федеральные ретейлеры продолжают активно заходить в регионы, поглощая при этом местных игроков. И операторы рынка логистических центров чутко реагируют на вновь появляющиеся потребности, отвечая происходящим изменениям у ключевых потребителей. Компании внедряют современные технологии в логистические процессы, которые позволяют лучше контролировать оборачиваемость запасов и процессы дистрибуции у ретейлеров. А это, в свою очередь, позволяет им снизить затраты на логистику за счет использования меньших площадей без потери качества товара и ассортимента. Такие процессы приобретают особую актуальность для региональных и локальных рынков, характеризующихся достаточно низкой покупательной способностью.

Эксперты ожидают, что экстенсивное расширение торговых сетей в регионы со временем будет замедляться. При таком развитии событий крупные ретейлеры начнут искать новые точки роста. Одним из путей повышения эффективности в данном случае может стать кооперация среди игроков розничной торговли, которая позволит оптимизировать их цепочки поставок. Кроме того, на данном этапе развития рынка розничной торговли ретейлеры нередко сталкиваются с дефицитом транспортных средств в регионах. Расширение и оптимизация использования логистических услуг в регионах, таким образом, решат проблему с дефицитом транспорта у торговых сетей.

Рис. 1
Структура спроса на аренду складских помещений в России, 2016—2020 гг.

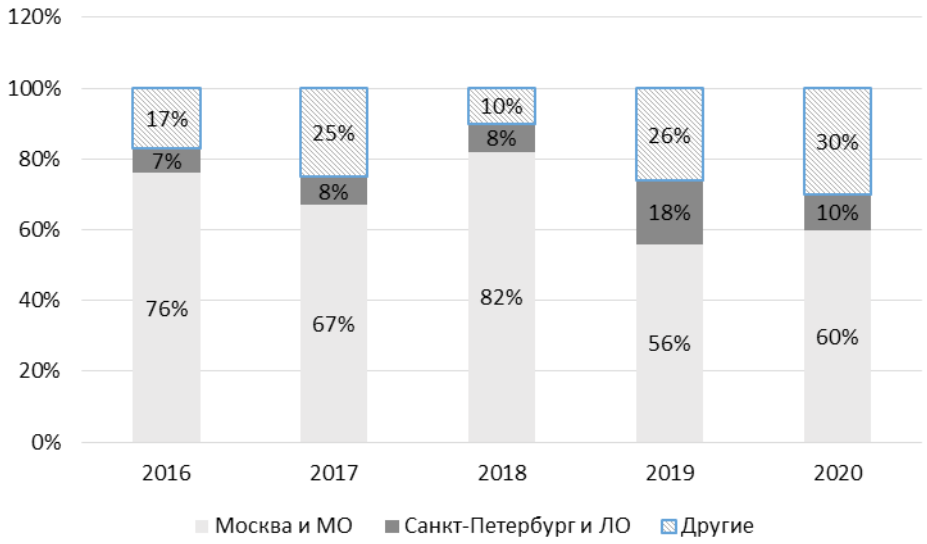

Рис. 2
Распределение сделок в логистических и складских комплексах по регионам, 2016—2020 гг.

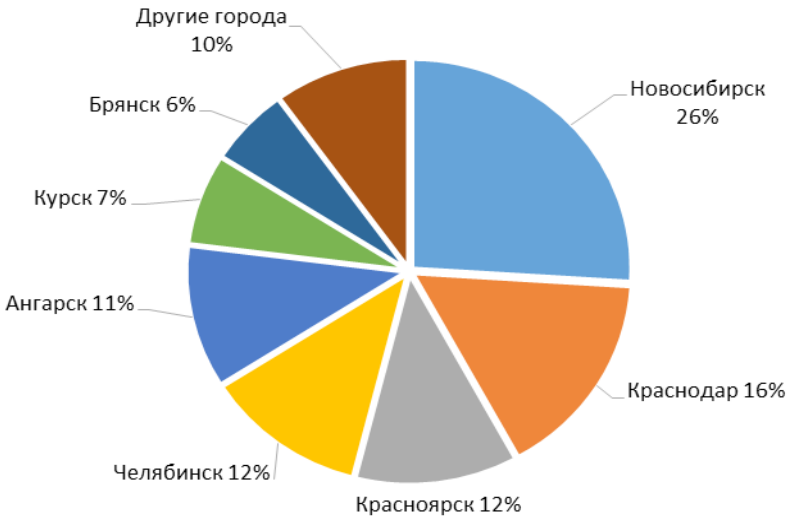

Рис. 3
Распределение сделок в логистических и складских комплексах по городам России, 2020 г.

На протяжении последних нескольких лет основным негативным фактором, ограничивающим развитие логистического бизнеса в стране, является низкая потребительская способность населения страны. До 2020 г. реальные денежные доходы населения практически не росли, что оказывало сильнейшее влияние на многие рынки страны. С началом нового кризиса в 2020 г. покупательная способность населения еще больше снизилась и имеет тенденцию к более сильному падению по итогам 2020—2021 гг.

Согласно данным опроса, проведенного компанией PWC в 2019 г. относительно основных рисков на рынке коммерческой недвижимости в России, 66 % респондентов (операторы рынка коммерческой недвижимости) назвали одним из основных рисков своей деятельности сокращение реальных доходов населения как результат экономического спада в экономике страны. Также значительное влияние на рынок коммерческой недвижимости, по оценкам операторов рынка, окажут чрезмерное регулирование сферы (45 % респондентов), изменение условий финансирования со стороны кредитных организаций (30 %), несовершенство законодательства (27 %), усиление конкурентов (23 %).

Несмотря на спад в экономике РФ, крупные торговые сети продолжат инвестировать в новое строительство и реконструкцию объектов складской инфраструктуры. При этом сохраняется спрос и на услуги логистических центров. Одновременно с этим ежегодно растет потребность в организации распределительных центров (РЦ) на всей территории РФ. Одной из тенденций развития распределительных центров является потребность в сокращении расстояний между РЦ и магазинами, а также расширение их сети. Это, в свою очередь, будет способствовать увеличению транспортно-логистических потоков на территории РФ. В 2021 г. эксперты рынка прогнозируют рост числа крупных сделок со складской недвижимостью и увеличение спроса на услуги логистических центров. При этом основными заказчиками, как ожидается, будут торговые компании.

С развитием интернет-торговли изменяются потребности в типе и локализации складских помещений. В период пандемии многие продуктовые сети стали предоставлять услугу доставки товаров из магазина до конечного покупателя. Это требует от складского (логистического) комплекса или распределительного центра наличия холодильных и морозильных помещений, производственных площадок. Объект должен обладать хорошей транспортной доступностью и пропускной способностью. Понимая важность происходящих на рынках потребительских товаров изменений, логистические центры развивают фулфилмент-услуги (полный цикл), подразумевающие наличие конвейерных линий, сортировочных цехов, стеллажей для хранения и т. п.

На рынке логистических и складских услуг РФ развивается ряд новых форматов. Один из них — склады типа light industrial. Это производственно-складские объекты, представляющие собой небольшие здания площадью от 200 до 2000 кв. м, спрос на которые предъявляют представители малого и среднего бизнеса, которые временно хранят там продукцию для дальнейшей ее реализации конечному потребителю (в некоторых случаях хранится сырье для будущего производства). Потребителями таких объектов являются: небольшие сельскохозяйственные, сервисные, дистрибьютерские и торговые компании, онлайн-магазины. Производственно-складские помещения данного формата приобретают все большую популярность в РФ. В 2019 г. были введены объекты формата light industrial в Москве (Industrial City «Сынково», «Технопарк Перерва»), Екатеринбурге (логопарк «Кольцовский»), Воронеже (Smart Blocks), Самаре (логистический комплекс «Придорожный»).

В сфере торговли развивается новый формат Dark Store, представляющий собой торговое помещение, которое открыто только для курьеров, занимающихся доставкой товаров покупателям. В супермаркетах Dark Store собираются онлайн-заказы и в дальнейшем доставляются оттуда заказчику. Одним из первых ретейлеров, запустивших данный формат в России, стала компания X5 Retail Group.

Несмотря на то что рынок логистических центров динамично развивается в настоящее время в России, кризис 2020 г., вызванный пандемией COVID-19, оказал ощутимое влияние и на его операторов. В условиях кризиса перед игроками рынка стоит серьезная задача по сохранению своей рыночной и финансовой устойчивости. Преодолеть кризис легче всего будет компаниям, имеющим минимальные собственные основные средства, поскольку дополнительная финансовая нагрузка в данный период может только усугубить ситуацию. Более высокие шансы повысить в данный период операционные результаты — у операторов, имеющих среди клиентов компании из сегмента ретейл, FMCG (быстро оборачиваемые товары), фармацевтики.

Список литературы

1. Абрамова М. Б., Булка В. Д., Вязовая В. А. О проблемах и тенденциях развития рынка складской логистики России // IV Ломоносовские чтения. Актуальные вопросы фундаментальных и прикладных исследований: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. 2020. С. 77—80.

2. Аникин Б. А. Основные и обеспечивающие функциональные подсистемы логистики: учебник. М.: Проспект, 2020. 757 с.

3. Ефремова А. Д., Артамонов А. Е., Третьякова В. А. Анализ состояния и перспектив развития рынка складских услуг // Евразийский юридический журнал. 2020. № 1 (140). С. 441—443.

4. Новые тенденции на рынке недвижимости 2020. Ежегодное исследование российского рынка недвижимости PriceWaterhouseCoopers. 2019.

5. Рынок складской недвижимости. Москва-2020 // Knight Frank Research. 2021.

6. Тиверовский В. И. Складская логистика на пути в цифровое будущее // Транспорт: наука, техника, управление: науч. информ. сб. 2020. № 2. С. 11—15.

Сведения об авторах

Николаева Екатерина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. nikolaeva@csu.ru

Банников Сергей Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом и психологии Финансового университета при Правительстве РФ, заместитель директора по управлению персоналом ФГУП «Госкорпорация по ОрВД», Москва, Россия. sabann@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 253—257.

LOGISTICS CENTERS AND LOGISTICS INFRASTRUCTURE OF THE RUSSIAN ECONOMY

E. V. Nikolaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nikolaeva@csu.ru

S. A. Bannikov

Financial University under the Government of the Russian Federation, State Corporation for Air Traffic Management, Moscow, Russia. sabann@bk.ru

The logistics infrastructure in Russia is developing year to year. New formats and services are emerging on the market. The article provides an analysis of changes in the structure of demand for the services of logistics centers in Russia over the past 5 years. The key groups of clients that form the bulk of the demand for the services of logistics complexes have been identified. The features of their demand in the market of the country's logistics centers are described. The structure of transactions in the market of services of logistics complexes in the regional context has been disclosed. It was determined that in the last two years the share of transactions in the regions increased (the focus is shifting from Moscow and St. Petersburg). At the same time, during a downturn in the country's economy, the market also experiences a negative impact, which is indirectly manifested through its key consumers — retail and manufacturing companies.

Keywords: *logistics centers, logistics services, retail, e-commerce.*

References

1. Abramova M. B. (2020) *IV Lomonosov Readings. Topical issues of fundamental and applied research. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference*. Pp. 77—80 [in Russ.].

2. Anikin B. A. (2020) Basic and supporting functional subsystems of logistics. Moscow. 757 p. [in Russ.].

3. Efremova A. D. (2020) *Eurasian Law Journal*, no. 1 (140), pp. 441—443 [in Russ.].

4. (2019) New trends in the real estate market 2020. Annual research of the Russian real estate market PriceWaterhouseCoopers [in Russ.].

5. (2021) Warehouse real estate market. Moscow-2020. *Knight Frank Research* [in Russ.].

6. Tiverovsky V. I. (2020) *Transport: science, technology, management. Scientific information collection*, no. 2, pp. 11—15 [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 258—264.

УДК 338.43
ББК 65.305.73

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10331

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

П. И. Цветкова, Ю. И. Дубова
Волгоградский государственный технический университет

На сегодняшний день в России проявляется обострение внешнеполитической ситуации, экономического и финансового кризиса. В таких непростых условиях главный экономический ориентир в государстве — процесс импортозамещения. В статье рассматриваются вопросы активизации импортозамещения в пищевой отрасли, благодаря которому внутреннее производство страны сможет самостоятельно обеспечивать себя продовольствием. Проведен анализ влияния экономических санкций на продовольственную безопасность государства, рассмотрены проблемы в пищевой отрасли и сельском хозяйстве и выявлены пути их решения.

Ключевые слова: *импортозамещение, пищевое производство, пищевая промышленность, импорт, продукты питания, сельское хозяйство, эмбарго.*

В настоящее время Россия является крупным импортером, что неизбежно ведет к деградации целых отраслей производства. Российский потребитель достигает полной обеспеченности продуктами питания благодаря импорту. Согласно статистике, в Россию поставляется 60% продуктов питания [7]. Данные цифры указывают на существенные проблемы с самообеспечением продовольствием. В таких условиях импортозамещение способно снизить внешнюю зависимость страны от иностранных поставок и обеспечить национальную продовольственную безопасность страны.

Целью научного исследования является разработка рекомендаций по осуществлению стратегии импортозамещения для отечественных предприятий. Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) изучить теоретические аспекты и понятия политики импортозамещения;

2) провести анализ государственных программ поддержки и инновационной деятельности;

3) разработать программу по развитию предприятий мясной продукции.

Импортозамещение — процесс в государственной экономике, в течение которого страна изготовляет продукцию посредством производителей, относящихся к своему государству. Другими словами, чтобы устранить зарубежных игроков рынка, отечественные производители изготовляют продукты из российского сырья. Продукция может быть как общего назначения, так и специализированная [11].

Политика импортозамещения — определенные целевые действия государства, направленные на национальную экономическую систему и создающие институциональные условия, при которых появляется возможность организовывать и поддерживать производство товаров внутри страны [1]. Данные товары в условиях внутреннего рынка должны быть более конкурентоспособными по отношению к импортным.

Мировой финансово-экономический кризис, затронувший многие страны, привел к огромной нехватке внешнеторгового баланса. В мире сформировалась зависимость от внешних поставок вследствие отсутствия стратегического подхода к развитию импортозамещения на внутреннем рынке. Также стабильной остается потребность увеличения экспорта с целью сокращения недостатка платежного баланса.

В таких условиях импортозамещение способно снизить внешнюю зависимость страны от иностранных поставок и обеспечить национальную продовольственную безопасность страны [2]. Пищевая промышленность — ведущее и структуроформирующее звено, поэтому этой отрасли необходимо повышенное внимание со стороны государства [10]. Пищевое производство напрямую относится к сельскому хозяйству. Оно имеет прочную связь с ним, потому что сырье, необходимое для производства, транспортируется от животноводства, фермерства, агрокультуры. Это может быть мясное сырье, молочное, овощи, фрукты, зерновые.

СССР обеспечивал свою продовольственную безопасность по всем основным продуктам питания и был важным экспортером. Сейчас Россия является крупным импортером и имеет существенные проблемы с самообеспечением продовольствием.

В марте 2014 г. произошло воссоединение Крыма с Россией. Данное обстоятельство повлекло за собой наложение экономических санкций на Российское государство со стороны США, Евросоюза, Австралии и Канады. Следующее расширение, уже принятого пакета санкций, было связано с обострением ситуации на юго-востоке Украины [9]. В свою очередь это стало толчком к реализации политики импортозамещения, направленной на запрещение транспортировки в Российское государство определенных импортных товаров и продуктов. Пищевая отрасль — основное направление в реализации политики импортозамещения в государстве.

Рассмотрим изменения, произошедшие в результате применения санкционных мер, на рынке мясоперерабатывающих предприятий. До наложения санкций в мясной отрасли преимущественно обрабатывалось импортное замороженное мясное сырье [5]. В основном это низкосортные замороженные блоки мяса механической обвалки. Такие блоки имеют низкую стоимость и низкое качество. Сырье подвержено ускоренной порче и обладает низкой жироудерживающей и влагоудерживающей способностью. Для того чтобы получить удовлетворительный готовый продукт, необходимо применять комплекс добавок, чаще всего импортного производства. Получается, что была зависимость и от основного, и от вспомогательного сырья.

Российское животноводство стало возрождаться, а после введения санкций и падения рубля производители стали ускоренно переориентироваться на отечественных поставщиков. На данный момент мясное сырье поставляется по большей части в охлажденном состоянии, что положительно влияет на органолептические и физико-химические свойства мяса. Соответственно, острая нужда в дополнительных функциональных добавках отпала.

Однако существует большое количество проблем в пищевой отрасли и сельском хозяйстве, которые требуют помощи со стороны государства, рассмотрим некоторые из них и возможные варианты решения:

— Самая важная проблема — инвестиционная привлекательность. Удорожание кредитов, использование импортного оборудования, цены на которое стабильно растут, фонды предприятий имеют высокую степень износа. Согласно статистике Минсельхоза, в 2019 г. износ основных фондов пищевых предприятий составлял 47 %, оборудования и машин — 58 % [6].

— Почвенно-климатические условия России не подходят для круглогодичного выращивания овощей и фруктов, а действующие хранилища в основной своей массе не отвечают стандартам. Большинство построено при Советском Союзе, их износ составляет более 70 %. Овощехранилища и овощебазы — примерно в 50 % случаев бывшие военные убежища [14]. Они модернизированы, но не подходят для длительного хранения овощей. Продукты хранятся с момента сбора урожая в сентябре и при максимальных сроках — до января. Для более длительного хранения склады не оборудованы, во многих даже нет вентиляции. Из этого следует, что необходимы современные овощехранилища, где регулируется температура, влажность воздуха, газовая среда. В России существуют современные хранилища, но их крайне мало. Значительная часть продукции теряет свои потребительский свойства, в связи с чем сети вынуждены приобретать импортные овощи зимой, а весной на прилавках уже не остается отечественной агрокультуры. Таможенная статистика указывает, что импорт овощей превышает 2 млрд долл. [3]. Стоит отметить, что значительная часть продукции может производиться в России.

— Значительную часть овощей и фруктов не удается сохранить, в таких случаях лучшим решением является переработка. Производитель может получить высокую разницу между ценой и себестоимостью (маржу) [15]. К сожалению, в России очень мало мощностей для переработки овощной и фруктовой продукции, несмотря на то что это прекрасный способ импортозамещения — глубокая переработка сельхозсырья с использованием вторичных ресурсов. При ежегодной переработке усредненно 130 млн т сельскохозяйственного сырья образуется больше 50 млн т побочных продуктов [12]. В качестве вторичного сырья используется только половина побочных продуктов. Инновационные подходы в переработке очень важны в процессах импортозамещения.

— Кадровый дефицит. Не хватает высококвалифицированных сотрудников и инженеров. Не все российские вузы способны подготовить специалистов, которые необходимы предприятиям, ввиду отсутствия практики [3]. Требуется помощь государства, выраженная в увеличении

инвестиций в образование и модернизацию его технической базы.

В настоящее время Российское государство находится на пути формирования условий, благоприятствующих протеканию импортозамещения на предприятиях. Государством уже предприняты следующие меры [4]:

— Указом Президента РФ в 2010 г. утверждена Доктрина продовольственной безопасности, которая направлена на стабильное развитие российского производства продовольствия и сырья. Удельный вес российской продукции (сахара, рыбной продукции, растительного масла, мяса, молочных продуктов) в суммарном объеме должен повыситься к 2020 г.

— В 2012 г. одобрена госпрограмма развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 гг. Цели программы: продовольственная независимость; увеличение объемов ипортозамещения к таким продуктам, как мясо, молоко и др.

— В 2012 г. одобрена Стратегия развития пищевой промышленности Российской Федерации.

— В 2014 г. президентом был подписан указ, ограничивающий ввоз в страну большого перечня продукции из стран США и ЕС: свинина, говядина, мясо птицы, рыба, морепродукты, сыры, молочная продукция, фрукты и овощи.

— В 2015 г. из федерального бюджета выделено 266 млрд руб. на проекты по импортозамещению для сельского хозяйства. А в августе того же года собрана правительственная комиссия, обеспечивающая координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в вопросе политики импортозамещения.

В 2019—2020 гг. выделено 1,3 трлн руб. на импортозамещение для пищевой и перерабатывающей промышленности [4].

В регионах также разработаны планы мероприятий по импортозамещению. Например, опубликована «Концепция импортозамещения в Волгоградской области на 2015—2020 гг.» [8]. Основными задачами являются:

— создание перечня критически значимой продукции;

— утверждение программ импортозамещения;

— планирование и осуществление инвестиционных проектов, разработанных для ускорения производства импортозамещающей продукции;

— развитие инфраструктуры агропродовольственного рынка, тепличных комплексов, объектов хранения продуктов и др. [5].

Разберем показатели, характеризующие импортозамещение пищевых продуктов в России. В табл. 1 представлена динамика производства животноводства по годам.

Общая картина показателей улучшилась: суммарно производство основных продуктов животноводства выросло на 4615 тыс. т. Производство свинины и мяса птицы значительно увеличилось, а вот крупного рогатого скота и молока упало.

Рассмотрим общую долю импорта товаров РФ. Данные отражены в табл. 2.

Доля импорта всех продуктов сократилась, только растительные масла показали отрицательную статистику. Самые лучшие показатели у мяса, особенно свинина, импорт почти полностью со-

Таблица 1

Производство основных продуктов животноводства в РФ (хозяйства всех категорий), тыс. т

Годы / Вид продукта	2010	2015	2017	2018	2019	2020
Скот и птица на убой (в живом весе)	10 549	13 397	14 513	14 880	15 164	10549
в том числе:						
— крупный рогатый скот	3 028	2 820	2 738	2 798	2 827	3 028
— свинина	3 097	3 951	4 550	4 797	5 032	3 097
— птица	3 878	6 039	6 618	6 671	6 709	3 878
— молоко	31 508	29 887	30 185	30 612	31 351	31 508

Источник: Федеральная служба государственной статистики [7].

Таблица 2

Доля импорта отдельных товаров в их товарных ресурсах в 2014—2020 гг., %

Вид продукта / Годы	2014	2016	2018	2019	2020
Мясо и птица, включая субпродукты	19,6	11,0	7,5	7,2	5,8
Говядина, включая субпродукты	59,1	43,5	37,9	35,3	32,7
Свинина, включая субпродукты	17,0	9,6	2,1	3,0	0,2
Мясо птицы, включая субпродукты	9,8	4,9	4,1	4,3	4,4
Изделия колбасные	2,4	1,5	1,6	1,0	1,2
Масла животные	35,7	24,8	18,0	25,7	29,7
Сыры	40,6	29,6	27,8	29,6	30,7
Мука	1,0	2,1	0,9	1,0	0,5
Крупа	0,6	0,2	0,4	0,2	0,4
Растительные масла	14,0	17,2	17,5	16,7	16,0
Сухие молоко и сливки	45,2	59,8	33,7	38,0	34,5

Источник: Федеральная служба государственной статистики [7].

кратился. В пищевой отрасли данные статистики по импортозамещению показывают положительную динамику.

Результатом политики импортозамещения является то, что в 2020 г. Россия почти полностью способна была обеспечить себя свининой (импорт мяса уменьшился на 65 %). Импорт молочной продукции сократился на 20 % (было запланировано 30 %), импорт овощей и фруктов сократился на 11 % (вместо 30 %) [2]. Продовольственное эмбарго коснулось примерно 10 % общего объема потребляемой продукции. Например, в 2014 г. на прилавках большинство продуктов являлись импортными: 60 % овощей и фруктов и 30 % молочных продуктов. На сегодняшний день в России производится 99 % зерна, 93 % мяса и мясных продуктов, 95 % сахара, 84 % молока, согласно данным Росстата и Минсельхоза на 2019 г. [6].

Разведение винограда стало одним из самых инвестиционно привлекательных бизнесов при продовольственном эмбарго. Его доходность увеличилась с 7 до 27 % с период с 2014 по 2019 г. [13].

Несмотря на успехи, Россия по-прежнему зависит от иностранных поставщиков в вопросах закупки оборудования и его дальнейшем обслуживании, приобретении кормов, семян и саженцев. Почти половина добавленной стоимости на продукцию формируется за счет иностранного участия.

После ввода эмбарго с 2014 г. суммарный объем импортных продуктов снизился, но незначительно. В 2012 г. импорт продовольственной продукции был 13 %, а в 2019 г. — 11,4 % [13]. Такие показатели объясняются тем, что по части направлений, например закупка морепродуктов, страна обратилась не к Канаде, Исландии и Норвегии, а к Индии, Вьетнаму, Индонезии и др.

Важно не забывать, что с учетом климатических особенностей Россия не в силах заменить всю импортную продукцию. Главное достижение заключается в том, что продовольственное эмбарго высоко подняло объемы производства национальных овощей, мяса и молочной продукции. Но есть и обратная сторона продэмбарго — цены на уже отечественные продукты стабильно растут. С 2013 г. ярче всего подорожали следующие продукты (%):

- масло сливочное — на 79;
- рыба замороженная — 68;
- капуста — 62;
- подсолнечное масло — 35;
- макароны — 34;
- мука пшеничная — 25 [7].

Нехватка импортной продукции привела к росту цен на прилавках магазинов. После данного обстоятельства потребители обратились к менее дорогостоящим российским аналогам или даже полностью отказались от приобретения некоторых позиций.

В такой ситуации важно предпринимать действия, направленные на укрепление и рост пищевой независимости, а также на увеличение конкурентоспособности российских производителей продуктов питания. Повышение конкурентоспособности внутри государства, мотивация к качественному и производительному труду, росту

объемов, закреплению молодежи на рабочих местах требуют разработки стратегии. Потенциал предприятия должен обеспечивать максимальную эффективность деятельности. Важно увеличивать стратегический бизнес-потенциал, для того чтобы конкуренция была устойчивая. Необходимо основываться на анализе эффективности, а также уделять внимание реструктуризации процессов. Структурные части предприятия и их руководители способны достигать основной цели посредством постановки и выполнения подцелей бизнес-процессов [2].

Государственное регулирование в совокупности с рыночными механизмами хозяйствования может являться залогом успеха в политике импортозамещения. Принципы государственно-частного партнерства обязательно должны сопровождаться в нынешних условиях крупными государственными инвестициями. Важна государственная поддержка сельхозпроизводителей. Многие страны уже придерживаются таких принципов. Уровень поддержки сельского хозяйства государством в расчете на 1 га пашни (в тыс. руб.): Норвегия — 146,2; ЕС — 29,1; Китай — 25,9; США — 23,87; Россия — 1,9 [11]. Увеличение выделяемых средств государством на поддержку отраслей АПК существенно поможет в процессах импортозамещения.

Централизованный подход основывается на изменении законодательного нормативно-правового регулирования, обязательном научно-исследовательском обеспечении, а также на качественной подготовке кадров через систему государственного образования. Цель государственной инновационно-инвестиционной политики — улучшение условий жизни населения, что основывается на росте производства.

Диверсификация экономики возможна только в случае наличия необходимого количества сырья, инновационных средств предприятий и благоприятных деловых условий. В нашем государстве в связи с нехваткой рабочих, многочисленными политическими рисками и прочим создаются негативные деловые условия. Все это отрицательно влияет на процессы, способные ускорить импортозамещение.

В настоящее время Российское государство стоит на пути формирования условий, благоприятствующих протеканию импортозамещения на предприятиях. Для этого, по мнению авторов, необходимо применять следующие меры:

— разработка правовых условий, притесняющих конкуренцию заграничных продуктов питания и пищевой промышленности на российском рыке;

— выделение бюджетных средств на поддержку и обеспечение развития предприятий пищевой промышленности;

— предоставление возможности льготного кредитования тем предприятиям пищевой промышленности, которые заняты импортозамещением;

— стимулирование вложений в отрасль пищевого производства.

Список литературы

1. Алтухов А. Продовольственная безопасность России в условиях зарубежных санкций // АПК: экономика, управление. 2014. № 12. С. 19—29.

2. Доклад Государственного совета Российской Федерации «О развитии отечественного бизнеса и повышении его конкурентоспособности на мировом рынке в условиях членства России во Всемирной торговой организации» // Президент России. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/46636 (дата обращения 21.12.2020).

3. Евдокимова О. В., Иванова Т. Н. Проблемы импортозамещения и безопасности регионального потребительского рынка // ОГУ им. И. С. Тургенева: материалы форума. URL: http://www.oreluniver.ru (дата обращения 21.12.2020).

4. Меры поддержки импортозамещения // Минпромторгроссии. URL: https://minpromtorg.gov.ru/ (дата обращения 18.12.2020).

5. Нарынбаева А. С., Кайдарова С. Е. Пищевая промышленность в системе обеспечения продовольственной безопасности // Сибирский торгово-экономический журнал. 2014. № 1 (19). С. 34—37.

6. Объемы реализации мяса и мясных продуктов // Официальный интернет-портал Министерства сельского хозяйства РФ. URL: http://www.mcx.ru (дата обращения 14.12.2020).

7. Показатели, характеризующие импортозамещение в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11188# (дата обращения 21.12.2020).

8. Постановление Администрации Волгоградской области от 14 сентября 2015 г. № 527-п об утверждении концепции импортозамещения в Волгоградской области на 2015—2020 гг. и плана мероприятий по содействию импортозамещению в Волгоградской области на 2016—2020 гг. URL: http://docs.cntd.ru/document/441515973 (дата обращения 21.12.2020).

9. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2020 г. и на плановый период 2019—2020 гг. // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/201409261 (дата обращения 21.12.2020).

10. Пылыпив А. М., Панченко В. В., Гражданова П. И. Эмбарго как инструмент повышения продовольственной безопасности // Науковедение. 2014. № 5. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/145EVN514.pdf (дата обращения 21.12.2020).

11. Радзиевская Т. В. Глобальное регулирование мировой экономики: Россия и ВТО // Современная экономика: проблемы и решения. 2014. № 2 (50). С. 122—129.

12. Рябова Т. Ф. Рост инновационного уровня производства и импортозамещения как основные составляющие экономической и продовольственной безопасности России // Пищевая промышленность. 2014. № 12. С. 22—25.

13. Семыкин В. А., Сафронов В. В., Терехов В. П. Импортозамещение как эффективный инструмент оптимального развития рыночной экономики // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 7. С. 1—7.

14. Старовойтов В. И., Старовойтова О. А., Звягинцев П. С., Лазунин О. Т. Культура многоцелевого использования // Пищевая промышленность. 2013. № 4. С. 22—25.

15. Эпштейн Д. Б. Эмбарго, аграрная политика и смена парадигм государственного управления // Экономическое возрождение России. 2014. № 4. С. 45—52.

Сведения об авторах

Цветкова Прасковья Игоревна — студентка магистратуры факультета экономики и управления, кафедра «Экономика и предпринимательство» Волгоградского государственного технического университета, Волгоград, Россия. pzvezdova@mail.ru

Дубовая Юлия Игоревна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и предпринимательство» Волгоградского государственного технического университета, Волгоград, Россия. dubovaui@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 258—264.

IMPORT SUBSTITUTION IN THE FOOD INDUSTRY

P. I. Tsvetkova
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia. pzvezdova@mail.ru

Yu. I. Dubova
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia. dubovaui@mail.ru

At present, Russia is in a difficult period of economic life. This is manifested in the aggravation of the foreign policy situation, the economic and financial crisis, along with this, the scale of the problems that citizens feel on themselves increases. In such difficult conditions of sanctions, the main economic reference point in the state is the process of import substitution. The main goal of import substitution is to reduce the country's dependence on food supplies from the foreign (external) market, and to develop the food and agricultural industries in the state. The article discusses the activation and substitution of import in the food industry, due to which the country's domestic production will be able to independently provide itself with food. The analysis of the impact of economic sanctions on the food security of the state is given, the dynamics of import supplies of products is considered. Problems in the food industry and agriculture are considered and ways to solve them are identified.

Keywords: *import substitution, food production, food industry, import, food, agriculture, embargo.*

References

1. Altukhov A. (2014) *Agroindustrial complex: economics, management*, no. 12, pp. 19—29 [In Russ.].

2. Doklad Gosudarstvennogo soveta Rossiyskoy Federatsii "O razvitii otechestven-nogo biznesa i povyshenii ego konkurentosposobnosti na mirovom rynke v uslovi-yakh chlenstva Rossii vo Vsemirnoy torgovoy organizatsii" [On the development of domestic business and increasing its competitiveness on the world market in conditions of Russia's membership in the world trade organization]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/46636, accessed 24.11.2020 [in Russ.].

3. Evdokimova O. V., Ivanov T. N. Problemy importozameshcheniya i bezopasnosti regional'nogo potrebitel'skogo rynka [Problems of import substitution and safety of the regional consumer market]. Available at: http://www.oreluniver.ru, accessed 24.11.2020 [in Russ.].

4. Mery podderzhki importozameshcheniya. *Minpromtorgrossii*. Available at: https://minpromtorg.gov.ru/, accessed 18.12.2020 [In Russ.].

5. Narynbaeva A. S., Kaidarova S. E. (2014) *Sibirskiy torgovo-ekonomicheskiy zhurnal*, 1 (19), pp. 34—37 [in Russ.].

6. Ob''yemy realizatsii myasa i myasnykh produktov [Sales of meat and meat products]. Available at: http://www.mcx.ru, accessed 14.12.2020 [in Russ.].

7. Pokazateli, kharakterizuyushchiye importozameshcheniye v Rossii [Indicators, characteristics of import substitution in Russia]. Available at: https://rosstat.gov.ru/folder/11188#, accessed 21.12.2020 [in Russ.].

8. Postanovleniye Administratsii Volgogradskoy oblasti ot 14 sentyabrya 2015 g. № 527-r "Ob utverzhdenii Kontseptsii importozameshcheniya v Volgogradskoy oblasti na 2015—2020 gody" i plan meropriyatiy po importozameshcheniyu v Volgogradskoy oblasti na 2016—2020 gody [Decree of the Administration of the Volgograd region of September 14, 2015 No. 527-p on the approval of the concept of import substitution in the Volgograd region for 2015—2020 and an action plan to promote import substitution in the Volgograd region for 2016—2020]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/441515973, accessed 24.11.2020 [in Russ.].

9. Prognoz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na 2020 god i na planovyy period 2019—2020 gg. [Forecast of the socio-economic development of the Russian Federation for 2020 and for the planning period 2019—2020]. Available at: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/201409261, accessed 21.12.2020 [in Russ.].

10. Pylypiv A. M., Panchenko V. V., Grazhdanova P. I. (2014) *Naukovedenie*, no. 5. Available at: http://naukovedenie.ru/PDF/145EVN514.pdf, accessed 21.12.2020 [in Russ.].

11. Radzievskaya T. V. (2014) *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniia*, no. 2 (50), pp. 122—129 [in Russ.].

12. Ryabova T. F. (2014) *Pishchevaia promyshlennost'*, no. 12, pp. 22—25 [in Russ.].

13. Semykin V. A., Safronov V. V., *Terekhov* V. P. (2019). *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skohoziaystvennoy akademii*, no. 7, pp. 1—7 [in Russ.].

14. Starovoitov V. I., Starovoitova O. A., Zvyagintsev P. S., Lazunin O. T. (2013) *Pishchevaia promyshlennost'*, no. 4, pp. 22—25 [in Russ.].

15. Epstein D. B. (2014) *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, no. 4, pp. 45—52 [in Russ.].

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ECONOMIC EDUCATION

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 265—274.

УДК 372.8
ББК 74.48

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10332

ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ОНЛАЙН-КУРС «ФИНАНСИРОВАНИЕ ЦЕПОЧЕК ПОСТАВОК»

Я. Х. Янсен[1], А. С. Ваганова[2], Т. А. Верещагина[2], Е. А. Калединова[1]

[1] Университет прикладных наук HAN, Арнем и Неймеген, Нидерланды
[2] Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Дан краткий обзор теорий дидактики и дистанционного обучения, использованных в рамках онлайн-курса на английском языке, проведенного преподавателем из Нидерландов для студентов экономического факультета Челябинского государственного университета (ЧелГУ) с целью получения студентами опыта дистанционного обучения в международной образовательной среде и приобретения знаний по теме «Финансирование цепочек поставок» (Supply Chain Finance; SCF). Учебный материал курса представлен лекциями, записанными преподавателем Я. Янсеном (HAN) и доступными онлайн (principlesofsupplychainfinance.nl/scf-course/). Сочетание лекций и онлайн-семинаров, проведенных с целью обсуждения домашних заданий, позволяет студентам получить более глубокое понимание темы SCF. В организации курса использовались теории Биггса, Гаррисона, Вогана и Колба, с тем чтобы предоставить студентам наилучший современный опыт дистанционного обучения.

Ключевые слова: *дистанционное обучение, финансирование цепочек поставок, перевернутый класс, смешанное обучение, международная образовательная среда.*

Современные дидактические методы, такие как дистанционное обучение, смешанное обучение и модель обучения «перевернутый класс», могут быть интересны для применения в современной международной образовательной среде. Обмен кадрами в системе высшего образования в значительной степени обеспечивает интернационализацию учебного процесса, и в последние десятилетия было много подобных инициатив, в рамках которых зарубежные преподаватели приезжают для чтения лекций в течение семестра либо для проведения интенсивного недельного курса. Обычно организация таких лекций требует значительных финансовых затрат, а также сильно влияет на жизнь преподавателя и его (или ее) семьи. Дистанционное обучение является современным и одновременно экономически выгодным способом организации учебного процесса.

В этой статье исследуется способ дистанционного обучения в международной образовательной среде в сочетании с моделью обучения «перевернутый класс» (flipping the classroom) и смешанным обучением (blended learning).

Экономический факультет Челябинского государственного университета и Университет прикладных наук HAN имеют почти 20-летний опыт сотрудничества. Организация и проведение онлайн-курса «Финансирование цепочек поставок» были осуществлены под руководством декана экономического факультета ЧелГУ и старшего преподавателя HAN. В организации курса также приняли участие два преподавателя из ЧелГУ и HAN. Онлайн-курс основан на уже существующем курсе для студентов HAN, а также на работах Я. Янсена [10; 11].

Разработанный онлайн-курс на английском языке дает студентам возможность получения знаний по дополнительному предмету «Финансирование цепочек поставок» и направлен на дальнейшее освоение методов дистанционного обучения в международной образовательной среде.

Обзор литературы

В данном обзоре авторы статьи рассматривают литературные источники как по общим вопросам дидактики, например применение в образовательном процессе пирамиды усвоения знаний, так и по вопросам дидактики преподавания экономических предметов [6].

Пирамида усвоения знаний

Пирамида усвоения знаний (рис. 1) представляет собой обзор дидактических инструментов и используется для понимания того, какие способы обучения являются наиболее эффективными.

Рис. 1. Пирамида усвоения знаний

Источник: [21].

Согласно исследованиям Д. Сузы [21], различные способы обучения, такие как лекции, чтение учебника или аудиоматериалы, имеют различные показатели усвоения знаний (retention rates), а интерактивные способы обучения, например дискуссии или практика, являются более эффективными, чем лекции или чтение учебника.

Пирамида вызвала много академических дискуссий о точных показателях усвоения знаний, хотя гораздо важнее думать об эффективности методов обучения в системе высшего образования [6] и о создании таких инструментов для преподавателей высших учебных заведений, которые наилучшим образом будут служить процессу обучения. Этот подход можно выразить фразой «разная дидактика для разных целей» по аналогии с известной в экономике цитатой Дж. Кларка «разные затраты для разных целей», приведенной в книге Х. ван дер Шруфа [20].

Модель «Видимое обучение для учителей»

В современной дидактике важную роль играет модель «Видимое обучение для учителей» новозеландского ученого Дж. Хэтти [8], которая делает видимой эффективность процессов обучения как для учителей, так и для учеников.

В этой модели исследуются вопросы увеличения влияния процесса образования на результативность обучения. Модель основана на двух принципах: 1) учителя видят учебный процесс глазами своих учеников; 2) ученики видят себя в качестве собственных учителей.

Модель включает четыре элемента, значимых и для преподавателя, и для ученика в процессе обучения:

1. Ментальные рамки (что преподаватель думает о процессе обучения исходя из практики преподавания).
2. Планирование в сотрудничестве с другими преподавателями и критическое осмысление планирования (преподаватель планирует процесс обучения, определяет ожидаемые от учащихся результаты и способы оценки степени усвоения знаний).
3. Адаптивное обучение (преподаватель владеет различными стратегиями обучения и использует их в зависимости от потребностей учащихся).
4. Получение обратной связи (преподаватель использует обратную связь со стороны обучаемых с целью повышения эффективности образовательного процесса).

Модель «перевернутый класс»

При традиционном преподавании и обучении мы планируем учебный курс неделя за неделей (табл. 1). Мы начинаем с объяснения теории (например, экономической модели) часто в сочетании с примером (лектор преподает, а студенты слушают и делают заметки), затем проводится семинар для обсуждения вопросов, затронутых в лекции, и выполнения заданий на основе лекции.

В модели «перевернутый класс», описанной в работах Дж. Васкеса с соавт. [22] и Р. Балабан с соавт. [3], используется другая стратегия обучения (табл. 2).

Студенты начинают с самостоятельного изучения (дома или иногда на запланированном собрании группы без преподавателя) главы из книги и/или прослушивания записанной аудио-слайд-презентации. Студент должен подготовить одно или несколько домашних заданий или выполнить небольшой формативный тест, чтобы получить разрешение на участие в семинаре. Семинар предполагает большее взаимодействие между преподавателем и студентами, чем при традиционном способе обучения. Лектор обсуждает со студентами вопросы и/или упражнения и задания. При использовании модели «перевернутый класс» лектору не разрешено заменять семинар традиционной лекцией.

Дистанционное обучение

Согласно определению М. Садеги [19], дистанционное обучение означает преподавание (и обучение) в условиях физического нахождения студента и преподавателя на значительном расстоянии друг от друга. Дистанционное обучение имеет давнюю

Таблица 1

Традиционное преподавание и обучение

Неделя 1		**Неделя 2**		**…**		**Неделя n**	
Лекция 1	*Семинар 1*	*Лекция 2*	*Семинар 2*			*Лекция n*	*Семинар n*
Теория	Задания по теории	Теория	Задания по теории			Теория	Задания по теории

Примечание: составлено авторами.

Таблица 2

Модель «перевернутый класс»

Неделя 1		**Неделя 2**		**…**		**Неделя n**	
Самостоятельное изучение	*Семинар 1*	*Самостоятельное изучение*	*Семинар 2*			*Самостоятельное изучение*	*Семинар n*
Теория	Вопросы и ответы Задания по теории	Теория	Вопросы и ответы Задания по теории			Теория	Вопросы и ответы Задания по теории

Источник: составлено авторами на основе [3] и [22].

традицию использования, например, для обучения студентов, проживающих в труднодоступных местностях в странах с большой территорией (США, Канада, Австралия и Россия), и/или для обучения студентов, которые не могут посещать лекции и семинары в университете из-за карьеры (работы), состояния здоровья или по другой причине.

С конца XIX в. и примерно до 1980-х гг. были довольно популярны заочные курсы. Учебные материалы и домашние задания в печатном виде отправлялись студентам по почте на домашний адрес. Позже для дистанционного обучения стали применяться аудиодиски, радио и телевидение. Со временем заочные курсы трансформировались в образовательные системы, использующие возможности Интернета [18], и в настоящее время для дистанционного обучения через Интернет используются, например, платформы MS Teams или Zoom с целью прямого онлайн-общения со студентами, а также платформы, предназначенные для хранения учебных материалов и онлайн-обучения, такие как Moodle, Blackboard и т. д.

Смешанное обучение

Смешанное обучение представляет собой образовательный подход, отличающийся от традиционной педагогической деятельности, например, такой, как чтение лекций. Ниже приводится хорошо известное описание смешанного обучения, данное Д. Гаррисоном и Н. Воганом [7].

> «Курсы, организованные по принципу смешанного обучения, — это курсы, в которых значительная часть времени, проведенного в классе, заменяется видами деятельности в режиме онлайн, способствующими достижению целей курса».
>
> «Продуманное сочетание очного обучения и онлайн-обучения таково, что сильные стороны каждого из них объединяются в уникальный опыт обучения… Смешанное обучение — это фундаментальная модернизация, которая трансформирует структуру и подход к преподаванию и обучению».

Примером смешанного обучения могут служить серьезные игры, например деловая игра The Cool Connection [9], которая является онлайн-симуляцией бизнеса и позволяет приобретать знания и навыки деловой активности. В ходе игры студенты в командах из четырех человек выполняют следующие роли: менеджер по продажам и маркетингу, менеджер по логистике, менеджер закупок и менеджер финансов. В процессе игры студенты стараются улучшить общую рентабельность компании путем использования различных инструментов финансирования цепочек поставок (SCF).

Симуляция построена на использовании модели практического обучения (обучения на основе собственного опыта учащихся, как реального, так и смоделированного на занятиях). В основе этой модели лежит так называемый индуктивный цикл обучения (learning by doing), описанный в работах Д. Колба [13; 14] и Дж. Клабберса [12].

Таксономия Блума

В таксономии Блума с целью классификации результатов обучения различают навыки мышления высшего порядка и навыки мышления низшего порядка [5]. Анализ, оценка и создание новых знаний (синтез), считаются более высокими навыками (табл. 3).

Таблица 3

Таксономия Блума

Тип	Таксономия
Навыки мышления высшего порядка	Синтез
	Оценка
	Анализ
Навыки мышления низшего порядка	Применение
	Понимание
	Знания

Источник: составлено авторами на основе [5].

Д. Кратвол пересмотрел таксономию Блума, введя понятие «метакогнитивное знание», то есть знание и понимание процессов мышления [15]. Он также внес небольшие изменения в таксономию (табл. 4).

Гибридное обучение

Под гибридным обучением и преподаванием понимается объединение старых (традиционных) и новых методов обучения и преподавания (например, дистанционное обучение), использующих современные IT-технологии. Гибридное обучение и преподавание (рис. 2) основано на шести принципах: конструктивное согласование, дистанционное обучение или обучение в классе, перевернутый класс и смешанное обучение, обучение в группе или индивидуально, формативные тесты, итоговая оценка знаний. Студенты и их преподаватель общаются с использованием IT-технологий или встречаются друг с другом в классе.

Таблица 4

Пересмотренная таксономия Блума

Таксономия	Знание			
	Фактическое	Концептуальное	Процедурное	Метакогнитивное
Создавать				
Оценивать				
Анализировать				
Применять				
Понимать				
Запомнить				

Источник: составлено авторами на основе [15].

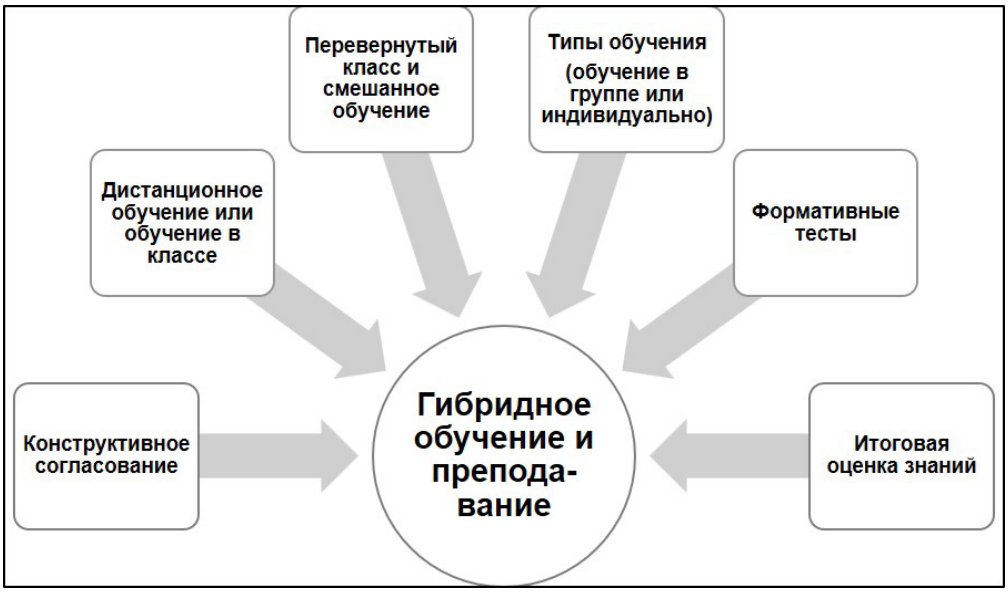

Рис. 2. Гибридное обучение и преподавание

Источник: составлено авторами на основе [16].

Специфика организации дистанционного обучения в международной образовательной среде

Обучение в международной образовательной среде получает все большее влияние в высшем образовании, особенно в формате дистанционного образования. Одним из главных преимуществ данного формата обучения является его гибкость. Студенты могут ознакомиться с материалами курса в любое время, в любом месте, в удобном для них темпе. Скорость обучения устанавливается самим обучающимся в зависимости от его психологических особенностей и личных предпочтений. Кроме того, студенты в процессе обучения получают опыт международного общения, совершенствуя свои знания иностранного языка.

Многочисленные сравнительные исследования различных форматов обучения показывают, что дистанционное образование может быть таким же эффективным, как и «традиционное» очное образование [17]. Однако для достижения высоких результатов обучения и удовлетворенности студентов дистанционным образованием необходимо учитывать влияние множества других факторов. Среди них наиболее значимое влияние оказывают такие факторы, как уровень организации и сопровождения курса, роль преподавателя и качество учебных материалов, а также уровень взаимодействия между преподавателем и студентами, как и студентами между собой [1].

С учетом влияния этих факторов можно определить ряд предложений к организации дистанционного обучения в международной образовательной среде, способствующих повышению эффективности обучения и удовлетворенности студентов:

1) предоставление услуг административной поддержки, включая полное сопровождение студентов в процессе обучения, своевременные объявления, периодическое информирование студентов об их успеваемости и получение обратной связи с целью совершенствования процесса обучения;

2) предоставление электронных и печатных учебных материалов высокого качества с точки зрения их актуальности, полезности и разнообразия. Обеспечение соответствия фактической нагрузки плановой трудоемкости и справедливости процедуры оценки результатов обучения. Справедливая и адекватная оценка гарантирует, что усилия студентов будут оценены должным образом, тем самым мотивируя студентов учиться лучше;

3) организация интерактивного взаимодействия преподавателя со студентами, поощрение студентов к активному участию в обсуждении вопросов курса. В традиционной системе обучения это обеспечивается за счет личного взаимодействия между обучающимися и преподавателем. Это позволяет получить реальную обратную связь как через вербальное общение, так и через невербальное (язык тела, жесты, мимика). Кроме того, при очном обучении преподаватель имеет возможность напрямую взаимодействовать с обучающимися и мотивировать их к изучению предмета, тогда как при дистанционном обучении взаимодействие и мотивация обучающихся становятся существенной проблемой. Решение этой задачи возможно за счет организации онлайн-классов и телеконференций, обеспечивающих непосредственное взаимодействие преподавателя и студентов в режиме реального времени.

Онлайн-курс

Учебный курс «Финансирование цепочек поставок» (SCF) был проведен в октябре — ноябре 2020 г. в режиме дистанционного обучения преподавателями нидерландского Университета прикладных наук HAN (исследовательская группа «Логистика и альянсы») и российского Челябинского государственного университета (экономический факультет).

Как был организован курс

Студенты экономического факультета ЧелГУ должны были самостоятельно прочитать и прослушать шесть аудиолекций на английском языке в виде презентаций Microsoft PowerPoint с объяснениями учебного материала, записанными преподавателем HAN и доступными через Интернет (principlesofsupplychainfinance.nl/scf-course/). После каждых двух лекций они должны были сделать два задания по теории, которые потом обсуждались с преподавателем на онлайн-семинаре в MS Teams.

Учебные цели этого курса сформированы в соответствии с таксономией Б. Блума [5], включающей три уровня обучения: знание, понимание и применение. Учебная деятельность выстроена по принципу конструктивного согласования Дж. Биггса [4], подразумевающего согласование учебных целей, уровней обучения и оценки полученных знаний. В первую очередь уделяется внимание приобретению знаний по теме «Финансирование цепочек поставок» (40 %), затем следуют цели, связанные с пониманием и применением теории (табл. 5).

Таблица 5

Учебные цели и уровни обучения

Таксономия	Учебные цели
Знание (40 %)	• Концепция финансирования цепочек поставок (SCF) • Логистика / управление цепочками поставок, корпоративные финансы, IT (ERP) • Индуцированный оборотный капитал (статический и динамический) • Инструменты SCF (классификация EBA — European Banking Association) • Тактический уровень SCF: IT-платформы и блокчейн • Стратегический уровень SCF: долгосрочный контроль цепочки поставок с точки зрения возникновения рисков (модель COSO 2020) и экономическая добавленная стоимость (EVA — economic value added)
Понимание (30 %) и применение (30 %)	• Показатели SCF • Быстрый анализ SCF: — цикл Cash-to-Cash — формула Дюпона • Эмпирические данные о показателях SCF: — годовые отчеты • Анализ EVA • Расчет эффективной годовой процентной ставки (EAR — effective annual rate) • Примеры из практики SCF • Экономические компромиссы (ETO — economic trade-offs) на тактическом и стратегическом уровнях с использованием модели Глисон-Уайт

Примечание: составлено авторами.

В конце курса каждый студент сдавал индивидуальный устный экзамен, который проходил онлайн в MS Teams, длился примерно 30 минут и в котором с экзаменуемым обсуждались от 6 до 10 вопросов по изученной теме.

Структура устного экзамена может быть следующей:

1. Концепция финансирования цепочек поставок (SCF).
2. Оборотный капитал (концептуальная модель).
3. Быстрый анализ SCF: оборотный капитал, цикл cash-to-cash.
4. Быстрый анализ SCF: формула Дюпона.
5. Инструменты SCF.
6. SCF: разница процентных ставок и эффективная годовая ставка.
7. SCF и IT: системы управления ресурсами предприятия ERP, блокчейн, IT-платформы и т. д.
8. Case-study вопросы: применение SCF в транснациональных компаниях (Unilever, Philips и т. д.).
9. Case-study вопросы: применение SCF в конкретной компании.

Планирование курса отражено в табл. 6.

Таблица 6

Планирование курса

Процесс обучения	Темы	Учебная деятельность
Лекция 1	Концепция финансирования цепочек поставок (SCF) Логистика / управление цепочками поставок, корпоративные финансы, IT (ERP) Эмпирические данные о показателях SCF: — годовые отчеты	Аудиолекция (principlesofsupplychainfinance.nl/scf-course/)
Лекция 2	Индуцированный оборотный капитал (статический и динамический) Показатели SCF Быстрый анализ SCF: — цикл Cash-to-Cash — формула Дюпона	Аудиолекция
Семинар 1	Упражнения 1 и 2	Интерактивный семинар в MS Teams
Лекция 3	Инструменты SCF (EBA классификация) Расчет эффективной годовой процентной ставки EAR	Аудиолекция
Лекция 4	Тактический уровень SCF: IT-платформы и блокчейн Примеры из практики SCF	Аудиолекция
Семинар 2	Упражнения 3 и 4	Интерактивный семинар в MS Teams
Лекция 5	Стратегический уровень SCF: долгосрочный контроль цепочки поставок с точки зрения возникновения рисков (модель COSO 2020) & EVA Анализ EVA	Аудиолекция
Лекция 6	Экономические компромиссы (ETO) на тактическом и стратегическом уровнях с использованием модели Глисон-Уайт	Аудиолекция
Семинар 3	Упражнения 5 и 6	Интерактивный семинар в MS Teams
Экзамен	Индивидуальный устный экзамен, 30 минут	MS Teams

Примечание: составлено авторами.

Оценка курса

Качественная оценка курса основана на обратной связи со стороны студентов и проведена в форме интервью со студентами старшим преподавателем экономического факультета ЧелГУ. Студенты оценивали следующие аспекты:

1) структура курса;
2) качество учебных материалов и аудиолекций на веб-сайте;
3) качество семинаров в MS Teams;
4) учебные часы;
5) учебный опыт;
6) языковые проблемы.

Результаты качественной оценки с использованием этих шести аспектов представлены в табл. 7.

Таблица 7

Качественная оценка курса

Аспект	Обратная связь
Структура курса	100% студентов указали, что структура курса соответствует теме курса и содержание курса не было перегружено вопросами, не соответствующими теме курса
Материалы курса и дидактика	100% студентов указали, что содержание курса имеет практическую направленность и учебный материал представлен в доступной форме
Уровень сложности	Одной трети студентов курс показался трудным. Остальные указали среднюю степень сложности
Барьеры для изучения	Основным препятствием для освоения курса две трети студентов отметили собственный недостаточный уровень владения английским языком
Дополнительная ценность для студентов	Студенты отметили приобретение новых знаний и опыта обучения на английском языке, а также получение знаний в области организации и реализации финансирования цепочек поставок на предприятии
Соответствие ожиданиям студентов	Содержание курса совпало с ожиданиями всех студентов

Примечание: составлено авторами.

Основными факторами успеха курса выступили новая учебная тема, использование дистанционного обучения и использование английского в качестве языка обучения и сдачи экзаменов. Мнение преподавателей о курсе, выработанное в ходе обсуждения результатов обучения, подтвердило оценку студентов, также был сделан вывод о том, что курс, возможно, лучше предлагать на уровне студентов старшего курса бакалавриата или первого года магистратуры, а не на уровне 3-го года бакалавриата. Будущие участники должны хорошо владеть английским языком и навыками самостоятельного обучения, когда студенты сами планируют свой учебный процесс. В этом пилотном курсе не нашло отражения развитие метакогнитивных компетенций (понимание студентами собственной способности решить определенную задачу на определенном уровне). Этот аспект может быть учтен в следующем курсе, например, путем использования в качестве дидактического инструмента серьезных игр, которые помогают определять задачи, которые необходимо решить, а также выбирать наиболее эффективные стратегии их решения.

Выводы и рекомендации

На основании мнения преподавателей и обратной связи со стороны студентов в этой части статьи будут сделаны выводы и даны рекомендации для следующего онлайн-курса, который состоится осенью 2021 г. По мнению студентов и преподавателей, участвовавших в онлайн-курсе «Финансирование цепочек поставок», обучение в рамках этого курса прошло успешно.

Для повышения результативности этого онлайн-курса авторами статьи выработаны требования к студентам, желающим принять участие в курсе «Финансирование цепочек поставок», а также способы оценки степени усвоения знаний.

Студенты должны обладать базовыми знаниями в следующих областях:

• управление цепочками поставок (SCM), логистика, закупки и маркетинг;

• информационные технологии (IT) и их применение в бизнесе, например, в виде систем управления ресурсами предприятия (ERP system — enterprise resource planning system);

• корпоративные финансы, особенно в области управления оборотным капиталом, и знание таких финансовых коэффициентов, как рентабельность капитала (ROE — return on equity), экономическая добавленная стоимость (EVA — economic value added) и т. д.;

• письменный и устный английский язык на хорошем уровне.

Студенты, желающие принять участие в онлайн-курсе SCF, должны находиться на заключительном этапе бакалавриата по экономике или бизнес-администрированию или проходить первый год обучения в магистратуре по экономике или бизнес-администрированию.

Одним из способов текущей оценки знаний студентов могут быть тестовые вопросы, размещенные

в системе дистанционного обучения Moodle. Итоговая оценка знаний по окончании курса может быть проведена в форме индивидуального устного экзамена, принимаемого экзаменатором онлайн в MS Teams или Zoom.

Другим способом оценки знаний может выступать небольшой исследовательский проект в конкретной компании, основанный на методике быстрого анализа финансирования цепочек поставок (SCF Quick Scan). Результаты такого проекта могут быть представлены на мини-конференции в виде плаката формата А3 в соответствии с методом презентации, описанным В. Вигелом [23]. Мини-конференция, организованная для студентов и предпринимателей, будет способствовать распространению полученных знаний как в образовательной, так и в деловой среде. Такая форма обсуждения может служить хорошим примером передачи теории в практику и наоборот, что важно для смешанного обучения (blended learning).

Для приобретения и оценки усвоения знаний также можно использовать серьезные игры, например онлайн-игру The Cool Connection, разработанную нидерландской компанией Inchainge [9]. Эта игра позволяет смоделировать работу в команде менеджеров для решения проблем SCF комплексным способом, помогающим преодолеть так называемое «замкнутое мышление» (silo thinking), и углубить знания по теме финансирования цепочек поставок в соответствии с принципом одноконтурного обучения, описанным Дж. Клабберсом [12], и принципом двухконтурного обучения, описанным К. Аргирисом [2].

Таким образом, использование серьезных онлайн-игр, во время которых международные студенческие команды участвуют в симуляциях бизнес-процессах и выступают в роли международных команд менеджеров, открывает еще одну возможность организации обучения в международной образовательной среде.

Список литературы

1. Agbanu P. G., Sonyo E., Region V., Ahiase G. G. Examining factors influencing student satisfaction in distance education in Ghana: a study of the institute for educational development and extension, University of Education, Winneba // The Online Journal of Distance Education and e-Learning. 2018. Т. 6, № 1. P. 33—44.

2. Argyris C., Schön D. Organizational Learning: A theory of action perspective. Massachusetts: Reading, 1978.

3. Balaban R. A., Gilleskie D. B., Tran U. A quantitative evaluation of the flipped classroom in a large lecture // The Journal of Economic Education. 2016. Т. 47, № 4. P. 269—287.

4. Biggs J. Constructive alignment in university teaching. Herdsa Review of Higher Education. Vol. 1. URL: https://www.herdsa.org.au/herdsa-review-higher-education-vol-1/5-22 (дата обращения 02.12.2020).

5. Bloom B. S., Engelhart M. D., Furst E. J., Hill W. H., Krathwohl D. R. Taxonomy of Educational Objectives. The classification of educational goals. London: Longmans, 1956.

6. Economics Network. Handbook for lecturers and graduate teaching assistants. URL: https://www.economicsnetwork.ac.uk/handbook/printable/full_handbook.pdf (дата обращения 21.12.2020).

7. Garrison D. R., & Vaughan N. D. Blended Learning in Higher Education: Framework, Principles, and Guidelines. Creative Education, 2008.

8. Hattie J. Visible learning for teachers: Maximizing impact on learning. Routledge, 2012.

9. Inchainge. The Cool Connection. URL: https://inchainge.com/business-games/tcc/ (дата обращения 21.12.2020).

10. Jansen J. H. Is supply chain finance ready to be applied in small and medium-sized enterprizes? // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 14. С. 135—154.

11. Jansen J. H. A Conceptual Model of Supply Chain Finance for SMEs at Operational Level — An Essay on the Supply Chain Finance Paradigm. Vervoerslogistieke Werkdagen, 2018.

12. Klabbers J. H. The magic circle: Principles of gaming & simulation. Brill Sense, 2009.

13. Kolb D. A. Experiential learning. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1984.

14. Kolb D. A. Experiential learning: experience as the source of learning and development. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1984.

15. Krathwohl D. R. A Revision of Bloom's Taxonomy: An Overview // Theory into practice. 2002. Vol. 41, № 4. P. 212—218.

16. Nienhuis T. Hoe online onderwijs kan bijdragen aan de leerprestaties van leerlingen bij algemene economie in het voortgezet onderwijs. Arnhem-Nijmegen: HAN University of Applied Sciences, 2020.

17. Nortvig A. M., Petersen A. K., & Balle S. H. A Literature Review of the Factors Influencing E-Learning and Blended Learning in Relation to Learning Outcome, Student Satisfaction and Engagement // Electronic Journal of E-learning. 2018. Vol. 16, № 1. P. 46—55.

18. OnlineSchools. The History of Online Schooling. URL: https://www.onlineschools.org/visual-academy/the-history-of-online-schooling/ (дата обращения 23.12.2020).

19. Sadeghi M.A shift from classroom to distance learning: Advantages and limitations // International Journal of Research in English Education. 2019. T. 4, № 1. P. 80—88.

20. Schroeff van der H. J. Kosten en Kostprijs. Amsterdam: Kosmos, 1964.

21. Sousa D. A. How the gifted brain learns. Corwin Press, 2009.

22. Vazquez J. J., Chiang E. P. Flipping out! A case study on how to flip the principles of economics classroom // International Advances in Economic Research. 2015. T. 21, № 4. P. 379—390.

23. Wiegel V. Lean in the classroom. Oxon: Routledge, 2020.

Сведения об авторах

Янсен Ян Хендрик — старший преподаватель Университета прикладных наук HAN, Арнем и Неймеген, Нидерланды. jan.jansen@han.nl

Ваганова Анна Сергеевна — старший преподаватель Челябинского государственного университета, Челябинск. Россия, asv@csu.ru

Верещагина Татьяна Александровна — кандидат экономических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. vereshchagina48@mail.ru

Калединова Елена Алексеевна — преподаватель Университета прикладных наук HAN, Арнем и Неймеген, Нидерланды. elena.kaledinova@han.nl

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 265—274.

ORGANISATION OF DISTANCE LEARNING IN AN INTERNATIONAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT: ONLINE COURSE “SUPPLY CHAIN FINANCE”

J. H. Jansen
HAN University of Applied Sciences, Arnhem and Nijmegen, The Netherlands. jan.jansen@han.nl

A. S. Vaganova
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. asv@csu.ru

T. A. Vereshchagina
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. vereshchagina48@mail.ru

E. A. Kaledinova
HAN University of Applied Sciences, Arnhem and Nijmegen, The Netherlands. elena.kaledinova@han.nl

The article gives a short overview of theories on didactics and distance learning used in the framework of an online course in English given by a lecturer from the Netherlands (HAN) to students of the faculty of Economics of Chelyabinsk State University (CSU) to let students get experience in distance learning in an international educational environment and acquire knowledge on the topic Supply Chain Finance (SCF). The teaching material of the course was represented by lectures recorded by J. Jansen and available online (principlesofsupplychainfinance.nl/scf-course/). Combination of the recorded lectures and online seminars for discussion of home assignments allows students to gain a deeper understanding of the topic SCF. The theories of Biggs, Garrison, Vaughan and Kolb were applied to provide students with the best modern experience of distance learning.

Keywords: *distance learning, Supply Chain Finance, flipping the classroom, blended learning, international educational environment.*

References

1. Agbanu P. G., Sonyo E., Region V., Ahiase G. G. (2018) *The Online Journal of Distance Education and e-Learning*, vol. 6, no. 1, pp. 33—44.

2. Argyris C., Schön, D. (1978) Organizational Learning: A theory of action perspective. Massachusetts, Reading.

3. Balaban R. A., Gilleskie D. B., Tran U. (2016) *The Journal of Economic Education*, vol. 47, no. 4, pp. 269—287.

4. Biggs J. (2014) *Herdsa Review of Higher Education*, vol. 1, pp. 5—22. Available at: https://www.herdsa.org.au/herdsa-review-higher-education-vol-1/5-22, accessed 02.12.2020.

5. Bloom B. S., Engelhart M. D., Furst E. J., Hill W. H., Krathwohl D. R. (1956) Taxonomy of Educational Objectives — The classification of educational goals. London: Longmans.

6. Economics Network. Handbook for lecturers and graduate teaching assistants. Available at: https://www.economicsnetwork.ac.uk/handbook/printable/full_handbook.pdf, accessed 21.12.2020.

7. Garrison D. R., Vaughan N. D. (2008) Blended Learning in Higher Education: Framework, Principles, and Guidelines. Creative Education.

8. Hattie J. (2012) Visible learning for teachers — Maximizing impact on learning. Oxon: Routledge.

9. Inchainge. The Cool Connection. Available at: https://inchainge.com/business-games/tcc/, accessed 21.12.2020.

10. Jansen J. H. (2016) *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 14, pp. 135—154.

11. Jansen J. H. (2018) A Conceptual Model of Supply Chain Finance for SMEs at Operational Level — An Essay on the Supply Chain Finance Paradigm. Vervoerslogistieke Werkdagen.

12. Klabbers J. H. (2009) The Magic Circle: Principles of Gaming & Simulation. Rotterdam, Sense.

13. Kolb D. A. (1984) Experiential learning. Englewood Cliffs, Prentice Hall.

14. Kolb D. A. (1984) Experiential learning: experience as the source of learning and development. Englewood Cliffs: Prentice Hall.

15. Krathwohl D. R. (2002) *Theory Into Practice*, vol. 41, no. 4.

16. Nienhuis T. (2020) Hoe online onderwijs kan bijdragen aan de leerprestaties van leerlingen bij algemene economie in het voortgezet onderwijs. Arnhem-Nijmegen: HAN University of Applied Sciences.

17. Nortvig A. M., Petersen A. K., Balle S. H. (2018) *Electronic Journal of E-learning*, vol. 16, no. 1, pp. 46—55.

18. OnlineSchools. The History of Online Schooling. Available at: https://www.onlineschools.org/visual-academy/the-history-of-online-schooling/, accessed 23.12.2020.

19. Sadeghi M. (2019) *International Journal of Research in English Education*.

20. Schroeff van der H.J. (1964) Kosten en Kostprijs. Amsterdam, Kosmos.

21. Sousa D. A. (2006) How the brain learns. Thousand Oaks, Corwin.

22. Vazquez J. J., Chiang E. P. (2015) Flipping Out! A Case Study on How to Flip the Principles. International Atlantic Economic Society.

23. Wiegel V. (2020) Lean in the classroom. Oxon, Routledge.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД
A FRESH VIEW

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 275—283.

УДК 332.1
ББК 65.04-55

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10333

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА И ЕГО СТОЛИЦЫ (КЕЙС ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Е. В. Рожков

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Рассмотрено текущее состояние внедрения информационно-коммуникационных технологий на уровне страны, региона и муниципалитета. Выявлены проблемы по внедрению процессов цифровизации: отсутствие в существующих нормативных документах и государственных программах контрольных точек реализации программы цифровизации и методического инструментария анализа полученных результатов при финансировании из федерального бюджета. Приведены примеры складывающейся ситуации в Пермском крае и на примере муниципального образования — города Перми, столицы региона, — обобщены имеющиеся в муниципалитете проблемы по применению современных информационно-коммуникационных технологий во всех сферах деятельности.

Ключевые слова: *цифровизация, «умный город», Интернет, новые технологии.*

За рубежом при изучении вопросов, связанных с информационно-коммуникационными технологиями, на уровне муниципалитетов все исследования сводятся в основном к изучению внедрения проекта «Умный город» [12]. В различных определениях, зарубежными авторами считается, что «умный город» представляет собой крупный концептуальный сдвиг в эволюции городской реформы во всем мире. Развитием и технологическим изменением концепции «умный город» мировые ученые занимались с 1990-х гг. Но широко этим вопросом в мировом экономическом сообществе стали заниматься в последние годы. В Европейском Союзе был внедрен ряд нормативов в области информационно-коммуникационных технологий, которые позволяют более успешно управлять муниципалитетом [21]. По данным международных баз научного цитирования Scopus и Web of Science, исследования в области цифровой трансформации проводятся более чем в 80 странах [11. С. 447].

В России к 2030 г. цифровая трансформация государственного управления должна достичь «цифровой зрелости», а вложения в отечественные решения в сфере инновационных технологий должны быть увеличены в 4 раза по сравнению с 2019 г. Также в соответствии с национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации» должны быть осуществлены федеральные проекты, такие как: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление» и т. д.

Одним из новых изменений в информационных технологиях в нашей стране стала эффективность общения населения с госорганами через официальный сайт «Госуслуги», который обеспечивает более широкий и быстрый доступ к государственным услугам. Население и органы государственной власти для взаимодействия используют такой инструмент, как Единая система идентификации и аутентификации (для централизации процесса регистрации, идентификации и авторизации пользователей и обеспечения доступа к электронному правительству) [3]. Уже сегодня в регионах при использовании цифровизации решаются имеющиеся проблемы, а именно: в сфере государственного и муниципального управления внедряются автоматизированные информационные системы.

В регионах все чаще стали проводить анализ инновационного развития, которое связано с усиливающейся ролью размещения инновационных компаний, их продукцией и их исследованиями, а также с формированием региональных инновационных кластеров и «пучков» конкурентоспособных отраслей [9. С. 243] и использованием компаниями эволюционных моделей управления инновационными процессами (гибридные A-S-G-модели) [2. С. 16].

В 2017 г. на уровне страны Пермский край занимал 35-е место среди субъектов Российской Федерации в рейтинге по развитию информационного общества [15]. В соответствии с «дорожной картой» в городах Пермского края проводится цифровое преобразование — цифровизация городского хозяйства (пилотный проект Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации) [15].

В настоящей статье рассматривается текущая ситуация с внедрением информационно-коммуникационных технологий на уровне муниципального образования. Автор представляет системный логический анализ различных этапов цифровизации и направлений развития современных городов [16]. Организационно-логическая схема процесса цифровой трансформации представляется созданием муниципальных цифровых сервисов и услуг в рамках комплекса мероприятий, основанных на цифровой трансформации [13].

На муниципальном уровне в области информационно-коммуникационных технологий в первую очередь зачастую ставится вопрос о сборе, обработке и анализе данных — для улучшения социальной и экономической ситуации и повышения качества жизни населения [4. С. 694]. К источникам данных в муниципальном образовании относятся: органы местного самоуправления, учреждения, службы ЖКХ, организации связи, Интернет, коммерческие компании и общественные объединения, население. Обмен и работа с данными требуют их описания и процессов передачи. В нормативных документах отсутствуют как таковые перечни источников городских данных, закрепленных на законодательном уровне. Выявляемые в научной литературе источники неэквивалентны по составу нормативно-регламентирующим документам [Там же]. Владельцев городских данных и типы данных сведем в табличном варианте (табл. 1).

В табл. 1 представлены некоторые типы данных на уровне муниципального образования и их владельцы. Положительный эффект от сбора данных для муниципалитета может реализоваться благодаря заключению партнерских отношений с организациями, предоставляющими эту информацию, а также с получением поддержки жителей города в реализации городских инициатив по сбору данных [Там же].

Например, Концепция развития цифровой экономики Пермского края предполагает наличие серьезных налоговых льгот для компаний IT-отрасли (1,1 % — налог на имущество; 0 % — налог для собственников имущества IT-технопарка) и широкого использования современных информационно-коммуникационных технологий в региональном управлении и управлении на уровне муниципальных образований.

Концепция цифровизации Пермского края складывается из двух направлений — предложения и спроса. Предложение на использование информационно-коммуникационных технологий будут формировать компании IT-отрасли, осуществляющих свою деятельность в области информационных технологий, и т. д. Спрос на информационные продукты будет формироваться жителями, органами местного самоуправления, государственными структурами и бизнес-структурами.

На территории города Перми находятся два IT-технопарка, это ООО «Морион Диджитал» (основные резиденты: АО «ЭР-Телеком Холдинг» — федеральный телеком-оператор и ПАО «Морион» — производитель автономных сервисных роботов Promobot) и ООО «Технопарк Пермь».

Таблица 1

Типы и владельцы городских данных

№ п/п	Тип данных	Владельцы данных
1	Открытые данные	Частный и государственный сектора экономики города
2	Частные данные	Принадлежат частным лицам и компаниям
3	Коммерческие данные	Генерируются в рамках коммерческой деятельности: могут носить как частный, так и общественный характер
4	Данные, собранные с помощью сенсорных устройств	Датчики, камеры видеонаблюдения, находящиеся как в частной собственности, так и в муниципальной и государственной
5	Данные, получаемые после анкетирования, опросов, а также электронных порталов	Собираются гражданами и предоставляются для общественности с использованием цифровых платформ

Источник: [4. С. 694].

Кроме того, с учетом развития IT-технопарков в Перми стала проявляться нехватка опытных специалистов в области IT-технологий. И учебные заведения высшего профессионального образования, территориально находящиеся в муниципалитете, получают только лишь претензии по поводу того, что они не выпускают таких специалистов, но при

этом они не получают ни муниципального заказа, ни заказа на уровне региональных властей, ни тем более федеральных. Соответственно, если нет заказа от органов власти по выпуску высококвалифицированных специалистов для определенной отрасли, нет и бюджетного финансирования. А в связи с тем, что IT-отрасль только-только начинает развиваться, в основном коммерциализирована и находится в частных руках, частный бизнес пока не готов финансировать высшие учебные заведения для подготовки кадров — а это уже институциональная проблема, которая не решится в ближайшие годдва без целенаправленной поддержки государства.

В современном экономическом развитии в качестве одного из базовых источников конкурентных преимуществ высокотехнологичных компаний называют создание определенного типа сети — технологической платформы [10].

В соответствии с национальным проектом «Умный город», реализуемым Минстроем России, до 2024 г. все города нашей страны с численностью населения свыше 100 тыс. чел. должны в него войти, и в 2019 г. Пермь вошла в этот проект. «Умный город» — комплекс технических решений и организационных мероприятий, создающих условия для удобной жизни, работы и ведения бизнеса. Реализация программы «Умный город» включает восемь подпрограмм: городское управление, «умное» ЖКХ, инновации для городской среды, «умный» городской транспорт, интеллектуальные системы общественной и экологической безопасности, инфраструктура сетей связи, туризм и сервис.

В Перми реализация программы «Умный город» происходит по нескольким подпрограммам, а именно: цифровая платформа «Активный горожанин»; «Цифровой двойник»; «Интеллектуальный центр городского управления» (внедрение единой диспетчерской службы города) (автором статьи было предложено создать в 2012 г. при личном обращении к главе города Перми); «Умное ЖКХ»; «Инновации» (энергоэффективное городское освещение); «Умный городской транспорт»; «Интеллектуальные системы общественной безопасности»; «Интеллектуальные системы экологической безопасности» [12].

Развитие городской среды происходит всесторонне, и стремительное развитие происходит в самом обществе, информационных технологиях и соцсетях. При этом более востребованными становятся инструменты работы с новыми социальными и электронными группами и формирование соответствующего этим группам контента. Создание системы городских платформ и сервисов позволяет стимулировать вовлечение жителей в процессы принятия городских решений, а системы оперативного мониторинга будут предоставлять оперативные сведения по интересующим население вопросам [18].

Управлять этой программой целесообразно по методологии системного подхода, рассматривающей ее в контексте устойчивого развития, как сложную социальную и динамическую структуру. При этом следует применять такие основы организации управления, как: реализация потенциала коллективного интеллекта на основе данных в распределенных человеко-машинных цифровых системах и т. д. [7].

Учеными города Перми отмечается, что использование программного обеспечения, которое характерно для традиционной экономики, замедляется, а использование программ, которые направлены на цифровые технологии, стабильно растет. Увеличение использования программ для закупки и продажи товаров в 2020 г. свидетельствует о резкой трансформации традиционной коммерции в интернет-ресурсы (из-за ограничений, введенных в 2020 г. в общественной жизни). Наибольший рост наблюдался в классах программ, реализующих CRM-, ERP- и SCM-системы [1].

Возможности — цифровизация регионов это реагирование экономики на новые технологические тренды в стране. Для достижения цели цифровизации региона необходимо увеличить приток кадровых, инфраструктурных и финансовых ресурсов, выступающих в качестве основы долгосрочного роста IT-сектора, а также увеличить спрос на продукцию и услуги сектора.

Проблемы — отсутствие в существующих нормативных документах и государственных программах контрольных точек реализации программы цифровизации и методического инструментария анализа полученных результатов при финансировании из федерального бюджета. Кроме того, при всеобщем внедрении цифровизации необходимо заранее выработать решение возникающих проблем, таких как: распространение (и/или утечка) информации; рост мошенничества с персональными данными людей; сокращение привычных рабочих мест в различных сферах; отсутствие у работающих сотрудников навыков работы с использованием новых технологий, а также необходимость изменения философии мышления людей.

Концепция развития цифровой экономики Пермского края рассчитана на период вплоть

до 2024 г., и основные ее целевые показатели представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, все целевые показатели региональной концепции нацелены на предприятия IT-отрасли Пермского края, но, учитывая, что в основном все ее представители сосредоточены в городе Перми, соответственно, столице региона и предстоит их реализовать. В Перми в разных секторах экономики активно продвигаются IT-технологии, и тем не менее доля предприятий именно в этой отрасли составляет примерно 2—3 % от общего количества. Благодаря поддержке региональных властей имеется определенный потенциал в развитии: сотовой связи (до 5G); машинного обучения; Интернета вещей. А цифровизация других отраслей положительно скажется на уровне жизни жителей города.

IT-технологии внедряются на крупных и средних предприятиях города, в таких отраслях, как: химия, фотоника, генетика, биотехнологии, связь, фармацевтика и т. д. К основным представителям этих отраслей можно отнести ряд предприятий: «ЭР-Телеком Холдинг», «ПНППК», «Инкаб», «Инверсия-Сенсор», «Сибур» и др.

Развитие информационно-коммуникационных технологий на муниципальном уровне основано на нескольких направлениях: кадры, кооперация и конкуренция:

1. Проблематичным направлением видится подготовка квалифицированных специалистов, которые способны грамотно внедрять информационные и коммуникационные технологии в государственных и муниципальных учреждениях, и на предприятии, и в бизнес-структурах. Подготовкой таких специалистов в Перми занимаются более 10 высших учебных заведений по 12 IT-направлениям.

2. Кооперация. Например, ПГНИУ помогает «ЭР-Телеком Холдингу» в реализации некоторых проектов (эффективность любых таких разработок окажется в разы больше при условии объединения ресурсов двух компаний).

3. Конкуренция. Конкуренция между городами существует, изначально необходимо при сравнении исключить города федерального значения, и тогда останутся наиболее крупные города, в которых и сосредоточены основные компании IT-отрасли. Но конкуренция городов также основывается на региональной политике — в бюджетной политике регионов по возможности снижена ставка налога на прибыль таких компаний. Например, в Пермском крае — до 13,5 %, в Новосибирской и Пензенской областях — 15,5 %, в Челябинской области — 16,5 %.

В Перми создаются преимущества в конкуренции развития IT-компаний, которые не позволяют останавливаться на достигнутом, мотивируют руководство компаний двигаться вперед, разрабатывать новую, более совершенную продукцию.

Кроме того, на базе основных предприятий IT-отрасли учеными-экономистами Перми предлагается организовать кластер информационно-коммуникационных технологий, особенностью которого будут: технологическая гибкость, влияние на повышенную производительность для других отраслей экономики и сервисно-промышленная направленность [8. С. 74].

Перед городскими властями стоит несколько задач по внедрению информационно-коммуникационных технологий:

— в сфере организации управления муниципальным хозяйством: инициировать постановку

Таблица 2

Цели Концепции развития цифровой экономики Пермского края

№ п/п	Целевой показатель	Источник	Год	
			2017	2024
1	Доля IT-сектора в экономике	По виду деятельности «в области информации и связи» к показателю «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами»	2,1	4
2	Численность занятых в IT-секторе	Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций по виду деятельности «в области информации и связи»	16 000	22 000
3	Место в рейтинге по уровню развития информационного общества среди всех субъектов РФ	Рейтинг Минкомсвязи России	35	10

Источник: [17].

задач АСУ с обеспечением высокой эффективности результатов; увеличить финансирование в IT-технологии; обеспечить новыми IT-кадрами;

— в сфере развития «Электронного муниципалитета»: на основе единого информационного центра проводить обработку информации и принятие соответствующих управленческих решений;

— в сфере управления изменить организацию работы на основе совершенных информационных систем.

В целях повышения эффективности управления и распоряжения муниципальным имуществом начиная с 2021 г. органам местного самоуправления следует размещать в системе «Управление» отчетность об эффективности управления и распоряжения муниципальным имуществом. Также для решения тех или иных текущих проблем в ЖКХ необходимо решить ряд управленческих задач, к которым можно отнести привлечение денежных средств: соответствующее финансирование из средств федерального бюджета; задействование внебюджетных источников (гранты благотворительных организаций, средства общественных организаций, частные пожертвования); средства местных фондов (региональных и муниципальных); средства граждан; частные инвестиции.

На уровне муниципального образования к 2024 г. может быть сформирована многоуровневая диспетчеризация и созданы цифровые площадки для систем «умных» датчиков для сбора данных о работе городских служб и сетей. В основном это коснется компаний энергоснабжения и газоснабжения. Также при принятии в городе в эксплуатацию системы сбора и анализа данных о работе дорожной техники и техники по сбору и транспортировке твердых коммунальных отходов можно будет видеть онлайн, что происходит в городе, какие имеются проблемы, и моментально реагировать на ситуации. Кроме того, реализуется государственная программа по энергоэффективной эксплуатации муниципальных зданий и сооружений, снижению затрат на их эксплуатацию, установке энергоэффективных фасадных систем при проведении капитального ремонта зданий и т. д.

Реализация новых технологий позволит детализировать для населения тарифы ЖКХ по аналогии с тарифами сотовых операторов, а именно: «эконом», «оптимум» и «безлимит».

Центром финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления «Сколково» разработана версия рейтинга «Цифровая Россия». Данный индекс отражает состояние процессов цифровизации, уровень использования потенциала цифровых технологий.

Процесс цифровизации оценивается не только с точки зрения достижения целей, но и с точки зрения его публичности. Индекс «Цифровая Россия» оценивает этот процесс на основе публичных упоминаний в открытых источниках с учетом достоверности событий. Каждое событие отнесено к одному из следующих показателей: нормативное регулирование, кадры, исследовательские компетенции, информационная инфраструктура, информационная безопасность, экономические показатели и социальные эффекты. Далее показатели оцениваются через субфакторы, которыми являются события, факты и иная информация, полученная из открытых источников. Придерживаясь данной методики, можно заключить, что цифровизация городов более успешно проводится в Центральном, Северо-Западном, Уральском и Приволжском округах, так как большинство крупных городов страны находятся именно в этих четырех территориях.

Многообразие предлагаемых вариантов и сторон реализации инвестиционных проектов и их результатов формирует многообразие вариантов оценки их эффективности [6], тем более для руководителей муниципальных образований в основном это является новинкой, и если на эти цели закладываются расходы в бюджет муниципального образования, то в процентном отношении они будут иметь незначительную долю, так как у городской администрации довольно много обязательств перед жителями. Вследствие этого для реализации проекта «Умный город» на местном уровне недостаточно будет федеральных и региональных поступлений, необходимо привлекать инвестиционные средства [19] на уровне муниципального образования. Наиболее подходящие методы финансирования инвестиций в создание «Умных городов» можно определить как инвестиционное кредитование и бюджетное инвестирование [Там же].

Также необходимо отметить, что малые и средние города имеют свою специфику (свою методику) по определению оценки эффектов от цифровизации [20]. Такая специфика позволяет разложить анализируемые эффекты по трем направлениям: человеческий капитал, экономика услуг и мобильность. Инвестиции в человеческий капитал. Экономика услуг, а не товара (диверсификация, экономия, открытость). Город как часть системы расселения [Там же].

В 2020 г. Минстрой России официально представил рейтинг цифровизации российских городов [14].

Рейтинг содержит 47 показателей по 10 направлениям, таким как: городское управление, «умное» ЖКХ, инновации для городской среды, «умный» городской транспорт, интеллектуальные системы безопасности, туризм, интеллектуальный сервис, интеллектуальные системы социальных услуг, инвестиционный климат, инфраструктура сетей связи [14].

Поданным рейтинга Минстроя, места распределились следующим образом [Там же]:

• По городам с численностью более 1 млн чел. (15 городов) первые шесть мест заняли: Москва (81,19 балла), Казань (52,58), Санкт-Петербург (50,37), Нижний Новгород (46,50), Уфа (42,05), Пермь (39,77).

• По городам с численностью от 250 тыс. до 1 млн чел. (63 города) первые места заняли: Химки (66,32 балла), Балашиха (Московская область) (59,38), Тюмень (58,31).

• По городам с численностью от 100 тыс. до 250 тыс. чел. (93 города) первые места заняли: Реутов (71,35 балла), Серпухов (63,5), Электросталь (61,88).

• По городам с численностью менее 100 тыс. чел. в рейтинг вошли 20 муниципальных образований, первое, второе и третье места заняли: Дубна (72,48 балла), Ивантеевка (62,18) и Наро-Фоминск (41,02) соответственно (все — Московская область).

Также необходимо отметить, что при определении уровня цифровизации городов учитываются не только инфраструктура, но и формирование системы использования современных технологий — «цифровых компетенций» пользователей сетей [20]. Вероятность реализации программы «Умный город» в некоторых городах Пермского края (табл. 3):

Таблица 3

Реализация программы «Умный город» в Пермском крае

№ п/п	Город	Численность населения, тыс. чел.	Вероятность (%)
1	Пермь	1048,0	Высокая (90—99)
2	Березники	141,2	Средняя (60—89)
3	Соликамск	108,5	Средняя (60—89)
4	Чайковский	104,3	Средняя (60—89)

Примечание: составлено автором.

Как видно из табл. 3, вероятность выполнения программы «Умный город» в регионе невелика. В Пермском крае краевым центром является Пермь, численность населения которой —более 1 млн чел. и которая, соответственно, имеет дополнительное финансирование из регионального и федерального бюджетов. Городов с численностью населения более 150 тыс. и до 1 млн чел. в регионе нет. Три города с численностью от 100,0 тыс. до 150,0 тыс. чел. и несколько городов с численностью менее 100,0 тыс. чел. (которые не вошли в программу «Умный город»). До 2024 г. Пермь вполне сможет реализовать проект по цифровизации на высоком уровне (до 99%). Города Березники, Соликамск и Чайковский, по мнению автора, реализовать программу смогут с вероятностью от 60 до 89% (в основном это будет связано с недофинансированием этой программы из вышестоящих бюджетов).

Аналитическая информация с интернет-поисковиков «Яндекс» и «Гугл» показывает, что увеличилось количество поисковых запросов, связанных с цифровизацией, а именно с цифровой трансформацией как бизнеса, так и по конкретным брендам поставщиков платформ и соответствующего программного обеспечения. Например, рост количества запросов увеличился на 20% по вопросам, связанным с CRM-системами, а запросы по технологиям RPA увеличились на 100%. В наименьшей степени запросы касались системы электронного документооборота (несмотря на то, что многие компании направили своих сотрудников на удаленную работу).

Цифровая экономика Пермского края включает две составляющие: предприятия и население региона. Есть пять направлений, реализация которых позволяет достичь цели концепции развития цифровой экономики в Пермском крае [5]:

— Во-первых, создание инфраструктурных и организационных условий для развития цифровой экономики (устранение «цифрового неравенства» для всех муниципалитетов в крае, создание технопарков в сфере высоких технологий).

— Во-вторых, обеспечение кадрового и научного развития цифровой экономики. Создание суперсервиса для повышения цифровой грамотности с возможностью применения теории при решении практических задач.

— В-третьих, внедрение цифровых технологий в производственной сфере.

— В-четвертых, применение цифровых технологий в бюджетной сфере. В государственных и муниципальных структурах отказ от бумажного оборота документооборота, а также предоставление различных справок в электронном виде. Финансовая

поддержка на конкурсной основе компаний, использующих высокие технологии в медицине. Оказание своевременной технологичной медицинской помощи по месту требования. Внедрение региональной медицинской информационной системы и автоматизации работы скорой медицинской помощи.

— В-пятых, комплексное внедрение технологий «умного города» в муниципальных образованиях. Интеллектуальное управление городским общественным транспортом. Внедрение фото- и видеофиксации в дорожном движении. Оцифровка инфраструктуры, чистая вода и чистый воздух. Внедрение систем интеллектуального учета коммунальных ресурсов, автоматизированного контроля исполнения заявок потребителей и устранения аварий. Энергоэффективное городское освещение, включая архитектурную и художественную подсветку. Использование возможностей Интернета в парадигме Интернета вещей дает возможность автоматизации парковочных мест в центральной части как города Перми, так и других городов региона. Управление водными и энергетическими ресурсами и т. д.

Показывая пример на одном городе-миллионнике, можно убедиться, что своими собственными средствами городу не справиться с необходимостью внедрения информационно-коммуникационных технологий, и поэтому как на федеральном, так и на региональном уровне должны быть утверждены многолетние программы по софинансированию этих подпрограмм и выделению целенаправленных дотаций.

Список литературы

1. Болотов А. М. Развитие информационных и коммуникационных технологий в Пермском крае как предпосылка формирования цифровой экономики // Современная торговля: теория, практика, инновации: материалы IX Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Пермь, 2020. С. 3—9.

2. Дубровский В. Ж., Иванова Е. М. Интегрированная A-S-G-модель как этап эволюции систем управления инновационными процессами на промышленном предприятии // Управленец. 2017. № 5 (69). С. 10—17.

3. Земскова И. А. Трансформация качества государственных услуг под влиянием цифровизации государственных органов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 3 (72). С. 23—28.

4. Кононова О. В., Павловская М. А. Технологии цифровой экономики в проектах умный город: участники и перспективы // Современные информационные технологии и IT-образование. 2018. Т. 14, № 3. С. 692—706.

5. Концепция развития цифровой экономики Пермского края в 2018—2024 гг. // Министерство информационного развития и связи Пермского края. URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/05/perm (дата обращения 30.12.2020).

6. Кувшинов М. С., Комарова Н. С. Совершенствование методического инструментария оценки инвестиционных проектов // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 5 (404). С. 2—14.

7. Львов Л. В. Организационные основы управления «умным городом» // Актуальные проблемы экономики, бизнеса, образования и культуры: материалы всерос. науч.-исслед. конф. Челябинск, 2019. С. 84—88.

8. Миролюбова Т. В., Суханова П. А. Особенности создания организованного кластера информационно-коммуникационных технологий в Пермском крае // Вестник Пермского университета. Сер.: Экономика. 2013. № 4 (19). С. 74—80.

9. Мокроносов А. Г., Анисимов А. В. Совершенствование институциональной среды стратегического проектирования нематериальных активов территории // Труды ВЭО России. 2019. Т. 215, № 1. С. 239—263.

10. Орехова С. В., Кузьмин Е. А., Ярошевич Н. Ю. Новая промышленная политика в условиях развития технологических платформ // Материалы IV Всероссийского симпозиума по региональной экономике. Екатеринбург, 03—04 окт. 2017 г. С. 78—83.

11. Пешкова А. А. Анализ мирового опыта цифровой трансформации промышленности // Цифровая трансформация промышленности: тенденции, управление, стратегии: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 447—455.

12. Приказ заместителя министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства А. В. Чибис «Об утверждении базовых и дополнительных требований к умным городам (стандарт «Умный город»)». 2019.

13. Прокопова Л. И. Разработка комплексных мероприятий по повышению эффективности системы управления муниципальным образованием на основе цифровой трансформации // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 4. С. 226—234.

14. Рейтинг умных городов России. URL: http://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения 30.12.2020).

15. Рожков Е. В. Инновационная деятельность промышленных предприятий (на примере Пермского края) // Инновации. 2017. № 4 (222). С. 114—120.

16. Семячков К. А. Этапы становления цифровой экосреды современных городов // Региональная экономика и управление: электрон. науч. журн. 2020. № 2 (62).

17. Сердюкова О. А. Цифровая экономика Пермского края: состояние и перспективы развития // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 8. С. 138—144.

18. Фролова Е. А. Цифровая экономика: муниципальный аспект // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 1 (75). С. 17—21.

19. Халин В. И. Методы и формы финансирования реальных инвестиций // Финансовые и правовые аспекты социального ориентированного инвестирования: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2019. С. 210—213.

20. Цифровизация в малых и средних городах России // Высшая школа урбанистики. 2018. 23 с. URL: htpps://urban.hse.ru/news/ 220104443 html (дата обращения 30.12.2020).

21. Jucevicius R., Patadene I., M. Patadene M. Digital dimension of smart city: Critical analysis // Procedia-Social and Behaviard Science. 2014. No. 156. P. 146—150.

22. Masik G., Sagan I., Scott J. Smart City strategies and new urban development policies in the Polish context // Cities. 2020. No. 108. P. 1—9.

Сведения об авторе

Рожков Евгений Викторович — соискатель кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия. rozhkov@pochtobank.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 275—283.

APPLICATION OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE MUNICIPALITY

E. V. Rozhkov

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia. rozhkov@pochtobank.ru

The current level of implementation of information and communication technologies at the country, regional and municipal levels are considered. The author identified problems in the implementation of digitalization processes — the absence in existing regulatory documents and state programs of control points for the implementation of the digitalization program and methodological tools for analyzing the results obtained with funding from the federal budget. The examples of the current situation in the Perm Territory are given and on the example of the municipal entity the city of Perm, the capital of the region, the existing problems in the municipality on the use of modern information and communication technologies in all spheres of activity were generalized.

Keywords: *digitalization, Smart city, Internet, new technologies.*

References

1. Bolotov A. M. (2020) Modern trade: theory, practice, innovation. Materials of the IX All-Russian (with international participation) scientific and practical conference. Perm. Pp. 3—9 [in Russ.].

2. Dubrovsky V. Zh., Ivanova E. M. (2017) *Upravlenetc*, no. 5 (69), pp. 10—17 [in Russ.].

3. Zemskova I. A. (2018) *Vestnik Sarahtovskogo gosudarstvennogo sotcial'no-e'konomicheskogo universiteta*, no. 3 (72), pp. 23—28 [in Russ.].

4. Kononova O. V., Pavlovskaya M. A. (2018) *Sovremennye informatcionnye tekhnologii i IT-obrazovanie*, vol. 14, no. 3, pp. 692—706 [in Russ.].

5. Kontseptsiya razvitiya tsifrovoy ekonomiki Permskogo kraya v 2018—2024 gg. Ministerstvo informatsionnogo razvitiya i svyazi Permskogo kraya [The concept of the development of the digital economy of the Perm Territory in 2018—2024. Ministry of Information Development and Communications of the Perm Territory]. Available at: http://d-Russians/wp-content/uploads/2018/05/perm, accessed 30.12.2020 [in Russ.].

6. Kuvshinov M. S., Komarova N. S. (2015) *Ekonomicheskiy analiz: teoriia i praktika*, no. 5 (404), pp. 2—14 [in Russ.].

7. Lvov L. V. (2019) Current problems of economics, business, education and culture. Materials of the All-Russian Research Conference. Chelyabinsk. Pp. 84—88 [in Russ.].

8. Mirolyubova T. V., Sukhanov P. A. (2013) *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Ekonomika*, no. 4 (19), pp. 74—80 [in Russ.].

9. Mokronosov A. G., Anisimov A. V. (2019) *Trudy VEO Rossii*, vol. 215, no. 1, pp. 239—263 [in Russ.].

10. Orekhova S. V., Kuzmin E. A., Yaroshevich N. Yu. (2017) Materials of the IV All-Russian Symposium on Regional Economics. Yekaterinburg. Pp. 78—83 [in Russ.].

11. Peshkova A. A. (2019) Digital transformation of industry: trends, management, strategies. Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Pp. 447—455 [in Russ.].

12. (2019) Prikaz zamestitelya ministra stroitel'stva i zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva A. V. Chibis "Ob utverzhdenii osnovnykh i dopolnitel'nykh trebovaniy k umnym gorodam (standart Smart City)" [Order of the Deputy Minister of Construction and Housing and Communal Services A. V. Chibis "On approval of basic and additional requirements for smart cities (Smart City standard)"] [in Russ.].

13. Prokopova L. I. (2020) *Innovatcii*, vol. 10, no. pp, 226—234 [in Russ.].

14. Reyting umnykh gorodov Rossii. [Rating of smart cities in Russia]. Available at: http://www.tadviser.ru/index.php, accessed 30.12.2020 [in Russ.].

15. Rozhkov E. V. (2017) *Innovatcii*, no. 4 (222), pp. 114—120 [in Russ.].

16. Semyachkov K. A. (2020) *Regional'naia ekonomika i upravlenie*, no. 2 (62) [in Russ.].

17. Serdyukova O. A. (2019) *E'konomika i biznes: teoriia i praktika*, no. 8, pp. 138—144 [in Russ.].

18. Frolova E. A., Shcherbe E. G. (2019) *Vestnik Sarahtovskogo gosudarstvennogo sotcial'no-ekonomicheskogo universiteta*, no. 1 (75), pp. 17—21 [in Russ.].

19. Khalin V. I., Yuzvovich L. I. (2019) Financial and legal aspects of social oriented investment. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg. Pp. 210—213 [in Russ.].

20. (2018) Tsifrovizatsiya malykh i srednikh gorodov Rossii [Digitalization in small and medium-sized cities of Russia]. 23 p. Available at: htpps://urban.hse.ru/news/220104443.html, accessed 30.12.2020 [in Russ.].

21. Jucevicius R., Patadene I., Patadene M. (2014) *Procedia-Social and Behaviard Science*, no. 156, pp. 146—150.

22. Masik G., Sagan I., Scott J. (2020). *Cities*, no. 108, pp. 1—9.

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 3 (449). Экономические науки. Вып. 72. С. 284—289.

УДК 338.4
ББК 65.291

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10334

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ КОНКУРЕНТОУСТОЙЧИВОСТИ ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ КОМПАНИЙ

А. Г. Геокчакян
Государственный университет управления, Москва, Россия

Актуальность рассматриваемой темы определяется тем, что конкуренция и конкурентная среда — одни из определяющих факторов развития компаний практически любой сферы деятельности. Такая ситуация не является исключением и для проектно-ориентированных компаний. Автор рассматривает особенности исследования конкурентоустойчивости организации, а также сущностные различия и взаимосвязь понятий «конкурентоустойчивость» и «конкурентоспособность» проектно-ориентированных компаний. Основной целью являлось исследование факторов обеспечения конкурентоустойчивости проектно-ориентированных компаний, в статье выделен и проанализирован ряд соответствующих факторов. Они, по мнению автора, представляют собой необходимую основу для поддержания конкурентной позиции компании и преумножения конкурентных преимуществ. В заключение определены взаимосвязь и взаимовлияние этих факторов.

Ключевые слова: *конкурентоустойчивость, проектно-ориентированные компании, влияние внешней среды, портфель проектов, факторы устойчивости, система управления.*

В современных экономических условиях, характеризующихся процессами глобализации, интернационализации, кастомизации, индивидуализации, вопрос завоевания, укрепления и расширения рыночных позиций является одним из ключевых. Практически все современные компании задаются вопросами: «Как увеличить рынок сбыта?», «Какой товар надо вывести на рынок?», «Где и как найти новых клиентов?», «Что нужно потенциальным клиентам?», «Какие слабые стороны существуют в организации?», «Что мешает организации быть успешной?» и т. д. Эти проблемы связаны с понятиями конкуренции, конкурентной позиции и конкурентоспособности.

Конкурентоспособность, по сути, представляет собой способность компаний удовлетворять потребности клиентов путем производства соответствующих товаров и услуг. Такое понимание является наиболее общим и широким. Вообще понятие «конкурентоспособность» изучало большое количество ученых-экономистов, теоретиков и практиков менеджмента, например А. Смит, М. Портер, Ж.-Ж. Ламбен, И. Ансофф, О. Виханский, Й. Шумпетер, Э. Чемберлин и др. [12. С. 5]. Большинство из перечисленных ученых являются идеологами стратегического менеджмента, в связи с чем можно говорить, что понятия конкуренции и конкурентоспособности имеют стратегический характер [14. С. 746].

Рассматривая понятие «конкурентоспособность», Н. В. Надеин считает, что оно характеризует в первую очередь внешнюю среду организации и показывает ее возможности и позиции в разрезе отрасли, рынка, конкурентов — всего того, что находится «за пределами организации» [13. С. 157]. Говоря о понятии конкурентоспособности, понимаем, что воздействовать на него можно опосредованно, потому что оно включает в себя ряд элементов и факторов, которые не поддаются прямому воздействию руководства компании.

В связи с этим возникают вопросы «внутреннего» развития организации, которые являются практически полностью управляемыми факторами. Такая логика исследования определяет необходимость рассмотрения более сложного и глубоко содержательного понятия — конкурентоустойчивость, которую следует понимать, как возможность организации сохранять свою конкурентную позицию и свои конкурентные преимущества в течение долгого времени под воздействием дестабилизирующих факторов [1. С. 51], формирования и использования совокупного конкурентного потенциала [9. С. 185].

Конкурентоустойчивость поддерживает и обеспечивает конкурентоспособность. Как известно, удержать конкурентную позицию намного сложнее, чем ее завоевать, поскольку для завоевания используются агрессивные методы, после чего организация «расслабляется», а другие компании, наоборот, проявляют все свои возможности для завоевания рынка и устранения конкурентов.

Поэтому любая компания должна стремиться поддерживать устойчивость конкурентной позиции, используя для этого все свои внутренние возможности. В этом и заключается идея понятия и обеспечение самой конкурентоустойчивости.

В рамках данного исследования автором рассматривался вопрос конкурентоустойчивости проектно-ориентированных компаний. К проектно-ориентированным можно отнести такие компании, больше половины прибыли от основной деятельности которых получается за счет осуществления проектов и программ. Основное отличие от не проектно-ориентированных компаний заключается в форме и содержании управления — проектное, а не операционно-процессное [2. С. 29]. Естественно, что и понятие, и процессы обеспечения конкурентоустойчивости в проектно-ориентированной компании существенно отличаются. Целью данной статьи является выявление и исследование факторов конкурентоустойчивости проектно-ориентированных компаний.

Под факторами конкурентоустойчивости будем понимать элементы и процессы в организации и в ее системе управления, которые позволяют сохранять конкурентную рыночную позицию и конкурентные преимущества в долгосрочной перспективе. При этом при исследовании факторов конкурентоустойчивости необходимо помнить про разницу конкурентоустойчивости и конкурентоспособности и рассматривать именно те факторы, которые позволяют сохранять и развивать совокупный конкурентный потенциал организации и конкурентную позицию на рынке [6. С. 136], а также противостоять дестабилизирующему воздействию внешней среды на организацию.

Конкурентоустойчивость организации в целом определяется рациональным и своевременным реагированием на изменения внешней среды. К основным факторам конкурентоустойчивости проектно-ориентированных компаний можно отнести:

— Постоянное наличие необходимого объема материально-технических ресурсов — на этапе разработки проектов и программ составляются графики закупки и использования ресурсов. Наличие ресурсов крайне важно для своевременной реализации проектов, недопущения простоев в ходе реализации, поддержания конкурентной позиции, поскольку серьезная задержка в сдаче проекта заказчику и вывода на рынок может привести к его неактуальности и невостребованности, что, в свою очередь, негативно повлияет на конкурентоустойчивость самой организации.

— Сбалансированный портфель проектов организации — совокупность проектов, реализуемых проектно-ориентированной организацией. При этом проекты в составе портфеля находятся на различных этапах: какие-то реализуются, какие-то разрабатываются, какие-то готовы к сдаче. Поэтому для поддержания конкурентоустойчивости в организации в любой момент должны осуществляться проекты на всех стадиях, нельзя допускать чтобы все проекты были готовы к сдаче (скоро они будут сданы и последующее время организации будет не от чего получать прибыль, пока новые проекты не пройдут весь жизненный цикл), и, наоборот, нельзя, чтобы все проекты инициировались и разрабатывались (поскольку основную прибыль приносят проекты на завершающих этапах). Таким образом, портфель проектов должен быть сбалансированным, то есть содержать проекты на различных этапах реализации;

— Внедрение и использование инновационных технологий — применение инновационных производственных технологий в любой организации необходимо, оно позволяет сокращать затраты на производство, повышать качество выпускаемой продукции. Аналогичный эффект и в проектно-ориентированных компаниях от применения инновационных технологий к разработке и реализации проектов. Инновационные технологии в целом являются двигателем развития организации, и, если компании хотят быть конкурентоустойчивыми, они обязаны их использовать [16. С. 200]. Иначе конкуренты за счет инновационных технологий получат дополнительные преимущества, укрепят свою конкурентную позицию, это позволяет вывести конкуренцию на другой, более высокий уровень, на котором будет невозможно конкурировать [10. С. 257];

— Определенный уровень финансовой свободы — организация должна иметь определенный уровень свободных денежных средств для покрытия незапланированных затрат. Необходимый объем этих свободных средств определяется спецификой реализуемых компанией проектов и партнерских связей. Свободные финансовые средства позволяют компании покрывать неожиданно появляющиеся затраты, не прибегая к кредитам и займам, при этом решать проблему оперативно и без вреда осуществляемым проектам [3. С. 199];

— Специфика отношений с контрагентами — состав и характер взаимоотношений с поставщиками, клиентами, партнерами, кредиторами в определенной мере влияет на обеспечение

конкурентоустойчивости проектно-ориентированной компании. Чем более устойчивы и более стабильны контрагенты компании, тем меньше от них можно ожидать дестабилизирующего воздействия, которое может выражаться в несвоевременных или некачественных поставках ресурсов, в требовании быстрого возврата долга, начислении большого объема процентов, несвоевременной оплате выполнения определенных этапов проекта, негативном представлении компании во внешней среде. Для поддержания и развития конкурентоустойчивости компании необходимо взаимодействовать исключительно с добросовестными контрагентами, при этом отношения должны четко регулироваться различными видами договоров [11].

— Высокий уровень квалификации персонала — квалифицированный персонал является залогом успеха деятельности и устойчивости организации. К руководителю проектов и программ выдвигаются высокие дополнительные требования, заключающиеся в навыках формирования и управления командой; навыках организации корпоративного обучения и адаптации членов команды проекта к новым методам управления [15. С. 132]; умении организовывать эффективное взаимодействие с заказчиком, поставщиками, подрядчиками, другими контрагентами и стейкхолдерами проекта; возможностях осуществления контроля и мониторинга хода осуществления проекта; необходимости построения системы коммуникаций; навыках эффективного поиска и обработки информации и др. [5. С. 6]. Квалифицированная команда проекта обеспечит успех реализации проекта и тем самым конкурентоустойчивость самой проектно-ориентированной компании.

— Грамотно выстроенная система проектно-ориентированного управления — организация управления является основой конкурентоустойчивости организации, так как качественная система управления может связать все факторы конкурентоустойчивости воедино и преумножить их [8. С. 45]. Система управления проектно-ориентированной компании обеспечивает эффективное управление проектами и программами, обеспечения их ресурсами, контроль соблюдения основных параметров проекта (стоимость, продолжительность и качество), функционирование системы коммуникаций, внедрение изменений в проект, управление рисками и т. д. Как правило, ключевым звеном управления проектно-ориентированной компанией является проектный офис или проектный комитет, интегрирующий в себе все основные функции по контролю проектов и регулированию состава портфеля проектов [4. С. 97].

— Низкий уровень экологической опасности реализуемых проектов — высокий уровень вредных выбросов в атмосферу, негативное техногенное воздействие на окружающую среду в процессе осуществления проектов априори несет дестабилизирующее воздействие на организацию, поскольку возникает необходимость осуществления большого количества природоохранных мероприятий и несения дополнительных затрат на соблюдение требований контрольно-регулирующих органов. Кроме того, как все знают, одним из наиболее популярных направлений современного развития является «зеленая» экономика и «зеленое» управление проектами, обеспечивающие минимизацию негативного воздействия на окружающую среду, поэтому высокий уровень экологической опасности проектов также серьезно подрывает имидж организации.

— Юридическая «чистота» реализуемых проектов — юридическая «грамотность» и «чистота» проектной деятельности являются очень важным фактором обеспечения конкурентоустойчивости проектно-ориентированных компаний, поскольку любые юридические нарушения грозят административной ответственностью как и самой компании, так и команде проекта. Ответственность и наложенные ограничения на осуществляемый проект могут привести не только к увеличению срока его реализации и невозможности выполнения всех требований заказчиков, но и к запрету на дальнейшее осуществление проекта. Такие санкции приведут к серьезным проблемам в деятельности проектно-ориентированной организации и негативно скажутся на общей конкурентоустойчивости.

— Наличие функционирующего регламента внесения изменений в проект — управление изменениями является одной из ключевых функций проектного управления. Понятие изменений вообще является основой любого проектного планирования, ведь уникальность проектного управления заключается именно в его гибкости и готовности к изменениям. Изменения представляют собой отклик на требования внешней среды проекта. Именно поэтому наличие внутреннего регламента внедрения изменений является крайне важным для осуществления реакции проекта на внешнюю среду и одним из ключевых факторов обеспечения конкурентоустойчивости, которая, в свою очередь, позволит проектам быть конкурентоспособным.

— Эффективная система внутренних коммуникаций — система коммуникаций крайне важна в деятельности проектно-ориентированных компаний. Коммуникации обеспечивают согласование операционных действий как в рамках одного проекта, так и между разными проектами общего портфеля; бесперебойное регулирование хода исполнения проектов, что, в свою очередь, влияет на общий успех проекта [7. С. 685].

— Объем и содержание инвестиционного портфеля компании — сбалансированный инвестиционный портфель обусловливает уверенность компании и всех ее партнеров в стабильности деятельности организации и ее будущем. Инвестиционный портфель, который выражается в совокупности различных ценных бумаг, вкладов, инвестиций компании, обеспечивает наличие минимально необходимого финансирования компании даже в самые тяжелые периоды. Наличие дополнительных финансовых средств, которые образуются за счет получения выгод от инвестиционного портфеля, обеспечивает поддержание конкурентоустойчивости организации.

Проведенный автором анализ конкурентоустойчивости проектно-ориентированных компаний позволил выделить основные факторы ее обеспечения. Поддержание и укрепление конкурентоустойчивости позволяет развивать конкурентоспособность компании, завоевывать новые рынки и новые ниши, повышать качество производимой продукции и в результате — получать большую прибыль [17. С. 70]. Однако для этого необходимо обратить внимание на внутренние возможности организации, ее внутренний потенциал, формирующиеся именно за счет тех факторов, которые были выделены. Для дальнейшего исследования факторов конкурентоустойчивости проектно-ориентированных компаний необходимо рассмотреть их взаимосвязь (см. рисунок ниже).

Очевидно, что практически все факторы связаны между собой и любое изменение одного отдельно взятого фактора ведет к изменению состояния остальных и конкурентоустойчивости в целом. Дальнейшее изучение факторов конкурентоустойчивости проектно-ориентированных компаний может быть связано с исследованием степени влияния каждого фактора на конкурентоустойчивость в целом, а также с анализом изменения данного влияния в зависимости от состояния всех факторов.

Взаимосвязь факторов конкурентоустойчивости проектно-ориентированных компаний

Примечание: составлено автором по результатам исследования.

Список литературы

1. Акопян Д. В., Суворов И. А. Сравнительный анализ понятий «конкурентоустойчивость» и «конкурентоспособность» организаций сферы услуг // Вестник университета. 2019. № 4. С. 50—54.

2. Брикошина И. С., Геокчакян А. Г., Михалевич Н. В., Никитин С. А., Павловский П. В. Анализ готовности компаний угольной промышленности к переходу на проектно-ориентированное управление // Уголь. 2020. № 10 (1135). С. 28—32.

3. Воронцова Ю. В., Геокчакян А. Г., Махова Н. И. Исследование методической базы управления затратами для ее эффективного использования при управлении стоимостью проекта // Вестник университета. 2016. № 6. С. 197—201.

4. Геокчакян А. Г., Брикошина И. С. Моделирование процесса обеспечения доходности проектно-ориентированных организаций на основе функционирования проектного офиса // Сборник научных трудов по материалам 1-й Всероссийской научно-практической конференции. М.: ГУУ, 2019. С. 95—100.

5. Геокчакян А. Г., Брикошина И. С. Развитие ключевых профессиональных компетенций проджект-менеджера цифровой формации // Управление проектами: карьера и бизнес: материалы всерос. науч.-практ. конф. 2019. С. 5—7.

6. Гусева М. Н., Брикошина И. С. Изменение конкурентоспособности проектно-ориентированных компаний в условиях вступления России в ВТО // Вестник университета. 2013. № 19. С. 133—138.

7. Гусева М. Н., Коготкова И. З., Сороко Г. Я. Исследование новых способов реализации внутренней коммуникационной стратегии проектно-ориентированных компаний // Экономика и предпринимательство. 2018. № 6 (95). С. 684—687.

8. Гусева М. Н. Организационные изменения бизнеса ради роста конкурентоспособности // Российское предпринимательство. 2011. № 11—2. С. 42—47.

9. Зеленцова Л. С. Механизм формирования устойчивых конкурентных преимуществ организации // Вестник университета. 2012. № 11. С. 183—188.

10. Кокин А. С., Яковлева Г. Н. Показатели устойчивости организации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 3 (1). С. 256—261.

11. Малышкин Н. Г. Договорная работа как инструмент снижения рисков проектного управления: дис. … канд. экон. наук. М., 2006.

12. Мерзлов И. Ю. К вопросу о содержании понятия «конкурентоспособность» // Ars Administrandi. 2012. № 3. С. 5—13.

13. Надеин Н. В. Теоретические исследования формирования и развития конкурентоспособности организаций // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 2 (124). С. 157—163.

14. Скребова О. А., Коготкова И. З. Концепция разработки конкурентоспособных инновационных стратегий организаций инвестиционно-строительного комплекса // Экономика и предпринимательство. 2015. № 11-1 (64). С. 744—748.

15. Сычева С. М. Взаимосвязь организационной культуры компании и системы внутрифирменного обучения // Вестник университета. 2015. № 3. С. 131—140.

16. Титова Н. В., Титов С. А., Чернышев В. П., Титаренко Р. Б. Стратегические инновации как инструмент созданию конкурентных преимуществ компаний // Фундаментальные исследования. 2015. № 10—11. С. 198—202.

17. Titov S., Nikulchev E., Brikoshina I., Suetin S. Client communications and quality satisfaction in project-based company // Quality — Access to Success. 2020. Т. 21, № 174. С. 68—71.

Сведения об авторе

Геокчакян Артем Геворгович — ассистент кафедры управления проектом Государственного университета управления, Москва, Россия. geokchakyan@guu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 3 (449). Economic Sciences. Iss. 72. Pp. 284—289.

RESEARCH OF FACTORS OF COMPETITIVE STABILITY OF PROJECT-ORIENTED COMPANIES

A. G. Geokchakyan
State University of Management, Moscow, Russia. geokchakyan@guu.ru

The relevance of the topic is determined by the fact that competition and the competitive environment are one of the determining factors in the development of companies in almost any field of activity. This situation is no exception for project-oriented companies. In the article, the author considers the features of the study of the organization's competitive stability, as well as the essential differences and interrelation of the concepts of "competitive stability" and "competitiveness" of project-oriented companies. The main purpose of the author was to study the factors of ensuring the competitive stability of project-oriented companies, the article highlights and analyzes several relevant factors. According to the author, they are a necessary basis for maintaining the company's competitive position and increasing its competitive advantages. In conclusion, the author defines the relationship and mutual influence of these factors.

Keywords: *competitive stability, project-oriented companies, environmental impact, project portfolio, sustainability factors, management system.*

References

1. Akopyan D. V., Suvorov I. A. (2019) *Vestnik universiteta*, no. 4, pp. 50—54 [in Russ.].
2. Brikoshina I. S., Geokchakyan A. G., Mihalevich N. V., Nikitin S. A., Pavlovskij P. V. (2020) *Ugol'*, no. 10 (1135), pp. 28—32 [in Russ.].
3. Voroncova Yu. V., Geokchakyan A. G., Mahova N. I. (2016) *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 197—201 [in Russ.].
4. Geokchakyan A. G., Brikoshina I. S. (2019) *Sbornik nauchnyh trudov po materialam 1-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Pp. 95—100 [in Russ.].
5. Geokchakyan A. G., Brikoshina I. S. (2019) *Upravlenie proektami: kar'era i biznes: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Pp. 5—7 [in Russ.].
6. Guseva M. N., Brikoshina I. S. (2013) *Vestnik universiteta*, no. 19, pp. 133—138 [in Russ.].
7. Guseva M. N., Kogotkova I. Z., Soroko G. Y. (2018) *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 6 (95), pp. 684—687 [in Russ.].
8. Guseva M. N. (2011) *Rossijskoe predprinimatel'stvo*, no. 11-2, pp. 42—47 [in Russ.].
9. Zelencova L. S. (2012) *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 183—188 [in Russ.].
10. Kokin A. S., Yakovleva G. N. (2010) *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no. 3 (1), pp. 256—261 [in Russ.].
11. Malyshkin N. G. (2006) Dogovornaya rabota kak instrument snizheniya riskov proektnogo upravleniya [Contractual work as a tool to reduce project management risks. Thesis]. Moscow [in Russ.].
12. Merzlov I. Y. (2012) *Ars Administrand*i, no. 3, pp. 5—13 [in Russ.].
13. Nadein N. V. (2015) *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (124), pp. 157—163 [in Russ.].
14. Skrebova O. A., Kogotkova I. Z. (2015) *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 11-1 (64), pp. 744—748 [in Russ.].
15. Sycheva S. M. (2015) *Vestnik universiteta*, no. 3, pp. 131—140 [in Russ.].
16. Titova N. V., Titov S. A., Chernyshev V. P., Titarenko R. B. (2015) *Fundamental'nye issledovaniya*, no. 10—11, pp. 198—202 [in Russ.].
17. Titov S., Nikulchev E., Brikoshina I., Suetin S. (2020) *Quality — Access to Success*, vol. 21, no. 174, pp. 68—71.